

Великая Отечественная: Неизвестная война

1945

Владимир
БЕШАНОВ

Год победы

Великая Отечественная: Неизвестная война

Сканировал и создал книгу - vtaKhaHkov

Владимир Бешанов

1945
Год победы

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2011

УДК 355/359
ББК 68
Б 57

Оформление серии *П. Волкова*

Бешанов В. В.
Б 57 1945. Год победы / Владимир Бешанов. — М. :
Яуза-пресс, 2011. — 544 с. — (Великая Отечественная:
Неизвестная война).

ISBN 978-5-9955-0244-9

Эта книга завершает 5-томную историю Великой Отечественной войны от Владимира Бешанова. Это — итог 10-летней работы по переосмыслению советского прошлого, решительная ревизия военных мифов, унаследованных от сталинского агитпропа, бескомпромиссная полемика с историческим официозом. Это — горькая правда о кровавом 1945-м, который был не только годом Победы, но и БЕДЫ — недаром многие события последних месяцев войны до сих пор обходят молчанием, архивы так и не рассекречены до конца, а самые горькие, «неудобные» и болезненные вопросы по сей день остаются без ответов:

Когда на самом деле закончилась Великая Отечественная война? Почему Берлин не был взят в феврале 1945 года и пришлось штурмовать его в апреле? Кто в действительности брал Рейхстаг и поднял Знамя Победы? Оправданны ли огромные потери советских танков, брошенных в кровавый хаос уличных боев, и правда ли, что в Берлине сторела не одна танковая армия? Кого и как освобождали советские войска в Европе? Какова подлинная цена Победы? И кто на самом деле победил во Второй Мировой войне?

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0244-9

© Бешанов В. В., 2011
© ООО «Издательство «Яуза-пресс», 2011

«Бой кремлевских курантов в Москве возвестил начало года 1945-го.

Этот Новый год мы встречали как год наступающей победы. Ни у кого не было сомнений, что именно в этом году война завершится полным разгромом гитлеровской армии, полным освобождением поработанных народов Европы. Близился час, которого вот уже несколько лет с нетерпением ждали все советские люди, час вступления наших войск на территорию захватчиков».

Маршал В.И. Чуйков

«Потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его».

Фельдмаршал М.И. Кутузов

ЧУДО ПОБЕДЫ

В условиях патриотического подъема, раздуваемого в связи с 65-летней годовщиной победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, все чаще, и притом с самых высоких трибун, звучат обещания и указания не допустить переписывания истории. Когда политики говорят об истории, которую они считают одним из разделов «Справочника агитатора и пропагандиста», становится неловко: почему бы им не блеснуть познаниями астрофизики или квантовой механики?

И в очередной раз хочется спросить: «Разве есть что переписывать?»

Перелистаем учебник, изданный в 2009 году в Москве. Учебник написан «с учетом современного уровня исторической науки» и рекомендован Министерством образования и профессионального обучения Российской Федерации для студентов, аспирантов и преподавателей вузов:

«Война доказала превосходство социалистического строя над капиталистическим во всех областях. Морально-политическое единство советских людей, патриотизм, дружба народов СССР, справедливые цели войны породили массовый героизм на фронте, трудовой подвиг народа в тылу. Победу в

Великой Отечественной войне обеспечили мощь советских вооруженных сил, превосходство советской военной науки и военного искусства над военной наукой и военным искусством Германии... Организатором и вдохновителем победы советского народа явилась Коммунистическая партия, рядовые коммунисты — политические бойцы боевого фронта и трудового тыла...

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне была закономерной. Ее истоки заложены в огромных социально-экономических завоеваниях, достигнутых советским народом за годы Советской власти. Социалистическая система хозяйства обеспечила могущество и невиданную мобильность советской экономики».

Снимем с полки сорокалетней давности фолиант, вышедший под эгидой Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС:

«Разумеется, случайностей в ходе войны было немало, и они в какой-то степени влияли на вооруженную борьбу. Но конечный итог гигантской схватки был обусловлен рядом закономерностей. Важнейшие из них — преимущества экономической и политической организации социалистического общества, его передовой марксистско-ленинской идеологии...

В годы войны, как и в мирное время, испытанным вождем советских людей, их вдохновителем и организатором являлась наша славная Коммунистическая партия».

Таким образом, хрущевский шеститомник вкупе с жуковскими мемуарами остаются истиной в последней инстанции, «самыми правдивыми книгами о войне». Прямо скажем, не впечатляет «современный уровень исторической науки». Но прильнем к первоисточнику:

«Наша победа означает, прежде всего, что победил наш советский общественный строй... Война показала, что советский общественный строй является подлинно народным строем, выросшим из недр народа и пользующимся его могучей поддержкой, что советский общественный строй является вполне жизнеспособной и устойчивой формой организации общества. Советский общественный строй оказался бо-

лее жизнеспособным, чем несоветский общественный строй, что советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой несоветский общественный строй. Наша победа означает, что победил наш советский государственный строй... Наша победа означает, в-третьих, что победили советские Вооруженные силы, победила наша Красная Армия, что Красная Армия героически выдержала все невзгоды войны, наголову разбила армии наших врагов и вышла из войны победительницей...

Дружба народов нашей страны выдержала все трудности и испытания войны и еще более закалилась в общей борьбе всех советских людей против фашистских захватчиков...

В годы Отечественной войны партия предстала перед нами, как вдохновитель и организатор всенародной борьбы против фашистских захватчиков».

Ну вот, стоит копнуть чуть глубже «современного уровня», и обязательно упруешься в «корифея всех наук» — либо «Краткий курс ВКП(б)», либо «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Это и есть то святое, что высочайше велено не трогать. Рассказывать о реальных событиях и фактическом положении дел по-прежнему непатриотично и даже враждебно по отношению к собственному народу. Складывается впечатление, что современная Россия считает себя не просто правопреемницей СССР, но и прямо отождествляет себя с ним. Осталось только вернуть на свое законное место главное, о чем давно мечтают, а сегодня уже требуют коммунисты: «Своими всемирно-историческими победами народы СССР обязаны величайшему вождю и полководцу Генералиссимусу Советского Союза И.В. Сталину».

Между тем Гитлер, сверяясь с четырехлетним планом, тоже строил «рабочий социализм», с централизованной экономикой, управляемым рынком, социальными гарантиями и первомайскими демонстрациями. В Третьем рейхе было достигнуто нерушимое единство нации, правда, полмиллиона граждан «неарийской национальности» пришлось объявить вне закона и построить для них концлагеря. Партия во главе с величайшим вождем и полководцем организовывала и вдохновляла на борьбу за идеалы национал-социализма и «жиз-

ненное пространство». Гитлеровские генералы активно отрабатывали самые передовые концепции военной науки. «Политических бойцов» в Вермахте не имелось, но стойкость и мужество немецкого солдата сомнений не вызывают.

Однако Германия все-таки потерпела поражение.

Это повод поговорить о закономерности и случайности.

То, что Гитлер в конце концов сломал себе шею, — закономерный итог любого диктатора, замахнувшегося на мировое господство. А вот то, что Советский Союз оказался в числе победителей, — нонсенс, чудо, если хотите.

СССР должен был проиграть войну, поскольку:

1. Германия имела мощную промышленность, производившую самые современные образцы военной техники, высококвалифицированные инженерные и рабочие кадры. К моменту начала войны с СССР на Третий рейх работали чехословацкие заводы «Шкода», французская фирма «Рено», голландские и бельгийские электротехнические и химические заводы, угольные шахты Силезии. Нейтральная Швеция поставляла немцам сталь и цветные металлы, нейтральная Швейцария — точные приборы, благодарная Финляндия — лес и марганец, дружественные Венгрия и Румыния — нефть.

В Советском Союзе, несмотря на гигантские усилия и колоссальные средства, потраченные на индустриализацию, остро ощущалась «нехватка общей технической и промышленной культуры, обусловившая отсутствием современных научных разработок, необходимого технического опыта и дефицит квалифицированных кадров».

2. Германия обладала научным потенциалом. Уже в ходе войны были разработаны и частично приняты на вооружение образцы, которые в СССР изучали и копировали все послевоенное десятилетие: новое поколение танков и подводных лодок, реактивные самолеты, крылатые, баллистические и зенитные ракеты, планирующие авиабомбы. Тайные проекты нацистов до сих пор будоражат воображение. Немецкие инженеры уже в ходе войны создали то, что советские конструкторы копировали все послевоенное десятилетие.

В «первой в мире стране социализма» наличие интеллекта

считалось признаком принадлежности к враждебным классам: уплывали из страны пароходы философов и уходили эшелоны инженеров, прислоняли к стенке агрономов-вредителей и шпионов-конструкторов. Уничтожались буржуазные и создавались пролетарские науки, к примеру, астроботаника. Мимо прошли изобретения турбины, гидролокатора, инфракрасной оптики, циклотрона, телевидения...

3. Германия имела союзников — Италию, Японию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Словакию, Хорватию, Финляндию, Испанию.

Благодаря «мудрой политике партии» СССР, совершивший агрессию против шести государств, исключенный из Лиги Наций, оказался в международной изоляции и остался один на один с немецкой военной машиной, не имея ни одного союзника или хотя бы страны, относящейся к нему с симпатией. Не стоит вспоминать о Монголии: страна, в которой квартируют чужеземные войска, чье правительство в полном составе вывезено в Москву и расстреляно по советским законам, называется не союзником, а протекторатом.

В Лондоне, провозгласившем своей целью уничтожение гитлеризма, не без оснований полагали, что «с каждым днем все определеннее Советский Союз выступает в качестве союзника Германии». В ответ из Кремля клеймили британцев как «поджигателей войны» и с апломбом доказывали, что бороться с гитлеризмом — бессмысленная и преступная затея.

4. Германия имела лучшую в мире армию, прекрасно вооруженную, обученную, освоившую «блицкриг», уже привыкшую побеждать. Красная Армия была обезглавлена, лишена инициативы, плохо обучена, в результате освободительных походов находилась на враждебной территории и морально была не готова к оборонительной войне.

По всем расчетам, после мощного нокаутирующего удара «красный колосс» должен был рухнуть. Такой удар, к изумлению Сталина, планировавшего воевать исключительно на чужой территории, последовал 22 июня 1941 года. Красная Армия, получив директиву всеми силами и средствами «обрушиться» на врага и уничтожить, немедленно приступила к нанесению ответных «сокрушительных ударов». Некоторое

время в Кремле питали иллюзии, что «непобедимая и легендарная» в кратчайшие сроки вышвырнет врага со священной советской земли. Вместо этого последовал сокрушительный разгром первого стратегического эшелона. К 9 июля, то есть всего за 18 суток, было потеряно 12 тысяч танков, 4 тысячи самолетов, 19 тысяч орудий, 770 тысяч бойцов и командиров. По пыльным дорогам брели бесконечные колонны пленных, а «братья по классу» и не думали поворачивать штыки против собственного правительства. Сталин, объявив войну Отечественной, а себя Верховным Главнокомандующим, пытался руководить боевыми действиями привычными методами: искал врагов, расстреливал и перетасовывал командующих, приставил к ним комиссаров, терзал их мелочной опекой, объявил всех попавших в плен предателями. Ничего не помогало: «Барбаросса» реализовывался даже с опережением графика; излюбленной темой застольных разговоров фюрера в те дни были планы будущего устройства «Великогермании», ее организации, принципов управления и тех богатств, которые хлынут в рейх с Востока. Во второй половине июля пал Смоленск, в сентябре немцы блокировали Ленинград и захватили Киев, в октябре ворвались в Донбасс и Крым, взяли Орел и вышли к Туле. 15 ноября началась битва за Москву. В гигантских «котлах» окончательно прекратила свое существование кадровая Красная Армия.

Иосиф Виссарионович всерьез задумался о возможности заключения с немцами мира по типу Брест-Литовского, когда большевики ради сохранения власти откупились огромными территориальными уступками и репарациями. Случись такое, неизвестно, как повернулся бы ход Второй мировой войны. Возможно, первые атомные бомбы упали бы не на Хиросиму и Нагасаки, а на Гамбург и Бремен.

СССР проигрывал войну с Германией, и неизбежно проиграл бы ее, если бы сражался в одиночку. Однако, став жертвой гитлеровской агрессии, Советский Союз автоматически обрел союзников в лице англоамериканцев. Как известно, «у Британии нет вечных врагов», а вечные интересы диктовали необходимость в схватке двух тоталитарных режимов поддерживать более слабого и менее опасного. Последовательный ан-

тикоммунист Черчилль немедленно протянул Сталину руку помощи, а за спиной англичан стояли ресурсы доминионов и колоний и экономическая мощь Соединенных Штатов, еще не вступивших в войну, но уже принявших закон о ленд-лизе. 12 июля 1941 года было подписано советско-английское соглашение о совместных действиях в войне против Германии. В августе США и Великобритания заключили Атлантическую хартию, к которой 24 сентября присоединился СССР. «Первое в мире пролетарское государство» чудесным образом стало членом «антигитлеровской коалиции демократических стран». Согласно подписанному 1 октября в Москве протоколу западные державы обязались поставлять ежемесячно 400 самолетов, 500 танков, большое количество грузовых автомобилей, металл, высокооктановый бензин, паровозы, продовольствие, порох и многое другое, без чего, как указывал Сталин в переписке с Черчиллем, «Советский Союз либо потерпит поражение... либо потеряет надолго способность к активным действиям на фронте борьбы с гитлеризмом». Практически сразу Верховный начал требовать от новоприобретенных союзников открытия второго фронта в Северной Франции или Скандинавии, а советскому народу 6 ноября открыл глаза: «Одна из причин неудач Красной Армии состоит в отсутствии второго фронта в Европе против немецко-фашистских войск... Обстановка теперь такова, что наша страна ведет освободительную войну одна, без чьей-либо военной помощи».

Потом, задним числом, наши историки сочинят «для студентов и аспирантов»: «Победа СССР тем более знаменательна, что она была достигнута самостоятельно, ибо удельный вес всех поставленных товаров для СССР союзниками во Второй мировой войне был ничтожен». А тогда, по свидетельству Н.С. Хрущева, в узком кругу соратников Вождь «прямо говорил, что если бы США нам не помогли, то мы бы эту войну не выиграли: один на один с гитлеровской Германией мы не выдержали бы ее натиска и проиграли войну».

Правда, и фюрер германской нации сильно недооценил ресурсные возможности противника и способность коммунистического режима к мобилизации. Уже в августе в Берли-

не начали сомневаться в возможности закончить Восточный поход до зимы. 11 августа генерал Гальдер сделал в дневнике примечательную запись: «Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс Россия, который сознательно готовился к войне со всей безудержностью, свойственной тоталитарным режимам, был нами недооценен». И Гитлер вскоре понял, куда он вломился: «Это не что иное, как одна-единственная фабрика по производству оружия за счет снижения жизненного уровня людей. Фабрика оружия, направленная против Европы!»

Советский Союз всегда готовился к войне с «капиталистическим окружением». Советское политическое руководство, руководствуясь догмами марксизма-ленинизма, желало ее, сделало все, чтобы она началась, и старательно подбрасывало дрова в разгорающийся мировой пожар. Ради того, чтобы сказать в этой войне решающее слово, была внедрена командная система распределения ресурсов, проведены коллективизация и индустриализация, «победивший пролетариат» получил семидневную рабочую неделю и был прикреплен к станку с 14 лет, по всей стране строились лагеря и парашютные вышки, пропагандировались идеи интернационализма и книги Шпанова. Из репродукторов звучало: «Если завтра война, если завтра в поход». Ради «великой цели» были произведены десятки тысяч самолетов и танков, горы оружия и военной амуниции. Милитаризация экономической и общественной жизни в СССР достигла такой степени, какой Германия не знала на пике своих военных усилий. Развязанный в стране террор призван был уничтожить любую потенциальную оппозицию, искоренить инакомыслие и приучить народ «к порядку» (даже Гитлер в конце концов признал «сталинскую правду» и сожалел, что не перестрелял в превентивных целях половину своих генералов). А низкий уровень жизни в стране, объявленной «военным лагерем» задолго до войны, позволили населению стойко перенести все лишения. Одно-го Сталин со товарищи точно не ожидал — что войну придется вести Отечественную.

В условиях войны тоталитарная система обеспечила устойчивость государства в период самых тяжелых испытаний.

Военные поражения не привели к революции, как это случилось с царской Россией в 1917 году, советский народ «не выгнал свое правительство», хотя, признал Сталин, имел на это полное право. Советское руководство сделало очень сильный стратегический ход, отдав приказ о перебазировании промышленности на восток. С одной стороны, этим были созданы предпосылки для восстановления массового военного производства в местах, куда нацисты и не мечтали попасть. С другой стороны, эвакуация заводов и фабрик либо их разрушение (вместе с шахтами и электростанциями) срывали немецкие планы быстрой организации производства на базе оккупированных районов. Такое грандиозное мероприятие — переброска за Урал 1523 промышленных предприятий, огромных масс людей, которые прямо под открытым небом начинали выдавать продукцию и не имели права вернуться в родные края до 1953 года, — было невозможно без сверхцентрализации власти и чудовищной эксплуатации «тружеников тыла», какую Гитлер не мог себе представить: он так и не додумался поставить немецких женщин к станкам или посадить их за рычаги трактора.

Армия, во всяком случае ее верхушка, беспрекословно повиновалась Верховному Главнокомандующему. Низкий уровень подготовки перекрывался готовностью воевать, не считаясь с людскими потерями. Для тех военнослужащих, чей моральный дух был недостаточно высок, распространялись пункты приказа № 270 и другие меры по укреплению дисциплины:

«Не знающая жалости дисциплина, которую бы не выдержала ни одна другая армия, превратила неорганизованную толпу в необычайно мощное оружие войны. Дисциплина — главный козырь коммунизма, движущая сила армии. Она также явилась решающим фактором и в достижении огромных политических и военных успехов Сталина».

Надо признать, что именно Сталин, целенаправленно создававший эту систему, только и мог ею управлять с максимальной эффективностью.

Разгромив первый стратегический эшелон, немцам пришлось биться со вторым, затем с третьим эшелонам, потом

под гусеницы «панцеров» легли ополченцы, и «совсем уже была наша победа», но неизвестно откуда вдруг появились так называемые «сибирские дивизии». К началу декабря 1941 года немецкое наступление на Москву выдохлось, ударные группировки были измотаны и обескровлены, план «Барбаросса» рухнул, другого плана у немцев не было. Провал «блицкрига» поставил Германию перед перспективой затяжной войны на два фронта, требующей колоссальных средств, материальных и людских ресурсов. Красная Армия незамедлительно перешла в контрнаступление и отбросила врага от Москвы на 150—300 километров, нанеся ему значительные потери в живой силе и особенно в технике.

К Сталину начала возвращаться былая уверенность, и он поставил перед Красной Армией задачу «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев». На этот раз переоценило свои силы и недооценило силу сопротивления войск противника советское командование.

Вермахт устоял в зимней кампании. Неудачи в России не проникли глубоко в сознание немцев еще и потому, что с декабря 1941 года начались крупные успехи японцев на Тихоокеанском театре военных действий. На радостях Гитлер и Муссолини тоже объявили войну Америке, хотя «стальной пакт» их к этому не обязывал. Возможно, фюрер лелеял надежду на то, что японцы в качестве ответного жеста выступят против СССР, но те предпочли отделаться выражениями благодарности. Тем не менее вступление Японии в войну оказало Германии большую психологическую поддержку и имело важное военное значение. Считалось, что Соединенные Штаты теперь надолго будут отвлечены собственными проблемами и не смогут оказывать существенной помощи Великобритании и Советскому Союзу, что, в свою очередь, отдаляло решение вопроса об открытии второго фронта. Немцам казалось, что у них еще есть время для окончательного решения русского вопроса.

В мае 1942 года «гитлеровские мерзавцы» в рамках подготовительных мероприятий разгромили пять советских армий

в Крыму и под Харьковом, а 28 июня перешли в генеральное наступление, поставившее Советский Союз на грань катастрофы. В течение месяца немцы захватили Донбасс и Ростов, овладели рядом плацдармов на левом берегу Дона, затем пали Краснодар и Майкоп. 21 августа «эдельвейсы» капитана Грота установили нацистские флаги на вершине Эльбруса, а 23 августа 16-я танковая дивизия генерала Хубе выкатилась на берег Волги севернее Сталинграда.

Под немецкой оккупацией оказались богатейшие сельскохозяйственные и промышленные районы страны, более 70 миллионов населения, что грозило полным развалом экономики в течение считанных месяцев. «Если оглянуться, — вспоминал Н.С. Хрушев, — то скажу, что, когда мы отступали, я не мог представить себе, как же мы сумеем выйти из этого положения». Сталин издал знаменитый приказ № 227, в котором указывал: «У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше — значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину».

Однако Гитлер своими руками демонтировал план «Блау», чему были и объективные, и субъективные причины. Главное, самого Вермахта уже не хватало для удержания завоеванных территорий. К тому же идиотская расовая идеология нацистов не способствовала пробуждению дружественных чувств среди покоренных аборигенов, да и не стремилась к этому. Сталин это быстро понял и с блеском выиграл идеологическую войну:

«Он ослабил пресс, придавивший церковь, ввел погоны в армии, тем самым возродив дореволюционные традиции, упразднил институт комиссаров, распустил Коминтерн, реабилитировал многих арестованных ранее военачальников. Великие полководцы прошлого — Суворов, Кутузов, еще недавно обливаемые грязью самим Сталиным, вновь вернулись на русские знамена. Их именами были названы новые ордена. И народ сплотился, тем более что немцы своими безобразиями, убийствами, насилием над мирным населением уничтожили всякие иллюзии, связанные с ними в начале войны. Немцы увидели перед собой единый, вставший против них народ».

Под лозунгом защиты Отечества заново созданная Красная Армия начала выигрывать сражения. Победы под Сталинградом и Курском вместе с дополнительной помощью союзников позволили стабилизировать военную экономику. Война покатила на запад.

В 1943 году странам «Оси» противостояло две трети населения земного шара — более 20 стран с огромными сырьевыми и промышленными ресурсами. Конечно, вклад каждой из них был различен, не такой «решающий», как вклад Советского Союза, но все они делали общее дело. К примеру, в составе 5-й американской армии сражалась бразильская пехотная дивизия, Бразилия поставляла в США каучук, марганец, никель, вольфрам, технические алмазы и не поставляла их Германии, а мексиканские пилоты охраняли союзные конвои. После выхода Италии из войны, поражения в битве за Атлантику и операции «Оверлод» военное поражение Третьего рейха сделалось неизбежным, стратегическая авиация союзников методично уничтожала немецкую промышленность и превращала в руины города.

Красная Армия в 1944 году полностью освободила от оккупантов территорию СССР, вывела из войны Финляндию, захватила Румынию и Болгарию, вторглась в Венгрию и Словакию, вышла непосредственно к границам Третьего рейха. Армия стала побеждающей, об этом, в частности, говорит и постановление ГКО от 29 октября 1944 года о расформировании заградительных отрядов в связи с тем, что «необходимость в их содержании отпала».

Собственно говоря, по определению и по аналогии с 1812 годом Отечественная война советского народа закончилась. Начинаясь Заграничный поход Красной Армии.

К концу 1944 года страны антигитлеровской коалиции располагали огромным военно-экономическим потенциалом и вооруженными силами, значительно превосходившими Вермахт.

В составе Вооруженных Сил СССР имелось 9,4 миллиона человек, 244,4 тысячи орудий и минометов, 35,4 тысячи танков и самоходных установок, 43,3 тысячи боевых самолетов.

На фронте протяженностью 2200 километров действовали 10 фронтовых объединений, 51 общевойсковая, 6 танковых, 10 воздушных армий и 2 фронта ПВО страны — 473 стрелковые, воздушно-десантные и кавалерийские дивизии, 21 танковый, 12 механизированных корпусов. В резерве Ставки находились управления двух фронтов, четырех общевойсковых и двух воздушных армий, четыре танковых и механизированный корпуса, 20 стрелковых дивизий. Вместе с советскими войсками сражались польская, две румынские, болгарская армии, чехословацкий армейский корпус.

Всего на советско-германском фронте Красная Армия имела 6,7 миллиона человек, 118 тысяч орудий и минометов, 12 тысяч танков и САУ и 22 тысячи боевых самолетов.

Германское командование имело на Восточном фронте 8 полевых, 4 танковые армии, оперативную группу и 3 воздушных флота. В их составе находилось 169 дивизий (из них 22 танковые и 9 танко-гренадерских) и 20 бригад. Совместно с ними действовали также две венгерские армии. Всего, таким образом, 3,7 миллиона человек, 56,2 тысячи орудий и минометов, 8,1 тысячи танков и самоходных установок, 4 тысячи боевых самолетов. Свыше четверти немецких дивизий находилось в Северной Норвегии и было блокировано в Курляндии. Гитлер категорически отказывался отдать приказ на эвакуацию курляндской группировки: во-первых, из-за порта Либавы, который был необходим флоту, чтобы сохранить свое господство в восточной части Балтийского моря, и, во-вторых, фюрер в своих стратегических фантазиях намерен был использовать этот плацдарм для нового наступления.

В октябре 1944 года, по свидетельству генерала армии С.М. Штеменко, советский Генштаб приступил к разработке плана завершающей кампании:

«Завершение борьбы на советско-германском фронте было предreshено в нашу пользу, час окончательного разгрома противника приблизился. Мы превосходили врага не только по численности войск, но и по их выучке, по технической оснащенности. Боевые действия вполне обеспечивались слаженной работой тыла; он оказывал фронту всевозрастающую помощь.

Стратегическое положение советских войск и армий других стран антигитлеровской коалиции оценивалось нами как близкое к завершению окружения Германии. По существу, Советская армия и англо-американские силы заняли исходные позиции для решающего наступления на жизненные центры Германии. Теперь предстояло совершить последний стремительный натиск и в короткий срок окончательно сокрушить врага».

Общая идея состояла в том, чтобы провести одновременное наступление от Балтийского моря до Дуная с главным ударом на варшавско-берлинском направлении, завершить освобождение Польши, овладеть Восточной Пруссией, Восточной Померанией, изгнать немецкие войска из Венгрии, Чехословакии, Австрии, создать брешь в стратегическом фронте противника, взять Берлин, Прагу, Вену, соединиться с союзниками и победоносно завершить войну в Европе.

На Западном фронте войска союзников вели боевые действия на рубеже от устья реки Маас до швейцарской границы. В составе экспедиционных войск насчитывалось 5,7 миллиона человек, 50 тысяч орудий и минометов, 16,1 тысяча танков и самоходно-артиллерийских установок, 16,7 тысячи боевых самолетов. Германские войска имели 1,9 миллиона человек, 45 тысяч орудий и минометов, 3500 танков и штурмовых орудий, 2700 самолетов.

Англо-американское командование готовилось к проведению операций по вторжению на территорию Третьего рейха. Главнокомандующий союзных войск генерал Дуайт Эйзенхауэр планировал наступление в два этапа: первый предусматривал достижение Рейна, второй — форсирование этой реки и продвижение «в сердце Германии».

Несмотря на кажущуюся безнадежность положения, Германия вовсе не стала легкой добычей, а Вермахт не превратился «в мальчика для битья». Страна располагала еще довольно мощной производственной базой. Ценой предельного напряжения, за счет тотальной мобилизации и труда иностранных рабочих немцам пока удавалось удержать военное производство на достаточно высоком уровне.

Чтобы компенсировать людские потери, в 1944 году на военную службу был призван контингент молодежи 1927 года рождения и мобилизованы пожилые мужчины, а также «фольксдойчи» в оккупированных странах. В результате к началу 1945 года германскому командованию удалось довести численность вооруженных сил до 9,4 миллиона солдат и офицеров, из них 5,4 миллиона находились в действующей армии. На вооружении имелось 110 тысяч орудий и минометов, 13 тысяч танков и самоходных установок, свыше 7 тысяч боевых самолетов, в том числе реактивные истребители и бомбардировщики. Войска насыщались автоматическим и ручным противотанковым оружием. В ноябре—декабре наряду с 550 танками ежемесячно покидали сборочные цеха 1200 штурмовых и противотанковых самоходок. Продолжался выпуск крылатых и баллистических ракет, которыми продолжали терроризировать города Англии. Для борьбы на морских коммуникациях готовились подводные лодки нового поколения.

Германские войска были объединены в 11 групп армий, 3 оперативные группы, 16 полевых, 6 танковых армий и армейскую группу. В их состав входило 295 дивизий и 30 бригад. В армии резерва, которой взялся руководить рейхсфюрер СС, и различных тыловых формированиях было 2,5 миллиона человек.

Шло формирование новых соединений. Многие гренадерские и пехотные дивизии были переименованы в народно-гренадерские, «чтобы придать развитию сухопутных сил национал-социалистический дух». Была предпринята попытка создать крупные артиллерийские соединения путем сведения частей артиллерии РКК в народно-артиллерийские корпуса. Страсть Гитлера к «гренадерам» и «фузилерам» происходила от его любви к эпохе и деяниям короля Фридриха Великого. Была увеличена численность эсэсовских дивизий. К началу 1945 года 1,5 миллиона человек числилось в рядах фольксштурма. В это «партийное ополчение» включались способные носить оружие лица мужского пола в возрасте до 60 лет. Они носили гражданскую одежду с нарукавной повязкой и вооружались, как правило, трофейными винтовками.

Снарядить эту массу людей за счет Вермахта не представлялось возможным ввиду острой нехватки обмундирования, оружия и техники. Самым крупным подразделением фольксштурма был батальон.

На германской земле еще не было неприятельских войск, германская армия сохраняла боеспособность, германский солдат продолжал драться умело и упорно, а германский народ не сомневался в гении фюрера, который «обязательно что-нибудь придумает», и верил басням о «чудо-оружии». Сокращение территории позволяло командованию увеличить плотность войск и организовать длительное сопротивление. Лишь немногие видели, что Германия катится к гибели.

Гитлер видел выход в затягивании вооруженной борьбы, надеясь на раскол антифашистской коалиции. Он был убежден, что противоречия между СССР, с одной стороны, США и Англией — с другой, приведут к распаду союза между ними: «Настанет время, когда напряженность между союзниками достигнет такой степени, что разрыв будет неминуем. История показывает, что все коалиции рано или поздно непременно распадаются». На самом деле фюрер исчерпал свой лимит «чудес». Отдельные представители нацистской верхушки втайне наводили мосты на Запад, надеясь на заключение сепаратного мира. Имперский министр вооружений Альберт Шпеер так описывает общую обстановку: «В ставке воцарилось общее равнодушие, которое нельзя было объяснить лишь летаргией, сверхнагрузками и психическим воздействием Гитлера. Вместо яростных столкновений, напряженности прошедших лет и месяцев между многочисленными враждебными друг другу интересами, группами, кликами, боровшимися за благоволение Гитлера и спихивавшими друг на друга ответственность за всеучащавшиеся поражения, теперь здесь царил тихая незаинтересованность, уже возмущавшая конец».

Однако требование о безоговорочной капитуляции не оставляло немцам выбора.

В начале декабря фюрер задумал провести на Западном фронте, в районе Арденн, наступательную операцию, получившую кодовое наименование «Вахта на Рейне». Намеча-

лось прорвать фронт на участке Моншау, Эхтернах, форсировать реку Маас в районах Льежа и Намюра и на седьмой день, выйдя к Антверпену, отрезать англо-американские войска в Бельгии и Голландии. В случае успеха Гитлер ожидал значительного ослабления западных держав, что предоставило бы ему возможность для переброски крупных сил на Восточный фронт с целью отражения зимнего наступления русских. Они рассчитывал таким образом выиграть время и заставить союзников отказаться от требований безоговорочной капитуляции. В операции участвовали 6-я танковая армия СС, 5-я танковая и 7-я полевая армии группы армий «Б». Всего привлекалось 25 дивизий, в том числе 7 танковых. Наступательная группировка насчитывала около 250 тысяч человек, 900 танков и САУ, 860 самолетов и 2617 орудий и минометов — прямо скажем, маловато. 10 декабря Гитлер перебрался в «Орлиное гнездо», чтобы лично руководить операцией.

«Вахта на Рейне» началась с рассветом 16 декабря. Удар пришелся по позициям 1-й американской армии. Застигнутые врасплох, американские войска отступили, понеся большие потери. Немецкая группировка осуществила прорыв фронта и за неделю продвинулась на глубину 90 километров, а передовые танковые части находились в 4 километрах от реки Маас. 23 декабря наступила летная погода, и небо затмила союзная авиация. С 22 по 26 декабря 3-я американская армия нанесла контрудар по южному флангу наступающей группировки противника и соединилась с окруженными в райне Бастони частями 101-й воздушно-десантной дивизии. К концу месяца наступление немецких войск на Маас было остановлено.

Для начальника Генерального штаба ОКХ Гейнца Гудериана уже 24 декабря было ясно, «что наступление окончательно провалилось. Нужно было немедленно переключать все наши усилия на восток, если это не было уже слишком поздно». Гитлер еще пытался импровизировать, меняя направление удара, однако сил для перелома ситуации в свою пользу было явно недостаточно.

Пришел черед Красной Армии.

НА БЕРЛИН! ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

Летом 1944 года, разгромив стратегические группировки противника в Белоруссии и западных областях Украины, войска маршала К.К. Рокоссовского и маршала И.С. Конева вышли к Висле и захватили плацдармы на ее западном берегу. 1-й Белорусский фронт закрепился на магнушевском и пулавском, а 1-й Украинский фронт — сандомирском плацдармах.

Подготовка новой грандиозной операции, которая должна была открыть прямую дорогу «в логово фашистского зверя», началась в конце октября. Получив ориентировочные сообщения Ставки Верховного Главнокомандования, штабы фронтов приступили к планированию последнего наступления. Специального совещания с командующими, как это практиковалось ранее, не проводилось: маршалов порознь вызывали в Москву, где обсуждались все детали, а задачу им ставил лично Сталин.

На центральный участок советско-германского фронта полноводным потоком хлынули войска, техника, боеприпасы, топливо...

В октябре—декабре из резерва Ставки, из Прибалтики, Венгрии, Карелии в состав двух «главных» фронтов были дополнительно переданы восемь общевойсковых и три танковые армии, пять авиационных корпусов, два артиллерийских корпуса прорыва, большое количество отдельных артиллерийских, авиационных, танковых, самоходно-артиллерийских частей.

В одной из теплушек вместе со своим артполком следовал из Курляндии под Варшаву сержант Н.Н. Никулин: «Это был

ералашный переезд. Армия ехала в десятках эшелонов. Танкисты, пехотинцы, артиллеристы. По дороге солдаты меняли у населения барахло на самогон, и пьяные эшелоны с песнями, гиканьем, иногда со стрельбой, перекатывались по территории Польши на запад. На одной станции начальство попробовало запретить продажу самогона. Подъехавшие танкисты развернули башню танка и бабахнули противотанковой болванкой в дом коменданта между этажами. Говорили, что начальник удрал в чем мать родила. После этого все пошло по старому. Мы встречали Новый год в товарном вагоне на станции Лида. Старший лейтенант Косинов мрачно разбивал кулаком свои часы, а остальные танцевали вокруг раскаленной печки и пели дурными голосами пьяные песни».

Последовали и кадровые перестановки. 16 ноября 1944 года в командование 1-м Белорусским фронтом вступил заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г.К. Жуков (приказ Ставки № 220263 от 12.11.45). Маршал К.К. Рокоссовский перемещался на 2-й Белорусский фронт и сменял там генерала армии Г.Ф. Захарова. Последнего предполагали сделать заместителем Жукова, но в итоге с понижением отправили в Венгрию, командовать 4-й гвардейской армией.

«Уже был вечер, — вспоминает К.К. Рокоссовский. — Только мы собрались в столовой поужинать, как дежурный офицер доложил, что Ставка вызывает меня к ВЧ. У аппарата был Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я назначаюсь командующим 2-м Белорусским фронтом. Это было столь неожиданно, что я сгоряча тут же спросил его:

— За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трех фронтов — 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского; успех этой решающей операции будет зависеть от тесного взаимодействия трех фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание...

Сталин в теплом тоне сообщил, что на 2-й Белорусский

фронт возлагается очень ответственная задача, фронт будет усилен дополнительными силами и средствами.

— Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков, — заключил Верховный Главнокомандующий».

Оказывать содействие Жукову — дело, несомненно, важное, но каждый военный понимал, что именно 1-й Белорусский фронт «будет наступать на главном направлении и что действия соседей при всей значимости решаемых задач будут увязываться с действиями фронта, решающего главную задачу». И потому понятна обида Рокоссовского, немедленно уехавшего к новому месту службы без формальной передачи дел, не дождавшись преемника: из политических соображений Константину Константиновичу не позволили освободить Варшаву, из тех же соображений его лишили главного полководческого приза — взятия вражеской столицы. Правда, и Георгий Константинович, по свидетельству личного шофера А.Н. Бучина, в штаб фронта не торопился. Он отправился в армию Чуйкова и три дня обмывал почетное назначение. Лишь утром 19 ноября Жуков ввалился в свой бронированный «Мерседес», нежно обнял персонального водителя и, «невнятно выговаривая слова, сказал: «Сашка, я тебя люблю. Если что, посылай их на...» Я оторопел. Только пролепетал: «Товарищ маршал, не мешайте, угодим в кювет!» Жуков убрал руку и подремал до самого штаба».

Смена руководства в принципе — процесс болезненный. Жукова в Красной Армии знали достаточно хорошо, и в штабе 1-го Белорусского фронта с опаской ожидали прибытия нового командующего.

«К.К. Рокоссовского любили и его непосредственные подчиненные, и солдаты, и офицеры частей, — вспоминает начальник тыла фронта генерал Н.А. Антипенко. — Не раз приходилось слышать вопрос: в чем была причина такого всеобщего хорошего отношения к Рокоссовскому?»

Я не претендую на роль беспристрастного биографа и открыто признаю в том, что сам привязан к этому человеку, с которым меня связывает почти трехлетняя совместная работа на фронте и который своим личным обаянием, всегда ров-

ным и вежливым обращением, постоянной готовностью помочь в трудную минуту способен был вызвать у каждого подчиненного желание лучше выполнить его приказ и ни в чем не подвести своего командующего... Именно поэтому руководство фронта было так сплочено и спаяно: каждый из нас искренне дорожил авторитетом своего командующего. Рокоссовского на фронте не боялись, его любили. И именно поэтому его указание воспринималось как приказание, которого нельзя не выполнить.

Организуя выполнение приказов Рокоссовского, я меньше всего прибегал в сношениях с подчиненными к формуле «командующий приказал». В этом не было нужды. Достаточно было сказать, что командующий надеется на инициативу и высокую организованность тыловиков...

О Жукове притом же говорили как о человеке с жестким характером и крутым нравом...»

Член Военного совета генерал К.Ф. Телегин, отдавая дань «выдающимся качествам поистине талантливого полководца», отмечал, что стиль работы фронтового управления при Жукове «изменился не в лучшую сторону»:

«К.К. Рокоссовский работал в коллективе и с коллективом. При таком методе отработки задач и управления боевыми действиями каждый чувствовал себя активным и непосредственным участником решения...»

Г.К. Жуков был сторонником несколько иной линии. В коллективе, в ближайших помощниках он видел, прежде всего, исполнителей своих нередко в одиночестве выношенных и в одиночестве принятых решений. Попытки обсуждения своих решений, даже на стадии их подготовки, воспринимал крайне настороженно, упрямо замыкался в себе и, если аргументы возражавшего в разговоре начальника трудно было оппорить, подчас парировал обезоруживающей фразой:

— Я уже докладывал Верховному, и он мои соображения одобрил!

Само собой разумеется, что после такого заявления возражения утрачивали смысл».

(Впрочем, напрасно Константин Федорович переживал. Жуков быстро нашел общий язык со своим партийным над-

зрителем, и зажили они душа в душу. Дружба особенно укрепилась, когда два высокопоставленных мародера дорвались до хранилищ германского Рейхсбанка.)

Ну, хоть бы кто помянул Жукова человеческим добрым словом!

Откроем мемуары генерала армии П.И. Батова, одного из лучших командармов той войны. У него от встречи с «талантливым полководцем» остались самые незабываемые впечатления: «За долгую службу в армии мне никогда не приходилось испытывать такого унижения...»

Генерал армии Г.И. Хетагуров, горячий и бесстрашный осетин, осмелившийся в ответ на жуковскую ругань послать полководца подальше вместе с его «выдающимися качествами», за что с должности начальника штаба 1-й гвардейской армии был понижен до уровня командира дивизии, констатирует: «Непомерно груб, до оскорбления человеческих чувств».

И рядовой связист Николай Лазаренко: «Парадный портрет полководца далеко не всегда соответствовал реалиям военной действительности. Больше всего наши радисты, которые работали на самом «верху», боялись не немецко-фашистских пуль и осколков, а собственного командующего. Дело в том, что Жуков был человеком настроения и потому — очень крут на расправу...

За время войны легендарный полководец около 40% своих радистов отдал под трибунал. А это равносильно тому, что он расстрелял бы их собственноручно. «Вина» этих рядовых связистов, как правило, заключалась в том, что они не смогли сиюминутно установить связь. А ведь связь могла отсутствовать не только по техническим причинам. Человек с другой стороны провода мог быть просто убитым. Однако Жукова такие «мелочи» вообще не интересовали. Он требовал немедленной связи, а ее отсутствие воспринимал только как неисполнение приказа — и не иначе. Отсюда и псевдоправовая сторона его жестокости — трибунал за невыполнение приказа в военное время. Впрочем, до военно-полевого суда дело часто не доходило. Взбешенный отсутствием связи герой войны мог и собственноручно пристрелить ни в чем не повинного солдата».

И еще множество свидетельств, о том, как вздрогнули на 1-м Белорусском, наслышанные о жуковской крутости и жестокости.

В мемуарах — мнения отцензурированные, но и в самой приглаженной форме они выражают то, о чем прямо заявил после войны маршал С.К. Тимошенко: «Я хорошо знаю Жукова по совместной продолжительной службе и должен откровенно сказать, что тенденция к неограниченной власти и чувство личной непогрешимости у него как бы в крови».

Всеобъемлющую характеристику Жукову дала Екатерина Катукова: «Георгий Константинович был наделен огромной, неограниченной властью. Немногие выдерживают это испытание и остаются людьми. Как только власть приходит к человеку, почему-то он совершенно забывает, кем был раньше.

Я думаю, что зависть, честолюбие, корысть, амбиция, мелкая месть вообще не совместимы с военной профессией. В любом деле слепое пользование властью выдает слабость.

Человек, облеченный государственной властью, не имеет права быть утомленным, раздражительным, скупающим. Он должен дорожить своей независимостью, так как подчиняется только закону. Георгий Константинович же уставал, спешил, раздражался. А как же К.К. Рокоссовский, А.И. Антонов, В.М. Василевский, М.Е. Катук? Они ведь тоже были наделены властью, тоже несли тяготы войны, но это были совершенно другие люди, совсем не похожие на Г.К. Жукова.

Георгий Константинович свыкся с властью, врученной ему законом, и уже никого не боялся и не уважал. Один только И.В. Сталин мог его остановить. Это была ошибка Георгия Константиновича, за которую он позже дорого заплатил.

Постепенно Г.К. Жуков терял себя, запутывался. Славы много, но хочется еще большего.

Что больше всего необходимо полководцу как человеку, в руках которого жизни сотен, тысяч людей? Ему доверены эти жизни, и он ответствен за них перед страной, перед будущим, перед Историей. Как не согнуться, как устоять под таким бременем? Необходимо быть стойким, от многого отказаться и главное условие — победить себя. Властью необходимо пользоваться осторожно, обращаться с людьми лучше, чем

они заслуживают, и понимать, что все хорошее создается народом.

Никто не спорит о волевых качествах и способностях маршала Г.К. Жукова. Этого у него не отнимешь. Талант был большой, но характер и воспитание Георгия Константиновича оставляли желать лучшего. Если он хотел добиться чего-нибудь — шел напролом.

Г. К. Жуков был небольшого роста, коренастый, полноват. Черты лица резкие и суровые. Разговаривал отрывисто, редко смеялся. Матерился изощренно — художественно (и этого тоже от него не отнимешь). Маршал считал, что такое обращение с подчиненными поднимает его авторитет. Георгий Константинович был жесток и легко впадал в состояние гнева. А гнев, как известно, плохой советчик. Не зря в народе говорят: ничего нельзя начинать во гневе и человеку раздраженному полезно сосчитать до ста, прежде чем говорить, решать или действовать. К сожалению, маршал Жуков не делал этого и часто в гневе принимал решения, которые были не всегда справедливы».

Если фамилию Жуков поменять на абстрактного Иванова, то любой, ознакомившийся с такой характеристикой, скажет, что Иванов — самовлюбленный хам, жестокий самодур и не очень умный человек. С трудом верится, что все эти качества совмещались с «большим талантом».

Чтобы полнее ощущать собственное величие, Жуков предпочитал общество лизоблюдов, которые и составляли его ближнее окружение: «Георгий Константинович строил свои отношения с людьми в зависимости от того, испытывают они к нему уважение или нет. Любил беспрекословное выполнение распоряжений. Если этого не было, он становился придирчивым и относился к непокорным с презрением. Г.К. Жуков любил накричать, не разобравшись, на первого попавшегося ему на глаза и под руку. Вежливостью и терпеливостью не отличался. Все старались уйти от гнева Г.К. Жукова. Он редко бывал доволен, почти всегда резок и груб... Когда приезжал маршал Жуков, подхалимы и в глаза заглядывают, и вперед забегают — только бы руку лизнуть и хвостиком вильнуть».

Танцор и комик Борис Сичкин неоднократно обслужи-

вал — так это тогда называлось — маршальские банкеты: «В резиденции маршала обслуживающий персонал состоял из лиц мужского пола в чине не ниже генерал-майора. Они были откровенными холуями: чистили маршалу сапоги, накрывали на стол и убирали со стола. Словом, походили на услужливых собак. Когда они выслушивали распоряжения маршала, то стигались до полу. Противно было смотреть на этих людей, потерявших к себе всякое уважение. Я уверен, что если бы они вели себя с достоинством, то маршал бы их уважал».

Но в том-то и дело, что не способен был Георгий Константинович кого-либо уважать.

Кадровым переменам, кроме, естественно, самого Жукова, устроившего по этому поводу банкет с песнями и плясками, обрадовались, пожалуй, только в штабе 2-го Белорусского фронта.

Одновременно Сталин упразднил институт представителей Ставки ВКГ, возложив задачу координирования действий фронтов на Берлинском направлении на себя, в Прибалтике — на маршала А.С. Василевского, в Чехословакии и Венгрии — на маршала С.К. Тимошенко.

28 и 25 ноября из Москвы последовали директивы на проведение наступательных операций командующим 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, 30 ноября — командующему 2-м Украинским фронтом, 3 декабря — командующим 3-м и 2-м Белорусскими фронтами. Дел было невпроворот, твердых сроков начала операций Верховным названо не было, однако, по свидетельствам генерала Н.А. Антипенко и ЧВС 5-й ударной армии генерала Ф.Е. Бокова, всю подготовку требовалось завершить не позднее 10 января 1945 года.

ВИСЛО-ОДЕРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В соответствии с общим замыслом войска 1-го Белорусского фронта (47-я, 61-я, 3-я, 5-я ударные, 8-я гвардейская, 69-я, 33-я общевойсковые, 2-я и 1-я гвардейские танковые, 16-я воздушная армия, 1-я армия Войска Польского, 11-й и

9-й танковые, 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса — всего 68 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 5 танковых и 2 механизированных корпуса, 5 отдельных танковых, 2 самоходно-артиллерийские, 1 кавалерийская бригада, 2 укрепрайона — и много чего еще, вроде 4-го и 6-го артиллерийских корпусов и шести отдельных артиллерийских дивизий прорыва, штурмовых инженерно-саперных бригад, отдельных огнеметных батальонов и прочее) должны были разгромить варшавско-радомскую группировку противника и, продвинувшись на 150—180 километров в глубину, не позднее 11—12-го дня наступления овладеть рубежом Петрувек, Жихлин, Лодзь. В дальнейшем предстояло развивать успех в общем направлении на Познань.

Войскам 1-го Украинского фронта (6, 13, 52-я, 5-я гвардейская, 60-я, 59-я, 3-я гвардейская, 21-я общевойсковая, 4-я и 3-я гвардейская танковые, 2-я воздушная армии, 25-й, 31-й, 4-й гвардейский танковый, 7-й гвардейский механизированный, 1-й гвардейский кавалерийский корпуса — 66 стрелковых, 3 кавалерийские дивизии, 6 танковых и 3 механизированных корпуса, 3 отдельных танковых и 3 самоходно-артиллерийские бригады, 1 укрепрайон, 7-й и 10-й артиллерийские корпуса, 5 артиллерийских дивизий прорыва) предписывалось во взаимодействии с Белорусским фронтом разгромить кельце-радомскую группировку врага и, преодолев 120—150 километров, на 10—11-й день операции овладеть рубежом Пётркув, Ченстохова, Бохня; в дальнейшем — наступать в общем направлении на Бреслау.

Маршал Жуков собирался крушить оборону противника по трем направлениям. Главный удар намечалось нанести на Кутно, Познань с магнушевского плацдарма (45 километров по фронту и 18 километров в глубину). Здесь 61-я, 5-я ударная и 8-я гвардейская армии должны были прорвать вражеские позиции на 17-километровом участке и обеспечить «чистый» ввод в сражение двух танковых армий и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. Для наращивания усилий предназначалась 3-я ударная армия, находившая во втором эшелоне фронта.

Второй удар планировалось нанести с пулавского плац-

дарма (30 километров по фронту и 10 километров в глубину) в направлении Радом, Лодзь. Оборону противника на 13-километровом участке прорывали 69-я и 33-я армии, усиленные 11-м и 9-м танковыми корпусами. На 12-й день операции 69-я армия генерал-полковника В.Я. Колпакчи должна была овладеть городом Лодзь и выйти на рубеж Згез, Пабыянице. 33-я армия генерал-полковника В.Д. Цветаева основными силами нацеливалась на Шидловец с тем, чтобы во взаимодействии с войсками 1-го Украинского фронта окружить и уничтожить островцеко-опатувскую группировку противника. На третий день операции планировалось ввести в дело 7-й гвардейский кавалерийский корпус.

Уничтожение варшавской группировки возлагалось на три общевойсковые и одну танковую армии. 47-я армия генерал-майора Ф.И. Перхоровича получила задачу перейти в наступление на второй день операции, прорвать немецкую оборону на 4-километровом участке севернее Варшавы, ликвидировать вражеский плацдарм в междуречье Вислы и Западного Буга, форсировать Вислу юго-восточнее Модлина и развивать наступление на Лешно в обход столицы Польши с северо-запада. Войска 61-й армии генерал-полковника П.А. Белова и 2-й гвардейской танковой армии генерал-полковника С.И. Богданова огибали Варшаву с юго-запада и запада. Задача непосредственного освобождения города возлагалась на 1-ю армию Войска Польского — по плану она переходила в наступление на четвертый день, используя успех «Советов».

Кроме того, в разгроме варшавской группировки должна была принять участие левофланговая 70-я армия 2-го Белорусского фронта, которой ставилась задача нанести удар в обход Модлина и быть в готовности форсировать Вислу.

Маршал Конев решил нанести один мощный удар с сандомирского плацдарма (70 километров по фронту и 50 километров в глубину) в направлении Хмельник, Радомско. Прорыв обороны предусматривалось осуществить на одном участке шириной 39 километров войсками 13-й, 52-й, 5-й гвардейской армий. Последней придавались 4-й гвардейский и 31-й танковые корпуса. Для развития наступления планировалось

в первый день вести в сражение 4-ю и 3-ю гвардейскую танковые армии с задачей к исходу третьего дня операции выйти на реку Пилица и захватить на ней переправы. Иван Степанович в вопросе применения танковых войск имел собственное мнение и «чистые прорывы» не признавал принципиально: «Иметь такую технику и не использовать всю силу ее удара, огня и маневра, а планировать прорывы так, как это делалось в Первую мировую войну, держа танки в бездействии, пока пехота прогрызет оборону противника насквозь, — всегда мне представлялось ошибочным».

Действительно, советские танковые армии «однородного состава» образца 1944 года представляли собой внушительную силу: «По сравнению с танковыми армиями смешанного состава армии однородного состава обладали большей ударной силой и огневой мощностью, а также мобильностью из-за отсутствия немоторизованных соединений. Значительно возросли и возможности по обеспечению боевых действий. Наличие отдельных танковых и самоходно-артиллерийских бригад позволяло иметь сильный подвижный танковый резерв либо при необходимости быстро выделять передовой отряд. Боевые соединения и части армии, имея на вооружении танки, самоходно-артиллерийские установки, артиллерию, в том числе зенитную и артиллерийскую, стрелково-пулеметное вооружение, могли наносить поражения крупным танковым группировкам противника в составе до танкового корпуса».

Например, в 3-ю гвардейскую танковую армию, которой командовал генерал-полковник П.С. Рыбалко, входили 6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса, 9-й механизированный корпус, 199-я легкая артиллерийская бригада, 57-й гвардейский отдельный тяжелый танковый полк, 16-я самоходная артбригада, 50-й отдельный мотоциклетный полк, 19-я моторизованная инженерная бригада, 91-й гвардейский минометный полк, 77-й автотранспортный полк и другие части. На период операции армии были приданы артдивизионы 145-й и 194-й пушечных бригад РГК, 90-й инженерно-танковый полк, 207-й отдельный моторизованный инженерный батальон, 79-й штурмовой инженерно-саперный батальон и взвод собак-миноискателей. Всего армия имела 55 600 чело-

век личного состава, 640 новеньких танков Т-34/85, 22 танка-тральщика на базе Т-34/76, 21 танк ИС-2, 63 тяжелых самохода ИСУ-122, 63 средних СУ-85, 63 легких СУ-76, 49 легких СУ-57-И, 60 зенитных самоходных установок М-17, 20 пушек-гаубиц калибра 152 мм, 20 «стомиллиметровок» типа БС-3, 222 трехдюймовые пушки ЗИС-3, 84 орудия ЗИС-2 калибра 57 мм, 48 реактивных установок М-13, 364 полковых и батальонных миномета, 79 зенитных пушек и 161 зенитный пулемет ДШК, 5496 грузовых, легковых и специальных автомашин.

Основу ударной мощи 4-й танковой армии генерал-полковника Д.Д. Лелюшенко составляли два корпуса — 10-й гвардейский танковый и 6-й гвардейский механизированный, плюс 93-я отдельная танковая, 22-я самоходно-артиллерийская бригады и 3 отдельных танковых и 2 самоходно-артиллерийских полка, потому боевых машин было чуть меньше — 750 единиц.

Обеспечение правого фланга ударной группировки 1-го Украинского фронта возлагалось на сформированную в третий раз 6-ю армию генерал-лейтенанта В.А. Глуздовского, усиленную 42-й моторизованной инженерной бригадой, и 3-ю гвардейскую армию генерал-полковника В.Н. Гордова с приданным ей 25-м танковым корпусом. Левый фланг прикрывали войска 60-й армии генерал-полковника П.А. Курочкина, получившие задачу основными силами прорвать оборону на участке шириной 3 километра и наступать на Краков вдоль левого берега Вислы. Прибывшую с Ленинградского фронта и находившуюся во втором эшелоне 59-ю армию генерал-лейтенанта И.Т. Коровникова намечалось ввести в сражение с рубежа реки Нида на второй день операции. Во взаимодействии с 60-й армией и войсками 4-го Украинского фронта она должна была освободить Краков. Также во втором эшелоне находилась 21-я армия генерал-полковника Д.Н. Гусева, переданная из состава 3-го Белорусского фронта и предназначавшаяся для развития наступления в направлении на Бреслау. В резерве фронта оставались 1-й гвардейский кавалерийский и 7-й гвардейский механизированный корпуса.

Таким образом, командующие намеревались мощными

ударами взломать оборону противника на всю глубину, рас-сечь его силы на отдельные группы и уничтожить по частям. Танковые армии и подвижные группы, «уничтожая отходя-щего противника и подходящие резервы», должны были стремительным продвижением упредить немцев и не допус-тить занятия ими тыловых оборонительных рубежей (что могло привести к затяжным и кровопролитным боям). Воз-душные армии массированными ударами штурмовой и бом-бардировочной авиации должны были содействовать назем-ным войскам в прорыве вражеской обороны, обеспечении ввода танковых армий и корпусов, поддержки их действий в оперативной глубине, а также громить резервы и отступаю-щие войска противника. Советское преимущество в количе-стве самолетов было десятикратным. В состав 16-й воздуш-ной армии генерал-полковника С.И. Руденко входило 6 авиа-ционных корпусов, 14 отдельных дивизий и полков. На их вооружении находилось 2459 самолетов, в том числе 1116 ис-требителей, 504 бомбардировщика, 710 штурмовиков. Кроме того, 1-ю армию Войска Польского поддерживала 4-я сме-шанная авиадивизия, имевшая 90 самолетов. В воздушной армии генерал-полковника С.А. Красовского число боевых машин было доведено до 2588.

Оба плана были утверждены Ставкой 29 декабря 1944 года. Персонально Коневу было указано, во-первых, на необходи-мость избежать затяжных боев в Верхне-Силезском про-мышленном районе, дабы не допустить разрушения много-численных заводов и шахт, которые должны были отойти Польше, во-вторых, на то, что вводить танковые армии в прорыв в первый день наступления все-таки «не обязательно».

К началу наступления в составе 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов наличествовало 2,2 миллиона человек (причем в краткой истории ВОВ отмечается, что численность войск указана «без учета тыловых частей и учреждений»), 33 500 орудий и минометов, свыше 7000 танков и САУ, 5000 бое-вых самолетов. Жуков и Конев собрали под своим командо-ванием треть личного состава действующей армии, треть ар-тиллерии и авиации, более половины танков и самоходно-артиллерийских установок, в общем, как выразился один из маршалов, «мощь была большая».

Что мог противопоставить этой мощи генерал-полковник Йозеф Харпе, командовавший группой армий «А», которая удерживала 700-километровую линию от устья реки Западный Буг до города Ясло?

В ходе четырехмесячной оперативной паузы немцами было подготовлено пять полевых оборонительных рубежей общей глубиной 150—300 километров, прикрывающих подходы к долговременной оборонительной полосе, построенной еще до войны на западном берегу реки Одер, — линии «Д».

Первый рубеж обороны — главная оборонительная полоса — проходил по западному берегу Вислы и состоял из двух-трех линий траншей, оборудованных большим количеством пулеметных, минометных и артиллерийских позиций, наблюдательных пунктов и убежищ. Основные силы оборонявшихся войск были сосредоточены во второй траншее, удаленной от первой на 2—3 километра. Смысл состоял в том, чтобы в случае начала советского наступления по ходам сообщения отвести пехоту из-под удара артиллерии и принять бой именно во второй траншее. В соответствии с этим основная масса инженерных заграждений концентрировалась между первой и второй траншеями, причем нередко дно и бруствер первой траншеи заранее минировались.

Вторая полоса обороны, которую должны были занимать резервы, находилась в 15—20 километрах от переднего края и состояла из двух-трех линий сплошных траншей и опорных пунктов. Особенностью тыловых рубежей являлось наличие противотанковых рвов, расположенных в глубине обороны за траншеями. Это новинка была особо отмечена советским командованием:

«Принцип создания противотанкового рва не перед передним краем, а в глубине оборонительной полосы встречается впервые. Как известно, предназначением противотанкового рва перед передним краем было не допустить танки наступающего в оборонительную полосу и уничтожить их перед передним краем. Немцы, как видно, учли опыт, что обороняющемуся этого достигнуть очень редко удается: наши танкисты обычно при помощи саперов и пехоты проделывали проходы через противотанковые рвы, без больших потерь преодолевали их и врывались

в оборонительную полосу противника. Перенос противотанкового рва в глубину обороны таит в себе расчет на то, чтобы, отрезав от танков наступающего следующую за ним пехоту, уничтожить танки в глубине первой оборонительной полосы, не пустив их дальше противотанкового рва».

Для повышения устойчивости обороны широко использовались водные преграды — реки Висла, Бзура, Равка, Радомка, Нида, Пилица, Варта, Обра и другие. В систему рубежей включались подготовленные к длительной обороне города, такие, как Модлин, Варшава, Радом, Кельце, Краков, Лодзь, Быдгощ, Познань, представлявшие собой мощные опорные пункты и узлы сопротивления. Особые надежды германское командование возлагало на Померанский вал и Мезеритцкий укрепленный район, протянувшиеся вдоль польско-германской границы.

Разных рубежей, полос и «валов» немцы понастроили достаточно, не разрешалась только одна проблема — в укреплениях не было солдат. Растаскивание войск на Запад для проведения Арденнской операции и на защиту Венгрии, куда из-под Варшавы ушел 4-й танковый корпус СС, привело к существенному ослаблению центрального участка советско-германского фронта.

В группу армий «А» входили 9-я, 4-я танковая и 17-я армии, в составе которых насчитывалось 30 дивизий (учитывая охранные), 2 бригады и до 50 отдельных батальонов, составлявших гарнизоны в городах Польши, — все вместе 400 тысяч солдат и офицеров, около 5000 орудий и минометов, 870 танков и штурмовых орудий, 364 боевых самолета 6-го воздушного флота (в их числе 150 истребителей и 100 разведчиков). Была еще армейская группа «Хайнрици», но против нее отнюдь не бездействовал 4-й Украинский фронт.

Разумеется, особенно плотно немцы блокировали захваченные советскими войсками плацдармы. Если в среднем во всей полосе группы армий «А» пехотная дивизия оборонялась на фронте 15—20 километров, то по периметру плацдармов плотность возрастала до одной пехотной дивизии на 5—10 километров фронта.

Против войск 1-го Украинского фронта действовали 19 ди-

визий из состава 4-й танковой и 17-й полевой армий (257 тысяч человек, 540 танков и САУ, 2700 орудий и минометов), причем десять из них «стерegli» сандомирский плацдарм. Первый рубеж обороны занимали 68, 72, 88, 168, 291, 304, 342-я пехотные дивизии. Численность личного состава в них достигала 6—8 тысяч человек. Позади главной оборонительной полосы располагались оперативные резервы — 24-й танковый корпус, в состав которого входили 16-я, 17-я танковые, 20-я танко-гренадерская дивизия — 374 танка и штурмовых орудия. В глубине находились 602-я и 603-я охранные дивизии, запасные полки и отдельные батальоны.

Аналогично строились боевые порядки в полосе 9-й армии генерала танковых войск барона фон Лютвица, которая должна была остановить и обескровить наступление 1-го Белорусского фронта. Там в резерве находился 40-й танковый корпус — 25-я, 19-я танковые, 10-я танко-гренадерская дивизии.

Советское командование намеревалось сокрушить немецкую оборону артиллерийским ударом небывалой мощности, массированным применением бронетехники, авиации и инженерных войск. На участках прорыва 1-го Белорусского фронта плотность артиллерии была доведена до 300—310 стволов на один километр, на 1-м Украинском — 230—250 орудий и минометов (не считая танковых и орудий прямой наводки). Артиллерийскую подготовку было решено сократить по времени, но спланировать ее так, чтобы подавить всю тактическую зону обороны противника и накрыть его ближайшие резервы. В 1-м Белорусском фронте предусматривался получасовой огневой налет перед атакой передовых батальонов, а затем поддержка их огневым валом. Если передовые батальоны не достигнут намеченной цели, предполагалась 70-минутная артподготовка. В 1-м Украинском фронте она планировалась продолжительностью 107 минут. За 45 минут до ее окончания намечались действия взводов демонстрации атаки, а за 15 минут следовал последний огневой налет.

Для непосредственной поддержки стрелковых соединений Г. К. Жуков выделил 1488 из 3712 танков и самоходных установок (в одной только 8-й гвардейской армии имелось

7 самоходных и 5 танковых полков), И.С. Конев — 820 бронеединиц из имевшихся в наличии 3648. Кроме того, на километр прорыва приходилось от 13 до 17 инженерных рот.

Против каждой немецкой дивизии маршал Конев выставил по армии с парой танковых корпусов, построенных в два, а то и в три эшелона. К примеру, 52-й армии генерал-полковника К.А. Коротеева (48, 73, 78-й стрелковые корпуса), усиленной артиллерийским корпусом прорыва (это две артиллерийские дивизии, около 1000 орудий, минометов и пусковых установок реактивной артиллерии), истребительно-противотанковой и самоходно-артиллерийской бригадами, отдельными танковыми полками, штурмовыми и огнеметными батальонами 23-й моторизованной инженерно-саперной бригады, противостояла 68-я пехотная дивизия, силы которой оценивались в 8 тысяч человек при 120 орудиях.

В ходе подготовки операции тщательно изучались противостоящая вражеская группировка и характер инженерного оборудования ее обороны, осуществлялось доукомплектование частей людьми и боевой техникой, совершенствовалось боевое мастерство войск и штабов, проводилось инженерное оборудование плацдармов для развертывания на них ударных группировок, накапливались запасы материальных средств.

Прошли времена, когда «иваны» шли в бой без разведки, а приказы на наступление отдавались без знания обстановки и безотносительно к намерениям противника.

Сотни наблюдателей круглосуточно изучали передний край, засекали оборонительные объекты, перемещения немецких войск, фиксировали малейшие изменения «в пейзаже». Командующие и командиры всех степеней, отбросив доктринерские представления о «высоком оперативном искусстве» и надев солдатские гимнастерки, на брюхе обследовали передний край, проводя рекогносцировки. В немецкий тыл уходили и забрасывались по воздуху разведгруппы. Широко применялись ночные поиски, засады, подслушивание, разведка боем. Но наиболее достоверные сведения давала аэрофотосъемка.

«Прочно удерживая господство в воздухе, — пишет С.И. Руденко, — мы вели постоянную и целеустремленную разведку.

Ни в одной операции до этого она не была поставлена так, я бы сказал, фундаментально... Методично, километр за километром, экипажи фотографировали территорию, на которой предстояло вести наступательные действия. Достаточно сказать, что на пленке была запечатлена площадь 109 200 квадратных километров. Нам удалось трижды сфотографировать вражеские позиции в плане на глубину 4—8 километров. Вокруг Магнушева и Пулавы траншеи и укрепления зафиксировали четыре раза, причем на этих, главных для нас, направлениях съемка велась на глубину 25—40 километров. Все это позволило вскрыть ряд промежуточных оборонительных рубежей и шесть мощных противотанковых рвов протяженностью от 20 до 60 километров».

В штабах фронтов и армий проводились игры на картах, в корпусах и дивизиях — сборы с командирами частей и подразделений, в частях — тактические учения с боевой стрельбой. Особо тщательно готовились штурмовые батальоны и передовые отряды.

Инженерные войска проделали огромную работу по строительству дорог и колонных путей, оборудованию исходных районов и переправ через Вислу. На сандомирском плацдарме было открыто полторы тысячи километров траншей и ходов сообщения, построено 1160 командных и наблюдательных пунктов, подготовлено 11 000 артиллерийских и минометных позиций, проложено заново и приведено в порядок больше 2000 километров автомобильных дорог в расчете на то, чтобы к началу наступления на каждую дивизию и каждую танковую бригаду имелось по две дороги. В полосе 1-го Украинского фронта саперы навели через Вислу 13 мостов и организовали три паромные переправы большой грузоподъемности, 13 мостов построили и на 1-м Белорусском. Для отражения возможных контрударов врага создавались подвижные отряды заграждения, группы истребителей танков.

Поистине титанический труд потребовался для накопления фантастического количества материальных запасов. Один боекомплект трехкорпусной танковой армии весил 2385 тонн, одна заправка горючим — 985 тонн, суточная дача продовольствия — 100 тонн. Боекомплект фронта «тянул» на

40 тысяч тонн, а одна суточная «пайка» фуража и продовольствия — около 5000 тонн. Перед операцией на двух фронтах накопили по 3—4 боекомплекта снарядов и мин всех калибров (около 9 миллионов выстрелов), 4—5 заправок автобензина и дизельного топлива, 9—14 заправок авиационного топлива, продовольствия — на 30—50 суток. По железным дорогам, которые на основных направлениях пришлось перешивать с европейской на союзную колею, было подвезено 133 тысячи вагонов с войсками и материальными средствами. Все это тыловым службам приходилось разгружать, перевозить в исходные районы, складировать, закапывать в землю, маскировать.

Скрытности, маскировке и дезинформации противника относительно своих сил и намерений придавалось первостепенное значение. Передвижения проводились только в ночное время, к утру все замирало. К танкам и машинам привязывали ели, заметавшие следы на снегу. Все подразделения были обеспечены маскировочными зимними сетями. На 1-м Украинском фронте для прикрытия своих позиций и коммуникаций от вражеских глаз было установлено 240 километров вертикальных масок высотой до 4 метров.

За соблюдением «железного режима маскировки» войсками на маршрутах движения и в районах сосредоточения следили специально назначенные самолеты. Каждому из них выделялась полоса, которую экипаж в течение суток просматривал с воздуха два-три раза с больших и малых высот и «немедленно сообщал в штаб фронта о том, что, где и когда обнаружил». Над передовыми позициями гремела музыка Блантера и Дунаевского, транслируемая громкоговорящими радиоустановками, «веселя бойцов» и заглушая работу двигателей в тылу. На отдельных участках звуковые установки, наоборот, имитировали шум танковых моторов. Чтобы ввести немцев в заблуждение, были изготовлены сотни фанерных танков, орудий и автомашин, оборудованы десятки обманных аэродромов с макетами самолетов и обслуживающих средств, работали ложные и помалкивали реальные радиостанции, закладывались вполне натуральные минные поля, специальные батареи совершали регулярные огневые нале-

ты, демонстрируя неизменность артиллерийской группировки. На отдельных направлениях саперы строили вторую оборонительную полосу. В войска рассылали памятки, содержащие указания по строительству оборонительных сооружений.

От бомбардировок и воздушной разведки противника переправы и плацдармы прикрывали 3522 зенитных орудия. Кроме того, «чистое небо» над магнушевским плацдармом обеспечивал 3-й истребительный авиакорпус, а над пулавским — 283-я истребительная авиадивизия, наводимые радиолокационными станциями «Редут»: «Все сигналы о появлении самолетов противника, полученные с главной радиостанции поста ВНОС воздушной армии, оперативный дежурный передавал соединениям. Было организовано взаимодействие средств ПВО и авиации над плацдармами и наиболее важными направлениями. Принятые меры привели к тому, что самолетам врага редко удавалось прорываться в расположение наших войск».

Одним словом, цитируя вражьи генерала, «русские готовились к своему последнему крупному наступлению с исключительной тщательностью и без всякой спешки», толково и, можно сказать, со вкусом. Немцы ничем не могли им в этом помешать.

И небывалый размах приготовлений, и перевод фронтов под личное сталинское руководство объясняются тем обстоятельством, что конечной целью операции являлся Берлин. Как сообщает генерал армии С.М. Штеменко: «Предполагалось, что этого можно добиться в течение 45 дней наступательных действий на глубину в 600—700 километров двумя последовательными усилиями (этапами) без оперативных пауз». Потому и «подвинули» Рокоссовского, что брат столицу Третьего рейха должен был уж никак не поляк, категорически — не поляк (не в первый и не в последний раз в карьере самого талантливого советского полководца сыграла злую шутку «графа пятая»), а природный русак, заместитель гениального Верховного Главнокомандующего.

Согласно генеральному плану война с Германией должна была закончиться в начале марта. Не странно ли, что мы до сих пор не знаем кодового названия Берлинской стратегической наступательной операции?

Здесь самое время отметить, что всякая координация между действиями Красной Армии и англо-американских войск в Европе отсутствовала. Дело дошло до того, что в ноябре 1944 года в Югославии американские самолеты с энтузиазмом штурмовали советские колонны и аэродромы, а «яки» вели нешуточные воздушные бои с «лайтнингами». В связи с этим инцидентом Черчилль в послании Сталину от 2 декабря предлагал «установить разумную и товарищескую связь между нашими фронтовыми штабами».

Отражая немецкое наступление в Арденнах, немало их удивившее, союзники вполне закономерно и не в первый раз интересовались, а что собирается предпринять в 1945 году «Дядюшка Джо»? На Восточном фронте уже четыре месяца царило затишье, и никакой информации из Москвы, несмотря на частые запросы, не поступало. Генерал Эйзенхауэр, разрабатывая свой план вторжения в Германию, неоднократно подчеркивал необходимость обеспечить взаимосвязь действий всех европейских фронтов. В частности, 21 декабря 1944 года он писал: «Если... русские намереваются предпринять решительное наступление в этом или следующем месяце, знание этого факта имеет для меня исключительно важное значение, я бы перестроил все мои планы в соответствии с этим. Можно ли что-либо сделать, чтобы добиться такой координации?»

Английский Комитет начальников штабов в меморандуме на имя премьер-министра отмечал, что «нельзя принимать окончательное решение до тех пор, пока мы не будем иметь информацию о дальнейших планах русских», и просил направить в Москву «офицера высокого ранга» с задачей получить от русских необходимые сведения. Понимая важность и безотлагательность вопроса, Рузвельт и Черчилль 24 декабря обратились к Сталину с просьбой принять у себя ответственного представителя штаба Эйзенхауэра. Сталин согласился. В конце декабря из Франции в СССР для проведения консультаций вылетел начальник штаба при главнокомандующем экспедиционных сил в Европе главный маршал авиации Теддер, однако из-за наступившей над Средиземноморьем непогоды застрял в Каире. Тогда премьер Великобритании

решил сам получить от Кремля хоть какую-нибудь информацию. 6 января 1945 года Черчилль, намеренно сгущая краски, послал маршалу Сталину телеграмму следующего содержания:

«На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от союзного главнокомандования могут потребоваться большие решения.

Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях. Согласно полученному нами сообщению, наш эмиссар главный маршал авиации Теддер из-за условий погоды вчера вечером находился еще в Каире. Его поездка сильно затянулась, но не по Вашей вине. Если он еще не прибыл к Вам, я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января, и любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука и генерала Эйзенхауэра, причем лишь при условии сохранения ее в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным».

Сутки спустя премьер получил ответ:

«Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует его началу. Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему Центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам».

Черчилль пришел в восторг: теперь можно было планировать дальнейшие действия, зная, что на протяжении несколь-

ких ближайших недель все силы немцев на Восточном фронте будут скованы русскими.

Прибывшему наконец в Москву маршалу Теддеру Сталин 15 января доверительно поведал, что Красной Армии пришлось начать наступление на советско-германском фронте раньше намеченных сроков. Все — ради помощи «славным союзным войскам». Со временем эта байка трансформировалась в официальный миф, нашедший отражение во множестве «научных» и мемуарных работ: Черчилль «в связи с прорывом немцами фронта в Арденнах» обратился к советскому руководству с «мольбами о помощи»; Сталин хотел начать зимнее наступление 20 января, но, верный «товарищескому долгу», внял мольбам и приказал своим маршалам поднапрячься и сократить время подготовки на неделю; как итог — «наше мощное наступление спасло англо-американцев от катастрофы».

Все это, мягко говоря, не соответствует истине.

Во-первых, попытка немцев перехватить инициативу и «парализовать противника» на Западном фронте вполне предсказуемо провалилась ввиду недостатка выделенных сил и нехватки горючего, а 3 января союзники перешли в контр-наступление, которое развивалось медленно, со скрипом, но вполне успешно. О чем британский премьер 5 января уведомил Москву: «Битва в Бельгии носит весьма тяжелый характер, но Эйзенхауэр и Монтгомери считают, что мы являемся хозяевами положения».

Во-вторых, в преддверии Ялтинской конференции трех держав Сталину важно было взять под контроль всю территорию Польши. Пришла пора поставить точку в долгой дискуссии с Лондоном и Вашингтоном о судьбе польского государства. 31 декабря 1944 года заседавший в Люблине Польский комитет национального освобождения, «выражая волю миллионов трудящихся», объявил себя Временным правительством.

Президент Рузвельт настойчиво уговаривал Сталина не торопиться с его официальным признанием, учитывая «тот факт, что пока лишь небольшая часть собственно Польши, лежащая к западу от линии Керзона, освобождена от германской тирании, и поэтому неоспоримой истиной является то,

что польскому народу не было предоставлено возможности высказаться в отношении Люблинского Комитета». Иосиф Виссарионович ответил, что Президиум Верховного Совета уже принял по этому вопросу положительное решение, и «это обстоятельство делает меня бессильным выполнить Ваше пожелание».

6 января 1945 года в Москве было опубликовано сообщение о признании Советским Союзом «народно-демократического правительства» Польской Республики. Дело оставалось за малым — под прикрытием советских танков доставить это марионеточное правительство в Варшаву и поставить мир перед свершившимся фактом, окончательно выбросив на свалку истории «кучку польских эмигрантов в Лондоне».

В-третьих, сосредоточение советских войск на висленских плацдармах, начавшееся сразу после Нового года, было практически закончено уже к 9 января. В числе прочих соединений исходные районы заняли танковые армии, держать которые на столь ограниченном пространстве в течение двух недель не имело смысла (так, армия Рыбалко переправилась на сандомирский плацдарм к утру 5 января) — плацдармы под завязку были набиты людьми и техникой. На магнушевском плацдарме уместились 23 дивизии и 5348 стволов артиллерии, на пулавском — 16 дивизий и 3324 ствола (не считая зенитные установки и гвардейские минометы). 8-я гвардейская армия имела полосу наступления около 7 километров по фронту, в которой на глубине до 5 километров размещалось 75—80 артиллерийских полков.

Главный комиссар 3-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенант Н.К. Попель красочно описывает эту картину:

«Установленные по квадратам сотни танков, пушек, машин, десятки тысяч солдат заполняли, казалось, каждый метр, исключая дороги. Под любым деревом была зарыта пушка, или танк, или боеприпасы, и когда наверху, побрякивая, словно ночная утка, пролетал снаряд, невольно думалось: «Попадет, промахнуться здесь невозможно». Плацдарм напоминал мне персидский ковер, где не бывает места без узоров и полосок: так и здесь нельзя было найти кусочка, не перекопанного землянками, траншеями и котлованами».

И всюду «царила глубокая уверенность в успехе». Особенно в штабах. Те же, кто сидел в окопах, несмотря на заклинания, что «немец уже не тот», знали — легкой прогулки не будет. Это настроение отметил Илья Эренбург: «Все понимали, что дело идет к концу, но никто не был уверен, что до него доживет... Близость развязки делала смерть особенно нелепой и страшной». И даже «пораженческие» настроения в красноармейской среде имели место быть: «Вот мы немца до Волги допустили и там разбили, а теперь он нам где-нибудь постарается Сталинград устроить».

В самих директивах от 25 и 28 ноября по поводу сроков для Конева и Жукова было написано: «Начало наступления — согласно полученных Вами лично указаний». Но вот генералу армии Петрову директивой от 30 ноября было конкретно указано подготовить к наступлению правофланговую армию «с целью во взаимодействии с левым крылом 1-го Украинского фронта не позднее начала января 1945 г. овладеть Краковом».

Лишь крайне неблагоприятные погодные условия мешали немедленно начать операцию — обидно было бы не использовать по назначению воздушную армаду в 5000 самолетов. Об этом Верховный тоже писал Черчиллю: «Очень важно использовать наше превосходство над немцами в артиллерии и авиации. В этих видах требуется ясная погода для авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии вести прицельный огонь».

В общем, товарищу Сталину несложно было оказать союзникам услугу, которая ничего не стоила. Он и сам не собирался больше ждать, зима в Европе короче и капризней, чем в России. К тому же проведение операции тем и облегчалось, что значительные силы Вермахта и Люфтваффе, в том числе две танковые армии и 2400 самолетов, были брошены на Западный фронт.

При таких масштабах скрыть подготовку к наступлению было невозможно. Германское командование не сомневалось, что именно с плацдармов начнется рывок Советов на Берлин. Немецкая разведка правильно представляла себе замысел советского наступления и достаточно точно вскрыла состав советских группировок. Кроме агентуры, немцы по-

лучали сведения от пленных и, как ни странно звучит, от перебежчиков. В журнале боевых действий ОКВ записано: «Вырисовываются ударные группировки в районах Баранова, Пулавы, Магнушева и в Восточной Пруссии, т.е. которые уже давно были нами установлены».

Маршал Конев не питал иллюзий: «Плацдарм заранее был заполнен, можно сказать, забит войсками. Это, конечно, не было и не могло быть тайной для противника. Кому не ясно, что если одна сторона захватила такой большой плацдарм, да еще на такой крупной реке, как Висла, то отсюда следует ждать нового мощного удара. Уж если захвачен плацдарм, так для того и захвачен, чтобы с него предпринимать дальнейшие наступательные действия. Так что место нашего будущего прорыва не было для противника секретом».

И время, кстати, тоже.

Гудериан пишет: «Мы рассчитывали, что наступление начнется 12 января 1945 г.». Правильно рассчитывали. Примечательно, что в германском Генеральном штабе «рассчитывали» буквально в тот же день, когда Сталин диктовал послание Черчиллю с «весьма секретной информацией». За четыре дня до советского наступления командующие группой армий «А» и группой армий «Центр» предложили скрытно оставить оборонительные позиции на западном берегу Вислы и Нарева и отступить на 20 километров, заняв менее растянутые тыловые рубежи, что давало возможность снять с фронта и вывести в оперативный резерв хотя бы несколько дивизий.

9 января начальник Генерального штаба сухопутных сил, вооружившись картами и схемами, отображающими соотношение сил на Восточном фронте, прибыл в Цигенберг для доклада фюреру. Итоговые цифры, выведенные руководителем отдела «Иностранные армии — Восток» генералом Геленом, доказывали, что русские на берлинском направлении обладают 15-кратным превосходством на суше и 20-кратным в воздухе:

«Когда я показал Гитлеру эти разработки, он разразился гневом, назвал их совершенно идиотскими и потребовал, чтобы я отправил составителя этих схем в сумасшедший дом...

Предложения Харпе и Рейнгардта были отклонены. Последовали ожидаемые ядовитые замечания в адрес генералов, которые-де под термином «оперировать» всегда понимают только отход на следующие запасные позиции.

Все усилия создать крупные оперативные резервы на угрожаемых участках сильно растянутого Восточного фронта разбились о беспомощную позицию Гитлера и Йодля. В настроении верховного командования вооруженных сил господствовало необоснованное мнение о том, что наши точные данные о предстоящем крупном наступлении русских могут быть всего лишь крупным блефом. Там вообще охотно верили только в то, чего желали, и закрывали глаза на суровую действительность».

Присутствовавший на совещании рейхсмаршал Геринг авторитетно заявил, что восемь тысяч русских самолетов — просто фанерные макеты. Они совсем не страшные.

Короче, «доклад не удался». Кипя негодованием, генерал Гудериан попросил предоставить ему отпуск или комнату в дурдоме рядом с Геленом и удалился, проклиная в душе «страусовую политику и стратегию самообмана».

Оставалось только ждать, как скоро рухнет «карточный домик» Восточного фронта. Ждать пришлось недолго.

Первыми 12 января перешли в наступление армии И.С. Конева и обеспечивавшие их с юга армии И.Е. Петрова.

На 1-м Украинском фронте в 5.00 после 15-минутного огневого налета в атаку поднялись передовые, они же, как правило, штрафные батальоны, в просторечии именуемые «школами баянистов», и штурмовые инженерно-саперные роты. Ими легко была захвачена первая траншея, но затем войска столкнулись с заграждениями, огнем минометов и артиллерии. В 10.00 маршал приказал провести полноценную артиллерийскую подготовку, а надо сказать, что на сандомирском плацдарме было сосредоточено почти 12 тысяч орудий и минометов. Авиация, ввиду сложных метеорологических условий, в этот день не работала: с неба хлопьями валил густой снег, видимости фактически не было никакой.

Большие пушки, по утверждению Конева, отстрелялись с высочайшей эффективностью: «Взятые в плен в первые часы

прорыва командиры немецко-фашистских частей показали, что их солдаты и офицеры потеряли всякое самообладание. Они самовольно (а для немцев это, надо прямо сказать, нехарактерно) покидали свои позиции. Немецкий солдат, как правило — и это правило подтверждалось на протяжении всей войны, — сидел там, где ему приказано, до тех пор, пока не получал разрешение на отход. Но в этот день, 12 января, огонь был столь беспощадным и уничтожающим, что оставшиеся в живых уже не могли совладать с собой».

У генерала В.С. Архипова и того чище: «Окопы и ходы сообщения были завалены трупами фашистов. Это полегла здесь 68-я немецкая пехотная дивизия. Вся, целиком. Со штабами и тыловыми службами».

Правда, у тех, кто непосредственно наблюдал прорыв вражеской обороны, сложилось иное мнение: *«На рубеже 2-й и 3-й линий траншей пехоты противника не оказалось, за исключением небольших групп и одиночных стрелков и автоматчиков. С самого рассвета над полем боя висел туман и ограничивал видимость по горизонту до 1—1,5 км, а в высоту до 400—500 м. Ввиду этого, с НП не было видно ни результатов мощного артиллерийского огня, ни противника, по которому велся этот огонь. На НП командующего 3-й гвардейской танковой армией было мнение, что почти двухчасовая артподготовка велась по пустому месту, откуда противник уже отступил. В дальнейшем показаниями пленных и просмотром некоторых участков, подвергшихся нашей артобработке, такое предположение подтвердилось».*

Конкретный пленный из 68-й пехотной дивизии сообщил, что еще *«вечером 11.1.45 солдатам был объявлен приказ о том, что с утра 12.1.45 русские перейдут в наступление, поэтому 196-й пехотный полк должен отходить в западном направлении».*

Действительно, основные силы немцев, оставив прикрытие, уходили на тыловой рубеж, поэтому спорным является вопрос, чьими трупами были завалены окопы и ходы сообщения. Скорее всего — это фантазия мемуариста вкупе с изысками его литературного обработчика.

Главные силы 1-го Украинского фронта, поддерживаемые двойным огневым валом, начали наступление в 11.50 и в течение двух-трех часов боя с немецкими арьергардами полно-

стью овладели первой и второй траншеями первой полосы обороны: *«Пехота 52-й армии встречала сопротивление при своем наступлении только в отдельных опорных пунктах и держивалась на минированных участках местности»*.

Для завершения прорыва уже в 14 часов Конев ввел в сражение 4-ю и 3-ю гвардейскую танковые армии, 31-й и 4-й гвардейский танковые корпуса — более 2000 танков и самоходов. Что возымело желаемое действие. К концу дня войска фронта преодолели первую полосу обороны на 35-километровом участке и вышли ко второй, вклинившись на глубину 15—20 километров. Продвижение основных танковых сил затруднялось только тем, что все дороги и маршруты оказались забиты артиллерией и транспортом общевойсковых армий. По этой причине вечером 12 января наступавший во втором эшелоне 7-й гвардейский танковый корпус еще не достиг переднего края, а тылы армии Рыбалко все еще оставались в исходных районах. Корпуса 4-й танковой армии, вводившиеся в полосу 13-й армии генерал-полковника И.П. Пухова, оставались за боевыми порядками пехоты до утра.

В течение ночи наступавшие вели бои за вторую полосу. К 10 часам 13 января передовой отряд 6-го гвардейского танкового корпуса под командованием полковника И.И. Якубовского — 51-я гвардейская танковая бригада, усиленная самоходным артполком, дивизионом «катюш», батальоном автоматчиков и двумя саперными ротами, — вышел в реке Нида в районе Собкув и захватил плацдарм на западном берегу. Пехота перебралась по льду, танки переправились вброд, предварительно разрушив тонкий ледовый панцирь артиллерийскими выстрелами. Почти одновременно севернее приступила к форсированию реки 63-я гвардейская Челябинская танковая бригада из армии Лелюшенко.

На второй день сражения немцы попытались нанести запланированный контрудар по флангам русского клина силами 24-го танкового корпуса генерала Вальтера Неринга. 16-я танковая (145 танков и САУ) и 20-я танко-гренадерская (73 танка) дивизии нацеливались на юг из района Кельце, а 17-я танковая дивизии (156 танков и САУ) — из района Пиньчув на север. Клещи должны были сомкнуться у Лесува. Однако

17-я танковая дивизия к этому времени сама оказалась зажата между флангами двух советских танковых армий и вынуждена была перейти к обороне в районе Хмельника.

Столкнувшись с резервами противника, генерал Лелюшенко решил приостановить наступление передовых отрядов, совершить двусторонний охват частей 17-й танковой дивизии и во взаимодействии с 6-м гвардейским танковым корпусом 3-й танковой армии нанести одновременно удары по обоим ее флангам. С фронта предполагалось сковать противника двумя танковыми бригадами и артиллерией, выведенной на прямую наводку. К исходу дня после ожесточенного боя 17-я танковая дивизия была окружена частями 10-го танкового и 6-го механизированного корпусов и, потеряв почти всю технику, стала пробиваться на север. Советские войска заняли Хмельник — узел сопротивления второй полосы обороны.

В районе Лесува 61-я гвардейская Свердловско-Львовская танковая бригада полковника Н.Г. Жукова схлестнулась с 501-м тяжелым танковым батальоном майора Сэмиша, имевшем в строю 54 обычных «тигра» и 18 «королевских». Бригада встретила врага в оборонительных боевых порядках и сумела отразить удар. Однако и сама понесла тяжелые потери. В бою погибли и советский комбриг, и немецкий комбат.

16-я танковая дивизия противника была скована 49-й механизированной бригадой в районе Радомице, а затем подверглась удару главных сил 4-й танковой армии.

«Почти два дня, — живописует Д.Д. Лелюшенко, — длилось кровопролитное танковое сражение, в котором участвовало до 1000 танков. Ряд населенных пунктов и рубежей переходили из рук в руки, стрельба велась в упор, пылали танки. Гитлеровцы стремились обойти наши фланги, но тут же наткнулись на противотанковые орудия, поставленные в засаду. Ночью на 14 января бой шел с нарастающей ожесточенностью. Танки перемешались, с трудом можно было различить, где свои, где чужие.

К утру неприятелю было нанесено крупное поражение, более 180 танков 16-й и 17-й танковых дивизий противника пылало на поле боя. Штаб 16-й танковой дивизии врага был

пленен, а 20-й моторизованной — разгромлен, офицеры спасались бегством».

Корпус Неринга отступил на север, к Кельце.

В этих боях высокой оценки удостоились противотанковые орудия БС-3, созданные Василием Грабиным специально для борьбы с «тиграми». Переделанная из 100-мм корабельной пушки Б-34, мощнейшая БС-3 имела один неприятный конструктивный недостаток: подпрыгивала при выстреле, сбивая прицел и стремясь искалечить наводчика. Но зато и дырявила любую бронетехнику с полутора километров. Так, отражая атаку 17-й танковой дивизии, две батареи из состава 199-й легкой артбригады, *«стреляя на дистанции свыше 1000 м, поражали самоходные 75-мм орудия и танки Т-4, сами находились вне досягаемости прямого выстрела бронеединиц противника».*

Тем не менее вражеские контратаки срывали предусмотренный планами график движения, вызывая неудовольствие командармов. Рыбалко выговаривал командиру 6-го гвардейского танкового корпуса генерал-майору В.В. Новикову:

«Вы потеряли время и управление корпусом. Категорически приказываю к утру 14.1.45 главными силами быть на западном берегу р. Нида. Подтяните корпус в кулак, не разбрасывайтесь. Противник в худшем положении, его надо бить, а не уклоняться от него».

В течение дня 14 января основные силы 3-й гвардейской танковой армии вброд и по наведенным мостам, потеряв в общей сложности застрявшими и затонувшими 25 боевых машин, переправились через реку Нида, не позволив противнику закрепиться на этом рубеже. Южнее при поддержке двух танковых корпусов успешно продвигались вперед войска 5-й гвардейской армии генерал-полковника А.С. Жадова (32, 33, 34-й гвардейские стрелковые корпуса).

Таким образом, в трехдневный срок оборона немцев перед сандомирским плацдармом была взломана. Войска 1-го Украинского фронта перешли к преследованию: 4-я танковая армия обходила Кельце с юга, армия Рыбалко 15 января двумя танковыми корпусами вышла к реке Пилица, захватив

плацдармы на ее левом берегу. Вслед за ними наступали общевойсковые армии.

По мере продвижения вперед между 5-й гвардейской и 60-й армиями образовался разрыв, в который командующий фронтом ввел 59-ю армию (43-й, 115-й стрелковые корпуса, 245-я стрелковая дивизия), переподчинив ей 4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус генерал-лейтенанта П.П. Полубоярова (197 танков, 42 самоходные установки, 82 бронемашин) и 17-ю артиллерийскую дивизию прорыва генерал-майора С.С. Волкенштейна.

К исходу 15 января войска 5-й гвардейской армии вышли к Пилице, а 59-й и 60-й — к третьей полосе обороны противника северо-восточнее Кракова.

Глубокий прорыв 1-го Украинского фронта и начавшееся наступление 1-го Белорусского фронта поставили немецкие войска, оборонявшиеся вдоль Вислы, между пулавским и сандомирским плацдармами, перед угрозой окружения. Командующий 4-й танковой армией генерал Франц Грезер отдал приказ об отводе дивизий 42-го армейского корпуса в район Скаржиско-Каменна. Обеспечивая его отход, противник усилил сопротивление в районе Кельце. Отброшенные сюда соединения 24-го танкового корпуса Неринга и части 72-й пехотной дивизии усилили оборону города, который с трех направлений штурмовали соединения 3-й гвардейской, 13-й и 4-й танковой армий. Кельце пал вечером 15 января. Одновременно войска 6-й армии (22-й, 74-й стрелковые корпуса, 359-я стрелковая дивизия) преследовали соединения 42-го корпуса, отходившие из выступа севернее Сандомира. Перейдя в наступление в 16 часов, они овладели городами Островец и Опатув. Вместе с 25-м танковым корпусом генерал-майора Е.И. Фоминых наперерез врагу продвигались на север дивизии 3-й гвардейской армии Гордова (76, 120, 21-й стрелковые корпуса).

С самого начала советского наступления генерал Гудериан убеждал Гитлера бросить «свои баталии в Вогезах» и поскорее возвращаться в Берлин и этим «хотя бы только внешне перенести центр тяжести наших боевых действий снова на

Восток». Фюрер, увлеченный планами разгрома англо-американцев, отнекивался и повторял, что сил на Восточном фронте вполне достаточно. Однако постепенно и до него дошло, что дела на Востоке идут не совсем так, как ему представлялось. 15 января «Верховный главнокомандующий Вермахта» решил перенести свою ставку в имперскую канцелярию и по ходу дела, ни с кем не советуясь, принял полководческое решение, которое повергло в отчаяние начальника Генерального штаба ОКХ: немедленно перебросить танковый корпус «Великая Германия» из Восточной Пруссии в район Кельце и предотвратить прорыв в направлении Познани. В состав корпуса, которым командовал генерал Дитрих фон Заукен, входили парашютно-танковая дивизия «Герман Геринг», мотодивизии «Великая Германия» и «Бранденбург».

Гудериан считал, что, во-первых, «немедленно» не получится, во-вторых, корпус «Великая Германия» находится именно там, где ему и надлежит быть, в-третьих, нужные войска можно взять в Курляндии, где от них нет никакого толку, или перебросить с Западного фронта, прекратив там наступательную активность:

«Необходимо упомянуть, что эшелоны с боевыми частями этого корпуса уже все равно не успели бы прибыть вовремя, чтобы остановить наступление русских, но были бы сняты с оборонительных рубежей в Восточной Пруссии в такое время, когда там назревал кризис русского наступления. Их вывод оттуда в настоящее время означал бы, что в Восточной Пруссии начнется такая же катастрофа, какая произошла на Висле. Эти боеспособные дивизии находились на железнодорожных станциях, в то время как шли бои, решающие исход войны».

Когда Гудериан не согласился с приказом, Гитлер «пришел в ярость» и настоял на своем. Сутки спустя «вышел из себя» Гудериан, узнав, что Фюрер отдал распоряжение снять с Западного фронта 6-ю танковую армию СС, но направить ее не на Одер, а в Венгрию для деблокирования Будапешта.

16 января армии 1-го Украинского фронта преследовали противника во всей 250-километровой полосе. Командование Вермахта старалось отвести остатки своих соединений за

реку Пилица, однако попытки организовать оборону на подготовленном здесь рубеже были сорваны действиями советских войск.

Вместе с 4-й танковой армией 13-я армия Пухова (24, 102, 27-й стрелковые корпуса), совершив 40-километровый бросок, к исходу 17 января форсировала Пилицу. Войска 52-й и 5-й гвардейской армий, используя успешные действия 3-й гвардейской танковой армии и продвигаясь темпом 20—30 километров в сутки, преодолели Пилицу, форсировали реку Варта и приняли у танкистов города Радомско и Ченстохову. По приказу Рыбалко 52-я гвардейская танковая бригада, которой командовал подполковник Курист, рванулась на север, преодолела 50 километров, ночной атакой 18 января захватила Пётркув и удерживала его до подхода частей Лелюшенко.

Быстрому преодолению водных преград способствовала высокая насыщенность наступающих армий инженерно-саперными подразделениями: «Все первые эшелоны наших войск, в особенности танковых и механизированных, шли в прорыв с комплектом, даже сверхкомплектном переправочных средств. Это позволяло им с предельной быстротой наводить переправы через реки в глубине обороны противника».

Начальник инженерных войск фронта генерал И.П. Галицкий: «Я невольно подумал, как разбогател наш фронт. Он имел теперь три штурмовые инженерно-саперные бригады, одну моторизованную инженерную и две понтонно-мостовые. Всего шесть бригад, не считая пяти отдельных батальонов фронтового подчинения. Кроме того, в армиях имелось по одной инженерно-саперной бригаде, да в корпусах и дивизиях по саперному батальону. Это огромная инженерная сила. А с чего начинали войну? 201 инженерно-саперный батальон, да и те были на строительстве укреплений западных государственных границ. А сегодня в действующей армии 1129 батальонов. Инженерных бригад до войны вовсе не было. Теперь же их 109».

Ну и, конечно, немалую роль сыграло отсутствие на тыловых рубежах немецких войск. Как вспоминает генерал Г.В. Бакланов, бывший командир 34-го гвардейского стрел-

кового корпуса: «Двигаясь к Ченстохову, наши части приближались к границе германского рейха. Недалеко от города и восточнее его мы пересекли прекрасно оборудованную линию немецких укреплений: глубокие, я бы сказал, благоустроенные траншеи, внушительно выглядывшие доты и дзоты. Но гитлеровцев там не оказалось, так что несколько десятков километров мы прошли, так сказать, беспрепятственно, страдая главным образом от того, что все время значительно опережали свои обозы и нередко оставались без горячей еды».

3-я гвардейская и 6-я армии 17 января подошли к Скаржиско-Каменна и на следующий день, овладев городом, соединились с войсками 33-й армии 1-го Белорусского фронта. Задуманное советским командованием «кольцо» сомкнулось, однако, благодаря упорному сопротивлению дивизий Неринга и неудачным действиям дивизий генерала Гордова, ловушка оказалось пуста — противник успел отвести войска от Вислы на запад и избежал окружения. Последним в сторону Лодзи уходил 24-й танковый корпус.

Ожесточенные бои разгорелись на краковском направлении. Германское командование предпринимало все меры для организации обороны на подступах к Кракову, прикрывавшему пути в Силезский промышленный район. 59-я и 60-я армии, отражая контратаки, к исходу 17 января вышли к предместьям города. К этому времени правый фланг 17-й армии генерала Шульца обходили войска 38-й армии 4-го Украинского фронта.

Таким образом, за шесть дней 1-й Украинский фронт разгромил основные силы 4-й танковой армии и во взаимодействии с 4-м Украинским фронтом нанес серьезное поражение 17-й армии врага.

Наступление войск 1-го Белорусского фронта началось 14 января. Сначала с некоторой долей надежды военачальники ожидали улучшения погоды, но, «чем ближе к утру, тем больше густел и тяжелел туман, превращаясь в непроглядную завесу». В это время саперы проделывали проходы в минных заграждениях, агитаторы вдохновляли бойцов на подвиги,

политработники проводили партийные и комсомольские собрания:

«Члену партии Константинову поручается измерить глубины реки Пилица, — доносится голос секретаря. — Командиру отделения коммунисту Никитину поручается первому форсировать реку. Никитин, вам известно, что на том берегу Пилицы сильно укреплено?»

— Так точно. Доверие партии оправдаю!

— Комсомольцу Василию Погромскому, — слышится неподалеку, — поручается водрузить на том берегу Пилицы вымпел ЦК комсомола...»

В подразделениях зачитывали обращение Военного совета фронта, которое отечественные историки из природной стыдливости цитировать избегают, а вот доктор Геббельс мечтал «пробить» его публикацию в мировой прессе:

«Пробил великий час!

Пришло время нанести противнику последний, решающий удар и выполнить историческую задачу, поставленную товарищем Сталиным: прикончить фашистского зверя в его собственной берлоге и водрузить знамя Победы над Берлином!

Пришло время рассчитаться с немецко-фашистскими выродками. Велика и нестерпимо жгуча наша ненависть! Мы не забыли унижений и горя, принесенных нашему народу гитлеровскими людоедами. Мы не забыли сожженных дотла наших городов и деревень. Мы помним наших братьев и сестер, наших матерей и отцов, наших жен и детей, замученных немцами. Мы отомстим за сожженных в адовых печах, за умерщвленных в газовых камерах, за расстрелянных и повешенных. Мы жестоко отомстим за все.

Мы идем в Германию, а за нами находится Сталинград, Украина и Белоруссия, мы идем по пеплу наших городов и деревень, по кровавым следам, оставленным нашими советскими людьми, замученными до смерти и растерзанными фашистскими шакалами.

Пусть же дрожит от ужаса страна убийц!

Нас ничто уже не удержит!

Мы поклялись погибшим друзьям и нашим детям, что не сложим оружия, пока не покончим с преступниками. За

смерть, за кровь советских людей фашистские громаилы многократно заплатят своей черной кровью...

Уничтожая фашистское зверье, мы выполним до конца и свою роль армии-освободительницы. Война не может быть окончена, пока в немецком рабстве изнывают советские люди и фашистское гнездо грабителей и разбойников не уничтожено...

На этот раз мы окончательно разобьем немецких выродков!

Мы сильнее врага. Наши пушки, самолеты и танки лучше немецких, и их у нас больше, чем у противника. Это первоклассное оружие дал нам народ, обеспечивающий своим героическим трудом наши победы.

Мы сильнее врага, потому что сражаемся за справедливое дело, против рабства и порабощения. Нас воспитывает, организует и воодушевляет на подвиги партия Ленина—Сталина, партия победы.

Мы сильнее врага благодаря мудрости нашего Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза товарища Сталина, осуществляющего руководство борьбой нашего народа и Красной Армии. И мы знаем: Сталин с нами и победа — за нами.

Наша цель ясна. Дни гитлеровской Германии сочтены. Ключи к победе — в наших руках...

За нашу советскую родину, за наш героический народ, за нашего любимого Сталина — вперед, боевые товарищи!

Смерть немецким захватчикам!

Да здравствует Победа!»

В 7 утра по траншеям разнесли горячие щи и «наркомовские» сто граммов водки.

Сага о винной порции достойна отдельного исследования.

22 августа 1941 года, когда немцы вдребезги разбили первый стратегический эшелон Красной Армии, вышли к Киеву, захватили Гомель, Кировоград, Смоленск, вплотную подобрались к Ленинграду, Государственный Комитет Оборонны среди прочих мер поднятия боевого духа войск, вроде стрельбы из всех видов оружия по «трусливым элементам» и репрессивных мер по отношению к семьям «предателей и дезертиров», постановил начать выдачу водки всему личному

составу «передовой линии действующей армии» в количестве 100 граммов в день. 11 мая 1942 года, в канун летнего стратегического наступления, которое должно было привести к «окончательному разгрому немецко-фашистских войск и освобождению советской земли от гитлеровских мерзавцев», было решено зря водку не переводить, а выдавать ее в виде поощрения «только военнослужащим частей передовой линии, имеющим успехи в боевых действиях против немецких захватчиков». Имеющим успехи — по полному стакану ежедневно, остальным — полстакана и только по праздникам. Однако успехов не последовало, а был позорный разгром советских войск в Крыму и под Харьковом. Через месяц даже «передовикам» норму уполовинили. В ноябре 1942 года, когда решалась судьба страны, вновь решили наливать всей действующей армии: подразделениям, ведущим непосредственно боевые действия, и частям, производящим работы на передовых позициях, сидящим в окопах и находящимся в дивизионном резерве, и даже раненым с разрешения врача. Окончательное мнение ГКО выработал лишь 30 апреля 1943 года, постановив «прекратить массовую выдачу водки» и выдавать по 100 граммов в сутки «военнослужащим тех частей передовой линии, которые ведут наступательные действия».

Само собой, в первую очередь «продукт» в неограниченном количестве потребляли те, кто должен был его распределять, и отцы-командиры. Формально Наркомат обороны пытался с этим бороться и периодически издавал грозные приказы:

«Несмотря на неоднократные указания и категорические требования о выдаче водки в действующей армии строго по назначению и по установленным нормам, до сих пор не прекращаются случаи незаконной выдачи водки.

Водка выдается штабам, начсоставу и подразделениям, не имеющим права на ее получение.

Некоторые командиры частей и соединений и начсостав штабов и управлений, пользуясь своим служебным положением, берут водку со складов, не считаясь с приказами и установленным порядком».

В приказной части требовалось организовать строгий учет

и назначать завскладами и кладовщиками «специально подобранных честных, проверенных лиц, могущих обеспечить полнейшую сохранность водки». Вот с этим была вечная проблема. Честные лица на таких должностях почему-то не задерживались, а мигом оказывались в окопах, их закономерно сменяли тыловые крысы, умеющие угодить начальству и не забыть себя. Поэтому на передовой водку получали в последнюю очередь, а установленную норму красноармейцы добивали за счет погибших товарищей.

Погоды все не было. Не дождавшись милостей от природы, маршал Жуков, находившийся на командном пункте 5-й ударной армии, приказал «начать игру».

В 8.30 смолкла музыка и грянуло свыше 10 тысяч артиллерийских стволов. Мощнейший огневой налет длился всего 25 минут. Затем усиленные стрелковые батальоны «разведывательного эшелона», поддерживаемые огнем валом, в течение часа продвинулись на 2—3 километра, не встречая организованного сопротивления. Их успех немедленно развили главные силы ударной группировки фронта. Запланированную полную артподготовку Жуков решил не проводить, что позволило сэкономить почти 30 тысяч тонн боеприпасов.

Наступавшие с магнушевского плацдарма 5-я ударная армия (26-й гвардейский, 32-й, 9-й стрелковые корпуса) генерал-полковника Н.Э. Берзарина и 8-я гвардейская армия (28, 29, 4-й гвардейские стрелковые корпуса, 6-й артиллерийский корпус прорыва РГК) генерал-полковника В.И. Чуйкова, прорвав первую полосу обороны 6-й и 251-й пехотных дивизий, к исходу дня продвинулись на глубину до 12 километров. При этом стрелковые части 5-й ударной не только форсировали реку Пилица по льду, но и захватили исправные мосты. 61-я армия (9-й гвардейский, 80-й, 89-й стрелковые корпуса) под командованием генерал-полковника П.А. Белова форсировала реку Пилица и вклинилась в оборону врага на 2—3 километра.

Одновременно с пулавского плацдарма ударили 69-я (91, 25, 61-й стрелковые корпуса) и 33-я (16, 38, 62-й стрелковые корпуса) армии. Уже к 14.00 их войска преодолели первую

полосу обороны, после чего в сражение были введены 11-й и 9-й танковые корпуса генералов И.И. Ющука и И.Ф. Кириченко. В течение дня 69-я армия продвинулась на глубину до 20 километров, 33-я армия — до 15 километров.

Особенно отличился проложивший дорогу всей армии 1-й батальон 215-го гвардейского стрелкового полка 77-й гвардейской стрелковой дивизии. Бывший командир взвода Михаил Гурьев вспоминал: «Накануне наступления по траншеям пронесли полковое Знамя, и мы целовали его... Мы себя чувствовали смертниками. Знали ведь, как немцы здесь укрепились. Понаделали всяких ходов сообщений, каждую кочку пристреляли. Пришлось продираться сквозь жуткие заслоны... В атаке «Ура!» никто не кричал, физически просто невозможно, все силы — броску. Первую траншею наши артиллеристы почти сровняли с землей — одни трупы. Другие роты залегли на второй траншее, а мы и ее целехонькие проскочили. Вперед вырвались и соседям помогли — огнем с фланга».

Отмечая массовый героизм, проявленный подразделением при прорыве, Военный совет 69-й армии присвоил батальону почетное наименование «Батальон Славы». Весь рядовой и сержантский состав батальона, живые и павшие, — около 350 человек — был награжден орденами Славы, командиры взводов — орденами Александра Невского, командиры рот — орденами Красного Знамени. Комбату, 23-летнему гвардии майору Б.Н. Емельянову, присвоили звание Героя Советского Союза. Случай уникальный. Впрочем, уникальным соединением была сама 77-я гвардейская Черниговская Краснознаменная ордена Суворова II степени стрелковая дивизия. Она принимала участие в самых известных сражениях Отечественной войны: в битвах под Москвой и под Сталинградом, в Орловской наступательной операции и форсировании Днепра, в операции «Багратион» и захвате висленских плацдармов, каждый раз прирастая почетными наименованиями и наградами. После выхода к Одеру на ее Боевом Знамени появится орден Ленина. И если в 215-м полку появился Батальон Славы, то во 2-м батальоне 218-го стрелкового полка была Рота Героев. За всю войну в 69-й армии звания Героя Советского Союза удостоились 122 бойца и командира, в 77-й

гвардейской дивизии их было 67. От Волги до Эльбы дивизия «пропахала» под командованием генерал-майора В.С. Аскалепова.

Советская авиация в этот день так и не смогла подняться в воздух.

15 января в 14.00 в полосе наступления 8-й гвардейской армии была введена в сражение 1-я гвардейская танковая армия генерал-полковника М.Е. Катукова (11-й гвардейский танковый, 8-й гвардейский механизированный корпуса, 64-я гвардейская танковая бригада — 792 танка и САУ). К исходу дня ее передовые бригады, продвинувшись на 40—50 километров, вышли к реке Пилица. В этот же день севернее Варшавы в наступление перешла 47-я армии (77, 125, 129-й стрелковые корпуса). Ее соединения прорвали оборону врага и приступили к форсированию Вислы. На следующий день, переправившись через Пилицу, в «чистый прорыв», совершенный дивизиями Берзарина, вошли 2-я гвардейская танковая армия генерал-полковника С.И. Богданова (9-й и 12-й гвардейские танковые, 1-й механизированный корпуса — 840 танков и САУ) и 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерала В.В. Крюкова. Стремительно развивая успех, танковая армия обогнала пехоту и совершила бросок на 60 километров, а ее передовые отряды вышли к Сохачеву — в тыл оборонявшему Варшаву 46-му танковому корпусу генерала Вальтера Фриса. Правда, не обошлось без неприятных сюрпризов:

«Танковые соединения армии в районе Сохачев впервые встретились с массовым применением «фаустпатронов» и, не имея опыта борьбы с ними, в населенных пунктах и узлах дорог имели потери и в ходе боев выработали методы действия по уничтожению «фаустников».

Сюрприз состоял не в факте наличия у немцев еще одного «чудо-оружия», а именно в его «массовом применении».

Разработки «реактивных» и «динамо-реактивных» противотанковых ружей велись в разных странах с начала 30-х годов. Однако в СССР они не получили развития: предлагаемые системы были неэффективными и ненадежными, мно-

гих энтузиастов этого направления, а также их покровителей пришлось пустить в распыл как «врагов народа». Основным средством ПТО считались противотанковые орудия, которыми Красная Армия была обеспечена, как ни одна армия в мире. Поэтому к началу Отечественной войны советская пехота не имела эффективных противотанковых средств ближнего боя. Лишь в августе 1941 года были срочно приняты на вооружение 14,5-мм ПТР конструкции В.А. Дегтярева и С.Г. Сиимонова. Мера вынужденная — в приграничном сражении войска теряли по 1100 орудий в день. Простые, надежные и достаточно эффективные противотанковые ружья сыграли большую роль в борьбе с немецкими танками, советские газеты прославляли подвиги героев-бронбойщиков. Однако против бронетехники заключительного периода войны они были бессильны.

В Германии летом 1943 года в рамках «Программы вооружения пехоты», наряду с реактивными противотанковыми ружьями, аналогами американской «базуки», был принят на вооружение «Панцерфауст» — одноразовый гранатомет с надкалиберной кумулятивной гранатой, получивший в Красной Армии широкую известность как «фаустпатрон». Устройство было предельно простым и состояло из двух основных частей: 101-мм или 150-мм гранаты и трубы с вышибным пороховым зарядом и ударно-спусковым механизмом. Уже через год промышленность штамповала их сотнями тысяч, а к концу 1944-го — по миллиону в месяц. Освоить «Панцерфауст» мог любой пацан из фольксштурма, вся «система» весила 3,25 либо 5,35 кг. Для производства выстрела нужно было взять гранатомет под мышку или положить его на плечо, поднять прицельную планку (мушкой служил ободок гранаты), снять предохранитель и нажать на пусковую кнопку. Максимальная прицельная дальность составляла 75 м, эффективная — около 35 м. В зависимости от калибра граната прожигала 140—200 мм брони. Использование кумулятивной боевой части обеспечивало одинаковое поражающее воздействие независимо от расстояния.

Советских кабинетных специалистов «Панцерфауст» не впечатлил: слабый вышибной заряд, малая дальность, недос-

таточная точность стрельбы — не «чудо-оружие», а очередной «эрзац». А вот нашим танкистам он хорошо запомнился. Многочисленные «фаустники» оказались опасным противником, особенно в тесноте и неразберихе уличных боев.

Вскоре это почувствовали и в 3-й гвардейской танковой армии, штаб которой тут же выдал следующие рекомендации:

«Вместо того чтобы врываться в населенные пункты с второстепенных направлений, неожиданно появляться перед противником, сея огнем своего вооружения панику и страх, танковые подразделения двигаются по главным магистралям, неся потери от фаустпатронов, истребителей танков, засевших в домах и укрытиях.

Фаустпатрон, действуя на дистанции 60—100 м, не является и не может быть грозным и серьезным оружием против танков. Между тем 20% вышедших из строя танков получили боевые повреждения от них, а безвозвратная гибель танков от фаустпатронов составляет более 30%».

Штаб 1-го Украинского фронта, обобщив полученную информацию, спешно разработал инструкцию по борьбе с новой угрозой: «Было рекомендовано широко применять экранирование танков и самоходно-артиллерийских установок. Фаустпатроны, пробивая навесные экраны из листового железа, встречали затем пустоту и, потеряв убойную силу, не наносили особого ущерба боевой машине. В большинстве они рикошетировали по броне. Одним из действенных средств борьбы с вражескими фаустниками являлось четкое и непрерывное взаимодействие пехотинцев с танкистами. товарищеская выручка в бою».

Насчет противоккумулятивных экранов наши умельцы догадались сами. В полевых условиях на броню приваривали все, что попадало под руку: листы металла, сетки, панцирные солдатские койки.

Самую исчерпывающую инструкцию «разработал» гениальный Жуков: «О «фаустпатронах» будете рассказывать после войны внукам, а сейчас без всяких рассуждений наступать вперед!»

Альберт Шпеер считал «Панцерфауст» оружием отчаяния. Генерал Чуйков, наоборот, высоко оценивал боевую эффек-

тивность «фаустпатрона» и даже предлагал скопировать его конструкцию под названием «Иван-патрон»: «8-я гвардейская армия, бойцы и командиры были влюблены в эти фаустпатроны, воровали их друг у друга и с успехом их использовали — эффективно». Советские солдаты охотно использовали трофейные гранатометы в городских боях. Однако, как сетовал бывший начальник ГАУ маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, «не нашлось активных сторонников таких средств противотанковой борьбы, как фаустпатрон... А ведь он прекрасно зарекомендовал себя». То есть имелись разногласия между фронтовыми и полигонными генералами.

На нижестоящем же уровне за пару-тройку слов, «восхваляющих вражескую технику», вполне можно было и на нары угодить. Писатель Василь Быков:

«Вообще разговор о качестве оружия возникал среди фронтовиков довольно часто — и в госпиталях, и в минуты недолгого затишья. Злободневная тема! Все сводилось к одному: какая дрянь наши автоматы, пулеметы, орудия и танки. Но на политзанятиях сказать об этом не решался никто. Так как во всех газетах можно было прочесть: наше оружие, наша техника лучше немецких. У них там все искусственное, сплошные эрзацы — и хлеб, и мыло, и кофе. Да еще войска снабжают невыносимо вонючим порошком — дустом, которым пересыпают все в блиндажах. Выходило, что куда удобнее по нашему примеру жарить вшей в бочках, чем пользоваться им. Иногда нам читали приказы, в которых объявлялись приговоры офицерам, позволявшим себе похвалить немецкое оружие, тем более — тактику. Ибо она, как не раз слышали мы, была у нас тоже лучшей. Только некоторые при этом криво усмехались, но помалкивали».

Конечно, «Панцерфауст» был оружием отчаяния. Несомненно, что потери танков от огня артиллерии были на порядок выше. Но у Вермахта «заканчивалась» артиллерия, а у фольксштурма ее вовсе не было. И еще, наличие «фаустников» оказывало на танкистов сильное моральное воздействие: попадание, как правило, вело к гибели всего экипажа: «Вот стоит машина с наглухо задраенными люками, из нее сквозь броню слышен визг вращающегося умформера радио-

станции. Но экипаж молчит... не отзывается ни на стук, ни по радио. В башне — маленькая, диаметром с копейку дырочка — мизинец не пройдет. А это — «фауст», его работа! Экран в этом месте сорван, концентрированный взрыв ударил по броне... Из башни достаем четырех погибших танкистов. Молодые, еще недавно веселые сильные парни. Кумулятивная граната прожгла сталь брони, огненным вихрем ворвалась в машину. Брызги расплавленной стали поразили всех насмерть».

История подтвердила плодотворность идеи легкого и предельно простого в обращении ручного противотанкового гранатомета. Но лишь в 1949 году Советская Армия получила на вооружение детище ГСКБ-30 Министерства сельскохозяйственного машиностроения — ручной гранатомет РПГ-2. От «Панцерфауста» он принципиально отличался тем, что пусковую трубу сделали многоразовой, ударно-спусковой механизм смонтировали в пистолетной рукоятке, а пороховой метательный заряд (в картонной гильзе) привинчивался к 80-мм надкалиберной гранате кумулятивного действия ПГ-2, по ободку которой осуществлялось прицеливание. Прицельная дальность стрельбы — 150 м, эффективная — не более 100 м, бронепробиваемость — 200 мм. Концепция одноразового гранатомета была реализована в СССР двадцать лет спустя в РПГ-18.

Стремясь закрыть образовавшиеся бреши, командование 9-й немецкой армии ввело в сражение 19-ю и 25-ю танковые дивизии (150 танков) 40-го танкового корпуса. Однако уже в ходе выдвижения они попали под удар соединений 1-го Белорусского фронта и вынуждены были отойти.

Наступавшие с пулавского плацдарма войска, прорвав вторую полосу обороны, перешли к преследованию противника. В ночь на 16 января армия генерала Колпакчи и 11-й танковый корпус штурмом овладели важным узлом коммуникаций и мощным опорным пунктом — городом Радом. Соединения 33-й армии с 9-м танковым корпусом подошли к городу Шидловец.

В результате двухдневных боев удары войск 1-го Белорус-

ского фронта с двух плацдармов практически слились в один мощный удар в полосе 120 километров.

Выход 2-й гвардейской танковой армии в район Сохачева и наступление 47-й армии Перхоровича севернее польской столицы создали для варшавской группировки угрозу окружения. Под натиском советских войск 46-й танковый корпус противника вместо отхода на запад, к Познани, вынужден был отступать на северо-восток, за Вислу. С утра 16 января погода заметно улучшилась, и 3-й бомбардировочный авиакорпус генерал-майора А.З. Каравачко бомбил лед на реке, штурмовики 6-го авиакорпуса генерал-майора Б.К. Токарева прочесывали берег Вислы, уничтожая переправочные средства, и наносили удары по немецким колоннам, 3-й истребительный авиакорпус генерал-лейтенанта Е.Я. Савицкого осуществлял прикрытие наземных соединений. За два дня 16-я воздушная армия совершила 5979 боевых вылетов.

16 января перешла в наступление 1-я армия Войска Польского под командованием генерала С.Г. Поплавского. В ночь на 17 января ее главные силы, переправившись через Вислу в полосе 61-й армии, подошли к городу с юга. Из немецких войск в Варшаве оставались четыре пехотных батальона и инженерные части. Штаб группы армий «А» поставил ОКХ в известность, что удержать город не удастся, более того, поскольку связь с гарнизоном прервана, вообще неизвестно, в чьих руках он находится. Смирившись с неизбежностью, Гудериан, не мешкая, передал генералу Харпе распоряжение действовать по обстановке и «наметить следующий рубеж обороны, исходя из предположения, что Варшава уже находится в руках противника». Во время доклада Гитлеру в ставку поступила радиограмма от коменданта Варшавы, в которой сообщалось, что он намерен оставить «крепость» в течение ночи.

Фюрер буквально взбесился и велел удержать Варшаву любой ценой. Однако восстановить оборону не удалось — гарнизон, уничтожив тыловое имущество, уже уходил.

Утром 17 января дивизии Войска Польского одновременно с частями 61-й и 47-й армий завязали бои на улицах Варшавы. К полудню они полностью освободили столицу Польши.

Город был мертв: «Варшава представляла собой горы руин. Повсюду почерневшие от пламени стены разрушенных зданий. Улицы завалены кирпичом и битым стеклом». Из 1 млн 310 тысяч довоенного населения в нем осталось только 162 тысячи. Отступая, немцы установили большое количество противотанковых и противопехотных мин, фугасов замедленного действия и различных взрывных ловушек. Советские саперы немедленно приступили к разминированию важнейших объектов.

Штаб фронта переместился в предместье Варшавы — Прагу. Сюда же поспешило Временное правительство Э. Осубки-Моравского. С ним Жукову приходилось дипломатничать, к чему Георгий Константинович, привыкший делить людей на начальство и остальных прочих, был органически неприспособлен. Эту раздраенность маршальских чувств отмечает его личный шофер А. Н. Бучин: «К привычным военным делам добавились хлопоты с вздорными и скандальными польскими деятелями. Во всяком случае, после встреч, хотя и редких, с ними маршал выглядел не лучшим образом».

Обидно было также, что поляки не слишком праздновали «освободителей», а сама Польша, за исключением столицы, «мало пострадала»:

«Стоило пересечь советскую границу, как мы оказались в ином мире. В Польше почти не видно разрушений, в деревнях скот, лошади. Живут очень прилично. Немцы, отходя на запад, не разрушают ничего и, конечно, не сжигают дома. Удивились, почесали в затылках и порешили — Европа, значит...

Красная Армия один на один дралась с Вермахтом при общей пассивности, а иногда и враждебности местных жителей. За них же отдавали жизнь наши бойцы и командиры!»

Варшаву, конечно, немцы порушили сильно, но не было к полякам сочувствия, несоветские они были какие-то и девушек своих от греха подальше прятали:

«Город был разбит почти так, как наши советские города. Пожалуй, то был единственный случай за время наступления в Польше, когда мы столкнулись с редкими разрушениями, напоминавшими повсеместные злодеяния немцев на наших землях. По делам мне пришлось тогда несколько раз побы-

вать в Варшаве и наблюдать удивительную картину: солдатня Войска Польского обнималась и бражничала с варшавянами, а множество предельно усталых наших саперов с сосредоточенными лицами разминировали центральные улицы города, очишали их от битого кирпича, от всякого хлама. Они очень торопились — 20 января в Варшаве состоялся парад Войска Польского...

Конечно, нас приветствовали, когда население получало из рук Красной Армии немецкое имущество. Впрочем, часто не дожидалось, пока дадут, а хватало все, что плохо лежит. Удивляло и обилие мужской молодежи призывного возраста, пересиживавшей войну. Пусть Иван воюет...

В Польше, насколько мы могли судить, молились мелочной торговле. На каждом шагу натыкались на торгашей, что-то продававших, менявших и по этому случаю пытавшихся вступать в контакт с нами — нельзя ли хоть чем-нибудь поживиться у Красной Армии. Торгашеский дух пронизывал всю страну.

Чем дальше мы шли по Польше, тем лучше понимали и другое — Красная Армия вскрыла тыл немецкого Восточного фронта, питавшего Вермахт в войне против нас. Приняв за чистую монету разговоры чуть ли не о любви местного населения к нам, мы на первых порах торопились улыбаться, протягивать руки и прочее. Прием обычно был холодноватый.

Обидно было даже не это, а то, что, пройдя тысячи километров по нашей сожженной и разрушенной войной Родине, мы попали в мир, проживший эти годы, может быть, и не в роскоши, но в относительной сытости. Опрятные города, упитанные деревни, прилично одетая публика. Могу поручиться: удивляло все это Георгия Константиновича и было чуждо ему, как и шепелявая речь, слышавшаяся на улицах, когда нам приходилось неторопливо проезжать через населенные пункты. Нет, не встречали нас в Польше хлебом-солью, да мы и не просили. Обходились своим.

Обзорную экскурсию по освобожденным районам Польши совершил первый секретарь компартии Украины Н.С. Хрущев, тоже не преминувший отметить: «Сравнивая разрушенные Киев, Харьков, города и шахты Донбасса, Полтаву с тем,

что я заметил здесь, я пришел к выводу, что Польша «отделалась» довольно легко, за исключением Варшавы».

А вот насчет того, что «обходились своим», Саша Бучин приврал, поскольку вместе со всем многолюдным фронтом жевал польский хлеб, собранный польскими крестьянами на польской земле. Одними из первых законов, принятых Люблинским комитетом еще в августе 1944 года, были декреты об обязательных поставках картофеля, зерновых культур, мяса, молока, сена «для государства». Одновременно были подписаны обязательства по снабжению Красной Армии продовольствием и другими необходимыми материалами (к примеру, план по зерну на 1944 год первоначально «весил» 530 тысяч тонн, затем по просьбе поляков его снизили до 380 тысяч) согласно установленным местными властями заготовительным ценам в польской валюте. Как правило, при закупках ориентировались на цены, сложившиеся при немцах; чуть позже поступило указание платить на 10% больше, чем «фашисты». Злотые «в размере, необходимом для содержания Красной Армии», предоставляла польская сторона. Советское командование получило также право в случае надобности проводить реквизицию имущества «у местного населения и частных фирм» и принудительную мобилизацию военнообязанных мужчин и женщин от имени и по поручению Комитета национального освобождения, не обладавшего ни авторитетом, ни реальной властью.

Советские тыловые службы, комендатуры и политорганы провели во всех воеводствах «широкую массово-разъяснительную работу», призывая крестьян выполнить правительственное задание неуклонно и досрочно. И, о чудо, пишет генерал Н.А. Антипенко:

«Хлеб и другие продукты тысячами тонн стали поступать на приемные пункты. Декрет обязывал крестьян доставлять все собственным транспортом, но мы не отказывали в автотранспорте, если поступала просьба об этом. Однако это бывало не так часто: крестьяне группировались в обозные колонны и под развевающимся красным флагом торжественно следовали на пункты сдачи. 15 декабря 1944 года в приказе по войскам 1-го Белорусского фронта командующий фронтом

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков объявил благодарность большой группе генералов и офицеров за полное завершение заготовок продовольствия, которого должно было хватить до нового урожая».

Действительно, большинство населения относилось к Красной Армии лояльно и дружелюбно. Эта дружба основывалась на понимании, что без помощи советских войск освобождение страны невозможно, и ненависти к общему врагу — немцам. В то же время поляков пугал возвратившийся в Европу «призрак коммунизма». Многие не желали признавать привезенное из Москвы «демократическое правительство» и затеянные им «социальные преобразования», отделение от Польши «крэсов восточных» — Западной Украины и Западной Белоруссии, разоружение отрядов Армии Крайовой, после пяти лет борьбы с гитлеровцами оказавшихся вдруг «бандами». Короче говоря, польское общество, с точки зрения советского человека, было засорено «враждебными элементами» и «реакционными кругами».

«На территории Польши, — вспоминает генерал И.Т. Коровников, — воины столкнулись с капиталистической действительностью, враждебной идеологией, чуждым советскому человеку бытом».

Генерал К.Ф. Телегин: «Теперь уже всем было понятно, что в ликующих толпах освобожденного народа маскировались и враждебно настроенные элементы, готовые в любую минуту пустить в ход и клевету, и оружие».

А вот генерал К.В. Крайнюков: «Польская реакция встретила в штыки демократические свободы и социальные преобразования. Классовая борьба между помещичье-буржуазной реакцией и демократическими силами приобрела особую остроту. Показала свое истинное лицо и так называемая Армия Крайова, представлявшая собой вооруженный оплот эксплуататорских классов, международной и внутренней реакции».

Отловом «враждебных элементов», нарушавших приказы советского командования о сдаче оружия и радиоприемников, уклонявшихся от мобилизации и «оборонительных работ», занималась контрразведка «Смерш», сроки им лепили

советские военные трибуналы. Польская военная прокуратура открыто манкировала своими обязанностями: дескать, по их законам, «военные суды не имеют права судить гражданских лиц, независимо от того, какие преступления эти лица совершили». Вот эти-то нерешительность и «дряблость» местных властей — «вздорных польских деятелей» — в проведении репрессий против соотечественников и вызывали раздражение Жукова и Телегина:

«ПКНО... слишком робко подходит к решению вопроса о ликвидации враждебных организаций, затягивает создание судебных-прокурорских органов, слабо применяет репрессии к враждебным элементам, как бы подчеркивая этим свою слабость и нежелание обострять отношения...»

Необходимо отметить, что население Польши еще до сих пор не чувствовало твердости руки ПКНО. Еще ни одного серьезного процесса над враждебными элементами не проведено, никто не осужден и не расстрелян, и это в глазах населения, подогреваемого аковцами, расценивается как слабость и неуверенность самого ПКНО».

Наш человек о твердой руке помнил всегда: «О, это роковое слово «Смерш». Оно действовало безотказно. Мы все замирали от страха, услышав его». А полякам еще предстояло учиться, учиться и учиться...

На главном направлении командование Вермахта пыталось отводом своих войск на оборудованные позиции вдоль рек Бзура, Равка, Пилица создать новый фронт обороны, но стремительное продвижение армий 1-го Белорусского фронта сорвало его замыслы. 1-я гвардейская танковая армия разгромила резервные части противника и преследовала их остатки на познаньском направлении.

5-я ударная и 8-я гвардейская армии, преодолев реку Равка, к исходу 17 января овладели Скерневице и Рава-Мазовецка, уничтожив при этом части танковой дивизии 40-го корпуса. С темпом 25—30 километров в сутки преследовали противника 69-я и 33-я армии, танковые корпуса которых в районе Томашув-Мазовецки подошли к Пилице. Сюда же выдвинулся введенный в сражение 7-й гвардейский кавале-

рийский корпус генерала М.П. Константинова. В результате четырехдневного наступления войска 1-го Белорусского фронта разбили главные силы 9-й немецкой армии и продвинулись в глубину на 100—130 километров.

Стрелковые корпуса, сворачиваясь в походные колонны, перешли к преследованию. Впереди колонн двигались передовые отряды, оснащенные сверхкомплектom переправочных средств. Быстрому продвижению советских войск благоприятствовала морозная погода, сковавшая грязь на дорогах. Среднесуточный темп продвижения механизированных соединений составлял 45 километров в сутки, общевойсковые соединения продвигались со средним темпом 30 километров; «чтобы не оторваться от противника, наши части в максимальной мере использовали все виды трофейного транспорта: автомобили, мотоциклы, велосипеды, повозки пр.». На многих трофейных машинах за рулем сидели пленные. Все фронтовики понимали, что лучше преследовать разбитого противника, чем с кровью выбивать его с очередного рубежа. И тыловикам тоже радость, хотя работы прибавляется: «Кроме того, высокие темпы наступления обычно дают огромную экономию материальных средств, и это легко доказать арифметически, если подсчитать, какой ценой доставался нам каждый километр завоеванной территории. Поспешно отходящий противник не успевает разрушить дороги, мосты, другие важные объекты, и это облегчает задачу восстановления — не снимает ее, конечно, а только облегчает, ибо почти все мосты стратегического значения противник успевал и в этом сражении подорвать. Наконец, высокие темпы наступления дают много трофеев, пусть даже частично приведенных в негодность...

В конечном итоге высокие темпы наступления создают для оперативного тыла более благоприятные условия, нежели замедленный темп, хотя и требуют в кульминационные моменты исключительного напряжения».

Вслед за боевыми частями и армейскими тылами следовали железнодорожные бригады Управления военно-восстановительных работ, восстанавливая магистраль Варшава — Познань — Франкфурт. Этому процессу предшествовала долгая

дискуссия между Военным советом фронта, транспортным комитетом при ГКО и Наркоматом путей сообщения СССР. Военные инженеры с целью обеспечения бесперебойного снабжения действующей армии по мере продвижения в глубь Европы предлагали перешивать основные железные дороги на союзную колею. В противном случае требовалось иметь сеть перевалочных баз, которые, по-хорошему, надо было построить на государственной границе СССР еще летом 1944 года. Наркомпуть возражал, утверждая, что «удлинение на запад железнодорожных путей союзной колеи еще более усилит напряженность перевозок внутри страны, особенно в связи с развернувшимися работами по восстановлению народного хозяйства». Победили в споре «хозяйственники», и Государственный Комитет Оборона принял решение об эксплуатации в Освободительном походе западноевропейской колеи с использованием трофейного подвижного состава.

К исходу 17 января центральная группировка 1-го Белорусского фронта (5-я ударная, 8-я гвардейская, 1-я и 2-я гвардейские танковые армии), успешно развивая наступление, уже подходила к главным коммуникациям и магистральным шоссе Варшава — Берлин.

«Особого сопротивления, — отмечает В.И. Чуйков, — наши войска не ощущали. На этом направлении основные силы противника были разгромлены, крупных резервов у него здесь не имелось».

Маршалом Жуковым была сделана следующая оценка обстановки: *«Противник в настоящее время против 1 БФ очень слаб, и эту слабость войска фронта обязаны использовать для успешного выполнения поставленных задач».*

Таким образом, к исходу 17 января войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов при содействии войск 2-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов прорвали оборону противника в полосе до 500 километров и продвинулись на глубину 100—160 километров. Основные силы группы армий «А» были разгромлены. Погиб командир 56-го танкового корпуса генерал Блок. Командир 17-й танковой дивизии полковник Альберт Брукс, командир 88-й пехотной дивизии генерал-лейтенант граф фон Риттберг, командир

214-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Киршбарх были взяты в плен.

Первый этап операции прошел сверхуспешно, и Ставка Верховного Главнокомандования уточнила дальнейшие задачи.

1-му Белорусскому фронту было приказано не позднее 2—4 февраля овладеть рубежом Быдгощ, Познань.

1-му Украинскому — главными силами продолжать наступление в общем направлении на Бреслау, не позднее 30 января выйти на Одер и захватить плацдармы на его западном берегу. Левофланговые 59-я и 61-я армии должны были не позднее 20—22 января овладеть Краковом и продолжать наступление с целью захвата Силезского промышленного района. Первоначально Краков должен был брать 4-й Украинский фронт, но у генерала Петрова не заладилось, его армии все больше отставали от соседей. Поэтому часть сил 1-го Украинского пришлось перенацеливать на юг.

Гитлер между тем устроил «разбор полетов».

17 января генерала Харпе, обвиненного в катастрофе на Висле, отстранили от командования группой армий «А». На его место был назначен волевой и энергичный генерал-полковник Фридрих Шёрнер, снискавший себе славу мастера оборонительных операций и одного из самых жестоких командующих. К тому же «народный генерал» весьма симпатизировал революционным идеям национал-социализма, а в силу мелкобуржуазного происхождения был далек от раздражавших Гитлера представителей прусской военной аристократии. Распоряжения фюрера Шёрнер выполнял беспрекословно. Таким, к примеру, был один из его приказов подчиненному дивизионному командиру: «Генерал-лейтенанта Вальтера Шаль де Болье следует поставить в известность, что он обязан восстановить свою собственную честь и честь своей дивизии мужественным поступком. В противном случае я с позором изгоню его из армии. Более того, к 21.00 он должен сообщить, каких командиров он уже расстрелял или отдал приказ расстрелять за трусость». В другом месте он писал: «Слабые натуры должны знать, что у командования найдется

достаточно сил и средств, чтобы наказать их по законам военного времени за отсутствие должной инициативы, любое нарушение долга и трусости перед врагом. В решающей схватке мировоззрений жизнь отдельного индивидуума не играет никакой роли... От каждого я требую проявления фанатизма и ничего более».

Доктор Геббельс, так просто был в восторге от этого военачальника: «Шёрнер — настоящий полководец. То, что он докладывает мне в деталях о своих методах поднятия морального духа, просто великолепно и свидетельствует не только о его широком политическом кругозоре. Он действует совершенно новыми, современными методами. Он не генерал за письменным столом и у военной карты; большую часть времени он проводит в боевых частях, с которыми у него установились отношения хотя и строгие, но тем не менее основанные на доверии. В частности, он взял под прицел солдат, отстающих от своих частей. К ним он относит тех солдат, которые в критической ситуации всегда стремятся отстать от войск и исчезнуть под каким-нибудь предлогом в тылу. Он довольно жестоко обходится с такими лицами, заставляет вешать их на ближайшем дереве и прикреплять щит с надписью: «Я дезертир, отказавшийся защищать германских женщин и детей».

От солдат Шёрнер удостоился прозвищ «террорист» и «имперский полевой жандарм». Кажется, это был единственный в Вермахте командир, которого после войны обвинили в военных преступлениях собственные подчиненные. На новом посту он начал с того, что сместил командующего 9-й армией Смило фон Лютвица под тем предлогом, что в день, когда была оставлена Варшава, его распоряжения были «недостаточно ясны и категоричны». Во главе армии был поставлен генерал пехоты Теодор Буссе.

Далее, расценив историю с оставлением Варшавы как откровенный саботаж, Гитлер вечером 18 января приказал арестовать и расследовать «предательскую» деятельность трех старших офицеров оперативного отдела ОКХ, отвечающих за составление донесений и приказов по Восточному фронту, в их числе начальника отдела полковника фон Бонина. После очередного бурного объяснения между фюрером, вознаме-

рившимся «покарать Генштаб», и Гудерианом, пытавшимся отстоять своих сотрудников, генералу тоже пришлось отправиться на Принц-Альбрехтштрассе. Поэтому в самый критический момент битвы на Висле начальник Генерального штаба сухопутных войск интересно проводил время в Управлении имперской безопасности, давая показания Эрнсту Кальтенбруннеру и гестапо — Мюллеру. Гудериану удалось добиться освобождения двух офицеров, правда, их отправили на фронт командирами полков, а фон Бонина мытарили по концлагерям до конца войны. Командир 46-го танкового корпуса генерал Вальтер Фрис, кавалер Рыцарского креста с Дубовыми листьями и Мечами, за отступление от Варшавы был отстранен от командования и отдан под суд военного трибунала.

Наконец, фюрер окончательно решил «рулить» боевыми действиями самостоятельно, руководствуясь не соображениями генералов, а своими собственными «прозрениями». Отныне — никакой самодеятельности!

19 января он отдал приказ по вооруженным силам, согласно которому любой военачальник до командира дивизии включительно нес личную ответственность перед Верховным Главнокомандующим за любое передвижение своих войск, будь то наступление или отход: «Во всех перечисленных случаях надлежит докладывать заранее, с тем чтобы у меня была возможность вмешаться в принятие окончательного решения и чтобы в случае отдания мною возможного контрприказа последний мог быть своевременно доведен до сведения войск». Основной обязанностью «в условиях ведения тяжелых боевых действий» стало следить за сохранностью средств связи, и все попытки оправдать свои действия ее отсутствием или скрыть в донесениях «неприкрашенную правду» отныне влекли драконовские меры наказания. По этому поводу фельдмаршал фон Рундштедт как-то заметил, что единственные солдаты, которыми он может распоряжаться по своему усмотрению, это те, которые охраняют двери его кабинета.

Пока суд да дело, новое командование группы армий «А» рассчитывало закрепиться на подготовленных в глубине оборонительных рубежах. Войска 9-й армии должны были удерживать рубеж между Лодзью и Вислой, а правым флангом на-

нести контрудар в южном направлении. 4-й танковой армии ставилась задача остановить русских, наступавших на Бреслау, западнее Ченстоховы. 17-я армия отвечала за Верхнюю Силезию. Правда, командование 4-й танковой армии реально имело под рукой две неполные дивизии и полторы бригады, остальные соединения, в том числе остатки 24-го танкового корпуса, находились где-то в «блуждающих котлах» и пробились на северо-запад на параллельных курсах с советскими танкистами, которые по-прежнему опережали в этой гонке.

Генерал Шёрнер едва успел разослать свой приказ адресатам, как 19 января немецкими войсками были оставлены города Лодзь и Краков.

Что касается Лодзи, то соединения 1-й гвардейской танковой армии, нацеленные на Познань, ее просто обошли. Прибывшие к этому моменту две дивизии корпуса «Великая Германия» исправить положение не смогли: им пришлось выгружаться в чистом поле под огнем русской артиллерии и вести оборонительные бои. Город заняла 82-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Г.И. Хетагурова.

Краков был подготовлен к длительной и упорной обороне: вокруг города соорудили три обвода с развитой системой траншей, отсечными позициями, противотанковыми рвами, долговременными огневыми точками, минными полями и прочими заграждениями — все как положено. На улицах были установлены железобетонные надолбы и баррикады, многие объекты — заминированы, причем с фантазией: «Войска встретились с новым видом противотанковых заграждений, который гитлеровцы называли пилонами. Пилоны представляли собой массивные железобетонные трубы двухметрового сечения и четырехметровой высоты; под подошвой их укладывался заряд, который взрывался по проводам из «диспетчерского пункта». Такой способ баррикадирования был удобен неприятелю, так как улицы не перегораживались до последней минуты, да и стоявшие столбы не вызывали подозрений гражданского населения, будучи похожи на устройства городского хозяйства. Гитлеровцы ставили пилоны на тротуарах и обочинах дорог; рядом строились огневые точки с амбразурами вровень с упавшим пилоном».

Однако «героической обороны» не получилось. К утру 19 января дивизии 59-й армии Коровникова охватили Краков с севера и северо-востока, соединения 60-й армии Курочкина — с востока и юго-востока, бригады 4-го гвардейского танкового корпуса обходили город с запада. У гарнизона оставалась открытой одна дорога на юг, и немцы поспешили ею воспользоваться. Маршал Конев, лично руководивший штурмом, на это и рассчитывал: «В данном случае мы не ставили себе задачи перерезать последний путь отхода гитлеровцев. Если бы мы это сделали, нам бы потом долго пришлось выкорчевывать их оттуда, и мы, несомненно, разрушили бы город. Как ни соблазнительно было создать кольцо окружения, мы, хотя и располагали такой возможностью, не пошли на это. Поставив противника перед реальной угрозой охвата, наши войска вышибали его из города прямым ударом пехоты и танков. К вечеру войска генерала Коровникова, громя арьергарды противника, прошли весь город насквозь...» Древняя столица Польши была взята целой и невредимой.

В тот же день 56-я гвардейская танковая бригада — передовой отряд 7-го гвардейского танкового корпуса — и 53-я гвардейская танковая бригада — передовой отряд 6-го гвардейского танкового корпуса — пересекли границу Германии и захватили первые немецкие населенные пункты — Нальгемсбрюкк и Питшен. 20 января границу перешли части 5-й гвардейской армии и, продвинувшись на 20 километров, овладели городом Розенберг.

В приграничных районах сопротивление противника резко возросло: с одной стороны, расширялся фронт советского наступления, с другой — подтягивались немецкие войска с других участков фронта. С 18 по 20 января в Силезию из Венгрии прибыли 20-я (78 танков) и 8-я (91 танк) танковые дивизии, с Запада — 712-я пехотная дивизия; восточнее Бреслау выгружались 269-я пехотная дивизия и 405-й народно-артиллерийский корпус. Кроме того, немецкая группировка усиливались за счет соединений, отступавших от Вислы. Так, объединив силы, пробились к своим 24-й танковый корпус Неринга и корпус «Великая Германия». Темп советского наступления замедлился.

Падение Кракова открывало дорогу в индустриальные районы Верхней Силезии, захват которых являлся важнейшей задачей фронта. Здесь, на сравнительно небольшой территории, почти примыкая друг к другу, находились такие промышленные города, как Катовице, Домброва-Гурнича, Сосновец, Бейтен, Глейвиц и другие. Здесь насчитывалось несколько сот различных предприятий, в том числе военные заводы, десятки шахт, железных и цинковых рудников, доменных печей, металлургических и химических предприятий. Все эти заводы и шахты находились вне зоны действия союзной авиации и продолжали работать на полную мощность, компенсируя немцам разбомбленный Рур. Главный рубеж обороны на подступах к Силезскому району проходил по западному берегу реки Пшемша и ее притокам. Господствующие берега способствовали созданию прочной позиционной обороны, тогда как открытые заболоченные поймы восточного берега затрудняли советским войскам не только переправы, но и подходы к ним. Все населенные пункты были превращены в «крепости».

Прикидывая план взятия Силезского промышленного района, оценивая противостоящие силы противника в 9 пехотных и 2 танковые дивизии, не считая отдельных батальонов и боевых групп (примерно 100 тысяч человек), маршал Конев разработал следующую диспозицию. 20 января он приказал круто изменить направление движения 3-й гвардейской танковой армии. Генерал Рыбалко должен был повернуть свои «коробочки» на 90 градусов и вместо Бреслау следовать на юг к городу Оппельн (где находился штаб группы армий «А»), отрезая пути отхода немецких войск, действующих против армии Жадова, в дальнейшем: *«С форсированием 5-й гвардейской армией р. Одер быть готовым по переправам 5-й гвардейской армии форсировать р. Одер для дальнейшего наступления на запад»*. Свежая 21-я армия (55, 117, 118-й стрелковые корпуса) генерала Гусева, усиленная 31-м танковым корпусом генерал-майора Г.Г. Кузнецова и 1-м гвардейским кавалерийским корпусом генерал-майора В.К. Баранова, наносила удар на Бейтен, охватывая Силезский район с севера и северо-запада; 59-я армия с 4-м гвардейским танко-

вым корпусом продолжала наступление на Катовице; 60-я армия продвигалась вдоль Вислы, заходя с юга.

С рассветом 21 января 3-я гвардейская танковая армия повела атаку в новом направлении. Опасаясь окружения, немецкие войска, еще продолжавшие сопротивление перед фронтом 5-й гвардейской армии, начали отводить свои силы за Одер.

«Когда 21 января 1945 года я встретился в Оппельне с вновь назначенным командующим группой армий «А», — вспоминает Шпеер, — он сообщил мне, что от нее осталось одно название: танки и тяжелое оружие были уничтожены в проигранном сражении. Никто толком не знал, как далеко продвинулись советские войска в направлении Оппельна. Во всяком случае, офицеры бежали из штаб-квартиры, а в нашей гостинице осталось лишь несколько человек, решившихся переночевать здесь».

К исходу 23 января дивизии генерала Жадова прорвались к Одеру, совместно с танкистами заняли Оппельн и, проложив по льду деревянные настилы, в сплошном тумане «относительно спокойно» захватили первый плацдарм на западном берегу размером 22 на 5 километров. Севернее к реке пробился 78-й стрелковый корпус армии Коротеева, южнее — 21-я армия Гусева. На следующий день передовые отряды 4-й танковой армии тоже вырвались к Одеру и приступили к его форсированию севернее Бреслау; за корпусами Лелюшенко подтягивались дивизии генерала Пухова. Наступательный порыв был велик, все понимали, что Одер — рубеж символический, и «все знали об указании Верховного Главнокомандования о представлении особо отличившихся при форсировании Одера к званию Героя Советского Союза». В 4-й танковой особо отличилась 17-я гвардейская механизированная бригада подполковника Л.Д. Чурилова, 25 января с ходу преодолевшая реку на подручных средствах в районе Кебен, севернее Штейнау, и обеспечившая переправу 6-го гвардейского мехкорпуса. В боевой летописи бригады числится 30 Героев, из них 16 — за одерский плацдарм.

В итоге 22—26 января армии главной группировки 1-го Украинского фронта почти в 200-километровой полосе вы-

шли на Одер, форсировали его и в районах Штейнау, Брига и Оппельна захватили плацдармы, за расширение которых развернулась ожесточенная борьба.

Правда, уход танковой армии из полосы наступления 52-й армии осложнил борьбу за Бреслау. Попытки пехоты с ходу прорвать внешний оборонительный обвод закончились неудачей. От штурма города, от войны практически не пострадавшего, так как союзная авиация сюда не долетала, Конев решил пока отказаться, приказав вести методический огонь тяжелой артиллерией. Гитлер по заведенному правилу объявил Бреслау крепостью. Гарнизоны «крепостей», не помышляя о прорыве из окружения, должны были сражаться до последнего солдата, сковывая как можно больше советских войск осадой больших и малых укрепленных пунктов. Комендантом был генерал-майор Краузе. В качестве политического комиссара в городе свирепствовал «энергичный национал-социалистический вождь» гаулейтер Карл Ханке, среди прочих дисциплинарных мероприятий приговоривший к смертной казни бургомистра города — «за пораженчество».

В Бреслау, где скопилось около миллиона человек, была объявлена срочная эвакуация всего гражданского населения, непригодного для воинской службы. Поезда и автобусы не могли обеспечить вывоз такого количества людей. Из-за недостатка транспорта основная масса беженцев, выполняя «приказ партии», покинула город пешим порядком. Их путь на запад по заснеженным дорогам при двадцатиградусном морозе был усеян тысячами трупов замерзших детей и стариков. Но больше всего не повезло тем, кто пытался вырваться на парходах, — с берега их расстреливали советские танки: «В тот день произошел интересный случай, показавший, что враг не ожидал такого быстрого выхода наших частей к Одеру. Со стороны Бреслау на реке показался грузовой пароход... Командир танкового полка И.А. Ткачук, замаскировав танки, поставил их в засаду. Пароход приближался, команда ничего не подозревала. По условному сигналу 2 танка открыли огонь. Через 3 минуты пароход, объятый пламенем, понесло вниз по течению реки. Через 2 часа подошел второй пароход, и с ним произошло то же самое». Лелюшенко, описывая этот

«интересный случай», довольно неуверенно сообщает, что пароходы, следовавшие из Бреслау, были, «видимо, с боевым снаряжением». Невольно вспоминается 23 августа 1942 года: немецкие танки с берега Волги расстреливают такие же пароходы.

Тем временем в ночь на 23 января генерал Рыбалко получил новую задачу: наступая на юго-восток, «к половине дня 24.1.45 главными силами овладеть районами Глейвиц, Рыбник, Николаи» и совместно с 21, 59 и 60-й армиями окружить и уничтожить силезскую группировку противника. Из текста директивы видно, что от предыдущих успехов у командования фронта шапка совсем съехала набекрень: фактически танковая армия должна была лесами, преодолевая речные преграды, минированные участки и возрастающее сопротивление противника, промчатся около 100 километров за двенадцать часов. Но приказ есть приказ, марш начался с рассветом. В первом эшелоне следовали 7-й гвардейский танковый и 9-й мехкорпуса; 6-й гвардейский танковый корпус выводился во второй эшелон. Из строя к этому времени вышло почти 300 боевых машин (безвозвратно — 61), но кое-что осталось — 438 исправных танков и 200 самоходных установок. Параллельно 3-й гвардейской танковой армии наступал 31-й танковый корпус. За день 24 января танкисты прошли с боями 50—60 километров.

Наступавший вдоль восточного берега Одера 7-й гвардейский танковый корпус генерал-майора С.А. Иванова после переправы через реку Клодница втянулся в лесной массив. Продвижение было медленным: мешала местность и противник, умело использовавший ее особенности, бивший из засад и минировавший дороги. Преодоление 30-километрового леса продолжалось еще двое суток. В связи с этим Рыбалко писал командованию корпуса:

«Мой начальник, как и я, не находит слов для возмущения таким топтанием. Как будто мы специально даем противнику время на эвакуацию Силезского промышленного района и на организацию обороны. Надо понимать, что в лесу колонной не воюют. У нас получается всегда хорошо, когда мы не встречаем никакого сопротивления, а как только перед нами незначитель-

ные силы противника, останавливаемся на месте. Последние два дня я Вас не узнаю... Имейте в виду, что, если мы сегодня не овладеем Рыбником, вся наша предыдущая работа пойдет насмарку».

Но лишь к утру 27 января бригады 7-го корпуса достигли Рыбника, где и завязли в уличных боях: «...противник засел в каменных домах и сковал все силы корпуса. К исходу дня корпус городом не овладел и не сманеврировал в обход, чтобы заблокировать его и перерезать дорогу на Ратибор».

Двигавшийся левее 9-й Киевско-Житомирский механизированный корпус генерал-лейтенанта И.П. Сухова совместно с 31-м танковым корпусом 24 января овладел городом Глейвиц, но дальше продвижения не имел, «ведя с противником бой на занятых позициях». Это побудило генерала Рыбалко ввести в бой 6-й гвардейский танковый корпус, получивший задание к утру 27 января выйти на западную окраину Катовице. Навстречу ему двигались части 59-й армии и 4-го гвардейского Кантемировского танкового корпуса. 27 января 60-я армия (15, 28, 106-й стрелковые корпуса) овладела Освенцимом, 9-й механизированный корпус занял Николаи. Уже ясно вырисовывались клещи вокруг немецкой группировки, включавшей в себя 20-ю танковую, 75, 344, 359, 375-ю пехотные дивизии, полк 10-й танко-гренадерской дивизии, 25-й полицейский полк и прочее.

Коневу очень хотелось все это воинство взять в плотное кольцо и стереть в порошок, и был уже отдан приказ на окружение. Но маршал вовремя вспомнил ноябрьский вызов в Москву, разговор в самом главном кремлевском Кабинете, палец Вождя, обводящий на карте Силезский район, и сказанное Им одно только слово: «Золото».

«Я понимал, что если мы окружим вражескую группировку, насчитывавшую, без частей усиления, 10—12 дивизий, и будем вести с ней бой, то ее сопротивление может затянуться на очень длительное время. Особенно если принять во внимание район, в котором она будет сопротивляться. А в этом то и вся соль. Силезский промышленный район — крупный орешек: ширина его 70 и длина 110 километров. Вся эта территория сплошь застроена главным образом железобетонными сооружениями и массивной кладки жилыми домами. Пе-

ред нами был не один город, а фактически целая система сросшихся между собой городов общей площадью 5—6 тысяч квадратных километров. Если противник засядет здесь и станет обороняться, то одолеть его будет очень трудно. Неизбежны большие человеческие жертвы и разрушения. Весь район может оказаться в развалинах... Замкнув кольцо в результате операции, мы вынуждены будем разрушить весь этот район, нанести огромный ущерб крупнейшему промышленному комплексу...»

Крепко подумав, Иван Степанович решил не окружать врага, а напугать и оставить ему тропу для бегства, заставить его «видеть в этом коридоре единственный путь к спасению». 28 января он застопорил танковую армию Рыбалко, поставив ей ограниченные задачи по уничтожению отдельных групп противника в районах Рыбник и Николаи. Командующие 21-й и 59-й армиями получили приказ, наоборот, атаковать с яростью. К вечеру после трехдневных ожесточенных уличных боев 4-й гвардейский танковый корпус и 245-я стрелковая дивизия очистили от противника Катовице. Под сильным натиском советских войск с фронта и угрозой глубокого обхода немцы ретировались через оставленные для них «ворота» в юго-западном направлении, на Ратибор.

29 января весь Силезский промышленный район был очищен от противника.

В этот день Ставка утвердила предложенный Коневым сутками раньше план развития операции. Он предусматривал разгром бреславльской группировки и выход на Эльбу 25—28 февраля, с одновременным ударом по Берлину.

К исходу 30 января 59-я армия вышла к Одеру и захватила плацдарм. 60-я армия развернулась фронтом на юг. Танковую армию Конев вывел из боя для приведения в порядок материальной части: с начала операции в результате боевых повреждений и по техническим причинам из строя вышла половина «тридцатьчетверок», 181 боевая машина была утеряна безвозвратно, а 168 требовали ремонта. Потери в личном составе — 7,5 тысячи человек. Согласно донесениям, части 3-й гвардейской танковой армии за этот же период уничтожили около 28 тысяч солдат и офицеров противника, 173 танка и

72 самоходки, 487 орудий и минометов, захватили богатые трофеи и взяли 3600 пленных.

Утрата Верхней Силезии неизбежно влекла за собой окончательный развал экономики Третьего рейха. 30 января министр вооружений передал Гитлеру очередную докладную записку:

«Я доложил ему по существу вопроса, что в области экономики и вооружений война закончена и при таком положении вопросы питания, отопления жилых домов и энергоснабжения обладают приоритетом по отношению к танкам, самолетным двигателям и боеприпасам.

Чтобы опровергнуть далекие от реальности представления Гитлера о возможностях оборонной промышленности в 1945 г., я приложил к памятной записке прогноз производства танков, оружия и боеприпасов на ближайшие три месяца. Из памятной записки можно было сделать вывод: «После потери Верхней Силезии немецкая оборонная промышленность более не будет в состоянии хотя бы в какой-то степени покрыть потребности фронта в боеприпасах, оружии и танках. В таком случае станет также невозможным компенсировать превосходство противника в технике за счет личной храбрости наших солдат».

В прошлом Гитлер вновь и вновь утверждал, что с того момента, как немецкий солдат начнет сражаться на немецкой земле, защищать свою Родину, его чудеса героизма уравновесят нашу слабость. На это я хотел дать ответ в своей памятной записке».

Фюрер приказал спрятать «бумажку» в сейф и никому не показывать, с некоторых пор он предпочитал игнорировать неприятные известия.

Медленнее других продвигалась правифланговая 3-я гвардейская армия. Полоса на стыке двух фронтов стала основным маршрутом отступления на запад для разбитых на Висле немецких дивизий, в том числе отброшенных на юг ударами армий маршала Жукова. Поэтому к 26 января перед фронтом армии Гордова действовали боевые группы, созданные из остатков 6-й, 214-й пехотных дивизий, отрядов фольксштурма,

частей и подразделений 16, 17, 19, 25-й танковых, 10-й, 20-й танко-гренадерских дивизий и дивизии «Бранденбург», остатков 42-го армейского корпуса, частей 168-й пехотной и 603-й дивизии особого назначения.

К исходу 28 января левофланговый 76-й стрелковый корпус 3-й гвардейской армии вышел к Одеру и двумя полками 389-й стрелковой дивизии на подручных средствах форсировал реку и вклинился в оборону противника на 5 километров. На следующий день на западный берег переправились уже две стрелковые дивизии.

С целью ликвидации советского плацдарма немецкое командование решило использовать накапливавшиеся на восточном берегу Одера войска из отступавших от Вислы боевых групп. К 29 января оно сосредоточило две сильные группировки: одну в районе Лисы, другую в районе Гюрау. Первая из них, в составе частей 56-го танкового и 42-го пехотного корпусов, штурмового полка 4-й танковой армии, 21-й бригады штурмовых орудий, имела задачу удержать за собой Лису, чтобы обеспечить отход за Одер остаткам различных соединений и таким образом выиграть время для занятия ими прочной обороны на западном берегу реки. Вторую группировку общей численностью 10—12 тысяч человек под командованием генерала фон Заукена составляли танковый корпус «Великая Германия», две пехотные дивизии, части фольксштурма и артиллерии. Она должна была нанести удар от Гюрау на юг и отрезать части 76-го стрелкового корпуса генерал-майора Н.И. Глухова, действовавшие на захваченном ими плацдарме.

Напряженные бои на всем фронте 3-й гвардейской армии шли четверо суток. Группа фон Заукена сумела потеснить 120-й стрелковый корпус и частью сил прорваться в район Гросс-Остен. Обстановка стала угрожающей. Чтобы сохранить плацдарм за Одером и обеспечить действия 76-го корпуса, генерал Гордов ввел в сражение из второго эшелона 21-й стрелковый корпус, который в результате напряженного боя выбил противника из Гюрау и продвинулся в сторону Гросс-Остен. 30 января на правом фланге армии 120-й стрелковый корпус разбил лисскую группировку немцев и, продолжая

наступление в западном направлении, вышел к городу Фрауштадт. 21-й корпус во взаимодействии с частями 76-го стрелкового корпуса и тремя бригадами 4-й танковой армии полностью ликвидировал немецкую группировку в районе Гросс-Остен и восстановил положение.

Маршал Конев примчался на командный пункт Лелюшенко и поставил 4-й танковой армии задачу: наступая по обоим берегам реки, нанести удар в северо-западном направлении, чтобы помочь Гордову и совместными усилиями двух армий уничтожить части противника восточнее Одера.

Однако до конца выполнить эту задачу не удалось: хоть и с большими потерями, но немцы ушли на западный берег. Здесь разрозненные подразделения и одиночных солдат отправляли на сборные пункты, «приводили в чувство» и снова ставили в строй:

«Во время отступления было арестовано несколько десятков наших товарищей. На батальонном командном пункте они были построены в ряд и каждый десятый приговорен к смертной казни полевым судом. Для приведения приговора в исполнение приговоренные были отправлены в полк, остальные — снова на фронт. А один солдат, приговоренный к смертной казни за трусость, был тут же расстрелян. Последними его словами были: «Да здравствует Германия, да здравствует фюрер!» Но этим свою голову он спасти не смог. Когда после залпа он упал на колени, но был еще жив, обер-лейтенант, командовавший экзекуцией, сделал контрольный выстрел в висок».

30 января главные силы генерала Гордова вышли к Одеру, 4 февраля пал Штейнау.

Первую неделю февраля общевойсковые армии вели бои за расширение, объединение и удержание захваченных плацдармов, занимались ликвидацией окруженных группировок. Одновременно к Одеру подтягивались тыловые части и учреждения.

В ходе Сандомирско-Силезской наступательной операции войсками 1-го Украинского фронта было взято 43 тысячи пленным и уничтожено, «по нашим», то есть Конева, довольно произвольным подсчетам, свыше 150 тысяч солдат и офи-

церов: «Среди захваченных трофеев числилось более 5000 орудий и минометов, более 300 танков, 200 самолетов, большое количество иного вооружения и техники». В мемуарах маршал «поскромничал»: в Москву было доложено, что фронт уничтожил до 280 тысяч гитлеровцев и взял в плен 60 тысяч, что с учетом раненых должно означать полную «ликвидацию» группы армий «А».

Собственные потери до 3 февраля составили 116 тысяч человек убитыми и ранеными.

4 февраля генерал Шёрнер рапортовал Гитлеру: «Мой фюрер! Я могу доложить, что первый натиск советского большого наступления на фронте группы армий «Центр» удалось в основном остановить. Фронт все еще испытывает давление на многих участках, но на других мы предпринимаем контратаки местного значения».

1-й Белорусский фронт преследовал противника на познаньском направлении. Попытки германского командования организовать оборону вартовского рубежа не увенчались успехом. Советские танковые армии преодолели его с ходу уже 20 января. Два дня спустя вартовский рубеж преодолели общевойсковые армии. К этому времени подвижные соединения находились в 80—100 километрах впереди.

23 января части 2-й гвардейской танковой армии и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса овладели городом Быдгощ.

Войска 1-й гвардейской танковой армии завязали бои за Познань. Но здесь противник успел организовать оборону важнейших направлений и узлов дорог, а силы гарнизона оценивались в 60 тысяч человек. Взять город с наскока не вышло, и генерал Катукон, доложив командующему фронтом о нецелесообразности штурма Познани, получил разрешение, оставив заслоны, двигаться дальше:

«К январю сорок пятого мы накопили достаточно опыта, чтобы усвоить истину — освобождение населенных пунктов отнюдь не главная задача танковых войск. Перерезать коммуникации противника, внести хаос в его оборону, вызвать панику в тылах, перекрыть пути отхода его передовых частей

или пути переброски его резервов — вот задача, которую мы ставили в первую очередь...

Познань была типичной танковой «душегубкой». На ее узких, хорошо подготовленных к обороне улицах немцы выбили бы у нас все машины. Я приказал А.Х. Бабаджаняну и И.Ф. Дремову обойти Познань с севера и юга, замкнув кольцо, перерезать все коммуникации и не дать уйти на запад гитлеровскому гарнизону. 25 января бригады обоих корпусов в третий раз форсировали Варту и окружили Познань. Вокруг города танкисты И.Ф. Дремова захватили несколько аэродромов, на которых стояло огромное количество самолетов».

Катуковцы устремились на запад, к городу Кюстрин на Одере. Задача по разгрому познаньского гарнизона была возложена на 29-й стрелковый корпус 8-й гвардейской и 91-й стрелковый корпус 69-й армии. Остальные соединения обеих армий продолжали преследование противника. Взятие Познани было поручено персонально В.И. Чуйкову.

Вокруг города немцы возвели два оборонительных обвода. Внешний, проходивший в 4—6 километрах от городской черты, состоял из трех линий траншей, развитой системы ходов сообщения и отсечных позиций, многочисленных дотов и дзотов, площадок для противотанковых орудий, эшелонированных в глубину и прикрытых минными заграждениями. Танкодоступные направления прикрывали рвы глубиной 4—5 и шириной 6—8 метров.

На внутреннем обводе насчитывалось 18 фортов и 54 дота, соединенных между собой подземными ходами. Форты существовали здесь с конца прошлого века, но затем подверглись модернизации с учетом новых условий войны. Каждый из них имел форму многоугольника площадью 4500—8000 квадратных метров и представлял собой двух-трехэтажное подземно-наземное сооружение с кирпичными стенами и кирпично-земляными сводами общей толщиной до 4 метров. С внешней стороны форты были обнесены рвами шириной 10 и глубиной до 3 метров с кирпичными стенами, валами и металлическими оградами. В изломах рва размещались казематы со множеством бойниц, из которых ров простреливался

кинжальным пулеметным огнем. В так называемом внутреннем дворе каждого из фортов имелось до 5 железобетонных дотов или броневых колпаков, хорошо оборудованные минные позиции и пулеметные площадки. Гарнизон насчитывал от 150 до 600 человек. Все форты и доты были связаны между собой и расположенной за ними старинной Цитаделью единой огневой системой: гарнизон блокированного форта мог вызвать на себя огонь соседних фортов. В жилой части города большинство жилых домов, фабрично-заводские корпуса заранее приспособлялись к круговой обороне.

Над всеми постройками Познани своими массивными рavelинами, редутами и башнями возвышалась Цитадель. Пятиугольник крепости был охвачен рвом шириной 10—12 метров и глубиной 8 метров. За рвом поднимался земляной вал высотой 6—7 метров и толщиной у основания 12 метров. Из многочисленных бойниц и амбразур, устроенных в стенах зданий, башен, редутов, рavelинов, простреливались все фасы рва и подступы к нему фронтальным и фланкирующим огнем. Главный вход в крепость с южной стороны — железные ворота — прикрывался огнем из трех башен и четырех редутов с многочисленными бойницами. Во внутреннем дворе оборона усиливалась железобетонными колпаками и щитами.

Словом, Познань была крепостью не только по названию.

Правда, боеспособность гарнизона, ядро которого составляли 2000 курсантов школы юнкеров, немецкое командование оценивало довольно низко и не питало больших надежд на его длительное сопротивление, дай бог, продержаться дней пять. Маршал Жуков тоже не воспринял крепость всерьез, ведь немцы везде бежали. Поэтому на взятие Познани он отвел Чуйкову одни сутки. Как вспоминает Василий Иванович: «С запада мы атак не вели. Мы сознательно оставили здесь выход, надеясь, что противник воспользуется им и двинется из крепости». Но расчеты не оправдались: гарнизон, в командование которым вступил «матерый нацист» полковник Гонелл, не собирался покидать город и, отклонив советский ультиматум, сопротивлялся отчаянно. Штурм с применением артиллерии большой и особой мощности, 1000-килограм-

мовых авиабомб, тяжелых танков, огнеметов, с уличными боями в духе Сталинграда, «изошренно-художественной» матерщиной Жукова в адрес Чуйкова и Чуйкова — нижестоящим адресатам, тяжелыми потерями (только в дивизии Хетагурова погибли три командира полка), длился месяц. Познань пала 23 февраля. Остатки гарнизона капитулировали, Эрнст Гонелл, успевший стать генералом, застрелился.

Овладев рубежом Быдгощ, Познань, 1-й Белорусский фронт на неделю раньше срока выполнил задачу, поставленную директивой Ставки. Планируя дальнейшие действия, командующий намечал к 30 января выйти на рубеж Берлинхен, Ландсберг, Гродзик, подтянуть тылы, пополнить запасы и 1—2 февраля возобновить наступление, чтобы с ходу форсировать Одер и развить стремительное продвижение на Берлин.

25 января маршалу Жукову позвонил маршал Сталин. Он отметил, что с выходом на Одер войска 1-го Белорусского фронта оторвутся от частей 2-го Белорусского фронта больше чем на 150 километров. Верховный заявил, что нужно подождать дней десять, пока маршал Рокоссовский завершит Восточно-Прусскую операцию и форсирует Вислу. Жуков, уже рисовавший стрелы «стремительных ударов» в обход столицы рейха, обещал развернуть на север правое крыло фронта и просил не останавливать разбег своих армий — противник деморализован, не способен оказать серьезного сопротивления, нельзя давать ему закрепиться.

Чтобы закрыть 500-километровую брешь в Восточном фронте и предотвратить выход в тыл немецким войскам на нижнем течении Вислы, генерал Гудериан предложил создать новую группу армий между группой «Центр» и группой «А». На должность командующего Генеральный штаб выдвигал кандидатуру фельдмаршала Максимилиана фон Вейхса. Однако 25 января Гитлер во главе вновь образуемой группы армий «Висла» решил поставить идеологически безупречного командующего, истинного арийца, обладателя правильного черепа, Великого Гроссмейстера Черного Ордена — рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера.

Гудериан ужаснулся: «Я использовал все свое красноре-

чие, чтобы оградить злосчастный Восточный фронт от этой бессмыслицы. Но все было напрасно. Гитлер утверждал, что Гиммлер очень хорошо справился со своей задачей на Верхнем Рейне. Имея под рукой армию резерва, он быстро сможет ее использовать. Поэтому он лучше всех обеспечит новый фронт как солдатами, так и техникой. Попытка хотя бы передать хорошо сработавшийся штаб Вейхса рейхсфюреру СС тоже провалилась. Гитлер приказал, чтобы Гиммлер сам подбирал себе штаб. Начальником штаба он назначил бравого бригадефюрера СС Ламмердинга, который до этого времени командовал танковой дивизией СС. Этот человек не имел никакого представления о тяжести штабной работы в формируемой группе армий».

По мнению Бутлара, одной из причин, подвигнувших Гитлера на столь странное назначение, была уверенность, что «Верный Генрих» кое-что припрятал в рукаве: «Определяющим в этом выборе явилось в значительной мере то, что Гитлер знал об имеющихся у рейхсфюрера СС в армии резерва и запасных частях СС каких-то скрытых резервов, добраться до которых иным способом было невозможно. Гитлер надеялся, что ему таким образом скорее удастся использовать их для обороны этого почти незащищенного района. Этот факт очень хорошо иллюстрирует тот хаос, который существовал в то время в высшем немецком военном руководстве, выглядевшим внешне таким авторитарным».

Гиммлер — превосходный организатор, человек исключительной энергии и работоспособности. Но, мечтая получить Рыцарский крест, он мало что понимал в военном деле; он был фюрером палачей и карателей. Кроме того, входя в четверку высших иерархов Третьего рейха, Гиммлер не подчинялся начальнику Генерального штаба ОКХ. Дело обстояло совсем даже наоборот.

Генерал Гудериан следующим образом описывает свой рабочий день:

«Мне приходилось два раза в сутки ездить к фюреру, что при напряженной обстановке было почти правилом, — два раза из Цоссена в Берлин, в имперскую канцелярию, и обратно, т.е. четыре раза по 45 минут, а всего три часа. Доклады

у Гитлера продолжались два, а большей частью три часа, итого шесть часов. Таким образом, на одни только доклады об обстановке на фронтах я затрачивал по восемь-девять часов, отнюдь не занимаясь при этом какой-либо полезной работой. Занимались одними разговорами, переливали из пустого в порожнее. Кроме того, Гитлер после совершенного на него покушения требовал, чтобы я присутствовал также на докладах штаба оперативного руководства вооруженными силами и на докладах представителей родов войск. В условиях нормальной обстановки это желание фюрера было, пожалуй, законным...

В то время я был сильно перегружен работой, так что слушать несколько часов подряд заурядные речи, например, представителей почти парализованных военно-воздушных и военно-морских сил, было очень мучительно и морально, и физически. Склонность Гитлера к произнесению длинных монологов не уменьшилась даже в связи с ухудшением военного положения нашей страны, скорее наоборот... В те дни, в которые мне приходилось ездить на доклад к фюреру два раза в сутки, я возвращался в Цоссен только утром. Нередко мне только к 6 часам утра удавалось ненадолго прилечь. В 8 часов на доклад приходили офицеры Генерального штаба сухопутных сил с утренними сводками групп армий. Доклады продолжались, с перерывами для принятия пищи, до тех пор, пока мне не сообщали, что готова машина для поездки в имперскую канцелярию.

С назначением Гимmlера на должность командующего группой армий жизнь Гудериана стало еще веселее. Когда рейхсфюреру СС, обосновавшемуся со штабом «в лесочке рядом с Пренцлау», требовалась консультация по военным вопросам, то выглядело это так: «Гимmlер вызвал по телефону генерал-полковника Гейнца Гудериана, начальника Генерального штаба армии, потребовав, чтобы тот немедленно прибыл из Цоссена».

В группу армий «Висла» вошли 2-я и 9-я полевые армии.

26 января группа армий «Север» была переименована в группу армий «Курляндия»; из ее состава вывозились морем в Померанию четыре пехотные (389, 281, 32, 215-я) и 4-я тан-

ковая дивизии, а также 3-й танковый корпус СС с танко-гренадерскими дивизиями «Нордланд» и «Нидерланды».

В свою очередь, группа армий «Центр» стала группой армий «Север». Ну а группа армий «А» превратилась в группу «Центр», состоявшую теперь из 17-й полевой, 1-й и 4-й танковых армий, которыми командовали генералы Шульц, Хейнрици и Грезер. Одновременно Гитлер принял решение о переброске на Восточный фронт 6-й танковой армии СС. Гудериан тут же замыслил контрудар с самыми решительными целями, но мечты снова не сбылись: по воле фюрера эсэсовская армия отправилась в Венгрию. Помимо этого, было приказано сформировать дивизию истребителей танков. Это соединение состояло из рот велосипедистов, вооруженных фаустпатронами и противотанковыми минами, которыми командовали лейтенанты-фронтвики, имевшими опыт борьбы с бронетехникой.

26 января танковые армии 1-го Белорусского фронта вышли к старой германо-польской границе, где еще в 1932—1937 годах немцами был возведен оборонительный пояс так называемого «Восточного вала». Основу его составляли эшелонированные в глубину долговременные огневые точки типа «панцерверке», представлявшие собой двухуровневые железобетонные сооружения с элементами броневой защиты и пулеметными установками кругового обстрела. Передний край проходил по склонам холмов, покрытых лесными массивами. Естественные и искусственные препятствия, вроде бетонных надолбов, повышали устойчивость обороны. В межозерных пространствах и районах пересечения дорог были созданы опорные пункты плотностью 5—7 дотов на километр фронта. Узлы обороны связывала между собой система тоннелей, по которым должен был курсировать электропоезд.

В мемуарах Каткуова «Восточный вал» выглядит и вовсе неприступным рубежом на границах рейха: «Мезеритцкий укрепрайон, главный на пути к Берлину, был переоборудован по последнему слову инженерной техники. Целый город из железобетона и стали с подземными железными дорогами и электростанциями, он мог вместить в своих недрах по

крайней мере армию. Бронированные шахты уходили на 30—40 метров в глубину, а на поверхности дорогу преграждали цепи надолб, протянувшиеся на многие километры. Десятки низких куполов дотов шетинились орудиями и пулеметами...

Военная история еще не знала примеров, когда мощный укрепленный район прорывала танковая армия».

Маршал Г. К. Жуков, давно не читавший никаких «историй», в стремлении помешать противнику выдвинуть резервы и зацепиться за эти «мощные укрепления», поручил их прорыв именно танковым армиям. Соответственно генерал Катукوف должен был к 28 января овладеть опорными пунктами в районе Мезеритца, а генерал Богданов — в Померании. Осуществив «небываемое», надо было еще захватить плацдармы на Одере. За танковыми армиями должны были следовать выделенные общевойсковыми командармами стрелковые корпуса. В приказе командующего фронтом № 00172, в частности, говорилось:

«Если мы захватим правый берег р. Одер, то операция по захвату Берлина будет вполне гарантирована».

Конечно, бронетанковые соединения самостоятельно, без артиллерийской и авиационной поддержки и практически без пехоты, не были предназначены для решения такой задачи, как прорыв укрепленного района. Но «фишка» состояла в том, что «Восточный вал» был заброшен, частично разоружен, оставлен без артиллерии и немцев там не было, если не считать отдельные подразделения фольксштурма. Правда, в район Мезеритца рейхсфюрер приказал выдвинуть отозванное с Балкан управление 5-го горного корпуса СС, которому для начала подчинил 433-ю и 463-ю резервные пехотные дивизии. Но что это были за дивизии!

Катукوف, посоветовавшись со штабом, пришел к выводу, что «в других условиях приказ показался бы невыполнимым», но в сложившейся обстановке любая самая сложная задача «по плечу танкистам». Гудериан об этом периоде с ностальгией и завистью пишет: «Чем больше русские убеждались в нашей слабости, тем решительнее они действовали. Их танки становились дерзкими». Действительно, советские танки были всюду. Они седлали дороги, громили мелкие гар-

низоны, обтекали сильные узлы сопротивления, перерезали коммуникации, внезапно появлялись в глубоком тылу...

Однако первыми рубежа реки Одер достигли не «дерзкие» танкисты, а передовой отряд 89-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й ударной армии под командованием полковника Х.Ф. Есипенко. Так уж получилось. В состав отряда входили посаженный на «студебеккеры» 1006-й стрелковый полк 266-й дивизии, 220-я отдельная танковая бригада, 89-й отдельный тяжелый танковый полк, 507-й истребительно-противотанковый артполк, 360-й отдельный самоходно-артиллерийский полк, дивизион минометов и дивизион «катюш», 303-й гвардейский зенитно-артиллерийский полк и рота саперов — 90 танков, в том числе 21 тяжелый ИС, 12 самоходок, 42 орудия и миномета, 12 «катюш». Полковник получил от командарма задачу стремительно двигаться на запад и захватить плацдарм северо-западнее Кюстрина в районе Кинитца. Командиру передового отряда выделялась мощная фронтовая радиостанция типа РАФ.

26 января отряд с ходу пересек реку Нетце, без проблем преодолел никем не занятую линию укреплений, обошел левый фланг 433-й резервной дивизии генерала фон Любе и оседлал «Рейхсштрассе № 1». Когда начала ощущаться нехватка горючего, полковник Есипенко выделил ударную группу в составе трех танковых рот, двух стрелковых и истребительно-противотанкового полка, отдал им все топливо и, бросив часть техники, продолжил рейд. Утром 31 января группа форсировала Одер по льду и захватила плацдарм на левом берегу в 4 километра по фронту и 3 километра в глубину. В городке Кинитц, где никто не подозревал, что Красная Армия уже вошла в Германию, с налета был взят поезд с шестью зенитными орудиями, офицерами и юнкерами зенитного училища. В 14 часов на плацдарм переправился еще один передовой отряд 5-й ударной армии, сформированный из подразделений 94-й гвардейской стрелковой дивизии. Поскольку ни горючего, ни боеприпасов практически не осталось, было принято решение организовать в Кинитце сильный противотанковый узел. Бойцы вырыли окопы, приспособили под огневые точки подвалы каменных домов, перетащили

по трещавшему льду артиллерию. Танки и гвардейские минометы пришлось оставить на правом берегу.

До Берлина оставалось менее 70 километров.

2-я гвардейская танковая армия, наступавшая севернее рек Нетце и Варта, почти беспрепятственно пробралась лесными дорогами вдоль цепочки опорных пунктов «Померанского вала». Главные силы 1-го механизированного корпуса генерал-майора С.М. Кривошеева и передовые подразделения идущего следом 9-го гвардейского танкового корпуса были на Одере к вечеру 31 января. Мотострелки переправились через реку, захватили Каленциг и завязали бои за Кюстрин. Таким образом, путь к Одере севернее реки Варта был открыт. Однако 12-й гвардейский танковый корпус, имевший задачу овладеть городом Шнейдемюль, застрял. Взять город не удалось, его пришлось обойти. Но и дальше продвигаться не получилось. Поворачиваясь фронтом на север, корпус втянулся в затяжные бои и понес тяжелые потери. К примеру, в 49-й гвардейской танковой бригаде остался один исправный танк.

У Катукова, наступавшего южнее Варты, дела шли не совсем гладко. К 29 января лидировавшая 44-я гвардейская танковая бригада полковника И.И. Гусаковского совместно с 1454-м самоходно-артиллерийским полком подполковника П.А. Мельникова, преодолев пограничную реку Обра, вышла к окраине города Хохвальде, юго-западнее Мезеритца. Здесь она встретила укрепления, прикрытые минными полями, проволочными заграждениями и надолбами. Зато немцы не подавали признаков жизни, и полковник рванул сквозь метель прямо по шоссе. К утру 31 января бригада овладела районом Тауэрциг, Мальсов, оторвалась от главных сил на 50 километров и утратила связь с командованием армии. Двигавшийся следом 11-й гвардейский танковый корпус полковника А.Х. Бабаджяна обнаружил, что те же укрепления уже заняты противником. Два дня проверяли на прочность «панцервеки» и убедились, что 85-мм снаряды «тридцатьчетверок» с дистанции 100 метров стены дотов не пробивают. Больше повезло 8-му гвардейскому механизированному корпусу генерал-майора И.Ф. Дремова. Его подразделения 30 ян-

варя обошли с севера узел сопротивления в Швибусе и успешно продвинулись на запад. В ночь на 1 февраля на этот же маршрут был выведен 11-й гвардейский танковый корпус, и вся армия начала наступление к Одеру: танковый корпус нацелился на Кюстрин, механизированный — на Франкфурт. Продвижение сдерживалось нехваткой горючего и необходимостью вступать в схватки с отходящими в западном направлении частями противника.

«Бои вспыхивали неожиданно, — вспоминает А.Х. Бабаджанян, — на перекрестках дорог, в рошах. Стреляли отовсюду: слева, справа, сзади, — смешались все представления, где фронт, где тыл. То в лоб, то в спину летели снаряды. Дрались все: танкисты и шоферы, артиллеристы и ремонтники, автоматчики и связисты, зенитчики и саперы — перестало существовать разделение на «активные» и «неактивные» штйки.

Везде был фронт. Повара приводили пленных, захваченных возле полевой кухни. Офицеры связи доставляли вместе с секретными документами вражеских солдат и командиров, плененных по дороге. Наш корпусной медсанбат, чтобы развернуться в одном из населенных пунктов, вынужден был выбить оттуда саперную роту противника. В бой вступили легкораненые, врачи, санитарки — захватили в плен 79 вражеских солдат».

Командующий фронтом задержкой танковой армии был крайне недоволен и устроил генералу Катукovu форменный разнос:

«Всю дорогу Михаил Ефимович нервничал. Он был явно выбит из делового состояния. Наконец его прорвало:

— Ни с того ни с сего вчера попало от Маршала. Сорок пять минут по телефону отчитывал. На Одер вроде вышли в срок, а он ругает: «Что на месте топчетесь?» Богданов якобы нас давно обошел. Да если бы и обошел, так что ж? Хорошо им, у них укрепрайона не было, а нам сколько пришлось возиться. Два дня потеряли!»

А 1 февраля Михаил Ефимович получил от Жукова унижительный и хамский «пакетик» с запиской, в которой анализировались причины «неудач» 1-й танковой армии:

«В собственные руки т. Катукovu, Попелю.

Я имею доклады особо ответственных лиц о том, что т. Катукоев проявляет полнейшую бездеятельность, армией не руководит, отсиживается дома с бабой и что сожительствующая с ним девка мешает ему в работе. Авторитета в корпусах Катукоев сейчас не имеет, и даже Шалин, и командиры штаба вокруг Катукоева ведут очень нехорошие разговоры.

В частях Катукоев как будто не бывает. Бой корпусов и армии не организует, вследствие чего за последнее время имелись в армии неудачи.

Требую:

1) От каждого из вас дать мне правдивое личное объяснение по существу.

2) Немедля отправить от Катукоева женщину. Если это не будет сделано, я прикажу ее изъять органам СМЕРШ.

3) Катукоеву заняться делом.

Если Катукоев не сделает для себя нужных выводов, он будет заменен другим командармом».

С самим Жуковым сожительствовала, конечно, не «девка», а особо допущенный к маршальскому телу специалист — «тоненькая русская девушка с узкими фронтовыми погонами лейтенанта м/с, с орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу» на невысокой груди». Георгию Константиновичу она, разумеется, не мешала, а совсем наоборот: «От нее была польза — порошок там дать, банки поставить, спину растереть, да и просто настроение поднять ласковым словом». Неудивительно, что вскоре замечательную грудь ласковой, «застенчивой и стыдливой Лидочки» украсит и орден боевого Красного Знамени, и другие боевые награды.

Как всякий двоеженец, Жуков был ханжа и непримиримый борец с развратом. Екатерина Катукоева ему это припомнила: «Была у маршала Жукова еще одна слабость: он любил поучать и читать морали. Я слышала не раз, как Георгий Константинович отчитывал генералов за «плохое» отношение к семье. Сам же Георгий Константинович не был положительным примером верного супруга. На фронте имел женщину, которую все называли «маленькой царевной» (обычное дело: взяточники борются с коррупцией, педофилы защищают

права детей, а многоженец терпеть не может «бытовой распушенности»).

В том-то и обида, что абсолютное большинство советских военачальников (да тот же Попель, строчивший на Катукова «объективки») на фронте «имели женщину», и она не мешала им «в работе». Разница лишь в том, что вдовец Катукоев своей любви не скрывал и имел серьезные намерения: «Михаил Ефимович не стыдился идти рядом со мной. Мы всегда в кино, на концертах садились вместе. Он накидывал мне на плечи свою шинель. Никогда не прятал меня в укромное место (например, в шкаф!), как это делали В.И. Чуйков, А.И. Еременко, П.А. Ротмистров, С.И. Богданов и многие другие, когда узнавали, что приезжает высокое начальство, — они не хотели афишировать своих отношений с женщиной».

По наблюдению пешего пехотинца, сержанта 221-го стрелкового полка 77-й гвардейской дивизии, Героя Советского Союза Александра Левчука:

«Полевой жены только у Ваньки-взводного не было, уж больно не живуч он был. Пару атак, и нет взводного. А уже у ротного жена походная была, может, и не одна. А у комбата или там у командира полка никто и не считал. А среди нас какие девчата! Мы грязные да чумазые, одним словом, пехота. Но оно и добре, я вам скажу. А то бы те девчата всю бы галушку нам испортили. Кто бы тогда воевал?»

Но и на передовой не все так грустно: «Разведчики садятся в кружок, перебрасываются шутками. Среди них одна девица, очень красивая. К ней обращаются со словами, из которых можно понять, что жизнь в этом маленьком подразделении течет по обычаям первобытного коммунизма. Все у них общее, и красавица Катька, и оставшаяся в тылу повариха Наташка тоже общие. Они дарят разведчиков своей любовью...»

Оставим новейшим исследователям вопрос, насколько эти «нюансы» повышали боеспособность РККА.

Как раз в это время сержант Николай Никулин получил в разведывательном поиске очередную дырку в шкуре и, привычно радуясь тому, что рана, кажется, не очень серьезная, — «Господи, Боже мой! Как же мне везет! Кости не перебиты,

голова и живот целы!» — отправился своим ходом в благословенный тыл:

«Теперь уже кругом много наших войск. Какие-то кухни, мастерские, машины. На полянке два упитанных молодца играют в волейбол. Ловко пасуют мяч один другому. Чистые, краснощекие, гладко выбритые. И гимнастерки на них без пятнышка. Будто и войны нет.

Поразительная разница существует между передовой, где льется кровь, где страдание, где смерть, где не поднять головы под пулями и осколками, где голод и страх, непосильная работа, жара летом, мороз зимой, где и жить-то невозможно, — тылами. Здесь, в тылу, другой мир. Здесь находится начальство, здесь штабы, стоят тяжелые орудия, расположены склады, медсанбаты. Изредка сюда долетают снаряды или сбросит бомбу самолет. Убитые и раненые тут редкость. Не война, а курорт! Те, кто на передовой, — не жильцы. Они обречены. Спасение им — лишь ранение. Те, кто в тылу, останутся живы, если их не переведут вперед, когда иссякнут ряды наступающих. Они останутся живы, вернутся домой и со временем составят основу организаций ветеранов. Отрастят животы, обзаведутся лысынами, украсят грудь памятными медалями, орденами и будут рассказывать, как геройски они воевали, как разгромили Гитлера. И сами в это уверуют! Они-то и похоронят светлую память о тех, кто погиб и кто действительно воевал! Они представят войну, о которой сами мало что знают, в романтическом ореоле. Как все было хорошо! Как прекрасно! Какие мы герои! И то, что война — ужас, смерть, голод, подлость, подлость и подлость, отойдет на второй план. Настоящие же фронтовики, которых осталось полтора человека, да и те чокнутые, порченые, будут молчать в тряпочку. А начальство, которое тоже в значительной мере останется в живых, погрязнет в склоках: кто воевал хорошо, кто плохо, а вот если бы меня послушали!

Но самую подлую роль сыграли газетчики. На войне они делали свой капитал на трупах, питались падалью. Сидели в тылу, ни за что не отвечали и писали статьи — лозунги с розовой водичкой. А после войны стали выпускать книги, в которых все передергивали, все оправдывали, совершенно забыв

подлость, мерзость и головоупяцтво, составлявшие основу фронтовой жизни. Вместо того чтобы честно разобраться в причинах недостатков, чему-то научиться, чтобы не повторять случившегося впредь, — все замазали и залакировали. Уроки, данные войной, таким образом, прошли впустую...

В тылу и отличиться проще. Воюют и умирают где-то на передовой, а реляции пишут здесь».

В тылу научились воевать с комфортом. Генералы, чекисты, партийные воротилы, хозяйственники почувствовали вкус к красивой жизни, притерлись друг к другу, приспособились из войны извлекать прибыль, не забывая делиться с вышестоящим начальством, особистами и прокурорами, которые тоже хотели прилично питаться. Потому, несмотря на грозные приказы Наркома обороны, в действующей армии воровали в возрастающих масштабах — война всё спишет, если нет — запишем «фрицам» в счет репараций. К примеру, после передачи Жуковым Коневу 1-го Украинского фронта там не очень-то и глубоко копнула комиссия Госконтроля. Результатом проверки стал приказ заместителя Наркома обороны № 230 от 19 июня 1944 года «О разбазаривании подарочного фонда в Управлении командующего бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Украинского фронта и привлечении за это виновных к ответственности»:

«Заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-майор Петров и помощник командующего генерал-майор Орловский завезли на полевой фронтовой склад бронетанкового имущества около 2 вагонов подарков с продовольствием и вещевым имуществом, полученных от Монгольской Народной Республики, не оприходовали их и разбазарили.

По распоряжению генерал-майора Петрова выдано командованию бронетанковых и механизированных войск фронта (на 6 человек, в том числе и себе) более 42 пудов и начальникам отделов (на 11 человек) — более 66 пудов мяса, масла сливочного, колбасы, конфет и др. Большая часть этих продуктов была отправлена на автомашинах в Москву. Его же распоряжением выданы 11 посылок с продуктами весом до 4 пудов каждая вольно-

наемным работникам управления и несколько посылок посторонним лицам.

По распоряжению генерал-майора Орловского было отправлено на автомашине в Москву 267 кг свинины, 125 кг баранины и 114 кг масла сливочного для передачи руководящим работникам центральных управлений командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии. Эти продукты на день проверки переданы по назначению не были и хранились в сарае при квартире представителя УК бронетанковыми и механизированными войсками фронта майора Дюжник.

Кроме того, генерал-майор Орловский отправил в Москву 80 кг масла сливочного и 5 коз и другие продукты работникам Главного бронетанкового управления Красной Армии и своей жене.

От своего начальника Орловского не отставал и его подчиненный Тарасенко...

По распоряжению начальника штаба командующего бронетанковыми и механизированными войсками фронта полковника Маряхина выдано: начальнику штаба командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии генерал-майору Салминову — 51 кг мяса, 20 кг масла сливочного, 8 кг колбасы и 10 кг печенья; начальнику 8-го отдела 1-го Украинского фронта Шахрай — 5 кг масла сливочного, 3 кг колбасы, 5 кг печенья и 3 кг конфет.

Адъютант бывшего командующего бронетанковыми и механизированными войсками фронта капитан Фридман получил 278 кг мяса, 147 кг масла сливочного, 90 кг колбасы, 115 кг печенья, 83 кг конфет, 108 кг мыла, а всего около тонны продуктов, из которых семье бывшего командующего бронетанковыми и механизированными войсками фронта передано только 180 — 200 кг всех продуктов.

Этот же Фридман получил без оправдания документами, якобы для монгольской делегации, 205 кг мяса, 20 кг масла, 25 кг колбасы, 20 кг конфет, 20 кг печенья и 20 кг мыла.

По сохранившимся документам установлено, что в управлении бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Украинского фронта за короткий промежуток времени разбазарено таким образом: 15 123 кг мяса, 1959 кг колбасы, 3000 кг

масла сливочного, 2100 кг печенья, 890 кг конфет, 563 кг мыла, 100 шт. полушубков, 100 шт. шинелей, 80 шт. меховых жилетов, 100 пар валенок, 100 пар сапог и другое имущество.

Все эти безобразнейшие факты свидетельствуют о потере чувства ответственности перед государством за сохранность народного достояния у отдельных руководящих работников управления бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Украинского фронта, забывших о том, что подарки Красной Армии от населения предназначаются прежде всего для выдачи бойцам и командирам, особенно отличившимся в боях с противником на фронте Отечественной войны».

Непосредственным начальником банды мздоимцев, обосновавшихся под вывеской управления бронетанковых и механизированных войск фронта, был генерал-лейтенант Н.А. Новиков. Он, как утверждают биографы, обладал оперативным талантом и «хорошо знал нужды танкистов», но, видимо, не слишком интересовался вопросом, из каких сусеков его заместители тоннами наскребают подношения для «передачи руководящим работникам центральных управлений» и «выдачи командованию» с доставкой в московские квартиры. Все просто: Петрович, организуй!

В приказной части маршал А.М. Василевский поставил военному прокурору фронта задачу «расследовать факты» и привлечь к судебной ответственности генерала Орловского, полковника Маряхина, майора Тарасенко, капитана Фридмана.

Генералу Петрову «за использование служебного положения в личных корыстных целях» объявили выговор. Генералу Салманову за получение взяток поставили на вид. Генералу Новикову велели все, что недоразговорено из продуктов, сдать в госпитали «на дополнительное питание больных и раненых», а «разбазаренное» вещевое имущество — записать в аттестаты генералов и офицеров, принимавших подарки.

В целом все закончилось хорошо, как в мексиканских сериалах. Генерал-лейтенанту Н.А. Новикову через полтора месяца присвоили звание генерал-полковник за Яско-Кишиневскую операцию. Генерал-майор М.Ф. Салманов стал командиром 12-го гвардейского танкового корпуса, генерал-

майор И.И. Петров — генерал-лейтенантом. Честно говоря, не знаю, кого реально привлекли к судебной ответственности, может, капитана Фридмана? Во всяком случае, генерал-майор В.В. Орловский в январе 1945 года оставался при своей должности, после войны он получил генерал-лейтенанта и стал начальником ТУ ГБТУ. Но самую большую карьеру сделал полковник С.С. Маряхин: он дослужился до генерала армии, командовал войсками Белорусского военного округа, в 1968—1972 годах был заместителем министра обороны по тылу. Относительно недавно (01.10.2009) газета «Красная звезда» посвятила Сергею Степановичу и его коллегам статью под заголовком «Тыл возглавляли достойные!»

Неустанно подстегивая свои войска, Жуков одновременно требовал от Ставки поторопить соседей:

«...Если левый фланг К.К. Рокоссовского будет продолжать стоять на месте, противник, безусловно, предпримет активные действия против растянувшегося правого фланга 1-го Белорусского фронта.

Прошу приказать К.К. Рокоссовскому немедленно наступать 70-й армией в западном направлении, хотя бы на уступе за правым флангом 1-го Белорусского фронта.

2. И.С. Конева прошу обязать быстрее выйти на р. Одер».

Наконец, 2 февраля 40-я гвардейская танковая бригада подполковника М.А. Смирнова захватила Геритц и вступила в бой на южной окраине Кюстрина. 44-я гвардейская танковая бригада переправила мотопехоту и часть артиллерии через Одер южнее Геритца. К вечеру плацдарм был расширен по фронту до 8 километров и в глубину до 6 километров.

Армия Чуйкова двигалась к Одери южнее Варты двумя корпусами. Продвижение задерживали разрозненные части противника, цепляясь за узлы дорог, отдельные населенные пункты и лесные массивы. 29 января 4-й гвардейский стрелковый корпус (35, 47, 57-я дивизии) генерал-лейтенанта Глазунова пересек границу и вступил в сражение с 433-й резервной дивизией, удерживавшей 60-километровый участок поперек долины реки Варта севернее Шверина. Немцы продержались два дня, потом их оборона была проломлена гвар-

дейцами с фронта, а в тыл ударом через Ландсберг вышла 416-я дивизия 5-й ударной армии, перерезавшая пути снабжения и отхода. Генерал Любе был ранен и попал в плен.

«К нашему счастью, — вспоминает В.И. Чуйков, — прибывшие сюда гитлеровцы свежей, полностью укомплектованной дивизии тоже, по-видимому, плохо знали расположение своих укреплений и поэтому не смогли использовать полностью мощь своего огня и выгоды позиций, дрались не особенно искусно, хотя и упорно. Если бы командование немецкой дивизии лучше знало оборонительный рубеж и имело хотя бы двое суток, чтобы разобраться в обстановке и организовать систему огня и взаимодействия, то трудно сказать, как обернулось бы для нас дело. Пожалуй, пришлось бы вести длительные бои и нести большие потери. Противник был застигнут врасплох... 31 января за один день наши войска почти полностью преодолели укрепленный район и разгромили свежую пятнадцатитысячную дивизию генерала Любе».

На самом деле 433-я пехотная дивизия представляла собой учебное соединение двухполкового состава численностью около 4000 человек. Большинство солдат — ограниченно годные призывники старшего возраста. Артиллерия «полностью укомплектованной дивизии» была представлена шестью гаубицам калибра 152 мм и 105 мм, тремя 75-мм орудиями и шестью 88-мм противотанковыми пушками. Боевой путь соединения оказался настолько коротким, что даже в фундаментальном труде Б. Мюллера-Гиллебранда о дивизии написано странное: «С февраля 1945 г. отмечалась на Восточном фронте (на картографических материалах). Неясно, шла ли здесь речь о 433-м запасном дивизионном штабе армии резерва, который вместе с приданными ему частями и подразделениями ошибочно обозначался как 433-я пехотная дивизия, или же речь шла о 433-й пехотной дивизии, сформированной на базе этого штаба». С точно такими «свежими частями, прибывшими с запада», — видимо, с 463-й резервной дивизией, но менее успешно вел бои на левом фланге армии 28-й гвардейский стрелковый корпус.

Реки Одер 4-й гвардейский стрелковый корпус достиг вечером 2 февраля. С утра следующего дня подразделения 8-й

гвардейской армии под прикрытием 16-й зенитно-артиллерийской дивизии принимали плацдармы от бригад Катукова южнее русла реки Варта и занимали новые.

Еще южнее на Одер выходили войска 69-й и 33-й армий.

В начале февраля на плацдармах разгорелись напряженные бои. Противник начал контратаковать почти сразу, бросая на передовую все, что имелось под рукой. Обе стороны наращивали силы, но у немцев это выходило быстрее. Численность самолетов в составе 6-го воздушного флота была доведена до 1830 единиц, в то время как аэродромы 16-й воздушной армии оказались далеко от линии фронта. Отстала советская артиллерия, отстали тылы, оторвались тяжелые танки и инженерная техника, сказывалась нехватка горючего и боеприпасов — обеспеченность ими составляла ползаправки и полбоекомплекта. Повернули на север танковые армии. Резко изменилась погода — пришла ранняя весна, раскисли дороги и полевые аэродромы.

В район Кюстрина с Западного фронта прибыла 25-я танко-гренадерская дивизия, с ходу атаковавшая дивизии Берзарина. 2 февраля в полосе 5-й ударной армии появились вновь сформированные пехотные дивизии 303-я «Деберитц» и 309-я «Берлин». Все прибывшие соединения вскоре были объединены в 101-й армейский корпус под командованием генерала Вильгельма Берлина.

Против передовых частей двух корпусов Чуйкова (29-й гвардейский штурмовал Познань) активно действовали соединения 5-го горнострелкового корпуса СС — дивизия «Рэгнер» и формируемая «с колес» танко-гренадерская дивизия «Курмарк». На подходе была 21-я танковая дивизия.

Атаки сменялись контратаками, росли потери. Немецкая авиация захватила господство в воздухе и наносила мощные удары по колоннам советских войск, задерживая их продвижение к Одру (начальник штаба 8-й гвардейской армии генерал В.А. Белявский, словно какой-нибудь «шпак», жалуется на «варварские налеты немецких самолетов»).

Маршал Жуков, еще полный оптимизма, мечтавший о том, как посадит Гитлера в клетку и доставит в Москву, слал генералу Берзарину телеграммы почти нежные:

«Военному совету 5-й ударной армии, командирам корпусов и командирам дивизий 5-й ударной армии.

На 5-ю ударную армию возложена особо ответственная задача удержат захваченный плацдарм на западном берегу р. Одер и расширить его хотя бы до 20 км по фронту и 10—12 км в глубину.

Я всех вас прошу понять историческую ответственность за выполнение порученной вам задачи и, рассказав своим людям об этом, потребовать от войск исключительной стойкости и доблести.

К сожалению, мы вам не можем пока помочь авиацией, так как все аэродромы раскисли, и взлететь самолеты в воздух не могут. Противник летает с берлинских аэродромов, имеющих бетонные полосы. Рекомендую:

- 1) зарываться глубоко в землю;*
- 2) организовать массовый зенитный огонь;*
- 3) перейти к ночным действиям, каждый раз атакуя с ограниченной целью;*
- 4) днем отбивать атаки врага.*

Пройдет 2—3 дня — противник выдохнется.

Желаю вам и руководимым вами войсками исторически важного успеха, который вы не только можете, но обязаны обеспечить».

К концу дня 3 февраля 5-я ударная армия образовала сплошной плацдарм на левом берегу Одера до 25 километров по фронту и от 2 до 7 километров в глубину. Севернее нее, в районе Ной Блессина, зацепилась за западный берег 82-я стрелковая дивизия 61-й армии Белова. Южнее армия Чуйкова захватила три небольших изолированных друг от друга «пяточка».

Одновременно Жукову приходилось уделять все больше внимания прикрытию своего правого фланга. В результате стремительного выхода войск 1-го Белорусского фронта на Одер и поворота основных сил 2-го Белорусского фронта на север между ними образовался разрыв, который к 25 января достиг 120 километров. Помимо этого, беспокойство вызвало усиление противника в Померании. С 27 января правое крыло 1-го Белорусского фронта обеспечивалось войсками

47-й и 61-й армий (захватившая плацдарм 82-я дивизия была передана в подчинение Берзарину) и соединениями 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. Для прикрытия с севера 29 января была введена в сражение 1-я армия Войска Польского, а 31 января — 3-я ударная армия генерала Н.П. Симоняка (12-й гвардейский, 7-й, 79-й стрелковые корпуса).

Ведя наступление на север, войска 47-й и 61-й армий во взаимодействии с 12-м гвардейским танковым корпусом 1 февраля блокировали противника в Шнейдемюле, но город, в котором засел сильный гарнизон, снабжаемый транспортной авиацией, взять не смогли. Соединения 1-й армии Войска Польского, 47-й армии и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса завершили прорыв позиций Померанского вала и развернули бои к западу от него. К 3 февраля армии правого крыла фронта вышли на рубеж севернее Быдгощ, Арнсвальде, Цедена.

С выходом советских войск к Одеру возросла угроза контрудара противника с севера. Поэтому 1 февраля для действий в этом направлении командующий фронтом развернул 2-ю гвардейскую, а на следующий день и 1-ю гвардейскую танковые армии. С 3 февраля померанской группировке противника противостояли четыре общевойсковые, две танковые армии и кавалерийский корпус, которые, отражая многочисленные атаки противника, упорно продвигались на север. На берлинском направлении остались четыре общевойсковые армии, два танковых и один кавалерийский корпус.

Казалось, до Берлина рукой подать — час езды на автомобиле. Но близок локоть, да не укусишь.

Во-первых, советские стратеги недооценили способность рейха к сопротивлению. За счет переброски войск немцы сумели восстановить фронт по Одеру и организовать новую линию обороны между Одером и Вислой.

Во-вторых, на 1-м Белорусском фронте внезапно возник кризис снабжения.

Ценой невероятных усилий буквально за десять суток — к 29 января — советские железнодорожные бригады и мобилизованное польское население восстановили Варшавский железнодорожный мост и 300-километровую двухпутную маги-

страль до Познани, построили перевалочные базы на станции Варшава-Западная и в районе Демблина. Это была настоящая победа тыловиков. Но именно в этот день ГКО внезапно «передумал» и велел немедленно приступить к перешивке этого направления на союзную колею: дым — в трубу, дрова — в исходное. Все надо было разбирать и начинать сначала. Причем объем работ увеличивался кратно: в Европе рельсы крепились не костылями, а привинчивались шурупами, на ряде участков вообще были приварены к металлическим шпалам. Особенно обрадовались польские крестьяне, на практике постигавшие принципы социалистического планирования: «В иные дни выходило на работу более 10 тысяч польских граждан со своими инструментами и тягловой силой, соблюдая высокую организованность и дисциплину».

В это время на висленских плацдармах лежало почти 30 тысяч тонн сэкономленных боеприпасов, а на подступах к Варшаве скопились сотни прибывших из Союза поездов с горючим, снарядами, тяжелой техникой... Автомобильный транспорт обеспечить потребности фронта не мог, поскольку расстояние от баз снабжения до действующих войск составляло 550—650 километров. Тогда генерал Антипенко предложил, используя трофейный подвижной состав, направить эшелоны к Кюстрину кружным маршрутом через Демблин, Лодзь, Кутно, Торунь, Быдгощ, Шнейдемюль, Ландсберг. В авангарде пустили 5-ю железнодорожную бригаду.

3—5 февраля на этой 1000-километровой объездной колее растянулось свыше 100 эшелонов (по 30—40 вагонов каждый), но ни один из них еще не добрался к месту разгрузки.

Жукову пришлось взять паузу.

Операция, получившая в советской военной науке название Висло-Одерской, по размаху и достигнутым военно-политическим результатам была одной из крупнейших операций Второй мировой войны. В ходе ее Красная Армия разгромила немецкие войска в Польше и захватила плацдармы на западном берегу Одера. Военные действия были перенесены в центральные районы Германии.

Операция показала возросшее искусство советского ко-

мандования и штабов. Генерал фон Меллентин отметил: «Было ясно, что их Верховное Главнокомандование полностью овладело техникой организации наступления огромных механизированных армий и что Сталин был полон решимости первым войти в Берлин».

Безвозвратные потери Вермахта составили около 220 тысяч человек, в том числе 147 тысяч пленными, около 14 000 орудий и минометов, до 1400 танков и штурмовых орудий, 340 самолетов. Впрочем, к этим цифрам надо подходить с известной долей осторожности, ибо в донесениях и супостата «молотили», и брали в плен полками и дивизиями. В фронтовых штабах эти данные сразу делили на три, прежде чем отправить итоговую сводку в Москву, иначе получалась явная несуразица, о чем поведал генерал Телегин:

«После Варшавско-Лодзинско-Познаньской операции мы стали подсчитывать, сколько же пленных было захвачено и сколько фактически поступило на сборно-пересыльные пункты в лагеря. Получилась поразительная картина. Так, например, с 14 января по 12 марта 8-я гв. армия показала нам в донесении 28 149 чел., а по декадным донесениям армией было взято 40 тыс., на фронтовые пункты — по ее же донесениям — оказалось сданными только 27 953 чел., фактически было принято от 8-й гв. армии — 5221 чел. Из 40 тысяч осталось 5 тысяч. Почему доносили, что на фронтовые пункты сдано 28 тысяч? 47-я армия донесла, что сдано на приемные пункты 61-й армии 4497 чел., а 61-я армия никакими документами не подтверждает это...

В период январских боев 1945 года штабы армий и отдельных корпусов 1-го Белорусского фронта донесли об уничтожении 1749 и о захвате 599 танков и самоходных орудий противника, что соответствовало количеству танков и самоходных орудий 2348, потребному для укомплектования четырнадцати немецких танковых дивизий.

В действительности всего в январе 1945 года перед фронтом действовали две танковые дивизии, три бригады штурмовых орудий, две мотодивизии и отдельные танковые части и подразделения общей численностью не свыше 920 единиц. А мы уже уничтожили и захватили 2348».

Общие потери двух фронтов за 23 дня операции, согласно официальным статистическим исследованиям, — 194 тысячи солдат и офицеров, безвозвратные — 44 тысячи, 1257 танков и САУ, 347 орудий и 343 самолета. Непонятно, как эти цифры стыкуются с утверждением генерал-полковника К.В. Крайнюкова: «Войска (1-го Украинского) фронта нанесли ощутимый урон противнику... Но и сами понесли немалые потери в людях и технике. Военный совет фронта ходатайствовал перед Ставкой о присылке нам 100 000 солдат, сержантов и офицеров для пополнения войск, а также о поставке 1830 танков и САУ (?)».

ВОСТОЧНО-ПРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Восточно-Прусская операция являлась составной частью общего стратегического наступления Красной Армии.

Замысел Ставки ВГК состоял в том, чтобы отрезать «гнездо германского империализма» от центральных районов Германии, прижать восточно-прусскую группировку немцев к морю, расчленив и уничтожить ее по частям. Действия по «отрезанию» возлагались на 2-й Белорусский фронт маршала К.К. Рокоссовского, который должен был нанести глубокий удар с нижнего течения реки Нарев на Мариенбург, в направлении Данцигской бухты. Одновременно севернее Мазурских озер лобовой удар на Кёнигсберг без всяких изысков наносил 3-й Белорусский фронт под командованием 38-летнего генерала армии И.Д. Черняховского. Ему должна была оказывать содействие 43-я армия 1-го Прибалтийского фронта.

Ничего нового выдумывать не пришлось. Этот вариант со «стрелами», нацеленными на Кёнигсберг и Мариенбург, с вводом в прорыв конно-механизированной армии, «прижиманием» к морю и последующим «расчленением», советские стратеги, озабоченные укреплением обороноспособности, вдумчиво проигрывали на картах еще в январе 1941 года под руководством маршала С.К. Тимошенко. Правда, «восточные», которыми командовал генерал-полковник Д.Г. Павлов, тогда проиграли. Войска вторжения застряли на линии укрепленных районов, понесли большие потери, а затем «за-

падные» — генерал армии Г.К. Жуков, — дождавшись подхода резервов, сосредоточив 2300 танков, нанесли мощный контрудар от Летцена на Ломжу и раскололи фронт «восточных» на две части. В январе 1945-го о таких резервах немецкие генералы могли только мечтать.

Директивы на проведение наступательных операций были доведены командованиям фронтов в ноябре—декабре.

3-му Белорусскому фронту (39, 5, 28, 2-я гвардейская, 31-я, 11-я гвардейская, 1-я воздушная армии, 1-й и 2-й гвардейский танковые корпуса — всего 54 стрелковые дивизии, 2 танковых корпуса, 6 отдельных танковых бригад, 1 укрепрайон — 708 тысяч человек) приказывалось разгромить тильзитско-инстербургскую группировку противника и, преодолев 70—80 километров, не позднее 10—12-го дня операции овладеть рубежом Немониен, Норкиттен, Голдап. В дальнейшем развивать наступление на Кёнигсберг по обоим берегам реки Прегель, имея основные силы на ее южном берегу.

1-му Прибалтийскому фронту надлежало силами 43-й армии генерал-лейтенанта А.П. Белобородова наступать вдоль левого берега Немана и тем самым содействовать войскам Черняховского в разгроме тильзитской группировки.

2-й Белорусский фронт (50, 49, 3, 48-я, 2-я ударная, 65-я, 70-я, 5-я гвардейская танковая, 4-я воздушная армии, 8-й механизированный, 1, 3, 8-й гвардейские танковые, 3-й гвардейский кавалерийский корпуса — 63 стрелковые, 3 кавалерийские дивизии, 1 механизированный и 5 танковых корпусов, 3 отдельных танковых бригады и 3 укрепрайона — 881 тысяча человек, 2195 танков и САУ, 11 тысяч орудий и минометов) получил задачу разбить пшеаснышко-млавскую группировку противника и на 10—11-й день овладеть рубежом Мышинец, Дзялтово, Плоцк, продвинувшись до 90 километров. В дальнейшем наступать в общем направлении Нове-Място, Мариенбург. Для содействия 1-му Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки маршалу Рокоссовскому было приказано не меньше чем одной армией, усиленной танковым или механизированным корпусом, нанести удар в обход Модлина с запада с целью не допустить отхода врага за Вислу и быть в готовности форсировать реку.

В общей сложности в операции должно было принять участие почти 1,7 миллиона солдат и офицеров, 25 426 орудий и минометов, 3859 танков и самоходных установок, 3097 боевых самолетов.

Оборона Восточной Пруссии и Северной Польши была возложена на группу армий «Центр» под командованием генерал-полковника Георга Рейнгардта. Группа занимала 550-километровый рубеж от устья Немана до устья Западного Буга и состояла из 3-й танковой, 4-й и 2-й полевых армий. В них насчитывалось 34 пехотные и народно-гренадерские, 3 танковые, 4 танко-гренадерские дивизии, одна бригада — 580 тысяч солдат и офицеров, 200 тысяч фольксштурмовцев, 8200 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий. Резерв группы армий составляли танковый корпус «Великая Германия», парашютно-танковый корпус «Герман Геринг», танко-гренадерская дивизия «Бранденбург», 5-я и 7-я танковые, 18-я танко-гренадерская, 23-я пехотная дивизии и 10-я самокатно-истребительная бригада. Воздушное прикрытие осуществлял частью сил все тот же 6-й воздушный флот.

К началу 1945 года значение Восточной Пруссии как военно-промышленного района и основной продовольственной базы Германии еще больше возросло. Здесь действовали крупные предприятия военной, судостроительной и машиностроительной промышленности, снабжавшие Вермахт вооружением и боеприпасами. Восточная Пруссия располагала значительными людскими ресурсами. Через ее территорию проходили пути в Померанию и на Берлин. Выдвинутые далеко на восток порты на Балтийском море позволяли германскому командованию базировать крупные силы флота, а также поддерживать связь с отрезанными в Курляндии дивизиями.

С военной точки зрения восточно-прусская группировка нависала над войсками 2-го и 1-го Белорусских фронтов, создавая угрозу планам советского командования на берлинском направлении.

Немецкие войска опирались на развитую в инженерном отношении систему обороны: сильные оборонительные полосы, эшелонированные на значительную глубину и состояв-

шие из полевых позиций и долговременных укрепленных районов. С октября 1944 года, когда опасность советского вторжения на территорию Германии стала зримо реальной, немецкое командование совершенствовало и строило заново оборонительные сооружения на территории Восточной Пруссии. Тысячи местных жителей были мобилизованы военными властями и нацистской партией на рытье окопов и противотанковых рвов. При строительстве укреплений использовались выгодные естественные рубежи, каналы, прочные каменные строения многочисленных фольварков и крупных населенных пунктов, связанных между собой хорошо развитой сетью шоссе и железных дорог.

Генерал Эрхард Раус, командовавший 3-й танковой армией, вспоминает: «Все люди были направлены на рытье окопов и орудийных позиций. Всего гражданские строители построили в Восточной Пруссии 12 основных оборонительных линий и запасных позиций, которые были очень хорошо оборудованы. Вероятно, самой интересной выдумкой стали импровизированные пулеметные точки, которые были очень практичными и простыми. Они состояли из двух бетонных труб. Одна стояла вертикально и служила для размещения пулемета, а вторая лежала горизонтально и соединялась с основанием первой. Она служила для укрытия пулеметчиков. Эта импровизация оказалась хорошим укрытием от советских танков, ее строили за минимальное время, ее было легко перевозить на машинах, и она была очень эффективной. Кроме этих оборонительных позиций, поперек всех дорог были вырыты длинные противотанковые рвы. Вдоль дорог рылись окопы, во всех важнейших точках сооружались противотанковые и пулеметные гнезда. Вокруг каждой деревни и фермы готовились позиции для круговой обороны».

В систему обороны входили Ильменхорстский, Летценский, Алленштейнский, Хейльсбергский, Млавский, Торуньский укрепленные районы, а также 13 старинных крепостей. Все это фортификационное великолепие достигало в глубину 150—200 километров.

Особое значение имело наличие в центральной части Восточной Пруссии Мазурских озер, которые разделяли насту-

павшие с востока войска на южную и северную группы и осложняли взаимодействие между ними. Именно в этом районе в 1914 году были разбиты русские армии вторжения под командованием генералов Самсонова и Ренненкампа.

С моря немецкую группировку поддерживали значительные морские силы, базировавшиеся в непосредственной близости от района боевых действий.

Можно сказать, вся Восточная Пруссия, от границы до Балтийского моря, являлась огромной крепостью. Всегда. А в январе 1945-го — как никогда более. Моральный дух войск был высок. Основная масса солдат и офицеров была настроена решительно драться. Тем паче что большинство из них были местными уроженцами. Для многих Пруссия символизировала их немецкую Родину-мать.

Взятый в плен ополченец 349-й народно-гренадерской дивизии на допросе заявил, что личный состав безоговорочно верит в победу рейха: «Неважно, что мы отошли назад — мы все-таки победим. Когда и как, это дело фюрера».

В целях недопущения пораженческих настроений и вопреки предложениям военного командования, которое чисто с практической точки зрения понимало, что многочисленное гражданское население «станет невероятной помехой для сражающихся войск», не говоря уже о неизбежных жертвах, гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох запретил эвакуацию населения из угрожаемых районов. В идеале оно поголовно должно было встать под знамена фольксштурма. Или вервольфа. Даже жена Гудериана вынуждена была оставаться в имени под Дейпенгофом, подавая местным жителям пример бодрости и патриотизма.

«Каждый бункер, каждый квартал немецкого города и каждая деревня, — требовал Гитлер, — должны превратиться в крепость, у которой противник либо истечет кровью, либо гарнизон этой крепости в рукопашном бою погибнет под ее развалинами».

Дело подготовки немецкого народа к «беспощадной борьбе» со всем рвением взяли в свои руки партийные функционеры. Власть военного командования распространялась только на прифронтовую полосу шириной в 10 километров, в

тылу всем заправляли национал-социалисты, раскручивавшие маховик пропаганды и террора, принимавшего порой «ужасающие формы», — извечная комиссарская работа. Они же руководили подразделениями фольксштурма. Даже 1-й военный округ подчинялся не группе армий «Центр», а Гиммлеру, как командующему армией резерва. В результате «разобраться, какая инстанция чем ведаёт, было нелегко, что чрезвычайно затрудняло всякую работу».

Этот раздрай между военными и партийными учреждениями сразу почувствовал генерал Отто Ляш, назначенный на должность командующего округом:

«Взаимоотношения между командующим группой армий генерал-полковником Рейнгардтом, у которого я побывал вскоре после вступления в должность, и гаулейтером были в высшей степени напряженными. Кох, как вновь назначенный «рейхскомиссар обороны» и начальник войск фольксштурма, делал что хотел, не считаясь с нуждами фронта... Будучи несведущими, партийные шишки, однако, распоряжались строительством позиций. Правда, тактическое руководство должно было оставаться за армией, но господин Борман давал через рейхскомиссара обороны тактические установки, и ни один крайслейтер Восточной Пруссии не позволял войсковому командиру поучать себя, если мнение этого командира расходилось с мнением Бормана. Отсюда вытекали постоянные трения и споры, пагубно сказывавшиеся на строительстве оборонительной полосы и на военной работе вообще. Однако самым вопиющим недоразумением было подчинение так называемого фольксштурма гаулейтеру, а тем самым и партии. Старые испытанные офицеры и унтер-офицеры запаса были вынуждены выполнять противоречащие всему их опыту дилетантские приказы маленьких партийных чиновников. Гаулейтер видел в фольксштурме, пожалуй, дополнительное средство укрепления своих личных позиций и, вопреки всем моим предложениям, настаивал на своей власти... Кох, по-видимому, и в военных вопросах считал себя абсолютно компетентным, ибо заявил однажды войсковому командиру: «Если вы и впредь будете отступать на фронте, я со

своим фольксштурмом загоню ваших солдат обратно на их позиции».

Группа армий «Центр» имела задачу, опираясь на сильно укрепленную оборону, остановить продвижение «большевистских орд», сковать их, а при необходимости нанести контрудар во фланг и тыл группировке советских войск, действовавших на берлинском направлении.

Непосредственно перед войсками 3-го Белорусского фронта в полосе общей протяженностью 170 километров от Сударги на Немане до Августова стояли в готовности пятнадцать дивизий из состава 3-й танковой армии генерала Рауса и 4-й армии генерала Фридриха Госсбаха — 9-й и 26-й армейские, 41-й танковый корпус, парашютно-танковый корпус «Герман Геринг» и 5-я танковая дивизия.

Главная полоса немецкой обороны имела две укрепленные позиции глубиной до 10 километров. В 30—40 километрах от главной полосы располагался Ильменхорстский укрепленный район, состоявший из трех полос полевого типа. Ближние подступы к Кёнигсбергу с востока и юго-востока защищала долговременная укрепленная позиция Хейльсбергского укрепленного района. Она включала в себя в среднем до 5, а на главных направлениях до 10—12 дотов на 1 километр фронта — в совокупности 911 оборонительных сооружений.

Всего на кёнигсбергском направлении было создано девять оборонительных рубежей, находившихся в 12—15 километрах один от другого. Советским войскам светила перспектива прогрызть их поочередно без надежды выйти на оперативный простор. Поэтому рвать немецкую оборону следовало исключительно решительно, непрерывно, высокими темпами, не позволяя противнику отойти на промежуточные рубежи и закрепиться на них.

План, разработанный в штабе генерала Черняховского, заключался в нанесении фронтального удара по группировке, оборонявшейся севернее Мазурских озер, и в дальнейшем развитии наступления на Кёнигсберг с целью охвата основных сил группы армий «Центр» с севера и последующего ее разгрома совместно с войсками 2-го Белорусского фронта.

Главный удар командующий фронтом решил нанести севернее Шталлупенена в направлении на Велау, обходя с севера мощные узлы сопротивления Гумбиннен и Инстербург. Вражескую оборону намечалось проламывать на участке шириною 24 километра силами 39, 5 и 28-й армий, каждой из которых придавалось по артиллерийской дивизии прорыва. В первый день эти армии должны были овладеть второй полосой обороны противника, чтобы обеспечить ввод в прорыв 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса. Для наращивания удара во втором эшелоне находилась 11-я гвардейская армия генерал-полковника К.Н. Галицкого и 1-й Краснознаменный танковый корпус генерал-лейтенанта В.В. Буткова. Развертывание второго эшелона намечалось осуществить на четвертый день операции с рубежа реки Инстер. Обеспечение главной группировки фронта с севера возлагалось на правофланговые соединения 39-й армии генерал-полковника И.И. Людникова. С юга ее прикрывала 2-я гвардейская армия генерал-лейтенанта П.Г. Чанчибадзе, которая должна была перейти в наступление на третий день в общем направлении на Даркемен. Леофланговая 31-я армия, которой командовал генерал-лейтенант П.Г. Шафранов, имела задачу прочно оборонять участок от Голдапа до Августова.

В период подготовки велась детальная разведка обороны противника, в частности, проведено сплошное аэрофотографирование укрепленных районов и оборонительных рубежей до Кёнигсберга включительно. Однако о силах врага представление имели довольно смутное. К примеру, штаб фронта, «опираясь на данные разведки», предполагал, что с немецкой стороны оборону держат 24 дивизии, в том числе 7 танковых дивизий и 6 бригад штурмовых орудий. Соответственно, наши «штирлицы» насчитали у противника до 1000 танков и 900 штурмовых орудий, хотя на самом деле их всех вместе было 367 штук. Исходя из этих данных, значительно завышавших силы противника, и был составлен примитивно «ломовой» план операции, предусматривавший поэтапное, с темпом 16—18 километров в сутки, перемалывание всего, что встретится на пути 3-го Белорусского фронта.

Учитывая наличие сильных оборонительных укреплений

на переднем крае, генерал Черняховский сконцентрировал силы и средства на узких участках прорыва. В результате проведенных перегруппировок была достигнута плотность артиллерии 160—220 орудий и минометов на километр фронта. Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 120 минут. На ее проведение было выделено 1,5—2 боекомплекта, что составляло до 50% общего количества боеприпасов, имевшихся на фронте. А имелось их весьма и весьма немало. Маршал А.М. Василевский отмечает, что «Восточно-Прусская операция по расходу боеприпасов не имела себе равных среди всех операций в истории войн. Два фронта получили 13,3 миллиона снарядов и мин, 620 миллионов патронов, 2,2 миллиона ручных гранат». К участию в авиационной подготовке, кроме самолетов 1-й воздушной армии генерал-полковника Т.Т. Хрюкина (12 авиационных дивизий и 5 отдельных полков), намечалось привлечь часть сил 3-й воздушной армии 1-го Прибалтийского фронта и недавно образованной 18-й воздушной армии АДД. Координацию действий воздушных армий осуществлял представитель Ставки маршал авиации Ф.Я. Фалалеев.

Подготавливая исходные районы, войска отрыли около 2,2 тысячи километров траншей и ходов сообщения, оборудовали более 2 тысяч командных и наблюдательных пунктов, 10,4 тысячи блиндажей и землянок, подготовили пути подвоза, склады, проходы для танков и многое другое.

Мероприятия, проводимые в полосе 3-го Белорусского фронта, не составляли тайны для немецкого командования:

«Люфтваффе ежедневно фотографировали все эти работы, и на фотоснимках были ясно видны новые сооружения, следы автомобилей, ведущие к складам боеприпасов и артиллерийским позициям. Наши агенты сообщали о прибытии новых дивизий. Несколько перехваченных радиogramм раскрыли положение многих передовых командных пунктов, хотя русские старательно хранили радиомолчание. Все эти признаки четко показывали, где именно 3-й Белорусский фронт нанесет главный удар и какие силы собраны для этого. Русские вели подготовку с утомительной методичностью. Ар-

тиллерийские наблюдатели занимали только что построенные корректировочные посты...

Пикировщики начали бомбить и обстреливать наши пути отхода, командные пункты и города непосредственно за линией фронта. Мы засекали интенсивные передвижения русских войск к фронту, особенно ночью 8 и 10 января. Это были неопровержимые доказательства подготовки наступления...»

В оперативной сводке 3-й немецкой танковой армии за 11 января 1945 года отмечалось, что «противник через 2—3 дня будет готов к наступательным действиям». На следующий день в донесении штаба армии говорилось, что «подготовка противника к наступлению перед фронтом 3-й танковой армии, видимо, закончена». Данные войсковых наблюдателей, агентуры, авиационной разведки и радиоперехватов подтверждались советскими перебежчиками.

Определить наиболее вероятные направления ударов советских армий в принципе не составляло труда — севернее и южнее Мазурских болот. Самым удобным по условиям местности для действий всех родов войск являлось инстербургское направление. Именно здесь на участке протяженностью 20 километров генерал Раус разместил четыре дивизии 26-го армейского корпуса (56-я и 69-я пехотные, 349-я и 549-я народно-гренадерские), почти все штурмовые орудия, армейскую артиллерию, зенитный полк и бригаду шестиствольных минометов. Позади корпуса, которым командовал генерал Герхард Матцки, находился армейский резерв — 5-я танковая дивизия со всеми своими 50 танками. Остальные 140 километров фронта 3-й танковой армии прикрывали четыре дивизии 9-го армейского корпуса (286-я охранная, 548, 551, 561-я народно-гренадерские) генерала Рольфа Вютмана.

Вечером 12 января, получив сведения о выдвигении советских войск в исходные районы для атаки, Раус приказал, оставив боевое охранение, эвакуировать первые две линии траншей.

Маршал Рокоссовский решил нанести главный удар с ружанского плацдарма на реке Нарев силами 3-й, 48-й, 2-й ударной и 5-й гвардейской танковой армий. Прорвав оборону про-

тивника на 18-километровом участке, они должны были наступать на Млаву, Мариенбург, обходя с юга Алленштейнский и Летценский укрепленные районы. Для расширения прорыва к северу 3-я армия генерал-полковника А. В. Горбатова получила задачу нанести удар на Алленштейн. В том же направлении предполагалось ввести резерв фронта — 3-й гвардейский кавалерийский корпус, который должен был перерезать противнику основные пути отхода на запад. 49-я армия генерал-лейтенанта И. Т. Гришина, находившаяся во втором эшелоне, имела задачу главными силами перейти в наступление на Мышинец, используя прорыв в полосе 3-й армии.

Второй удар наносился с сероцкого плацдарма силами 65-й и 70-й армий и 1-го гвардейского Донского танкового корпуса. Армии должны были прорвать оборону на 10-километровом участке и наступать в направлении Насельск, Бельск. Одновременно 70-я армия генерал-полковника В. С. Попова должна была частью сил не допустить отхода варшавской группировки противника за Вислу и быть в готовности форсировать ее западнее Модлина.

На 50-ю армию генерал-полковника И. В. Болдина возлагалась оборона участка фронта от Августова до Новогруда.

«Силы были внушительные, — вспоминает Рокоссовский, — и соответствовали поставленной перед нами задаче». Правда, маршала беспокоило отсутствие взаимодействия с соседом справа: «Ставка, по-видимому, рассчитывала на то, что войска соседа будут продвигаться равномерно с нашими. Но нас даже не оповестили, где командующий 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховский будет наносить свой первый удар. Повторяю, о нашем взаимодействии с правым соседом Ставка не обмолвилась ни словом, по-видимому, считая, что севернее нас никаких осложнений быть не может». Главное было поддерживать тесную локтевую связь с нацеленным на Берлин фронтом маршала Жукова. На взаимодействии с ним Ставка «настаивала категорически».

Наступление планировалось начать полуторачасовой артиллерийской подготовкой с плотностью от 180 до 300 орудий и минометов на километр фронта. Боеприпасов было приказано не жалеть. Как вспоминает генерал армии П. И. Батов,

командовавший 65-й армией: «Еще когда обсуждался план артиллерийской подготовки, генерал-полковник А.К. Сокольский сказал: «Снарядов получите столько, сколько сможете вывезти». Такой щедрости мы до сих пор не знали... Небывалый по силе огневой удар был особенностью январского наступления (мы имели артиллерийский корпус прорыва и девять отдельных пушечных полков)».

Еще больше, по свидетельству маршала артиллерии К.П. Казакова, «имели» во 2-й ударной: «В оперативное подчинение армии поступил 8-й артиллерийский корпус прорыва в составе 1-й и 23-й артиллерийских дивизий, затем еще три дивизии — 26-я артиллерийская, 4-я гвардейская минометная и 47-я зенитно-артиллерийская. К началу января мы кроме штатной армейской, корпусной и дивизионной артиллерии располагали еще 18 артиллерийскими, минометными и гвардейскими минометными бригадами. Шесть артиллерийских бригад имели на вооружении тяжелые орудия и орудия большой мощности, а одна минометная бригада — новые 160-мм минометы... На участке прорыва 381-й дивизии плотность артиллерии была наивысшей из тех, что я знал за всю войну, — 468 стволов».

Авиаторы 4-й воздушной армии (14 авиационных дивизий и 4 отдельных полка — более 1500 боевых самолетов) генерал-полковника К.А. Вершинина в первый день наступления должны были совершить 1400 вылетов, только для непосредственной поддержки войск 48-й и 2-й ударной армий было выделено четыре штурмовые авиационные дивизии — почти 400 самолетов, «построенных» в восемь эшелонов.

С целью обеспечения внезапности разведку боем накануне наступления было приказано не предпринимать, а провести ее штурмовыми батальонами в первые пятнадцать минут артподготовки.

Замполиты и агитаторы, армейские газеты и «дивизионки» весь период занимались «политической мобилизацией войск», которая, по утверждению начальника политуправления фронта генерал-лейтенанта А.Д. Огорокова, была «неразрывно связана с воспитанием ненависти к врагу — германскому фашизму»: «Проводя беседы и митинги, политра-

ботники широко использовали материалы Чрезвычайной комиссии, расследовавшей зверства гитлеровцев на территории СССР, сообщение Совинформбюро о злодейском убийстве советских парламентариев под Будапештом, письма людей, испытавших на себе ужасы фашистского гнета. По инициативе начальника политотдела 48-й армии генерал-майора И.И. Михальчука политработники опросили бойцов и офицеров, кто из них имеет личный счет к фашистам. Только в 68-й артиллерийской бригаде из 842 опрошенных 609 человек заявили, что оккупанты убили или угнали в Германию их родственников». Понятно, что все эти «инициативы снизу» являлись типичной формой доведения до личного состава генеральной линии партии. Генерал В.В. Крайнюков использовал аналогичные приемы на 1-м Украинском фронте: «Наиболее действенными формами воспитания ненависти к врагу являлись митинги, после которых бойцы открывали личные счета мести с оккупантами... Получилось так, что каждый солдат, сержант и офицер батальона был вправе предъявить свой особый счет врагу. Но и общий счет к гитлеровцам у нас был огромный».

Против левого крыла 2-го Белорусского фронта держали оборону 20, 23 и 27-й армейские корпуса 2-й армии генерала Вейса. В резерве находились танковый корпус «Великая Германия» и 7-я танковая дивизия.

Здесь немцы также качественно окопались, поэтому Рокоссовский не верил, что они оставят позиции по собственной инициативе: «Раньше не раз случалось, что противник еще до нашей артподготовки отводил свои войска в глубину, чтобы мы израсходовали боеприпасы по пустому месту. Сейчас он вряд ли пойдет на это. У него сильные позиции, избыточные опорными пунктами и долговременными укреплениями с фортами, правда, старого типа, но хорошо приспособленными к обороне. Добровольный отход противника с этих позиций только облегчил бы нам задачу. И он, конечно, не решится их покинуть. Что ж, будем выковыривать гитлеровцев из их бетонных нор. Сил у нас хватит».

Кстати, маршал, следуя в русле советской исторической мысли, тоже отметил в мемуаре, что, выполняя союзниче-

ский долг, «чтобы вызволить из беды американские и английские войска», он вынужден был сократить сроки подготовки операции, хотя сам еще в конце декабря установил для 5-й гвардейской танковой армии срок готовности «немногим более двух недель».

В ночь на 13 января ударные группировки 3-го Белорусского фронта заняли исходное положение для атаки. К этому времени уже было ясно, что ни о каком использовании авиации не может быть и речи: погода установилась отвратительная — туман, густой мокрый снег, практически нулевая видимость. В 6 часов утра передовые батальоны должны были провести разведку боем, а в 9.15 залпом «катюш» начиналась артиллерийская подготовка по всей полосе прорыва. Однако в 5.30 по местам сосредоточения советских войск нанесла упреждающий удар немецкая артиллерия. В результате огневого налета «понесли некоторые потери» части 72-го стрелкового корпуса.

Советская артподготовка началась точно по плану, хотя Черняховский и пытался перенести ее на более позднее время. За два часа стрельбы в туман артиллерия одной только 5-й армии генерал-полковника Н.И. Крылова выпустила более 117 тысяч снарядов (всего за первые два дня наступления, с гордостью сообщает маршал А.М. Василевский, войска 3-го Белорусского фронта израсходовали более 1000 вагонов основных номенклатур боеприпасов). Поскольку по условиям видимости корректировка огня была исключена, он велся по площадям и преимущественно по первой линии траншей, оставленной противником, — фактически по пустому месту. О чем генерал Раус вспоминает не без удовольствия: «Эвакуация первых двух линий прошла тихо... Когда наша пехота и артиллерия заняли боевые позиции, их передний край находился на третьей линии траншей. Русские обстреливали все замеченные цели на участке атаки на 5 километров в глубину — покинутые города и бывшие командные пункты. Наши резервы, укрывшись в лесу, остались целы». Немцы полностью сохранили систему огня и управления, потери пехоты были невелики.

В 11 часов пошли в атаку первые эшелоны 39, 5 и 28-й армий, сравнительно быстро и легко овладевшие первой линией траншей. Раус отмечает: «В рапортах русских командиров сообщается о захвате первой и второй линий обороны, но не говорится ни слова о пленных и трофеях». Уже на подходе ко второй линии советская пехота была прижата к земле залпами немецких гаубиц и реактивных «небельверферов». Началось методичное «прогрызание» оборонительных рубежей. В результате первого дня наступления, несмотря на ввод вторых эшелонов, 39-я и 5-я армии сумели продвинуться всего на 2—3 километра, и только 28-я армия генерал-лейтенанта А.А. Лучинского (3-й гвардейский, 20-й, 128-й стрелковые корпуса, 213-я танковая бригада) — до 7 километров. Таким образом, 13 января войска ударной группировки фронта поставленной задачи не выполнили.

Командовавший 11-й гвардейской армией генерал-полковник К.Н. Галицкий, который должен был начать выдвижение своих дивизий, но так и не сдвинулся с места, собрал штаб и командиров корпусов для обмена мнениями:

«Мы пришли к выводу, что основные причины невыполнения боевой задачи дня заключались не только в трудных метеорологических условиях, но и в недочетах руководства в некоторых соединениях и частях первого эшелона. Некоторые командиры и штабы дивизий и корпусов не учитывали особенности плохой погоды, ограничивавших зрительное наблюдение, не видели хода и результатов боя. Так, во второй половине дня командный пункт командира 54-й гвардейской стрелковой дивизии находился в 8,5, а наблюдательный пункт в 5,5 км от наступавших войск. В 72-м стрелковом корпусе 5-й армии, подвергшемся сильному огневому налету противника, нарушилось взаимодействие пехоты, артиллерии и танков. Танки и самоходная артиллерия отставали от пехоты. Сплошной туман не позволял артиллеристам своевременно обнаруживать и подавлять цели. Стрелковым батальонам и ротам не было придано необходимое количество орудий сопровождения для стрельбы прямой наводкой. Кроме того, недостаточно организовано проводилась инженерная разведка. В результате разминирование заграждений за-

паздывало. Это задерживало наступление пехоты и боевой техники».

Потерянное время было использовано противником для подтягивания резервов и уплотнения боевых порядков на участке прорыва.

С утра 14 января немецкая пехота начала контратаки при поддержке 190-го батальона штурмовых орудий и 5-й танковой дивизии генерала Гюнтера фон Хоффман-Шёнборна. Развернулись кровопролитные бои, особенно в районе Каттенау, хорошо укрепленном и господствовавшем над окружающей местностью. Отдельные пункты и узлы сопротивления несколько раз переходили из рук в руки. И хотя советская авиация, пользуясь улучшением метеорологических условий, подвергла оборону противника ожесточенной бомбардировке, войска фронта в этот день смогли продвинуться на отдельных участках не более чем на 3 километра.

15 января соединения 5-й армии (72, 45, 65-й стрелковые корпуса, 2-я гвардейская танковая бригада) преодолели еще 4 километра, остальные армии 1—2 километра. Советские войска несли тяжелые потери: «Трупы русских лежали грудями, особенно много их было на склонах высот среди подбитых и сгоревших танков».

Лейтенант И.Л. Деген был командиром роты во 2-й гвардейской танковой бригаде, приданной 5-й армии:

«Проходы в минных полях нам обеспечивал 21 танк-тральщик. А потом в атаку пошли 65 танков нашей бригады и два тяжелотанковых полка — 42 танка ИС-2 (75-й и 82-й гвардейские танковые полки. — Авт.) и еще 42 установки САУ-152 (373-й и 395-й гвардейские тяжелые самоходно-артиллерийские полки. — Авт.). Задачу для такой армады поставили скромную — к вечеру захватить Вилькупен, прорваться вперед на 14 километров. Но в первый день мы смогли пройти всего два километра и вскоре отступили на километр. Немцы ставили орудия в подвалах каменных домов. Между домами были натянуты доты с бетонными стенами двухметровой толщины. По нас вели дикий огонь. Доставалось еще от «фольксштурмистов», вооруженных фаустпатронами. Дошли мы до этого Вилькупена только на пятый день и только

благодаря саперам-подрывникам. Танки блокировали «гнезда» дотов, саперы закладывали по полтонны взрывчатки и подрывали немцев. Но на девятый день наступления от всей нашей танковой машины осталось всего шесть танков Т-34, два ИС-2 и четыре самоходки. Из моей роты уцелел только экипаж старшего лейтенанта Федорова».

Конечно, постепенно перемалывались и немецкие части. Однако в целом сложившаяся ситуация грозила затуханием наступления и провалом всей операции.

Чтобы завершить прорыв тактической зоны обороны противника и помешать ему маневрировать силами, требовалось нарастить мощь удара и активизировать действия войск на флангах ударной группировки. 16 января южнее Гумбиннена перешла в наступление 2-я гвардейская армия (11-й, 13-й гвардейские, 60-й стрелковые корпуса, 153-я танковая бригада); в полосе 5-й армии по приказу Черняховского при поддержке девяти (!) авиационных дивизий был введен в дело 2-й гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта А.С. Бурдейного (229 танков и самоходно-артиллерийских установок). Эффект оказался незначительным. Армия Чанчибадзе, конечно, сковала какие-то силы противника, но сама почти не продвинулась вперед. Что касается Тацинского корпуса, то с его помощью удалось захватить два опорных пункта — Куссен и Радшен, «но этот успех не компенсировал больших потерь»: «Десятки штурмовых орудий и сотни фаустпатронов задержали наступление 2-го танкового корпуса, который был вынужден вместо развития успеха в глубине обороны завершать прорыв ее, подвергаясь ударам с хорошо замаскированных позиций».

Так совпало, что именно в это время по приказу Гитлера началась переброска в Польшу мотодивизий «Бранденбург» и «Герман Геринг». Гудериан абсолютно прав, утверждая, что эти боеспособные соединения были сняты с оборонительных рубежей в Восточной Пруссии «в такое время, когда там назревал кризис русского наступления», а их вывод означал, «что в Восточной Пруссии начнется такая же катастрофа, какая произошла на Висле».

Вклинение советских войск в оборону в районе Куссена

угрожало окружением части сил 9-го армейского корпуса в так называемом лаздененском выступе. Стремясь избежать этого, лишившись резервов, Рейнгардт вечером 16 января разрешил отвести корпус генерала Вюттмана из этого района на правый берег реки Инстер. Сюда же следовало отступить левофланговым дивизиям 26-го армейского корпуса. Установив отход противника, соединения 39-й армии генерала Людникова (113-й, 5-й гвардейский, 94-й стрелковые корпуса, 28-я гвардейская танковая бригада) приступили к преследованию, стремясь окружить части 548-й и 561-й народно-гренадерских дивизий. В то же время 5-я и 28-я армии продолжали топтаться перед второй полосой обороны, хотя авиация двух воздушных армий совершила в этот день более 2800 самолето-вылетов.

Учитывая обстановку, командующий фронтом решил медленно использовать продвижение 39-й армии для ввода второго эшелона. На это направление вначале был выдвинут 1-й танковый корпус генерал-лейтенанта В.В. Буткова, а вслед за ним соединения 2-го гвардейского танкового корпуса, правда, потерявшего уже половину своего состава, и 11-й гвардейской армии генерала Галицкого (8, 16, 32-й гвардейские стрелковые корпуса). Армии были приданы 2-я гвардейская и 34-я зенитная артиллерийские дивизии, 120-я танковая, 21-я и 46-я истребительно-противотанковые, 9-я инженерно-штурмовая бригады, 42-й и 54-й гвардейские минометные, 75-й тяжелый танковый, 350-й тяжелый самоходно-артиллерийский полки. В распоряжении генерала Галицкого оказалось 1436 артиллерийских стволов калибра 76 мм и выше и все силы 1-й воздушной армии.

11-й гвардейской армии и обоим танковым корпусам предстояло сосредоточиться в районе Нештонветен — Краупишкен — Ивенберг, затем мощным ударом в западном и юго-западном направлениях окончательно разгромить тильзитскую и одновременно гумбинненско-инстербургскую группировки противника. Чтобы достичь этой цели, соединения 1-го танкового корпуса и 39-й армии должны были отрезать пути отхода тильзитской группировке, после чего совместно с частями 43-й армии, наносившим удар из района

Тильзита, уничтожить ее, а 5-я и 28-я армии ударом с востока и 11-я гвардейская армия со 2-м танковым корпусом ударом с севера вдоль оборонительного рубежа по западному берегу реки Инстер — окружить в районе западнее Инстербурга и уничтожить гумбинненско-инстербургскую группировку.

В полдень 18 января 1-й танковый корпус (178 танков и САУ) вошел в прорыв на левом фланге 39-й армии. Обогнав пехоту, уничтожая на своем пути разрозненные группы противника, танкисты прошли 25 километров, достигли реки Инстер и захватили плацдармы на ее правом берегу. Создалась угроза захвата Тильзита с юга. Однако развить успех не удалось: соединения корпуса были остановлены упорным сопротивлением 551-й народно-гренадерской и 69-й пехотной дивизий. Командир последней генерал Зигфрид Рейн погиб. К исходу дня к реке вышли передовые части армии Людникова.

В то же время 5-я и 28-я армии, возобновив наступление, завершили прорыв тактической зоны обороны, хотя из-за непрерывных контратак темп продвижения оставался невысоким.

В результате шестидневных непрерывных, ожесточенных боев войска 3-го Белорусского фронта протаранили немецкую оборону севернее Гумбиннена на участке до 60 километров и продвинулись на 30—40 километров в глубину. Враг был обескровлен, но, безусловно, не разбит.

С 19 января в подчинение Черняховского из состава 1-го Прибалтийского фронта была передана 43-я армия (90, 103, 54-й стрелковые корпуса) генерала А.П. Белобородова. Утром 20 января соединения армии, перейдя Неман по льду, овладели городом Тильзит.

С рубежа реки Инстер на стыке 39-й и 5-й армий в дело вступила 11-я гвардейская армия. Имея впереди два танковых корпуса, она устремилась в юго-западном направлении, овладела узлами сопротивления Гросс-Скайсгиррен и Ауловенен, а к исходу 21 января вышла к реке Прегель северо-восточнее Велау и на подступы к Инстербургу с севера. Бои шли жесточайшие. За день стрелковым дивизиям удавалась пройти не более 10 километров. При этом каждые 2—3 километра приходилось останавливаться, проводить перегруппировку и

возобновлять наступление после мощной артподготовки. В Тащинском корпусе в строю осталось 34 танка и 25 самоходных орудий. Ввиду того что продвижение танковых корпусов замедлилось, а дивизии Белобородова наступали широким фронтом, окружить никого не удалось. Тильзитская группировка сумела отойти и занять оборону на рубеже реки Дейме.

Войска 43-й и 39-й армий приблизились к заливу Куришес-Хафф и реке Дейме. Инстербургская группировка врага была глубоко охвачена с северо-запада. В то же время наступление 5-й, 28-й и 2-й гвардейской армий застопорилось. Особенно кровопролитные бои велись на подступах к Гумбиннену. Город был взят лишь во второй половине дня 21 января.

В ночь на 22 января 11-я гвардейская армия, воюя против того же 26-го армейского корпуса и 5-й танковой дивизии, при содействии 5-й армии начала штурм Инстербурга. К утру город был захвачен советскими войсками. Дивизии 16-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов вышли к реке Прегель на 30-километровом участке от Тапеау до Инстенбурга, в ряде мест форсировали ее и развернулись фронтом на юг. Успехи ударной группировки фронта позволили начать движение армиям Чанчибадзе и Шафранова, продвинувшимся на даркеменском направлении от 8 до 13 километров.

Потеря Гумбиннена и Инстербурга отрицательно сказалась на устойчивости обороны противника на кёнигсбергском направлении. Потерпев поражение на реке Инстер, немецкие войска начали отходить на рубеж рек Дейме, Прегель и Алле — основные позиции Хейльсбергского укрепленного района.

В ночь на 23 января командующий 3-м Белорусским фронтом дал новую оперативную директиву. Согласно ей 11-я гвардейская армия должна была форсировать по всей своей полосе реки Прегель и Алле и к исходу дня 23 января пройти 20—25 километров. Справа 39-я армия Людникова должна форсировать Дайме и продвинуться на 8—10 километров. Наступавшему в ее полосе 1-му Краснознаменному танковому корпусу предстояло форсировать Дайме в районе Тапиау, наступать далее вдоль Кёнигсбергского шоссе и прорваться на глубину более 20 километров. Чтобы ликвидировать отставание центральной группировки фронта, Черняховский

приказал командующему 5-й армией в течение ночи произвести перегруппировку и к 9 часам 23 января вывести 65-й корпус в район Заалау — Зимонен — Вирткаллен, то есть западнее Инстербурга на 16—18 километров и подготовить его к переправе через Прегель. Затем концентрическим ударом корпуса в направлении Мульджен с севера и главных сил армии с занимаемого ими рубежа юго-западнее Инстербурга разгромить противостоящего противника и к исходу дня выйти на реку Ильме на участке Шенраде—Грабенсвальде. 2-му гвардейскому танковому корпусу было приказано нанести удар в направлении Клайн Нур, овладеть переправами через Алле и продолжать в дальнейшем наступление на Алленбург.

Генерал Галицкий не скрывает недоумения: «Из этой директивы командующего фронтом явствует, что он решил продолжать наступление на Кёнигсберг севернее и южнее р. Прегель. На наш взгляд, группировка войск фронта при этом разъединялась рекой, что мешало маневрировать силами, а следовательно, ослабляло ударную мощь армий, нацеленных на Кёнигсберг. Причем наиболее боеспособный 1-й танковый корпус направлялся севернее р. Прегель для наступления в полосе 39-й армии, а потерявший, по существу, к этому времени свою боеспособность 2-й танковый корпус оставался в полосе 11-й гвардейской армии. Ознакомившись с директивой, мы не вполне поняли, где сосредоточиваются основные усилия фронта, в каком направлении наносится главный удар — севернее или южнее р. Прегель?»

В течение 23 января соединения 11-й гвардейской армии продвинулись вперед на 10—15 километров. Севернее реки Прегель войска 43-й и 39-й армий преодолели 8—12 километров, вышли на восточное побережье залива Куришес-Хафф и форсировали Дейме, овладев Лабиау и восточной окраиной Гольдбаха. На левом крыле фронта войска 28-й, 2-й гвардейской и 31-й армий за день боя продвинулись до 20 километров и вышли к району Мазурских озер.

«Нам представляется, — пишет генерал Галицкий, — что основным недостатком наступления на этом этапе являлось то, что оно велось по всему фронту без сосредоточения ос-

новых усилий в армиях на решающих направлениях, что армии нацеливались практически не на обход позиций вражеских группировок, а на выталкивание их к западу, а это давало возможность противнику организовывать сравнительно планомерный отход на заранее подготовленные укрепленные промежуточные позиции. Теряя время на уничтожение всех подряд инженерных сооружений врага, войска фронта замедляли темп наступления.

Очевидно, надо было более тщательно искать уязвимые участки в обороне врага и обходить наиболее укрепленные пункты и узлы обороны, чтобы, не снижая темпов наступления, окружать значительные его группировки.

Немаловажным было и то обстоятельство, что фронт не располагал достаточным количеством подвижных войск, главным образом бронетанковых, необходимых для развития успеха общевойсковых армий. Имевшиеся танковые корпуса не могли решить тех задач, которые стояли тогда перед войсками фронта».

Тем не менее, прорвав 23—24 января оборонительные рубежи на реках Дейме, Прегель, Алле, овладев крупными узлами сопротивления Даркеменом, Ангербургом, войска правого крыла 3-го Белорусского фронта продолжали рваться к Кёнигсбергу. Центральная группировка — 5-я и 28-я армии — вела наступление на Фридланд. Левофланговые армии подходили к Мазурскому каналу.

24 января генерал Черняховский представил в Генеральный штаб план второго этапа операции.

Не менее драматично развивалось наступление 2-го Белорусского фронта. В 9 часов 14 января после постановки задач в подразделениях зачитали обращение Военного совета фронта:

«Верные сыны Советской Родины — красноармейцы, сержанты, офицеры, генералы! Настало время рассчитаться со злейшими врагами нашей Родины — немецко-фашистскими захватчиками за все их зверства и злодеяния, за уничтоженные и разграбленные советские города и села... Новым мощным ударом ускорим гибель врага!»

В 10.00 началась артиллерийская подготовка. В течение

15 минут артиллерия вела огонь с предельным напряжением по переднему краю и ближайшей глубине обороны противника, разрушая его оборонительные сооружения. Передовые батальоны дивизий первого эшелона, развернутые на ружанском плацдарме, энергично атаковали передний край и почти без боя ворвались в первую траншею. К 11 часам они овладели второй и частично третьей траншеями — за них уже пришлось драться, — что позволило сократить артиллерийскую подготовку, а период поддержки атаки начать двойным огнем на всю глубину второй позиции. Несколько иначе сложилась обстановка в полосах 65-й и 70-й армий, наступавших с сероцкого плацдарма. Здесь передовые батальоны имели меньшее продвижение, и поэтому артиллерийская подготовка проводилась в полном объеме. Неблагоприятные метеорологические условия снизили эффективность артиллерийского огня и исключили возможность использования авиации.

В первый день войска 3-й, 48-й и 2-й ударной армий прошли с боями от 3 до 6 километров, 65-я и 70-я армии вклинились на 3—5 километров. Ни на одном из участков наступления первая полоса обороны прорвана не была, хотя боеприпасов израсходовали свыше 950 вагонов. Немцы оказывали ожесточенное сопротивление и непрерывно переходили в контратаки.

Генерал-полковник И.И. Федюнинский командовал 2-й ударной армией:

«Бой шел в густом тумане. Ни я, ни командиры корпусов не могли видеть, насколько продвинулись вперед боевые порядки дивизий.

Отсутствие авиации, трудности управления артиллерийским огнем, разрозненные и малоэнергичные действия наших танков непосредственной поддержки пехоты привели к тому, что до темноты задача дня полностью решена не была».

С наступлением темноты бой продолжали подготовленные к ночным действиям батальоны.

С утра 15 января ударные группировки попытались возобновить наступление, а командование группы армий «Центр», подтянув резервы, нанесло фланговые контрудары, причем запланированный советскими начальниками артналет нем-

цы опередили на полчаса своей артиллерийской подготовкой. После чего 3-я армия (41, 35, 40-й стрелковые корпуса) была атакована танко-гренадерской дивизией «Великая Германия», одним из наиболее боеспособных соединений Вермахта, которая «разведкой на нашем направлении не отмечалась». На левом фланге 2-й ударной армии неожиданно появилась 7-я танковая дивизия, «та самая, которую наши разведчики считали переброшенной на другой фронт». Хитроумные немцы сумели «воспользоваться туманом» и «незаметно сосредоточились» там, где их не ждали, а затем «яростно обрушились» на наши войска. Темп продвижения резко снизился, местами до полной остановки. Генерал Горбатов: «Страшное по силе и ожесточенности сражение разыгралось на второй день. Он был таким же пасмурным, как первый... Вместо ожидаемого развития успешно начатого наступления пришлось вести необычной силы встречные и оборонительные бои с переменным успехом... Да, это был страшный бой, тяжелый день. Наши войска не продвинулись ни на шаг, но ни на шаг и не отступили».

Скрепя сердце маршалу Рокоссовскому пришлось ввести в наметившиеся «трещины» в полосах 2-й ударной и 65-й армий соответственно 8-й и 1-й гвардейские танковые корпуса, а 16 января, в полосе 48-й армии, — 8-й механизированный корпус. Командиру каждого корпуса оперативно подчинилась штурмовая авиационная дивизия. Отразив несколько сильных контратак, танкисты сломили вражеское сопротивление и устремились вперед. Чтобы создать условия для продолжения наступления корпусов Горбатова, справа от него активизировались части 49-й армии. Улучшившаяся погода позволила поднять в воздух авиацию.

В результате за трое суток войска фронта прорвали тактическую зону обороны на 60-километровом участке и продвинулись в глубину до 30 километров, овладев опорными пунктами и узлами коммуникаций Пултуск, Насельск, перерезали железнодорожную магистраль Цеханув — Модлин.

Во второй половине 17 января 5-я гвардейская танковая армия (10-й и 29-й танковые корпуса — 585 танков и САУ, 545 орудий и минометов) под командованием генерал-пол-

ковника В.Т. Вольского, поддерживаемая с воздуха штурмовым авиакорпусом, вошла в прорыв в полосе 48-й армии (29, 42, 53-й стрелковые корпуса) генерал-полковника Н.И. Гусева.

Это сразу изменило обстановку.

8-й гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта А.Ф. Попова (252 танка и САУ) внезапным ударом совместно с поддерживавшей его авиацией нанес поражение 7-й танковой дивизии, а 8-й механизированный корпус генерал-лейтенанта А.Н. Фирсовича захватил Грудуск. Дивизия «Великая Германия» попала под удар соединений 48-й и 3-й армий и понесла большие потери. 5-я гвардейская танковая армия оторвалась от общевойсковых соединений и к концу дня достигла Млавского укрепленного района.

17—18 января пали опорные пункты Цеханув и Пшасныш.

49-я армия (70-й, 121-й стрелковые корпуса) генерала Гришина продвигалась в северном направлении, обеспечивая правый фланг ударной группировки. Армии, действовавшие с сероцкого плацдарма, овладели Модлином.

После упорных пятидневных боев 2-й Белорусский фронт прорвал оборону противника в полосе шириной 110 километров и продвинулся на млавском направлении до 60 километров в глубину. К этому времени войска правого крыла 1-го Белорусского фронта освободили Варшаву, выдвинулись на реку Бзура и развивали удар на Познань. Однако остатки четырех пехотных дивизий, разбитой варшавской группировки отошли за Вислу и усилили 2-ю полевую армию, что осложнило обстановку перед левым крылом Рокоссовского.

Продвижение ударных группировок 3-го и 2-го Белорусских фронтов на кёнигсбергском и мариенбургском направлениях, которое началось после прорыва обороны 3-й танковой и 2-й немецких армий, поставило под угрозу фланги и тыл 4-й армии, оборонявшей августовский выступ и оказавшейся «в чрезвычайно неприятном положении». Командующий группой армий «Центр» видел опасность и пытался добиться санкции вышестоящего командования на отход, но Гитлер предложение отклонил и приказал защищать каждый вершок.

С 19 января 2-й Белорусский фронт развернул преследование противника, в котором решающую роль играли подвиж-

ные соединения. Главные силы стрелковых корпусов маршировали в колоннах, артиллерия, тоже в колоннах, продвигалась перекатами, и только передовые отряды вырывались далеко вперед. Обычно стрелковый батальон размещался на автомашинах приданного ему артиллерийского дивизиона и десантом на самоходно-артиллерийских установках и по отличным «заграничным» дорогам мчался вперед со свистом. За день войска успевали проходить по 25—30 километров. В полосе 48-й армии Рокоссовский ввел 3-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Н.С. Осликовского, который пересек южную границу Восточной Пруссии и устремился на Алленштейн. Развивала наступление и танковая армия Вольского. Совместно с передовыми частями 48-й армии она с ходу овладела Млавой и также вступила в пределы Восточной Пруссии в районе Нейденбурга. Справа от них 20 января границу пересекли дивизии 3-й армии генерала Горбатова. Военный совет армии, поздравляя всех солдат «со вступлением на землю врага», издал воззвание: «Наше всеобщее давнишнее желание сбылось. Теперь нужно добраться до сердца гитлеровской Германии и вонзить в него наш красноармейский штык».

Несмотря на угрозу окружения, 4-я армия Госсбаха продолжала удерживать выступ в районе Августова. Учитывая это, а также трудности, возникшие у Черняховского, Ставка 20 января приказала Рокоссовскому главные силы 2-го Белорусского фронта, уже готовившиеся форсировать Вислу, повернуть на север, в направлении города Эльбинг, кратчайшим путем достичь залива Фришес-Хафф и отсечь восточнопрусскую группировку противника от померанской. Одновременно 65-я и 70-я армии должны были ускоренными темпами наступать на запад. Для Константина Константиновича этот приказ оказался «совершенно неожиданным» и малопродуманным:

«Наше внимание уделялось скорейшему продвижению на запад, чтобы надежно обеспечить от возможных ударов с севера войска 1-го Белорусского фронта, особенно его танковые армии. О событиях на участке 3-го Белорусского фронта официальных сообщений у нас не было, но доходили слухи, что там наступление развивается медленно. И если проводи-

мые Ставкой до этого крупные наступательные операции, в которых участвовало одновременно несколько фронтов, можно было считать образцом мастерства, то организация и руководство Восточно-Прусской операцией вызывают много сомнений. Эти сомнения возникли, когда 2-му Белорусскому фронту Ставкой было приказано 20 января повернуть 3, 48, 5-ю гв. танковую и 2-ю Ударную армии на север и северо-восток для действий против восточнопрусской группировки противника вместо продолжения наступления на запад. Ведь тогда их войска уже прорвали оборону противника и подходили к Висле в готовности форсировать ее с ходу.

Полученная директива фактически в корне меняла первоначальную задачу фронту, поставленную Сталиным в бытность мою в Ставке. Тогда ни одним словом не упоминалось о привлечении войск 2-го Белорусского фронта для участия совместно с 3-м Белорусским фронтом в ликвидации восточнопрусской группировки войск противника. И поскольку основной задачей фронта было наступление на запад в тесном взаимодействии с войсками 1-го Белорусского фронта, то и основная группировка войск фронта была создана на левом крыле фронта (48-я, 2-я ударная, 65, 70, 49-я и 5-я гв. танковая армии). По полученной же директиве основной задачей ставилось окружение восточнопрусской группировки противника ударом главных сил фронта на север и северо-восток с выходом к заливу Фриш-Гаф. Вместе с тем от прежней задачи — взаимодействия с 1-м Белорусским фронтом на фланге — мы не освобождались и вынуждены были продолжать наступление на запад, имея на левом крыле всего две армии. С этого момента началась растяжка фронта, так как большая часть наших сил наступала на север и северо-восток, а меньшая — на запад.

Это впоследствии привело к тому, что из-за быстрого продвижения к Одеру 1-му Белорусскому фронту пришлось растягивать свои войска для обеспечения с севера своего обнажившегося фланга, поскольку левое крыло нашего фронта отставало в продвижении на запад. А это произошло потому, что нашему фронту пришлось выполнять в этот период две различные задачи. И прав был командующий 1-м Белорус-

ским фронтом Жуков, упрекая меня за отставание войск и невыполнение задачи по обеспечению фланга его фронта.

Я уверен, что он в то время понимал необоснованность своей претензии к нам и предъявлял ее лишь для того, чтобы подзадорить меня. Возникали такие вопросы: почему Ставка не использовала весьма выгодное положение войск 2-го Белорусского фронта и не совместила удар войск 3-го Белорусского фронта с ударом нашего фронта, нанося его примерно с ломжинского направления, с юга на север, в направлении на залив Фриш-Гаф? В данном случае сразу же следовало бы этому фронту включить в свой состав войска 50-й и 3-й армий с их участками. Генеральный штаб не мог не знать о том, что наиболее сильные укрепления в Восточной Пруссии были созданы в восточной и юго-восточной ее частях. Кроме того, сама по себе конфигурация фронта подсказывала нанесение удара именно с юга на север, чтобы отсечь Восточную Пруссию от Германии. К тому же удар с этого направления было легко совместить с ударом, наносимым войсками нашего фронта. Такое решение облегчило бы прорыв фронта противника в самом начале операции».

Выполняя новую директиву, войска 2-го Белорусского фронта устремились к побережью залива Фришес-Хаф. Особенно быстро наступала 5-я гвардейская танковая армия. Овладев 20 января крупным узлом шоссежных и железных дорог городом Нейденбург, танкисты взяли курс на Остероде, Эльбинг. Соединения левого крыла фронта за один день продвинулись более чем на 40 километров, заняв города Серпц, Бельск, Вышогруд.

21 января в результате ночной атаки 10-го танкового корпуса (117 танков и 84 САУ) генерал-майора М.Г. Сахно пал Танненберг. Это был знаменательный момент. Отступавшие немецкие части взорвали Танненбергский мемориал, посвященный победе 1914 года, а саркофаги национального героя фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга и его супруги вывезли на Запад вместе с боевыми знаменами отличившихся немецких полков. Как отмечал в дневнике один из чиновников германского МИДа, «уничтожением мемориала немцы официально признали тот факт, что у них не осталось надежды

когда-либо вернуться в Пруссию». В тот же день был взорван комплекс сооружений гитлеровской ставки «Вольфшанце» под Растенбургом.

Вот теперь нацистское руководство дало разрешение на эвакуацию жителей Восточной Пруссии и Померании. Сотни тысяч беженцев устремились на Земландский полуостров — к Пиллау, на косу Фрише-Нерунг, за Вислу — к Данцигу и Готенхафену.

«С приближением фронта, — пишет генерал К.Ф. Телегин, — население снималось поголовно с мест и, нагружив самый необходимый скарб на всякого рода тележки и коляски, начинало пешее движение, вернее бегство, на запад. Вполне понятно, что при высоком темпе продвижения войск беженцы попадали в полосу военных действий, как могли, укрывались и, пропустив войска, продолжали двигаться на запад, теперь уже в тылу наших войск.

Что же сказать? В этом скорбном людском потоке в некотором смысле олицетворялась справедливость исторического рока...

Но при всем прочем потоки беженцев, оказавшиеся на дорогах нашего фронтового тыла, настолько плотно забили все коммуникации, что это привело к серьезнейшим помехам в работе транспорта. Часто даже танки вынуждены были задерживаться у перекрестков дорог, пропуская неуправляемые, охваченные животной паникой колонны беженцев, среди которых было много детей и престарелых».

Согласно советской версии, немцев вынуждали бросать дома собственные власти, угрожая репрессиями и пугая мнимыми «зверствами русских».

Генерал К.Н. Галицкий не может забыть, как поверившие фашистской пропаганде люди «настолько запрудили дороги, что мешали продвигаться немецким войскам... Немецкие комманданты пытались навести порядок на дорогах, но это удавалось плохо. В ряде случаев отступавшие фашистские танки, бронетранспортеры, тягачи и грузовики врезались в толпы беженцев и давили их. Особенно зверски обращались со своими согражданами солдаты и офицеры из корпуса «Герман Геринг». Часть беженцев возвращалась к месту своего

жительства, уже растеряв имущество и продукты. Советские солдаты кормили голодных женщин и детей, обогревали у костров, помогали переправиться через водные преграды». Политработники под руководством человеколюбивого пастыря О कोरोкова разворачивали агитационную работу: «Знакомились с местными жителями, выявляя и изучая демократический и антифашистский актив. На своих собраниях жители выбирали местные органы самоуправления... Но главное, что заставило жителей поверить в свою безопасность, понять благородную миссию Красной Армии, — это поведение советских воинов. Наши бойцы, командиры, политработники проявляли глубокую гуманность к местному населению. Мы помогали организовать продовольственное снабжение и ликвидировать последствия тяжелых боев, постоянно разъясняли населению политику Советского государства».

И отчего они, глупые, бежали? Всем ведь известно: «Советский солдат — самый справедливый воин на земле».

А главное — куда они подевались?

21 января Ставка ВГК потребовала от 2-го Белорусского фронта не позднее 2—4 февраля овладеть рубежом Эльбинг, Мариенбург, Торунь, выйти на Вислу в ее нижнем течении и отрезать противнику все пути в Центральную Германию. После выхода на Вислу намечалось захватить плацдармы на ее левом берегу к северу от Торуня. Войскам правого крыла фронта приказывалось овладеть рубежом Иоханнисбург, Алленштейн, Эльбинг. В дальнейшем предполагалось вывести большую часть сил фронта на левый берег Вислы для действий в полосе между Данцигом и Штеттином.

Положение группы армий «Центр» ухудшалось, явственно обозначилась угроза окружения западнее Августова. Настойчивые просьбы Рейнгардта об отводе 4-й армии по-прежнему отклонялись Гитлером. Тогда генерал Госсбах, фактически оказавшийся в кольце, принял «отчаянное решение». В ночь на 22 января он начал несанкционированный отвод своих соединений за оборонительные сооружения Летценского укрепленного района на рубеже Мазурских озер, «не испытывая никакого воздействия со стороны противника». Маневр не

был своевременно обнаружен разведкой 50-й армии (69-й, 81-й стрелковые корпуса), командование которой продолжало докладывать в штаб фронта, что «неприятель держится крепко». Лишь через два дня разведка боем показала, что перед армией — пустой пейзаж. Раздосадованный Рокоссовский потребовал смещения командарма Болдина: «Такое упущение нельзя было простить.... Неверная информация дорого нам стоила. Мы были вынуждены раньше времени ввести в бой 49-ю армию, которая, не случить этого, могла быть использована более целесообразно. А 50-й армии пришлось форсированными маршами догонять оторвавшегося противника». Болдина убрали, в командование вступил начальник штаба армии (бывший начальник штаба Волховского фронта) генерал-лейтенант Ф.П. Озеров.

Тем временем, осмотревшись на новой позиции, Госсбах принял решение не задерживаться, оставить оборонительные рубежи с крепостью Летцен и системой Мазурских озер и пробиваться на запад для соединения со 2-й армией генерал-полковника Вейса в южной части Хейльсбергского укрепленного района. О принятом решении командующий 4-й армией не поставил в известность ни командующего группой армий «Центр», ни Верховное Главнокомандование. Соединения армии миновали Летценский укрепленный район и 24 января заняли долговременную укрепленную позицию Хейльсберг, Дейме. Об оставлении линии Мазурских озер Берлин известил гаулейтер Кох. В ставке фюрера сообщение о сдаче «самой сильной цитадели Восточной Пруссии, сооруженной с учетом последних военных достижений», вызвало эффект разорвавшейся бомбы. Гитлер, окончательно утративший доверие к генералитету, чрезвычайно возбудился, орал на Гудериана и требовал отдать «русских агентов» Рейнгардта и Госсбаха под суд военного трибунала.

Между тем отступление группы армий «Центр» продолжалось.

22 января 29-й танковый корпус (149 танков и 111 САУ) генерал-майора Малахова овладел городом Дейч-Эйлау.

Конный корпус Осликовского влетел в Алленштейн. На этой железнодорожной станции скопилось два десятка эше-

лонов с различными грузами, военной техникой, людьми. Вокзал до отказа был забит беженцами, ожидавшими отправки в центральные районы Германии. Казаки захватили богатые трофеи и власть помародерствовали, что категорически запрещалось делать в «союзной» Польше.

«На вокзал города Алленштейн, — вспоминает Н.Н. Никулин, — который доблестная конница генерала Осликовского захватила неожиданно для противника, прибыло несколько эшелонов с немецкими беженцами. Они думали, что едут в свой тыл, а попали... Я видел результаты приема, который им оказали. Перроны вокзала были покрыты кучами распотрошенных чемоданов, узлов, баулов. Повсюду одежонка, детские вещи, распоротые подушки. Все это в лужах крови...»

Миллионы вооруженных, озверевших, матерящихся мужиков, забывших цену человеческой жизни, в крови, грязи и копотии вломились в Германию, горя жадной мести.

Вот она, страна негодяев, страна убийц! Горе тебе, Германия!

Переход германской границы Красной Армией ознаменовался взрывом насилия, мародерства и бессмысленного разрушения. Тому есть множество свидетельств и «объяснений».

Маршал В.И. Чуйков, командовавший 8-й гвардейской армией, очень аккуратно — оно и понятно — пишет:

«Бойцы по-своему выразили свое настроение. На пограничных столбах мне довелось видеть надписи: «Вот она, фашистская Германия!»

Чувства эти понятны, очевидно, еще было невозможно разделить в сознании солдата страну, народ и фашизм во главе с Гитлером. Слишком свежа была память о злодеяниях захватчиков на нашей и на польской земле. Вчитываясь в этого рода надписи, я вспомнил Майданек... Вспоминал и свои опасения, что на немецкой земле могут выплеснуться ярость и гнев русского человека».

Капитан А.В. Пыльцын, командир роты 8-го отдельного штрафного батальона, с гордостью носившего присвоенное немцами прозвище «банда Рокоссовского»:

«Всепоглощающая ненависть к эсэсовцам, к арийцам и вообще ко всему немецкому одолевала нас. Неправильно это, се-

годня понимаю, но ненависть к врагам сидела в нашем сознании тогда крепко. Вспоминались крылатые фразы типа «нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души» или «если враг не сдастся, его уничтожают». Вот и учились ненавидеть, стремились уничтожать. И плакаты, и газеты, и кино, да и хлесткие публикации Ильи Эренбурга и других известных писателей призывали: «Убей немца!» Понимали, конечно, что убивать надо тех, кто с огнем и мечом пришел на землю нашей Родины, но, вопреки логике, ненависть наша распространялась на всех немцев, на все немецкое, вражеское».

Н.Н. Никулин, сержант 13-го гвардейского корпусного арtpолка:

«Войска тем временем перешли границу Германии. Теперь война повернулась ко мне еще одной неожиданной стороной. Казалось, все испытано: смерть, голод, обстрелы, непосильная работа, холод. Так ведь нет! Было еще нечто очень страшное, почти раздавившее меня. Накануне перехода на территорию рейха в войска приехали агитаторы. Некоторые в больших чинах.

— Смерть за смерть!!! Кровь за кровь!!! Не забудем!!! Не простим!!! Отомстим!!! — и так далее...

До этого основательно постарался Эренбург, чьи трескучие, хлесткие статьи все читали: «Папа, убей немца!» И получился нацизм наоборот. Правда, те безобразничали по плану: сеть гетто, сеть лагерей. Учет и составление списков награбленного. Реестр наказаний, плановые расстрелы и т.д. У нас все пошло стихийно, по-славянски. Бей, ребята, жги, глуши! Порти ихних баб! Да еще перед наступлением обильно снабдили войска водкой. И пошло, и пошло! Пострадали, как всегда, невинные. Бонзы, как всегда, удрали... Без разбору жгли дома, убивали каких-то случайных старух, бесцельно расстреливали стада коров. Очень популярна была выдуманная кем-то шутка: «Сидит Иван около горящего дома. «Что ты делаешь?» — спрашивают его. «Да вот, портяночки надо было просушить, костерок развел»... Трупы, трупы, трупы. Немцы, конечно, подонки, но зачем же уподобляться им? Армия унизила себя. Нация унизила себя. Это было самое страшное на войне. Трупы, трупы...»

Везде успевавший Илья Эренбург прибыл на место событий и вскоре опубликовал серию статей на тему возмездия и справедливости:

«Я провел две недели в Германии, охваченной ужасом, пылающей и дымящейся. По длинным дорогам в снег или грязь плетутся немцы и немки. Эти дороги завалены мебелью, утварью, тряпьем. Горят города. В опустевшие ратуши заходят свиньи. Ветер треплет ключья городских знамен с орлами, со львами, с оленями. Мы могли бы сказать: каждому свой черед, но мы выше злорадства. Другое чувство нас вдохновляет: мы видим торжество справедливости...

Население пытается убежать. Тысячи и тысячи повозок движутся на запад. Чего только нет на этих возах — и сундуки, и перины, и мебель, и набрюшники, и наусники, и (под сеном) несколько итальянских карабинов, ножи, выданные крайслейтерами с надписью «Все для Германии» или «Кровь и честь»: этими ножами немцы и немки должны убивать русских. Но вот Красная Армия перерезала путь. Брошены не только кресла, а даже наусники. Валяются десятки тысяч перин (немцы накрываются перинами); и пух всех гусей от эпохи Бисмарка до наших дней застигает метелью Восточную Пруссию. Что касается немцев и немок, то, застигнутые нами, они пытаются освободиться не только от ножей, но и от своего прошлого... Они поспешно заламывают шапки. Девушки заискивающе и блудливо смотрят на проходящих бойцов, как будто и не дочери бюргеров, а кельнерши в ночном кабаре...

Ни одному из них нельзя верить. Сейчас они кажутся овцами, но они были волками, ими и остались. Они выкидывают карабины и кинжалы; но кто знает, что будет через месяц? Немец не умеет бороться по собственной инициативе, он ждет приказа. Среди растерянных, испуганных толп имеются люди, которым поручена организация диверсий и путчей. Сейчас они притаились: слишком велик страх их соотечественников; нужно отдышаться. А если им дадут отдышаться, если не приберут их к рукам, не просмотрят, не просветят каждого, вскоре самые покорные, те, кто кричит «рот фронт» и топчет изображения фюрера, снова начнут бредить «Великой

Германией» и, повинувшись закамфлированным обер-лейтенантам или ротенфюрерам, возьмутся за винтовки, за бомбы, за ножи. Ведь ни в одном из немцев я не нашел истинного раскаяния: страх и притворство.

Если можно кого-нибудь пожалеть на немецких дорогах, то только крохотных, ничего не понимающих детей, обезумевших недоенных коров да брошенных собак и кошек...

Везде началось. Оно будет доведено до конца. Ничто больше не спасет разбойную Германию. Первые слова того договора, который будет назван мирным, написаны кровью России. А для меня... величайшее счастье топтать эту землю злодеев и знать: не случай, не фортуна, не речи и не статьи спасли мир от фашизма, а наш народ, наша армия, наше сердце, наш Сталин...

Мы горды тем, что Сталин не только величайший полководец, но и первый воин свободы, первый рыцарь справедливости...

Единственная историческая миссия, как я ее вижу, скромна и достойна, она состоит в том, чтобы уменьшить население Германии».

Сталин таких слов не писал, не говорил, но в самом узком кругу своего мнения не скрывал: «Немцы не имеют никакой морали. Они ненавидят то, что сделано рукой человека. Они просто садисты, настоящие варвары».

Прошло полтора месяца, и выяснилось, что «товарищ Эренбург упрощает»...

Рядовые красноармейцы, никогда не видевшие ни кельнерш, ни бюргеров, ни ночных кабаре, «упрощали» вопрос радикально: «Труп врага хорошо пахнет», тем более врага с ножом и бомбой за пазухой, замыслившего «диверсии и путчи».

Бей, жги, насилуй, здесь можно всё! Нет никакой разницы между немцем и «фашистом», между эсэсовцем и его ребенком — тоже небось мечтает стать эсэсовцем. Кто тут лепечет, что он антифашист? А почему ты, сука, не ушел в партизаны? А почему у тебя морда такая эсэсовская? Безграничная ненависть распространялась на всех «фрицев» без исключения:

«В крови руки каждого немца...

Впервые перед нашим народом оказались не люди, но

злые и мерзкие существа, дикари, снабженные всеми достижениями техники, изверги, действующие по уставу и ссылающиеся на науку, превратившие истребление грудных младенцев в последнее слово государственной мудрости...

Наша ненависть еще сильнее оттого, что с виду они похожи на человека, что они могут смеяться, могут гладить собаку или коня, что в своих дневниках они занимаются самоанализом, что они загрированы под людей, под культурных европейцев».

Ненависть, слепую и разрушительную, вызывали немецкие дома и немецкие города. Даже названия их «звучали отвратительно».

Ненависть и отвращение вызывали «пошлый мещанский» быт, с вазочками, сервизами, накрахмаленными салфетками, непременно портретами Гитлера и порнографическими открытками, — как и вся немецкая культура. Немцы, в понятии красноармейцев, жили «в господских дворцах», где имелся паркет, кафель, кресла, зеркала, рояли, ванны, теплые клозеты и кучи «награбленного добра»: французские шторы, югославские ковры, голландское полотно... Это «богатство» не вызывало зависти, а лишь усиливало жажду разрушения и приводило в недоумение: «Почему эти паразиты, у которых есть всё, хотели забрать у нас, русских, последнее?»

Эренбург с безразличием писал: «Рядом с достатком мы видим повсюду одичание. В любой квартире — библиотека. Что за чудесные переплеты! Только не раскрывайте книг — «Майн кампф» людоеда, сборник, посвященный Гиммлеру, «Поход на Польшу», «Расовая гигиена», «Еврейская чума», «Русские недочеловеки», «Наша верная Пруссия»... Убожество, духовная нищета. Впрочем, видно, книги эти мало читали: тома были обстановкой, как вазочки или фарфоровые кошечки...

Культура не определяется пылесосами и мясорубками. Мы видим отвратительное лицо Германии, и мы горды тем, что мы распотрошили берлогу отвратительного зверя».

Немецкая «деревня» неприятно удивляла порядком, крепкими домашними и хозяйственными постройками, хорошиими дорогами, наличием канализации и электричества, обилием упитанной живности, оснащенностью сельскохозяйств-

венной техникой и инвентарем, «а рядом сарай с клетушками и нарами для восточных рабочих». Чтобы не допустить «неверных политических выводов» со стороны отсталых элементов по поводу сравнительной эффективности «помещичьей» и социалистической формы хозяйствования, политработники и пресса неустанно разъясняли личному составу, что благосостояние «фашистов» — результат ограбления оккупированной Европы и Советского Союза, использования рабского труда угнанных в Германию советских граждан.

Ненависть и презрение вызывали «блудливые немецкие самки», матери, жены и сестры «палачей».

Бойцы с упоением уничтожали нажитое «преступным способом» имущество: били вдребезги зеркала и кафель, ломали мебель и рояли, потрошили подушки и перины, оправлялись в севрские сервизы и использовали «по назначению» кружевные салфетки, расстреливали коров и собак, взрывали дома. А еще убивали пленных и «диверсантов», независимо от возраста и пола, поодиночке и группами «ломали расовую гордость» немецких женщин:

«Наши разведчики, находившиеся на наблюдательном пункте, воспользовались затишьем и предались веселым развлечениям. Они заперли хозяина и хозяйку в чулан, а затем начали всем взводом, по очереди, портить малолетних хозяйских дочек. Петька, зная, что я не выношу даже рассказов о таких делах, транслировал мне по телефону вопли и стоны бедных девчушек, а также подробно рассказывал о происходящем. Сочные его комментарии напоминали футбольный репортаж. Он знал, что я не имею права бросить трубку, что я не пойду к начальству, так как начальство спит, да и не удивишь его подобными происшествиями — дело ведь обычное!»

Ну, которые тут сверхчеловеки? Встать раком!

«Даже деревья были нашими врагами», — писал на родину с 3-го Белорусского фронта один из красноармейцев.

Подобных писем сохранилось немало:

«Сводим счета с гансами и фрицами, а презренные фрау и их змееныши бегут куда глаза глядят. Ну, думаем, что далеко не убегут, найдем на краю света, как сказал т. Сталин, и совершим свой суд над вырожденками человечества»...

«Их дома горят, их имущество гибнет, их скот ходит бездомным, и сами они стали бездомными. Так и хочется каждому в лицо сказать: вот это тебе за наши страдания, вот это вам за страдания моей семьи и многих сотен тысяч других семей. Вот это вам за гибель многих сотен тысяч советских людей, за гибель наших женщин и детей, которых вы безжалостно уничтожали, не считая за людей и обращаясь с ними, как с животными. С глубоким отвращением смотришь на этих выродков человечества — пусть это будут мужчины, женщины, дети. Мужчины были непосредственными исполнителями этих злодеяний, женщины помогали им в этом, если не физически, то морально, а дети готовились к выполнению таких же злодеяний, как их отцы, считая сызмала себя «превыше всех»...

«Немецких женщин хватает, их не нужно уговаривать, просто приставляешь наган и командуешь: «Ложись!», делаешь дело и идешь дальше».

Дошло до того, что в рейхе, где аборты были категорически запрещены, врачи получили разрешение «прерывать беременность у женщин, изнасилованных большевиками».

Дрожи, Германия! Русские идут!

Горели города и пылали хутора.

Горел «освобожденный» Алленштейн, в который по заданию политуправления 2-го Белорусского фронта прибыл майор Л.З. Копелев:

«Город почти не пострадал от бомбежек и обстрелов. Но уже в первую ночь начались пожары. На одной из центральных площадей ярко, чадно горел четырехэтажный торговый дом, в котором было несколько разных магазинов: галантерейный, мебельный, продуктовый... Его не успели ни эвакуировать, ни разграбить. За большими витринами пылали диваны, кресла, шкафы. Огонь метался шумный, пестрый, то и дело что-то взрывалось, лопалось... По тротуару несколько ручьев синеватого пламени стекали в узкий кирпичный ювет. Удушливо пахло жженым сахаром».

Горел Найденбург. «В городе было светло от пожаров: горели целые кварталы. И здесь поджигали наши. Городок небольшой. Тротуары обсажены ветвистыми деревьями. На одной из боковых улиц, под узорной оградой палисадника, ле-

жал труп старой женщины: разорванное платье, между тощими ногами — обыкновенный городской телефон. Трубку пытались воткнуть в промежность. Солдаты кучками и по одиночке не спеша ходили из дома в дом, некоторые тащили узлы или чемоданы. Один словоохотливо объяснил, что эта немка — шпионка, ее застукали у телефона, ну и не стали долго чикаться».

Горели Гумбиннен и Фридланд, захваченные частями 28-й армии. Командир отделения 13-го трофейного батальона М.Ф. Коссинский:

«Операция по взятию Гумбиннена, особенно памятная мне потому, что наш батальон вступил в город одновременно со штурмовыми частями, закончилась 21 января 1945 года. Город сравнительно мало пострадал при штурме, но сразу же после нашего прихода начались пожары. В Гумбиннене оставались немногие жители, было выловлено и несколько солдат вермахта. Возможно, именно они и занимались поджогом жилых домов, но, с другой стороны, и наши бойцы не щадили чужих городов и были случаи поджога ими. Эти случаи объясняли «священной мезтью за сожженные немцами города и села нашей страны». Так или иначе, пожары начали опустошать город. Когда мы покидали Гумбиннен, нам пришлось проходить мимо королевского замка, построенного в XVII веке и господствовавшего над городом. При занятии города замок еще стоял нетронутым. Но теперь и он был охвачен пламенем... Фридланд тоже был почти цел при нашем вступлении, но и тут сразу же начались пожары».

Горел Зольдау, по улицам которого прошлась 137-я стрелковая дивизия 48-й армии. Комдив М.П. Серебров:

«Все, казалось бы, разъяснили, и вот на тебе. В Зольдау патруль задерживает солдата с факелом в руке, идет довольно спокойно, уверенной походкой и поджигает дом за домом. Успел поджечь уже три, тут его и задержал патруль. Мы только что разъяснили, что идем с гуманными целями, как воины-освободители, и тут такой случай. Прежде чем его наказать, я решил выслушать, что за причина побудила солдата поджигать дома. В беседе с ним выяснилось, что он родом из какого-то украинского села, шагает по полям войны вот уже чет-

вертый год, не один раз был ранен, имеет награды. Когда шел по дорогам войны, то ему довольно часто попадался плакат, на котором была изображена девочка и надпись: «Папа, убей немца!», и рассказывает: «Немцев за это время я убил довольно много, остались дома, которых я должен сжечь десять». Спрашиваем, что за причина? — «Дома у меня оставались мать, жена, трехлетняя дочь, недавно получил письмо, в котором сообщалось, что когда каратели ворвались в мое село, то село все сожгли, мать расстреляли, жену тоже, а мою маленькую дочь бросили живую в огонь. Когда я узнал об этой трагедии, то дал себе клятву, что сожгу десять домов, но не успел, был задержан патрулями». И после всех этих слов солдат горько заплакал.

Что нам оставалось делать? Разделили мы с ним его горе, пожурил я его немного, что нельзя так делать, и отправил в свою часть...»

Город Шверин, по свидетельству генерала В.А. Белявского, был оставлен немцами без боя: «В наших руках страшились оказаться не только солдаты и офицеры, но и гражданское население. Оно уходило на запад вместе с отступающей армией. Когда мы вошли в Шверин, город оказался совершенно пустым. В нем осталось не более двух десятков стариков и старух». Вместе с частями 8-й гвардейской армии в Шверине оказался писатель Василий Гроссман:

«Город был в огне, но грабежи продолжались... Из окна горящей квартиры выпрыгнула женщина... Пожары продолжались всю ночь... К коменданту города пришли женщина, одетая в траур, и молодая девушка. Лицо, шея, руки девушки были покрыты синяками. Слабым голосом женщина рассказывала, что эту девушку изнасиловал солдат из штабной роты связи. Тот солдат тоже присутствовал здесь. У него было толстое красное лицо и заспанные глаза».

Ненавистью оправдывались самые дикие преступления:

«Переехав невзрачный мостик, — вспоминает А.В. Пыльцын, — через не менее невзрачную речушку, мы увидели большой стенд с такой, кажется, надписью: «Вот она, проклятая Германия!», и сразу же за мостом, на повороте дороги бросился в глаза стандартный столб с уцелевшим еще немецким ука-

зателем: «Berlin...km» и привязанной уже кем-то из наших дощечкой с броской надписью по-русски: «На Берлин!!!»

Проехали еще немного и вдруг перед въездом в какое-то селение увидели несколько стоявших машин и около них группу военных. Остановились и мы. Пошли с Ритой и Ферманюком узнать, можно ли ехать дальше. Подошли ближе и... остолбенели от страшного зрелища: поперек дороги уложены пять или шесть обнаженных людских трупов, среди которых были женщины, подросток и даже ребенок лет 6—7. Видимо, это была семья. Лежали они лицом вверх, строго в ряд, и их тела были вдавлены в землю. Судя по следам танковых гусениц, какой-то наш танкист таким образом отомстил Германии за фашистские злодеяния на нашей земле, а может, и за погибшую от рук гитлеровцев свою семью...

...Рита отвернулась, уткнулась мне в плечо, ее тело стало содрогаться в едва сдерживаемых рыданиях. Я отвел ее к нашим машинам и постарался успокоить. А она сквозь всхлипывания все повторяла: «Ну, зачем же так! Ну, зачем!!!»

А в танкисте этом, совершившем такое злодеяние, подумал я, говорила, наверное, не просто ненависть, а злоба нечеловеческая, которую понять еще можно, но оправдать — нельзя! Конечно, война прошла по каждому из нас тем самым, окровавленным немецким сапогом. Всякий знал и помнил, как эсэсовские живодеры и головорезы истязали женщин и детей, сжигали живьем и вешали, умерщвляли их в душегубках. Забыть этого нельзя и через века. Простить — тоже. Но мы же не фашисты, нельзя же уподобляться им.

Да, конечно, мы ненавидели фашистов беспредельно. И высоту накала этой ненависти трудно было как-нибудь снизить, особенно когда вступили на землю врагов наших...

И еще помнили мы клятвы над могилами друзей боевых — отомстить!»

Старший лейтенант Л.Н. Рабичев, командир взвода связи управления 31-й армии: «Траутенау... Заходим в дом. Три больших комнаты, две мертвые женщины и три мертвые девочки, юбки у всех задраны, а между ног донышками наружу торчат пустые винные бутылки. Я иду вдоль стены дома, вторая дверь, коридор, дверь и еще две смежные комнаты, на каж-

дой из кроватей, а их три, лежат мертвые женщины с раздвинутыми ногами и бутылками.

Ну, предположим, всех изнасиловали и застрелили. Подушки залиты кровью. Но откуда это садистское желание — воткнуть бутылки? Наша пехота, наши танкисты, деревенские и городские ребята, у всех на Родине семьи, матери, сестры».

Насилия, совершаемые советскими войсками над гражданским населением, убийства пленных укрепляли решимость солдат Вермахта сражаться до последней возможности, до последнего патрона, до последней капли крови. Потери Красной Армии резко выросли и сравнялись с потерями 1941 года — 23,2 тысячи человек, 105 танков и 102 самолета ежесуточно.

Тем больше было поводов для мести. Из листовки политотдела 5-й гвардейской танковой армии на смерть майора П.П. Редько: «Тов. Редько со своим подразделением был грозой для немецко-фашистских захватчиков. Он уничтожал «тигры» и «пантеры», громил живую силу врага и его технику. Он бил фашистов на Украине, в Прибалтике и Восточной Пруссии. Он был смел и храбр в бою, не знал страха, никогда не отступал...

Отомстим за смерть майора Петра Прокофьевича Редько!»

И никакие беженцы, «плотно забившие коммуникации», не могли помешать танкистам выполнить поставленную задачу. Всего лишь несколько из множества эпизодов, собранных в архивах немецким историком Иоахимом Гофманом:

«В Западной Пруссии, в неуказанном населенном пункте, в конце января длинный обоз беженцев был достигнут передовыми советскими танковыми отрядами. Как сообщили несколько выживших женщин, танкисты (5-й гвардейской танковой армии) облили лошадей и повозки бензином и подожгли их: «Часть гражданских лиц, состоявших в большинстве из женщин и детей, прыгнули с повозок и попытались спастись, причем некоторые уже походили на живые факелы. После этого большевики открыли огонь. Лишь немногим удалось спастись». Точно так же в Плонене в конце января 1945 г. танки 5-й гвардейской танковой армии напали на колонну беженцев и расстреляли ее. Всех женщин от 13 до 60

лет из этого населенного пункта, расположенного под Эльбингом, красноармейцы беспрерывно насильовали «самым жестоким образом». Немецкие солдаты из танковой разведроты нашли одну такую женщину с распоротой штывком нижней частью живота, а другую молодую женщину — на деревянных нарах с разможенным лицом. Уничтоженные и разграбленные обозы беженцев по обе стороны дороги, трупы пассажиров, лежащие рядом в придорожном рву, были обнаружены также в Майслатайне под Эльбингом».

Согласно донесению группы армий «Центр», 22 января в районе Велау танки 2-го гвардейского танкового корпуса, расчищавшие путь 11-й гвардейской армии, «настигли, обстреляли танковыми снарядами и пулеметными очередями» колонну беженцев 4 километра длиной, «большей частью женщин и детей», а оставшихся «уложили автоматчики». Генерал Галицкий, рассказывающий, как он старушек через дорогу переводил и переправлял их через водные преграды, «перепутал» корпус Бурдейного с «Германом Герингом».

Геббельс очень точно подметил, что советским солдатам исподволь внушалось такое же чувство превосходства над окружающим миром, как, в свое время, немцам: «Они представляют себя великими спасителями мира; примечательно, что большевистская пропаганда привила им некий комплекс превосходства над остальными людьми, и в результате они совершают самые бессмысленные кровопролития».

Кроме того, Верховный Главнокомандующий разрешил Германию грабить, фактически узаконив мародерство. С 1 января 1945 года вступил в силу знаменитый приказ № 281 «Об организации приема и доставки посылок от красноармейцев, сержантов, офицеров и генералов». Раз в месяц «хорошо исполняющим службу» солдатам и сержантам разрешалось бесплатно отправлять домой посылки весом до 5 кг, офицерам за небольшую плату — вдвое больше, генералам — до 16 кг.

К вопросу подошли серьезно, по-государственному. На каждом из девяти фронтов, «освобождавших» Европу, было сформировано по одному специальному военно-почтовому эшелону в составе 16 вагонов и 25 человек охраны и обслуживающего персонала. На каждой из сотен военно-почтовых

станций были открыты дополнительные офицерские штаты для организации отделов и отделений посылок. Всему сержантскому и офицерскому составу, занятому на приемке и доставке посылок с фронтов, установили повышенные на 25% оклады. При крупных войсковых частях создавались склады для хранения награбленного, виноват, «бесхозного имущества». Командиров соединений для доставки ценного груза к железной дороге обязали выделять транспорт и охрану. Поскольку войска Ленинградского фронта воевали на советской территории, где взять было нечего и отправлять нечего, кроме собственных портянок, то для них формирование «специального поезда» и не предусматривалось.

Почин нашел горячий отклик в сердцах как рядового, так и начальствующего состава. Материальное положение родственников «освободителей» в тылу, разоренном войной, было катастрофическим. В конце 1944 года 40% рабочих и служащих получали на день 500 граммов хлеба. В деревне было еще хуже. Там ежедневная норма потребления хлеба покрывалась лишь на 80%, потребность в потребительских товарах удовлетворялась на четверть. Посылки и денежные переводы солдат позволяли их семьям хоть как-то сводить концы с концами. Армия с увлечением начала «трофейть». Домой отправляли все, что помещалось в ящик или чемодан, «не превышающий 70 см в каждом из трех измерений»: обувь, одежда, ткани, белье, продукты, мыло, чай, шоколад, забытые сладости...

Вспоминает Константин Симонов: «Я стоял вместе с Мехлисом и Исаевым, и у нас, уже не помню с чего, зашел разговор о солдатских посылках с фронта домой. Исаев рассказал о том, что многие солдаты посылают домой стекло — обивают стекло досками и приносят, — потому что им из дома написали, что стекла нет. А на почтовом пункте посылку не принимают — нельзя, не подходит по габариту, а кроме того, бьется.

— Давай принимай! — говорит солдат. — Давай принимай! Немцы мне хату побили. Принимай посылку, а то ты не почта, раз не принимаешь.

Многие посылают мешки с гвоздями, тоже для новой хаты. А один принес свернутую в круг пилу.

— Ты бы во что-нибудь завернул ее, — сказали ему на почте.

— Принимай, принимай, чего там! Мне некогда, я с передовой.

— А где ж у тебя адрес?

— Адрес на пиле написан, вот, видишь?

И действительно, там, на пиле, химическим карандашом был написан адрес».

«Пришла страна Германия — сплошная чемодания».

Возникает вопрос. Что, Сталин, с его богатейшим опытом гражданской войны, не понимал, что бесчинства, самосуды и грабежи любую армию превращают в разбойничью банду? Неужели забыл, как боролись в РККА с «партизанщиной» или показательными расстрелами приводили в чувство 1-ю Конную после ее рейда по Украине осенью 1920 года?

Нет, все он понимал, и все он помнил. Уж чем-чем, а забывчивостью Иосиф Виссарионович не страдал. И ничего не делал зря. Принимая любое решение, Вождь всегда выцеливал как минимум двух зайцев.

Сталин понимал, что на армию, уставшую от войны, уже не действуют лозунги защиты Отечества на чужой территории. Поэтому с целью поднятия боевого духа перед последним броском дал солдатам утолить свою жажду мести, а заодно добавил материальный стимул.

«Воина надо понимать, — сказал товарищ Сталин. — Представьте себе человека, который проходит с боями от Сталинграда до Белграда — тысячи километров по своей опустошенной земле, видя гибель товарищей и самых близких людей! Разве такой человек может реагировать нормально? И что страшного в том, если он пошалит с женщиной после таких ужасов?» Главное — чтобы Красная Армия была немцев, «все остальное второстепенно».

Поэтому все правильно понимал подполковник из политотдела 50-й армии, инструктировавший младшего коллегу майора Копелева:

«Обрыдла эта война проклятая всем нам, а солдатам, что под пулями ходят, больше всех. Ну, пока у нас на земле воевали, все было просто — за свои хаты бились, чтоб отогнать, отбить, освободить... А солдат, который уже четвертый год под пулями и ранетый, может, уже не раз, знает, что хата его оно-

но-о где... И жинка и дети голодные... А ему все воевать, и теперь уже не в обороне, а давай, давай вперед! Мы ж материалисты, мы должны понимать. Значит, что нужно? Чтоб солдат, во-первых, ненавидел врага, чтоб мстить хотел, да не как-нибудь, а так, чтоб хотел все истребить до корня... И еще нужно, чтоб он имел интерес воевать, чтоб ему знать, для чего вылазить из окопа на пулемет, на мины. И вот ему теперь ясно-понятно: придет в Германию, а там все его — и барахло, и бабы, и делай, что хочешь! Бей вщент! Так, чтоб ихние внуки и правнуки боялись!.. Не всякий станет детей убивать... А по правде, если хочешь знать, так те, кто станет, пусть сгоряча убивают хоть маленьких фриценят, аж пока им самим не надоест... Сейчас надо, чтоб солдат еще воевать хотел, чтоб в бой шел... Это главное звено!»

К тому же возможность «пошалить» предоставлялась на относительно короткий срок, ведь Берлин планировали взять к 1 марта.

Одновременно простыми методами и без лишних затрат — солдатская кровь не в счет — решалась важная политическая задача: изгнание 15 миллионов немцев с территорий, объявленных «исконно славянскими», — Пруссии, Восточной Померании, окрестностей Данцига, Силезии. Так «получилось», что именно здесь зафиксировано большинство убийств и других преступлений в отношении гражданских лиц. Союзники уже договорились, что по окончании войны в ходе мирной конференции эти земли будут «возвращены» полякам, чехам и русским; немецкому населению предстояло отселиться на «историческую родину». В мирное время процесс депортации мог растянуться на годы, тогда действительно пришлось бы заниматься восстановлением немецкой администрации, продовольственным снабжением «фрицев», обеспечивать их безопасность, организовывать транспортные перевозки.

А так все очень удачно получилось. Напуганные «геббельсовской пропагандой» и впечатленные «глубокой гуманностью наших бойцов», немцы, бросив пылесосы и мясорубки, массово побежали на запад. С теми, кто все еще считал себя местными и не догадался уехать «самовывозом», политотде-

лы и «Смерш» проводили «денафикацию» — расстреливали членов НСДАП, организации Тодта, «Гитлерюгенда», фольксштурма, сельских старост, которые назывались остбауэрн-фюрерами, лесников, полицейских, железнодорожников, всех, кто носил форму (а кто ее в рейхе не носил?) или считался потенциальным «партизаном». Кроме того, по распоряжению ГКО с 3 февраля 1945 года на территории рейха началась мобилизация и интернирование всех годных к физическому труду немецких мужчин и женщин в возрасте от 17 до 50 лет «с направлением на работы в СССР». Это называлось «взимание репараций трудом». С территории Югославии, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии прямоком на шахты Донбасса фольксдойче начали вывозить еще в декабре 1944 года.

И уже 7 февраля в Ялте в ответ на высказанное Черчиллем беспокойство по поводу будущего выселения «такого количества немцев» — в разговоре речь шла всего-то о шести миллионах — Сталин премьера успокоил: нет никакой проблемы, «в тех частях Германии, которые занимает Красная Армия, немецкого населения почти нет». Стороны также единодушно сошлись во мнении, что, чем больше немцев будет уничтожено до конца войны, тем для них же лучше: «в Германии должно быть достаточно места для переселяемых».

Вот, кстати, и третий «заяц»: голодных, оставшихся без крова, миллионы лишенцев предстояло кормить англичанам и американцам, а там, глядишь, на фоне нищеты и бедствий народных масс созреет революционная ситуация. Кремлевские геополитики не теряли надежды на «развязывание в Европе пролетарских революций» в послевоенный период.

Можно сказать, что Геббельс своими воплями о «зверствах большевиков» играл на руку Сталину.

Вот только с первых дней январского наступления советское командование, наряду с «высоким боевым порывом» войск, с беспокойством стало отмечать стремительное падение дисциплины и разложение.

Николай Никулин пришел в Германию с тыловыми подразделениями, исполняя обязанности старшины команды выздоравливающих санитарной роты:

«Когда команда въехала в «логово фашистского зверя», как гласила надпись на границе с Германией, общие веяния проникли и к нам. Начались походы за барахлом, походы к немкам, и предотвратить их не было сил. Я убеждал, умолял, грозил... Меня посылали подальше или просто не понимали. Команда вышла из-под контроля...

«Каждый имеет право послать раз в месяц посылку домой весом в двенадцать килограммов», — официально объявило начальство. И пошло, и пошло! Пьяный Иван врывался в бомбоубежище, трахал автоматом об стол и, страшно вылупив глаза, орал: «УРРРРР! Гады!» Дрожащие немки несли со всех сторон часы, которые сгребали в «сидор» и уносили. Грабь! Хватай! Как эпидемия, эта напасть захлестнула всех... потом уже опомнились, да поздно было: черт вылетел из бутылки. Добрые, ласковые русские мужики превратились в чудовищ. Они были страшны в одиночку, а в стаде стали такими, что и описать невозможно!..

Петров (так звали почтальона), показавшийся мне таким милым, в конце войны раскрылся как уголовник, мародер и насильник. В Германии он рассказал мне на правах старой дружбы, сколько золотых часов и браслетов ему удалось грабануть, скольких немков он испортил. Именно от него я услышал первый рассказ из бесконечной серии рассказов на тему «наши за границей». Этот рассказ сперва показался мне чудовищной выдумкой, возмутил меня и потому навсегда врезался в память: «Прихожу я на батарею, а там старички-огневички готовят пир. От пушки им отойти нельзя, не положено. Они прямо на станине крутят пельмени из трофейной муки, а у другой станины по очереди забавляются с немкой, которую притащили откуда-то. Старшина разгоняет их палкой:

— Прекратите, старые дураки! Вы что, сразу хотите внучатам привезти?!

Он уводит немку, уходит, а минут через двадцать все начинается снова».

Другой рассказ Петрова о себе:

«Иду это я мимо толпы немцев, присматриваю бабенку по красивей и вдруг гляжу: стоит фрау с дочкой лет четырнадцати. Хорошенькая, а на груди вроде вывески, написано:

«Syphilis» — это, значит, для нас, чтобы не трогали. Ах ты, гады, думаю, беру девчонку за руку, мамане автоматом в рыло, и в кусты. Проверим, что у тебя за сифилис! Аппетитная оказалась девчурка...»

Требовалось как-то обуздать стремительно дичавшую армию.

Уже 22 января маршал Рокоссовский подписал приказ № 006, в котором констатировалось, что «с ограблениями, мародерством, поджогами, наблюдается массовое пьянство... машины загружены всевозможными предметами домашнего обихода, захваченным продовольствием и гражданской одеждой до такой степени, что стали обузой для войск, ограничивают свободу их передвижения и снижают ударную силу танковых соединений...» Приказ требовал установить «образцовый порядок и железную дисциплину» и предусматривал наказания, вплоть до расстрела, за «эти позорные для Красной Армии явления».

Пять дней спустя аналогичный приказ вынужден был подписать маршал Конев, когда в ходе проверки выявились танки, настолько набитые барахлом, что не оставалось места для экипажа.

Без толку! Статьи Эренбурга лучше ложились на душу, а ненависть получала новую подпитку: «Война прошла по каждому окровавленному немецким сапогом».

Почти у каждого солдата и офицера был личный счет. Он только увеличивался. Они шагали по разоренной земле, видели сгоревшие советские города, сожженные трупы детей, виселицы и расстрельные рвы, теряли родных, друзей, товарищей. От бывших узников нацистских лагерей, от соотечественников, угнанных в рейх, они узнавали все новые подробности о «новом порядке». Затем пошли «фабрики смерти» с печами, газовыми камерами, штабелями трупов и живыми скелетами: «В моей памяти сохранились картины площади перед бараками, усыпанной трупами расстрелянных евреев, а в бараках мы обнаружили несколько сотен уцелевших. Там сидели скелеты, обтянутые кожей. Они смотрели на меня огромными темными глазами, в которых был даже не страх, а

ужас, отчаяние и смерть. Этот взгляд я не смог забыть всю мою жизнь».

27 января войска 60-й армии наткнулись на сеть концентрационных лагерей вокруг Аушвица. Здесь проводили медицинские эксперименты. Вот научная записка эсэсовского доктора С. Рашера рейхсфюреру Гиммлеру:

«В настоящее время я работаю над проблемой доказательств на человеческих опытах, что людей, которые замерзли на суше, можно отогревать так же скоро, как и тех, которые охлаждались от длительного пребывания в воде. До настоящего времени я охладил около 30 человек в раздетом виде в течение 9—14 часов до температуры 27—29 градусов. После этого через некоторый промежуток времени, который соответствовал бы по времени транспортировке в один час, я помещал испытуемых в горячую ванну...

Для таких опытов Аушвиц во всех отношениях более приспособлен, чем Дахау, поскольку здесь более холодно и территории больше. Потом это будет меньше привлекать к себе внимание (испытуемые кричат, когда замерзают)».

А что прикажете делать, если вивисекция животных в рейхе запрещена? К тому же по смете цыгане всяко выходят дешевле шимпанзе. Когда Гиммлер решил представить Западу нацизм «с человеческим лицом» и начал свои игры с графом Бернадотом и еврейскими организациями, он сам приказал ликвидировать «гения» где-нибудь в укромном месте.

«За муки детей фашиста убей».

«Иду фашистов карать — за убитую мать!»

«Жестоким будет расплата за каждого убитого брата».

«Мы все стали кровожаднее», — обронил Сталин в беседе с Рузвельтом.

Изменился состав Красной Армии. Не так много в ней осталось «русского человека», хоть и стало модным обращаться друг к другу: «Славяне!»

Маршевые пополнения теперь шли в основном с западных территорий СССР — молодежь, выросшая уже под оккупацией, разбежавшиеся призывники 1941 года и осевшие в деревнях «окруженцы», осужденные по уголовным статьям, бывшие военнопленные, бывшие партизаны и бывшие по-

лица. Только в Белоруссии, по официальным данным, 19 тысяч полицаяев стали «бойцами партизанских формирований». В ноябре 1944 года ГКО принял постановление направлять освобожденных из немецкой неволи военнослужащих и советских граждан призывного возраста прямо в запасные воинские части, минуя спецлагеря. Они проходили семидневный курс подготовки и направлялись в действующие части. Из офицеров, «замазавшихся» пленом, комплектовали штурмовые батальоны. Фильтровать выживших примутся после войны.

Так, к началу операции 2-й Белорусский фронт получил: из числа мобилизованных в областях Западной Украины, Молдавии, Прибалтики — 53 000 человек, из бывших военнопленных — 10 254 человека, штрафников — 5290 человек, из тылов — 20 000 человек, из госпиталей — 39 006 человек.

Конечно, убивал немецких детей и насиловал женщин «далеко не каждый». Политработники масштабы совершаемых воинами-освободителями преступлений старались всячески преуменьшить, сводя все к отдельным эксцессам: «Конечно, были случаи насилия, грабежа — в любой армии имеются уголовники, хулиганы, пьяницы, но наше командование боролось с актами насилия». Еще можно было возлагать ответственность на немецких диверсантов, надевших советскую форму.

Еще было много водки и чувство абсолютной безнаказанности.

Отцы-командиры не только не удерживали своих подчиненных, «но и сами поддерживали такие акты насилия и в большом объеме сами в них участвовали».

Чем больше было звезд на генералах, тем в более крупных и особо крупных размерах они «трофеили» — машинами, самолетами, вагонами.

Для Г.К. Жукова уже в «освобожденной» Лодзи подломили сейф ювелирного магазина. Величайший Полководец сам оказался мародером, допуская поступки, «позорящие высокое звание члена ВКП(б) и честь командира Советской Армии, занявшись присвоением и вывозом из Германии для личных нужд большого количества различных ценностей»:

«В этих целях г. Жуков, давши волю безудержной тяге к

стяжательству, использовал своих подчиненных, которые, угождая перед ним, шли на явные преступления, забирали картины и другие ценные вещи во дворцах и особняках. В итоге этого Жуковым было присвоено до 70 ценных золотых предметов (кулоны и кольца с драгоценными камнями, часы, серьги с бриллиантами, браслеты, броши и т.д.), до 740 предметов столового серебра и серебряной посуды и, сверх того, еще до 30 кг серебряных изделий».

Эренбург с презрением взирал на обстановку в поместьях немецких баронов, и чем его описания отличаются от протокола негласного обыска дачи маршала Жукова от 9 января 1947 года:

«Вся обстановка, начиная от мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах, — заграничная, главным образом немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе на дачу. На даче нет ни одной советской книги. Зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке. Зайдя в дом, трудно себе представить, что находишься под Москвой, а не в Германии».

Интересно, «Расовой гигиены» на этих полках, случаем, не было? Или «Еврейской чумы»?

Трудно себе представить Эйзенхауэра, отправляющего в Штаты столовое серебро.

Многое зависело от командиров, и многие пытались остановить вакханалию. Но это было небезопасно, можно было и пулю в спину получить, как получил ее командир 1-й гвардейской танковой бригады, Герой Советского Союза полковник В.М. Горелов.

Самвел Матевосян 22 июня 1941 года возглавил первую контратаку в Брестской крепости, прошел плен, подполье, фильтрацию, вернулся в армию офицером, в 1945 году воевал в Силезии в 6-й стрелковой дивизии:

«Получили пополнения около 900 человек, абсолютное большинство которых не служили в армии. Это были бывшие мальчишки, вывезенные из Белоруссии и Украины в Германию. Теперь уже возмужавшие, пройдя школу ненависти к

врагу. Их не успели даже переодеть в военную форму. Перед строем я сказал: «Среди вас могут быть недовольные Советской властью, но я запрещаю вам стрелять мне в затылок!»

Проблему решить не удалось до конца войны.

После войны никому не хотелось об этом вспоминать, очень немногие решились посмотреть в зеркало:

«Мы писали, кричали о священной мести. Но кто были мстители и кому мы мстили? Почему среди наших солдат оказалось столько бандитов, которые скопом насильовали женщин, девочек, распластанных на снегу, в подворотнях, убивали безоружных, крушили все, что не могли унести, гадили, жгли? И разрушали бессмысленно, лишь бы разрушить. Как все это стало возможным?»

Миллионы людей озверели, развращены и гитлеровщиной, и самой войной, и нашей собственной пропагандой, воинственной, националистической, лживой. Такая пропаганда была необходима накануне и тем более во время войны, в этом я тогда не сомневался, но понимал, что она принесет отравленные плоды...

Что выйдет потом из этих солдат, из этих, которые десятками в очередь на одну немку, девочек насильовали, старух убивали? Они же вернутся в наши города, к нашим девушкам. Это похуже всякого позора. Это же сотни и тысячи готовых преступников, жестоких и наглых, вдвойне опасных, потому что с репутацией героев».

Войны без зверств не бывает, тем более войны «религиозной».

Тем временем на главном направлении части 5-й гвардейской танковой армии, сметая на своем пути разрозненные неприятельские части и колонны беженцев, обходя опорные пункты, безостановочно продвигались к заливу Фришес-Хафф.

24 января 10-й танковый корпус занял Мюльхаузен. Далее, продвигаясь вдоль побережья, танкисты во взаимодействии с соединениями 48-й армии овладели городом Толькемит и блокировали Эльбинг, отрезав этим пути отхода противнику из Восточной Пруссии на запад.

2-я ударная армия (98, 108, 116-й стрелковые корпуса, 30-я гвардейская танковая бригада) совместно с танкистами штурмом взяла Дейч-Эйлау, с боем преодолела оборонительный рубеж на подступах к Мариенбургу, 25 января вышла к рекам Висла и Нogat и с ходу форсировала эти водные преграды. На следующий день полки 372-й стрелковой дивизии и бригады 8-го механизированного корпуса ворвались на восточную окраину Мариенбурга. Передовые отряды 5-й танковой армии достигли предместий Эльбинга. Взять город «на ура» не удалось, ворвавшийся в Эльбинг отряд 31-й бригады 29-го танкового корпуса был немцами отрезан и полностью уничтожен. В танковой армии к этому времени осталось 169 исправных боевых машин, в 29-м танковом корпусе — 72.

Армии правого крыла 2-го Белорусского фронта, преследуя ускользнувшего противника, продвинулись до 100 километров и в основном преодолели систему Мазурских озер. Армии левого крыла вышли к Висле на участке Мариенбург, Торунь: 65-я армия (46, 105, 18-й стрелковые корпуса) вышла к Висле у Груденца и приступила к форсированию реки, 70-я армия (47, 96, 114-й стрелковые корпуса) обошла крепость Торунь и также достигла Вислы.

26 января группа «Центр» была переименована в группу армий «Север», а группа «Север» — в группу армий «Курляндия». Со своих постов слетели генералы Рейнгардт и Госсбах. Командование группой «Север» принял генерал-полковник Лотар Рендулич, «умный и начитанный, находчивый в обращении с Гитлером», получивший от фюрера жесткий приказ до последнего оборонять Кёнигсберг и то, что осталось от Восточной Пруссии. Во главе 4-й армии встал генерал от инфантерии Вильгельм Мюллер.

Немецкое сопротивление резко возросло. В последующие дни развернулись ожесточенные бои по обе стороны клина, вбитого советскими армиями. Войска 2-й ударной стремились расширить коридор в западном направлении и отбросить противника за Вислу и ее правый приток — реку Нogat. Части 5-й гвардейской танковой и 48-й армий отжимали восточную часть клина в глубину Восточной Пруссии. Группы армий «Висла» и «Север», соответственно, стремились лока-

лизовать прорыв и восстановить связь между собой. Обстановка осложнилась. Советские войска понесли потери и нуждались в отдыхе, тылы отстали. Большая часть аэродромов воздушной армии Вершинина оказалась на значительном удалении от войск, наступившая распутица затрудняла их использование.

В ночь на 27 января войска 4-й немецкой армии силами четырех пехотных и одной танковой дивизий перешли в наступление в направлении на Либштадт и Эльбинг. Им удалось потеснить войска 48-й армии на 20 километров к западу и окружить 17-ю стрелковую дивизию полковника А.Ф. Гребнева юго-западнее Вормитта. Двое суток продолжались непрерывные бои. Немцы овладели Либштадтом и продолжали настойчивые атаки западнее этого города. «Надо отдать должное Мюллеру, — признает Горбатов, — он действовал довольно умело».

Рокоссовский усилил армию генерала Гусева 8-м гвардейским танковым корпусом и пятью противотанковыми артиллерийскими бригадами. Фронтом на восток были развернуты 5-я гвардейская танковая армия и 8-й механизированный корпус, часть сил 2-й ударной армии. 3-й гвардейский кавалерийский корпус изготовился основными силами нанести фланговый удар. Из фронтового резерва в состав 48-й армии был передан стрелковый корпус 49-й армии. Быстрой перегруппировкой сил и средств на угрожаемое направление Рокоссовскому удалось сначала остановить противника, а затем нанести ему ощутимый удар. 30 января немцы предприняли последнюю попытку прорыва, но успеха не имели. Войска, выделенные для отражения контрудара, создали плотный фронт, а затем, возобновив наступление, деблокировали сражавшуюся в окружении 17-ю стрелковую дивизию и отбросили соединения врага в исходное положение.

В период борьбы с контрударной группировкой противника 50, 49 и 3-я армии продолжали наступление совместно с войсками 3-го Белорусского фронта, сжимая хейльсбергскую группировку. Ее положение еще больше ухудшилось 31 января, когда соединения 31-й армии генерал-лейтенанта П.Г. Шафранова штурмом овладели сильнейшим опорным пунк-

том — городом Хейльсберг. Сужение полос наступлений армий по мере их продвижения позволило Рокоссовскому вывести в свой резерв сначала две дивизии 50-й армии, а с 31 января — всю 49-ю армию.

К концу месяца 2-я ударная, 65-я и 70-я армии на широком участке вышли в рекам Ногат и Висла, от залива Фришес-Хафф до Быдгоща.

Армия Федюнинского частью перешла к обороне на более чем 100-километров фронте, сосредоточившись главными силами на овладении тремя пунктами, чье ключевое положение по достоинству оценили еще рыцари Тевтонского ордена, — Эльбингом, Мариенбургом и Мариенвердером.

Официальной датой «освобождения» Мариенбурга считается 26 января, однако еще десять суток держался возвышавшийся над городом старинный замок — резиденция великих магистров; мощные стены твердыни крестоносцев 203-мм пушки не могли пробить даже с дистанции 150 метров. Мариенвердер немцы оставили по приказу Гимmlера 30 января. Но главной целью 2-й ударной армии был Эльбинг — крупный промышленный центр и узел коммуникаций, последний сильный очаг сопротивления на пути к Данцигской бухте. Атаку с ходу, без разведки и артиллерийской поддержки, немецкий гарнизон, состоявший из остатков большого числа разбитых частей общей численностью 10 тысяч юнкеров, солдат и офицеров и до 4 тысяч фольксштурмовцев, отбил. Блокировав город частями 98-го и 116-го стрелковых корпусов, генерал Федюнинский приступил к подготовке массивного штурма с использованием самых крупных калибров. Для решения задачи были выделены 3 стрелковые дивизии, 3 самоходно-артиллерийских полка и 3 артиллерийские дивизии. Количество личного состава в стрелковых дивизиях к тому времени сократилось с 7500 до 5—6 тысяч человек. Поэтому вся надежда была на «бога войны» под управлением генерала К.П. Казакова:

«Как и во всех городах Восточной Пруссии, противник широко использовал для обороны Эльбинга каменные здания и подвалы, окна которых были усилены бетоном и превращены в узкие амбразуры. Основные улицы забаррикади-

рованы и минированы. Огонь орудий, минометов, пулеметов спланирован так, чтобы он взаимно перекрывал все подступы к опорным пунктам на перекрестках улиц.

Подобная оборона, когда на относительно небольшой площади находится множество превращенных в огневые точки массивных каменных домов, имеет, конечно, и слабые места. Если обычные укрепленные районы с их железобетонными дотами и дзотами можно оборонять небольшими силами, то в городе обороняющаяся сторона должна располагать многочисленной пехотой. Иначе все эти огневые точки — особенно большие дома — становятся уязвимыми. Кроме того, обороняющиеся очень стеснены пространством. Сектор обстрела, как правило, ограничен соседними зданиями. Как только наступающая сторона вторгается в город, она начинает использовать скопление домов, переулки, проходные дворы и подземные коллекторы для своих целей, для обходов врага с тыла. Ведущую роль в уличном бою играет артиллерия, поставленная на прямую наводку. Если она многочисленна, если боевые порядки штурмующей город пехоты насыщены орудиями и минометами, успех штурма в значительной мере предопределен.

У нас такая артиллерия была. Создали штурмовые группы. Они обычно состояли из взвода стрелков — 12—15 человек, им придавались, то есть переходили в подчинение командира штурмовой группы, 4—8 орудий для работы на прямой наводке, а также 2—4 самоходно-артиллерийские установки. Кроме того, штурмовую группу или несколько групп поддерживали, выполняя их заявки, тяжелые орудия — до 203-мм гаубиц включительно. Всего на прямую наводку у нас было выставлено более 200 орудий разных калибров. А вся артиллерийская группировка, штурмовавшая Эльбинг, насчитывала 1084 артиллерийских и минометных ствола».

Штурм начался 3 февраля. Кроме артиллерии и самоходных установок, советскими войсками в боях за Эльбинг широко применялись дымовые шашки и бутылки с зажигательной смесью.

Армия генерала Батова (18, 46, 105-й стрелковые корпуса) форсировала Вислу, захватив плацдарм в районе города Све-

це. В то же время немцы, опираясь на Грауденц, сохранили плацдарм на восточном берегу.

Армия генерала Попова (47, 96, 114-й стрелковые корпуса) расширила свой плацдарм севернее Быдгощи. Упорные бои развернулись при ликвидации гарнизона города-крепости Торунь. Ошибочно оценив численность гарнизона Торуня в 3—4 тысячи человек, командующий 70-й армией выделил для блокады города одну стрелковую дивизию. В ночь на 31 января немцы внезапным ударом на узком участке северо-западного сектора пробили фронт блокады. Для ликвидации прорвавшихся сил генералу Попову пришлось привлечь шесть стрелковых дивизий, в том числе две прибывшие из резерва фронта, а также часть сил 1-го гвардейского Донского танкового корпуса генерал-майора М.Ф. Панова. Юго-восточнее Хелмно вырвавшаяся группировка сначала была расчленена, а 8 февраля разгромлена. До 12 тысяч солдат и офицеров было пленено, свыше 270 исправных орудий захвачено в качестве трофеев.

10 февраля армия Федюнинского сломала сопротивление гарнизона Эльбинга. В этих боях отличилась уникальная женщина, воевавшая на фронте с 1941 года, командир отделения снайперов 284-го стрелкового полка 86-й стрелковой дивизии старшина Н.П. Петрова. Она уничтожила 32 вражеских солдата и офицера, доведя личный счет убитых врагов до полной сотни, и стала полным кавалером ордена Славы. Таких кавалер-девиц в истории Красной Армии всего четыре, вот только Нине Павловне было 52 года!

Войска 2-го Белорусского фронта завершили отсечение восточнопрусской группировки противника и одновременно создали прочный внутренний фронт с юго-запада. Однако это был успех на пределе сил. За двадцать семь дней непрерывного сражения фронт Рокоссовского потерял почти все танки и 160 тысяч личного состава:

«С огромным трудом наши войска преодолевали рубеж за рубежом. Оттепель делала наступление еще более тяжелым. Но главной причиной была малочисленность наших войск. Силы противника превосходили наши, и если нам в таких обстоятельствах еще удавалось теснить его, то это было дока-

зательством высокого искусства командиров и массового героизма солдат.

Наши части уже месяц вели непрерывные наступательные бои. И раньше был некомплект в личном составе, теперь же людей и вовсе убавилось. Как мы ни мудрили, нам не удалось создать хоть на короткое время на отдельных участках перевес в силах и средствах, без которого нельзя было прорвать оборону противника. Бои были упорными, но мы только теснили вражеские войска. А по мере этого ширина фронта растягивалась. Наши войска вытянулись в ниточку, и все равно заполнить образовавшийся разрыв между нашим левым крылом и правым крылом 1-го Белорусского фронта мы не могли... Противник все чаще переходил в контратаки. Наши части с трудом отбивали их.

По-прежнему положение оставалось очень сложным: половина войск фронта была повернута на восток — против восточнопрусской группировки, вторая половина наступала на запад. Изю всех сил мы старались не отстать от своего левого соседа. Но он уже подходил к реке Одер на кюстринском направлении. Нам было никак не поспеть за ним. Перегруппировав в процессе боев часть сил с правого крыла на левое, удалось еще немного продвинуться на запад, и здесь мы выдохлись окончательно».

Замысел командующего 3-м Белорусским фронтом от 24 января предусматривал сосредоточение основных усилий на правом крыле и в центре. Четырем армиям — 39-й, 11-й гвардейской, 5-й, 28-й — предстояло нанести удар вдоль обоих берегов реки Прегель, овладеть Кёнигсбергом, городом с полумиллионным населением, «сердцем немецкого пруссачества», до которого пройти всего 50 километров, и развивать далее наступление на Эльбинг.

Задача непосредственного овладения столицей Восточной Пруссии возлагалась на армии Людникова и Галицкого, усиленные двумя танковыми корпусами и тремя артиллерийскими дивизиями прорыва. 39-й армии предписывалось обойти Кёнигсберг с севера, а 11-й гвардейской — с юга, соединиться западнее его, окружив немецкую группировку, и

взять город. После чего к исходу 30 января следовало овладеть портом Пиллау.

Южнее 5-я армия должна была наступать на Фридланд — Браундсберг, 28-я армия — на Ландсберг — Мельзак, 2-я гвардейская — на Бартенштейн, 31-я — на Ангерсбург. На севере 43-я армия должна была очистить от противника побережье залива Куришес-Хафф и захватить город Кранц у основания косы Курише-Нерунг.

Продолжительность операции определялась в 6—8 суток с ежедневным темпом продвижения стрелковых соединений 10—12 километров. Причем в двух танковых корпусах осталось по 40—50 исправных бронеединиц, из-за низкой облачности и снегопада авиация вновь бездействовала, а противника явно недооценивали. Но энтузиазм был велик, а Ставка требовала скорейшего разгрома немцев в Восточной Пруссии. Поэтому «Иван Данилович считал сроки реальными».

Общее наступление, возобновившееся утром 25 января, развивалось крайне медленно. 11-я гвардейская армия, усиленная 2-м гвардейским танковым корпусом, наносила удар двумя стрелковыми корпусами вдоль южного берега реки Прегель и дороги Велау—Кёнигсберг. В последний момент Тацинский корпус подкрепили 43-й гвардейской тяжелой танковой бригадой, по штату — 1666 человек, 65 машин ИС-2, 3 самоходки СУ-76, 19 бронетранспортеров и 3 бронемашин. Такие бригады (их и было-то в Красной Армии всего пять) формировали под конец войны как раз для прорыва сильно укрепленных оборонительных рубежей. Здесь же были сосредоточены тяжелый танковый полк, полк тяжелых самоходно-артиллерийских установок и артиллерия усиления. 39-я армия при поддержке 1-го Краснознаменного танкового корпуса наступала вдоль северного берега.

В течение дня соединения генерала Галицкого прорвали промежуточные оборонительные рубежи на реках Бибер и Куфлис, продвинулись до 15—20 километров и уперлись в оборонительную позицию «Фришинг», прикрывавшую дальние подступы к Кёнигсбергу. Это стоило большой крови. Только в бою за городишко Гросс Оттенхаген 43-я тяжелая бригада потеряла 26 танков ИС: «Оказалось, что неплохо

обученные экипажи тяжелых танков совершенно не имели боевого опыта. Попав в необычные для них условия уличных боев, они не сумели разглядеть опасности: возможности поражения их из окон домов фаустпатронами или противотанковыми гранатами и из засад фланговым огнем по бортам из штурмовых орудий... После понесенных потерь мы уже не имели решающего преимущества ни в людях, ни в боевой технике, за исключением авиации, которая из-за плохой погоды действовать не могла. За нами оставалось некоторое превосходство в артиллерии».

Однако превосходство в артиллерии нивелировалось нехваткой щедро растроченных на стрельбу по площадям боеприпасов.

Дивизии Людникова к исходу дня овладели городом Тапиау.

На 26 января Черняховский поставил 39-й и 11-й гвардейской армиям боевую задачу овладеть Кёнигсбергом. Дело двигалось тяжело:

«Спротивление немецко-фашистских войск в этот день резко возросло. Противник ввел в бой из резерва ряд новых частей, значительно усилил группировку артиллерии. Его авиация неоднократно бомбила боевые порядки нашей армии. Но основной причиной неуспешных действий в этот день явилось непонимание некоторыми командирами соединений и частей новых условий боевой обстановки. А командование армии, надеясь взять Кёнигсберг с ходу, своевременно не нацелило их на возможность перехода немецко-фашистских войск к жесткой обороне на подступах к городу. После прорыва укрепленного рубежа на реках на реках Прегель и Алле войска армии в течение двух дней успешно прорывали полевые оборонительные рубежи и овладевали опорными пунктами. Бои же 26 сентября велись на ближних подступах к Кёнигсбергу. В этих условиях надо было боевые действия войск организовать не для прорыва полевых укреплений с ходу и преследования, а для наступления на противника, оборонявшегося на заблаговременно подготовленном укрепленном рубеже с долговременными железобетонными укреплениями. Такое наступление требовало тщательной организации взаимодействия, особенно между пехотой, танка-

ми и артиллерией, на которые при прорыве обороны противника возлагалась основная тяжесть боя. Необходимо было подтянуть тяжелую артиллерию, выдвинуть вперед самоходные орудия, а также орудия дивизионной и полковой артиллерии, спланировать мощный удар и поддержку авиацией.

В ряде же стрелковых дивизий боевые порядки частей не соответствовали обстановке. Отдельные подразделения пехоты и артиллерии долго не разворачивались, застревали на дорогах, застревали в населенных пунктах. Некоторые командиры и штабы соединений иногда теряли управление подчиненными частями, не знали их истинного положения...

Спротивление противника оказалось гораздо сильнее, чем предполагали мы и штаб фронта».

Короче, штурм в штыки на доты не удался, Кёнигсберг не взяли.

Тем не менее к исходу 26 января сопротивление немецких войск на позициях по рекам Дайме и Алле до Фридланда было сломлено на всем 3-м Белорусском фронте. 5-я армия, овладев Алленбургом, продолжала наступать в направлении на Кройцбург, 28-я армия вела бои южнее Фридланда. Войска левого крыла фронта, преследуя соединения 4-й армии противника, полностью овладели сооружениями Летценского укрепленного района и вышли на рубеж западнее Мазурских озер.

Ради усиления кёнигсбергской группировки Гитлер согласился сдать Мемель (Клайпеду). 27—28 января 28-й армейский корпус (58-я, 95-я пехотные дивизии) генерала Ганса Голлника, взорвав портовые сооружения, по косе Курише-Нерунг ушел на Земландский полуостров. Картину немецкого отступления наблюдали с берега войска генерала Белобородова:

«В ясную погоду с передовых наблюдательных пунктов эта коса, тянувшаяся от Гранца в море, просматривалась довольно хорошо. Нескончаемый поток войск заполнял ее. Шли пехота, артиллерия, автоколонны, обозы. Командующий нашей артиллерией генерал Щеглов, глядя на этот поток, только головой качал. Сюда бы тяжелую артиллерию! Но орудия 37-й артбригады поддерживали стрелковые части, атакующие Гранц, и для обстрела косы мы могли выделить лишь од-

ну-две батареи. Они били по косе, черные султаны разрывов вздымались среди фашистских колонн, разбрасывая и рассеивая их. Но вскоре поток опять смыкался и продолжал двигаться к Гранцу. А с моря, прикрывая отступавших, ответно били по нашим батареям немецкие крейсера».

27-го, и 28-го, и 29-го, и 30 января Людников и Галицкий получали от штаба фронта одну и ту же задачу — к вечеру взять Кёнигсберг. Соответствующие директивы получали нижестоящие начальники:

«Командиру 1 ТК

Командующим родами войск.

1. Противник, разбитый на укрепленном рубеже р. Дайме, поспешно отходит на внутренний обвод г. Кёнигсберг.

2. Армия 27.01.45 г. С ходу уничтожает противостоящего противника, овладевает Кёнигсбергом.

3. 1 ТК с ходу огнем и колесами уничтожает противника и стремительными действиями овладевает Метгеттен, окружает Кёнигсберг и уничтожает группировки противника...

Людников, Симиновский, Бойко».

Массированными пехотными атаками, в которых некоторые дивизии полегли практически целиком, армии Людникова и Галицкого шаг за шагом, преодолевая от 3 до 10 километров в день, подошли к внешнему оборонительному обводу города. В стрелковых ротах к этому времени осталось по 25—40 человек, артиллерия располагала запасом в 0,2 боекомплекта. В 1-м танковом корпусе числилось 32 исправных танка и САУ, которые были переданы 89-й танковой бригаде полковника А.И. Соммера; 117-я и 159-я бригады танков не имели. Почти не продвинулась за эти дни 5-я армия; 28-я, 2-я ударная и 31-я армии продолжали топтаться на рубеже реки Алле.

В Кёнигсберге в этот период царил хаос, связанный с дезорганизацией управления, беспорядочным притоком беженцев из северных районов Восточной Пруссии и разбитых частей 3-й танковой армии, фактическим отсутствием военного гарнизона, если не считать частей проходившей здесь переформирование 1-й пехотной дивизии. 27 января, в связи с угрозой прорыва русских танков, партийные власти объявили об эвакуации гражданского населения, и десятки тысяч лю-

дей ринулись из города по дороге на Пиллау, чтобы успеть сесть на суда, отправлявшиеся на запад: «На этой дороге скопилось невообразимое количество людей. Кто шел пешком, кто ехал на велосипеде или повозке, женщины везли детские коляски, тут же — колонны танковых частей, отводившихся на Земландский полуостров, — все это двигалось в три-четыре ряда в направлении Пиллау». Спешно упаковав чемоданы, покинули Кёнигсберг «секретарь обкома партии» Кох и другие «видные руководители».

28 января, обходя город с севера, корпуса 39-й армии вышли к линии Фухсберг — Кёнигсберг; 29-го они овладели железнодорожной станцией Меттетен западнее города, 31-го — достигли берега залива Фришесс-Хафф, отрезав гарнизон от немецких войск на Земландском полуострове. Почти одновременно 11-я гвардейская армия левым флангом пробилась к заливу южнее Кёнигсберга, перерезав автостраду, ведущую в Эльбинг, а центром захватила опорный пункт на внешнем обводе — форт № 9 «Дона».

Менее официозные источники, кроме «фанатичного сопротивления оголтелых фашистов», называют и другие причины «неторопливого» продвижения Красной Армии. Например, И.А. Фегельсон, ветеран 447-го артполка, начавший войну в Бресте:

«Я вам со своей «окопной точки зрения» могу сказать следующее. Мы этот проклятый Кёнигсберг могли бы уже, наверное, осенью сорок четвертого года взять или, по крайней мере, в начале сорок пятого.

Но войска все время «наступали на одни и те же грабли». Только на моей памяти наше наступление стопорилось три раза по следующей причине. Пехота нарывалась на очередной спиртзавод или винный склад, и тут начиналось... Один раз нас, артиллеристов, даже послали собирать пьяных пехотинцев, лежавших в лужах спирта на одном из таких заводиков».

Радист 13-го артполка 1-й Пролетарской стрелковой дивизии Л.М. Полонский описывает взятие 11-й гвардейской армией станции Вигбольд в семи километрах от южной окраины Кёнигсберга:

«Станцию отбили у немцев благодаря смелой атаке само-

ходчиков. Когда они захватили станцию, то там обнаружился огромный спиртзавод. И тут по всей округе война на пару дней «закончилась». И что там происходило, я по сей день иногда перед глазами вижу. Все войско кинулось пьянствовать. Люди тонули в вине. Многие сразу начали выяснять отношения и стрелять друг в друга. Вино и спирт заливали в ведра, каски, канистры, в бочки из-под бензина. Пьяные бойцы бродили по подвалам завода и, не найдя выхода или будучи не в состоянии дойти до него, валились на залитый вином пол подвала... Упавшие во хмелю на пол, захлебывались в «винных реках» и погибали. Но на это мало кто обращал внимание. Оргия продолжалась. Кругом сплошные крики, мат, стрельба, храп, стоны, пение, команды офицеров — всё смешалось! На передовой никого трезвого не осталось. Танки стояли не на исходных позициях для атаки, а вокруг завода. Танки без экипажей. Одним словом, наше наступление остановилось. На третий день после начала вакханалии на станцию прибыл командарм. Или это был член Военного совета 11-й гв. А. генерал-майор танковых войск, по фамилии Куликов (точно не вспомню). Посмотрел, что творится на спиртзаводе, и приказал открыть дамбы и затопить завод, стоявший в низине. Солдатам дали в распоряжение десять минут на то, чтобы они покинули завод. Но многие были мертвецки пьяны и не смогли подняться и идти. Их затопили вместе с заводом. И пока наши войска «выпивали», немцы смогли подтянуть резервы на данном участке и закрыть прорыв. Я сейчас не утрирую и не сгушаю краски... Что было, то было... Но я не считаю, что только эта история в Вигбольде предопределила частичный провал февральского плана наступления, подразумевавшего захват Кёнигсберга. Там еще много чего всякого-разного происходило... Просто не хочется сейчас об этом говорить».

Об этой грандиозной попойке среди местных жителей до сих пор ходят легенды.

Да и у 28-й армии, как свидетельствует М.Ф. Косинский, возникали аналогичные проблемы на пути к Прейсиш-Эйлау:

«С трудом, ежеминутно рискуя жизнью, мы выбрались из Шлодйттена и через час добрались до поселка. Что там тво-

рилось! Он, видимо, был захвачен нашими частями так внезапно, что население не успело его покинуть. Наличие в нем спиртового завода и населения, главным образом женщин, послужило причиной полнейшего падения дисциплины среди наших солдат.

Улицы были переполнены пьяными солдатами, устраивавшими форменную охоту на немок, забывшими чувство долга, потерявшими человеческий облик. Спиртовой завод пылал ярким пламенем.

Мы возвратились в Шлодиттен. Там выяснилось, что немцы атаковали населенный пункт, в котором мы только что были. Выбили из него наших с большими потерями. Срочно пришлось снять части с других участков фронта, создать «кулак» и, опять-таки ценой немалых потерь, вновь захватить этот небольшой населенный пункт».

В городе Дейч-Эйлау развернулся госпиталь 2-й ударной армии, в котором служила санитаркой В.Е. Ходько:

«Палатки уже не разбивали, а решили размещать поступающих к нам в местном церковном здании, сами же расселились по немецким домам. Раненых к тому моменту становилось постепенно все меньше и меньше...

Зато к нам стал поступать новый контингент. Как правило, было две категории. Первая — это отравленные спиртом наши русские солдаты. Как вошли в Германию, так они и пошли искать выпить. Это ж русский человек, он не может иначе. Начальство искало тряпки, картины и потом вагонами отправляло в Россию. А простые солдаты искали спиртное. На заводах же немецких ликеро-водочных специально оставляли отравленный алкоголь. И наши солдаты, конечно, напились до смерти. Тех, кто оставался жив, отправляли к нам, мы их собирали и отправляли дальше. Поступали и партии по тридцать-сорок человек. Бывало, привезут, и у нас они умирают. Что делали с телами, я не знаю. Их от нас увозили, и то ли сжигали, то ли закапывали. Наверное, был специальный морг организован».

Разгоряченные бойцы, снимая стресс после ратных трудов, употребляли внутрь все, что вкусом, запахом или тарой походило на алкоголь. Даже генералы, пренебрегая отечест-

венной водкой, «чистой, как слеза матери, и крепкой, как Советская власть», пили из бутылок с красивыми этикетками жидкость для чистки мебели, принимая ее за дорогое забугорное вино. В госпитали массово поступали отравившиеся и упившиеся до смерти. Виновными в «диверсиях» громогласно объявляли «гносного врага», коварно оставлявшего на путях отступления винные заводы и цистерны с метиловым спиртом. Однако временно начальники усиливали воспитательную работу в войсках. Лейтенант И.Л. Деген на всю жизнь запомнил урок, преподанный командующим бронетанковыми войсками 3-го Белорусского фронта, человеком большого педагогического таланта, генералом А.Г. Родиным:

«Родин поднялся на сцену и остановился перед закрытым занавесом. Далее генерал Родин произнес следующую речь: «Все вы, сволочи, получили инструкцию, что у нас сейчас новый антифриз, этиленгликоль. Все вы, сукины сыны, были предупреждены, что это сильный яд. Но некоторые говнюки считают, что это только угроза, что антифриз прежний — спирт, глицерин и вода, который вы лакали, как свиньи, доливая вместо антифриза воду и замораживая моторы. Так вот вам, мать вашу, наглядная демонстрация. Приказываю, б., всем смотреть на сцену и не отворачиваться, суки, пока я не подам команду!» Распахнулся занавес. На сцене лежали, умирая в муках, корчась и изламываясь и постепенно угасая, пять человек. Экипаж танка, отравившийся выпитым антифризом. Не знаю, сколько времени длились агония экипажа и наши муки. Но генерал Родин и его порученцы лично следили за тем, чтобы никто не отворачивался от сцены... Хороший был генерал этот товарищ Родин...»

И уж совершенно не готовы оказались советские врачи к быстро распространявшейся эпидемии венерических заболеваний:

«Вторая категория, которая поступала к нам тогда, — больные венерическими заболеваниями. Их было много...

Столкнувшись с эпидемией, медики сперва растерялись. Лекарств мало, специалистов и того меньше. Триппер лечили варварским способом: впрыскивали в ягодицу больного несколько кубиков молока, образовывался нарыв, темпера-

тура поднималась выше сорока градусов. Бацилла, как известно, такого жара не выносит. Затем лечили нарыв. Иногда это помогало. С сифилитиками было хуже. Мне рассказывали, что их собрали в городе Нейрупин в специальном лагере и некоторое время держали за колючей проволокой, в ожидании медикаментов, которых еще не было. Забегая вперед, следует сказать, что наша медицина через два-три года блестяще справилась с этой неожиданной и трудной задачей. К концу сороковых годов венерические болезни исчезли, искалечив, конечно, тело и душу тем, кто через них прошел, а часто и их домашним...»

Кёнигсберг, разумеется, был «крепостью». Решением Гитлера 27 января комендантом был назначен генерал Ляш. Штаб 3-й танковой армии эвакуировался в Померанию.

Командование группы армий «Север» предпринимало усилия с целью деблокировать Кёнигсберг и восстановить сухопутные связи со всеми группировками. Юго-западнее города, в районе Бранденбурга, оно сосредоточило 548-ю фолькс-гренадерскую дивизию и танко-гренадерскую дивизию «Великая Германия», которые использовало 30 января для нанесения удара вдоль залива Фришес-Хафф на север. Навстречу ударили 5-я танковая и 56-я пехотная дивизии. Им удалось потеснить части 11-й гвардейской армии и пробить к Кёнигсбергу простреливаемый насквозь советской артиллерией коридор шириной в полтора километра.

31 января генерал Черняховский пришел к выводу, что взять Кёнигсберг с наскока не получится:

«Стало ясно, что разрозненные и недостаточно подготовленные удары по Кёнигсбергу (главным образом в материально-техническом отношении) не приведут к успеху, а, наоборот, дадут немцам время для совершенствования обороны. Прежде всего следовало разрушить долговременные оборонительные сооружения крепости (форты, доты, дзоты), подавить систему ее огня. А для этого требовалось достаточное количество артиллерии — тяжелой, большой и особой мощности, танков и самоходных орудий и, естественно, не-

мало боеприпасов. Тщательная подготовка войск для штурма была невозможна без оперативной паузы».

В течение следующей недели дивизии 11-й гвардейской армии, «отражая бешеные атаки фашистов», закреплялись на занятых позициях и сами ежедневно поднимались в атаку, стремясь выйти на берег залива. К 6 февраля они снова перерезали автостраду, прочно блокировав Кёнигсберг с юга. Правда, после этого в стрелковых ротах осталось по 20—30 бойцов. Войска 39-й и 43-й армий в упорной борьбе отгеснили дивизии врага в глубь Земландского полуострова, образовав внешний фронт окружения. Полки 91-й Духовщинской гвардейской стрелковой дивизии полковника В.И. Кожанова 2 февраля сумели даже пробиться к берегу Балтийского моря в районе Гермау, но 4 февраля ударом «мемельцев» со стороны Кранца были отрезаны, пять суток дрались в окружении и, не дождавшись помощи, вынуждены были пробиваться обратно.

9 февраля командующий 3-м Белорусским фронтом приказал в районе Кёнигсберга перейти к жесткой обороне и готовиться к обстоятельному штурму.

В центре 5-я и 28-я армии наступали на фронте Кройцбург — Прейсиш-Эйлау; на левом крыле 2-я гвардейская и 31-я армии, форсировав Алле, продвинулись вперед и овладели опорными пунктами Легден, Бандельс и крупным узлом дорог Ландсберг. С юга и запада немцев теснили армии Рокоссовского. Отрезанная с суши хейльсбергская группировка теперь могла сообщаться с Германией только по льду залива и далее по косе Фрише-Нерунг до Данцига. Деревянные настилы, подкреплявшие «дорогу жизни», обеспечивали движение автомашин. Бесконечной вереницей тянулись к заливу колонны беженцев: «Мы хотели бежать, только бежать. Только бы не попасть в руки русских!»

Немецкий историк Гвидо Кнопп пишет: «Пешком, на санях или повозках, запряженных лошадьми, гонимые страхом, группы пытались попасть на спасительный корабль. Но перед, казалось бы, безопасным портом находился залив — бухта в Балтийском море шириной 20 км и длиной 70 км, которую отделяла от моря 50-километровая песчаная коса. Уже само по себе преодоление замерзшего залива было для мно-

гих людей соревнованием со смертью. В темной ледяной пустыне они часто сбивались с дороги, блуждали и погибали.

Тот, кто все-таки преодолел это испытание, покинув в Восточной Пруссии и Померании горящую родину, и живым добирался до портовых городов Свинемюнде, Данциг и Пиллау, получал счастливый шанс попасть на переполненные беженцами корабли, которые ежедневно отправлялись на Запад...

Военная обстановка была катастрофической. Повсюду линия обороны была прорвана, немецкие части были сметены потоком превосходящих войск русских. Солдаты боролись за собственную жизнь. Тем не менее они стремились держать фронт до тех пор, пока мирное население хотя бы наполовину не будет чувствовать себя в безопасности...

След ужаса протянулся через всю Восточную Пруссию: детские коляски с маленькими замерзшими телами стояли у обочины дороги. Завернутые в тряпье трупы детей торчали из сугробов. Для похорон редко находилось время. Такие понятия, как милосердие и солидарность, все больше отходили на второй план».

Немецкие ВМС организовали беспрецедентную спасательную операцию, задействовав все, что могло держаться на воде. К середине февраля из Восточной Пруссии было эвакуировано 1,3 миллиона из общего числа жителей 2,5 миллиона человек.

Одновременно германский флот оказывал артиллерийскую поддержку сухопутным силам на приморском направлении и интенсивно занимался воинскими перевозками. Еще 18 января, сразу после падения Варшавы, гросс-адмирал Карл Дениц доложил Гитлеру, что для переброски войск в Померанию и Пруссию флот может предоставить 28 кораблей общим водоизмещением свыше 100 тысяч регистровых тонн. Это позволяло одновременно взять на борт 23 тысячи солдат и офицеров, 4500 лошадей и 3160 транспортных средств. На следующий день в Курляндском «котле» на транспортный корабль «Пруссия» начали грузиться части 4-й танковой дивизии, которые 21 января прибыли в Данцигскую бухту и вошли в состав 2-й армии генерала Вейса. Сле-

дом в Данциг была перевезена 32-я пехотная дивизия. В конце января в Либаве началась погрузка частей 3-го танкового корпуса СС; они также вполне благополучно добрались до Штеттина. На очереди стояла 389-я пехотная дивизия. Перевозки морем, в сравнении с проблемами на железных дорогах, осуществлялись настолько оперативно, что Гитлер выразил Деницу свое восхищение эффективностью и скоростью проводимых мероприятий, назвав адмирала «лучшим специалистом в своем деле».

Это безобразие просто обязан был пресечь Краснознаменный Балтийский флот, получивший задачу активными действиями бомбардировочной авиации, подводных лодок и торпедных катеров нарушать морские сообщения немцев от Рижского залива до Померанской бухты, а также всемерно содействовать своим сухопутным войскам, продвигавшимся вдоль морского побережья.

Но ничего не получилось.

Для действий в южной части морского театра требовалось иметь базы. Гавани Риги, Таллина и Мемеля были заминированы, загромождены затопленными судами и конструкциями взорванных причальных сооружений; уходя, немцы уничтожили склады, маяки, нефтехранилища, коммуникации, ремонтные заводы. Лиепая и Вентспилс находились в руках противника до конца войны. Только в Паланге удалось разместить соединение торпедных катеров, переброшенных сюда по железной дороге, но реальной пользы от их действий, по признанию адмирала Н.Г. Кузнецова, было немного. Так, в марте немецкие «шнельботы» уничтожили в районе Либавы ТКА-66, ТКА-166, ТКА-196 и взяли в плен командира дивизиона капитана 3 ранга М.Г. Чебыкина. Советские катерники до начала мая записали на свой счет 3 транспорта, эсминец Z-34 (который сумел своим ходом добраться до Киля) и один тральщик.

Ни один надводный корабль крупнее сторожевика и не пытался выйти из устья Невы. «Примечательно, — пишет адмирал Фридрих Руге, — что в последнее полугодие войны ни один эсминец или более крупный корабль Советов не вышел в Балтийское море, где почти всегда имелись подходящие

объекты в виде тихоходных, плохо охраняемых конвоев. Советы атаковали их только самолетами, подводными лодками и торпедными катерами. При сопоставлении достигнутых результатов с тактическими возможностями первые представляются более чем скромными». Тем временем немецкие оперативные группы во главе с «карманными линкорами» «Адмирал Шеер» и «Адмирал Лютцов» беспрепятственно обрушивали тонны снарядов на наступавшие в Восточной Пруссии советские войска, не потеряв ни одного корабля.

Флотские авиаторы наибольшего успеха добились, нанося удары по скоплениям судов в районе Лиепай (в феврале), Данцига (в конце марта), Кёнигсберга, Пиллау и Кольберга (в апреле), потопив, по немецким оценкам, около 15 пароходов. Правда, «адмиралов» утопили все-таки британские летчики.

Из 65 субмарин, имевшихся в составе КБФ в начале войны, в строю осталось 11 относительно боеспособных единиц, причем 5 из них категорически требовали ремонта и замены изношенных механизмов. В итоге для нарушения вражеских коммуникаций на подходах к Курляндскому полуострову были развернуты 4 подводные лодки.

Самым результативным стал экипаж С-13 под командованием капитана 3 ранга А.И. Маринеско. Поздним вечером 30 января он потопил вышедший из Готенхафена пассажирский лайнер «Вильгельм Густлов» водоизмещением 24,5 тысячи тонн. На борту теплохода, следовавшего постоянным курсом 12-узловым ходом с включенными навигационными огнями в сопровождении дряхлого миноносца «Леве», находилось примерно 9000 гражданских лиц, 918 курсантов второй учебной дивизии подводных сил, 162 раненых солдата и 173 члена экипажа. Всплыв в надводное положение, Маринеско зашел на цель со стороны берега и с дистанции 700 метров дал залп «веером». Через пятнадцать секунд три торпеды поразили судно, четвертая застряла в торпедном аппарате. Еще через час «Густлов» — гордость национал-социалистической флотилии «Сила через радость» — лежал на дне Балтики. Подоспевшим кораблям удалось спасти 904 человека, в том числе 528 курсантов. С-13, уклонившись от атак сторожевиков, ушла в открытое море. Через десять дней Марине-

ско снова повезло. В ночь на 10 февраля он потопил госпитальное судно «Генерал фон Штойбен» (который классифицировал как легкий крейсер «Эмден») водоизмещением 14,6 тысячи тонн, на борту которого находилось 4267 человек — раненые солдаты и беженцы. В живых осталось 659 пассажиров.

17 апреля отличилась гвардейская подводная лодка Л-3 под командованием капитана 3 ранга В.К. Коновалова, потопившая грузопассажирское судно «Гойя» в 5230 тонн вместе с 7000 беженцев и раненых.

Таким образом, основными жертвами трех самых знаменитых атак советских субмарин стали женщины и дети общим числом около 20 тысяч человек. В советских «исторических исследованиях» утопленники с «Густлова» (среди них 390 недоучившихся курсантов) превратились в «3700 квалифицированных специалистов-подводников; фашистский подводный флот потерял более 80 так необходимых ему подготовленных экипажей». Раненые с «Генерала Штойбена» обернулись некой танковой дивизией, спешившей на защиту Берлина, а жертвы «Гойи» — отборными эсэсовцами и офицерами-подводниками. Особо одаренные борзописцы уничтожение «Густлова» стали именовать «атакой века», а Маринеско — «подводником № 1», сорвавшим ни много ни мало планы «тотальной подводной войны и морскую блокаду Англии». Патриотично возбужденные личности считали вопиющей несправедливостью тот факт, что героического капитана, кроме всего прочего, прославившегося в бригаде подплава, как «систематический пьяница» и неисправимый бабник и, едва закончилась война, уволенного с флота с понижением в воинском звании на две ступени, «завистники» не представили к званию Героя Советского Союза.

Ведь на другой чаше весов — «атака века» и «подводник № 1», совершивший шесть боевых походов и потопивший четыре транспорта суммарным водоизмещением 42 557 тонн.

Куда там, скажем, Отто Ведигену, командиру U-9, потрясшему мир уничтожением трех английских броненосных крейсеров в течение одного часа 22 сентября 1914 года. Или Гюнтеру Прину, 13 октября 1939 года проникшему на U-47 в, казалось бы, надежно охраняемую военно-морскую базу

Скапа-Флоу и тремя торпедами потопившего на якорной стоянке линкор «Ройял Оук». А всего за четыре месяца Прин потопил 15 судов суммарным тоннажем 89 тысяч тонн. Или вот еще: 29 ноября 1944 года американский капитан Джозеф Инрайт на субмарине «Арчерфиш» пустил на дно самый большой авианосец Второй мировой войны «Синано» полным водоизмещением 72 тысячи тонны, следовавший в охране трех эскадренных миноносцев. Подлодка U-109 за три боевых похода уничтожила 29 транспортов общей вместимостью 150 тысяч тонн. «Гроссмейстер» Отто Кречмер за семнадцать месяцев боевой работы потопил 44 торговых судна и два миноносца — 266 тысяч тонн, и это больше, чем сумел добиться весь советский подводный флот за четыре года войны.

Эти достижения, надо понимать, меркнут на фоне блистательной «атаки века».

Конечно, к Александру Ивановичу не может быть вопросов. Он свою Звезду Героя, присвоенную посмертно в 1990 году, заслужил честно: в сложной обстановке тактически грамотно атаковал и уничтожил два вооруженных транспорта противника — не требуя судовых ролей и рискуя жизнями всего экипажа (буквально накануне, 6 января 1945 года, в Данцигской бухте погибла С-4 капитана 3 ранга А.А. Ключкина. Перед войной Балтфлот получил от промышленности 13 подводных лодок типа «С»; уцелела только «тринадцатка»).

В принципе, даже если бы у немецких судов все борта и были расписаны Красными крестами, для Маринеско это не должно было иметь значения. Большевики, отринув «буржуазные предрассудки», не признавали международных конвенций о законах и обычаях войны. Первый приказ, отданный балтийским подводникам вице-адмиралом В.Ф. Трибуцем 22 июня 1941 года, требовал: *«Развернув лодки в средней и северной частях, топить все корабли противника по праву неограниченной подводной войны»*. В этой связи Руге заметил: *«Специалисты по международному праву не достигли единства в вопросе о том, создает ли появление новых видов оружия в морской войне новое право. Победители попросту действуют, и они правы»*.

Другие подводники добились гораздо меньших результа-

тов. Хотя целей для атак имелось в избытке, однако, по немецким сведениям, за четыре месяца от нападений субмарин «погибло 7 или 8 пароходов и одно госпитальное судно», более 99% судов достигли портов назначения невредимыми. Согласно современным российским данным, в 1945 году 17 подводных лодок совершили 27 боевых походов, потопив 14—16 транспортов. Причем весь период хорошо охраняемые военные конвои продолжали беспрепятственно перевозить немецкие войска, но советским подводникам на глаза они «не попадались». К примеру, в первой декаде февраля на пути из Курляндии в Свинемюнде находились два десятка транспортов с дивизиями 3-го танкового корпуса СС и другими подразделениями. Всего из Либавы, Виндавы, Данцига, Кольберга и Свинемюнде морем было вывезено свыше 400 тысяч солдат и офицеров и 2,5 миллиона человек гражданского населения.

В реляциях адмирала В.Ф. Трибуца Балтийский флот топил вражеские корабли по дюжине в день: «11 апреля в воздух поднялось 328 самолетов. Они уничтожили 13 транспортов, 6 сторожевых кораблей, 1 миноносец и повредили 6 транспортов. На следующий день вылетело 400 самолетов. На дно было пущено 4 транспорта, танкер, 2 сторожевых корабля, быстроходная десантная баржа, повреждено несколько транспортов...

Замечу, что результаты боевой работы долго были видны в западной части Данцигской бухты: на мелководье, вдоль косы Хель, повсюду торчали из воды надстройки затонувших кораблей и транспортных судов. Только в районе между Кёнигсбергом и Ростокom их насчитывалось 370...»

А с неба сыпались звезды — на грудь и на погоны.

Однако при ближайшем рассмотрении успехи как-то не впечатляют. К примеру, 5 мая 1945 года командование ВВС флота затеяло операцию по уничтожению немецких кораблей на рейде Свинемюнде. Целью №1 был эскадренный броненосец «Шлезен» образца 1905 года. В ходе трех массированных налетов тремя авиаполками было произведено 135 самолето-вылетов, израсходовано 4 торпеды и 180 авиабомб разных калибров, в том числе 15 штук ФАБ-1000. В сидящий на мели, взорванный и покинутый экипажем корабль уда-

лось добиться трех бомбовых попаданий, в результате которых была сбита фок-мачта и добавилась еще одна пробоина в подводной части, что, в общем-то, почти ничего не изменило в техническом состоянии броненосца. В свое оправдание летчики-торпедоносцы заявили, что «Шлезиден» активно маневрировал!

Или еще одна «атака века». 16 августа 1947 года 25 бомбардировщиков Пе-2 из 12-го гвардейского авиаполка 8-й минно-торпедной дивизии среди бела дня атаковали беспомощно дрейфовавший по воле волн, не имевший экипажа трофейный авианосец «Граф Цеппелин». Цель имела длину 240 м и ширину 31 м. Для верности, чтобы пилоты, не дай бог, не перепутали авианосец с притаившимися его на полигон буксирами, в центре взлетной палубы нарисовали белый крест размером 20 на 20 м, а в воздухе кружили два самолета наведения. «Пешки» производили бомбометание тремя волнами, с удобных для себя высот, звеньями и индивидуально, без намека на противодействие противника или имитации боевой обстановки. В результате из 100 бомб в цель попали шесть! Экипажи пикировщиков Ту-2 к учению вообще не были допущены, так как «не успели освоить технику».

Любимцем командования был «выдающийся подводный ас» капитан 3 ранга С.И. Травкин: «Это был большой мастер подводных атак. Любая его атака представляла тактический интерес, изобиловала множеством интересных деталей, по которым нетрудно представить творческий портрет ее автора».

Командуя подлодками Щ-303 и К-52, Травкин совершил за войну шесть боевых походов, выполнил 20 атак, израсходовав 50 торпед. На его счету, составленном исключительно на основе собственноручных донесений, было 13 потопленных судов и кораблей противника. 20 апреля 1945 года Ивану Васильевичу присвоили звание Героя Советского Союза, а лодка К-52 стала Краснознаменной. По-настоящему оценить «творческий портрет» этого писателя можно только с учетом того факта, что ни одна из его «побед» до сего дня не имеет подтверждения. Достоверной считается только атака транспорта «Альдебаран», в результате которой судно получило незначительные повреждения, погибли три немца.

На самом деле Балтийский флот так и не смог пресечь или серьезно нарушить вражеские коммуникации. В течение всей войны практически без перебоев шла доставка стратегического сырья в порты Германии из Скандинавии, с минимальными потерями в установленные сроки осуществлялись перевозки в интересах приморских группировок сухопутных войск. Запомнилась потрясающая деталь в мемуарах генерала Рауса: из Курляндского «котла» немецкие солдаты и офицеры ездили в рейх в отпуск!

Зато радуется Трибуц: «Росла политическая зрелость военных моряков. Запомнилась такая цифра: только за первые три месяца 1945 года в партию на флоте было принято более 2 тысяч человек!»

Политическая зрелость — это замечательно. Однако доставка немецких дивизий из Курляндии в Померанию и неспособность советских флотоводцев этому процессу помешать не нравились товарищу Сталину. Поэтому он поручил маршалу Л.А. Говорову стереть в порошок группу армий «Курляндия». С тем маршал и прибыл в штаб 2-го Прибалтийского фронта:

«Ставка очень недовольна, что вы дали возможность противнику перебросить из Курляндии в Германию несколько дивизий, — предупредил нас Леонид Александрович. — Она опасается переброски отсюда новой партии вражеских войск. Поэтому нам приказано наносить один за другим сильные удары по врагу, расколоть его группировку на части, не допустить ее переброски в Германию».

16 февраля началась Курляндская операция, которая длилась до конца войны. Это был непрерывный штурм, в ходе которого семь советских армий (1-я и 4-я ударные, 6-я и 10-я гвардейские, 22, 42, 51-я — 70 дивизий), преодолевая по несколько сотен метров в сутки, оплачивали эти метры кровью двух тысяч бойцов и командиров. Как сообщает маршал И.Х. Баграмян, в Ставке вынашивали замысел высадки морского десанта через Ирбенский пролив в тыл курляндской группировке, но десант так и не состоялся «из-за неподготовленности Балтийского флота к подобного рода операциям». В итоге фронт потерял убитыми и ранеными более 160 тысяч

человек — 35% своего первоначального состава. Группировку генерала Гильперта продолжали «колотить» даже тогда, когда это не имело никакого смысла, до тех пор, пока 8 мая 1945 года немцы сами не вывесили белые флаги.

В течение четырех недель большая часть территории Восточной Пруссии и Северной Польши была очищена от немецких войск. За время боев только пленными противник потерял около 52 тысяч солдат и офицеров. Советские войска захватили в качестве трофеев более 4300 орудий и минометов, 569 танков и штурмовых орудий.

К концу первой декады февраля немецкие войска в Восточной Пруссии были отрезаны от остальных сил Вермахта и разобщены на три изолированные группы. Первая в составе четырех дивизий была прижата к Балтийскому морю на Земландском полуострове, вторая, более пяти дивизий, крепостные части и большое количество отдельных частей, окружена в районе Кёнигсберга и третья, около двадцати дивизий 4-й и 3-й танковых армий, находилась в Хейльсбергском укрепленном районе южнее и юго-западнее Кёнигсберга, занимая плацдарм около 180 километров по фронту и 50 километров в глубину.

Эвакуировать эти войска для прикрытия Берлина не позволял фюрер, утверждавший, что, опираясь на укрепленные районы, снабжаемые по морю, разобщенные германские группировки упорной обороной занимаемых рубежей скуют, причем надолго, гораздо более крупные силы Красной Армии, не допустив тем самым их переброски на берлинское направление. Советская Ставка, в свою очередь, считала, что высвобождения армий 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов можно достигнуть только путем скорейшей решительной ликвидации этих группировок.

Большинство немецких генералов логику Гитлера отказывались понимать.

Маршал Рокоссовский не видел смысла в требованиях Сталина:

«После того как войска нашего фронта вышли к морю у Эльблонга (Эльбинга) и к заливу Фриш-Гаф, отрезав восточно-прусскую группировку противника, отразили все попытки этой

группировки прорваться на запад, достаточно было прикрыть это направление 50-й и 3-й армиями, передав их 3-му Белорусскому фронту, 5-ю же гв. танковую и 48-ю армии нужно было немедленно освободить, оставив их в составе нашего фронта для продолжения действий на западном направлении...

На мой взгляд, когда Восточная Пруссия окончательно была изолирована с запада, можно было бы и повременить с ликвидацией окруженной там группировки немецко-фашистских войск, а путем усиления ослабленного 2-го Белорусского фронта ускорить развязку на берлинском направлении. Падение Берлина произошло бы значительно раньше. А получилось, что 10 армий в решающий момент были задействованы против восточнопрусской группировки... Использование такой массы войск против противника... удаленного от места, где решались основные события, в сложившейся к тому времени обстановке на берлинском направлении явно было нецелесообразным».

В конечном счете прав оказался Гитлер: из восемнадцати советских армий, задействованных в ликвидации немецких приморских плацдармов, в «главных сражениях» весны 1945 года успели поучаствовать только три.

Решением Ставки от 6 февраля войска 1-го и 2-го Прибалтийским фронтов, блокировавшие группу армий «Курляндия», были объединены во 2-й Прибалтийский фронт под командованием маршала Л.А. Говорова. Задачи по овладению Кёнигсбергом и полному очищению от врага Земландского полуострова поручались штабу 1-го Прибалтийского фронта под командованием генерала армии И.Х. Баграмяна с передачей из 3-го Белорусского 11-й гвардейской, 39-й 43-й армий и 1-го танкового корпуса. В свою очередь, Рокоссовский 9 февраля получил директиву о передаче Черняховскому 50, 3, 48-й и 5-й гвардейской танковой армий.

9 февраля генералу армии Черняховскому было приказано, не давая передышки немцам и своим войскам, не позднее 20—25 февраля завершить разгром 4-й армии генерала Мюллера. На деле борьба с хейльсбергской группировкой продолжалась 48 суток.

«В результате кровавых, бескомпромиссных и беспрерыв-

ных боев, — вспоминает Л. Н. Рабичев, — как наши, так и немецкие подразделения потеряли более половины личного состава, и от крайней, ни с чем не сравнимой, усталости начали терять боеспособность.

Черняховский приказывал наступать, генералы — командующие армиями, корпусами и дивизиями — приказывали, Ставка сходила с ума, все полки, отдельные бригады, батальоны и роты топтались на месте. И вот, дабы заставить измученные боями части двигаться вперед, штаб фронта приблизился к передовой на небывало близкое расстояние, а штабы армий располагались почти рядом со штабами корпусов, а штабы дивизий приблизились вплотную к полкам. Генералы старались поднять батальоны и роты, но ничего из этого не получалось, и вот наступили дни, когда как наших, так и немецких солдат охватила непреодолимая депрессия. Немцы километра на три отошли, а мы остановились».

В состав 3-го Белорусского фронта вошли 5, 28, 31-я, 2-я гвардейская, 50, 3, 48-я общевойсковые, 5-я гвардейская танковая, 3-я воздушная армии и 2-й гвардейский танковый корпус — всего 60 стрелковых дивизий, 3 танковых корпуса, 4 отдельные танковые бригады.

В первую очередь командующий решил уничтожить вражеские войска, оборонявшие выступ в районе Прейсиш-Эйлау, затем развить наступление на Хейлигенбейль и расчленив хейльсбергскую группировку на части. 5-й гвардейской танковой армии (155 танков и САУ) была поставлена задача во взаимодействии с 48-й наступать вдоль залива Фришес-Хафф на Браунсберг, с целью отрезать противнику пути отхода к побережью и лишить его возможности эвакуироваться на косу Фрише-Нерунг. Прикрытие главной группировки фронта со стороны Бранденбурга предусматривалось силами 5-й армии Крылова. Обеспечение с воздуха возлагалось на 1-ю воздушную армию. Вместе с авиацией Балтийского флота и 3-й воздушной армией она должна была уничтожать окруженные войска противника, срывать подвоз и эвакуацию их морем.

Общее наступление, начавшееся 10 февраля, несмотря на

интенсивную огневую поддержку артиллерии, развивалось медленно. 5-я танковая не сдвинулась с места, поскольку в течение двух суток отражала контрудары немецких соединений, пытавшихся прорваться на юго-запад. А когда армия двинулась вперед, то «буквально каждый метр территории приходилось брать с боем»; погибли командир 53-й мотострелковой бригады полковник Д.Н. Долганов, командир 32-й танковой бригады подполковник С.Г. Колесников, был тяжело ранен командир 25-й танковой бригады полковник И.О. Станиславский. Только 17 февраля части 29-го танкового корпуса вышли к реке Пассарге и овладели небольшим плацдармом. Наибольшего успеха добилась 28-я армия генерала Лучинского, в полосу которой был переброшен 1-й танковый корпус со всей оставшейся бронетехникой (38 танков в 89-й бригаде и 18 самоходок в двух самоходно-артиллерийских полках). Армия обходным маневром с севера и юга при содействии правофланговых частей 2-й гвардейской армии овладела крупным опорным пунктом и важным узлом дорог — городом Прейсиш-Эйлау.

В свою очередь, противник перегруппировкой сил и средств уплотнил боевые порядки и создал резервы пехоты, танков и артиллерии. Развитая система долговременных и полевых сооружений позволяла ему, скрытно совершая маневр, закрывать образовавшиеся бреши в обороне. Среднесуточный темп продвижения советских войск не превышал 1,5—2 километра. Преодолев один оборонительный рубеж, они наталкивались на следующий и вынуждены были заново готовить и осуществлять прорыв. Особенно упорное сопротивление враг оказал в районе города Мельзак, крупного узла дорог на пути к Хейлигенбейлю, где наступала 3-я армия. Трое суток здесь продолжались ожесточенные бои. 17 февраля Мельзак был взят. В крайне неблагоприятных условиях, исключавших применение авиации, дивизии Горбатова отбивали одну контратаку противника за другой.

На следующий день по дороге на командный пункт 3-й армии осколком снаряда был убит генерал армии И.Д. Черняховский. Премьер-министр Великобритании выразил Сталину личные соболезнования в связи с гибелью «блестящего

и талантливому офицеру». 21 февраля в командование войсками 3-го Белорусского фронта вступил маршал А. М. Василевский, оставивший ради полководческих лавров пост начальника Генерального штаба. При первой же встрече с новым командующим командарм-3 доложил, что «...упорство противника возрастает, что из-за нелетной погоды сведения наши о нем очень ограничены. Дивизии наши, мягко говоря, неполны: они насчитывают в среднем по 3300 едоков, но не более 300 человек боевого состава. Питание хорошее, продовольствие берем на месте. Но подвоз боеприпасов затруднен из-за удаленности фронтовых складов, а одним трофейным оружием удовлетворить потребности нельзя». Наступление было остановлено, 5-я танковая армия — выведена из боя, танков в ней оставалось 76 штук. За двенадцать дней общее продвижение советских войск составило от 10 до 30 километров. Противник продолжал удерживать прибрежную полосу размером 50 на 15—25 километров.

В то время как 3-й Белорусский фронт сражался с хейльсбергской группировкой, войска 1-го Прибалтийского фронта нового состава (43-я, 39-я, 11-я гвардейская, 3-я воздушная армии, 1-й танковый корпус) вели напряженные бои на Земландском полуострове и подступах к Кёнигсбергу. Генерал Баграмян задумал сначала очистить от противника полуостров, оставив в районе Кёнигсберга необходимое количество войск для прочной блокады. Суть его решения состояла в том, чтобы ударом смежных флангов 43-й и 39-й армий на Фишхаузен выйти к западному побережью полуострова, рассечь группировку противника надвое и уничтожить по частям.

«Лично мне, — соглашается генерал Галицкий, — такое расчленение задач фронта казалось естественным и правильным. Предварительный разгром группы «Земланд» представлялся, бесспорно, более легкой задачей, чем штурм Кёнигсберга. Полная изоляция последнего от центральной части фашистской Германии, несомненно, должна была сказаться на моральном состоянии его гарнизона и облегчить овладение крепостью. Кроме того, последовательное решение задач фронта давало время армиям, предназначенным для штурма Кёнигсберга, тщательно подготовить свои армейские опера-

ции. Высвободившиеся после разгрома земландской группировки значительные силы и боевую технику также можно было использовать для усиления этих армий».

Ставка утвердила этот план 17 февраля, начать операцию намечалось 20-го.

Однако сутками раньше немцы сами внезапно нанесли два встречных удара: с запада, из района Фишхаузена, — на Кёнигсберг силами 58-й и 95-й пехотных дивизий и с востока — из города — 5-й танковой, 1-й пехотной и 561-й народно-гренадерской дивизиями. В результате трехдневных боев им удалось оттеснить войска 39-й армии, захватить ключевую позицию Меттетен и пробить вдоль южного берега Земландского полуострова коридор шириной 7—9 километров с шоссе № 131 и действующей железной дорогой. Армия Людникова понесла значительные потери. Такой казус, объясняет Баграмян, случился «из-за явного превосходства врага в пехоте и артиллерии и особенно в танках». Немцы установили другие причины: «В этом районе находились соединения 39-й армии под командованием генерал-лейтенанта Людникова. В трофейных документах, добытых во время наступления, говорилось, что при проверке боеготовности были выявлены грубые нарушения. Дисциплина в войсках слаба, сержантский состав занимается пьянством и мародерством, транспортные средства загружены трофейным тряпьем. Согласно приказу от 10 февраля гражданские должны были немедленно отводиться в тыл за 20 километров от зоны боевых действий. У русского командования были, следовательно, свои проблемы и заботы».

Вот и не ждали.

Людникову вновь передали 1-й танковой корпус, точнее, его остатки, из которых был сформирован сводный отряд под командованием генерал-майора Г.Н. Филиппова: 89-я танковая бригада (21 танк), 44-я мотострелковая бригада (583 активных штыка), 1514-й самоходно-артиллерийский полк (19 самоходов СУ-76); из артиллерии усиления имелось 15 минометов калибра 120 мм, 9 трехдюймовок и 7 «катюш». Отряд, совершив марш вокруг Кёнигсберга, вступил в бой вместе с частями 113-го стрелкового корпуса, затем танкистов в

качестве «пожарной машины» передавали из дивизии в дивизию, но восстановить положение не удалось. Вечером 23 февраля сводный отряд был окружен и разгромлен немцами в Меденау. Не дождавшись помощи, потеряв все боевые машины и две трети личного состава, танкисты и мотострелки вынуждены были ночью прорываться обратно.

С целью согласования усилий всех войск, действовавших в Восточной Пруссии, и обеспечения единого руководства Ставка 25 февраля упразднила 1-й Прибалтийский фронт. На его основе была создана Земландская группа войск, вошедшая в состав 3-го Белорусского фронта. Баграмян становился заместителем Василевского.

С конца февраля и до середины марта в штабах и войсках фронта велась подготовка к новому наступлению. Маршал Василевский решил Земландскую операцию отложить до лучших времен и действовать последовательно. Первым делом следовало покончить с группировкой противника, прижатой к заливу Фришес-Хафф. Для чего предусматривалось двойным концентрическим ударом с востока и юго-востока в направлении на Хейлигенбейль расчленить хейльсбергскую группировку на части, изолировать их, а затем порознь уничтожить. Осуществление этого замысла возлагалось на 11-ю гвардейскую, 5-ю, 28-ю, 2-ю гвардейскую, 31, 3 и 48-ю армии. Последней была передана полоса 5-й гвардейской танковой армии, которая с 1 марта передислоцировалась на данцигское направление. Фронтальные средства усиления были распределены в основном между 5, 28 и 3-й армиями, готовившими наступление на направлении главного удара. Из имевшихся 582 боевых танков и самоходно-артиллерийских установок в полосах наступления этих армий было сосредоточено 513 единиц. Авиация Балтийского флота должна была срывать морские перевозки противника. А всего к операции планировалось привлечь 1124 бомбардировщика, 830 истребителей и 470 штурмовиков.

Ставка утвердила решение командующего фронтом, потребовав при этом завершить ликвидацию 4-й армии не позднее 22 марта, а еще через шесть дней начать разгром кёнигсбергской группировки.

Наступление в районе юго-западнее Кёнигсберга возобновилось 13 марта после 40-минутной артиллерийской подготовки. Непролазная грязь сильно затрудняла боевые действия соединений и передвижение техники вне дорог. Но, несмотря на упорное сопротивление врага, войска фронта прорвали его оборону на основных направлениях и настойчиво продвигались вперед. Туман и постоянные дожди затрудняли применение авиации. Лишь 18 марта, когда погода несколько прояснилась, 1-я и 3-я воздушные армии смогли активно поддерживать наступающих.

За шесть дней войска 3-го Белорусского фронта продвинулись на 15—20 километров, сократив вражеский плацдарм до 30 километров по фронту и от 7 до 10 километров в глубину. 36-й гвардейский корпус генерала П.К. Кошеного вышел на побережье залива Фришес-Хафф и овладел Бранденбургом.

25 марта войска 3-й и 31-й армий взяли Хейлигенбейль. Немцы оказались прижаты к морю на небольшом участке шириной в 13 километров и глубиной от 2 до 5 километров на полуострове Бальга. Остатки 4-й армии были окончательно ликвидированы 29 марта. Разбитые дивизии — около 70 тысяч человек, из которых почти 53 тысячи составляли раненые, бросив технику, снаряжение и тяжелое вооружение, на маломерных судах, понтонах и самодельных плотках переправились на косу Фришес-Нерунг, оттуда они были переброшены для усиления оперативной группы «Земланд». Среди спасшихся был капитан Рихард фон Вайцзекер, в будущем — президент Федеративной Республики Германии.

Командование группы армий «Север» было эвакуировано и в начале апреля расформировано за ненадобностью. Штаб 4-й армии с генералом Мюллером переместился в Пиллау и 2 апреля принял под свое командование войска «Земландского фронта» и Кёнигсберга.

С 10 февраля по 29 марта советские войска уничтожили 220 тысяч и пленили около 60 тысяч солдат и офицеров, захватили 650 танков и штурмовых орудий, до 5600 орудий и минометов, более 37 тысяч автомашин, 128 самолетов. Все южное побережье залива Фришес-Хафф, на много километров заваленное военным имуществом, ящиками и мешками с

продовольствием, тысячами трупов людей и лошадей, контролировалось войсками 3-го Белорусского фронта.

Красная Армия, штурмуя Восточную Пруссию, теряла ежедневно в среднем 9,8 тысячи солдат и офицеров. Общие потери советских войск на конец марта составили 386 тысяч убитыми и ранеными.

Штурм продолжался...

ЗАПАДНО-КАРПАТСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В соответствии с общим стратегическим замыслом согласованные действия войск 1, 4 и 2-го Украинских фронтов должны были привести к полному освобождению Чехословакии.

Войскам 4-го Украинского фронта генерала армии И.Е. Петрова, с немалыми потерями пробившимся через Восточные Карпаты, предстояло теперь разгромить противостоящего противника, преодолеть Западные Карпаты и выйти в долину рек Висла, Одра до Моравска-Оставы.

Вообще-то эту задачу генерал Петров безуспешно пытался решить с осени 1944 года. Так, 14 ноября Ставка, недовольная «вялыми действиями» войск, даже обвинила командующего в стремлении «считаться только с интересами своего фронта, не заботясь о положении соседа и общих интересах», и потребовала активизировать наступление, бросив в бой все резервы. Одновременно С.К. Тимошенко, координировавший действия фронтов на Юго-Западном ТВД, получил указание «немедленно выехать к Петрову и заставить его выполнить задачу, поставленную директивой Ставки». Впрочем, это мало помогло. Весь фронт состоял из двух общевойсковых армий, а посылая в помощь Петрову цельного маршала, Ставка другой директивой изъяла у Петрова два стрелковых корпуса — четверть войск, что, конечно, было неравноценной заменой. Тем не менее, «пробиваясь через толщу Карпат», армии 4-го Украинского фронта форсировали реку Лаборец, заняли 26 ноября города Гуменне и Михаловце и удостоились московского салюта третьей категории.

29 ноября в состав фронта от соседа справа перешли 38-я

армия генерал-полковника К.С. Москаленко (будущий маршал и заместитель министра обороны СССР) и 1-й Чехословацкий стрелковый корпус генерала Л. Свободы (будущий министр обороны и президент ЧССР). На следующий день Ставка поставила Петрову и Тимошенко задачу не позднее 12—15 декабря овладеть рубежом Зборов, Бардева, Прешев, Кошица, а правым крылом к началу января овладеть Краковом.

Условия для действий советских войск были крайне неблагоприятными. Западные Карпаты, состоящие из горных хребтов — Сланские и Словацкие Рудные горы, Высокие и Низкие Татры, Большая и Малая Фатра, тянувшиеся с севера на юг, преграждали путь в Моравию и Чехию с востока. По долинам и ущельям протекало множество горных рек и ручьев с обрывистыми берегами и непостоянным режимом воды. Дороги Прешов — Жилина — Оломоуц и Кошице — Банска-Быстрица — Тренчин петляют по глубоким ущельям с востока на запад. Остальные — труднодоступны. В общем, здесь шла горная война со всеми ее особенностями, которые еще более усугубились с приходом зимы. Горы сковывали маневр, вынуждая войска действовать разобщенно, по отдельным направлениям, часто без дорог. Горы значительно затрудняли применение артиллерии и авиации. Горно-лесистый характер местности, позволявший врагу тщательно маскироваться, не давал возможности полностью вскрыть систему его обороны и места расположения огневых средств.

Германское командование располагало значительными силами. На глубину до 300—350 километров заранее был оборудован ряд оборонительных рубежей, которые в случае необходимости могли быть заняты как выдвигаемыми из глубины резервами, так и отходящими войсками. Города и крупные населенные пункты, узлы дорог, господствующие высоты были подготовлены к круговой обороне. Танкоопасные направления густо минировались, прикрывались надолбами, эскарпами и противотанковыми рвами.

Декабрьское наступление заглохло, едва начавшись.

26 декабря Военный совет фронта с согласия Тимошенко доложил в Москву: «Наши войска после восемнадцатидневных напряженных лесных боев выдохлись. В данное время

имеется настоятельная необходимость влить в части пополнение, укомплектовать материальной частью вооружения, конским составом».

К началу 1945 года войска 4-го Украинского фронта (38-я, 1-я гвардейская, 18-я общевойсковые, 8-я воздушная армии, 1-й Чехословацкий армейский корпус — 25 дивизий, 1 укреп-район, 2 пехотные и 4 отдельные танковые бригады — всего 267 тысяч человек) занимали рубеж Ясло, восточный берег реки Ондава, Турна и готовились к проведению новой операции с прежними задачами.

38-я армия, взаимодействуя с 60-й армией 1-го Украинского фронта, согласно плану наносила главный удар в обход Карпат с севера, в общем направлении на Новы-Сонч, Бельско-Бяла и Краков. Для развития успеха в ее полосе планировалось использовать подвижную группу.

1-я гвардейская армия генерал-полковника А.А. Гречко (еще один будущий маршал и министр обороны СССР), прорвав вражескую оборону, должна была продвигаться на Люботин, Стара-Любовня. Армии придавался 1-й Чехословацкий корпус, по сути, представлявший собой дивизию: в состав его входили две пехотные и одна танковая бригады, общая численность — 11,5 тысячи солдат и офицеров.

18-я армия генерал-лейтенанта А.И. Гастиловича (после войны особой карьеры не сделал, но зато начальником политотдела у него служил будущий маршал и Верховный Главнокомандующий ВС СССР Л.И. Брежнев) получила задачу наступать из района южнее Мокранце в направлении Смольник, овладеть городом Спишска-Нова-Вес, а частью сил обойти с запада Кошице. В дальнейшем двигаться на Попрад, Ружомберок, Жилину.

Особенностью предстоящих действий 4-го Украинского фронта являлось то, что главные его силы, наступавшие на краковском направлении, должны были взаимодействовать с войсками левого крыла 1-го Украинского фронта, а дивизии, действовавшие на кошицком направлении, — со 2-м Украинским фронтом. Это создавало для штаба Петрова дополнительные трудности в организации управления войсками. По замечанию Москаленко, «фронт, действуя в полосе меж-

ду берлинским и венским направлениями, в то время не имел ярко выраженного самостоятельного операционного направления. Находившиеся перед фронтом Карпаты в условиях зимы представляли труднопреодолимое препятствие, и поэтому Ставка поручала ему обеспечивать действия то 2-го, то 1-го Украинских фронтов, то севернее, то южнее Карпат».

2-й Украинский фронт маршала Р.Я. Малиновского (40, 27, 53-я, 7-я гвардейская, 6-я гвардейская танковая, 5-я воздушная армии, 23-й танковый, 4-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса, 4-я и 1-я румынские армии — 47 стрелковых и 8 кавалерийских дивизий, 2 укрепрайона, 2 танковых, 2 механизированных, 2 кавалерийских корпуса, 1 отдельная танковая и 1 самоходно-артиллерийская бригада — 385 тысяч человек) имел задачу основными силами выйти на рубежи рек Грон и Нитра, после чего наступать на Братиславу, Вену и Брно.

40-я армия генерал-лейтенанта Ф.Ф. Жмаченко и 4-я румынская армия генерала Н. Дэскэлеску должны были прорвать оборону противника юго-восточнее Плешивец и Рожнява и, развивая наступление в общем направлении на Добшину, способствовать 18-й армии в разгроме кошицкой группировки. Из района Лучинец в направлении Галич, Банска-Бистрица было приказано наступать 27-й армии генерал-полковника С.Г. Трофименко и 1-й румынской армии генерала В. Атанасиу. Удар на Зволен наносила 53-я армия генерал-лейтенанта И.М. Манагарова, а на Банска-Штьявницу — 1-я конно-механизированная группа генерал-лейтенанта И.А. Плиева. Таким образом, войскам Малиновского предстояло штурмовать Карпаты с юга. Левофланговые 7-я гвардейская и 6-я гвардейская танковая армии получили задачу нанести удар из района севернее Эстергома вдоль левого берега Дуная на Комарно.

С учетом румынских и чехословацких частей в 4-м и 2-м Украинских фронтах насчитывалось 652 тысячи солдат и офицеров, 9910 орудий и минометов, 453 танка и самоходно-артиллерийские установки, 1283 боевых самолета.

Противник имел здесь часть сил 17-й полевой армии, ар-

мейскую группу «Хайнрици», входившие в состав группы армий «А», 8-ю армию и часть сил 6-й армии группы «Юг». Эти войска насчитывали 550 тысяч человек, до 5000 орудий и минометов, 330 танков и самоходных установок, 680 самолетов.

Войска 2-го Украинского фронта перешли в наступление 6 января с рубежа реки Грон. 7-я гвардейская армия (25-й, 27-й гвардейские, 30-й стрелковые корпуса, 27-я гвардейская танковая бригада) генерал-полковника М.С. Шумилова и 6-я гвардейская танковая армия (5-й гвардейский танковый, 4-й и 9-й гвардейские механизированные корпуса) генерал-полковника А.Г. Кравченко прорвали оборону и через два дня подошли к Комарно, создав плацдарм севернее Дуная.

12 января возобновили наступление войска 40, 27 и 53-й армий, а также румынских 4-й и 1-й армий. К исходу четвертого дня им удалось вклиниться в расположение противника на глубину 18 километров и расширить участок прорыва до 40 километров. Чем выше советские войска поднимались в горы, тем тяжелее становилось наступавшим. Глубокий снег, гололед, частые снежные бураны и хорошо укрепленные узлы сопротивления противника на дорогах, в ущельях и на перевалах создавали огромные трудности. Нередко стрелковые части оставались без артиллерийской и авиационной поддержки. К 25 января армии Жмаченко и Трофименко овладели городами Рожнява, Ельшава, Лучинец и вели бои на подступах к Добшину. На зволненском направлении 53-я армия (24-й гвардейский, 49-й, 57-й стрелковые корпуса) и конно-механизированная группа почти не имели продвижения. Противник, опасаясь выхода советских войск в глубокий тыл всей группировке, действовавшей в районе Словацких Рудных гор, упорно оборонялся.

У генерала Кравченко в строю осталось 43 танка. 23—24 января командующий фронтом вывел в резерв КМГ, а 27 января — 6-ю гвардейскую танковую армию.

В конце января 40-я армия перевалила через главный хребет Словацких Рудных гор и частью сил совместно с действовавшими в этом районе партизанами освободила город Брезно. К 1 февраля войска правого крыла 2-го Украинского

фронта достигли рубежа западнее Брезно, Кривань, Немце. Южнее, на плацдарме за Гроном, закрепились 7-я гвардейская армия.

Наступление 4-го Украинского фронта проводилось по «хитрому» графику, имевшему целью рассеять внимание немецкого командования и отвлечь силы противника от главного направления.

Первыми, одновременно с соседом слева, перешли к активным действиям войска 18-й армии (3-й горнострелковый, 17-й гвардейский, 95-й стрелковые корпуса, 159-й укрепрайон). Средняя численность дивизий в армии Гастиловича составляла 3,5—4,5 тысячи человек. На 6-километровом участке прорыва удалось собрать 630 артиллерийских и минометных стволов, в основном калибра 76 и 82 мм, что понятно — шестидюймовые гаубицы в горы не потащишь. Другое дело, что и запасы снарядов были ограничены, поэтому на артиллерийскую подготовку и первый день боя было выделено 0,7 боекомплекта артиллерийских и 3 залпа реактивных снарядов.

В 10 часов 12 января после 40-минутной артподготовки поднялась в атаку пехота 17-го гвардейского и 95-го стрелковых корпусов. Пяти стрелковым дивизиям предстояло прорвать оборону венгерских 2-й резервной и 16-й пехотной дивизий из состава 5-го армейского корпуса. Ввиду тяжелых условий местности и «отчаянного сопротивления», советские войска продвигались крайне медленно, отбивая частые контратаки противника. Так, населенный пункт Мокранце трижды переходил из рук в руки. На второй день операции немецкое командование выдвинуло из резерва 1-ю лыжногерскую дивизию и перебросило из полосы 40-й армии боевую группу 4-й горнострелковой дивизии. Венгерские части были выведены в тыл, зато на передовой появилась 253-я пехотная дивизия. Ожесточенные бои на дальних подступах к Кошице без существенных успехов продолжались до 17 января.

Ударная группа фронта — 38-я армия (101, 67, 52-й стрелковые корпуса) из района южнее Ясло перешла в наступление на краковском направлении утром 15 января. В намеченной полосе прорыва было сосредоточено 1443 орудия и

120-мм миномета, 134 танка и САУ, достигнута плотность 207, местами 250 стволов на километр фронта. Артподготовка длилась 105 минут и была эффективной, в том числе и потому, что впервые заранее была проведена геодезическая и топографическая подготовка стрельбы — в предыдущих операциях на это как-то «не хватало времени»!

В первый же день дивизии первого эшелона, поддерживаемые всей авиацией 8-й воздушной армии, проломили оборону 78-й и 320-й народно-гренадерских дивизий, с ходу форсировали реку Вислоку и захватили тыловой рубеж на западном берегу, который противник не успел занять. После преодоления водной преграды в бой была введена подвижная группа в составе 31-й и 42-й гвардейских танковых бригад, четырех стрелковых батальонов и двух полков артиллерии под водительством заместителя командарма генерал-лейтенанта Н.И. Кирюхина. К 21 часу группа овладела узлом дорог Вуйтова, выбросив передовые отряды к Горлице.

Оборона противника была прорвана на 16 километров по фронту и до 18 километров в глубину. Чтобы избавиться от малейшей угрозы своему правому флангу, Москаленко приказал командиру 101-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанту А.Л. Бондареву частью сил «подвернуть» вправо, в полосу 1-го Украинского фронта, и захватить город Ясло. Что и было к утру надлежащим образом исполнено.

16 января, в связи с успешно развивавшимся наступлением войск 1-го Украинского фронта, создавшего угрозу окружения 17-й армии, германское командование начало отводить свои войска на запад. В последующие три дня 38-я армия, сбивая арьергарды противника, вела непрерывное преследование и 20 января овладела городом Новы-Сонч. Тем не менее правое крыло 4-го Украинского фронта безнадежно отставало от соседей, ввиду чего освобождение Кракова Ставка поручила маршалу Коневу.

Генерал Москаленко считал, что удары двух фронтов с самого начала следовало синхронизировать по времени:

«Сколько ни было стремительным наше наступление, мы все же никак не могли наверстать то время, которое потеряли, начав операцию лишь 15 января. В результате, как я и ожи-

дал, мы еще только прошли около половины пути до Кракова, а войска левого фланга 59-й и правого фланга 60-й армий 1-го Украинского фронта, наступавшие с 12 января, уже завязали бои за этот город. Но дело было отнюдь не в том, какой из наших армий достанется честь освобождения Кракова. Речь идет о другом.

Войска противника, продолжавшие обороняться перед левым флангом 60-й армии и обойденные с обоих флангов наступлением частей последней, а также нашей армии, под угрозой окружения начали отходить на запад. Замкнуть же кольцо вокруг них нельзя было как раз из-за того, что наступление 60-й и 38-й армий началось неодновременно, с разрывом в три дня, в результате чего и глубина проникновения во вражескую оборону оказалась неодинаковой.

Группировка противника смогла уйти из «мешка», причем отступала она в полосу нашей армии...

В немалой степени притормаживало наше продвижение, особенно на левом фланге, то, что 1-я гвардейская армия по приказу командующего фронтом начала наступление еще на три дня позднее нас. Вообще, я до сих пор не вижу ясного смысла в определении сроков нанесения ударом войсками 4-го Украинского фронта».

Действительно, 1-я гвардейская армия (11-й, 107-й стрелковые, 1-й Чехословацкий корпуса) присоединилась к общему наступлению 18 января, уже после того, как противник начал отход с рубежа реки Ондава. За два дня армия продвинулась на 30—40 километров и 19 января освободила города Бардеёв и Прешев. Одновременно командующий 18-й армией южнее Кошице ввел в дело свой резерв (237-я стрелковая дивизия, 5-я гвардейская танковая бригада, 108-й самоходно-артиллерийский полк), а севернее — приказал наступать войскам 3-го горнострелкового корпуса и 159-го укрепрайона. 19 января Кошице — промышленный центр, крупный узел коммуникаций и сильный опорный пункт — был очищен от противника.

Используя продвижение 38-й армии, генерал Петров произвел перегруппировку ряда соединений фронта с левого крыла на правое. В пользу генерала Москаленко, получивше-

го задачу наступать на Бельско-Бяла, из 18-й армии были изъяты 95-й стрелковый корпус, 5-я гвардейская танковая бригада, два истребительно-противотанковых и два самоходно-артиллерийских полка. Из резерва фронта прибыла 15-я штурмовая инженерно-саперная бригада. Генералу Гречко был передан 3-й горнострелковый корпус, а полоса действий 1-й гвардейской армии была смещена в южные районы Польши — на Новы-Тарг, Живец. Генерал Гастилович, оставшийся с тремя стрелковыми дивизиями и укрепрайоном, 22 января получил в оперативное подчинение 1-й Чехословацкий корпус без танковой бригады, который должен был «непосредственно освобождать свою страну от гитлеровских оккупантов», а также приказ продолжать движение через высокогорные районы на Попрад и Ружомберок.

До конца января — пишет Москленко — наступление развивалось успешно: «Поскольку мы упреждали противника в занятии его оборонительных рубежей, то основной формой наших боевых действий, естественно, являлось преследование отступавших вражеских войск. Наступление вылилось в своего рода соревнование с врагом: кто быстрее достигнет того или иного рубежа в глубине обороны. И преследующие опережали отступающих.

В результате на всех шести рубежах вражеским войскам так и не удалось организовать оборону. Фашистское командование, пытаясь зацепиться хоть на одном из них, теперь уже не применяло своих обычных методов отвода войск с предыдущего рубежа: резкой активизации действий, усиления огня, контратак, оставления сильных арьергардов, что являлось для нас как бы сигналом о предстоящем отходе врага. В январской операции противник стремился отходить тихо, незаметно, при обычном режиме огня. И даже отказывался от неизменных подрывных работ накануне отхода с целью уничтожения мостов и других объектов. На этот раз их взрывали в самый последний момент.

Само собой разумеется, что усиленно устраивались танковые и артиллерийские засады, минировались и разрушались дороги. И все это делалось с целью выигрыша времени для организации обороны на следующих рубежах».

Тем не менее сопротивление противника неуклонно нарастало. В полосе 38-й армии сначала появились немецкие дивизии, отброшенные от Тарнова и Кракова на юг наступлением 1-го Украинского фронта, затем соединения, «выпущенные» Коневым из Силезии. Огневая мощь ударной группировки фронта в связи с удалением от баз снабжения, отставанием артиллерии и дивизионов бронепоездов значительно уменьшилась. С 26 по 29 января войска 38-й армии прошли с боями 35—40 километров (а всего — более 200) и уперлись в занятый немецкими войсками мощный оборонительный рубеж, проходивший по западному берегу реки Бяла: «Оборудован он был не совсем так, как предыдущие. Здесь на каждом погонном километре обороны было установлено до 25 железобетонных двухамбразурных пулеметных колпаков. Позади траншей находился противотанковый ров. Протяженность оборонительного рубежа по фронту достигала 25 километров. Расположенные на флангах противника города Дзедзице и Бельско-Бяла, а также находившийся в центре рубежа г. Чеховице гитлеровцы превратили в крупные опорные пункты, опоясанные укреплениями. Учитывая, что к тому же и местность была труднопроходимой, следовало ожидать излишних потерь при повторных попытках с ходу прорвать оборону врага». Чтобы подтянуть и сосредоточить силы для нового рывка, Москаленко попросил у командования фронта два дня передышки.

Южнее войска 1-й гвардейской армии 29 января вошли в Новы-Тарг.

18-я армия, преодолев основной массив Словацких Рудных гор, форсировала реку Горнад и 27 января заняла Спишска-Нова-Вес, а 28 января — Попрад.

Словаки встречали Красную Армию восторженно. С цветами, конечно, было сложновато, но вот вино в Карпатах, казалось, качали прямо из земли. Немецкие поселения были безлюдны, их жители, бросая скотину и имущество, бежали на запад.

31 января командующий фронтом уточнил задачи войскам: армия Москаленко должна была овладеть городом Бельско-Бяла и развить удар в направлении Моравска-Ост-

равы; армия Гречко наступала на Живец и далее в направлении Цешина; армия Гастиловича долиной реки Ваг, протекающей между обледеневшими хребтами Низких и Высоких Татр, основными силами по-прежнему пробивалась на Ружомберок, Жилину. Слева 40-я и 4-я румынская армии 2-го Украинского фронта продолжали наступление в общем направлении на Тренчин.

Пехота 38-й армии вновь пошла в атаку 1 февраля после 45-минутной артподготовки. Только 3 февраля была прорвана оборона противника на реке Бяла и захвачен опорный пункт Чеховице в центре позиции. К 7 февраля плацдарм на западном берегу удалось расширить до 20 километров по фронту и 8 километров в глубину, 8 февраля немцев выбили из Дзедице. Подвижная группа армии обошла Бельско-Бяла с запада, перерезав коммуникации гарнизона, но контрударами противника сама была отрезана в районе Ясеницы. Четверо суток дрались в окружении 211-я стрелковая дивизия, полк 340-й дивизии, 42-я гвардейская танковая бригада и 1666-й самоходный артполк. Ожесточенность боев нарастала: «Враг сосредоточивал против плацдарма все более крупные силы, и количество контратак возрастало. 3 февраля их было 11, 4 февраля — 12, 5 февраля — 16... Контратаки стали почти непрерывными. С 1 по 12 февраля их было свыше 200, в том числе 8 февраля — 43, на следующий день — 46...

В населенных пунктах бои шли чуть ли не за каждый дом».

Перед фронтом армии, кроме 359-й пехотной, 78, 544, 545-й народно-гренадерских дивизий, появились части 20-й танковой дивизии и 18-й танко-гренадерской дивизии СС «Хорст Вессель». Генерал Москаленко получил из резерва фронта 95-й стрелковый корпус и 12 февраля взял-таки Бельско-Бялу. Подвижная группа была деблокирована с помощью подтянувшихся с востока соединений 1-й гвардейской армии. Одновременно правофланговый 101-й стрелковый корпус ударом через Забжег прорвался к Висле, форсировал ее, овладел крупным населенным пунктом Струмень и установил локтевую связь с 60-й армией 1-го Украинского фронта.

Два стрелковых корпуса 18-й армии, сражаясь с 320-й народно-гренадерской дивизией и боевой группой 3-й горно-

стрелковой дивизии на ружомберокском направлении, за двенадцать дней февраля продвинулись на запад от 4 до 10 километров, освободив Важец и Липтовски-Градок. Однако восточнее городка Липтовски-Свети-Микулаш внезапно обнаружилось глубоко эшелонированные, укрытые снегом позиции, перегородившие узкую долину Вага и занятые частями 320-й немецкой дивизии. Атаковать их можно было только в лоб. «Братья по оружию», не ожидая особого сопротивления, так и поступили. И были неприятно удивлены. Генерал Свобода пишет:

«В начале февраля 1945 года мы натолкнулись на такое упорное сопротивление противника, какого корпус не встречал от самой реки Ондавы. Перед нами были уже не те слабые силы, которые прикрывали отход своих войск, а полнокровные части Вермахта, обороняющиеся на заблаговременно подготовленных рубежах на подступах к Липтовскому Микулашу. Оборона противника опиралась здесь на горные массивы, система артиллерийского, минометного и пулеметного огня была построена с учетом характера местности и сочеталась с системой заграждений. Наблюдательные пункты врага располагались на командных высотах, откуда хорошо просматривались позиции частей нашего корпуса.

3 февраля мы предприняли первую попытку овладеть Липтовским Микулашем, но успеха не имели. 5 февраля попытку повторили — и вновь безуспешно; 12 февраля — то же самое; 13 февраля, после длительной артиллерийской подготовки, в ходе которой по врагу было выпущено 11 333 снаряда и мины, части корпуса снова предприняли наступление, однако безрезультатно... на каждую нашу атаку противник отвечал бешеными контратаками и массированным артиллерийским и минометным огнем».

Святой Микулаш в этот раз был на немецкой стороне, которая добросовестно выполнила свой «урок». Недаром этот дедушка дружит и с ангелом, и с чертом. Хорошо запомнил те дни и начальник артиллерии чехословацкого корпуса Альфред Рессел:

«13 февраля батальоны двинулись на свои исходные позиции в три часа ночи. Настроение было подавленным. Шли в полной

темноте, по глубокому снегу. Около девяти часов утра после мощной артиллерийской подготовки чехословацкие и советские части вновь пошли в атаку. И на этот раз, как только пехота поднялась с земли и пошла вперед, противник открыл по ней массированный огонь из артиллерии и минометов, сопровождаемый огнем пехотного оружия. Особенно губительно действовал фланговый огонь фашистских тяжелых пулеметов и большого числа снайперов, расположенных на господствующих южных скатах Липтовских гор. Там же размещались выгодные НП противника с дальним обзором всего поля боя в долине Вага. Неудивительно, что пехотинцам не удалось продвигнуться дальше 600 метров от исходного рубежа.

Во время атаки во второй половине дня пехота опять не сумела воспользоваться сильной поддержкой артиллерии. Батальоны почти приросли к месту. Они залегли на голой равнине, где нельзя было укрыться, а замерзшая земля не позволяла окопаться. Вражеская артиллерия без устали была по беспомощным пехотинцам, кое-где охваченные паникой люди пытались спастись бегством. Ни приказы командира бригады, ни высланные вперед офицеры связи командира корпуса не оказались в силах сдвинуть пехоту. Ожесточенный огонь противника и чувство страха приковали пехотинцев к земле. Советский 17-й гвардейский корпус, действовавший на южном фланге фронта, тоже не сумел добиться успеха. У нас было в том бою 600 убитых и раненых. Оценив ситуацию, генерал Свобода распорядился отвести пехоту назад, в исходное положение...

Четыре попытки прорвать вражескую оборону окончились неудачей. Корпус по-прежнему топтался на том месте, где остановился две недели назад. Потери росли. Тяжелые бои, лишения, неудачные попытки прорвать оборону грозили надломить боевой дух бойцов, особенно малоопытных новобранцев, которых в бригадах насчитывалось до 50 процентов. У некоторых бойцов нервы не выдерживали, и они искали избавления в смерти. Все это тревожило командование.

Причин неудач было много. Прежде всего плохое знание противника, у которого были превосходно выбранные оборонительные рубежи, построенные в принудительном по-

рядке местным населением. На обоих флангах находились отличные наблюдательные пункты, где обосновались фанатично преданные Гитлеру и фашизму наблюдатели. Противник хорошо замаскировался, передвижение в его стане было сведено строго до минимума. Наши НП не позволяли вести хорошее наблюдение за противником. Были у нас и многие другие недостатки. Атака с ходу таких позиций не могла привести к успеху. Ничего не дали и повторные атаки. Если бы провести хорошую разведку, она бы показала, что на всестороннюю подготовку наступления не следовало жалеть времени.

Над Жиаром, над Смречанами, в окрестностях Виталишовце царил гнетущая атмосфера гибели».

С разрешения командующего фронтом генерал Гастилович 13 февраля прекратил бесплодные атаки. Во время передышки в составе Чехословацкого корпуса, за счет мобилизации местного населения и солдат бывшей словацкой армии, была сформирована и выдвинута к передовой 4-я пехотная бригада. Однако о противнике и его обороне ничего толком выяснить так и не смогли:

«Корпус никак не мог взять пленного, пусть даже малозначеского, лишь бы он принес какую-нибудь пользу. Каждую ночь на различных участках фронта высылались дозоры, устраивались засады и предпринимались вылазки, но все оказывалось без толку: фашисты в плен не попадались. Напрасно погибали отважные дуклинские и другие разведчики под огнем врага, когда они ночь за ночью шли к окопам противника: «языка» взять не удавалось. Всего с 19 по 28 февраля с этой целью было осуществлено 37 вылазок разведчиков, и лишь одна, последняя, увенчалась успехом. Почти 100 попыток взять пленного было предпринято в феврале. Мы потеряли своих людей, но результатов — никаких... Несмотря на самоотверженные усилия разведчиков, результаты боевой разведки оставались неудовлетворительными. Плохое знание оборонительной системы противника и его боевого порядка оказалось слабым местом корпуса, особенно при выборе целей для подавления фашистской обороны».

Начиная с 3 марта, чехословацкие части и 24-я стрелковая дивизия генерал-майора Ф.А. Прохорова на протяжении де-

вяти суток бились за Липтовски Микулаш и ключевые высоты. И, уплатив дорогую цену, ворвались в город и очистили его от врага, и под воздействием многочисленных «безрассудных контратак» вынуждены были его оставить.

В середине февраля 4-й Украинский фронт был остановлен противником на рубеже Струмень, Живец, Яблонка, Липтовски-Свети-Микулаш и перешел к обороне. Согласно докладу генерала Петрова: «Войска фронта сохранили боевой подъем, но в результате тридцатидневных боев дивизии истощились и уменьшились в личном составе, тем самым сильно снизили свои наступательные способности. В 38 А дивизии имеют состав от 2800 до 3100 человек, не более, в 1 гв. и 18 А — от 3300 до 4000 человек».

Войска правого крыла 2-го Украинского фронта до середины марта вели бои на двух направлениях: Зволен, Банска-Бистрица и на Банска-Штьявницу. За месяц боев их продвижение не превысило 14—20 километров. В период с 17 по 24 февраля немцы танковым ударом сбросили 7-ю гвардейскую армию с плацдарма на правом берегу реки Грон. Вместо победных салютов и благодарностей от Верховного маршал Малиновский и генерал Шумилов в директиве Ставки № 11036 удостоились высочайшего выговора за неудовлетворительную организацию боевых действий:

«За последнее время на некоторых фронтах имели место случаи беспечности и ротозейства, пользуясь которыми противнику удавалось наносить нам внезапные и чувствительные удары. В результате этих ударов наши войска вынуждались к отходу. Отход в этих случаях происходил неорганизованно, войска несли большие потери в живой силе и особенно в материальной части. Так, например:

1. 7-я гв. армия 2-го Украинского фронта, оборонявшаяся восточнее Комарно, будучи атакованной противником, не сумела отбить его наступление, несмотря на достаточное количество сил и средств, оставила занимавшийся ею оперативно важный плацдарм (на западном берегу р. Грон), потеряв при этом личного состава — 8194 человек, орудий разных калибров — 459 (из них 76-мм и выше — 374), танков и САУ — 54...

Ставка Верховного Главнокомандования считает, что ука-

занные случаи могли иметь место только в результате преступной беспечности, плохой организации обороны, отсутствия разведки и контроля со стороны вышестоящих командиров и их штабов за положениями и действиями войск».

Итогом январско-февральского наступления 4-го и 2-го Украинских фронтов явилось освобождение большей части территории Словакии и южных районов Польши. Пройдя с боями свыше 170—230 километров, войска 4-го Украинского фронта преодолели большую часть Западных Карпат и вышли в районы верхнего течения Вислы. Противник потерял свыше 137 тысяч человек пленными, около 2300 орудий и минометов, 320 танков и штурмовых орудий. Были созданы условия для дальнейшего наступления с целью овладения Моравска-Оставским промышленным комплексом.

Два советских фронта к 18 февраля «уменьшились в численном составе» на 80 тысяч человек убитыми и ранеными, две румынские армии — на 12 тысяч, Чехословацкий корпус потерял 970 человек. Безвозвратно было утрачено 359 танков и САУ, 753 орудия и миномета, 94 боевых самолета.

Еще 13 февраля генерал Петров направил в Москву план новой операции, конечной целью которой ставилось освобождение Праги.

ОПЕРАЦИЯ «АРГОНАВТ»

Вот теперь маршал И.В. Сталин мог спокойно ехать в Крым.

Задачи завершения войны в Европе и проблемы послевоенного устройства настоятельно требовали обсуждения и согласования политики «Большой тройки». В начале 1945 года была достигнута окончательная договоренность о созыве новой конференции с участием глав правительств Великобритании, СССР и США. По предложению советской стороны местом ее проведения была избрана Ялта. Черчилль предложил зашифровать мероприятие кодовым словом «Аргонавт».

До прибытия в Крым американская и английская делегации провели свои двусторонние переговоры на острове Мальта. Главной их задачей стало определение скоординированного плана союзников в Западной Европе и выработка консолидированных предложений по широкому кругу вопросов. В ходе совещания министр иностранных дел Великобритании А. Иден сказал: «У русских будут весьма большие требования; мы можем предложить им не очень много, но нам нужно от них очень много. Поэтому нам следует договориться о том, чтобы собрать воедино все, чего мы хотим, и все, что нам придется отдать. Это распространялось бы также и на Дальний Восток». По расчетам военных, война с Японией могла быть закончена только через полтора года после поражения Германии. По этой причине американцы считали, что переговоры в Ялте следует сосредоточить на получении от Советского Союза обязательства вступить в войну на Дальнем Востоке.

2 февраля на Мальту прибыл Рузвельт. На встрече с Черчиллем он в общих чертах одобрил решения Объединенного комитета начальников штабов. Однако президент отказался связывать США договоренностью с англичанами по политическим вопросам. Премьер-министр продолжал выстривать различные комбинации проикновения союзных армий как можно глубже на территорию Центральной и Юго-Восточной Европы и недопущения установления там просоветских марионеточных режимов. По свидетельству личного врача лорда Морана, «он больше не говорит о Гитлере, он толкует об опасности коммунизма. Он представляет себе картину, как Красная Армия, подобно раковой опухоли, распространяется из одной страны в другую. У него это стало навязчивой идеей». В своих мемуарах Черчилль не скрывает, что видел новую опасность в распространении советской гегемонии: «Проблемы, которые вставали в связи с победой, отныне близкой, ничем не уступали по своим сложностям худшим опасностям войны».

Рузвельта гораздо больше интересовала цена участия СССР в войне с Японией и, по его собственному признанию, абсолютно не волновало, «будут ли соседние с Россией страны коммунизированы или нет». Американский президент видел большие перспективы в глобальном советско-американском сотрудничестве. В его планах не было места британской колониальной системе и не было Черчилля. Эллитот Рузвельт, сын президента, вспоминал разговор с отцом:

«Не упускай из виду одно обстоятельство. У Уинни есть одна высшая миссия в жизни, но только одна. Он идеальный премьер-министр военного времени. Его основная, единственная задача заключается в том, чтобы Англия выстояла в войне. У него идеальный склад ума для военного руководителя. Но чтобы Уинстон Черчилль руководил Англией после войны? Нет, не будет этого».

Тем не менее в Крым Рузвельт и Черчилль приехали в отличном настроении. Встречавший их Сталин тоже был в хорошем расположении духа. Положение на фронтах в свете впечатляющих успехов Красной Армии внушало оптимизм и уверенность в скором разгроме Германии, а повод для встре-

чи был такой, что не грех и выпить «прекрасного русского шампанского»: главы трех государств собрались делить Европу и вершить судьбу послевоенного мира.

Основная работа конференции проходила в Ливадийском дворце с 4 по 11 февраля. Обсуждение началось с вопроса о согласовании военных планов трех союзных держав в целях окончательного разгрома гитлеровской Германии. Стороны обменялись информацией о положении на фронтах. Начальник Генерального штаба А.И. Антонов доложил о действиях советских Вооруженных сил и подвел итоги январского наступления Красной Армии: за 18 дней советские войска продвинулись на 500 километров, разгромили 45 немецких дивизий, противник потерял около 300 тысяч убитыми и около 100 тысяч пленными, цель, намеченная Верховным командованием, была достигнута. Генерал Антонов передал пожелание правительства СССР ускорить наступление союзных войск, а также воспрепятствовать переброске войск противника на Восточный фронт ударами авиации по его коммуникациям. Генерал Джордж Маршалл сообщил, что результаты немецкого наступления в Арденнах ликвидированы, 8 февраля союзники надеются возобновить наступление на северном участке фронта, переход Рейна считается возможным в начале марта, а через неделю последует удар на южном участке. Для активных действий на итальянском фронте сил недостаточно.

Конечно же, Сталин не преминул напомнить, что январское наступление Красная Армия начала «раньше намеченного срока», поскольку советское правительство считало это своим моральным долгом, «долгом союзника, хотя у него не было формальных обязательств на этот счет».

Для прибывших в Ялту членов Объединенного комитета начальников штабов главный интерес представлял вопрос более тесного взаимодействия с русскими на заключительном этапе войны. Однако на все просьбы фельдмаршала Алана Брука обменяться информацией о будущих операциях, в частности, рассмотреть вопрос о согласовании действий в марте и апреле, генерал Антонов каждый раз давал один и тот же ответ: «Советские войска будут наступать до тех пор, пока

позволят условия погоды». Американское предложение создать специальные группы связи при штабах фронтов для координации действий союзных сухопутных войск и авиации, то есть чтобы генералы могли решать вопросы тактического взаимодействия напрямую, было советской стороной отвергнуто — всё должно решаться в Москве. После чего разговор между военными сошел на нет.

Главы правительств 5 февраля приступили к рассмотрению политических проблем. Прежде всего на повестке дня стоял германский вопрос.

Выработанные условия безоговорочной капитуляции предусматривали прекращение военных действий, проведение мероприятий по разоружению Германии и установление в отношении нее верховной власти СССР, США и Великобритании. В соглашении о зонах оккупации предусматривалось разделение страны на три зоны и выделение особого района Берлина, оккупируемого совместно тремя державами. Верховная власть в Германии должна была осуществляться главнокомандующими Вооруженных сил СССР, США и Англии, каждым в своей зоне оккупации, по директивам своих правительств, а также совместно по вопросам, затрагивающим Германию в целом. Для осуществления совместных действий предусматривалось, что три главнокомандующих образуют Контрольный совет.

Все конфиденты были заинтересованы в слабой, неспособной на новую агрессию и подконтрольной им Германии. Три державы провозгласили, что их «непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира». Они заявили о своей решимости:

— разоружить и распустить все германские вооруженные силы, уничтожить германский Генеральный штаб, изъять или уничтожить германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства;

— подвергнуть справедливому и суровому наказанию всех военных преступников, «толкая этот термин в расширительном смысле», и взыскать возмещение убытков за разрушения, причиненные немцами;

— стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения;

— устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа, «провести серьезное идеологическое перевоспитание немецкого народа».

По вопросу о военных преступниках британский премьер напомнил, что в 1943 году было принято решение об их выдаче тем странам, где они совершили свои преступления. Но «главных преступников», по его мнению, необходимо на глазах всего мира осудить и расстрелять. Причем суд над ними должен быть политическим, а не юридическим актом. Так постепенно сложилась идея Нюрнбергского трибунала.

Солдаты в окопах тоже немало пофантазировали на эту тему:

«Возникла дискуссия, какую казнь учинить Адольфу, если его вдруг поймают. Большинство сразу же предложило повесить за яйца. Однако потом все согласилось с проектом Лешки Бричкина, бывалого разведчика, а по гражданской специальности — директора кладбища в Ленинграде... Так вот, Лешка Бричкин предложил выкопать яму, посадить туда Адольфа, сделать сверху настил, по которому прошла бы вся армия, отправив на голову фюрера естественные потребности. Пусть Адольф медленно утопает в дерьме. Этот проект всем понравился и был единодушно нами одобрен».

Было ясно, для проведения столь обширных преобразований период оккупации должен продлиться достаточно долго.

Руководители трех держав заверили, что в их цели «не входит уничтожение германского народа». Однако они же приняли решение о расчленении Германии. На этом давно настаивал британский премьер. Он предлагал отделить от Германии Пруссию (что в принципе частично и было проделано) и образовать южногерманское государство со столицей в Вене. Он также указал, что следовало бы рассмотреть «во-

просы, связанные с Рейнской долиной, границей между Францией и Германией, и вопрос о владении промышленными районами Рура и Саара». Пользуясь историческим шансом, англичане мечтали «упразднить Германию» раз и навсегда. Впрочем, и план, предложенный министром финансов США Генри Моргантау, предусматривал аннексию территорий, интернационализацию Рура, ликвидацию тяжелой промышленности и превращение Германии в аграрную страну, или, как отметил Геббельс, «в огромное картофельное поле». В Тегеране Рузвельт высказывал мысль о необходимости децентрализации управления в Германии, но нынче он не видел иного выхода, кроме расчленения. А в сталинском сейфе лежала записка И.М. Майского «по вопросам будущего мира и послевоенного устройства»:

«Для того чтобы набросать хотя бы общую схему желательных условий будущего мира, необходимо, прежде всего, ясно сформулировать ту конкретную цель, к которой при этом стремишься, ибо цель в очень значительной степени определяет собой средства. Мне представляется, что нашей конкретной целью при построении будущего мира и послевоенного порядка должно быть создание такого положения, при котором в течение длительного срока были бы гарантированы безопасность СССР и сохранение мира, по крайней мере, в Европе и в Азии. Что понимать под выражением «длительный срок»? Я понимаю под этим выражением срок, достаточный для того, чтобы:

а) СССР успел стать столь могущественным, что ему уже больше не могла бы быть страшна никакая агрессия в Европе или в Азии. Более того, чтобы ни одной державе или комбинации держав в Европе или в Азии даже и в голову не могло прийти такое намерение.

б) Европа, по крайней мере континентальная Европа, успела стать социалистической, исключая, таким образом, самую возможность возникновения войн в данной части света...

Вопрос о будущем Германии явится с интересующей нас точки зрения, конечно, основным вопросом. Мне представляется, что здесь нам следует стремиться к возможно более полному «обезвреживанию» Германии на указанный выше

срок (30—50 лет), т.е. к созданию таких условий, при которых Германия не могла бы даже и помыслить о какой-либо агрессии против кого-либо. Под этим углом зрения, на мой взгляд, необходимы:

а) Оккупация стратегически важных пунктов на территории всей Германии в течение длительного срока (не менее 10 лет). Размеры и тяжесть оккупации могут, разумеется, варьироваться в зависимости от обстоятельств. Так, например, весьма вероятно, что в первые годы после войны эта оккупация будет более интенсивна и что в дальнейшем размеры и тяжесть оккупации постепенно будут сокращаться. Тем не менее общая длительность оккупации едва ли сможет быть меньше 10 лет, если исходить из вышеизложенной общей установки.

б) Раздробление Германии на ряд более или менее независимых государственных образований. Я не касаюсь здесь более конкретно данной темы, ибо раздробление представляет весьма сложный вопрос, который специально подрабатывается в Комиссии тов. Литвинова. Я просто лишь отмечаю в данной связи необходимость этого мероприятия. Со своей стороны сделаю только одно замечание. В Англии и США в настоящее время можно нередко услышать мнение о том, что раздробление нецелесообразно, т.к. оно породит среди немцев лишь подъем национального движения и в конечном счете приведет к объединению германской нации. Такой ход вещей весьма вероятен. Тем не менее я все-таки считаю раздробление полезным, ибо оно на долгий срок явится важным фактором ослабления Германии, и преодоление раздробления потребует от немцев большой затраты национальной энергии, которая иначе могла бы быть направлена в более опасное русло...

Ближайший период после войны должен стоять под знаком возмездия, которое Германия заслуженно понесет за совершенные ею преступления.

Обезвреживание Германии является важнейшим условием безопасности СССР и сохранения длительного мира в Европе. Другим условием того же является предупреждение создания в Европе каких-либо других держав или комбинаций держав с сильными сухопутными армиями. Нам выгод-

нее всего такое положение, при котором в послевоенный период в Европе была бы только одна могущественная сухопутная держава — СССР и только одна могущественная морская держава — Англия».

Поэтому вопрос о расчленении Германии был первым в списке товарища Сталина:

«Видимо, все мы стоим за расчленение Германии. Но нужно это оформить в виде решения. Имеется еще один вопрос. Допустим ли мы образование в Германии какого-либо центрального правительства или ограничимся тем, что в Германии будет создана Администрация или, если будет решено расчленить Германию, там будет создано несколько правительств по числу кусков, на которые будет разбита Германия...

Если мы предполагаем расчленить Германию, то так и надо сказать».

В принципе решено было «расчленять», а «детали отложить на будущее». Пока же министрам иностранных дел было поручено рассмотреть статью 12 условий о безоговорочной капитуляции Германии и включить в нее формулировку о расчленении страны.

Были одобрены проекты решений, разработанные Европейской консультативной комиссией, «О зонах оккупации Германии и об управлении «Большим Берлином» и «О контрольном механизме в Германии».

По предложению Рузвельта, хотя инициатива исходила от англичан, конференция обсудила вопрос об участии Франции в оккупации и контрольном механизме для Германии. Черчилль идею активно поддержал, изъявив готовность передать французам часть английской оккупационной зоны: «Англии одной было бы трудно долгое время заниматься оккупацией Германии... Англичанам нужна сильная Франция, особенно после ухода американцев из Европы». Сталин, поупиравшись, больше для вида, согласился. Из записки Майского: «СССР, на мой взгляд, выгодно способствовать восстановлению Франции, как более или менее крупной европейской державы, однако невыгодно прилагать специальные усилия к возрождению ее былого военного могущества».

Особо было отмечено, что Франция при этом не является

членом совещаний трех великих держав, ибо это «очень привилегированный клуб». Вступительный взнос в него равен 5 миллионам солдат.

По инициативе советской делегации на конференции был обсужден вопрос о репарациях, представлявший особый интерес для Советского Союза, который понес огромные людские и материальные потери. Материальную компенсацию планировалось получить путем «единовременного изъятия национального богатства», то есть вывоза из Германии заводов, оборудования военной, тяжелой, химической, авиационной, электротехнической и прочих промышленности, судов, подвижного состава железных дорог и т.д., и за счет ежегодных товарных поставок. Кроме того, немцам предстояло отработать лет десять на советских стройках. Reparации, с одной стороны, должны были служить целям скорейшего восстановления ущерба, нанесенного СССР и другим странам, с другой стороны, репарации, в частности «репарации трудом», то есть изъятие из германского народного хозяйства нескольких миллионов рабочих рук, «неизбежно должны ослабляющим образом действовать на ее экономику и ее военный потенциал». Общую сумму репараций в Москве насчитали в 20 миллиардов долларов, из которых половина должна была быть выплачена Советскому Союзу.

Рузвельта вопрос о репарациях не интересовал, но его советники, как положительный момент, отмечали, что вывоз рабочей силы в Советский Союз в условиях, когда в самой Германии будут уничтожаться и вывозиться предприятия, поможет решить вопрос безработицы. Черчилль отказался поддержать заявленную сумму, опасаясь, что в то время, как русские будут взимать репарации, англичанам придется кормить голодных немцев. Было принято решение создать Комиссию по репарациям, избрав местом ее пребывания Москву.

Одно из важнейших мест на Крымской конференции занимал вопрос о создании Организации Объединенных Наций. Основные положения устава «всеобщей международной организации безопасности» были согласованы представителями СССР, США и Великобритании в сентябре 1944 года.

Однако стороны не пришли к соглашению по ряду важных вопросов: о процедуре голосования в Совете Безопасности, об участниках учредительной конференции, о первоначальном членстве в ООН.

В Крыму американцы, учитывая позицию Советского Союза, предложили перечень решений, требовавших безусловного согласия постоянных членов Совета Безопасности (предоставив им, таким образом, право «вето»), и перечень решений, по которым любой участник спора должен был воздержаться от голосования по вопросам, касающимся урегулирования конфликтов мирным путем. Советское правительство заявило о своей согласии принять американское предложение, и таким образом, к нескрываемому удовольствию Рузвельта, был решен один из принципиальных вопросов, касающихся характера будущей международной организации. В свою очередь, советская делегация добилась членства в ООН для Украинской и Белорусской ССР, как республик, имеющих большое политическое и экономическое значение и внесших значительный вклад в общую победу над Германией.

В заключение было принято решение о том, что учредительная конференция Объединенных Наций откроется 25 апреля 1945 года в Сан-Франциско и что в работе этой конференции могут принять участие те государства, которые объявят войну «общему врагу» не позднее 1 марта.

На конференции обсуждались также вопросы, связанные с ситуацией в ряде европейских стран. Сталин подтвердил ранее достигнутую договоренность с Черчиллем рассматривать Грецию как сугубо британскую сферу влияния. Не оспаривал советский руководитель и британско-американский контроль над Италией. По югославскому вопросу был достигнут паритет интересов. В то же время всем было понятно, и даже не обсуждалось, что Восточная Европа попадает в советскую сферу влияния. Острую политическую дискуссию вызвал лишь вопрос о судьбе Польши, заключавший в себе два аспекта: границы Польши и статус польского правительства.

Лондон и Вашингтон отказывались признать «люблин-

ское» правительство и продолжали поддерживать польское эмигрантское правительство в Лондоне. Черчилль заявил, что, по его сведениям, люблинское правительство представляет взгляды не больше трети поляков, и ситуация может привести к кровопролитию, арестам и депортациям. Рузвельт предлагал создание в Польше Президентского совета «в составе небольшого количества выдающихся поляков», который сформировал бы временное правительство из представителей всех партий. Сталин настаивал на том, что базой расширенного правительства может быть лишь уже существующее Временное польское правительство, хотя не исключал возможность участия в нем некоторых «демократических» лидеров из эмигрантских кругов: «Легче реконструировать существующее правительство, чем создавать новое».

Черчилль: «Великобритания начала войну с Германией ради восстановления свободы и суверенитета Польши. Великобритания интересуется Польшей потому, что это дело чести Великобритании».

Сталин: «Для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который приходил враг, нападающий на Россию. Вопрос о Польше — это вопрос о жизни и смерти для Советского государства».

В Варшаве уже имеется законное правительство, которое «квалифицирует лондонских поляков как предателей и изменников» и не желает с ними сотрудничать, как ни уговаривает их товарищ Сталин: «При каких условиях, как их объединить? Товарищ Сталин этого не знает».

В конце концов была принята формулировка советской делегации. О том, что Польшу придется «сдать», Черчилль и Рузвельт знали еще до начала конференции. Что, по большому счету, они могли предложить Сталину, чего бы он уже не взял сам? Разве что Дарданеллы.

В конце концов, когда в октябре 1944 года Черчилль и Сталин келейно делили на бумажке сферы влияния на Балканах (Румыния: Россия — 90%, прочие — 10%; Греция: Великобритания — 90%, Россия — 10%; Югославия — 50 на 50%; Венгрия — 50 на 50%; Болгария: Россия — 75%, прочие — 25%),

премьер сам заверил генсека, что «британское правительство полностью сочувствует желанию маршала Сталина обеспечить существование дружественной Советскому Союзу Польши».

В качестве восточной польской границы Сталин предложил «линию Керзона». Рузвельт, поддержанный Черчиллем, предложил, чтобы СССР «великодушно» вернул полякам Львов, однако Иосиф Виссарионович не мог обидеть украинцев. На западе и на севере Польша должна была получить существенное приращение своей территории за счет «перепланировки» Германии — часть Восточной Пруссии и земли до Одера. Советская делегация предлагала вставить в документ фразу о возвращении полякам «исконно польских территорий» и встретила категорическое возражение Рузвельта: «Что понимать под выражением «исконные территории»? Если иметь в виду земли, которые принадлежали тому или иному государству 100 или 150 лет тому назад, то сейчас, пожалуй, Черчилль может пожелать получить США». Окончательное определение западной границы Польши было отложено до мирной конференции.

Из записки Майского: «Целью СССР должно быть создание независимой и жизнеспособной Польши, однако мы не заинтересованы в рождении слишком большой и слишком сильной Польши. В прошлом Польша почти всегда была врагом России, станет ли будущая Польша действительным другом СССР (по крайней мере, на протяжении жизни ближайшего поколения), никто с определенностью сказать не может. Многие в этом сомневаются, и справедливость требует сказать, что для таких сомнений имеются достаточные основания. Ввиду вышеизложенного, осторожнее формировать послевоенную Польшу в возможно минимальных размерах, строго проводя принцип этнографических границ. Конкретно, восточная граница Польши должна пройти по границе 1941 года или близкой к ней, причем Львов и Вильно при всяких условиях должны остаться в пределах СССР. На Западе в состав Польши может быть включена вся Восточная Пруссия или, пожалуй, лучше, часть ее, и известные части Силезии, но с выселением оттуда немцев».

Между тремя союзными державами было достигнуто и соглашение по вопросам Дальнего Востока, предусматривавшее вступление СССР в войну против Японии. К этому шагу союзники подталкивали «дядюшку Джо» с декабря 1941 года. В октябре 1944 года Сталин дал обязательство начать войну с Японией через три месяца после капитуляции Германии, но также намекнул, что «Советский Союз должен знать, за что он будет сражаться».

В Ялте была достигнута договоренность «о политических аспектах» войны с Японией и усилении позиций СССР на Дальнем Востоке. Речь шла о сохранении статуса Монголии, возвращении Советскому Союзу Южного Сахалина, передаче Курильских островов, восстановлении военно-морской базы в Порт-Артуре, совместном советско-китайском владении КВЖД и ЮМЖД. Эти условия легли в основу секретного соглашения, подписанного 11 февраля 1945 года. Сразу после конференции Генеральный штаб Красной Армии начал разработку планов войны с Японией.

В итоговом протоколе Ялтинской конференции была принята Декларация об освобожденной Европе, которая, впрочем, так и осталась декларацией.

12 февраля в 23.30 по московскому времени радио Москвы, Лондона и Вашингтона одновременно озвучило окончательное коммюнике конференции, ставшей вершиной сотрудничества трех великих держав антигитлеровской коалиции.

Ялтинская конференция не была самой важной из конференций военного времени, главные решения были приняты в Вашингтоне, Каире и Тегеране. Но именно в Ялте были согласованы планы окончательного разгрома Третьего рейха, очерчен круг вопросов, касавшихся территориально-политического переустройства Европы, санкционирован возврат Франции в разряд великих держав, заложены основы послевоенного устройства мира, решены спорные моменты, связанные с созданием Организации Объединенных Наций.

Это была последняя встреча «Большой тройки».

НА БЕРЛИН! ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Тем временем на главном направлении, после короткой заминки и перегруппировки сил, решено было перейти ко второму, решающему этапу Берлинской операции.

Основные силы 2-го Белорусского фронта Ставка ВКГ вновь перенацелила в соответствии с первоначальным замыслом. Директивой от 8 февраля маршалу Рокоссовскому было приказано перейти в наступление к западу от Вислы, овладеть районом Данциг, Гдыня и очистить от противника побережье Балтийского моря вплоть до Померанской бухты. Тем самым обеспечивался правый фланг Жукова, над которым нависали силы группы армий «Висла». По мере продвижения соединений Рокоссовского к нижнему течению Одера армии правого крыла 1-го Белорусского фронта высвобождались и должны были выдвигаться на берлинское направление.

Предварительный план захвата Берлина маршал Жуков утвердил еще 27 января. Приказом № 00184 от 28 января командующий ориентировал армии на дальнейшее наступление на запад: 5-й ударной — на Бернау, что севернее Берлина; 8-й гвардейской — на Букков, Альт-Ландсберг; 69-й — на Бюссен, Херфельде. Таким образом, три общевойсковые армии нацеливались на Берлин, 2-я гвардейская танковая армия должна была охватывать его с северо-запада, а 1-я — с северо-востока.

4 февраля Жуков дал подчиненным войскам следующую директиву:

«Сообщаю ориентировочные расчеты на ближайший период и краткую оценку обстановки:

1. Противник перед 1-м Белорусским фронтом каких-либо крупных контрударных группировок не имеет.

Противник не имеет и сплошного фронта обороны. Он сейчас прикрывает отдельные направления и на ряде участков пытается решить задачу обороны активными действиями.

Мы имеем предварительные данные о том, что противник снял с Западного фронта четыре танковые дивизии и до 5—6 пехотных дивизий и эти части перебрасывает на Восточный фронт. Одновременно противник продолжает переброску частей из Прибалтики и Восточной Пруссии.

Видимо, противник в ближайшие 6—7 дней подвозимые войска из Прибалтики и Восточной Пруссии будет сосредоточивать на линии Шведт — Штаргад — Нойштеттин, с тем чтобы прикрыть Померанию и не допустить нашего выхода к бухте Померанской.

Группу войск, перебрасываемую с Запада, противник, видимо, сосредоточивает в районе Берлина с задачей обороны подступов к Берлину.

2. Задачи войск фронта — в ближайшие 6 дней активными действиями закрепить достигнутый успех, подтянуть все оставшее, пополнить запасы до двух заправок горючего, до двух боекомплектов боеприпасов и стремительным броском 15—16 февраля взять Берлин.

При закреплении успеха, то есть с 4 по 8 февраля, необходимо:

а) 5, 8, 69, 33-й армиям захватить плацдармы на западном берегу р. Одера. При этом желательно 8-й гвардейской и 69-й армиям иметь один общий плацдарм между Кюстриным и Франкфуртом. Если удастся, хорошо бы соединить плацдармы 5-й и 8-й армий;

б) 1-й армии Войска Польского, 47-й, 61-й, 2-й танковой армиям и 2-му кавкорпусу необходимо отбросить противника за линию Ратцебург — Фалькенбург — Штаргард — Альтдам — р. Одер. После чего, оставив заслон до подхода армий 2-го Белорусского фронта, перегруппироваться на р. Одер для прорыва;

в) 7—8 февраля необходимо закончить ликвидацию познань-шнайдемюльской группы противника;

г) средства усиления для прорыва в основном остаются те же, что имеют сейчас армии;

д) танковым войскам и самоходной артиллерии к 10 февраля закончить текущий ремонт и поставить материальную часть в строй;

е) авиации закончить развертывание, имея 6 заправок на аэродромах;

ж) тылу фронта, армейскому и войсковому тылу к 9—10 февраля иметь полную готовность к решающему этапу операции».

Конев тоже рвался к Берлину. Главный удар маршал задумал нанести с двух крупных плацдармов на Одере — севернее и южнее Бреслау: «Далее должно было последовать окружение этого сильно укрепленного города, а затем, взяв или оставив его в тылу, мы предполагали развивать наступление основной группировкой прямо на Берлин». Через двадцать дней планировалось быть уже на Эльбе.

В директиве Военного совета 1-го Украинского фронта от 31 января указывалось:

«Армии фронта 6.2.45 переходят в решительное наступление в общем направлении Шпроттау, Коттбус, Ютербог с задачей разгромить бреславскую группировку противника и к 25.2.45 главными силами выйти на реку Эльба. Правым крылом фронта во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом овладеть Берлином...»

Войска левого крыла фронта получили задачу разгромить противника на дрезденском направлении.

План Конева Верховный утвердил 29 января.

«Мнения, следовательно, у всех сошлись на одном — нужно продолжать безостановочное наступление и овладеть Берлином, — пишет Штеменко. — Фронты получили на сей счет необходимые указания из Москвы и, в свою очередь, поставили задачи армиям.

Генштаб беспокоила лишь одна деталь: «Каким образом наступление на Берлин двух фронтов согласовать с указанием Сталина о том, чтобы столицу Германии брали войска под командованием Г.К. Жукова? После жарких дебатов предложено было утвердить решения обоих командующих фронтами. Ставка с этим согласилась, однако разграничительную линию между фронтами установила на основании рекомендаций маршала Жукова... Такая разграничительная линия фактически оттирала 1-й Украинский фронт к югу от Берли-

на, не оставляя ему никакого окна для удара по германской столице; правое его крыло направлялось на Губен и Бранденбург.

Получалась явная несуразица: с одной стороны, утвердили решение маршала Конева — правым крылом наступать на Берлин, а с другой — установили разграничительную линию, которая не позволяла это сделать. Мы рассчитывали лишь на то, что до Берлина еще далеко и нам удастся устранить возникшую нелепость. В ходе операции обстановка сама должна была внести необходимую поправку. Так оно и случилось».

НИЖНЕ-СИЛЕЗСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Первыми снова начали войска 1-го Украинского фронта (в том же составе — 66 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии, общая численность — 981 тысяча человек). Впрочем, никакой паузы у них и не было. Пока одни армии совершали перегруппировку, другие вели ожесточенные бои за расширение захваченных на Одере плацдармов и занимались зачисткой территории, ликвидируя «блуждающие котлы» противника.

За это время на плацдарме севернее Бреслау был создан ударный кулак в составе 3-й гвардейской, 13, 52, 6-й общевойсковых, 4-й и 3-й гвардейской танковых армий, 25-го танкового и 7-го гвардейского механизированного корпусов. Общевойсковые армии имели оперативное построение в один эшелон. В затылок войскам Пухова и Коротеева выстроились танковые армии Лелюшенко и Рыбалко, которые также должны были принять участие в прорыве немецкой обороны, а затем, развивая успех, устремиться к «логову фашистского зверя». Поэтому передовые отряды танковых корпусов — усиленные танковые бригады — расположились непосредственно в боевых порядках пехоты. Конев остался верен себе: «В данной обстановке я считал такое решение вполне оправданным. Без этого наши утомленные долгими боями и в значительной мере обескровленные стрелковые дивизии не решились бы стоящих перед ними задач, хотя, в общем-то, на участках прорыва нам удалось создать перевес в силах». Перевес в силах над немцами севернее Бреслау соста-

вил 2,3 : 1 в пехоте, по танкам и артиллерии было достигнуто 6—7-кратное превосходство. Танкистам была поставлена задача к исходу первого дня операции овладеть переправами через реку Бобер, на пятый день — ворваться в Котбус.

Южнее Бреслау сосредоточились 5-я гвардейская и 21-я армии с приданными им 4-м гвардейским и 31-м танковыми корпусами. Вместе с 6-й армией Глуздовского они должны были окружить Бреслау, затем ударить на Дрезден. А пока Жадов и Гусев возились с упрямым гарнизоном городишка Бриг на западном берегу Одера.

На левом крыле фронта с плацдарма, созданного юго-западнее Оппельна, должна была действовать третья группировка в составе 59-й, 60-й армий и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, наносивших удар вдоль северных склонов Судетских гор.

Противостоявшие силы группы армий «Центр» оценивались в 19 пехотных, 4 танковые, 2 танко-гренадерские дивизии, 7 боевых групп, 1 танковую бригаду и корпусную группу «Бреслау». Средняя численность каждой из дивизий не превышала пяти тысяч человек. Оперативных резервов генерал Шёрнер не имел.

Советские войска, ослабленные в предыдущем наступлении, тоже испытывали определенные трудности: коммуникации оказались растянутыми до 500 километров, тыловые базы фронта оставались восточнее Вислы, что в условиях начинавшейся распутицы серьезно осложняло организацию тылового снабжения. В танковых армиях скопилось большое количество поврежденной техники. У генерала Рыбалко имелось 348 исправных «тридцатьчетверок» и 208 самоходок, 125 боевых машин требовали ремонта. К тому же 9-й мехкорпус находился на левом крыле фронта, обеспечивая выход к Одеру войск 60-й армии. В армии генерала Лелюшенко в строю находилось 414 танков и САУ, в ремонте числился 121 танк.

Однако обстановка требовала продолжения активных боевых действий с тем, чтобы воспрепятствовать противнику в создании прочной обороны на рубеже Одера. Конев был полон решимости «опрокинуть врага, еще не успевшего прийти

в себя после наших январских ударов, и на его плечах продвинуться дальше на запад».

Ввиду неготовности войск фронта к первоначально назначенному сроку, маршал отдал распоряжение о переносе начала наступления на три дня. Оно началось в 9.30 утра 8 февраля 1945 года. Артиллерийская подготовка длилась 50 минут. Для более длительной обработки переднего края не хватало боеприпасов. Неблагоприятная погода мешала действиям авиации.

Операция развивалась трудно. Враг встретил наступающих организованным огнем. Борьба сразу приняла упорный характер, особенно в населенных пунктах, где преобладали каменные строения. Наступление носило характер медленного «прогрызания» обороны ожесточенно сопротивлявшегося противника. Началось таяние снегов, почва оказалась труднопроходимой даже для гусеничной техники. Это вынуждало советские войска действовать преимущественно вдоль дорог, снижая маневренные возможности танковых соединений.

На крайнем левом фланге 59-я и 60-я армии сами с трудом отбивали контратаки противника и не смогли вырваться с плацдарма. 10 февраля Конев приказал генералам Коровникову и Курочкину перейти к обороне.

Главная группировка фронта только к исходу второго дня прорвала тактическую зону обороны противника: 6-й гвардейский танковый корпус армии Рыбалко одной бригадой форсировал Бобер и закрепился на западном берегу, но основные его силы достигли реки лишь сутки спустя. 7-й гвардейский танковый корпус генерала С.А. Иванова 10 февраля вышел к Бунцлау. Однако на западный берег реки Бобер удалось перебросить только пехоту, наведению переправ для танков препятствовали активные действия немецкой авиации, притом что 2830 боевых самолетов 2-й воздушной армии «вынужденно бездействовали» из-за раскисших аэродромов и «нелетной погоды». В сутки летчики генерала Красовского совершали лишь по 546 вылетов, выполняя, в сущности, только задачи разведки. Чтобы как-то помочь наземным войскам, 9-я и 22-я гвардейские истребительные дивизии использовали в качестве взлетно-посадочных полос

участки автострады Бреслау—Берлин. 9-й механизированный корпус генерала М.В. Волкова к этому моменту только закончил переправу через Одер. Танки пришлось перебрасывать на плацдарм паромами, поскольку немцы, открыв затворы водохранилищ, устроили паводок, снесший почти все наведенные саперами мосты.

6-й гвардейский мехкорпус армии Лелюшенко достиг реки Бобер севернее Загана 11 февраля и, овладев переправой, с ходу проскочил на западный берег. После чего начал выдвигаться в район Зоммерфельда. Одновременно 10-й гвардейский танковый корпус захватил плотину и гидроэлектростанцию в районе Загана, 12 февраля форсировал Бобер, а сутки спустя завязал бой за город Зорау. Охваченные «клещами» двух корпусов 4-й танковой армии, в лесах северо-западнее Любена блуждали части 20-й танко-гренадерской дивизии, дивизий «Бранденбург» и «Герман Геринг». Однако хлопнуть «котел» не получилось: ударом на запад генерал фон Зауке прорвал хлипкие советские заслоны и вывел остатки корпуса «Великая Германия» из окружения в районе Шпроттау. Вместо полковника Н.Д. Чупрова в командование 10-м гвардейским корпусом вступил генерал-лейтенант Е.Е. Белов. После овладения Зорау, который был взят к исходу 13 февраля, 4-я танковая армия, не оглядываясь на фланги, устремилась к реке Нейсе.

Между тем в центре три советские армии топтались на месте у стен Бреслау. Командарм-6, совершавший обходной маневр от Лигница с целью окружения группировки противника, значительную часть своих сил вынужден был выделить на обеспечение своего правого фланга. Ослабленные левофланговые соединения были остановлены на подступах к Бреслау контратаками 19-й танковой и 254-й пехотной дивизий. В результате войскам 6-й армии никак не удавалось соединиться с 5-й гвардейской армией Жадова, наступавшей с юга. Что, в свою очередь, тормозило продвижение 21-й армии Гусева.

Как отмечает генерал К.В. Крайнюков: «Помимо нашей воли центр борьбы переместился в район Бреслау».

Стремясь быстрее покончить с «крепостью», вокруг кото-

рой оказались скованы непоколебительно крупные силы, маршал Конев 12 февраля отдал ряд новых распоряжений. В связи с поворотом армии генерала Глуздовского фронтом на юго-восток, чтобы прикрыть левый фланг ударной группировки фронта, пришлось развернуть на юг и войска 52-й армии. Одновременно 5-я гвардейская армия, уже имевшая в оперативном подчинении 4-й гвардейский танковый корпус, усиливалась 31-м танковым корпусом и 3-й гвардейской дивизией тяжелых реактивных установок. С левого крыла в центр перебрасывался кавалерийский корпус Баранова. Наконец, генерал Рыбалко получил приказ развернуть основные силы своей армии на 180 градусов: 7-й гвардейский танковый и 9-й механизированный корпуса должны были развивать наступление от Бунцлау в юго-восточном направлении на Яуер, Штригау, завершая окружение бреславльской группировки; 6-му гвардейскому танковому корпусу предстояло продолжать движение в западном направлении, чтобы к утру 13 февраля выйти в район Гёрлица.

В течение 13 февраля танковые и механизированные корпуса, приданные 6-й и 5-й гвардейской армиям, наступая навстречу друг другу, соединились западнее Бреслау. В этот же день, совершив стремительный маневр, в район Штригау подоспели корпуса 3-й гвардейской танковой армии, ударившие во фланг 19-й танковой дивизии генерала Ганса Келлнера, отчаянно пытавшейся удержать последнюю тропинку к Бреслау. 15 февраля стрелковые дивизии 6-й армии встретились с дивизиями 5-й гвардейской армии. Используя успех танкистов, пехота уплотняла кольцо окружения, создавая сплошной фронт. Одновременно бригады 9-го мехкорпуса отражали атаки 8-й танковой дивизии противника, пытавшейся пробиться к осажденным со стороны Вальденбурга. 6-й гвардейский танковый корпус генерала В.В. Новикова 15 февраля форсировал реку Квейс севернее Наумбурга и отражал контратаки противника, пытавшегося ликвидировать плацдарм. 7-й гвардейский танковый корпус, вновь повернув на запад, ударил на Левенберг.

4-я танковая армия в этот день достигла реки Нейсе: 6-й гвардейский механизированный корпус полковника В.Ф. Ор-

лова совместно с приданными ему частями 112-й стрелковой дивизии полковника Д.Т. Жукова овладел населенными пунктами Задерсдорф и Гросс-Гастрозе на западном берегу, а 10-й танковый готовился форсировать реку в районе города Форст. Однако стрелковые дивизии 13-й армии Пухова отстали от танкистов почти на 60 километров и находились еще восточнее реки Бобер: «Местность была лесистая, местами болотистая. Гитлеровцы, отходя, упорно сопротивлялись. Сказывалась и физическая усталость наших солдат. Они проявляли удивительные настойчивость и упорство. Тем не менее среднесуточный темп наступления пехоты составлял теперь всего 8—12 километров. И большего от нее, по совести, требовать было нельзя».

Ситуацией не замедлил воспользоваться противник, который отразил попытки 13-й армии форсировать реку Бобер и 15 февраля встречными ударами севернее и южнее городка Бенау перерезал коммуникации 4-й танковой армии. Генералу Лелюшенко пришлось остановиться и заняться прикрытием своих тылов и обороной собственного штаба. Только во второй половине дня 19 февраля совместными усилиями развернувшегося на восток 6-го гвардейского механизированного корпуса и наступавшего ему навстречу 101-го стрелкового корпуса 13-й армии коммуникации были восстановлены. Командующий 4-й немецкой танковой армией генерал Грезер приказал играть отход. В боях за Бенау погибли командир 68-й зенитно-артиллерийской дивизии полковник А.Ф. Козлов и командир 22-й самоходно-артиллерийской бригады подполковник В.И. Приходько.

На правом фланге фронта 3-я гвардейская армия Гордова, блокировав 18-тысячный гарнизон крепости Глогау, главными силами продвигалась на северо-запад и к 15 февраля вышла к устью реки Бобер.

Таким образом, за восемь дней ценой огромных усилий армии правого крыла фронта преодолели 60—100 километров, захватили плацдармы на западном берегу реки Бобер, заняли ряд административных и промышленных центров Южной Силезии. В тылу остались два немецких гарнизона, окруженных в Бреслау и Глогау. Армии левого крыла не сдвину-

лись с места. В стрелковых дивизиях насчитывалось в среднем по 4,5 тысячи человек. Танковые и механизированные войска потеряли более половины машин, в строю находилось 1289 танков и САУ.

Марш на Эльбу провалился. В том числе потому, «что в конце января мы недооценили возможности противника по восстановлению боеспособности своих частей и соединений, разгромленных нами на Висле и Одере. Он делал это гораздо быстрее и решительнее, чем мы могли предполагать». Конечно, сказались отставание тылов и недостаток артиллерийских боеприпасов, расход которых превышал все мыслимые нормы. Но главную роль сыграл тот факт, что армии маршала Жукова на Берлин не пошли...

Подбив итоги, Военный совет сделал вывод, что фронт больше не располагает необходимыми силами и средствами для продолжения боевых действий в соответствии с первоначальным планом. 16 февраля Конев доложил в Ставку новый план проведения операции с более ограниченными целями.

Главная группировка фронта в составе 3-й гвардейской, 13-й, 52-й и 4-й танковой армий должна была выйти на реку Нейсе, захватить плацдарм на ее левом берегу и прочно закрепиться на достигнутом рубеже. 3-й гвардейской танковой армии предстояло овладеть районом Гёрлиц и удерживать его до подхода основных сил 52-й армии. 5-я гвардейская армия выводилась из боев за Бреслау на внешний фронт окружения с целью не допустить деблокады города. 21, 59 и 60-я армии левого крыла, усиленные 4-м и 31-м танковыми корпусами, должны были отбросить противника в Судетские горы. Овладеть Бреслау предстояло войскам 6-й армии. Одновременно предполагалось восстановить железные дороги, подвести и накопить в войсках боеприпасы и горючее, произвести ремонт боевой техники и привести в порядок тылы.

Ставка эти предложения утвердила.

3-я гвардейская армия 16 февраля захватила переправу через Бобер в районе Гроссен и закрепились на двух плацдармах южнее города. С них она повела наступление на крупный промышленный центр и сильный опорный пункт на реке Нейсе — город Губен. Успешные действия соединений Гор-

дова, вышедших к Нейсе 20 февраля, облегчили продвижение 13-й армии, принявшей участие у потрепанной танковой армии Лелюшенко. Последняя потеряла 257 танков и САУ (безвозвратно — 127 боевых машин) и с 22 февраля выводилась в тыл для приведения в порядок и доукомплектования.

24 февраля все правобережье Нейсе протяженностью 110 километров, от устья до города Пенциг, контролировалось войсками правого крыла 1-го Украинского фронта, вышедшими на одну линию с армиями 1-го Белорусского фронта. Правда, завоевать плацдарм на западном берегу реки не удалось.

В это время на левом фланге ударной группировки, где рвались к Гёрлицу соединения 3-й гвардейской танковой армии, развернулось настоящее сражение, чреватое для советских войск «неприятными эпизодами».

16 февраля 7-й гвардейский танковый корпус захватил Левенберг, а сутки спустя основными силами в районе города и железнодорожной станции Лаубан вышел к реке Квейс, но форсировать ее не смог, столкнувшись с упорным сопротивлением 17-й танковой и 6-й народно-гренадерской дивизий. По указанию командарма танковые бригады переправились через Квейс на участке 6-го танкового корпуса. После чего бригады стали спускаться на юг по западному берегу реки, обходя Лаубан с северо-запада, а мотострелки завязали бой непосредственно в городе. От Штригау к Левенбергу выдвигался тем временем 9-й механизированный корпус. Но и немцы не зевали: они перебросили в район между Левенбергом и Лаубаном 8-ю танковую дивизию, атаковавшую ослабленный фланг танкового корпуса Иванова. Перед фронтом армии также «были отмечены» части 408-й пехотной и 10-й танко-гренадерской дивизий. Возникла реальная опасность прорыва противника в междуречье Квейс и Бобер, прорыва, рассекающего войска Рыбалко и выводящего немецкую группировку на тылы 52-й и 13-й армий.

Конов вспоминает: «В течение двух-трех дней обстановка была настолько сложной, что вызвала беспокойство и у нас, и даже в Ставке.

В тот день, когда немецкие части стали выходить на тылы 3-й танковой армии, Сталин позвонил мне и выразил трево-

гу: «Что у вас там происходит в третьей танковой армии? Где она у вас там находится?»

Я ответил, что армия Рыбалко ведет очень напряженные бои в районе Лаубана, но считаю, что ничего особенного с ней не произошло. Армия воюет в сложной обстановке, но это для танковых войск дело привычное. Звонок Сталина застал меня на командном пункте 52-й армии, недалеко от Лаубана. Я заверил Верховного Главнокомандующего, что, если обстановка осложнится, мы примем все необходимые меры на месте».

На протяжении последующих дней 6-й гвардейский танковый корпус продолжал вести наступление в направлении Гёрлиц, выйдя 21 февраля к реке Нейсе в районе Пенциг, 7-й гвардейский танковый корпус вел ожесточенный бой в Лаубене и его окрестностях, а 9-й мехкорпус между Лаубаном и Левенбергом отражал атаки 8-й танковой дивизии:

«Отдельные высоты и населенные пункты переходили из рук в руки по несколько раз. В городе Лаубан и других населенных пунктах противник широко применял фаустпатроны против наших танков. Наши части использовали взятые у противника фаустпатроны для стрельбы по каменным строениям и для отражения контратак танков противника. Бои носили ожесточенный и упорный характер. Между тем части армии, подходя к Лаубан, сильно ослабли, имея большой некомплект в танках и людях».

На 21 февраля 7-й гвардейский танковый корпус имел в строю 55 танков, 9-й механизированный — 48 танков. Из резерва фронта генералу Рыбалко были переданы 9-я и 26-я истребительно-противотанковые артбригады, развернувшиеся на фронте от Левенберга до Лаубана. К 25 февраля в этот район подошли стрелковые соединения 52-й армии.

В Силезии и Бранденбурге советские «мстители» вели себя так же, как в Померании и Пруссии. И здесь горели «штадты» и «дорфы».

Как вспоминает ветеран 23-й гвардейской мотострелковой бригады Сергей Горулев:

«С приходом наших войск в Германию в каждом населенном пункте создавались отряды самообороны — отряды «фольксштурма» из юношей 15—17 лет, не призванных в армию, и стариков старше 60 лет.

Эти отряды, вооруженные также автоматами, ручными пулеметами и десятками фаустпатронов, занимали вторые и третьи этажи домов и из окон открывали по нас огонь. Танки загорались как спичечные коробки. Во многих отрядах фольксштурма были и девушки 17—20 лет. Эта молодежь была воспитана и предана Гитлеру. Они сражались до последнего патрона, но не сдавались. Зачастую гибли. Видя безысходность положения, молодые люди разбегались, прятали оружие, а затем при удобных случаях стреляли в наших солдат и офицеров из засады. Бороться с фольксштурмовцами было очень трудно, так как все они были в гражданской форме и часто смешивались с толпой. В нашей бригаде половина личного состава была молодежь 1924—1926 годов рождения. Почти все красноармейцы проживали временно на оккупированной немцами территории. Они испытали на себе все ужасы немецких захватчиков, поэтому многие жаждали того момента, когда окажутся на территории Германии, чтобы отомстить за свои страдания и унижения своих родственников. Войдя в Германию, с азартом поджигали и уничтожали постройки, дома, различные сооружения».

И много чего еще творили в азарте:

«В Лигнице были обнаружены трупы многочисленных гражданских лиц, расстрелянных советскими солдатами из 6-й армии. В городке Костенблют под Неймарктом, захваченном частями 7-го гвардейского танкового корпуса, насиловали женщин и девушек, включая и находившуюся на сносях мать 8 детей. Брат, попытавшийся заступиться за нее, был застрелен. Расстреляны были все военнопленные иностранцы, а также 6 мужчин и 3 женщины. Массового изнасилования не избежали и сестры из католической больницы. Пильграмсдорф под Гольдбергом явился ареной многочисленных убийств, изнасилований и поджогов со стороны военнослужащих 23-й гвардейской мотострелковой бригады. В Беральсдорфе, предместье Лаубана, 39 еще оставшихся женщин были обесчещены «самым низким образом» советскими солдатами из 7-го гвардейского танкового корпуса...»

До Гёрлица наши танкисты так и не дошли.

Взять Бреслау тоже не получилось. Гарнизон «крепости» был составлен из самых разных частей: остатков 269-й пехотной дивизии, учебных и резервных подразделений, полка СС, наземных формирований Люфтваффе, батальонов фольксштурма, отрядов полиции и Гитлерюгенда, артиллерийских батарей и роты штурмовых орудий — всего порядка 45—50 тысяч человек, включая 15 тысяч фольксштурмовцев. В городе еще оставалось примерно 200 тысяч «некомбатантов». Вокруг Бреслау были возведены два оборонительных пояса, прикрытых плотной паутиной минно-взрывных заграждений, построены склады провианта и амуниции, подготовлены к обороне жилые кварталы, заминированы мосты через Одер. Кроме того, снабжение гарнизона осуществлялось транспортными «юнкерсами», которые в ночное время приземлялись на аэродроме Гандау, а днем сбрасывали контейнеры на грузовых парашютах. Вместо тяжело заболевшего генерала Краузе командующий группой армий «Центр» 2 февраля назначил комендантом деятельного полковника Ганса фон Альфена, вскоре произведенного в генерал-майоры, выжившего и оставившего воспоминания: «Продовольствия у нас было вполне достаточно, так как Силезия являлась тогда перевалочным пунктом. Остро не хватало оружия и боеприпасов... В автотранспорте царил хаос. Что касается крепостных сооружений, то это были в основном постройки периода 1914 года. Против всех этих минусов был только один-единственный плюс. Он заключался в наличии не только у войск, но и значительной части населения твердой воли не только сражаться за спасение собственных жизней, но и желание послужить стратегической цели». В общем, сдаваться они не собирались и надеялись на помощь извне: расстояние от Бреслау до линии фронта составляло всего 20—25 километров.

Если враг не сдается — его уничтожают.

Ликвидацию окруженной немецкой группировки маршал Конев возложил на генерала В.А. Глуздовского. В состав 6-й армии входили 218, 273, 181, 309, 359-я стрелковые дивизии, 77-й укрепленный район, инженерно-саперная бригада, два огнеметных батальона. Танков и САУ не имелось, из артил-

лерии — поначалу ничего серьезного, кроме пушечной артиллерии. Этими силами предполагалось «быстро разделаться» с Бреслау и вывести 6-ю армию в резерв фронта. Уже после того, как советские командиры разобрались, какой «орешек» им достался, бывший начальник штаба 359-й стрелковой дивизии полковник Г.С. Ховрин составил описание крепости:

«Планировка города-крепости Бреслау и характер его застройки способствовали противнику в создании мощной обороны на стратегически важном водном рубеже.

Каменные стены огромной защитной мощности на металлической арматуре жилых домов и производственных зданий составляли кварталы в виде квадратов, прямоугольников и других геометрических фигур, каждая из которых являлась самостоятельной крепостью. Под домами и зданиями через отдельные районы города проходили железнодорожные пути, где находились вагоны и цистерны с большим запасом продовольствия и воды. В подземельях были оборудованы бомбоубежища, бункера и склады. Длинные подземные коридоры проходили в разные направления города.

Все подземные пути сообщения между кварталами и районами города позволяли немцам осуществлять маневр силами и средствами, даже такими, как артиллерия и минометы. Противник этим пользовался часто, когда дивизия захватывала территорию города, а немцы вновь появлялись у нас в тылу. Они также использовали подземные каменные траншеи, по которым проходили водопровод, линии электроснабжения, канализация для засылки в наш тыл диверсантов и разведчиков.

В бойницах подвалов, окнах полуподвалов, первых, вторых и последующих этажей домов и зданий, а также на балконах и чердаках устанавливались пулеметы, размещались снайперы и автоматчики, истребители танков и подрывники зданий с фаустпатронами, которые использовались для поражения нашей артиллерии и разрушения домов и зданий, где сосредоточивалась пехота частей дивизии.

Внутри кварталов, в садах, скверах и парках, на территориях хозяйственных и складских объектов оборудовались тран-

шеи, огневые позиции артиллерии и минометов, окопы для отдельных огневых точек и минно-взрывные устройства. Основные магистральные улицы, идущие к центру города, перекрывались баррикадами, проволочными заграждениями и минировались.

Многочисленные заводы и фабрики, железнодорожные узлы превращались в опорные пункты и узлы обороны. Окруженные железнодорожные линии находились на значительном удалении от западной и особенно южной окраин города. Все они проходили по высоким насыпям, непреодолимым для наших танков, и были выгодными оборонительными позициями для противника. Магистральные автострады и автодороги, проходящие в город под насыпью, перекрывались железнодорожными мостами, подготовленными к подрыву и завалу проезда в город».

Штурм Бреслау начался 16 февраля. Сначала последовали атаки с южного направления, а затем с запада и севера. Неодновременность ударов позволяла защитникам маневрировать силами. Кровавые схватки велись за каждую улицу, каждый дом, квартиру или подвал, особенно ожесточенные бои развернулись на подступах к аэродрому и в индустриальном районе города. Тесня противника, советские штурмовые группы сносили и сжигали все на своем пути, использовали подземные коммуникации для выхода в тыл врага. Для разрушения препятствий и проделывания проходов в минных полях умельцы из 42-й механизированной инженерной бригады наладили кустарное производство из трофейных авиабомб «саперных торпед» — стокилограммовых сигар из плавленого тротила, основой которых служили реактивные снаряды. Еще один рационализатор, капитан Н.А. Кропотов из 1194-го стрелкового полка, «разработал устройство для применения бутылок «КС» с зажигательной жидкостью из противотанковых ружей (?) на дистанцию 200 метров с хорошей точностью поражения. Такое применение бутылок «КС» буквально ошеломило немцев».

Немецкие сводные отряды при отходе точно так же взрывали и поджигали строения, разрушали туннели и канализацию, «чтобы противник не перешел к подземной войне», и

применяли «сухопутные торпеды» — судя по описаниям участников сражения, это были телеуправляемые танкетки типа «Голиаф». Прекрасно ориентируясь «на местности», защитники крепости нередко просачивались в уже очищенные русскими кварталы, вновь закреплялись, и все начиналось сначала.

Чем больше разрушался город, тем больше труднопреодолимых препятствий возникало перед атакующими войсками. Бреслау превращался в «немецкий Сталинград».

«Вот как все это происходило, — рассказывает Ховрин. — В течение суток, а иногда и более, мы мощными огневыми средствами разрушали дома и здания, которые занимал противник, обороняющийся на другой стороне улицы, переулка или автомагистрали города. Ослабив его огневую систему, мы врвались в развалины домов и зданий, где даже невозможно было разместить пулемет, не говоря о миномете или орудии. А противник уходил в совершенно целые дома и здания, создавая там вновь систему огня. В этих условиях он уничтожал наши подразделения, копошившиеся в кирпичном и каменном ломе, чтобы скорее и как-нибудь укрыться от вражеского огня. После того как мы все же создавали систему огня для разрушения вновь подготовленных немецких позиций, все повторялось изо дня в день и мы несли большие, неоправданные потери людей. Тактика разрушения домов и зданий была непреложным законом, который оборачивался против нас.

Покидая разрушенные позиции, немцы минировали сохранившиеся дома и здания, чтобы потом их взорвать, когда они будут заняты нашими силами и средствами для укрытия. Если же где-нибудь у противника не было достаточно сил и огневых средств для обороны отдельных домов и зданий, а иногда целой оборонительной позиции, они там устраивали очаговые и сплошные массовые пожары. Это заставляло наши части и подразделения их обходить».

Генерал К. К. Крайнюков «откровенно признает», что первые дни штурма ознаменовались «несколько повышенным процентом потерь», и напомнил, «что без знаний особенностей городского боя, без непрерывной разведки и четкого взаимодействия успех невозможен». В переводе с комиссар-

ского это значит — умылись кровью. В последующие дни «процент» несколько не уменьшился.

Начальник штаба 22-го стрелкового корпуса полковник А. П. Чичин фиксировал в личном дневнике (опубликован Алексеем Шлыковым):

«17.02.45. Бреслау окружен. Мы на юго-западной окраине. В городе вооружены все от 15 до 60 лет. Сопротивляются на- смерть...

18.02.45. Клетендорф, пригород Бреслау. Бреслау защищают от мала до велика. Наши солдаты мстят безжалостно. Отдан приказ: пленных и гражданское население не расстреливать, но не помогает. Нужно принимать срочные меры, мы не должны стать варварами.

27.02.45. Критерн, пригород Бреслау. Грызём по кварталу, как беззубый орехи. Большие потери, особенно в командном составе. Недостает снарядов. Сопротивление ожесточенное».

В конце февраля в Бреслау по воздуху был переброшен парашютно-десантный батальон. Соединения Вермахта в городе были объединены в 609-ю дивизию особого назначения. 5 марта Шёрнер назначил комендантом Бреслау генерал-лейтенанта Никофа, а для поднятия боевого духа обещал вскоре прорвать блокаду и напомнил, что в случае потери города может пострадать не только сам генерал, но и дети, которых у Никофа было пятеро. Надо сказать, на вполне законных основаниях: с 1 августа 1944 года в отношении германских военнослужащих действовало положение об измене родине — аналог сталинского приказа № 270. Этим положением узаконивались аресты родственников.

Снова дневник:

«11.03.45. Бреслау, южная часть, квартал 665. Дела хреновые. Потери большие, а взята только 1/4 часть города. Время играет на руку пр-ка. А он огрызается...

15.03.45. Бреслау, квартал 665, улица Клейнбург. Депрессия с большими потерями в людях. На четвертом году познал, что такое война в больших городах. Будапешт и Бреслау — яркие примеры для наших уставов, которые еще будут написаны после войны. Поражают разрушения...

27.03.45. Бреслау, улица Гогенцоллерна. Успеха нет. При-

чины: мало пехоты, нет взаимодействия с авиацией, подвалы не берет никакая артиллерия, да и использовать ее в уличных боях нет возможности. Немцы сильны фаустпатронами и подвалами. Стоят насмерть...»

«Воздушный мост» работал чуть больше месяца, по нему из города было вывезено около 6 тысяч раненых. 1 апреля советские войска захватили аэродром Гандау. Положение крепости стало безнадежным, дальнейшая оборона с военной точки зрения — бессмысленной, но город продолжал держаться — на вере, страхе, железной дисциплине. Такой же бессмыслицей был продолжавшийся с нарастающей силой штурм.

Армии Глуздовского последовательно были переданы 294-я стрелковая дивизия и 349-й гвардейский полк тяжелых самоходов, затем — 112-я стрелковая дивизия, 71-я зенитная артиллерийская дивизия, два танковых полка, еще два огнеметных батальона, два артдивизиона особой мощности, гвардейские минометы. С воздуха город непрерывно долбили один штурмовой и два бомбардировочных авиакорпуса.

Но это мало что изменило:

«10.04.45. Броккау, пригород Бреслау. Потомству расскажу, как мы брали Бреслау, как дрались с фольксштурмом: пока не взорвешь подвал, квартиру, подъезд или целый дом, эти фольксштурмы дерутся насмерть. А сзади, за их спинами — «эс-эс».

19.04.45. И черт знает, какая нелегкая нас сюда занесла! У нас нет достаточных сил для решительного штурма. Стойкая пехота с фаустпатронами в таком большом городе непреодолима...»

Напутствия Шёрнера настолько укрепили дух генерала Никофа, что он продержался в осаде дольше Берлина. Геббельс с восторгом писал в дневнике: «Бои превратили Бреслау в развалины. Но горожане отчаянно сражаются за каждую пядь земли. Советы пролили просто невероятное количество крови, сражаясь за Бреслау». Город, в котором было разрушено 70% зданий, немцы сдали лишь 7 мая 1945 года. Потери воюющих сторон известны лишь приблизительно: гарнизона — 6 убитыми и 40 тысяч пленными, Красной Армии — около 8 тысяч убитыми; если использовать официаль-

ный коэффициент по битве за Восточную Пруссию, число раненых превышает 29 тысяч солдат и офицеров. Потери гражданского населения составили приблизительно 80 тысяч человек, но в целом не поддаются учету.

Что касается 5-й гвардейской армии, то, как сообщает генерал Жадов, она, обеспечивая внешний фронт окружения, более двух месяцев «успешно отражала яростные атаки гитлеровцев, пытавшихся деблокировать свою окруженную бреславскую группировку».

Точно так же «наступали» армии левого крыла, которые поднялись в атаку 16 февраля, а через три дня вынуждены были перейти к «жесткой активной обороне». Примечательно, что на картах, иллюстрирующих ход данной операции, отсутствуют даже обозначения 60-й и 59-й армий.

Танковая армия Рыбалко до конца февраля билась за Лаубан. Для немцев этот пункт был важен тем, что через него проходила железная дорога, связывавшая Силезию с Центральной Германией и являвшаяся главной артерией снабжения группы армий «Центр». Непосредственно в городе с подразделениями 6-й народно-гренадерской дивизии и «частями предателя Власова» сражались 23-я гвардейская мотострелковая и 56-я гвардейская танковые бригады 7-го танкового корпуса, 71-я мехбригада 9-го механизированного корпуса, части 214-й стрелковой дивизии, саперы 207-го моторизованного инженерного батальона. Выбить немцев не получалось. Командование армии отмечало:

«...выявилась по-прежнему слабая подготовка мелких подразделений к уличным боям. Взаимодействие между пехотой и танками почти не организовывалось. Артиллерия и танки на улицах использовались недостаточно умело. Захваченные кварталы редко закреплялись. Мелкие подразделения пехоты и отдельные бойцы не обучены быстрой зачистке домов... Контроль офицеров рот, батальонов за действиями отделений и взводов почти отсутствовал... На снижении качества и умения вести уличные бои могла оказывать влияние и утомленность бойцов, а также офицеров ежедневными боями. В результате утомленности офицерский состав часто начинал беспечно относиться

к вопросам боевого обеспечения и нередко без надлежащей организованности вступать в бой... длительный боевой опыт учит, что с отработкой танками и самоходками установленных технических норм им требуется более частый технический ремонт. Для этого экипажам надо давать в два-три раза больше обычного времени для подготовки матчасти к бою. Без учета этого танкисты вынуждены идти в бой, не имея сна и отдыха по двое и больше суток и с неисправной матчастью. В таких случаях танкисты ведут бои плохо и сами быстро гибнут от огня противника. Изнуренный ежедневными наступательными боями личный состав, что часто имело место в данной операции, теряет боеспособность».

Генерал Шёрнер перебросил под Лаубан дополнительные силы и на базе управления 24-го танкового корпуса сформировал группу Неринга в составе 39-го и 57-го танковых корпусов. В ночь на 2 марта немцы при поддержке 8-го авиакорпуса перешли в контрнаступление, обходя Лаубан с севера и с юга. Северная ударная группа генерала Декера (гренадерская дивизия «Фюрер», части 21-й и 17-й танковых дивизий), отбросив бригады 6-го гвардейского танкового корпуса, к 5 марта форсировала реку Квейс и вышла в район Логау. Южная группа генерала Кирхнера (8-я танковая, 408-я дивизия, дивизия «Эскорт фюрера») пробилась через боевые порядки 9-го механизированного корпуса и вышла в район Наумбурга, фактически замкнув кольцо окружения:

«Противник артиллерийско-минометным, а затем ружейно-пулеметным огнем простреливал боевые порядки наших войск в районе Лаубан. Живая связь с 7-м гвардейским танковым корпусом и 9-м мехкорпусом с 7.00 5.3 до 21.00 5.3 почти отсутствовала. Связь поддерживалась преимущественно по радио. Отдельные офицеры проникали пешком в 7-й гвардейский танковый корпус и 9-й мехкорпус главным образом через лес и закрытыми складками местности. Дороги все были перерезаны противником».

В сложившейся обстановке командующий фронтом дал санкцию на отвод войск 3-й гвардейской танковой и 52-й армий из района Лаубан. В ночь на 6 марта специально выделенная ударная группа пробила коридор, через который на-

чали выходить окруженные под Лаубаном советские войска. Утром они заняли оборону в 5—6 километрах севернее и восточнее Лаубана. При отходе погиб командир 23-й гвардейской мотострелковой бригады полковник А.А. Головачев.

До 12 марта корпуса 3-й танковой армии вместе с частями 52-й армии отбивали атаки противника на новых рубежах. Затем, «оторвавшись от противника», армия Рыбалко была выведена во второй эшелон фронта для доукомплектования. С 1 февраля по 10 марта армия потеряла сгоревшими 370 танков и САУ, в строю оставалось 255 боевых машин.

В сообщении генерала Неринга о сражении под Лаубаном говорилось:

«Хотя противник и разгадал наши намерения и подтянул новые резервы, ему не удалось предотвратить соединение наших передовых частей, выдвигавшихся по обе стороны реки Квейс, южнее Наумбурга, в результате чего мы достигли своей цели.

Потери противника были существенными. Нами было уничтожено 149 танков и 142 противотанковых орудия. Кроме того, было захвачено большое число орудий, различного оружия и грузовых автомашин...

После освобождения Лаубана я побывал в городе, который очень пострадал от артиллерийского огня. В отдельные дни на него падало около 6 тысяч снарядов. Кругом чувствовалась ненависть, прокламировавшаяся в памфлетах Ильи Эренбурга. Разграбленные дома и расстрелянные граждане свидетельствовали о том, что ждет наш народ, укрепляя в нашем сознании мысль о необходимости принятия любых мер для обеспечения безопасности судьбы Германии».

Доктор Геббельс, тоже побывавший в Лаубане, не спал ночами, все строчил в дневник свои «клеветнические измышления»:

«Передо мной лежит приказ маршала Конева советским войскам. Маршал Конев выступает в этом приказе против грабежей, которыми занимаются советские солдаты на восточных немецких территориях. В нем приводятся отдельные факты, в точности совпадающие с нашими данными. Советские солдаты захватывают, прежде всего, имеющиеся в восточных немецких областях запасы водки, до бесчувствия на-

пиваются, надевают гражданскую одежду, шляпу или цилиндр и едут на велосипедах на восток. Конев требует от командиров принятия строжайших мер против разложения советских войск. Он указывает также, что поджоги и грабежи могут производиться только по приказу. Характеристика, которую он дает этим фактам, чрезвычайно интересна. Из нее видно, что фактически в лице советских солдат мы имеем дело со степными подонками. Это подтверждают поступившие к нам из восточных областей сведения о зверствах. Они действительно вызывают ужас. Их невозможно даже воспроизвести в отдельности. Прежде всего следует упомянуть об ужасных документах, поступивших из Верхней Силезии. В отдельных деревнях и городах бесчисленным изнасилованиям подверглись все женщины от десяти до 70 лет. Кажется, что это делается по приказу сверху, так как в поведении советской солдатни можно усмотреть явную систему...

Наши солдаты, увидев зверства Советов, не знают больше никакой пощады. Они убивают советских солдат лопатами и ружейными прикладами. Жестокости, в которых виноваты Советы, неописуемы. Страшные свидетельства этого видны на всем протяжении нашего пути».

Потери войск Конева за 17 суток составили 100 тысяч человек убитыми и ранеными. Войска находились на пределе усталости. Наступление выдохлось.

В связи с этим Одерская операция 1-го Украинского фронта выпала из разряда стратегических и стала именоваться Нижне-Силезской. Датой ее окончания произвольно установили 24 февраля, а целями операции коллектив самых главных советских военных историков, сплошь состоявший из генералов армии и генерал-полковников, объявил: «Разгромить нижне-силезскую группировку немецко-фашистских войск, выйти на рубеж р. Нейсе и занять более выгодное положение для последующего наступления на берлинском и дрезденском направлениях». Все цели, выдуманные задним числом, были соответственно достигнуты, а действия Красной Армии весьма успешными: «Войска 1-го Украинского фронта, прорвав оборону противника на 250-километровом

фронте, продвинулись правым крылом более чем на 100 км, овладели всей Нижней Силезией и вступили в германскую провинцию Бранденбург. Важную роль в успехе операции играла целеустремленная партийно-политическая работа, направленная на поддержание высокого наступательного порыва войск, повышение бдительности... Личный состав воспитывался в духе гуманного отношения к немецкому народу».

Охота была врать? Впрочем, кредо этих «исследователей» отечественной истории четко сформулировал неперемный член и идейный вождь всех редакционных комиссий и подкомиссий, начальник ГлавПУРа СА и ВМФ генерал армии А.А. Епишев: «Кому нужна ваша правда, если она мешает жить».

Маршал Конев честно говорит: «Не все получилось», враг был силен — тем больше наша слава: «Надо сразу сказать, что нашим замыслам, положенным в основу этого плана, не суждено было осуществиться. Мы предполагали провести операцию на гораздо большую глубину, чем та, которую удалось достичь на деле. Фактически к 24 февраля мы выполнили только часть поставленной перед собой задачи... Противник, понесший тяжелые поражения, сумел в короткий срок закрепиться на Одерском рубеже, привести в порядок свои разбитые войска, подтянуть резервы, организовать управление. Ни в коем случае нам не следует умалять степени организованности, проявленной гитлеровским командованием в тот критический момент».

Главным итогом февральского наступления был выход правого крыла фронта на Нейсе, на уровень позиций 1-го Белорусского фронта, и занятие выгодных рубежей для завершающего удара на берлинском направлении.

ВОСТОЧНО-ПОМЕРАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Командующий 2-м Белорусским фронтом 8 февраля получил задачу в десятидневный срок разгромить восточно-померанскую группировку противника. Времени на подготовку не отводилось, а из состава фронта изымалась половина войск. «В строю» оставались 2-я ударная, 65, 49, 70-я обще-

войсковые, 4-я воздушная армии, 1-й и 8-й гвардейские танковые, 8-й механизированный, 3-й гвардейский кавалерийский корпуса — 36 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии — около 500 тысяч человек. Войска, по выражению Рокоссовского, «выдохлись окончательно»: две трети соединений насчитывали 4,5 тысячи личного состава, исправных танков имелось 297 единиц, авиация по большей части бездействовала в силу неблагоприятных погодных условий, на передовой ощущался острый недостаток горючего и боеприпасов. Из резерва Ставки прибывали, да пока не прибыли, 19-я армия (40-й гвардейский, 132-й, 134-й стрелковые корпуса) и 3-й гвардейский танковый корпус.

Рокоссовский: «Такую задачу Ставка нам опять-таки поставила, а войска не возвратила, зная заранее, что теми силами, которые остались в составе нашего фронта, эта задача выполнена быть не может...»

Противостоящая им 2-я немецкая армия имела 12 пехотных, 2 танковые дивизии, 3 отдельные бригады, 6 боевых групп и 3 гарнизона крепостей. Их силы оценивались в 230 тысяч солдат и офицеров, 341 танк и самоходное орудие, 2360 орудий и минометов. На аэродромах в Восточной Померании базировалось более 300 самолетов различных типов.

Немцами велись усиленные работы по инженерному оборудованию оборонительных позиций и созданию сильных опорных пунктов в глубине территории на наиболее вероятных направлениях наступления советских войск. Сама местность, изобилующая лесными массивами, болотами, большими и малыми озерами, реками и каналами, носила достаточно «противотанковый» характер и благоприятствовала созданию устойчивой обороны. Разветвленная сеть дорог позволяла оперативно маневрировать силами, подавляющее большинство населенных пунктов было связано телефонно-телеграфными линиями связи, многие из которых были проложены под землей. Кроме полевых укреплений, прикрытых сетью противотанковых и противопехотных заграждений, в Восточной Померании наличествовало множество каменных построек, а также долговременные фортификационные сооружения. Так, вдоль бывшей германо-польской границы,

по рубежу Штольп, Руммельсбург, Нойштеттин, Шнайдемюль, фронтом на восток и юго-восток пролегал участок «Померанского вала». Кроме того, в систему обороны были включены Данцигский и Готенхафенский укрепленные районы, построенные фронтом на юго-запад.

Рокоссовский принял решение, создав «кулак» на своем левом крыле, силами 70, 49 и 65-й армий, 1-го гвардейского танкового и 8-го механизированного корпусов нанести рассекающий удар в направлении Хойнице, Руммельсбург, Рюгенвальде. 2-я ударная армия должна была, используя переправы 65-й армии, выйти на западный берег Вислы и, совместно с 8-м гвардейским танковым корпусом, наступать вниз по реке непосредственно на Данциг. С подходом 19-й армии фронт нацеливался на Штеттин, одновременно очищая от противника побережье Балтийского моря.

Операция началась утром 10 февраля и развивалась крайне медленно. Атаки советских войск сменялись контратаками немцев. За день 70-я армия, усиленная танковым и механизированным корпусами, продвинулась на отдельных участках от 5 до 10 километров, 49-я и 65-я — на 2—3 километра. Соединения генерала Федюнинского в наступление вообще не переходили. Часть сил 2-й ударной армии еще сражалась за Эльбинг, а два стрелковых корпуса совершали перегруппировку на левый фланг, где должны были форсировать Вислу и попутно овладеть «крепостью» Грауденц.

В дальнейшем темпы не изменились. За пять суток боевых действий армия генерала Попова, достигшая наибольшего успеха, «вгрызлась» в оборону противника до 40 километров и 15 февраля овладела узлами шоссе и железных дорог городами Кониц (Хойнице) и Тухель. Армии Гришина и Батова, действовавшие в центре ударной группировки, продвинулись на 15—20 километров. 2-я ударная армия, застряв у Грауденца, по-прежнему в наступлении не участвовала. Только 16 февраля Федюнинский ввел в сражение 108-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта В.С. Поленова, пытавшийся нанести удар вдоль левого берега Вислы в северном направлении.

На рубеже Меве, Черск, Хойнице войска 2-го Белорусско-

го фронта вынуждены были остановиться. Рокоссовский констатировал: «Положение на севере оставалось прежним: противник прочно удерживал Померанию».

15 февраля по требованию Верховного Главнокомандующего Константин Константинович доложил соображения относительно дальнейших действий фронта. Маршал собирался до 24 февраля развернуть на левом крыле 19-ю армию и 3-й гвардейский танковый корпус, нанести сосредоточенный удар в направлении Кёзлина и в четырехдневный срок пробиться к побережью Балтийского моря, разрезав померанскую группировку надвое. Сталин с предложениями согласился, и командующий приступил к подготовке задуманной операции.

Маршал Жуков до поры действовал согласно утвержденному плану.

Начиная с 6 февраля один за другим стали прибывать направленные тылом фронта в «кругосветку» по южному пути эшелоны, доставившие в течение нескольких последующих дней тяжелую технику и свыше 20 тысяч тонн боеприпасов.

Общевойсковые армии левого крыла 1-го Белорусского фронта в это время продолжали кровопролитные бои по захвату, расширению и объединению плацдармов на Одере: 5-я ударная — севернее Кюстрина, 8-я гвардейская — южнее. 69-я армия вела бои за Франкфурт, еще южнее пыталась переправиться 33-я армия. К исходу 7 февраля «чуйковцам» при поддержке трех легких самоходно-артиллерийских полков удалось образовать плацдарм в 15 километров по фронту и до 3—5 километров в глубину. Однако в последующие дни им пришлось отбивать атаки прибывшей с Запада 21-й танковой дивизии (62 танка и САУ). Борьба за плацдармы, длившаяся до конца марта, дорого стоила обеим сторонам. У Берзарина и Чуйкова выбывало в среднем по 550 человек в день, соответственно в феврале каждая из армий потеряла около 15 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными — почти вдвое больше, чем в январе. Общие потери 69-й армии с 10 по 28 февраля составили 5962 человека. Генералу Бюссе, стремившемуся восстановить фронт по западному берегу Одера, тоже прихо-

дилось несладко: ежедневно он терял убитыми и ранеными 745 человек. Русские расходовали живую силу в два раза интенсивнее, зато по численности они превосходили 9-ю немецкую армию вчетверо.

Значительные силы 1-го Белорусского фронта были отвлечены на ликвидацию гарнизонов в городах Познань, Шнейдемюль, Дейч-Кроне, Арнсвальде. В районе Лансберга на случай всяких неожиданностей стояла в резерве 1-я гвардейская танковая армия.

Армии правого крыла, развернутые фронтом на север, вели упорные бои на рубеже Каллис, Реетц, Бан, Грабов. Выйти на линию, указанную Жуковым в директиве от 4 февраля, они не смогли. Сопrotивление противника резко усилилось за счет притока в состав группы армий «Висла» новых подразделений. Сначала на пути танковой армии Богданова встали 1-я дивизия морской пехоты «Адмирал Дениц» и 2-й резервный корпус генерала Вальтера Хоерляйна, в подчинение которого прибывала 4-я танко-гренадерская дивизия СС «Полицай». Регулярные части были разбавлены батальонами фольксштурма, упорно защищавшими узлы коммуникаций. Вскоре к ним присоединилась прибывшая из Норвегии 163-я пехотная дивизия под командованием генерала Карла Рюбеля. В Померании также направлялись 10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг», 11-я танко-гренадерская дивизия СС «Нордланд», 27-я танко-гренадерская дивизия СС «Лангемарк», 28-я танко-гренадерская дивизия СС «Валлония», свежеспеченные танковая дивизия «Гольштейн», пехотная дивизия «Эскорт фюрера», гренадерская дивизия «Фюрер», 503-й тяжелый танковый батальон СС (39 «королевских тигров»).

К 10 февраля немцы сколотили новую, 11-ю армию, занявшую полосу к западу от 2-й армии. Командование объединением, в которое вошли 3-й танковый корпус СС, 10-й корпус СС и 39-й танковый корпус, было поручено обергруппенфюреру СС Феликсу Штайнеру, начинавшему свою карьеру на Восточном фронте в качестве командира моторизованной дивизии СС «Викинг». В середине февраля в его подчинении было 12 дивизий разной степени укомплектованности.

Жуков данных о противнике и его намерениях не имел. В ориентировке от 4 февраля он так оценивал обстановку: «Видимо, противник в ближайшие 6—7 дней подвозимые войска из Прибалтики и Восточной Пруссии будет сосредоточивать на линии Шведт — Штаргард — Нойштеттин с тем, чтобы прикрыть Померанию, не допустить нас к Штеттину и не допустить нашего выхода к бухте Померанской». Но, зная из собственного опыта немецкие «привычки», маршал весьма беспокоился за свой правый фланг. И не напрасно.

В первых числах февраля генерал Гудериан предложил план операции против «пока еще слабых флангов клина русских, вбитого ими в нашу оборону вплоть до Одера». Один удар наносился в южном направлении из района Пиритц в Померании, другой — от Глогау — на север. «Клеши» должны были сомкнуться в районе Познани. «Этим я надеялся, — пишет Гудерин, — усилить оборону столицы рейха и вообще оборону территории страны и выиграть время, необходимое для ведения переговоров о перемирии с западными державами». Для обеспечения гарантированного успеха требовалось в короткий срок создать мощные ударные группировки, следовательно, отказаться от наступления в Венгрии и вывести войска хотя бы из Прибалтики, можно также — из Италии и Балканских стран. Своими идеями Гудериану удалось вывести только Гитлера — из себя. На глазах у окаменевших министров, ставших свидетелями «такого нарушения придворного этикета», Верховный Главнокомандующий и начальник Генерального штаба орали друг на друга, как последние биндюжники. «Разверзлись миры!» — восклицает Шпеер. Ежедневные встречи Гитлера и Гудериана протекали все более бурно и все менее конструктивно: «Он стоял передо мной с поднятыми кулаками, а мой добрый начальник штаба Томале тащил меня назад за фалды мундира, боясь, что между нами начнется рукопашная схватка».

После яростных споров было принято решение силами 11-й армии нанести удар из Померании с целью выйти на тылы 1-го Белорусского фронта и разгромить русских севернее реки Варта. Поскольку выделенных сил было все равно недостаточно, Гудериан настаивал на проведении наступления «с

молниеносной быстротой, пока русские не подтянули к фронту крупные силы или пока они не разгадали наши намерения», не дожидаясь полного сосредоточения всех войск и средств материального обеспечения: «Мы не можем ждать, пока разгрузят последнюю бочку бензина и последний ящик со снарядами. За это время русские станут еще сильнее». Для непосредственного руководства операцией, получившей кодовое наименование «Солнцестояние», им была предложена кандидатура генерала Венка, который прикомандировывался к штабу Гиммлера.

Жуков 10 февраля направил в адрес Сталина план Берлинской наступательной операции. Проанализировав противостоящую немецкую группировку, маршал сформулировал цель своих дальнейших действий: «Сорвать оперативное сосредоточение противника, прорвать его оборону на западном берегу р. Одер и овладеть городом Берлином».

Прорыв обороны предполагалось произвести на узких участках с концентрацией 250—300 артиллерийских стволов на километр фронта. К проведению наступления на берлинском направлении привлекались 47-я, 5-я ударная, 8-я гвардейская, 69-я и 33-я армии. Собственно, в Берлин должны были входить войска Чуйкова, Колпакчи и Цветаева.

5-я ударная и 47-я армии должны были двигаться в обход Берлина с целью прикрытия штурма города от контрударов противника с северо-западного направления. В их полосах предполагалось ввести в прорыв танковые армии. 1-я гвардейская танковая армия получила задачу овладеть восточной и северо-восточной частями столицы рейха. 2-я гвардейская танковая армия должна была ворваться в Берлин с северо-запада.

Подытоживая, Жуков писал:

«Перегруппировку сил и средств с правого фланга фронта на р. Одер я могу начать только с переходом 2-го Белорусского фронта в наступление, т.е. с 10.2.45 г., и закончу ее 18.2.45 г. В связи с этим войска, предназначенные для действий на Берлин, будут подготовлены к наступлению на Берлин лишь 19—20. 2.45 г. Наступление на Берлин могу начать 20.2.45 г.»

12 февраля в районе Лебуса без артиллерийской подготовки по льду форсировала Одер 69-я армия, образовав два

плацдарма и перерезав железную дорогу Франкфурт—Кюстрин. Причем снова отличилась 77-я гвардейская дивизия генерала Аскалепова. В этот же день командующий 47-й армией получил приказ в 19.00 начать марш из района Дейч-Кроне с тем, чтобы к утру 16 февраля выйти к Одеру. Для ликвидации немецкой группировки, окруженной в Шнейдемюле, из состава армии выделялась оперативная группа генерал-майора Кузьмина — 125-й стрелковый корпус с частями усиления. Ночью 13 февраля Жуков направил оперативные директивы на проведение Берлинской операции всем армиям фронта. Командармы свои планы должны были представить на утверждение 17 февраля к 12.00.

13 февраля комендант «крепости» Шнейдемюль полковник Гейнц Ревлингер, лишившись последнего аэродрома и оставшись без боеприпасов, самовольно решил пробиваться на север. Гарнизон был разбит на моторизованную и пешую колонны общей численностью около 8000 человек и в 20.00 без артиллерийской подготовки двинулся на прорыв. Такой «наглости» от них не ждали: «Генерал Кузьмин ошибочно считал, что войска противника деморализованы и не будут пытаться вырваться из окружения». Немцы смяли боевые порядки 185-й стрелковой дивизии, в которой «слабо была поставлена разведка, а также недостаточно уделялось внимания организации боя в ночных условиях», и ушли в леса.

О состоявшемся прорыве полковник Ревлингер немедленно сообщил по радио Гиммлеру. Судя по воспоминаниям Рауса, рейхсфюрер решение одобрил:

«Гиммлер внимательно выслушал сообщение, затем положил трубку и вскочил. В радостном возбуждении он забегал взад и вперед по комнате, восклицая: «Вы слышали это? Ревлингер сумел! Он сделал это! Я говорил, что он это сделает!»

Естественно, я согласился с решением, которое Ревлингер принял самостоятельно, и выразил надежду, что большое количество этих отважных солдат сможет добраться до наших позиций, укрываясь в лесах. Потом мы довольно долго обсуждали возможности включить этот отряд в нашу систему обороны, как вдруг снова зазвонил телефон. Я выслушал приказ Гитлера, переданный через ОКХ. Он требовал, чтобы

Ревлингер и его гарнизон вернулись в Шнейдемюль и продолжили его оборону.

«Нет, вы совершенно правы. Я не передам этот приказ дальше», — сказал мне Гиммлер».

14 февраля советские войска, истребив части прикрытия, заняли пылающий Шнейдемюль. После чего Кузьмин повел 125-й стрелковый корпус к Одеру, а уничтожение прорвавшейся группировки было возложено на 79-й стрелковый корпус 3-й ударной армии. Еще через четыре дня оба немецких отряда были рассеяны, Ревлингер со своим штабом попал в плен.

И все вроде бы хорошо. Однако 16 февраля из района Альтдамма и Штаргарда в северный фланг 1-го Белорусского фронта ударил Феликс Штайнер. В «Солнцестоянии» приняли участие 10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг», 4-я танко-гренадерская дивизия СС «Полицай», 11-я танко-гренадерская дивизия СС «Нордланд», 23-я танко-гренадерская дивизия СС «Нидерланды», части 28-й танко-гренадерской дивизии СС «Валлония», 503-й тяжелый танковый батальон СС, танковые дивизии «Гольштейн» и «Шлезииен», дивизия «Фюрер» с 911-й бригадой штурмовых орудий и дивизия «Эскорт фюрера».

Надо заметить, что дивизия «Валлония» насчитывала всего лишь около 3 тысяч человек, то есть представляла собой всего лишь усиленный полк. В дивизии «Нордланд» имелось 30 танков и 30 самоходок, в дивизии «Фюрер» — 56 танков и 32 единицы StuG III, в дивизии «Гольштейн» — 25 танков. В самом боеспособном соединении, дивизии СС «Фрундсберг», насчитывалось свыше 20 тысяч человек личного состава, 87 танков и 28 самоходных зениток и истребителей танков. С учетом батальона «тигров» (17 исправных машин) в двух ударных группировках было около 300 единиц бронетехники. Маловероятно, чтобы они могли прорваться в тыл 1-го Белорусского фронта, а уж тем более нанести поражение его танковым армиям и окружить часть советских войск. Во всяком случае, не в 1945-м и не под руководством Гиммлера.

Правда, в первый день немцам, потеснив части 47-й и 61-й армий на 8—12 километров к югу, удалось захватить Бан и

Пиритц, пробить коридор к Арнсвальде и деблокировать свои войска. Но прорыва советского фронта не вышло. Неоднократные контратаки корпусов 2-й гвардейской танковой армии Богданова выливались во встречное сражение с танками противника, в котором ни одной из сторон не удалось добиться решающего успеха. В германском Генштабе чуть ли не начали открывать бутылки с шампанским: «16 и 17 февраля наступление проходило весьма успешно; мы начали надеяться, несмотря на все трудности и сомнения, на удачу этой операции, рассчитывая получить время, необходимое для проведения дальнейших мероприятий». Штайнеру удалось остановить продвижение правого крыла Белорусского фронта, взять 3 тысячи пленных и заставить русских слегка попятиться назад. Но и только. «Пантерам» не хватало топлива: «Экипажи имели приказ о том, что, если танк подбит, их первой задачей является слить топливо, как только ослабевает огонь противника». Поддержки авиации почти не было. В довершение всего в автомобильной аварии серьезно пострадал генерал Венк, «и с ним исчез последний шанс Гудериана держать под личным контролем Арнсвальдскую операцию». Немецкое наступление застопорилось, едва начавшись.

Жуков, имея на своем правом фланге достаточные силы, «несмотря на некоторое осложнение обстановки», считал, что основной задачей подчиненных ему войск остается подготовка и проведение наступательной операции на берлинском направлении. Заодно, не отвлекаясь от основной цели, можно помочь Рокоссовскому. Тем более что приказ Ставки об овладении Берлином никто не отменял.

16 февраля Георгий Константинович предложил следующий вариант: с целью оказания помощи 2-му Белорусскому фронту нанести сильный удар по врагу и, отбросив его на север, выйти на фронт Лубов, Темпельбург, Фалькенбург, Голлнов и перерезать пути отхода померанской группировке противника на запад. Для выполнения этой задачи привлекались 61-я и 2-я гвардейская танковая армии, 7-й гвардейский кавалерийский и 9-й танковый корпуса, 1-я армия Войска Польского и часть сил 3-й ударной армии. Остальные силы правого крыла фронта должны были продолжать выполнять

ранее поставленные задачи по выходу на рубеж реки Одер. И это решение Ставка утвердила, и 19 февраля войска правого крыла 1-го Белорусского фронта перешли в наступление на участке от Каллис до Бан. И снова атаки сменялись контратаками при неизменной линии фронта. Есть даже такая формулировка: «Соединения 2-й гвардейской танковой армии, действовавшие на штаргардском направлении и в районах Пиритц и Бан, перейти в наступление не смогли, так как были связаны тяжелыми боями, отражая контрудары противника». Интересно, что в наших военно-исторических анналах это сражение не удостоилось даже названия и в статических сборниках потерь не фигурирует.

21 февраля директивой, направленной в группы армий «Висла» и «Центр», Гитлер объявил о сворачивании операции «Солнцестояние». Немцы оставили Арнсвальде и отступили на север. Вышедший из доверия штаб Штайнера был переправлен на другой берег Одера, где стал действовать как штаб сбора отставших военнослужащих. Одно корпусное управление и три дивизии, в том числе танковая СС «Фрундсберг», из состава 11-й армии передавались в группу «Центр», «Фанаты фюрера» отправлялись латать дыры в Силезии. Оставшиеся соединения принимал под свое командование вывезенный из Кёнигсберга штаб 3-й танковой армии.

В представленном Гитлеру 26 февраля аналитическом обзоре, составленном отделом «Иностранные армии Востока», делалось предположение, что после провала немецкого контрудара в районе Штаргарда советская сторона сосредоточит основные усилия «исключительно на решающем западном направлении». Однако фюрер, если верить записям Геббельса, был убежден, «что Советы не намерены сразу двигаться на Берлин», и ожидал удара советских армий в Восточной Померании:

«Наши генштабисты ожидали от Советов точно такой же ошибки, какую мы сами допустили поздней осенью 1941 года при разработке планов окружения Москвы, а именно: идти прямо на столицу врага, не оглядываясь ни направо, ни налево и не заботясь о прикрытии флангов. С этим мы здорово просчитались в свое время. И фюрер постоянно подчерки-

вал, что Советы не повторяют этой ошибки, но его генералы не захотели ему поверить».

А Гитлер снова оказался прав.

«Солнцестояние» и концентрация сил противника на флангах заставили Ставку и Генштаб задуматься, а вдруг немцы способны нанести более мощный удар, тем более что было неясно, куда пропала 6-я танковая армия СС:

«В сложившейся обстановке немцы могли перехватить у нас инициативу и сорвать задуманную операцию...

Даже при последнем издыхании фашистский зверь оставался опасным зверем, способным унести в могилу сотни тысяч человеческих жизней. А помимо того, неудача под Берлином грозила обернуться и скверными политическими последствиями...

Ставка, Генеральный штаб, военные советы фронтов снова и снова сопоставляли наши возможности с возможностями противника и в конечном счете пришли к прежнему выводу: не накопив на Одере достаточных запасов материальных средств, не будучи в состоянии использовать всю мощь авиации и артиллерии, не обезопасив фланги, мы не можем бросить свои армии в наступление на столицу Германии. Риск в данном случае был неуместен. Политические и военные последствия в случае неудачи на завершающем этапе войны могли оказаться для нас крайне тяжелыми и непоправимыми».

Не важно, насколько реальна или иллюзорна была угроза — Сталин не хотел ни малейшей доли риска. Он прекрасно помнил, как в 1920 году «Дашь Берлин» обернулся «Чудом на Висле».

Отсюда следовало вполне логичное решение: покончить в кратчайший срок с восточно-померанской группировкой врага и высвободить как можно больше сил для нанесения решающего удара на берлинском направлении. Благо время в запасе еще имелось: армии союзников едва начали свое движение к Рейну.

Еще 20 февраля Жуков доложил в Ставку о необходимости временного перехода к жесткой обороне по всему 1-му Белорусскому фронту. До начала наступления войск 2-го Бело-

русского фронта маршал намеревался изматывать врага, а затем частью сил нанести удар на Голлнов, чтобы отрезать немецкую группировку в Восточной Померании от остальной Германии. При наличии успеха у Рокоссовского предполагалось перейти в наступление всеми силами правого крыла 1-го Белорусского фронта в северо-западном направлении и совместными усилиями полностью уничтожить противника в Померании. Ударом из района восточнее Арнсвальде Жуков планировал расчлнить войска противника и выйти к побережью Балтийского моря и Одера — от Кольберга до Цедена. Перед 1-й армией Войска Польского, 3-й ударной с 9-м танковым корпусом и 1-й гвардейской танковой армиями ставилась задача нанести удары в северо-восточном направлении на Бельгард и Кольберг, а перед 61-й с 7-м гвардейским кавалерийским корпусом и 2-й гвардейской танковой армиями — на север и северо-запад в направлении Каммина и Голлнова. 47-я армия с 1-м гвардейским механизированным корпусом должны были нанести удар на Альтдамм. Разгром основных сил 11-й армии противника командующий войсками фронта предполагал осуществить в течение пяти-семи дней, а очищение всей территории Померании к западу от меридиана Нойштеттин, Кёрлин, Кольберг до реки Одер — в течение 14—16 суток.

Таким образом, общий замысел, утвержденный Ставкой 22 февраля, состоял в том, чтобы ударами 2-го Белорусского фронта в общем направлении на Кезлин, а войсками правого крыла 1-го Белорусского фронта на Кольберг расчлнить противостоящую группу армий «Висла», отсечь большую ее часть от основных сил германской армии и уничтожить. Войска Рокоссовского после овладения городом Кезлин и выхода на побережье Балтийского моря должны были развернуться фронтом на восток и наступать на Данциг и Готенхафен (Гдыню), очистить от противника восточную часть Померании и овладеть всеми портами от Данцига до Кольберга. Предполагалось, что войска Жукова повернут на запад, с тем чтобы выйти к Померанской бухте и очистить от врага правый берег Одера на участке от устья до Цедена.

Гудериану все-таки удалось повернуть советские войска от

Берлина на север, в Померанию, и продлить агонию рейха на два месяца.

В ходе предварительного обсуждения операции Рокоссовский предлагал совместить удары смежных флангов двух фронтов по времени, однако начинать ему пришлось одному. Жукову разрешили выступить по готовности, но не позднее 1 марта.

Наступление 2-го Белорусского фронта возобновилось 24 февраля. После 40-минутной артиллерийской подготовки — на 10-километровом участке прорыва плотность составляла не менее 150 стволов на километр, не считая реактивной артиллерии, — пехота 19-й армии генерал-лейтенанта Г.К. Козлова, без танков сопровождения и авиационной поддержки, нанесла удар на стыке Рауса и Вейсса — из района юго-западнее Хойнице на Кезлин. На этом направлении оборонялись соединения 18-го горнострелкового корпуса 2-й немецкой армии, в состав которого входили 32-я пехотная дивизия, остатки 15-й (латышской) дивизии СС, бригада СС «Шарлемань», переименованная в 33-ю ваффен-гренадерскую дивизию, запасные и учебные части.

В первый день армии Козлова удалось пробить оборону противника на глубину 10—12 километров. Ширина прорыва достигла 20 километров. Утром 25 февраля, с улучшением метеорологических условий, для поддержки наземных войск в воздух поднялась советская авиация. В 11.00 в дело был введен 3-й гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта А.П. Панфилова (274 танка и САУ); танковым бригадам было придано по одному стрелковому полку 313-й стрелковой дивизии. Войдя в прорыв, корпус оторвался от пехоты и за день продвинулся до 40 километров. Войска 70-й армии, встретив упорное сопротивление, за первые двое суток прошли лишь 4—6 километров. Другие армии вели бои на прежних рубежах: 65-я и 2-я ударная «успешно отражали атаки врага», а 49-ю армию немцы даже вышибли из Оссово.

26 февраля передовые отряды танкового корпуса Панфилова овладели Бальденбергом и Шенау, а на следующий день — Бублицем. С целью обеспечения левого фланга ударной группировки фронта был задействован 3-й гвардейский

кавалерийский корпус генерала Осликовского. Однако стрелковые корпуса генерала Г. К. Козлова продвигались недостаточно быстро, все больше отставая от танкистов, теряя управление дивизиями и вызывая острое недовольство командования фронта: «За два дня пехота прошла всего 25 километров. Много сил отнимали вражеские опорные пункты, которые обходил танковый корпус. Гитлеровцев приходилось выбивать из них с большим трудом, что, безусловно, снижало темп наступления. Но причина была не только в этом. Сказывалось плохое руководство войсками. Командарм то и дело терял связь с соединениями, опаздывал с принятием решений. Эти два дня боев показали, что ему не справиться с таким крупным объединением, как армия, да еще с приданными ей средствами усиления. В сложной, непрерывно меняющейся обстановке наступления он проявлял растерянность, неспособность влиять на развитие событий». Рокоссовский вынужден был остановить продвижение 3-го гвардейского танкового корпуса и доложил в Москву о необходимости заменить командарма-19.

27 февраля наступление застопорилось: соединения 19-й армии приводили себя в порядок на достигнутых рубежах, бригады генерала Панфилова в ожидании подхода главных сил заняли круговую оборону в районе Бублица, другие армии тоже не радовали успехами. Все силы уже были брошены в бой.

«Впервые за время войны, — вспоминает Рокоссовский, — я, командуя фронтом, остался без резервов и, откровенно говоря, чувствовал себя неважно... По мере продвижения войск к северу все больше оголялся наш левый фланг: ведь наш сосед — 1-й Белорусский фронт — оставался на месте. Противник стал все чаще наносить удары во фланги и тылы нашим наступающим частям...

Вскоре меня вызвал к ВЧ Верховный Главнокомандующий. Я доложил ему обстановку на нашем фронте и положение, складывающееся на левом крыле. Сталин спросил:

— Что, Жуков хитрит?

— Не думаю, — ответил я, — чтобы он хитрил, но что его войска не наступают и этим создается угроза на обнаженном

нашем фланге, я могу подтвердить. Для обеспечения фланга у нас сейчас сил нет, резерв весь исчерпан. Поэтому прошу усилить фронт войсками или обязать 1-й Белорусский быстрее перейти в наступление».

28 февраля войска 2-го Белорусского фронта возобновили атаки и, расширив участок прорыва до 70 километров, овладели городами Прехлау, Нойштеттин и другими опорными пунктами. 70-я армия, усиленная 8-м механизированным корпусом генерал-майора А.М. Фирсановича, сумела продвинуться вперед до 10 километров, а 49-я армия вернула Оссово.

Немцы пытались организовать контрудар в правый фланг 19-й армии со стороны Руммельсбурга силами 7-го танкового корпуса (7-я танковая дивизия, 4-я дивизия СС «Полицай», 226-я бригада штурмовых орудий). Однако Рокоссовский, получив донесение разведки о «подозрительной суете» противника, приказал повернуть на северо-восток 40-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта С.П. Микульского, усилить корпус артиллерией, оказать ему всемерную авиационную поддержку и взять Руммельсбург. С запада, чтобы восстановить связь с армией Вейса, генерал Раус бросил на Руммельсбург свой единственный резерв — танковую дивизию «Гольштейн» полковника Иоахима Гессе, но и он не застал русских врасплох: «После первых мелких успехов дивизия была отброшена назад».

С переходом в наступление армий маршала Жукова дела у Рокоссовского пошли веселее. 3 марта правофланговые соединения 19-й армии после упорных боев, которые велись днем и ночью, выбили противника из Руммельсбурга, распылив контрударную группировку генерала Кесселя. Это позволило 3-му гвардейскому танковому корпусу возобновить продвижение и выйти к побережью Балтийского моря севернее Кёзлина, который был взят 4 марта.

Таким образом, к 5 марта войсками левого крыла 2-го Белорусского фронта восточно-померанская группировка противника была рассечена на две части. Пути отхода на запад для армии Вейсса оказались отрезаны.

Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта (27 стрелковых, 3 кавалерийские дивизии, 4 танковых, 2 механизированных корпуса, 2 отдельные танковые бригады) завершили подготовку к операции в конце февраля. В 240-километровой полосе было сосредоточено 400 тысяч человек, 6585 орудий и минометов, 864 установки реактивных минометов, 1515 танков и самоходных установок. Плотность артиллерии на участках прорыва достигала ставших уже стандартными 250 стволов на километр.

Им противостояли потрепанные войска 11-й немецкой армии, которые с 25 февраля возглавил штаб 3-й танковой армии генерала Рауса. В его подчинении имелось 10 дивизий разной степени боеспособности, в том числе одна танковая и три танко-гренадерские. Соединения 3-го танкового корпуса СС и 10-го армейского корпуса СС были значительно ослаблены в ходе провалившегося контрнаступления. Во всяком случае, советские историки утверждают, что «соединения противника, брошенные им для нанесения контрударов, потеряли около 70 тысяч убитыми, пленными и ранеными». Сводный корпус «Хоэрляйн» состоял из одной дивизии и сборных частей. В состав левофлангового сводного корпуса «Теттау» входили резервные дивизии «Померания» и «Бервальде», сформированные из фольксгренадерских батальонов и подразделений, созданных на основе строительных и тыловых служб. Эти дивизии не имели ни артиллерии, ни противотанковых подразделений, ни батальонов связи.

Всего в армии, по советским данным, насчитывалось около 200 тысяч солдат и офицеров, 2500 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий. Правда, Раус настаивает, что полевых орудий у него было 240, а танков — всего 70:

«Еще до того, как я официально принял командование, я отдал приказ начать строительство густой сети противотанковых заграждений в тылу армии, где было множество лесов и озер. Такая местность очень хорошо подходила для организации противотанковой обороны. За несколько дней при энергичной помощи членов партии и местного населения эти заграждения были установлены на всех мостах, при въездах в деревни, а также на дорогах и шоссе в тех местах, где они

входили в лес. Мужественные солдаты фольксштурма, которые были обучены использовать «панцерфаусты», охраняли эти заграждения. Кроме того, солдаты с противотанковыми средствами находились в готовности, чтобы на велосипедах и мотоциклах быстро появиться там, где это требуется. Вся гражданская телефонная сеть была превращена в систему оповещения на случай появления танков. Никогда раньше участок территории не превращался с такой скоростью в сплошную противотанковую сеть, как мы сумели это сделать в Померании. Нашей целью было помешать русским танкам, даже если они прорвут фронт, стремительно продвигаться дальше».

Утром 1 марта после сильной (Раус пишет — «жуткой») артиллерийской и авиационной подготовки поднялись в атаку дивизии 61-й и 3-й ударной армий. В тот же день в сражение были введены обе танковые армии. 1-я гвардейская (584 танка и САУ), обогнав пехоту 3-й ударной, протаранила боевые порядки 5-й егерской дивизии генерала Фридриха Сикста и уже к вечеру продвинулась на 20—25 километров. Наступление 2-й гвардейской (276 танков и САУ), введенной левее, в полосе 61-й армии, развивалось медленно: к исходу дня она преодолела 5—7 километров, но завершить прорыв не смогла. 47-я армия и 1-я армия Войска Польского в наступление не переходили.

В последующие дни в Восточной Померании развернулись жесточайшие бои.

2 марта, расширяя фронт боевых действий, двинулись вперед войска 47-й армии генерала Перхоровича, имея задачу на четвертый день наступления овладеть городом Альтдамм и главными силами выйти к Одере. Прорыв обороны противника был возложен на 77-й и 125-й стрелковые корпуса, затем в сражение ввели 1-й гвардейский механизированный корпус. Однако к исходу 3 марта войска 47-й армии продвинулись только на 20 километров и поставленной задачи не выполнили.

Соединения 61-й и 2-й танковой армий на второй день уперлись в подготовленный рубеж обороны на линии Файенвальде, Мариенфлесс и втянулись в затяжные фронтальные

бои с 3-м танковым корпусом СС (23, 27, 28-я танко-гренадерские дивизии, 503-я тяжелый танковый батальон), которым командовал генерал Мартин Унрайн. В этой ситуации командующий фронтом приказал генералу Богданову обойти укрепленные позиции противника и нанести ему удар во фланг и тыл. Выполняя эти указания, основные силы 2-й гвардейской танковой армии совершили глубокий маневр, вошли в прорыв в полосе 3-й ударной армии и 3 марта ударили на Наугард и Голлнов. Для прикрытия этого района немцы спешно начали обратную переброску в Померанию дивизии СС «Фрундсберг».

Наиболее успешно действовали танкисты Катукова. 3 марта передовые части 11-го гвардейского танкового корпуса полковника А.Х. Бабаджаняна вышли к юго-западной окраине Кольберга, объявленного «крепостью». Сутки спустя 1-я гвардейская танковая армия, продвинувшись более чем на 90 километров, достигла побережья Балтийского моря на участке Кольберг, Деап. Этим были окончательно отрезаны пути отхода группировке противника из района Кёзлин, пытавшейся выйти из-под удара войск левого крыла 2-го Белорусского фронта. Для надежности Жуков велел танкистам уничтожить все переправы на реке Перзанте от Кольберга до Бельграда.

Быстрое продвижение ударной группировки 1-го Белорусского фронта привело к изоляции юго-западнее Польцина основных сил 10-го корпуса СС и корпусной группы «Теттау». Чтобы отрезать им пути отхода, Жуков приказал: генералу Симоняку развернуть вправо 7-й стрелковый корпус генерал-майора В.А. Чистова, Катукову выделить в помощь танковые бригады, генералу Поплавскому ускорить продвижение на север и во взаимодействии с советскими частями разгромить противника.

Передовые соединения танковой армии Богданова, выбив немцев из Наугарда, 5 марта достигли реки Одер в районе Каммина. Стрелковые дивизии Белова продвинулись до 65 километров, овладев Штаргардом.

С выходом войск левого крыла 2-го Белорусского и правого крыла 1-го Белорусского фронтов на побережье Балтийского моря была успешно решена задача по рассечению восточнопомеранской группировки. При этом 2-я немецкая армия, понеся значительные потери, была отброшена на северо-восток, а 3-я танковая фактически разгромлена.

Поражение в Померании потрясло руководство рейха, даже клинический оптимист Геббельс в эти дни (5 и 6 марта) испытал шок, вновь и вновь мысленно переживая скорбные события:

«В Померании для нас сейчас создалось поистине безнадежное положение. Развитие событий там дает повод для самых серьезных опасений. Наш фронт там совершенно разорван, и в настоящий момент не видно, как мы могли бы занять здесь снова прочные оборонительные позиции. Многие наши самые лучшие части в этом районе либо отрезаны, либо вообще окружены. Конечно, мы пытаемся перебросить туда с берлинского фронта все, что еще можно взять отсюда; но это опять-таки приглашение Сталину как можно быстрее решиться на удар по Берлину...

Вклинения или, скорее, прорывы противника носят здесь поистине роковой характер. Советские танки уже находятся под Кольбергом. Наши позиции в Померании можно считать окончательно разорванными. Противник сумел соединить оба своих клина; между ними еще находятся очень крупные германские силы, и враг стремится сейчас создать вокруг них три роковых котла. Такое развитие событий оказывает почти потрясающее воздействие...

Вечером был с докладом у фюрера. В отличие от последней встречи я нахожу его несколько подавленным, что также объяснимо, если учесть развитие военных действий. К тому же он немного нездоров; я замечаю с ужасом, что нервная дрожь его левой руки значительно усилилась...

Положение в Померании, естественно, дает основание для сильнейшего беспокойства, хотя Гудериан все еще считает, что в результате контратак удастся его выправить. Взгляд на карту просто вызывает ужас».

Однако осторожный Сталин «приглашением» не воспользовался, наступление на Берлин снова откладывалось.

Чтобы окончательно добить супостата и освободить все побережье Балтики от Вислы до Одера, Ставка ВКГ директивой от 5 марта уточнила задачи фронтам.

Теперь войскам 2-го Белорусского фронта предстояло разгромить 2-ю армию противника, отрезанную от остальных сил и прижатую к морю в северо-восточной части Померании, овладеть городами Данциг, Цопот, Готенхафен и не позднее 20 марта во всей полосе выйти к морю. Войска 1-го Белорусского фронта должны были ликвидировать остатки прижатой к Одера и Штеттинской бухте 3-й танковой армии и очистить от врага западную часть Восточной Померании.

Маршал Рокоссовский, не проводя существенных перегруппировок, продолжал наступление войсками правого крыла по левому берегу Вислы на Данциг, а войсками левого крыла — в направлении Лауенбург, Готенхафен. На главном направлении, вдоль побережья Балтийского моря, наносила удар 19-я армия, в командование которой вступил генерал-лейтенант В.З. Романовский, совместно с 3-м гвардейским танковым корпусом. Для ускорения «процесса» в подчинение Рокоссовского по его просьбе временно передавались танковая армия Катукова и 1-я танковая бригада Войска Польского. «По этому поводу мне позвонил по ВЧ Г.К. Жуков: «Предупреждаю. Армия должна быть возвращена точно в таком же составе, в каком она к вам уходит!»

3-й гвардейский кавалерийский корпус обеспечивал левый фланг ударной группы с запада.

6 марта фронт развернул наступление по сходящимся направлениям на Данциг. Успешно прорвав оборону противника, войска его правого фланга продвинулись на глубину 15—18 километров, а левого — до 12 километров. 2-я ударная армия приняла капитуляцию окруженной вражеской группировки в крепости Грауденц, а ее 116-й корпус ворвался в город Старогард. 7 марта, очистив от противника район Кёзлина, 3-й гвардейский танковый корпус устремился на Штольп, Лауенбург.

В этой обстановке германское командование начало отвод

главных сил на позиции Данцигского укрепленного района. Сильные арьергарды цеплялись за населенные пункты и выгодные рубежи. 8 и 9 марта войска 2-го Белорусского фронта, преследуя противника, продвинулись до 50 километров. Танкисты Панфилова совместно с пехотой 19-й армии овладели крупным узлом железных и шоссейных дорог городом Штольп и портом Штольпмюльде. Рокоссовский приказал командирам 8-го и 1-го гвардейских танковых корпусов установить между собой тесное взаимодействие и «поднажать» изо всех сил, чтобы на плечах отступающего противника ворваться в Данциг. Соответственно 3-му гвардейскому танковому корпусу была поставлена задача стремительно продвигаться на восток и овладеть Готенхафеном. Чтобы не позволить противнику закрепиться на промежуточных рубежах, советские части атаковали днем и ночью.

10 марта снова отличились танкисты Панфилова: они первыми форсировали реку Леба и захватили Лауенбург. В этот же день в полосе 19-й армии была введена в сражение 1-я гвардейская танковая армия (319 танков и 136 САУ), которая тоже преодолела реку Леба, затем канал Бренкенхоф и уперлась в западные окраины Нойштадта. За день армии левого крыла и центра преодолели еще от 15 до 30 километров, войска правого крыла отражали контратаки на прежнем рубеже. Противник, отступая, все более уплотнял боевые порядки, и темп наступления советских войск заметно снизился. 12 марта 1-я гвардейская танковая, сломив сопротивление в районе Нойштадта, вышла к побережью Данцигской бухты севернее Готенхафена. К исходу 13 марта войска 2-го Белорусского фронта подошли непосредственно к внешнему обводу Данцигского укрепленного района.

Рокоссовский собирался взломать его с ходу, «не допуская никаких пауз». План был подготовлен заранее. Главный удар на стыке Данцигского и Готенхафенского оборонительных районов наносился смежными флангами 49-й и 70-й армий, усиленных двумя танковыми корпусами. Они должны были рассечь группировку противника на две изолированные части и выйти к Данцигской бухте в районе Цоппота. На выполнение этой задачи генералам Гришину и Попову отводился

один день. В дальнейшем одна из армий нацеливалась на штурм Данцига с северо-запада, а вторая должна была ударять на Данциг с севера вдоль берега бухты. Правое крыло фронта силами 2-й ударной и 65-й армий (с механизированным корпусом) наступало на Данциг с юга и юго-запада. Войскам левого крыла было приказано силами 19-й и 1-й гвардейской танковой армий захватить Готенхафен и овладеть косой Путцигер-Нерунг (Хель). Непосредственно для очистки косы был выделен отряд 40-й гвардейской танковой бригады, имевший в своем составе 7 танков, батарею 76-мм орудий и три взвода пехоты. Общая полоса наступления фронта к этому времени сузилась до 50 километров — по 10 километров на армию. Каждой общевойсковой армии были приданы одна-две инженерно-саперные бригады, в том числе самый элитный «спецназ» той поры — три штурмовые бригады РВГК, имевшие в своем составе огнеметно-танковые полки, батальоны ранцевых огнеметов и отборных, до зубов вооруженных бойцов в стальных нагрудниках-кирасах марки СН-42.

Наземные войска поддерживала вся авиация фронта.

Кстати, что предстояло штурмовать? Справку дают историки А.С. Завьялов и Т.Е. Калядин:

«Данцигский оборонительный район состоял из двух оборонительных полос, оборудованных инженерными боевыми сооружениями полевого типа (окопы, траншеи, открытые пулеметные площадки, дзот). Первая полоса обороны глубиной 3—5 км проходила своим передним краем по рубежу Бюргервизен, Ора, Прауст, Унтер-Кальбуде, Цукау, Глеткау и состояла из пяти линий траншей. Вторая полоса обороны была оборудована в 5—7 км от города Данциг и своими флангами упиралась в побережье бухты. Она состояла из трех позиций. Первая позиция, проходившая по рубежу Банкау, высота 160, Олива, имела две-четыре линии траншей общей глубиной до 1,5—2,5 км. Вторая позиция проходила по рубежу Такендорф, западнее Лауенталь, Брёсен и состояла из двух линий траншей, сочетавшихся с системой опорных пунктов. Третья позиция была оборудована непосредственно по окраине города.

С юго-восточной стороны город Данциг прикрывался танконедоступной местностью и каналом, а также системой старых фортов крепости. Сам город Данциг также был подготовлен к обороне. Почти все крупные каменные здания были приспособлены для ведения огня из пулеметов и орудий; оконные и дверные проемы были заложены мешками с песком. Здания и кварталы соединялись между собой ходами сообщения и траншеями. На улицах были сооружены баррикады, а на перекрестках улиц — дзоты. В домах и на центральных улицах были установлены управляемые мины.

Гдыньский оборонительный район состоял из двух полос обороны. При организации этого района противник использовал ранее построенные долговременные оборонительные сооружения, оборудованные артиллерийские позиции и наблюдательные пункты и усилил их системой траншей, окопов и заграждений, что позволило ему быстро опоясать город Гдыня сплошным кольцом оборонительных сооружений в радиусе 12—15 км.

Первая полоса обороны, передний край которой проходил по рубежу Цоппот, Квашин, Коллетцкау, Реда, Рева, состояла из двух позиций, имевших пять линий траншей общей глубиной 3—5 км. Вторая полоса обороны была оборудована на удалении 5—7 км от города Гдыня с передним краем по линии Колибкен, Вельтцендорф, Яново и имела три линии траншей и четыре-пять долговременных огневых сооружений и дерево-земляных огневых сооружений на 1 км фронта.

Город Гдыня также был хорошо подготовлен к обороне и уличным боям. На случай вынужденного отхода из района Гдыни на север противник подготовил оборонительный район на так называемом оксхёфтском плацдарме. Передний край обороны на этом плацдарме проходил по высотам на рубеже Оксхёфт, Облуш, Казимир.

Для обеспечения стыка между Данцигским и Гдыньским оборонительными районами противником была построена оборонительная позиция по рубежу Цукау, Эксау, Кобле, Коллетцкау с крупным опорным пунктом в районе выс. 221. Эта позиция имела три прерывчатые траншеи. На удалении 4—5 км от этой позиции были построены траншеи: две — на

рубеже Рамкау, Квашин; одна траншея — на рубеже Брневитц, Виттшток. Вдоль этой траншеи было поставлено сплошное минное поле.

Для противотанковой обороны противник в районах Данцига и Гдыни подготовил противотанковые рвы, барьеры, баррикады и железобетонные надолбы. Вблизи противотанковых препятствий были оборудованы одиночные окопы для истребителей танков, вооруженных фаустпатронами».

За всеми этими укреплениями, рвами, минными полями, лабиринтом каменных строений засели организованно отступившие войска 2-й армии, в командование которой 12 марта вступил генерал Дитрих фон Заукен. Он имел под рукой 16 дивизий «разного достоинства» (около 120 тысяч человек), в том числе две танковые (4-ю и 7-ю) и 4-ю танко-гренадерскую дивизию СС «Полицай», располагая, по советским данным, «значительными силами пехоты, 200 танками и штурмовыми орудиями, 180 батареями артиллерии и минометов и более чем 100 самолетами».

В системе обороны широко использовались расположенные на господствующих высотах сооружения стационарных зенитных батарей, 88-мм и 128-мм орудия которых могли применяться для ведения огня как по воздушным, так и по наземным целям. Кроме того, действия войск 2-й армии поддерживались артиллерией береговой обороны и боевых кораблей, находившихся в Данцигской бухте, в частности восьмидюймовками тяжелого крейсера «Принц Ойген». Как вспоминает А.Х. Бабаджанян: «Корабли на рейде свирепствуют — непрерывно обстреливают прибрежные дороги и населенные пункты. Утихомирить их невозможно — они стоят на таком удалении, что недосыгаемы для нашей артиллерии, а тем более для танковых пушек. Неблагоприятная погода не позволяет этого сделать и нашей авиации».

Между прочим, Рокоссовский, вслед за другими советскими полководцами, не преминул отметить, что в 1945 году «гитлеровские фанатики» сопротивлялись отчаянно, каждый рубеж, каждый город защищали до последнего патрона, а оказавшись в окружении, старались сковать как можно больше советских войск. Боевые действия того периода отлича-

лись исключительной жестокостью. Этот «фанатизм» маршал объясняет угрозой смертной казни, разве может немец родину защищать!

Впрочем, как в любой армии, тем более армии, оставляющей собственные территории, в Вермахте тоже казнили трусов и дезертиров: «Для устрашения солдат командование группы армий «Висла» почти на всех дорогах, подходивших к Данцигу и Гдыне, и в самих этих городах на площадях воздвигло виселицы. На них наши войска обнаружили более 140 повешенных, к которым были прикреплены таблички с надписью «Повешен за самовольное оставление позиций» или «Повешен за трусость». Товарищ Сталин тоже расставлял шибеницы в освобожденных городах — для изменников и военных преступников. Точно так же, как и в Красной Армии, для солдат, «которые были приговорены к различным срокам заключения, но пообещали исправиться», имелись в Вермахте «пятисотые», штрафные батальоны, которые весьма высоко оценил генерал Раус: «Эти подразделения размещались в самых опасных точках. Штрафными батальонами командовали самые опытные офицеры и унтер-офицеры, и эти подразделения хорошо себя показали. Временная импровизация постепенно превратилась в постоянную структуру, которая получила всеобщее одобрение. Ее считали удачной не только заключенные, но и командиры частей, которым были приданы штрафные батальоны». Все как у нас.

Не суть важно. Важно другое: уже было совершенно ясно, что на своей земле «запуганные» и «оболваненные» немцы бьются насмерть. К тому же на заключительном этапе войны, имея в неограниченном количестве вооружение и технику, все советские дивизии страдали хронической некомплектностью личного состава — повыбивало мужиков. «За время наступления от Вислы до Данцига, — подтверждает генерал Батов, — у нас была одна особенность: огня много, а в людях острый недостаток. Пополнения не получали. В дивизиях осталось не больше 40 процентов личного состава. Почистили тылы, сократили ездовых, на каждого оставляя по два-три коня. Послали в дивизии даже роту охраны штаба армии, оставив солдат только для ночных постов». Немецкие

командиры, наоборот, жаловались на нехватку оружия, топлива, боеприпасов, дефицит подготовленных офицерских кадров, но солдат в Вермахте вполне хватало.

Тогда откуда взялся у Константина Константиновича такой энтузиазм по поводу Данцига? Или он настолько был не осведомлен о противнике?

В изложении сержанта Никулина план маршала был прост:

«Сопrotивление немцев было сильное, наши потери, как всегда, велики, и осада города затягивалась. В одно прекрасное утро на наши головы, а также и на Данциг посыпались с неба листовки. В них говорилось примерно следующее: «Я, маршал Рокоссовский, приказываю гарнизону Данцига сложить оружие в течение двадцати четырех часов. В противном случае город будет подвергнут штурму, а вся ответственность за жертвы среди мирного населения и разрушения падет на головы немецкого командования...» Текст листовок был на русском и немецком языках. Он явно предназначался для обеих сторон. Рокоссовский действовал в лучших суворовских традициях:

— Ребята, вот крепость! В ней вино и бабы! Возьмете — гуляй три дня! А отвечать будут турки.

Рокоссовский был романтик. Жуков — тот суровый, жесткий, деловой человек, а этот — романтик».

С утра 14 марта после короткой артподготовки войска 2-го Белорусского фронта бросились на штурм.

Пятикилометровый путь 70-й и 49-й армий к берегу Данцигской бухты с поэтапным прогрызанием, одной за другой, четырех оборонительных позиций занял двенадцать суток непрерывных боев, «иногда уничтожение крупного опорного пункта обороны занимало несколько суток». Ежедневное продвижение в мартовской грязи исчислялось сотнями метров и оплачивалось немалой кровью. В Цопот советские части ворвались утром 25 марта, расчленив группировку противника на две части. В районе Готенхафена были блокированы остатки 7-го и 46-го танковых корпусов; в районе Данцига остались части 23, 27, 20-го армейских, 18-го горнострелкового корпусов.

Сражение за Готенхафен 19-я и 1-я танковая армии вели

до 28 марта. В ходе овладения городом и портом ими было взято почти 19 тысяч пленных, около 200 танков и штурмовых орудий, 600 орудий, 71 самолет, 6246 автомобилей, 20 различных кораблей, в том числе затопленные немцами на рейде остов линкора «Гнейзенау» и учебный артиллерийский корабль «Шлезвиг-Гольштейн». Последний, начав службу в 1908 году в статусе эскадренного броненосца, был после войны поднят и почти год прослужил в составе ВМФ СССР. Остатки немецкого гарнизона частью ушли на судах, частью отступили на север, на плацдарм в районе Оксхёфт.

1-я гвардейская танковая армия, потерявшая по разным причинам 403 боевые машины, была изъята из состава фронта и вернулась на берлинское направление. После осмотра и ремонта техники выяснилось, что к дальнейшей эксплуатации пригодно лишь 92 бронеединицы. Не страшно: на станцию Швибус один за другим прибывали эшелоны с новенькими «тридцатьчетверками». Проблема была только с новенькими танкистами: пополнение плохо знало устройство боевой машины, водители имели по 6—10 часов вождения и путали передачи.

30 марта войска 2-й ударной, 65-й и 49-й армий взяли город и порт Данциг: «Данциг взяли довольно быстро, хотя почти вся армия полегла у его стен. Но это было привычно — одной ордой больше, одной меньше, какая разница. В России людей много, да и новые быстро рождаются! И родились ведь потом! Было все как водится: пьяный угар, адский обстрел и бомбежка. С матерной бранью шли вперед. Один из десяти доходил. Потом началось веселье. Полетел пух из перин, песни, пляски, вдоволь жратвы, можно шастать по магазинам, по квартирам. Пылают дома, визжат бабы. Погуляли всласть!»

Трофеи действительно были богатые, в том числе 140 танков и самоходов, 358 полевых орудий и 45 так беспокоивших англо-американцев субмарин. Всего с 10 февраля по 4 апреля войска 2-го Белорусского фронта взяли в плен 63,6 тысячи солдат и офицеров, захватили 3470 орудий и минометов, 680 танков и штурмовых орудий, 431 самолет. Собственные потери за этот период составили 173 тысячи человек, безвозвратно — более 40 тысяч. Уцелевшие защитники Данцига

ушли на юго-восток, в болотистую местность между устьями Вислы и Ногата.

Остатки 2-й немецкой армии, прижатые к морю севернее Готенхафена, 4 апреля были окончательно разгромлены и пленены силами 19-й армии. Части, блокированные на косе Хель и в дельте реки Висла, — примерно 120 тысяч человек, продолжали сопротивление до 9 мая, обеспечив эвакуацию морским путем десятков тысяч беженцев. Все это время их «сторожили» и безуспешно пытались ликвидировать соединения 19-й армии генерала В.З. Романовского, 5-й танковой армии генерала М.Д. Синенко и 1-я танковая бригада Войска Польского.

Войска правого крыла 1-го Белорусского фронта на то, чтобы пробиться к нижнему течению Одера, потратили почти месяц.

Выполняя указания Ставки от 5 марта, Жуков решил силами 7-го стрелкового корпуса генерал-майора В.А. Чистова, соединений 1-й армии Войска Польского с привлечением части сил 1-й гвардейской танковой армии не позже 7 марта уничтожить группировку противника в районе южнее Шифельбейн, овладеть Кольбергом и очистить от немцев всю территорию в полосе действий этих соединений. Силами остальных армий наступлением на запад и северо-запад планировалось завершить разгром 3-й танковой армии и выйти к Одера на фронте от Балтийского моря до Цедена. После этого два кавалерийских корпуса и несколько польских соединений должны были организовать оборону морского побережья и восточного берега Одера, а освободившиеся войска — совершить перегруппировку на берлинское направление.

В течение 6 и 7 марта соединения 1-й армии Войска Польского, 7-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии и части 11-го гвардейского танкового корпуса вели бои с окруженными немецкими дивизиями в районе Шифельбейн, но решить до конца поставленную задачу не смогли. Остатки 10-го корпуса СС генерал-лейтенанта Гюнтера Краппе (впрочем, уже без Краппе, который был пленен 6 марта) прорвались на северо-запад, к Трептову и Гоффу, где заняли полукруговую

оборону на приморском плацдарме размером 20 на 40 километров. Здесь, в населенных пунктах Пустхоф и Гофф, имелись причалы, пригодные для приема кораблей. Сюда же, выполняя последний приказ генерала Рауса, 7 марта пробилась боевая группа «Теттау», к которой присоединились «осколки» 18-го горнострелкового корпуса — 33-я дивизия СС «Шарлемань» и 15-я дивизия СС.

Советское командование предполагало, что немцы собираются эвакуироваться морем, и стремилось не допустить этого.

Поскольку танкисты Катуква перешли в подчинение 2-го Белорусского фронта, 8 марта маршал Жуков поручил ликвидацию приморской группировки противника войскам 7-го стрелкового и 7-го кавалерийского корпусов. При этом 79-й стрелковый корпус должен был перекрыть путь на запад, пехотинцы 7-го стрелкового корпуса — осуществлять нажим с юга, конники — отогнать врага дальше на восток. Общее руководство операцией, которая началась утром 10 марта, было возложено на штаб 3-й ударной армии. К исходу дня 207-я дивизия 79-го стрелкового корпуса, усиленная мотоциклетным и истребительно-противотанковым полками, обойдя Гросс-Юстин, пробилась к побережью, захватила Пустхоф и завязала бой за Гофф. Атака кавалерийского корпуса на Карнитц (15 километров западнее Трептова) успеха не имела. С целью оказать помощь кавалерии генерал Симоняк приказал повернуть на северо-восток две дивизии 7-го стрелкового корпуса и взять Карнитц, а кавалерии наступать на Трептов. Противник в это время, прикрывшись заслонами, оставил район Трептова и сосредоточил основные силы прорыва в районе Гофф против 207-й стрелковой дивизии. Одновременно в полосе 171-й стрелковой дивизии немцами был подготовлен встречный удар со стороны городка Дивенов (ныне Дзивнов), расположенного у основания косы, перекрывающей устье Одера.

Дальнейшие события стали следствием отсутствия разведки и должного взаимодействия между советскими соединениями и самоуверенности некоторых командиров, убежденных, что враг уже никуда не денется. Между тем, как отметил

командир 150-й стрелковой дивизии генерал В.М. Шатилов, «немцы тут были в чем-то организованнее нас, в чем-то предпримчивее. К тому же им придавало сил отчаяние».

Утром 11 марта немцы «организованными» внезапными ударами нанесли поражение 207-й и 171-й стрелковым дивизиям и оттеснили их к югу на 5—8 километров. На следующий день последние части группы «Теттау» берегом моря вырвались из кольца и ушли на запад, к Дивену. Здесь имелся автострадный мост на остров Волин; подходы к нему до последнего защищали немецкие моряки.

Если верить мемуарам генерала Г.Г. Семенова, бывшего начальника оперативного отдела армии, атаковали немцы в отчаянной, несвойственной им манере: «При поддержке мощного огня пьяные гитлеровцы шли в атаку во весь рост несколькими цепями. В кровопролитном ожесточенном бою они смяли боевой порядок 597-го полка. До 4000 фашистов устремились по лесу на запад и с тыла обрушились на 525-й стрелковый полк 171-й дивизии, нанеся ему большие потери». Лихой удар кавалеристов генерала М.П. Константинова пришелся по пустому месту: «Основных вражеских сил там уже не оказалось».

Как утверждает Раус, «генерал фон Теттау привел с собой около 20 000 солдат из различных частей и примерно 30 000 беженцев, которые со своими автомобилями и телегами прибились по дороге к его солдатам». Вся боевая техника была немцами утрачена в боях либо брошена ввиду отсутствия топлива. От 5-й егерской, 163-й и 402-й пехотных, дивизий «Бервальде» и «Померания» фактически остались лишь номера. Вдобавок «потерялись в лесу» и оказались в плену командир 402-й дивизии Зигфрид фон Шпайниц и командир дивизии «Бервальде» генерал Вили Райтель. Лучше других сохранилась «бестанковая» дивизия «Гольштейн», но и ее пришлось расформировать.

Естественно, Жукову такой «прокол» не понравился, и эхо маршальского недовольства еще долго гуляло по штабам всех уровней.

«К концу дня 12 марта положение на правом фланге армии было полностью восстановлено, — вспоминает Семенов, —

весь берег от Деэпа до Вальддивенова полностью очищен от противника. Однако сам факт прорыва через наши боевые порядки группы фашистов был неприятен. На фоне больших успехов он не имел серьезного значения. Но эта ложка дегтя испортила нам бочку меда. Маршал Жуков снова выразил генералу Симоняку свое резкое недовольство. Мне пришлось готовить для отправки в штаб фронта различные донесения и объяснения... Нечего греха таить: армия имела достаточно сил, чтобы предотвратить в Померании прорыв окруженного противника. Однако не была проявлена необходимая распорядительность».

Разбор полетов закончился отставкой командарма. Его «по собственному желанию» перевели на «Курлядский фронт» командовать 67-й армией.

Генерал Раус, после неудачного доклада у фюрера, также был снят с должности и отправлен в отставку. Командовать 3-й танковой армией назначили генерала Хассо фон Мантойфеля. Во главе группы армий «Север», сменив Рендулича, 12 марта встал генерал-полковник Вальтер Вейс.

Разгром противника, продолжавшего удерживать район Голлнов, был возложен на 12-й гвардейский стрелковый и 12-й гвардейский танковый корпуса. Танкисты генерал-майора Н.М. Телякова наносили удар на Голлнов с востока, а стрелковый корпус генерал-лейтенанта А.Ф. Казанкина — с северо-востока. Кроме того, из района Каммин повел наступление в южном направлении 9-й гвардейский танковый корпус генерал-майора Н.Д. Веденева. Город Голлнов, расположенный среди лесов по обоим берегам сравнительно небольшой реки Ина, являлся для наступающих трудным препятствием. Заболоченная местность мешала маневренным действиям. На подступах к городу немцы заранее создали систему инженерных заграждений — здесь заняли оборону подразделения 10-й дивизии СС «Фрундсберг» под командованием бригадефюрера Гейнца Хармеля (интересный момент: будучи членом Ордена СС с молодых ногтей, Хармель не состоял в нацистской партии).

Несмотря на трудности и препятствия, советские соедине-

ния после трехдневных упорных боев 7 марта взяли город штурмом. Тем самым войска 3-й ударной армии завершили выполнение своей задачи, и им было приказано, передав боевые участки соединениям Войска Польского и 7-му гвардейскому кавалерийскому корпусу, к 16 марта сосредоточиться в районе Зольдин, Кёнигсберг (Померанский). Здесь в командование армией вступил генерал-полковник В.И. Кузнецов.

Польская армия совместно со 2-м гвардейским кавалерийским корпусом должна была овладеть Кольбергом и завершить очищение от противника всего прибрежного района. Численность защитников города, переполненного эшелонами с ранеными и беженцами, составляла 4 тысячи человек — пулеметный батальон, строительный батальон, батальон фольксштурма. Из тяжелого вооружения имелось 6 неисправных танков, 8 легких полевых гаубиц и батарея зенитных орудий. Кроме того, артиллерийскую поддержку оказывал эсминец Z-43. Военный комендант предложил просто сдать «крепость» без боя и был немедленно снят с должности. Накануне штурма в Кольберг самолетом был доставлен новый комендант полковник Фриц Фулриде. Под его командованием гарнизон продержался до 18 марта. К тому времени почти 70 тысяч гражданских лиц и раненых были эвакуированы морем, последние несколько сотен защитников покинули Кольберг на борту эсминца.

Несколько медленнее проходило наступление 61-й и 47-й армий, которые продвигались на штеттинском направлении, нанося удары с востока и юга на Альтдамм.

Войска генерала Белова, наступая в западном направлении, встретили упорное сопротивление 3-го танкового корпуса СС в районе города Массов и в течение трех суток сумели пройти всего 10—12 километров. В ночь на 7 марта эсэсовские части, охваченные с флангов, оставили город и отступили к Альтдамму. Сюда же от Голлнова отходила дивизия СС «Фрундсберг».

Не менее напряженные бои вела в это время армия генерала Перхоровича. Наличие большого количества ручьев, заболоченных участков и искусственных препятствий создавало

большие трудности для наступавших. Фланги противника упирались в естественные преграды — в реку Одер и озеро Даммшер-зее, и дивизии 47-й армии примитивно перли в лоб на хорошо оборудованные позиции.

Решением Жукова от 12 марта наступление 2-й танковой, 61-й и 47-й армий было приостановлено и начата «правильная» подготовка к штурму Альтдамма — последнего очага сопротивления в Восточной Померании. Надлежало провести тщательную разведку переднего края обороны противника, его системы огня, огневых позиций артиллерии, отработать взаимодействие родов войск. Для проведения артподготовки было приказано усилить армии четырьмя артиллерийскими дивизиями прорыва, создать плотность артиллерии 250—280 орудий и минометов на километр фронта. На авиационную поддержку привлекалась вся штурмовая и 90% бомбардировочной авиации. 2-я гвардейская танковая армия должна была перегруппировать силы на правый фланг 47-й армии и наступать совместно со стрелковыми соединениями, используя свои боевые машины для непосредственной поддержки пехоты. По списку в армии Богданова числилось 603 танка и самоходные установки, реально в строю находилось 246 боевых машин.

С немецкой стороны на альтдаммском плацдарме, прикрывавшем Штеттин, окопались дивизии СС «Нордланд» и «Нидерланды», 10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг», 281-я пехотная, 549-я народно-гренадерская, 25-я танко-гренадерская дивизии, танковая дивизия «Шлезен», 1-я дивизия морской пехоты, бригада штурмовых орудий. Плотность немецкой обороны составляла здесь 5—7 километров на дивизию.

15 марта в 9 часов утра после полуторачасовой артиллерийской и авиационной подготовки советские войска возобновили наступление. Противник сопротивлялся отчаянно за каждый метр позиции. Лишь пять суток спустя стрелковые дивизии Перхоровича совместно с бригадами Богданова вышли к Одере между Альтдаммом и Грайфенхагеном и рассекали группировку противника на две части. Попытки немцев фланговыми ударами срезать советский клин были отбиты. Сознавая безнадежность положения, генерал фон Мантой-

фель, получив разрешение Гитлера, 19 марта начал отвод своих войск с восточного на западный берег Одера. Немецкие саперы приступили к планомерному подрыву зданий и городских сооружений.

Как раз в этот день, под влиянием очередного приступа «тотально-апокалиптического настроения», фюрер издал приказ о принудительной эвакуации гражданского населения из прифронтовой зоны в центральные районы страны (если нет транспорта, «пусть маршируют пешком») и безоговорочном уничтожении всех материальных ресурсов на оставаемых территориях Германии:

«Борьба за существование нашего народа вынуждает нас применять на территории рейха все меры, которые способствуют уменьшению мощи нашего противника и задержат его продвижение в глубь страны. При этом должны быть использованы все возможности нанесения врагу прямого или опосредованного ущерба. Заблуждением является мнение, что неразрушенные и просто прекратившие свою деятельность предприятия и сооружения транспорта, связи, промышленности и снабжения могут быть вновь запущены при возврате утраченных территорий. В случае отступления противник оставит нам лишь выжженную землю и не допустит возобновления производства для нужд населения».

Разрушению любыми способами подлежали промышленные предприятия, источники и средства передачи электроэнергии, водопроводы и газовые сети, мосты и дороги, локомотивы, автомобили и суда, транспортные узлы и узлы связи, продовольственные и вещевые склады. Ничто не должно было попасть в руки противника, «ни один немецкий стебелек не должен стать пищей врага», он должен встретить «только смерть, руины и ненависть». Ответственность за исполнение возлагалась на военных совместно с гаулейтерами и имперскими комиссарами обороны.

Имперский министр Шпеер, генерал Гудериан, многие трезвомыслящие военные, руководители промышленности, как могли, саботировали исполнение директивы. Одно дело оставлять за собой «выжженную землю» в Советском Союзе — «в основе этой разрушительной политики лежали трез-

вые оперативные соображения», совсем другое — накануне поражения превратить в пустыню собственную страну и обречь нацию на вымирание в послевоенный период.

Когда бунтарь Гитлер еще только мечтал о власти, он, обещая облагодетельствовать всех немцев на планете, писал: «Государственный авторитет не может быть самоцелью, потому что в этом случае любая тирания на земле была бы неприкосновенной и священной. Если правительство использует свою власть на то, чтобы вести народ к гибели, в таком случае бунт каждого представителя такого народа не только правомерен, но и является его долгом».

Теперь фюреру было совершенно безразлично, какие «стельки» будут жевать немцы. На все резоны Шпеера о необходимости сохранить «основу жизни народа» для его возрождения в будущем Гитлер «ледяным тоном» заявил: «Когда проигрывают войну, погибает и народ. Нет необходимости обращать внимание на основы дальнейшего самого примитивного существования немецкого народа. Напротив, лучше как раз разрушить эти вещи самим. Потому что наш народ оказался слабым, и будущее принадлежит более сильному восточному народу. Кроме того, после битвы уцелеют только неполноценные люди, ибо полноценные умрут на поле боя».

Народ оказался недостоин своего вождя — тем хуже для народа.

Что тут скажешь? Как показывает опыт XX века, все революционеры и борцы за народное счастье, от Ленина до Пол Пота, дорвавшись до кормила, оказывались, если их вовремя не пристрелить, отъявленными отморозками и беспредельщиками.

20 марта немецкие части покинули альтдаммский плацдарм и взорвали за собой последний мост. Войска 61-й армии овладели почти полностью разрушенным Альтдаммом, а 47-й армии — Грайфенхагеном. Советскими войсками было взято более 12 тысяч пленных, 126 танков и самоходных орудий, более 200 пушек, 154 миномета и другое вооружение.

Восточный берег был полностью очищен от противника во всей полосе действий 1-го Белорусского фронта. С 21 марта маршал Жуков начал перегруппировку сил на берлинское направление.

В результате Восточно-Померанской наступательной операции Красной Армией была разгромлена восточнопомеранская группировка противника, имевшая в своем составе более 30 дивизий. В этой операции немецко-фашистские войска потеряли только пленными более 100 тысяч солдат и офицеров. Советскими войсками было взято около 3000 орудий, около 2000 минометов, до 1000 танков и самоходных орудий, более 8000 пулеметов, несколько боевых кораблей и подводных лодок и много другого военного имущества. Противник лишился не только восточнопомеранского плацдарма, но и значительной части побережья Балтийского моря.

Общие потери двух фронтов к 4 апреля составили 225,6 тысячи человек (53 тысячи безвозвратно), 1027 танков и САУ, 1073 самолета, 1005 орудий и минометов. Еще около 9 тысяч потеряли поляки.

На этом закончилась полководческая карьера Гиммлера. В середине марта, обеспокоенный отсутствием ясной информации, Гудериан прибыл в штаб группы армий «Висла» и с возмущением узнал, что рейхсфюрер, скорбный ангиной, уже вторую неделю «управляет» боевыми действиями из санатория в пригороде Берлина: «Гиммлер чувствовал себя сносно; я в такой обстановке никогда бы не бросил свои войска из-за легкого насморка». В приватной беседе генерал уговорил всемогущего эсэсовца подать в отставку и сам предложил Гитлеру освободить «перегруженного разными должностями» рейхсфюрера от поста командующего группой армий «Висла». 20 марта на его место был назначен генерал-полковник Готтард Хейнрици.

Одновременно с проведением Восточно-Померанской операции войска левого крыла 1-го Белорусского фронта на берлинском направлении продолжали вести борьбу за расширение и удержание плацдармов на левом берегу Одера и ликвидацию кюстринского гарнизона.

«Тот, кто хоть раз за время войны побывал на плацдарме, — вспоминает начальник штаба 8-й гвардейской армии генерал В.А. Белявский, — на всю жизнь сохранил в памяти атмосферу огромного каждодневного напряжения. Оно не

оставляло в стороне никого. И бывалого разведчика, которому здесь, на плацдарме, чаще обычного приходилось ходить в поиск, и комбата, непрерывно думающего, как бы покрепче зацепиться за землю и в то же время всегда быть готовым к броску в атаку, и полевого медика, для которого переправа за реку тяжелораненого становилась сущей проблемой, и тыловика, мучительно размышляющего, как доставить на «пятачок» снаряды, продукты, бочки с бензином, и понтонера, чей непомерный труд то и дело сводился на нет — переправы часто разрушались бомбами. Немало задач вставало и перед штабными офицерами. Обстановка здесь редко бывала стабильной. И положение неустойчивого равновесия обязывало думать и думать, как повернуть его в свою пользу».

Немцы изо всех сил пытались ликвидировать русский «трамплин» для прыжка на Берлин.

1 марта Гитлер приказал генерал-инспектору бомбардировочной авиации полковнику Баумбаху нанести удары по советским переправам через Одер и Нейсе. Полковник, ранее принимавший участие в секретных проектах Люфтваффе, для выполнения столь ответственного задания решил использовать образцы из арсенала «оружия возмездия».

В воскресенье 4 марта фюрер лично посетил Одерский фронт, побывал на командном пункте 101-го армейского корпуса, в дивизиях «Деберитц» и «Берлин». Больше всех умилился Геббельс: «Впечатление, вызванное визитом фюрера, среди офицеров и солдат огромное. Я считал бы правильным, чтобы теперь фюрер чаще выезжал на фронт. Тем самым был бы положен конец отвратительным слухам о том, что фюрер будто бы недостаточно заботится о фронте. Он, конечно, достаточно заботится, но его забота проявляется не в такой форме, какая доступна примитивному солдатскому восприятию. И все же по причинам психологического порядка было бы необходимо, чтобы фюрер в чисто личном и чисто человеческом плане предстал взорам фронтовиков таким, каков он в действительности».

А 6 марта советские переправы были атакованы самолетами «Дорнье-217» из 200-й бомбардировочной эскадры. Каждый носитель на внешней подвеске нес по две планирующие

управляемые радиокомандами авиабомбы «Хеншель-293». В принципе, это была ПКР класса «воздух—земля» с броней-бойной БЧ весом 1260 кг, предназначенная для потопления крупных надводных кораблей, то есть вещь совсем другого назначения. Но в данном случае было важно, что такую бомбу можно было сбрасывать с высоты 6000 метров на дистанции 16 километров — за пределами эффективного огня советских зенитных дивизий. По донесениям летчиков, им удалось поразить мост у Гёрица, что, впрочем, на действиях русских никак не отразилось.

Кроме того, в марте переправы подвергались налетам аэросцепок типа «Мистель». Конструкция представляла собой истребитель Me-109 или ФВ-190, который размещался на фюзеляже ударной машины, переоборудованной из бомбардировщика Ю-88 в набитую взрывчаткой и топливом 20-тонную «воздушную торпеду». Управляемая из кабины истребителя «Мистель» взлетала и направлялась к цели, используя горючее из баков самолета-снаряда. Достигнув заданного района, летчик наводил бомбардировщик на цель, производил расцепку и возвращался на базу, используя топливо своей машины. Изначально система с практической дальностью действия 2000 (в последних модификациях — 4100) километров и куммулятивной боевой частью массой 3500 кг предназначалась для нанесения ударов по военно-морским базам, скоплениям судов и промышленным объектам. Однако в марте 1945-го редкая «птица» могла дотянуть до Урала, Скапа-Флоу или середины Днепра, тем более что крейсерская скорость сцепки не превышала 380 км/час. Поэтому «Мистели» бросили на выполнение не свойственных им задач: нанесению ударов по переправам через Одер, Нейсе и Рейн, железнодорожным узлам и скоплениям войск союзников. В условиях сильного противодействия фронтовой авиации и ПВО они несли большие потери, не нанося противнику ощутимого ущерба. Правда, грохоту было много, и, как вспоминает Чуйков, «воронки от взрывов были громадные»: «Мы подумали, стоит ли игра свеч? Бить таким дорогим оружием по строящемуся мосту — неоправданное расточительство. Но гитлеровскому командованию было не до экономических

расчетов». Повреждения переправ быстро устранялись саперами.

Между плацдармами, захваченными частями 5-й ударной и 8-й гвардейской армий, костью в горле «застрял» крупный узел коммуникаций город Кюстрин, расположенный на восточном берегу Одера, при впадении в него Варты. Гарнизон очередной «крепости» насчитывал 16,8 тысячи человек, включая фольксштурм и шуцманов; гражданское население эвакуировали. Комендантом был назначен Рейнефарт, бывший начальник полиции Варшавы, «хороший полицейский чиновник, но отнюдь не генерал».

6 марта советские войска приступили к операции по объединению плацдармов.

37-я гвардейская стрелковая дивизия полковника Г.Б. Смолина, усиленная 327-й штрафной ротой, при поддержке двух самоходно-артиллерийских полков и 100-й гаубичной бригады большой мощности атаковала с юга кюстринский пригород Китц. Перед этим пикировщики 3-го бомбардировочного корпуса уложили точно в цель пять 1000-килограммовых бомб. И все равно уличные бои носили исключительно упорный характер. Позднее В.И. Чуйков рассказывал как анекдот: «Бойцы взяли в плен немецкого офицера из крепости. На допросе Чуйков спросил его:

— Ведь вы же обречены, почему не сдаетесь?

Пленный ответил:

— Господин генерал, у нас там обороняется дивизия, а вы перед ней поставили полк и хотите, чтобы мы подняли руки, ведь это же неприлично для военных. Пошлите хотя бы две дивизии, тогда и сдаться не стыдно».

Лишь к вечеру 13 марта советские штурмовые группы полностью овладели развалинами Китца — ни одного целого дома в нем не осталось.

Одновременно 32-й стрелковый корпус 5-й ударной армии, усиленный тремя штрафными ротами, огнеметным и штурмовым саперным батальонами, двумя отдельными танковыми полками, при массовой поддержке авиации и артиллерии вплоть до калибра 280 мм, штурмовал Нейштадт — северную часть города. К исходу 12 марта последние

очаги немецкого сопротивления были ликвидированы. Остатки гарнизона, взорвав за собой мосты, ушли за Варту и укрылись в старинной цитадели, находившейся на рукотворном острове при слиянии двух рек. Пойма была залита весенними водами. С суши цитадель соединяли лишь дамбы и насыпи дорог.

13 марта Жуков приказал командармам подготовить на западном берегу Одера встречные удары на Гольцов и сомкнуть фланги. На тот момент две армии разделял узкий коридор на Кюстрин шириной около трех километров, который удерживали части танковой дивизии «Мюнхеберг» (21 танк и 5 самоходок) и пехотная дивизия «Деберитц».

Для выполнения поставленной задачи генерал Чуйков выделил 4-й гвардейский стрелковый корпус (35, 57, 57-я гвардейские дивизии) генерала В.А. Глазунова. Его соединения усиливались 20-й танковой бригадой, 259-м танковым полком, 34-м и 50-м гвардейскими танковыми полками, 1087-м самоходным артполком, 29-й артиллерийской дивизией прорыва, 100-й артбригадой большой мощности, 38-й и 25-й истребительно-противотанковыми бригадами, 295-м и 1091-м пушечными артиллерийскими полками, 59-м гвардейским минометным полком. В результате на трехкилометровом участке прорыва удалось собрать 641 ствол артиллерии и минометов, 162 танка и САУ.

Генерал Берзарин решил снова задействовать 295-ю и 416-ю дивизии 32-го стрелкового корпуса, участвовавшие в штурме Нейштадта. Их должны были поддерживать 69-я тяжелая танковая бригада, 220-я танковая бригада, 89-й тяжелый танковый полк, 124-я артбригада большой мощности, 32-й артиллерийский дивизион особой мощности, 14-я артиллерийская дивизия прорыва, 4-я гвардейская истребительно-противотанковая бригада, 5-я гвардейская минометная дивизия, 37-й гвардейский минометный полк, 5-й дивизион гвардейских минометов М-31. В итоге была достигнута оперативная плотность 190 орудий и минометов, 100 танков и САУ на километр фронта.

К операции привлекалась вся штурмовая авиация 16-й воздушной армии. Накануне наступления летчики штурмо-

вой и бомбардировочной авиации в течение четырех суток методично наносили удары по противнику, нарушая его систему обороны и управление. Артиллеристы по графику вели прицельный огонь по различным участкам.

Утром 22 марта, после часовой артиллерийской и авиационной обработки переднего края и тылов противника, в атаку пошли пехота и танки сопровождения. К исходу дня войска двух армий соединились в намеченном районе, и гарнизон Кюстринской крепости с немногими уцелевшими фортами и цитаделью оказался изолированным со всех сторон. Два небольших плацдарма на левом берегу Одера удалось объединить в один плацдарм оперативного значения. Все немецкие контратаки, в которых 23—24 марта генерал Бюссе задействовал танковую дивизию «Мюнхеберг», 25-ю и 20-ю танко-гренадерские дивизии, были отбиты. На занятом рубеже русские вросли в землю, прикрылись минными полями, ошетились противотанковыми стволами.

Ликвидация кюстринского плацдарма и восстановление связи с Кюстрином стали первыми задачами, которые пришлось решать новому командующему группой армий «Висла» генералу Хейнрици. Причем Гитлер уже все придумал: незаметно собрать пять дивизий в районе Франкфурта, перебросить их на восточный берег Одера, где немцы удерживали предмостное укрепление, и нанести удар с юга на север — в тыл 69-й и 8-й гвардейской армиям. Однако несносный Гудериан считал такое наступление бесперспективным и предложил просто сбросить русских с плацдарма и восстановить связь с гарнизоном Кюстрина. Хейнрици тоже склонялся к проведению чего-нибудь менее масштабного. Снова «начались продолжительные споры», которые на этот раз закончились «победой» военных.

К операции по деблокированию, кроме уже участвующих в боях соединений, привлекались гренадерская дивизия «Фюрер», боевая группа «1001 ночь», 502-й тяжелый танковый батальон СС. Основной ударной силой группировки, объединенной штабом 39-го танкового корпуса, были 39 «королевских тигров» из состава дивизии «Мюнхеберг» и тяжелого батальона и 70 самоходок различных типов. Наступле-

ние началось в 4 утра 27 марта, и уже к вечеру стало ясно, что оно с треском провалилось. У немецких артиллеристов очень быстро закончились боеприпасы, «тигры» застряли на минных полях, пехота под ураганным огнем советских пушек и реактивных минометов отказывалась подниматься в атаку. Попытку повторили на следующий день — с тем же успехом и большими потерями. Правда, под шумок из Кюстрина, к ярости фюрера, сумел вырваться генерал Рейнефарт с небольшой группой. Еще одна часть защитников, не получив никаких приказов, осталась в крепости.

Гитлер обвинил в неудаче Генеральный штаб, командующего 9-й армией и не проявившие должного героизма войска. На совещании, состоявшемся 28 марта, Гудериан по этому поводу в последний раз повздорил с фюрером и был им отправлен в шестинедельный отпуск для поправки здоровья. Отгуляв день в день 42 дня, «отец немецких танковых войск» 10 мая 1945 года сдался в плен американцам. Примечательно, что, получив звание генерал-полковника еще за Французскую кампанию, он так и не дослужился до фельдмаршала. Последним начальником Генерального штаба сухопутных сил стал генерал Ганс Кребс.

Кюстринская цитадель после двухдневного штурма «с суши и с моря» была взята 30 марта войсками 8-й гвардейской армии.

Общие потери двух советских армий в сражении за кюстринский плацдарм с 3 февраля по 30 марта составили 61 799 человек, безвозвратные — 15 466.

2 апреля маршал Жуков, запланировавший частную операцию по овладению Франкфуртом, получил директиву Ставки, предписывавшую войскам фронта «во всей полосе перейти к жесткой обороне».

ВЕРХНЕ-СИЛЕЗСКАЯ И МОРАВСКО-ОСТРАВСКАЯ ОПЕРАЦИИ

Маршал Конев — не сидеть же ему без дела — тоже зачищал фланги. В ходе Нижне-Силезской операции правое крыло и центр 1-го Украинского фронта продвинулись далеко на запад, в то время как южное крыло осталось стоять на месте.

практически на линии Одера. Более того, на восточном берегу противник сохранил за собой клодницкий плацдарм. В результате в районе Оппельн—Ратибор образовался выступ, из которого немцы теоретически могли нанести удар в северо-западном направлении на Бреслау и даже «попробовать восстановить свою прежнюю линию обороны по Одери».

Конев был уверен, что сумеет отразить любую угрозу, но Ставку беспокоила даже гипотетическая опасность, а также «бродивший по Европе» призрак 6-й танковой армии СС. Верховный неоднократно звонил командующему фронтом и настойчиво обращал внимание на то, что немцы собираются нанести удар на ратиборском направлении:

«Смотрите, — говорил мне Сталин в одном из таких телефонных разговоров, — немцы не примирились с потерей Силезии и могут ее у вас отобрать».

В конце концов было решено не вводить противника в заблуждение и организовать молниеносную операцию по выравниванию линии фронта с выходом армий южного крыла на уровень центра по линии Штрелен, Патшкау, Опава, «чтобы в будущем мы имели более благоприятные условия для перехода в наступление на главном стратегическом направлении — берлинском». Такую версию поведал Конев писателю Симонову.

Разработанный в штабе Конева план был утвержден 1 марта. Примечательно, что в опубликованном сборнике директив Ставки ВГК отсутствуют как предложения командующего фронтом на проведение операции, так и решение Москвы. Складывается впечатление, что первоначальная задумка была гораздо масштабнее — в линию должны были «выстроиться» все фронты.

Во всяком случае, командующему 4-м Украинским фронтом директивой от 17 февраля было приказано не позднее 10 марта начать наступление в направлении на Оломоуц, в ходе которого следовало уничтожить моравско-остравскую группировку противника и овладеть промышленным районом Моравска-Острава. Удар, наносимый армиями генерала И.Е. Петрова, должен был способствовать наступлению войск, действовавших в Верхней Силезии, и лишить германское командование возможности маневрировать резервами.

Главная задача фронта состояла в прорыве на глубину до 450 километров, выходе на рубеж реки Влтава и овладении Прагой.

Одновременно (если быть совсем точным, то пятью минутами позже) маршалы Малиновский и Толбухин получили директиву «на наступательную операцию по овладению Венной», которая должна была начаться 15 марта.

Основные усилия 4-го Украинского фронта сосредоточивались на правом крыле в полосах 38-й и 1-й гвардейской армий, получивших задачу смежными флангами прорвать вражескую оборону на 10-километровом участке и, обходя Моравску-Оставу с юга, развивать наступление на Оломоуц и Пршеров, которые должны были взять к исходу восьмого дня операции. Собственно говоря, на этом направлении генерал Петров сгрудил практически весь фронт — 9 из 11 стрелковых корпусов, всю бронетехнику и всю артиллерию, создав плотность 200 стволов на километр прорыва. 18-я армия с Чехословацким корпусом по-прежнему наносила удар на Ружомберок, Жилину, Кромержиж, активными действиями отвлекающая и сковывая силы противника.

Фронт был усилен 126-м и 127-м легкими горнострелковыми, 5-м гвардейским механизированным корпусами и 24-й артиллерийской дивизией прорыва. С учетом чехословацких частей в нем насчитывалось 25 стрелковых дивизий, 1 укрепленный район, 1 механизированный корпус, 10 стрелковых и 4 танковые бригады — 317 тысяч человек, около 500 танков и САУ.

Противник был прежний — армейская группа «Хейнрици», из состава которой перед 4-м Украинским фронтом находилось 6 пехотных и 2 горнострелковые дивизии и 2 боевые группы — 150 тысяч солдат и офицеров при 100 танках и самоходках.

Советское наступление началось точно в установленный срок — 10 марта в 7.45. Погода, мягко говоря, не задалась: с ночи разыгралась снежная пурга, видимость упала до нуля, «прицельные приспособления, бинокли, стереотрубы — все забивало снегом». По воспоминаниям Москаленко, коман-

дармы уговаривали генерала Петрова, прибывшего на наблюдательный пункт 38-й армии, отложить операцию:

«Встретив его вместе с членом Военного совета А.А. Епишевым и командующим артиллерией армии полковником Н.А. Смирновым, я доложил, что войска готовы к наступлению, но условия погоды не позволяют начать артиллерийскую подготовку. Она не принесет желаемых результатов, говорил я, так как огонь можно вести лишь по площадям, а не по целям. В заключение изложил просьбу: позвонить Верховному Главнокомандующему и попросить перенести срок наступления.

И.Е. Петров не согласился:

— Сроки утверждены Ставкой, они окончательные, — ответил он. — Просить о переносе времени наступления не буду.

После этого он позвонил командующему 1-й гвардейской армией генерал-полковнику А.А. Гречко, который после доклада о готовности войск к наступлению подчеркнул нецелесообразность начинать артиллерийскую подготовку в сложившихся условиях... К сожалению, командующий фронтом отклонил и просьбу А.А. Гречко».

К тому же от разведывательной агентуры и перебежчиков с русской стороны немцы имели довольно точную информацию о советских планах и перед рассветом незаметно отвели свои войска во вторую траншею, оставив на переднем крае лишь прикрытие.

По этим причинам 2000 орудий и минометов 70 минут падали «в белый свет». Авиация в воздух не поднималась. В итоге огневая система противника не была подавлена, его силы не понесли существенных потерь, управление войсками и связь не были нарушены. Поднявшаяся в атаку пехота дивизий первого эшелона и танки сопровождения после захвата первой линии траншей были встречены организованным огнем. К концу дня вместо прорыва на глубину 23—25 километров войска ударной группировки вклинились в оборону противника на 3—4 километра, захватив деревню Павловица и деревню Голясовице. Соответственно не были созданы условия для ввода подвижной группы фронта.

По ходу дела, опрашивая пленных, выяснили, что против-

ник был осведомлен о времени начала наступления. Советские генералы, естественно, грешили на «фашистских шпионов» и «агентов гестапо», скрывая собственные недочеты в подготовке операции, в частности, отсутствие должных мер маскировки, о чем прямо писал командир минометной батареи Ф.И. Шушин:

«В том первом наступлении на Моравска-Оставу мы действительно сами себя подвели. Я лично тогда еще подумал, что немцев или мало осталось, или они вообще задумали кончать войну. Такой картины, как там, я за всю войну не видел. В дни подготовки к этому наступлению наши все делали открыто, а немцы по нас не стреляли. Подвели мы себя здорово, а тут еще и погода и местность — все было против нас. В отношении навалом набитых немцев привирали тогда здорово, когда докладывали командарму. Сужу по своему участку, когда мы прорывали их первую линию — на железной дороге. Зато со второй линии, что была у них за лесом, они нам дали! Ни о каком продвижении вперед тогда не могло быть уже и речи. Лежали мы тогда, как сукины сыны, в воде. Минометы свои сорвали с огневых позиций, а там их невозможно было установить. А когда кое-как приладились, то от первого же выстрела они ушли в землю. Почва там была топкая и зыбкая».

Во второй половине дня 11 марта после получасовой артиллерийской подготовки советские войска повторили попытку, но и в этот день удалось «прогрызться» всего лишь от 2 до 5 километров:

«Ограниченное количество дорог и неблагоприятные метеорологические условия по-прежнему не позволяли эффективно применить всю огневую мощь артиллерии и минометов, сосредоточенных на участке прорыва. Механизированный корпус, вытянувшись вдоль дорог, не смог использовать свои маневренные возможности *(по сути, корпус стоял без дела, забив техникой все дороги в полосе 38-й армии и вызывая раздражение пехоты: «В самом деле, наверное, психологически трудно наблюдать, как десятки стальных коробок стоят и ждут за спиной, боясь подорваться на минах или попасть под огонь артиллерии, в то время как не защищенные броней люди, пехотинцы, идут вперед сквозь эти мины и сквозь этот артил-*

лерийский огонь Наверно, если не входит в общий замысел операции, это просто по-человечески может казаться обидным»).

Так начали отрицательно сказываться неправильный выбор направления главного удара, время его проведения и потеря элемента внезапности».

Враг постепенно наращивал силы, непрерывно контратаковал, а также «умело использовал благоприятные для обороны условия местности».

После потери Рурского бассейна Моравский и Верхне-Силезский промышленные районы с мощными залежами железной руды и коксующегося угля имели колоссальное значение для истощенного войной рейха. Здесь были сосредоточены важнейшие военные заводы, производившие самоходные установки, броню, коргуса авиабомб и артиллерийских снарядов, массово клепавшие пресловутые фаустпатроны, и десятки крупнейших предприятий металлургической, машиностроительной, каменноугольной, химической, текстильной и других отраслей промышленности. И потому не случайно «гитлеровцы так отчаянно сопротивлялись».

В середине марта в район советского вклинения была переброшена 8-я танковая дивизия Георга Хакса, в составе которой насчитывалось 82 танка и САУ (правда, исправными были только 26 боевых машин).

Наступление захлебнулось. Уже 11 марта 18-я армия получила разрешение «закрепиться на достигнутых рубежах». Армии Москаленко и Гречко топтались на месте еще пять суток и 17 марта вынуждены были остановить наступление. Как писал в своем очерке корреспондент «Красной звезды» К.М. Симонов, войскам «удалось продвинуться только на то расстояние, которое, как бы щедро ни было оно полито кровью, все равно не отмечается в сводках Информбюро», если точнее, на главном направлении удалось продвинуться на 12 километров.

Член Военного совета фронта Л.З. Мехлис, глядя на карту, с горечью шутил: «Кажется, нас скоро Второй и Первый Украинские фронты в окружение возьмут». И отбивал непосредственно в ЦК «закладные» — самая комиссарская работа — о неудовлетворительной работе командующего.

Генерал Петров, не теряя оптимизма, решил в течение недели произвести перегруппировку главных сил еще правее, на самый стык двух фронтов, и нанести новый удар через Зо-рау, Лослау, Троппау (Опава) в обход Моравска-Остравы с севера, о чем и доложил в Ставку. В ответ командующий получил «последнее предупреждение» от Сталина «за недочеты в руководстве»:

«Ставка Верховного Главнокомандования считает объяснения генерала армии Петрова от 17.03.1945 № 256 необидительными и указывает:

1. Командующий фронтом генерал армии Петров, установив неполную готовность войск фронта к наступлению, обязан был доложить об этом Ставке и просить дополнительного времени на подготовку, в чем Ставка не отказала бы. Но генерал армии Петров не позаботился об этом или побоялся прямо доложить о неготовности войск.

Член Военного совета фронта генерал-полковник Мехлис сообщил ЦК ВКП(б) о недочетах в подготовке и организации наступления только после срыва операции вместо того, чтобы, зная о неполной готовности войск, своевременно предупредить об этом Ставку.

2. Командование фронта и армий не сумело скрыть от противника сосредоточение войск и подготовку наступления.

3. Штаб фронта был разбросан, и большая часть его находилась в 130 км от участка наступления.

Проявленное в указанных недочетах неумение подготовить операцию и определило ее неуспех».

На следующий день из Москвы последовало распоряжение о передаче 5-го Зимовниковского гвардейского механизированного корпуса 1-му Украинскому фронту — у маршала Конева дело двигалось...

Для достижения поставленной цели на левом крыле 1-го Украинского фронта были созданы две ударные группировки. Северная (опельнская), в которую вошли 34-й гвардейский стрелковый корпус 5-й гвардейской армии и 4-й гвардейский танковый корпус, 4-я танковая и 21-я армии с 10-м артиллерийским корпусом прорыва, имела задачу нанести

удар из района Гротткау на юго-запад в направлении на Нейсе, Нойштадт. Южной (ратиборской) группировке предстояло наступать ей навстречу, в северо-западном и западном направлениях. В ее состав вошли 59-я и 60-я армии, которым из резерва фронта были приданы 93-й стрелковый, 7-й гвардейский механизированный и 31-й танковый корпуса, 152-я отдельная танковая бригада, 17-я артиллерийская дивизия прорыва. Всего в операции принимали участие 31 стрелковая дивизия — 408 тысяч солдат и офицеров, 5640 орудий и минометов, 988 танков и самоходных установок. В одной только армии Лелюшенко находилось в строю 478 боевых машин. На каждом километре участков прорыва было сконцентрировано по одной стрелковой дивизии, 198 артиллерийских и минометных стволов, 43 танка. Во 2-й воздушной армии насчитывалось 1737 боевых самолетов. Танковые и механизированные корпуса должны были взламывать вражескую оборону совместно с изрядно поредевшей пехотой. На второй день наступления предполагалось захватить Нойштадт и загнать в «котел» в районе Оппельна не менее пяти немецких дивизий.

«Мы рассчитывали, — пишет Конев, — прежде всего на окружение той части немецко-фашистских войск, которые располагались на самом Оппельнском выступе и непосредственно в Оппельне. Кстати сказать, этот город еще со времени прошлых боев остался на линии фронта — половина у нас, половина у противника». Согласно картам и сообщениям Совинформбюро, «еще со времени прошлых боев» город Оппельн числился «нашим», салют в честь его освобождения был дан в Москве 24 января.

В полосе предстоящих боевых действий оборонялось до 15 дивизий из состава 17-й полевой армии и армейской группы «Хейнрици», имевших 1420 орудий и минометов, 94 танка и САУ.

Немцы и вправду 8 марта силами трех пехотных дивизий предприняли попытку «срезать» плацдарм 59-й армии между Козелем и Ратибором. Однако сил для этого явно не хватало, и через три дня операция заглохла.

Советское наступление началось утром 15 марта и, как со-

общает Конев, «проходило в трудных условиях, в несколько замедленном темпе». Войска северной группировки на участке 8 километров прорвали две позиции и к исходу дня продвинулись вглубь всего на 8 километров, хотя по плану 10-й гвардейский танковый корпус должен был к этому сроку овладеть районом Нейсе. Соединения южной группировки преодолели до 10 километров.

Судя по рассказу Конева, подготовка операции грешила небрежностью и недооценкой противника. Маршал сам описывает предстоящие трудности: «За пять недель немцам удалось кроме укреплений полевого типа и инженерных заграждений на переднем крае создать у себя в тылу довольно прочные узлы сопротивления, подготовить к длительной обороне большинство населенных пунктов и даже отдельные дома. Густая сеть построек позволяла врагу практически перекрывать артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем все или почти все разделявшее их пространство. В промежутках между отдельными пунктами были вырыты траншеи, оборудованы запасные огневые позиции. По данным нашей авиаразведки, оборона немцев простиралась здесь в глубину на 20—25 километров. В этой операции нам предстояло расправиться с очень плотной и заблаговременно подготовленной к обороне группировкой... Мин перед нами оказалось вдоволь. Немцы навалили их всюду, где только можно. В сочетании с весенней распутицей и пересеченной местностью минные заграждения представляли серьезное препятствие для наступления».

При всем этом в полосе 21-й армии генерала Д.Г. Гусева после стремительного захвата оставленной немцами первой траншеи продолжительность артиллерийской подготовки, в целях экономии боеприпасов, была сокращена наполовину. Затем выяснилось, что «наша артиллерия подавила далеко не все огневые точки противника, в особенности противотанковые», а наша разведка «не сумела выявить во всех подробностях систему вражеского огня». Как назло, в первой половине дня по погодным условиям не работала авиация, да и с улучшением погоды толку было немного. Распутица вынуждала танки действовать исключительно вдоль дорог и проры-

ваться через населенные пункты, «густо насыщенные» фаустниками и замаскированными орудиями ПТО. Своя артиллерия хронически отставала, не обеспечивая непрерывной поддержки передовых частей. Армия генерала Коровника столкнулась с теми же трудностями: «Чтобы сэкономить снаряды и меньше обнаруживать себя, враг вел исключительно прицельный огонь по объектам в глубине, для поражения передовых частей выделялись главным образом кочующие орудия или самоходки. Противотанковые пушки противник держал в укрытиях до последней минуты, пока перед ними не появлялись наши танки. Зато еще более интенсивно он стал применять фаустпатроны. Не только артиллерия и танки, но иногда даже общевойсковые части и подразделения придерживались дорог, в основном имеющих твердое покрытие. На дорогах создавались скопления и пробки, движение часто нарушалось... Штурмовикам, ведущим бой в основном на малых высотах и бреющих полетах, осложняли ориентировку скученность населенных пунктов, недостаточно благоприятная метеорологическая обстановка, высокая маневренность войск и недочеты взаимного опознавания и оповещения».

В результате «потери в танках в первый день превзошли наши ожидания»: 31-й танковый корпус генерала Г.Г. Кузнецова потерял треть, 7-й гвардейский механизированный генерала И.П. Корчагина — четверть всех своих танков. В танковой армии Лелюшенко также отмечались «излишние потери материальной части».

Конев приказал командармам продолжать наступление и ночью. В дело были введены вторые эшелоны полков и дивизий.

Немцы начали снимать с других участков фронта и перебрасывать в полосу северной группировки части 19-й танковой (48 танков и САУ), 20-й танковой (55 танков и САУ), 10-й танко-гренадерской (38 самоходов) дивизий, 1-й парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг», бригаду штурмовых орудий.

Весь день 16 марта соединения ударных группировок вели напряженные бои с контратаковавшими войсками противника. Улучшилась погода, и «сталинские соколы» начали активно содействовать наземным войскам.

В ночь на 17 марта северная группировка фронта смяла противостоявшие вражеские войска и начала быстрое продвижение на город Нейсе, а частью сил — на Штрелен. Передовые части 10-го гвардейского танкового корпуса к 6 часам вышли к реке Нейсе у Ротхауса и с ходу начали ее форсирование. Стремясь остановить продвижение советских войск, противник взорвал мосты, заминировал подступы к местам возможных переправ и открыл шлюзы водохранилища Оттмахау. Уровень воды в реке поднялся до двух метров. К вечеру, наведя понтонный мост, бригады генерала Е.Е. Белова успешно преодолели водную преграду и развили успех на Нойштадт, охватывая группировку врага в районе Оппельна с юго-запада. Одновременно 6-й гвардейский механизированный корпус, отражая контратаки 10-й танко-гренадерской и передовых частей 20-й танковой дивизий, пробивался к городу Оттмахау. В разгар сражения из Москвы пришло сообщение о преобразовании 4-й танковой армии в гвардейскую — «За проявленную отвагу в боях за Отечество, стойкость, мужество, смелость, дисциплину, организованность и умелое выполнение боевых задач».

В тот же день завершила прорыв тактической зоны и приступила к преследованию войск противника южная группировка фронта.

К вечеру 18 марта 61-я гвардейская танковая бригада полковника В.И. Зайцева овладела Нойштадтом. Комбриг вспоминает, что его «орлы» ворвались в центр города так внезапно, «что часовой, стоявший на посту у немецкой комендатуры, с перепуга стал требовать от наших автоматчиков пропуск». Главные силы 10-го гвардейского танкового корпуса вышли в район Зюльца, где встретились с частями 7-го гвардейского мехкорпуса. В «котле» очутились 20-я дивизия СС (эстонская), 168-я и 344-я пехотные дивизии, части 18-й танко-гренадерской дивизии СС «Хорст Вессель». Соединения 43-го и 115-го стрелковых корпусов 59-й армии, продвигаясь по берегам Одера, соединились в районе Козеля и ликвидировали клодницкий плацдарм.

6-й гвардейский механизированный корпус по пути на Оттмахау захватил узел дорог Штефенсдорф, но дальнейшее

продвижение в юго-западном направлении было остановлено яростными контратаками 20-й танковой и 1-й парашютно-танковой дивизий. Вражеским снарядом, разорвавшимся на командном пункте, были смертельно ранены командир мехкорпуса 29-летний генерал В.Ф. Орлов, начальник разведотдела майор Чернышев и командир 17-й гвардейской механизированной бригады подполковник Л.Д. Чурилов. В командование корпусом вступил начальник штаба полковник В.И. Корецкий. Генерал Лелюшенко подбросил в помощь армейскую артиллерийскую бригаду и мотоциклетный батальон. Атаки 19-й танковой дивизии с запада были успешно отбиты частями 4-го гвардейского танкового и 34-го гвардейского стрелкового корпусов.

Против южной группировки 1-го Украинского фронта в район Леобшютца выдвигался 24-й танковый корпус генерала Неринга, которому были подчинены 16-я и 17-я танковые, 78-я штурмовая дивизии и дивизия «Эскорт фюрера» — полторы сотни танков и самоходных установок.

В это время часть сил 4-й гвардейской танковой, 21-й и 59-й армий продолжала движение на запад, отодвигая и уплотняя внешний «обвод» кольца окружения. Остальные соединения с утра 19 марта приступили к ликвидации окруженной группировки. Маршал Конев, будучи на командном пункте генерала Гусева, подписал приказ, в котором, в частности, говорилось: «До ночи выходящие группы врага уничтожить, пленить. Всем сержантам и офицерам дерзко и смело атаковать врага. Не опозорить войска 21-й армии, 4-й гвардейской танковой и не выпустить врага из окружения». Однако благодаря тому, что командир 93-го стрелкового корпуса генерал Я.С. Шарабурко, «увлекшись наступлением на Нойштадт, ослабил внимание к своему тылу», подразделениям 344-й пехотной дивизии и 18-й дивизии СС в ночь на 20 марта ударом через деревушку Рассевальтц удалось прорваться на юг. С остальными окруженцами было покончено к 22 марта.

По советским данным, немцы потеряли здесь около 30 тысяч человек убитыми, 15 тысяч были взяты в плен. Генералу Нерингу пришлось срочно заняться залатыванием очередной дыры в немецкой обороне. Угроза левому крылу фронта

1-го Украинского фронта была в основном устранена. Кроме того, вынужденная переброска танковых войск в район Нейсе заставила германское командование отказаться от плана деблокирования Бреслау. Советские потери составили около 30 тысяч человек убитыми и ранеными и 259 единиц сгоревшей бронетехники.

Завершив ликвидацию оппельнской группировки, армии Гусева и Лелюшенко 23 марта возобновили наступление в общем направлении на город Нейсе. С ходу захватив железнодорожный мост через реку, советские войска ворвались в город и после уличных боев к исходу 24 марта полностью овладели еще одним крупным узлом железных и шоссейных дорог. Войска генерала Коровникова и Курочкина в тот же день взяли Леобшютц, а генерала Жадова 26 марта — Штрелен.

В это время 60-я армия медленно, шаг за шагом, наступала на Ратибор. Чтобы ускорить продвижение войск генерала Курочкина, командующий фронтом принял решение перегруппировать на это направление соединения 4-й гвардейской танковой армии, которые должны были нанести с севера сокрушающий удар на Троппау. При этом 6-й гвардейский механизированный корпус продолжал выполнение прежней задачи, а в подчинение Лелюшенко из состава 4-го Украинского фронта передавался 5-й гвардейский механизированный корпус генерал-майора Б.М. Скворцова — 171 танк и САУ: «Любопытная деталь — в корпусе было много матросов-добровольцев Тихоокеанского флота, пожелавших сражаться с врагом на сухопутных боевых «кораблях». Причина в том, что бывших пленных и призывников с оккупированных территорий в танковые войска не брали, а «советских людей», не запятнавших себя «контактами» с фашизмом и годных к военной службе, в стране осталось немного.

Уже с утра 24 марта корпус Скворцова из района Леобшютца двинулся в атаку на Троппау, его успех должен был развить 10-й гвардейский танковый корпус, следовавший во втором эшелоне. Справа наносила удар на Егерндорф 93-я отдельная танковая бригада полковника А.А. Дементьева.

слева на Бискау — 22-я самоходно-артиллерийская бригада подполковника Н.Ф. Корнюшкина.

И все равно наступление, с точки зрения командующего фронтом, развивалось неудовлетворительно. Немцы сопротивлялись «фанатично», 5-й гвардейский мехкорпус в первый день преодолел всего 3—4 километра и понес большие потери в людях и бронетехнике:

«Мы продолжали продвигаться, но по-прежнему крайне медленно. Изю дня в день шли упорные бои за овладение небольшими населенными пунктами, узлами дорог, высотами и высотками. Войска несли немалые потери. Это, естественно, вызывало чувство неудовлетворенности. Операция протекала явно не в том духе, не в том темпе, не на том уровне, на которые мы вправе были рассчитывать, исходя из собственного опыта, из своего совсем недавнего боевого прошлого».

Для наращивания удара левее 5-го корпуса был введен в бой 10-й гвардейский танковый корпус. Но и у противника «оказался под рукой» танковый корпус Неринга, применивший, по воспоминаниям В.И. Зайцева, тактическую хитрость: «Противник противотанковую оборону стал строить на обратных скатах, и как только наши танки выходили на гребень высот, немцы поражали их огнем противотанковых средств, которых танкисты не видели. Вот на такой обороне понес большие потери 5-й мехкорпус... Танкистов смущало то, что они не видели, кто и откуда ведет огонь. Это порождало чувство беспомощности и неуверенности... Эти изнурительные бои с черепашьим продвижением вперед выматывали личный состав и физически, и морально. Танкисты не привыкли к таким боям... Большим испытанием для всех нас стал бомбовый удар нашей авиации, частично пришедшийся по боевым порядкам бригады».

24 марта возобновили наступление войска 4-го Украинского фронта. На новом направлении дела пошли гораздо успешнее, этому способствовали достигнутая внезапность и благоприятные условия погоды. В первый день корпуса 38-й армии сравнительно быстро сломили сопротивление противника, продвинулись до 7 километров, захватили 20 населен-

ных пунктов, в том числе город Зорау — «узел семи шоссе-ных и трех железных дорог», прикрывавший подступы к Моравска-Остраве с северо-востока. На второй день прорыв был расширен по фронту до 20 километров, а глубина «про-никновения» достигла 15 километров.

В этот момент, к общему удивлению, генерал Петров был снят с должности с формулировкой: «За попытку обмануть Ставку насчет истинного положения войск фронта, не готовых полностью к наступлению в назначенный срок», что привело к срыву операции.

Петрову, одному из самых талантливых военных деятелей, на этой войне не слишком везло на лавры. Хоть был он геро-ем обороны Одессы, Севастополя и Кавказа и считался лучшим в Красной Армии специалистом по горной войне, Иван Ефимович плохо вписывался в плеяду «полководцев сталин-ской школы». Имел товарищ Сталин по отношению к Петро-ву какое-то внутреннее предубеждение. Не один раз его сни-мал и вновь назначал на ответственные должности, лишал и вновь присваивал воинские звания; не в первый раз сыграл свою роль в судьбе генерала «человек-секира» Мехлис. Даже штафирке Симонову, повидавшему многих военачальников и имевшему возможность сравнивать, Петров казался из-лишне толерантным для избранной профессии:

«Минутами, когда я наблюдал его здесь, на Четвертом Ук-раинском фронте, мне самому казалось, что у него выходит что-то не так, как нужно, и выходит не так не оттого, что он не талантлив или не умен, а оттого, что он недостаточно резок, жесток и упрям в самом прямом смысле этих слов для того, чтобы действовать в соответствии с жестокими обстоятельст-вами войны.

Мне иногда казалось, что он излишне мягко разговаривает с офицерами в такие минуты, когда они этого не заслужива-ют; слишком мягко и благородно относится к ним, взывая только к их рассудку и чувствам, не проявляя жесткой беспощадности и требовательности, как это делают другие.

Казалось, что Петров относится к некоторым из подчи-ненных ему офицеров и генералов так, как должен был бы от-носиться к идеальным офицерам и генералам, которые, мо-

жет быть, воспитаются у нас через десять лет после войны на основе всего ее опыта.

А между тем многие из людей, с которыми он разговаривал, которыми командовал, были в значительной мере продуктом военного времени, и с ними, наверное, надо было обращаться, исходя из реального, трудного бытия четвертого года войны, а не по идеальным нормам отношения к идеальному офицеру и подчиненному, как это делал Петров. И когда он это делал, то хотя подчиненные его за это и любили, но в то же время в ряде случаев за это же самое меньше уважали, чем он того заслуживал. Так мне, по крайней мере, несколько раз казалось.

И быть может, его неудачи — конечно, не все, потому что кто бы и что бы ни говорил, а на войне огромную роль играет военное счастье, — но какую-то часть его неудач обуславливал характер его отношения к подчиненным. Обуславливал и неудачи, и даже меньший темп продвижения войск, чем тот, которого Петров мог бы добиться, действуя по-другому».

Тем не менее хрестоматийного генерала Серпилина он будет писать с Петрова.

26 марта в командование фронтом вступил генерал армии А.И. Еременко.

До 28 марта войска 4-го Украинского фронта продолжали продвигаться вперед со среднесуточным темпом 4—5 километров.

Своими действиями на моравско-остравском направлении 38-я армия создала угрозу окружения противника в районе Рыбника и Ратибора. Одновременно генерал Лелюшенко усилил свой танковый кулак 6-м гвардейским мехкорпусом, передавшим свой участок пехоте 21-й армии. В результате 27 марта войска 60-й армии овладели городом Рыбник, а к утру 31 марта частями 15-го, 106-го стрелковых корпусов вместе с танкистами Кузнецова немцы были выбиты из Ратибора и отошли в юго-западном направлении.

На этом советское наступление заглохло.

59-я армия, получившая задачу совместно с 7-м механизированным корпусом овладеть городом Крнов и перехватить

рокадную железную дорогу, выполнить задачу не смогла: «Армия начала втягиваться в предгорья Судет, и, хотя высота их не превышала 500 метров над уровнем моря, войска, при-
выкшие воевать на равнинах, начали ощущать трудности. Противник использовал все преимущества постепенно повышающейся местности, занимал господствующие высоты, создавал на подступах к ним многоярусный огонь пехоты, минометов и артиллерии. В промежутках между высотами создавались заграждения, прикрытые огнем. На дорогах и особенно горных перевалах устраивались засады из танков и самоходных орудий. Все это сдерживало наступление войск армии». К тому же «вражеские войска яростно сопротивлялись». В этих боях 7-й гвардейский мехкорпус был угроблен окончательно.

В районе Реснитца было остановлено продвижение 4-й гвардейской танковой армии, потерявшей с начала операции, с учетом 5-го мехкорпуса, 379 боевых машин безвозвратно, еще 120 была надежда отремонтировать. В трех бригадах 6-го мехкорпуса в строю осталось 17 танков.

Основные силы армий левого крыла 1-го Украинского фронта достигли рубежа Штрелен, Нейсе, Опава и перешли к обороне. Танковые войска были выведены в резерв фронта.

Верхне-Силезская операция завершилась разгромом пяти дивизий врага, а остальные его силы были отброшены в предгорья Судет. Всего противник потерял 60 тысяч солдат и офицеров, из которых около трети было взято в плен. В качестве трофеев было захвачено 80 танков и штурмовых орудий, 1300 орудий и минометов, 26 самолетов, 13 300 автомашин и много другого военного имущества. Потери войск маршала Конева по 31 марта — официальная дата окончания операции, хотя в истории 59-й армии написано, что «активные боевые действия продолжались до 6 апреля», — составили 67 тысяч человек убитыми и ранеными.

Армии 4-го Украинского фронта на направлении главного удара к концу марта застряли в 20 километрах от Моравска-Оставы и поставленной цели не достигли.

Противник опирался здесь на долговременные сооружения

укрепленных районов — вариант линии Мажино, — возведенные чехословацким правительством в 20—30-х годах на границах с Германией и Польшей, вдоль рек Одра, Остравица, Ольше:

«Каждый рубеж представлял собой систему мощных дотов, расположенных в две, а на отдельных рубежах в три и четыре линии с промежутками между дотами от 150 до 700 м. Вторая и последующие линии находились на расстоянии 250—600 м от первой. Доты по качеству постройки и мощи вооружения относились к типу первоклассных сооружений.

По своей конструкции они представляли железобетонные орудийно-пулеметные капониры и пулеметные полукапониры и имели от 2 до 9 амбразур.

Характерной особенностью расположения дотов на местности было отсутствие амбразур в напольной стенке. Амбразуры располагались по бокам и в тыловой стенке с расчетом на ведение флангового и тыльного огня. При этом из амбразур каждого сооружения можно было полностью просматривать промежуток между двумя соседними дотами и подступы к выходам из них. Расположение дотов было произведено с учетом окружающей местности и давало возможность обстрела всех лощин и высот.

Система дотов на переднем крае и в глубине создавала многослойный артиллерийско-пулеметный огонь и плотно прикрывала подступы к укреплениям. Доты хорошо были замаскированы от наземного и воздушного наблюдения: с напольной стороны стенки засыпались землей, а с тыльной стороны маскировались кустами и маскировочными сетями.

В 75—100 м перед дотами были сооружены контрэскарпы с железобетонными опорными стенками. Их продолжением служили надолбы на бетонном фундаменте».

Штатное вооружение после Мюнхена, конечно, было демонтировано. Но с начала 1945 года немцы дополняли это фортификационное великолепие сооружениями полевого типа и инженерными заграждениями.

Осознавая значимость Моравска-Остравского промышленного района, германское командование выдвинуло на его защиту 16, 19, 8-ю танковые, 10-ю танко-гренадерскую дивизии, дополнительно перебросило из Италии 715-ю пехотную дивизию.

Как вспоминает генерал Москаленко:

«Нам прорывать такую долговременную оборону довелось впервые. Добавлю: в дальнейшем, подробно знакомясь с боевыми действиями наших войск на других фронтах, я обнаружил, что в годы войны с фашистской Германией всего лишь на трех участках пришлось прорывать мощную долговременную оборону. Одним из них был Карельский перешеек, другим — граница Восточной Пруссии, третьим — Моравско-Остравский район, на пороге которого и стояла ранней весной 1945 г. наша 38-я армия. Возможно, этот перечень не полон, но вряд ли можно его намного увеличить».

На левом крыле 18-я армия 4—5 апреля овладела городами Липтовски-Микулаш и Ружомберок — немцы, постреляв для виду, оставили их практически без боя и, взорвав мосты на реке Ваг, отступили к Большой Фатре.

4 апреля в городе Кошице было образовано правительство Национального фронта чехов и словаков. Его председателем стал Зденек Фирлингер, бывший посол Чехословакии в Советском Союзе. Заместителем председателя стал коммунист Клемент Готвальд, а министром национальной обороны — Людвиг Свобода. Вместо него во главе Чехословацкого корпуса был поставлен командир 3-й пехотной бригады генерал Карел Клапалек.

Боевые действия в полосе 4-го Украинского фронта, потерявшего за три недели боев около 50 тысяч убитыми и ранеными, замерли до середины апреля.

И что интересно. В ходе подготовки нового наступления на моравско-остравском направлении, которое должно было начаться 15 апреля, генерал Еременко «установил неполную готовность», которая выражалась в отсутствии необходимых для прорыва артбоеприпасов, и попросил отложить начало операции на шесть дней. Однако Ставка в «дополнительном времени» ему отказала и потребовала начать наступление точно в установленный срок. В итоге на преодоление 20 километров до Остравы с поэтапным прогрызанием «железобетонных поясов» ушло шестнадцать дней, а потери составили еще 50 тысяч человек.

Так в чем же был виноват генерал Петров?

ВОСТОЧНО-ПРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ

(продолжение)

Подготовка к штурму Кёнигсберга началась еще в начале марта. Велась она под непосредственным руководством штаба Земландской группы войск, которой командовал генерал И.Х. Баграмян. 16 марта командующий войсками 3-го Белорусского фронта маршал А.М. Василевский представил Верховному Главнокомандующему план разгрома кёнигсбергской группировки противника. 20 марта Баграмян издал указания «по прорыву Кёнигсбергского укрепленного района и штурму города Кёнигсберга».

Ликвидация противника в Хейльсбергском укрепрайоне позволила высвободить под Кёнигсберг дополнительные силы и средства. Одновременно был проведен ряд организационных мероприятий. С 1 апреля Ставка расформировала 2-й Прибалтийский фронт. Часть его войск — 4-я ударная, 22-я армии и 19-й танковый корпус — была выведена в резерв, а управление и оставшиеся объединения переподчинены Ленинградскому фронту. 50-я, 2-я гвардейская и 5-я армии, 3-го Белорусского фронта перебрасывались на Земландский полуостров для участия в предстоящем штурме; 31, 28 и 3-я армии выводились в резерв Ставки ВГК.

В итоге на 80-километровом фронте было сосредоточено шесть армий, имевших в своем составе 18 стрелковых корпусов. Они полукольцом охватывали Кёнигсберг, а на правом крыле глубоко вдавались в Земландский полуостров. С учетом возросших возможностей в планы было внесено одно принципиальное изменение: в первую очередь решили брать Кёнигсберг. Мечтой Василевского было к началу штурма довести численность стрелковых дивизий до 3000—3600 человек.

С 3 апреля Ставка вывела в резерв управление и штаб Земландской группы войск и подчинила все силы маршалу А.М. Василевскому. Генерал Баграмян был назначен заместителем командующего фронтом.

Хорошо окопавшаяся группировка противника в начале апреля представляла собой достаточно серьезную силу.

От северного побережья Земландского полуострова до Варенгена располагались позиции 9-го армейского корпуса генерала Рольфа Вюттмана — 93-я, 95-я пехотные, 551-я народно-гренадерская дивизии. Коридор на Кёнигсберг удерживали 58-я и 1-я пехотные дивизии, входившие в состав 26-го армейского корпуса генерала Герхарда Матцки.

Гарнизон Кёнигсберга под командованием Отто фон Ляша состоял из частей 61, 69, 367-й пехотных, 548-й, 561-й народно-гренадерских дивизий, полицейской группы генерал-майора Шуберта (два полка), нескольких отдельных полков, крепостных и охранных формирований, роты штурмовых орудий (20 «штуггов»), а также восьми батальонов фольксштурма. По советским данным, в них насчитывалось 128 тысяч человек, до 4000 орудий и минометов, 108 бронеединиц. Однако генерал Людников, командовавший 39-й армией, оценивал силы гарнизона чуть более 100 тысяч солдат и офицеров, 850 орудий и 60 танков. Командарм-43 генерал Белобородов указывал в апрельском донесении, что «общая численность гарнизона крепости Кёнигсберг» составляла 60 тысяч человек. Генерал Ляш после войны и вовсе утверждал, что к началу штурма у него имелось не более 30—35 тысяч «оборонявшихся». Правда, сам же с подробностями описал, как через штаб по формированию войск, сколачивавший подразделения из разбросанных частей и отбившихся солдат, на передовую было отправлено около 30 тысяч человек, «которые получили все необходимое из арсенала». Во многих случаях остатки разбитых ранее подразделений самостоятельно вливались в действующие части. Кроме того, «во второй половине марта, когда в снабжении пулеметами и средствами связи наступили перебои, штаб по формированию войск направил на пополнение боевых частей также несколько маршевых батальонов, оснащенных лишь ручным огнестрельным оружием, в результате эти части смогли пополнить свои подразделения иногда даже сверх штатного расписания». С другой стороны, следует учесть, что две наиболее боеспособные дивизии — 1-ю пехотную и 5-ю танковую, — а также 232-ю бригаду штурмовых орудий из города забрали. Ну и, судя по всему, ополченцев и вооруженных

шущманов, железнодорожников и таможенников Ляш не считал «активными штыками». По мнению полковника Генриха Януса, «фольксштурм, как военная сила, не оправдал себя, немецкое военное командование в расчеты формирования фольксштурма не принимает еще и потому, что фольксштурм подчинен не военному, а политическому руководству».

Так ведь и в советско-российской статистике личный состав дивизий народного ополчения, партизанских полков и бригад, истребительных батальонов, отрядов милиции, военнизированной охраны или Управления оборонного строительства проходит как уничтоженное нацистами гражданское население. В целом складывается впечатление, что никто точно не знает, сколько войск находилось в Кёнигсберге.

В армейском резерве группы «Земланд» находились 5-я танковая дивизия (85 танков и 27 штурмовых орудий), 511-й и 505-й тяжелые танковые батальоны (28 «тигров») и 10-я самокатная бригада. В районе Пиллау спешно восстанавливался 55-й армейский корпус — 50-я, 286-я пехотные, 558-я народно-гренадерская, 13-я зенитная дивизии. На косе Фрише-Нерунг находились остатки 129-й и 170-й пехотных дивизий, сведенных в 6-й армейский корпус.

Общая численность немецкой группировки оценивалась разведкой в 200—240 тысяч человек. На аэродромы Земландского полуострова базировалось 155 самолетов, в том числе 50 истребителей. Немецкий флот, господствовавший на Балтике, обеспечивал огнем приморское направление, осуществлял снабжение сухопутных войск, эвакуацию раненых и беженцев.

Генерал Мюллер горел желанием беззаветно исполнять заветы фюрера и излучал уверенность в грядущем победоносном наступлении Вермахта, в результате которого русские будут изгнаны из Восточной Пруссии; надо только день прожить да ночь продержаться. К чему он и призвал командиров воинских частей и партийных руководителей на общем собрании, состоявшемся в подвале городского университета 1 апреля.

Костяком системы обороны Кёнигсберга, состоявшей из

трех позиций, промежуточных и отсечных рубежей, и укреплений города, являлись железобетонные долговременные сооружения, внешние и внутренние форты и многочисленные убежища, дополненные развитыми полевыми укреплениями.

Внешний обвод и первая позиция общей протяженностью 53 километра имели по две-три траншеи с ходами сообщения и укрытиями для личного состава. В 6—8 километрах к востоку от крепости они сливались в один оборонительный рубеж — шесть-семь траншей с многочисленными ходами сообщения на всем 15-километровом участке.

На этой позиции насчитывалось 15 фортов, построенных в 1874—1882 годах. Каждый форт был окружен рвом, подготовлен для круговой обороны и являлся небольшой крепостью с гарнизоном 250—300 человек. Кирпичная кладка трех-четырехметровой толщины и земляная подушка защищали форт от прямых попаданий даже двенадцатидюймовых снарядов. «В то же время, — отмечает бывший командующий артиллерией генерал Н. М. Хлебников, — анализ разведывательных данных показал, что форты крепости Кёнигсберг имели целый ряд недостатков, которые мы и должны были использовать при штурме. Главные из этих недостатков: 1. Низкое расположение амбразур позволяло гарнизону вести огонь лишь по ближним целям. Для стрельбы по дальним целям огневые средства надо было выносить на поверхность форта, где они попадали под огонь нашей артиллерии. 2. Форты имели один тыльный вход. Поэтому заваливание его огнем тяжелой артиллерии или подрыв саперами приводили к полной изоляции гарнизона форта».

Гарнизоны фортов комплектовались из лиц, по состоянию здоровья непригодных к строевой службе и потому именованных «батальонами желудочников», что, однако, не мешало им драться, и весьма упорно. В промежутках между фортами размещалось до 60 дотов и дзотов. Первую позицию прикрывали противотанковый ров шириной 6—8 метров и глубиной 3 метра, эскарпы и противотанковые надолбы, проволочные заграждения и минные поля.

По окраинам города проходила вторая позиция, включавшая каменные здания, опоясанные траншеями, баррикады,

железобетонные огневые точки. Третья позиция охватывала центральную часть города, имея крепостные сооружения старой постройки. Подвалы больших кирпичных строений были связаны подземными ходами, а их вентиляционные окна приспособлены под амбразуры. Многие дома были заминированы, а на перекрестках размещены фугасы. Противовоздушная оборона крепости была возложена на 18-ю зенитную дивизию, имевшую на вооружении свыше 300 зенитных орудий.

Мартовская передышка была использована командованием гарнизона для проведения ряда организационных мероприятий, улучшения позиций, пополнения частей личным составом, накопления запасов. По возможности старались эвакуировать гражданское население, хотя судов для этого не хватало. Кроме того, после слухов о потоплении «Густлова» и «Штойбена» люди опасались садиться на крупные транспортные суда. Многие беженцы превратностям морского путешествия предпочли возврат из «бараксов ожидания» в Пиллау и Пейзе обратно в свои жилища, где имелись еда, электричество и водоснабжение. В городе оставалось еще около 130 тысяч жителей, которые привлекались к оборонительным и ремонтным работам, производству военного снаряжения: «Все жили и трудились с одной мыслью — удержать Кёнигсберг до тех пор, пока крепость не выручат из блокады, как это нам все время обещали, или пока не придет освобождение в случае, если война окончится путем переговоров».

Командующий 3-м Белорусским фронтом решил «стремительными» встречными ударами 43-й и 50-й армий с севера и 11-й гвардейской армии с юга отрезать и разгромить гарнизон Кёнигсберга и к исходу третьего дня овладеть городом. Интересно, что первоначально, согласно плану, составленному штабом Баграмяна, главный удар в северном секторе должна была наносить 39-я армия, но маршал Василевский приказал совершить перегруппировку и поручить «почетную, но неизменно трудную миссию» генералу Белобородову: «Выслушав наши предложения по группировке сил, маршал неожиданно для меня предложил на направлении главно-

го удара поставить 43-ю армию. Меня несколько удивило такое решение: ведь 39-я уже находилась на северо-западных подступах к Кёнигсбергу, а 43-ю нужно было перебрасывать с правого крыла фронта в центр. Я, естественно, выразил сомнение, обоснованна ли такая перегруппировка. Ведь 39-я армия хорошо проявила себя во всех предыдущих наступательных операциях. Об И. И. Людникове, насколько я знал, А. М. Василевский был самого высокого мнения. Так в чем же дело?

— При подготовке штурма, — разъяснил маршал, — мы должны учитывать малейшие психологические нюансы. Вы помните, что произошло девятнадцатого февраля?

Я понял, что Александр Михайлович напоминает о досадной неудаче 39-й армии, войска которой не смогли помешать гарнизону Кёнигсберга соединиться с группировкой войск на Земландском полуострове, и подтвердил:

— Да, конечно, помню.

— Думаю, что и в тридцать девятой эту неудачу не забыли. И конечно, нужно учесть, что доля неуверенности в своих боевых возможностях после этого в армии осталась. Войскам сорок третьей подобную неудачу, к счастью, пережить не пришлось. Вот почему я решил главную роль в штурме Кёнигсберга наряду с одиннадцатой гвардейской предоставить ей».

Генерал Ляш, рассказывая о февральской «неудаче» 39-й армии, утверждал, что, ворвавшись в спящий Метинген, русские слишком увлеклись «сбором трофеев». Советские историки категорически отрицали саму возможность совершения «воинами-освободителями» подобных деяний. Нынешнее поколение российских исследователей смело допускает, что подобные эксцессы кое-где, иногда могли иметь место, хотя для нашей армии это все-таки нетипичное явление: «Думается, что, находясь в стрессовой ситуации в глубине опасного прорыва в тыл врага, советские солдаты меньше всего думали о таком способе разрядки, как грабеж... Но что-то из покинутых домов наши, разумеется, брали: еду, какие-то вещи для оборудования и утепления спешно строящихся блиндажей. ценные мелочи. Точно так же поступили бы солдаты любой армии».

Нет, дело вовсе не в «ценных мелочах», перекочевавших из

бюргерского буфета в солдатский «сидор», а в том, что истребительная война не прекращалась ни на миг. Кругом была вражеская земля, «земля злодеев», на которой плодились «нелюди» (ведь «мы знаем, что у немцев нет души», немцы — «это помесь баранов с попугаями»), из поколения в поколение только о том и мечтавшие, как бы поработить мирного и доверчивого славянина. Пришла пора держать ответ. «Советские воины настигли потомков «псов-рыцарей» в их гнусном разбойничьем вертепе, — пишет Баграмян, перечислив все исторические обиды, нанесенные ему «ненасытными пруссаками». — Неудивительно, что для нас было ненавистно само название этого края...»

«За страдания народа убей фашистского урода».

Германское командование, скрупулезно документировавшее все случаи нарушения международного права на немецкой территории и даже составившее список «вражеских военных преступников», в очередной раз убедилось, что «советские люди — строгие судьи»:

«В начале февраля 1945 г. советские войска неожиданно ворвались в западную часть Земланда, овладев большим числом населенных пунктов. Через несколько дней немцам удалось разбить и частично отбросить передовые силы и в ходе смелой наступательной операции крупного масштаба 19 и 20 февраля 1945 г. восстановить прерванную наземную и морскую связь с Кёнигсбергом.

Командование армейской группы «Земланд» и группы армий «Север» с помощью полиции провело расследования о судьбе населения на вновь освобожденной территории, результаты которых имеются, правда, лишь по нескольким населенным пунктам. Так, военнослужащие 271-го Особого моторизованного батальона (стрелки-мотоциклисты) 39-й армии убили в Георгенвальде 4 гражданских лиц и бросили трупы в пламя подожженного имения. Офицеры и их красноармейцы жестоко оскверняли женщин и девочек. В Крагау военнослужащие 91-й гвардейской стрелковой дивизии изнасиловали и задушили двух молодых женщин, в Меденау военнослужащие 358-й стрелковой дивизии убили, по меньшей мере, 11 гражданских лиц. Здесь перед одним домом ле-

жали трупы двух убитых женщин, маленького ребенка и грудного младенца. Двух пожилых мужчин и 14-летнего юношу забили, точно так же — двух женщин и двух девочек после изнасилования. Совершенно раздетое тело примерно 30-летней женщины имело колотые раны на груди, у нее был расщеплен череп, она была изрешечена выстрелами. В Гросс-Ладтхайме военнослужащие 91-й гвардейской стрелковой дивизии расстреляли 2 немецких военнопленных и 4 гражданских лиц, включая бургомистра и его жену. От их 18-летней дочери не осталось никаких следов. Однако был найден труп молодой девушки, которой после изнасилования отрезали груди и выкололи глаза.

Советская 91-я гвардейская стрелковая дивизия, прорвавшаяся через Тиренберг в район Краттлау — Гермау, 7 февраля 1945 г. была окружена и частично разбита в тяжелых боях. В захваченных ею населенных пунктах были установлены грубые нарушения международного права. В Тиренберге был убит 21 немецкий солдат, согнанные туда из приюта для военных инвалидов под Зоргенау. Элизабет Хомфельд была изнасилована и вместе со своим зятем убита выстрелами в голову — так же, как Минна Коттке, пытавшаяся воспротивиться изнасилованию, и сын арендатора имения священника Эрнст Трунц. Брошенной в сарай гранатой были убиты трое запертых там женщин и мужчина, а несколько человек тяжело ранены. В то же время советские офицеры и солдаты позднее признали в плену, что непрерывно и «зверски» насиловали женщин и даже малолетних девочек. В Краттлау военнослужащие 275-го гвардейского стрелкового полка 91-й гвардейской стрелковой дивизии убили 6 мужчин и двух немецких солдат ударами штыка или выстрелами в голову. Всех женщин и девушек, включая 13-летних, непрерывно насиловали, некоторых женщин «подвергали половому насилию по 6—8 солдат 5—8 раз в день». 3—4 самые молодые женщины были оставлены офицерам, которые после завершения преступного насилия передали их своим подчиненным. В Аннентале немецкие освободители нашли трупы двух женщин, которых осквернили (одну — на навозной куче) и затем задушили.

Детальные расследования удалось провести в Гермау, где как-никак располагались штаб 91-й гвардейской стрелковой дивизии и штаб с частями 275-го гвардейского стрелкового полка. В Гермау были обнаружены трупы 21 убитого — мужчин, женщин и детей. 11 человек не вынесли чудовищных пыток и сами покончили с собой. 15 немецких раненых убили, разбив им головы, а одному из них насильно затолкали в рот губную гармошку. Согласно заключению капитана медицинской службы д-ра Тольциена, одно женское тело имело следующие ранения: сквозной выстрел в голову, разможжение левой голени, широкая открытая резаная рана на внутренней стороне левой голени, большая открытая рана на внешней стороне левого бедра, нанесенные ножом. У другой женщины, как и у раздетой молодой девушки, был разможжен затылок. Убитыми были найдены супружеская пара Ретковских, супружеская чета Шпренгелей с 3 детьми, молодая женщина с 2 детьми и неизвестный поляк. В общей могиле лежали тела неизвестной беженки, Розы Тиль, урожденной Витте, и 21-летней польской девушки — все трое были жестоко убиты после изнасилования, далее тела двух местных кустарей, один из которых, мельник Магун, был застрелен, поскольку он пытался защитить от изнасилования свою малолетнюю дочь. У дороги Гермау — Пальмниккен (ныне Янтарный, Россия), возле 5-километрового указателя, были найдены две девочки. Обеим с близкого расстояния выстрелили в голову, у одной были выколоты глаза. Женское население Гермау, около 400 женщин и девушек, по приказу командира 91-й гвардейской стрелковой дивизии полковника Кожанова было заперто в церкви, якобы (так, во всяком случае, утверждал военнопленный майор Костиков) чтобы уберечь их от бесчинств. Тем не менее советские офицеры и солдаты ворвались в церковь и на хорах вели «массовые изнасилования». И в окружающих домах в последующие дни женщин непрерывно насиловали, в основном офицеры, молодых девушек — до 22 раз за ночь; офицер и несколько красноармейцев 8 раз изнасиловали в церковной колокольне 13-летнюю Еву Линк на глазах отчаявшейся матери, которую затем постигла та же участь.

События в расположенном западнее Кёнигсберга курортном пригороде Меттетен, который в ночь на 31 января 1945 г. был захвачен частями советской 39-й армии (192, 292, 338-й стрелковые полки), а 19 февраля после кровопролитных боев вновь освобожден частями немецкой 1-й пехотной дивизии, 561-й дивизии народных гренадеров и 5-й танковой дивизии, уже не раз описывались в литературе, недавно — и в публикации русского журнала «Новое время» под заголовком «Преступления красноармейцев». В этой связи следует упомянуть и американского специалиста по международному праву Альфреда М. де Заяса, который в своих исследованиях уделяет событиям в Меттетене особое внимание. Немецкие солдаты совершили в Меттетене и ближней окрестности ужасающие открытия. Выжившие (например, бывший 3-й штабной офицер в штабе коменданта крепости Кёнигсберг, майор запаса профессор д-р Г. Ипсен) находились «в состоянии, граничившем с безумием».

Уже на подходах были найдены трупы нескольких сот немецких солдат, отчасти изувеченных до неузнаваемости, почти во всех домах и садах лежали убитые мужчины, женщины и дети, у женщин наблюдались явные следы изнасилования, зачастую были отрезаны груди. В одном месте, как сообщил бывший офицер для поручений при штабе 561-й дивизии народных гренадеров К.А. Кнорр, две примерно 20-летние девушки были разорваны автомашинами. На вокзале стоял, по меньшей мере, один поезд с беженцами из Кёнигсберга. В каждом вагоне лежали тела «зверски убитых беженцев любого возраста и пола». Теннисную площадку в Меттетене битком набили немецкими военнопленными и гражданскими лицами, а затем был приведен в действие разрывной заряд. Части человеческих тел находили уже в 200 м от гигантской взрывной воронки. Еще 27 февраля 1945 г. капитан из штаба коменданта крепости Зоммер случайно обнаружил за одним домом в гравийном карьере у уличного и дорожного перекрестка перед Меттетеном трупы 12 совершенно раздетых женщин и детей, лежавших вместе «беспорядочной кучей»; они были растерзаны ударами штыков и ножей.

Помимо отдельных трупов, рассеянных по всему курорт-

ному поселку, которых насчитывались сотни, было обнаружено несколько больших земляных холмов, под которыми, как оказалось, были погребены сотни (согласно капитану Зоммеру и профессору д-ру Ипсену — 3000) убитых. Дознавание следственной комиссии, назначенной комендантом крепости, генералом пехоты Лашем, складывалось сложно, поскольку Советы облили кучи трупов бензином и попытались их сжечь. Тем не менее удалось установить, что большинство жертв было не расстреляно, а зачастую жестоко убито рубящим и колющим оружием. К тому же значительная часть этих убитых являлась не немцами, а украинскими беженцами, которых насчитывалось под Меттетеном порядка 25 000, а также членами так называемой украинской «трудовой службы», которые были мобилизованы принудительно (и с которыми немцы плохо обращались) и теперь, как многие из их соплеменников в других местах, пали жертвами советских актов возмездия.

Западнее Меттетена, как сообщил капитан Зоммер, у дороги вплоть до Повайена всюду лежали трупы гражданских лиц, либо убитых выстрелами в затылок, либо «совершенно раздетых, изнасилованных и затем зверски убитых ударами штыков или прикладов».

(Павел Золотов вспоминает, как годом раньше, в освобожденном Житомире пять офицеров минометного полка зашли в гости к местным барышням — отдохнуть, выпить пивка, порасспросить о «мучениях под фашистским игом»:

«Завели патефон, молодые пошли танцевать, одна не пошла. Я стал осторожно расспрашивать, как жилось, как смогли уберечься от немцев, много ли немцы насиловали девушек...

— Все девушки, наверное, боялись показываться немцам. Причем все они красивые, — показываю на танцующих, — большое искушение для немцев.

Тут она заявляет:

— Нет, немцы не бросались на наших девушек, наоборот, наши девушки бросались на немцев.

— Так-так!

— В офицерском клубе часто бывали балы, и девушек пе-

ред клубом столько собиралось, что солдаты разгоняли их силой. Каждая стремилась попасть в клуб, но они мало кого приглашали. А жить с нашими девушками им было строго запрещено, и они этого боялись. А которым девушкам тайно удавалось жить с каким офицером, то той все завидовали, и она вела себя как королева: так любить и уважать, как немцы, наши мужики не умеют.

— Значит, насилия над женщинами никакого не было?

— Не знаю, но в городе вряд ли было. Все бы знали, здесь все всё знали. Да и сами рассудите, зачем насиловать, когда сами напрашиваются десятками. А насчет голодовки — недостаток продуктов был, но чтобы кто голодал, не знаю, кругом нас этого не было.

Все это так не вязалось с нашей пропагандой и так противоречило нашей действительности, что подействовало как ушат холодной воды после похмелья на мою голову. На нашей неоккупированной территории повсеместно люди голодали, все были желтые, истощенные, миллионы умерли от голода, а здесь о голодовке и не слыхали. Есть над чем подумать».

(Подобная «антисоветская» задумчивость стоила старшему лейтенанту восьми лет лишения свободы.)

Согласно апрельскому указу Президиума Верховного Совета, гвардии полковник В.И. Кожанов — Герой Советского Союза. С точки зрения современных немецких историков, он — военный преступник. И то и другое — правда тех дней, которые вместили в себя воинскую доблесть и кровавую месть, жуткие убийства и беспримерные подвиги, триумф победителей и горе побежденных.

Чем трагедия Гермау и Меттетена отличается, к примеру, от трагедии Хатыни? С военной точки зрения одной немаловажной деталью — к белорусской деревушке не имеет отношения Вермахт.

Думается, что «психологический нюанс» Василевского состоял в том, что войска Людникова порядком разложились. Поэтому 39-й армии, сдвинувшись вправо, предстояло наступать на юг и выйти к заливу Куришес-Хафф до устья реки Прегель, с целью перерезать горловину, соединяющую Кёнигсберг с Пиллау. 48-я армия генерала Гусева занимала оборону на побережье залива Фришес-Хафф от Бранденбурга до Эльбинга.

Непосредственно к проведению Кёнигсбергской операции было привлечено 137 тысяч человек, 5200 орудий и минометов (причем 47% составляли «большие пушки»), 300 боевых машин реактивной артиллерии, 125 танков и 413 самоходно-артиллерийских установок. Войска 2-й гвардейской и 5-й армий — 18 дивизий и почти 2000 стволов — должны были вести наступление против земландской группировки, обеспечивая фронт от ударов с северо-запада.

Для поддержки с воздуха выделялись 1, 3 и 18-я воздушные армии, часть авиации Балтийского флота, а также по бомбардировочному корпусу от 4-й и 15-й воздушных армий — в общей сложности 2500 боевых самолетов, в том числе 1124 бомбардировщика, 470 штурмовиков, 830 истребителей. Их действия координировала оперативная группа под руководством маршала авиации А.А. Новикова: «В районе Кенигсберга намечалась, таким образом, одна из самых крупных воздушных операций. И не могу не отметить с восхищением, что спланирована она была блестяще. Изучение плана боевого применения авиации при подготовке штурма Кёнигсберга и в ходе его доставляло глубокое удовлетворение. Все мы думали тогда о том, как бы облегчилась невероятно трудная задача наземных войск, если бы этот грандиозный план удалось осуществить в полной мере».

Подводные лодки, торпедные катера Балтийского флота, а также дивизион бронекатеров под командованием капитана 2 ранга М.Ф. Крохина, переброшенный по железной дороге на реку Прегель, готовились к решению задач по изоляции кёнигсбергского гарнизона и воспрещению его эвакуации морем. Перед флотской авиацией была поставлена задача разгромить корабельные группы противника или, по меньшей мере, заставить их уйти из Данцигской бухты.

Из резерва Ставки фронту было передано восемь отдельных артиллерийских дивизионов большой и особой мощности (по шесть орудий в каждом), вооруженных гаубицами и мортирами калибра 203, 280 и 305 мм, 5-й артиллерийский корпус прорыва, 10-я и 15-я отдельные дивизии прорыва. В группировку артиллерии вошли также 4-я пушечная и 2-я гвардейская минометная дивизии, восемь истребительно-

противотанковых бригад и пять зенитно-артиллерийских дивизий. Флотские товарищи подбросили 1-ю гвардейскую Красносельскую морскую железнодорожную бригаду, 404-й морской железнодорожный дивизион, оснащенные 130-мм и 180-мм орудиями с дальностью стрельбы до 34 километров, и два тяжелых пушечных артполка. За счет этого в масштабе фронта были созданы группа артиллерии дальнего действия, группа артиллерийской блокады района Кёнигсберга и группа воздействия по сухопутным и морским коммуникациям и важным объектам в тылу врага. В армиях на участках прорыва плотность артиллерии колебалась от 180 до 250 стволов на километр, каждой армии была придана штурмовая инженерно-саперная бригада. В стрелковых корпусах находились сильные группы разрушения, имевшие 152—280-мм орудия.

Преимущество в боевой технике было колоссальное, тем более если учесть, что советские артиллерийские системы обычно учитывали от 76-мм и выше, а у противника — вплоть до 37-мм пушек и 50-мм минометов.

Один из немецких командиров полков вспоминал: «После пленения нас провели, скорее всего, намеренно, через русские позиции. Моему удивлению не было предела. Такого сосредоточения артиллерии мне еще не приходилось видеть. Одно орудие рядом с другим, батарея за батареей разных калибров. Масса боеприпасов. Танки стоят бок о бок, один «сталинский орган» рядом с другим».

Что касается соотношения сил в личном составе, то здесь возникают большие сомнения в общепринятых цифрах. Например, не верится, что 36 советских дивизий, пусть и понесших значительные потери, были равны по численности, грубо говоря, шести битым немецким. Но даже не в этом дело. Во всех наших источниках указывается, что в 43, 50, 39-й и 11-й гвардейской армиях, готовившихся к штурму Кёнигсберга, насчитывалось свыше 137 тысяч человек, и особо подчеркивается, что «советские войска не превосходили врага в пехоте». Поскольку девять дивизий Людникова в штурме участия не принимали, получается, что не просто «не превосходили», а наоборот, противник оборонял город значительно

превосходящими силами. Притом оборонял стойко и, как утверждает генерал Галицкий (и не только он), на неприступных рубежах: «За всю войну мы еще не встречали таких укреплений, какие были созданы в Кёнигсберге. В сущности, это был крупнейший укрепленный район, рассчитанный на длительное сопротивление даже в условиях полной изоляции». Если бы так оно и было, то возился бы Василевский с Кёнигсбергом до морковкиного заговенья. Кого-то из противников явно «неправильно посчитали».

С целью максимального использования сил и средств при нанесении первого сокрушительного удара оперативное построение армий намечалось иметь в один эшелон, боевые порядки соединений и частей, как правило, строились в два эшелона. Для действий в городе в дивизиях готовились сильные штурмовые группы и отряды. Их также до предела насыщали артиллерией, вплоть до тяжелых калибров, и подразделениями инженерных войск. Штурмовой отряд состоял обычно из стрелкового батальона с минометной и пулеметной ротами, взвода или роты саперов, огнеметного взвода, роты танков или самоходных установок. Отряду придавались батареи полевых пушек или гаубиц, отдельные 152-мм и 203-мм орудия и 160-мм минометы. Стрелковые взводы штурмовых отрядов и групп имели на вооружении противотанковые гранаты, дымовые шашки, «кошки» с веревками для подрыва мин натяжного действия, ножницы, топоры, термические шары с горючей смесью. Каждый боец группы имел шесть гранат.

В марте развернулась интенсивная учеба: подразделения тренировались преодолевать оборонительные сооружения, штурмовать форты и доты, форсировать рвы, каналы, взбираться на отвесные стены, подавлять огневые точки. В дивизиях были оборудованы учебные поля, воссоздававшие позиции противника в полосе предстоящего прорыва. Технику уличного боя отрабатывали в оставленных жителями населенных пунктах. Штурмовые отряды, состоявшие из представителей различных родов войск, сколачивались в единый боевой организм по специально разработанной программе. Численный состав стрелковых дивизий за это время удалось довести до 4500 человек.

Срок начала операции был установлен 28 марта, затем, ввиду неблагоприятных погодных условий, его перенесли на 1 апреля, но в этот день погода была еще более отвратительной, делая совершенно невозможным применение советской воздушной армады.

«Маршал А. М. Василевский с виду был, как всегда, невозмутим, — вспоминает Баграмян, — но я чувствовал, что он сдерживает свою досаду: ведь наступил срок начинать предварительную артиллерийскую и авиационную подготовку штурма, а погода, как назло, мешала. С середины марта шли дожди попеременно с мокрым снегом. Местность расквасило так, что двигаться можно было только по дорогам с твердым покрытием. Но особенно мучили дожди и туманы. Видимость сквернейшая, поэтому условия для управления огнем артиллерии были чрезвычайно трудными, а боевую авиацию в воздух поднять было почти невозможно. Так природа похоронила наши надежды использовать при подготовке штурма наше огромное превосходство в авиации, втуне остался скрупулезно разработанный план боевого применения ВВС. Даже артиллерию невозможно было использовать с достаточной эффективностью.

А. М. Василевский позвонил Верховному Главнокомандующему и доложил ему обстановку.

— Торопит Верховный, — с нескрываемым огорчением заметил маршал, закончив разговор со Сталиным. — Берлинская операция поджигает... — Посмотрев в окно на завесу моросящего дождя и плотные облака, низко висевшие над раскисшей землей, он решительно заключил: — Надо начинать!»

Кёнигсберг должен был пасть до того, как Германия капитулирует, напрасно генерал Ляш надеялся на «освобождение в случае, если война закончится путем переговоров».

Непосредственно штурму предшествовал четырехсуточный период разрушения долговременных инженерных сооружений, начавшийся утром 2 апреля. Одни сутки отводились на огневую разведку и выявление целей. В ней участвовала преимущественно легкая артиллерия, имевшая задачу своим огнем срезать земляную подушку с фортов и дотов, определить их прочность и наличие бетона в огневом покры-

тии: «Разрывы с характерным серым дымом подтверждали, что снаряды рвались на бетонном покрытии, красный дым обозначал взрыв на кирпичной кладке». В последующие трое суток по 5—6 часов в день работала на разрушение артиллерия большой и особой мощности. Периодически велась стрельба агитационными снарядами, снаряженными листовками с предложением сложить оружие и сдаться. Железнодорожные батареи действовали по сухопутным коммуникациям и тыловым объектам, а также держали под прицелом Кёнигсбергский морской канал. Огонь корректировали 206-й отдельный авиаполк и 8-й воздухоплавательный дивизион артиллерийского наблюдения. В промежутках между обстрелами агитационные установки сообщали гарнизону сводки Советского информбюро. 3 апреля летчик 6-го гвардейского штурмового авиаполка старший лейтенант Петр Шахов сбросил на город ультиматум коменданту Кёнигсберга. Неизвестно, читал ли его Ляш, во всяком случае, ответа от него не последовало.

Созданная после окончания операции специальная комиссия отметила высокую точность и эффективность стрельбы по железобетонным сооружениям, которые разрушались в результате 2—6 попаданий. Однако старинные форты оказались крепким орешком. Как отмечает генерал Белобородов, их обстрел должного эффекта не дал: «Огонь 280-мм и 211-мм (*трофейные немецкие*) мортир был очень метким, форты № 5 «Шарлоттенбург» и № 5а «Линдорф» получили по девяносто прямых попаданий каждый, но, как зафиксировано в документах, «разрушены лишь частично». Явные пробоины и проломы были единичны». Конкретно, в перекрытии форта № 5 комиссия нашла две сквозные пробоины. В форт № 4 было сделано более 100 прямых попаданий, сквозных пробоин — 9.

В полосе 11-й гвардейской армии находились три дивизиона 305-мм гаубиц обр. 1915 г. — кажется, это был единственный боевой эпизод в их биографии, — но и огонь двенадцатидюймовок был не намного более результативным: «По форту № 10 было выпущено 189 снарядов 305-мм калибра, из которых 172 попали в основном в правую часть форта; име-

лась одна сквозная пробоина в боевом покрытии, был разрушен правый полукапонир. По форту № 8 эта же артиллерия выпустила 360 снарядов. В цель попало 346, в основном в центральный капонир и левый полукапонир. В центральном капонире обнаружили пять сквозных пробоин, в левом полукапонире — 12, оба дворика были разрушены, появились трещины в центральном входе».

Генерал М.Н. Хлебников: «Как удалось нам установить, сквозные пробоины получались большей частью тогда, когда снаряд попадал вторично в место, где боевое покрытие уже частично разрушено, то есть в воронку, образованную разрывом предыдущего снаряда».

И все же артиллерия особой мощности нанесла серьезный урон фортовым гарнизонам и существенно помогла штурмовым отрядам.

Авиаторы в подготовительный период должны были совершить 5316 вылетов, однако из-за неблагоприятной погоды план не выполнили. 4 и 5 апреля они сделали только 766 вылетов, в большинстве это были ночники У-2. Из сорока дальних бомбардировщиков 18-й армии, ушедших в рейд на Кё-нигсберг 5 апреля, лишь 15 самолетов вышли к городу, а остальные заблудились в пути.

Поэтому, к примеру, в 3-й воздушной армии 5 апреля сделали политднем: проводили митинги, партийные и комсомольские собрания, «на которых коммунисты и комсомольцы говорили о том, что они не пожалеют сил и самой жизни для окончательного разгрома врага в городе-крепости». Читали последние статьи Эренбурга и Величко:

«Кёнигсберг стал угрозой для всего мира. Он является плацдармом германского варварства»... «Тупоумные кёнигсбергцы жирели на своем пропитанном кровью богатстве»... «Мы взяли Кёнигсберг за горло!»... «Немцы, как кроты, окопались в подвалах, катакомбах, под руинами и просто в трубах»... «Кёнигсберг посмотрел Красной Армии в лицо и узнал, что написано на нем. Теперь город скулит и шатается из стороны в сторону»... «Мы ворвались в их заповедник. Здесь еще вчера пруссаки терзали советских девушек. И расплата настала: не

на небе — на их земле»... «Дикому зверю нельзя сочувствовать, его нужно уничтожать»...

Наземные войска в это время занимали исходные районы, уплотняли боевые порядки. На севере, на направлении главного удара, в 10-километровой полосе, против пятнадцати батальонов 548-й и 561-й народно-гренадерских дивизий, было сосредоточено 15 стрелковых дивизий 43-й и 50-й армий, 2327 орудий и минометов, 234 танка и САУ. На юге, на 8,5-километровом участке, против позиций 69-й пехотной дивизии полковника Каспера Фелькера, усиленной тремя пехотными полками и батальонами фольксштурма, выстроились в два эшелона 9 стрелковых дивизий 11-й гвардейской армии при 1511 орудиях и минометах, 198 танках и самоходов. Под гул канонады саперы проделывали проходы в минных полях, стрелковые батальоны проводили разведку боем. И здесь неутомимые политработники организовывали митинги и находили время, чтобы достучаться до сердца каждого бойца: «Политическая работа, проводившаяся в частях 235-й дивизии, имела целью воспитать ненависть к врагу. Для этого использовались материалы Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, рассказы бойцов и командиров и письма родных с освобожденной от немцев территории».

Приготовления не остались не замеченными противником, в городе ожидали штурма со дня на день: «В перехваченных радиogramмах русские командиры договаривались между собой о встрече в Кёнигсберге. Сосредоточение русских войск протекало без всяких помех и почти не маскировалось. Немецкая авиация была к тому времени уже не способна вести боевые действия. Танки противника беспрепятственно пересекали местность, хотя расстояние позволяло их обстреливать, а русская пехота спокойно занимала исходные позиции. В прошлом, разгадав наступление противника, мы с успехом применяли тактику отодвигания нашего переднего края обороны, в результате чего удар приходился по пустому месту. Теперь эта тактика не годилась, потому что отступить было уже некуда... Для уточнения обстановки в эти дни была

произведена разведка боем. На основании показаний двух пленных мы пришли к убеждению, что русские в ближайшие дни начнут генеральное наступление на Кёнигсберг. Неизвестен был только срок этого наступления — начнется оно пятого, шестого или седьмого апреля».

6 апреля в 4 часа утра из Кёнигсберга в Пиллау ушел последний эшелон с ранеными.

В полдень, после артиллерийской подготовки, длившейся три часа с завершающим аккордом реактивных установок, советская пехота и танки вслед за двойным огневым валом двинулись на штурм. Правда, погода снова не позволила осуществить массированное применение бомбардировочной и штурмовой авиации. Тем не менее, как свидетельствует Ляш, удар получился потрясающий:

«Русские войска начали генеральное наступление такой мощи, какой мне не доводилось испытывать, несмотря на богатый опыт на востоке и на западе... Все средства связи были сразу же уничтожены, и лишь пешие связные пробирались на ощупь сквозь груды развалин к своим командным пунктам или позициям. Под градом снарядов солдаты и жители города забивались в подвалы домов, скопившись там в страшной тесноте».

Гарнизоны фортов и других сооружений, основательно разрушенных артиллерией, оказывали упорное сопротивление, но были не в состоянии сдержать натиск советских войск. Штурмовые отряды и группы, просачиваясь между фортами и дотами под прикрытием дымовых завес, окружали и блокировали их со всех сторон.

К исходу дня войска 11-й гвардейской армии (8, 16, 36-й гвардейские стрелковые корпуса, 23-я гвардейская танковая бригада), наносившие удар в промежутке между фортами № 8 и № 10, прорвали первую оборонительную позицию, продвинулись на 4 километра, овладели более чем 20 опорными пунктами и вышли к южным окраинам города. Уже к рассвету был взят форт № 10 «Канитц», а форт № 8 «Король Фридрих Вильгельм IV», который Ляш называет «опорой южного

фронта», взят в плотное кольцо батальонами 84-й гвардейской стрелковой дивизии.

На северо-западе штурмовые отряды 43-й армии (13-й гвардейский, 54-й, 90-й стрелковые корпуса, 153-я танковая бригада) глубоко вклинились в оборону 548-й народно-гренадерской дивизии в районе Шарлоттенбурга, овладели фортом № 5а «Лендорф», блокировали форт № 5 «Король Фридрих Вильгельма III» и очистили от врага 20 городских кварталов. Генерал Ляш бросил на этот участок свой резерв — полк 548-й дивизии народных гренадеров, — но он не смог восстановить положение.

Части 50-й армии (81-й и 124-й стрелковые корпуса) продвинулись до 2 километров, заняли форт № 4 «Гнейзенау» и до 40 кварталов. В оперативном подчинении генерала Ф.П. Озерова находился 1-й танковый корпус, пополненный «тридцатьчетверками» и 122-мм самоходками, которые использовались повзводно в составе штурмовых групп; непосредственно в штурме принимали участие 159-я танковая бригада и 354-й гвардейский тяжелый самоходно-артиллерийский полк — 39 танков и 22 САУ. 69-й стрелковый корпус генерал-майора Н.Н. Мультана с приданной ему 44-й мотострелковой бригадой держал оборону на стыке 50-й и 11-й гвардейской армий, от Зудау до реки Прегель, имея задачу не допустить прорыва немцев в восточном направлении.

Соединения 39-й армии (5-й гвардейский, 94-й, 113-й стрелковые корпуса, 28-я гвардейская танковая бригада), преодолев 4 километра, перерезали западнее Кёнигсберга железную дорогу на Пиллау; шоссе пока оставалось в немецких руках.

2-я гвардейская и 5-я армии оставались на прежних рубежах.

Это был успех, но еще не разгром. Генерал Галицкий, вынужденный до срока ввести в сражение вторые эшелоны, так оценивал обстановку: «В первый день операции немцы понесли большие потери, но и мы потеряли немало. Тревожило нас и то, что в этот день войска взяли не много пленных, — следовательно, серьезный надлом в психике вражеских солдат и офицеров еще не наступил. Гитлеровцы дрались с фана-

тизмом обреченных, но не сдавались в плен». Не был удовлетворен итогами первого дня и генерал Белобородов. И войска Людникова выполнили боевую задачу не до конца — коридор на Пиллау продолжал функционировать.

7 апреля армии, усилив боевые порядки соединений танками, орудиями прямой наводки и противотанковыми средствами, продолжали наступление. Воспользовавшись прояснением погоды, с полным напряжением начали действовать «сталинские соколы». После трех ударов фронтовой авиации последовал сильнейший налет на крепость 516 бомбардировщиков из состава 18-й воздушной армии Главного маршала авиации А. Е. Голованова (начавшего войну в звании подполковника — поразительная карьера менее чем за три года). Под прикрытием 232 истребителей они сбросили 560 тонн бомб, разрушая оборонительные сооружения, огневые позиции артиллерии и уничтожая живую силу противника.

«Над городом поднялся полуторакилометровый густой столб черного дыма и пыли, — вспоминает Галицкий, — это было захватывающее зрелище. Такого мощного удара авиации до этого дня я еще не видел никогда. В городе возникли пожары, было уничтожено множество складов с боеприпасами и продовольствием, вышла из строя связь, обваливались разрушенные ранее англо-американскими тяжелыми бомбардировщиками здания в центральной части города, оказались погребенными в бомбоубежищах под развалинами многие солдаты и офицеры врага. Моральное состояние войск гарнизона Кёнигсберга было подавленное, о чем нам рассказывали пленные офицеры и генералы».

Генерал Ляш: «Кёнигсберг, куда ни взгляни, представлял собой страшную картину. Воздух был полон дыма и гари, небо по ночам пылало в зареве пожаров и летящих искр. Командные пункты и подвалы были переполнены жителями, искавшими убежища... Запасы продовольствия и боеприпасов были уничтожены. Разрушения в городе были настолько велики, что невозможно было не только передвигаться, но даже и ориентироваться».

Неоднократным массированным налетам авиации флота и 4-й воздушной армии подверглась и военно-морская база

Пиллау. Всего за сутки советская авиация совершила 4758 самолето-вылетов, сбросив 1658 тонн бомб.

Под прикрытием артиллерии и авиации пехота и танки, имея впереди штурмовые отряды и группы, настойчиво пробивались к центру города. Начались уличные бои, которые отличались особым накалом. Каждая сотня метров стоила крови. Гвардейцы генерала Галицкого прорвали вторую оборонительную позицию, разгромили 69-ю пехотную дивизию, втоптали в грязь два батальона полицаев из «боевой группы» Шуберта, продвинулись на 2—3,5 километра, захватили форты № 11, 12 и 8, несколько промышленных предприятий, железнодорожную сортировочную станцию и район паровозного депо. Быстрое взятие форта № 8, блокированного батальоном 243-го гвардейского стрелкового полка, обеспечила 3-я рота 11-го отдельного моторизованного огнеметного батальона. Ее действия вошли в учебник:

«В течение ночи на наружной стороне рва было установлено 40 огнеметов, направленных на амбразуры и окна центрального капонира. На рассвете 7 апреля в ров были сброшены дымовые шашки, и ров быстро наполнился дымом. Нацеленные на амбразуры фугасные огнеметы своим огнеметанием заставили противника прекратить огонь из капонира. Внутри капонира стали рваться боеприпасы, часть гитлеровцев получили ожоги.

После огнеметания штурмующие подразделения преодолели ров и ворвались в форт. Огнеметчики залили огнесмеси в вентиляционные трубы и забросали их гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Внутри помещений форта начался пожар и стали рваться боеприпасы, что вынудило гарнизон форта сдаться. В плен было взято 154 солдата и 30 офицеров».

Вечером части 16-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора М.А. Пронина вышли на южный берег реки Прегель. 43-я армия продвинулась до одного километра и захватила 15 кварталов. Ее правофланговые части вели бои в 3—3,5 километрах севернее реки Прегель. Штурмовые группы 550-го полка 126-й стрелковой дивизии, усиленные саперами и огнеметчиками 4-й штурмовой инженерно-саперной бригады

РКГ, ворвались в форт №5, который пал к утру. Войска 50-й армии, ведя ожесточенные уличные бои, продвинулись до 1,5 километра, овладели 15 кварталами и пригородом Байдриттен. 39-я армия отразила восемнадцать контратак и продолжала рваться к заливу Фришес-Хафф: «Противник не отходит, и мы ведем бой на его уничтожение».

Для разрешения возникшего кризиса комендант крепости запросил у генерала Мюллера разрешения передать в северо-западный сектор обороны 5-ю танковую дивизию и с ее помощью вернуть утраченные позиции в районе Шарлоттенбурга, но уже перешли в наступление 2-я гвардейская и 5-я армии, и Мюллер ничем не мог помочь обескровленному гарнизону.

Общее положение оборонявшихся к исходу 7 апреля резко ухудшилось. Почти все рубежи на юге и на северо-западе Кёнигсберга были прорваны. Оставшийся в немецких руках «плацдарм» со всех сторон простреливался советской артиллерией. Офицер из штаба генерала Шуберта вспоминал: «Всюду велись уличные сражения, бои за отдельные дома. Жителей, прятавшихся в подвалах, охватило отчаяние, слышались их стенания, заглушавшиеся шумом боя. Границы фронта были неопределенные; более того, они смешались. Никто не мог толком сказать, что осталось у нас, а что уже принадлежит противнику. Связь командира боевой группы с полком давно нарушилась, давно прекратилась также всякая связь с комендантом крепости и с соседями. Правильно руководить боем стало невозможно. Люди, находившиеся в опорных пунктах, были предоставлены сами себе».

Генерал Ляш, перебрасывая подразделения с менее активных участков, в основном из восточного сектора, пытался организовать новый рубеж обороны по северному берегу силами батальонов, подчиненных штабу 61-й пехотной дивизии. Так, практически без боя были оставлены гарнизонами форты №1а «Грёбен», №2 «Бронзарт» и №2а «Барнехоф». Во избежание полного уничтожения, комендант запросил разрешения подготовить прорыв на запад, чтобы вывести из города войска и население. Мюллер, которому Ляш не понравился своими пораженческими настроениями с момента первого знакомства, ответил отказом «в самой резкой форме».

Ожесточенность боевых действий не ослабевала и с наступлением темноты. Поздно вечером дивизии 11-й гвардейской армии под огнем противника на амфибиях и подручных средствах приступили к форсированию реки Прегель.

С утра 8 апреля штурм возобновился с новой силой. В этот день штурмовым отрядам была придана вся дивизионная артиллерия, в уличных боях широко использовались огнеметы и реактивные снаряды М-31. Максимальной силы достигли удары авиации: за третьи сутки советские летчики совершили 6077 самолето-вылетов, сбросив на головы противника в районе Кёнигсберга и Пиллау 2100 тонн бомб. Краснозвездные самолеты затмили «клочок кёнигсбергского неба», и было непонятно, как они там поместились.

Наконец, около 14 часов в районе Амилиенау штурмовые отряды 18-й гвардейской стрелковой дивизии армии Галицкого встретились с частями 87-й гвардейской дивизии армии Белобородова. Мышеловка захлопнулась. Гарнизон Кёнигсберга был окружен и расчленен на части, с внешней стороны кольца осталась лишь часть 561-й народно-гренадерской дивизии. Вскоре ширина прорубленного коридора достигла трех километров. По приказу Василевского 43-я армия постепенно поворачивала на запад, обеспечивая внешний фронт окружения и готовясь к наступлению вдоль северного берега залива, а 11-я гвардейская — на восток, чтобы завершить разгром противника совместно с дивизиями 50-й армии генерала Озерова.

Убедившись, что дело — верняк, Советское информбюро выдало сообщение: «Сегодня наши войска начали штурм города и крепости КЁНИГСБЕРГ...

В результате ожесточенных боев советские части прорвали внешний обвод крепостных позиций и заняли ряд городских районов Кёнигсберга. Занято семь фортов, большое число дотов, очищены от противника пехотные казармы, главная сортировочная станция, главный вокзал, главная товарная станция, машиностроительный завод, железнодорожные мастерские и Кёнигсбергский порт. Развивая успех, наши войска, наступающие с юга, соединилась с войсками, наступающими на город с северо-запада, и тем самым зажали

кёнигсбергский гарнизон противника в железное кольцо. Советские штурмовые группы успешно преодолевают завалы и баррикады на улицах и выбивают немцев из укрепленных зданий. Места боев завалены трупами гитлеровцев. Захвачены большие трофеи. Количество пленных непрерывно возрастает».

Вечером гарнизону Кёнигсберга по радио и через громкоговорящие установки было передано предложение маршала Василевского сложить оружие и сдаться в плен, над городом разбрасывались листовки с обращением командующего фронтом, однако немецкие войска, удерживавшие центр и восточную часть города, продолжили сопротивление. Русских парламентаров отгоняли огнем. Генерал Ляш снова предложил организовать прорыв из окружения всеми наличными силами. И снова генерал Мюллер приказал удерживать крепость до последнего солдата, разрешив лишь пробить коридор на запад «с целью эвакуации партийных деятелей и гражданского населения» силами ударных отрядов, сформированных из частей 548-й и 367-й дивизий. Им навстречу должны были атаковать 561-я народно-гренадерская и 5-я танковая дивизии. Однако попытка ночного прорыва южнее дороги Кёнигсберг—Пиллау сборных частей, перемешавшихся в темноте со многими тысячами беженцев, была встречена шквальным огнем из всех видов оружия и провалилась. Среди убитых оказались командир 548-й дивизии генерал-майор Эрих Зидау и глава кёнигсбергской полиции генерал Шуберт. Натиск немцев с внешней стороны кольца был отбит частями 39-й армии и 90-го стрелкового корпуса 43-й армии.

С рассветом 9 апреля после короткой, но мощной артподготовки штурм возобновился по всему фронту. Правофланговый корпус армии Белобородова, тесня противника к востоку от Метгетена, овладел фортами №6 «Королева Луиза» и №7 «Герцог фон Хольштайн». Дивизии 36-го гвардейского корпуса 11-й гвардейской армии, сжимая кольцо окружения с запада, прорвали внутреннюю оборонительную позицию и овладели Северным вокзалом. С восточной стороны начали продвижение к центру города части 69-го стрелкового корпуса 50-й армии. В городских кварталах немецкая оборона,

фактически уже не имевшая единого управления, распалась на отдельные участки и очаги сопротивления. На руинах того, что раньше называлось улицами, все перемешалось — люди, техника, обломки рухнувших зданий, — делая невозможным применение бомбардировочной авиации:

«Дневные бои проходили также напряженно. Артподготовка желаемых результатов не дала, и, как вчера, пришлось выбивать противника из его городских укреплений. Штурмовые отряды окружали и брали штурмом укрепленные кварталы и дома. Однако положение наших частей становилось все более сложным. Они столкнулись с таким новым явлением, как «прослаивание» боевых порядков, когда в одном доме на разных этажах дрались наши и немецкие подразделения. Некоторые отряды глубоко вклинились в оборону противника, а соседние кварталы еще удерживали немцы. Фланги обнажались. Артиллерия в таких случаях ничего сделать не могла. Это давало противнику возможность отсекалть огнем прорвавшиеся группы. Образовывались очаги окружения в окружении».

В 13 часов 1-я гвардейская Московско-Минская стрелковая дивизия полковника П.Ф. Толстикова начала наступление на Королевский замок, в котором размещался штаб фольксштурма. 16-й гвардейский стрелковый корпус завязал бои за центральные кварталы города в непосредственной близости от командного пункта генерала Ляша. 8-й гвардейский корпус к 19 часам соединился с частями 50-й армии. Немцы еще продолжали удерживать центр и восточную часть города, но положение гарнизона стало совершенно безвыходным. Ввиду безнадежности сопротивления, на отдельных участках стали сдаваться в плен целые подразделения, в иных местах «отчаявшиеся женщины пытались вырывать у солдат оружие и вывешивать из окон белый флаг, чтобы положить конец ужасам войны».

В этой ситуации Ляш принял решение сложить оружие и «согласиться на почетную капитуляцию». Известив об этом по радио главное командование и свои войска, комендант выслал к русским парламентариев. Наконец «после долгих жутких часов ожидания» в немецкий штаб прибыла группа

советских офицеров во главе с начальником штаба 27-й гвардейской дивизии подполковником П.Г. Яновским. Около 23 часов 9 апреля в бункере на Парадной площади генерал Ляш подписал акт о безоговорочной капитуляции гарнизона и отдал приказ о немедленном прекращении сопротивления с подробной инструкцией где, кому и как сдаваться.

Однако, поскольку далеко не у всех немецких подразделений имелись исправные рации, приказ коменданта до них не дошел, организованной сдачи не получилось: «Огонь противника на ряде участков фронта еще некоторое время не прекращался и даже не ослабевал». В связи с этим, по предложению советского командования и не без некоторого колебания, Ляш обратился к остаткам гарнизона с обращением через громкоговорящие установки. После чего проследовал в плен. Последующие десять лет генерал интересно проводил время на просторах России, изучив множество достопримечательностей — от «Бутырок» до южного побережья Ледовитого океана — и вспоминая уверения маршала Василевского в том, что отправляется «в лагерь санаторного типа».

Утром 10 апреля все было кончено.

В итоге Кёнигсбергской операции советские войска, согласно докладу Василевского, составленному по горячим следам, за четыре дня уничтожили 104 танка и штурмовых орудия, 120 самолетов, 1750 орудий и минометов, убили 42 тысячи немецких солдат и офицеров и более 92 тысяч взяли в плен. В качестве трофеев им досталось 3700 орудий и минометов, 89 танков и штурмовых орудия, много другой военной техники и вооружения, большое количество паровозов и автомашин. Судя по цифрам, в плен попало все мужское население города вкпе с иностранными рабочими.

2-я гвардейская и 5-я армии похвастать успехами не могли: за трое суток они почти не продвинулись и лишь местами захватили первую и вторую траншеи, после чего «закрепились на достигнутом рубеже».

Узнав о падении Кёнигсберга, Гитлер приказал приговорить заочно к смертной казни коменданта крепости Ляша, а его семью репрессировать. Командующий 4-й армией генерал Мюллер был смещен с поста, на его место был назначен

генерал Дитрих фон Заукен. Германское командование ликвидировало оперативную группу «Земланд», а сохранившиеся войска включило во вновь созданную армию «Восточная Пруссия», в состав которой вошли также остатки бывшей группы армий «Север», уцелевшие на косе Хель и в плавнях дельты Вислы.

Москва отметила победу салютом высшей категории — 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий, а 9 июня 1945 года Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За взятие Кёнигсберга», которой были награждены все участники боев за город-крепость.

Ну и, конечно, состоялся пир победителей:

«Дома горели, чадили. Мягкая мебель, музыкальные инструменты, кухонная утварь, картины, фарфор — все это было выброшено из домов и продолжало выбрасываться. Между горящими танками стояли подбитые автомашины, кругом валялись одежда и снаряжение. Тут же бродили пьяные русские. Одни дико стреляли куда попало, другие пытались ездить на велосипедах, но падали и оставались лежать без сознания в сточных канавах с кровоточащими ранами. В дома тащили плачущих, отбивавшихся девушек и женщин. Кричали дети, зовя родителей, мы шли все дальше и дальше. Перед нашими глазами вставали картины, которые описать невозможно. Придорожные кюветы были полны трупов. Мертвые тела носили следы невообразимых зверств и изнасилований. Валялось множество мертвых детей. На деревьях болтались повешенные — с отрезанными ушами, выколотыми глазами. В разных направлениях вели немецких женщин. Пьяные русские дрались из-за медсестры. На обочине шоссе под деревом сидела старуха, обе ноги у нее были раздавлены автомашиной. Горели хутора, на дороге валялся домашний скарб, кругом бегал скот, в него стреляли, убивая без разбора. До нас доносились крики взывающих о помощи. Из домов, подняв в молитве руки, выходили женщины, русские гнали их назад и стреляли в них, если те уходили не сразу».

Если потери немцев маршал Василевский подсчитал уже к вечеру 10 апреля, то собственные потери в Кёнигсберге известны лишь приблизительно — более 50 тысяч человек уби-

тыми и ранеными за период с 5 по 10 апреля. Если принять на веру утверждение Баграмяна, что «общее количество людей в стрелковых дивизиях, считая и тыловые подразделения, не превышало двух с половиной тысяч», то получается, что армии потеряли как минимум половину личного состава.

Практически сразу Василевский приказал перейти ко второму этапу — ликвидации земландской группировки противника. Вопрос: зачем это было нужно маршалу, который сам писал: «Кёнигсбергский укрепленный район — основа обороны немцев на Земландском полуострове. С потерей этого района и столицы Восточной Пруссии дальнейшее упорное сопротивление противника на Земландском полуострове теряет смысл или, по крайней мере, свое значение». Для немцев, обеспечивавших эвакуацию населения, упорная оборона сохраняла «свое значение» до последнего дня. А вот какой «смысл» имел очередной штурм, Александр Михайлович объяснить не потрудился.

На полуострове фронт протяженностью около 50 километров занимали 95, 93, 58, 1, 21-я пехотные, 28-я егерская, 551-я, 561-я народно-гренадерские и 5-я танковая дивизии. Немецкая полевая оборона имела густую сеть траншей, опорных пунктов и узлов сопротивления. Главная полоса включала три позиции, каждая из которых имела по три траншеи, многочисленные ходы сообщения, блиндажи и дзоты. Еще одна оборонительная полоса закрывала доступ к Фишхаузену и к полуострову, на котором находилась военно-морская база Пиллау.

Во втором эшелоне находился 55-й армейский корпус — три-четыре дивизии и ряд специальных частей. В составе немецкой группировки насчитывалось 65 тысяч человек, 1200 орудий и минометов, 166 танков и штурмовых орудий.

Войскам 3-го Белорусского фронта снова предстояло идти на прорыв. Согласно плану главный удар по кратчайшему расстоянию, вдоль железной и шоссейной дорог на Фишхаузен, рассекая вражескую группировку на две части, наносили 5-я и 39-я армии. 2-я гвардейская и 43-я армии должны были

обеспечивать наступление, продвигаясь вдоль северного и южного побережий Земландского полуострова.

11-я гвардейской армии, выведенной в резерв, была поставлена задача привести себя в порядок, «усиленно готовиться к новым боям» и быть готовой развить успех первого эшелона. В связи с этим, к примеру, командир 84-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Щербина издал приказ:

«1. Боевые действия в районе Кёнигсберга прекратить.

2. Части подготовить к выступлению в общем направлении северо-западнее от г. Кёнигсберга.

3. Подтянуть все тылы и отстающих бойцов, построить их по подразделениям. На осмотре проверить все обозы, ненужные трофейные вещи с повозок разгрузить и отобрать.

4. Предупредить весь личный состав и потребовать прекращения разгула и разбоя в городе. Всех отстающих и без разрешения отлучающихся из подразделения или строя и замеченных в барахольстве арестовывать и предавать суду Военного трибунала. Во время марша через город строго соблюдать дисциплину и порядок и следовать только строем».

Войска 50-й армии, чей командующий был назначен командантом Кёнигсберга, продолжали зачистку города и окрестностей.

К одной из самых бессмысленных в оперативном плане операций Красной Армии привлекалось свыше 111 тысяч солдат и офицеров, 5200 орудий и минометов, 451 установка реактивной артиллерии, 324 танка и САУ.

С воздуха наступления поддерживали 1-я и 3-я воздушные армии.

Балтийский флот получил задачу обеспечить приморский фланг 2-й гвардейской армии от возможных обстрелов врага и высадки десантов с моря, огнем корабельной артиллерии содействовать наступлению вдоль побережья, а также сорвать эвакуацию вражеских войск и техники.

Готовность войск к началу операции была назначена на конец дня 11 апреля. На предложение советского командования «в течение 24 часов сложить оружие, прекратить сопротивление и сдаться в плен» ответа не последовало, и Василевский отдал приказ: «Атаковать и уничтожить!»

В ночь перед наступлением 1-я и 3-я воздушные армии нанесли серию массированных ударов по боевым порядкам войск противника, оборонительным сооружениям, портам и узлам коммуникаций.

Утром 13 апреля после мощной часовой артиллерийской подготовки войска 3-го Белорусского фронта перешли в наступление, которое развивалось «не везде по плану».

«Целый час на полуострове бушевала огненная буря, — пишет Баграмян, — казалось, все фашистские опорные пункты будут перепаханы взрывами. Но вот в 9 часов войска поднялись в атаку — и вздыбленная, почерневшая земля вдруг ожила. Фашисты оказали сильное огневое сопротивление, а когда наступающие части ворвались в глубь оборонительной полосы, последовали их непрерывные контратаки». Несмотря на сильную и непрерывную поддержку авиации, совершившей в первый день 6111 самолето-вылетов, главной ударной группировке удалось оттеснить противника всего на 3—5 километров.

Разгадав советские намерения, немецкое командование уплотнило боевые порядки перед армиями Крылова и Людникова и с 14 апреля начало отводить войска на участке правого фланга 2-й гвардейской армии. Тяжелые бои продолжались и на следующий день. Получив доклад генерала Чанчибадзе об отходе противника, Василевский приказал 15 апреля перебросить в полосу 2-й ударной армии две танковые бригады и два полка самоходной артиллерии. Правда, в 159-й танковой бригаде и 344-м самоходном полку — единственных боеспособных соединениях 1-го танкового корпуса — в строю оставалось 12 танков Т-34, 15 ИСУ-122 и 1 СУ-85. За три дня на главном направлении советские армии продвинулись на 9—10 километров, в то время как войска Чанчибадзе — на 25 километров, заняв Гермау и Ротенен. Однако немцы успели вывести свою северную группировку из-под угрозы окружения. Каждые сутки у Василевского выбывало из строя 6—7 тысяч бойцов.

15 и 16 апреля, с целью содействия продвижению 43-й армии, моряки высадили два тактических десанта из состава 24-й гвардейской стрелковой дивизии на дамбу Кёнигсберг-

ского канала и поддержали наступление огнем с катеров и орудий дальнобойной артиллерии. Своими действиями балтийцы помогли соединениям Белобородова выбить немцев из населенных пунктов Циммербуде и Пейзе. Преследование противника 2-й гвардейской армией вдоль побережья Балтийского моря в южном направлении и наступление 5-й и 39-й армий в общем направлении на Фишхаузен заставило немцев стянуть войска в юго-западную часть Земландского полуострова и организовать оборону на узком фронте.

В ночь на 17 апреля двойным ударом соединения 39-й и 43-й армий овладели Фишхаузеном. От городка мало что осталось, как и от оборонявшей поселок 1-й восточнопрусской пехотной дивизии. Один из немецких солдат вспоминал:

«Перед обедом в течение получаса упало почти 500 бомб. Уже после первой волны город пылал во всех концах и углах. Позднее русские сбросили бомбы и на наши позиции, вызвав большие пожары. Здесь, восточнее Фишхаузена, мне многое пришлось увидеть и пережить. Советский летчик, спускаясь на парашюте из сбитого самолета, стрелял по нам из автомата. По нему открыли массированный огонь. И на землю он уже опустился мертвым. Между налетами новых бомбардировщиков нам удалось покинуть город, так как удерживать в нем позиции было уже нельзя».

Вообще в этой операции советская авиация сыграла главную роль. Вот свидетельство еще одного «пострадавшего» из прекратившей свое существование 5-й танковой дивизии: «Я насчитал больше ста самолетов. Стон, крики царили в воздухе. Люди бежали из леса, но и тут не уходили от смерти. Она следовала за нами по пятам. Из оставшихся шести танков и «пантер», которые имел полк в это время, четыре были разбиты, от одного танка, который из-за недостатка горючего был оборудован как дот, не осталось никакого следа. В течение двух дней мы не могли убрать трупы из этого лесного кладбища. Куски мяса были перемешаны с землей, с останками танков и гусениц. Это был какой-то ужас. Я едва пережил воздушный налет в Гамбурге, но там было легче: хотя они (англичане) и производят бомбардирование более мощными ударами, но там, если сумел быстро укрыться, ты спа-

сен. Но русские самолеты непрерывно бомбят, штурмуют даже ночью».

Дивизии Белобородова полностью овладели районом юго-восточнее Фишхаузена и вышли на побережье залива Фришес-Хафф. Однако 2-я гвардейская в своем движении на юг преодолела только 2 километра и вновь уперлась в хорошо подготовленную оборону, людские потери армии достигли 5000 убитыми и ранеными.

На пятый день наступления советские войска полностью очистили Земландский полуостров от противника и вышли к рубежу Пилаусского полуострова. Последний имел длину 15 километров и от 2 до 5 километров в ширину и через каждые 1—2 километра был пересечен шестью оборонительными позициями, насыщенными дотами, противотанковыми и противопехотными препятствиями.

Подступы к Пиллау со стороны моря прикрывали 18 бетонированных дотов, расположенных по западному берегу. С севера его защищали четыре форта и старинная крепость с пятиметровыми каменными стенами, земляным валом и широким рвом, заполненным водой. Непосредственно сам город был подготовлен к обороне. В окрестностях действовали четыре аэродрома.

В Пиллау и на косе Фрише-Нерунг оборонялось около 40 тысяч солдат и офицеров из остатков десяти пехотных, одной танковой и одной зенитной дивизии, мотодивизии «Великая Германия», других частей, соединений и боевых групп.

«Словом, — итожит Баграмян, — Пиллау — это Кёнигсберг в миниатюре». Вот только не объясняет «самый хитрый из армян», к чему, собственно, надо было прогрызть все эти позиции в тот момент, когда Жуков уже штурмовал Зееловские высоты.

Операция затягивалась, и Василевский решил ввести в сражение свежие силы. В первой половине дня 16 апреля штаб 11-й гвардейской армии получил приказ сменить на позициях 2-ю гвардейскую, а 18 апреля начать наступление на Пиллау и косу Фрише-Нерунг с одновременной высадкой морских десантов в районе Нейтифа. Судя по рассказу Галицкого, советскому командованию дело представлялось

твёрдым: «Получив боевую задачу, мы с начальником штаба, командующим артиллерией и группой офицеров выехали в штаб 2-й гвардейской армии, чтобы ознакомиться со всеми данными, которые имелись у них о Пиллаусском полуострове, о противнике и его укреплениях, а также договориться о порядке смены войск. Но, к сожалению, штаб 2-й гвардейской располагал только общими сведениями о группировке немецких войск. У руководства армии настроение было слишком оптимистичным. Оно считало, что противник разгромлен и не потребуются больших усилий, чтобы сбить его с занимаемых позиций». Исходя из подобных радужных оценок, в штабе фронта рассчитывали захватить Пиллау в течение двух суток, а затем с ходу высадиться на косу Фрише-Нерунг.

Остальные армии выводились в резерв.

Сменив в ночь на 18 апреля войска Чанчибадзе, соединения 11-й гвардейской армии в течение двух суток проводили разведку боем, уточняя данные о противнике. Причем среднесуточные потери в ходе «разведок» составили 2350 человек убитыми и ранеными. Общие потери фронта за неделю боев достигли 32 тысяч человек. За этот же период немецкий 511-й тяжелый танковый батальон записал на свой счет 102 советские боевые машины.

Маршал Василевский 19 апреля был награжден вторым орденом Победы.

В 11 часов 20 апреля после артиллерийской подготовки из 600 стволов на фронте в 3 километра, имея впереди тяжелые ИС-2 и ИСУ-152, поднялась в атаку пехота 16-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов. За день им удалось продвинуться не более чем на полкилометра. Вражеские позиции так и не были толком разведаны, что значительно снижало эффективность артиллерийского огня, низкая облачность сковывала действия авиации, небольшая ширина суши с высокими обрывистыми берегами исключала маневр, поросшие кустарником и деревьями песчаные дюны служили естественным препятствием для движения техники. Вечером начальник штаба 99-го гвардейского стрелкового полка доложил: «Потери в живой силе и технике 70%».

На следующий день, отражая беспрерывные контратаки,

гвардейцы под ураганным огнем, «поршнем» выдавливая противника, преодолели еще километр, и командарму-11 окончательно «стало понятно»: «Немецко-фашистское командование бросает против нас все, что может собрать в своих тылах. Его оборонительные сооружения насыщены артиллерией и минометами, не говоря уже о стрелковом оружии. Создана система бетонных и бронированных дотов, бетонных площадок для тяжелых орудий, траншей, ходов сообщения и противотанковых рвов. И чем ближе к крепости Пиллау, тем больше встречалось этих укреплений. В среднем на каждые 100 м приходится 4 пулемета и до 200 автоматчиков. Большое число огневых точек для ведения фланкирующего огня. Противотанковые и штурмовые орудия имеют широкие секторы обстрела».

Ворчали старики:

«Сколько раз на моих глазах гнали людей, как скотину на убой, взять какую-нибудь высоту 126,0 или деревушку Козодоевку, которая нахрен никому никогда не была нужна.

Но гнали нас безжалостно на эти высотки и деревушки, под радостные визги штабных «придурков» и политруков — «Это наш подарок Родине!» к очередной праздничной дате... Пехоту вообще никогда не жалели...

Кому был нужен штурм Пиллау в конце апреля сорок пятого года, когда немцы сидели наглухо блокированные с суши и с моря в фортах? Но ведь нас погнали брать этот Пиллау к 1-му Мая!

16-й гвардейский стрелковый корпус наступал по узкой оконечности Фриш-Гаффа. Дивизии для наступления ставили в три эшелона. Наша дивизия шла в третьей волне наступавших на Пиллау. Мы шли и ползли в буквальном смысле по настилу из трупов своих товарищей. Первые две волны наступавших были истреблены полностью огнем морских и зенитных орудий из фортов базы. Почему не ждали, когда окруженные немцы сами капитулируют? Кому понадобились эти тысячи неоправданных жертв за десять дней до Победы?

Знаете, мне много раз приходилось принимать участие в разведке боем. И если комбат был порядочный человек и жалел своих солдат, то он жертвовал только одним взводом, по-

сылая его вперед на верную погибель. При этом в штаб шел доклад — «Батальон несет потери! Прошу разрешение на отход на исходные позиции!»

Но если рядом с комбатом стоял замполит, или «особист», или проверяющий из штаба полка и дивизии, то весь батальон шел под нож...

Вполне серьезно говорю вам, что комсостав в конце войны разительно и в худшую сторону отличался от командиров 1941 года. Уже начиная с 1942 года ничего не обходилось на фронте без мата. Особенно мат обожали офицеры. Везде, всегда и по любому поводу... Культура — ноль, а тут им такая возможность унижить солдата! Мало кто смог удержаться от такого «искушения». И так на передовой у всех издерганы нервы от постоянного ожидания смерти, голода и тоски. Солдаты были изнурены и измордованы войной. Люди нередко были злыми, серьезные конфликты могли возникнуть по самому незначительному поводу. И тут появляется очередной самодур, «полководец» в капитанских погонах с барскими замашками, и начинает раздавать приказы налево и направо. И блиндаж ему срочно на ночь постройте в три наката, и траншею в полный профиль выройте, и двух пулеметчиков возле блиндажа на ночь поставьте. А то, что люди от усталости с трудом ноги волочат, и утром нам все равно придется менять месторасположение — этого «господина офицера» не интересовало! У нас появилось железное солдатское правило: «Не торопись выполнять приказы!» Возникло недоверие к людям, которым было поручено командовать нами. Есть еще один нюанс. Иногда попадались командиры-изверги. Достаточно было просто не понравиться такому офицеру — и штрафная рота или смерть в ближайшем бою солдату была обеспечена!..

На косе, на подходах к Пиллау некуда было ногу поставить! Сплошной пласт из убитых солдат. По нас стреляла морская, полевая и зенитная артиллерия. В буквальном смысле нас встретили «морем огня». Единственный шанс как-то проскочить эту «долину смерти» был следующий. Пауза между залпами немецкой артиллерии составляла пять секунд. За это время надо было перебежать из одной воронки в другую,

а дальше — как повезет... Кто не успел уложиться в это время, того сразу же разрывало в клочья».

По советским войскам вело огонь до 50 артиллерийских, минометных и реактивных батарей общей численностью 306 стволов, в том числе шесть калибра 210 мм. Пехоту поддерживали 88 танков и штурмовых орудий.

А с моря и рейда Пиллау палили главным калибром боевые корабли Кригсмарине. И это при том, что адмирал Трибуц только за две недели апреля «напотоплял» германского флота на полмиллиона тонн:

«В течение 7 и 8 апреля авиация Краснознаменного Балтийского флота наносила удары по кораблям и транспортам противника в порту Пиллау и в Данцигской бухте. В результате этих ударов потоплено: девять немецких транспортов общим водоизмещением в 36 000 тонн, один миноносец, два сторожевых корабля и две быстроходные десантные баржи. Прямым попаданием бомб повреждены: один крейсер, один миноносец, один тральщик и два транспорта противника водоизмещением в 6000 и 4000 тонн.

9 и 10 апреля авиация Краснознаменного Балтийского флота наносила удары по военным кораблям и транспортам немцев в порту Пиллау и в открытом море северо-западнее Пиллау. В результате этих ударов потоплены: два немецких миноносца, два сторожевых корабля, десять транспортов общим водоизмещением в 60 000 тонн и один танкер водоизмещением в 2000 тонн. Кроме того, прямым попаданием бомб повреждены: один миноносец, один сторожевой корабль и семь транспортов противника.

11 апреля авиация Краснознаменного Балтийского флота нанесла удар по кораблям и военным транспортам немцев в порту Пиллау и в открытом море северо-западнее Пиллау. В результате этого удара потоплены: один миноносец и три транспорта противника общим водоизмещением в 23 000 тонн. Кроме того, прямым попаданием бомб подожжен один транспорт водоизмещением в 7000 тонн и поврежден транспорт водоизмещением в 8000 тонн.

12 и 13 апреля авиация Краснознаменного Балтийского флота продолжала наносить удары по военным кораблям и

транспортам противника в порту Пиллау и в открытом море северо-западнее Пиллау. В результате бомбо-торпедных ударов потоплены: один миноносец, девять сторожевых кораблей, два тральщика, один танкер водоизмещением в 10 000 тонн и восемнадцать транспортов противника общим водоизмещением в 92 000 тонн.

15 и 16 апреля авиация Краснознаменного Балтийского флота наносила удары по кораблям и транспортам противника в порту Пиллау и в открытом море северо-западнее Пиллау. В результате этих ударов потоплены: восемь транспортов общим водоизмещением в 46 000 тонн, тральщик и четырнадцать сторожевых катеров противника.

Кораблями флота потоплены два немецких эсминца.

Наши корабли в Балтийском море потопили немецкий транспорт водоизмещением в 7000 тонн.

19 апреля корабли Краснознаменного Балтийского флота потопили в южной части Балтийского моря транспорт противника водоизмещением в 5 тысяч тонн.

20 апреля авиацией Краснознаменного Балтийского флота в порту Пиллау и северо-западнее Пиллау потоплены четыре немецких транспорта общим водоизмещением в 15 тысяч тонн и четыре танкера водоизмещением в 14 тысяч тонн.

Кораблями флота в Балтийском море потоплен транспорт противника водоизмещением в 8 тысяч тонн.

22 апреля корабли Краснознаменного Балтийского флота потопили в южной части Балтийского моря немецкий транспорт водоизмещением в 8 тысяч тонн. Авиация флота нанесла удары по судам противника в порту Пиллау и северо-западнее Пиллау. В результате этих ударов потоплены: один транспорт водоизмещением в 6 тысяч тонн, две быстроходные десантные баржи, две сухогрузные баржи и два катера.

23 апреля кораблями Краснознаменного Балтийского флота в южной части Балтийского моря потоплены два немецких транспорта общим водоизмещением в 12 тысяч тонн.

24 апреля авиация Краснознаменного Балтийского флота потопила в Балтийском море транспорт, быстроходную десантную баржу и самоходный понтон противника.

25 апреля корабли Краснознаменного Балтийского флота

потопили в южной части Балтийского моря немецкий транспорт водоизмещением в 10 тысяч тонн. Авиация флота потопила в Балтийском море четыре транспорта общим водоизмещением в 18 тысяч тонн, сторожевой корабль, быстроходную десантную баржу и три мотобота противника»!!!

С утра 22 апреля генерал Галицкий на своем правом фланге ввел в дело 8-й гвардейский стрелковый корпус. Благодаря этому немцев потеснили еще на три километра и овладели опорными пунктами Лохштедт и Детский курорт. В бою погиб командир 16-го корпуса генерал-майор С.С. Гурьев. 23 апреля Галицкий приостановил наступление, подтянул артиллерию и произвел смену частей, понесших наибольшие потери. По приказу командарма на передовую были отправлены все тыловые «специалисты», за исключением поваров: парикмахеры, сапожники, хлебопеки, кладовщики.

Весь следующий день две гвардейские стрелковые дивизии бились за Нойхаузер, на окраинах которого закрепились остатки дивизии «Великая Германия» и других разбитых частей. В связи с улучшением погоды значительно активизировала свои действия советская авиация, которая совершила свыше 2000 вылетов, уничтожила склады с боеприпасами и горючим и, как отмечает Баграмян, «превратила Пиллау в крошечный ад». Пожары в городе уже никто не тушил. Штаб обороны отдал приказ об эвакуации из города небоеспособных частей, чиновников и партийных функционеров, женского вспомогательного персонала. Специально выделенные команды спешно уничтожали оставшуюся боевую технику, жгли запасы топлива, склады с продовольствием и обмундированием, взрывали боеприпасы для подводных лодок, поголовно расстреливали животных. Гаулейтер Кох погрузился на ледокол «Восточная Пруссия» и убыл в Данию. Сопротивление немцев стало ослабевать, хотя их артиллерия по-прежнему держала под обстрелом весь прилегающий район до Фишхаузена, где находился наблюдательный пункт 11-й гвардейской армии. 24 апреля здесь попал под огневой налет маршал Василевский, примчавшийся, чтобы на месте разобрать-

ся в обстановке. Сам Александр Михайлович не пострадал, но разбитый «Виллис» пришлось сменить.

В ночь и днем 25 апреля германское командование эвакуировало с полуострова до 40 тысяч раненых, беженцев и солдат, в том числе 7 тысяч человек — на косу Хель. В Пиллау оставалась 558-я народно-гренадерская дивизия; поселок Нойтиф и северную часть косы обороняла 50-я пехотная дивизия.

Утром 25 апреля советские войска обошли Пиллау с востока и ворвались в пылающий город. Командиры корпусов имели задачу с выходом на своих участках к проливу Зеетиф с ходу форсировать его, не дожидаясь полного захвата города. Дополнительно планировалось высадить десант на косу Фрише-Нерунг южнее пролива. Весь день в городе шли жестокие, переходящие в рукопашные, схватки, бои велись за каждый пирс и каждый дом. К 20 часам сложил оружие немецкий гарнизон Восточного форта. Части 84-й гвардейской стрелковой дивизии штурмом взяли железнодорожный вокзал с десятками эшелонов на путях. Советские солдаты переправились через крепостной канал в старую часть города, где бои продолжались всю ночь. Дивизии 8-го гвардейского стрелкового корпуса вышли к проливу и, при мощной поддержке с воздуха, под прикрытием заградительного артиллерийского огня и дымовых завес, приступили к форсированию.

Последним очагом сопротивления стала цитадель, на стене которой было крупными буквами выведено гордое: «Смерть или Сибирь!» Гарнизон, численность которого оценивалась в тысячу человек, отбил все атаки 1-й гвардейской стрелковой дивизии и отклонил ультиматум о сдаче. Авиационные бомбардировки и артиллерийский обстрел видимых результатов не дали. В разгар боя генералу Галицкому позволил маршал Василевский и предупредил, что, согласно указанию Сталина, в ознаменование взятия города и крепости Пиллау в Москве в 23 часа будет произведен салют второй категории. К тому же Совинформбюро уже сообщило: «Войска 3-го Белорусского фронта 25 апреля овладели последним опорным пунктом обороны немцев на Земландском полуострове городом и крепостью ПИЛЛАУ — крупным портом и

военно-морской базой немцев на Балтийском море». Командарм намек понял правильно: «доверие Родины» следовало оправдать. Немедленно на передовую убыли старшие офицеры полевого управления и политотдела армии, были выделены все имевшиеся резервы — десятки орудий крупного калибра, танки и тяжелые самоходки.

Салют уже расцветал над Красной площадью, когда бойцы пролетарской дивизии готовились к штурму цитадели.

В описании Галицкого это напоминало штурм Измаила: «Тяжелые танки и самоходные орудия огнем прямой наводкой разбили ворота и каменные заграждения. Сотни гвардейцев, завалив ров фашинами, досками и разными подручными материалами, прорвались к 5-метровым стенам, проникли в проломы, взобрались на стену по приставным лестницам. Начался ближний бой с применением гранат, огнеметов, толовых шашек».

Цитадель пала на рассвете 26 апреля. Сразу после взятия Пиллау маршал Василевский сдал фронт Баграмяну и улетел в Москву готовить нападение на Японию.

Разгром противника на Земландском полуострове явился финалом всей Восточно-Прусской операции, длившейся 103 дня и ночи. В итоге «очаг и форпост германского империализма на востоке» был ликвидирован. Официальные потери Красной Армии составили более 126 тысяч убитыми, 458 тысяч ранеными, 3535 танков и САУ, 1644 орудия и миномета, 1450 боевых самолетов.

После взятия Пиллау в руках немцев оставалась лишь узкая коса Фрише-Нерунг. По докладу разведки, южную часть косы обороняли остатки данцигской группировки противника, среднюю часть — немецкие части, разбитые юго-западнее Кёнигсберга. В северной части косы находились все те, кому удалось покинуть Пиллау. Всего — немногим более 32 тысяч солдат и офицеров, до 15 танков и штурмовых орудий, а также десятки тысяч беженцев, военнопленных Красной Армии и иностранных рабочих со всех уголков Европы. Никогда здесь не находилось такого количества людей и жи-

вотных, машин и повозок, военной техники и грузов, как в те апрельские дни.

«Здесь, на косе Фрише-Нерунг, — сообщает немецкий автор, — начались дни непередаваемого кошмара. Вся коса была забита колоннами беженцев, которые переправились сюда из Пиллау, Балги и Гданьска. Большие скопления людей и транспорта были для русской авиации весьма желанными целями.

Немецкие солдаты большими группами, под видом больных и раненых, покидали позиции и толпились у свайных пристаней, боясь попасть в руки полиции, жандармерии и СС, охранявших перекрестки дорог, населенные пункты, склады и участки побережья, где по приказу генерала Заукена были подорваны все шлюпки, лодки и катера. Отмечались случаи, когда немецкие зенитчики не открывали огонь по самолетам, чтобы избежать бомбежек советской авиации».

Оборона состояла из 10—12 рубежей. Каждый рубеж включал несколько линий траншей с площадками для пулеметов и орудий. Подступы к ним прикрывались минными полями, лесными завалами и противотанковыми рвами. Войска поддерживало до 40 батарей полевой, береговой и зенитной артиллерии.

В 11-й гвардейской армии на 25 апреля еще оставался личный состав — 38 223 солдата и офицера. Из них для захвата косы Фрише-Нерунг решено было направить 18 тысяч человек, а также 36 танков, 118 САУ, 662 орудия, 154 установки РС.

В ночь на 26 апреля 17-й гвардейский полк 5-й Городокской гвардейской стрелковой дивизии на амфибиях и рыбацких шхунах преодолел пролив и к утру овладел поселком Нойтиф. За ним высадились части 31-й и 84-й гвардейских стрелковых дивизий, очистившие от противника северо-западную часть косы Фрише-Нерунг, захватив при этом 4,5 тысячи пленных. Это дало возможность приступить к постройке 500-метрового понтонного моста и организовать переправу тяжелой техники.

Захват плацдарма послужил сигналом для высадки двух тактических морских десантов.

В 1945 году, впервые за войну, командование Балтийского флота получило директиву, в которой указывалось: «Опера-

ционной зоной флота является все Балтийское море вплоть до проливов».

Поэтому еще в феврале нарком ВМФ отдал приказ о переводе сил флота на Земландский полуостров, захват которого казался делом недалгим, главной базой здесь должен был стать Пиллау. Вскоре в Кранце обосновались бригада тральщиков и бригада катерников, но вопрос с Пиллау затягивался. Командованию Балтфлота хотелось отличиться и совершить что-нибудь героическое, и оно приступило к разработке десантной операции, призванной воспрепятствовать организованной эвакуации немцев и уничтожению причальных сооружений пилаусского порта. Для этого планировалась во время штурма одновременная высадка прямо в город «западного» отряда со стороны моря и «восточного» — со стороны залива. Однако армейское начальство, которое должно было предоставить для десанта воинский контингент, отнеслось к идее скептически. Честно говоря, небезосновательно, поскольку большинство из 24 десантных операций, проведенных Балтфлотом, оказались провальными. Как правило, по причине отсутствия специализированных плавсредств, взаимодействия с другими родами войск, незнания противника и неумения толком организовать дело. Короче, без серьезной подготовки, за исключением тренировок с бойцами по умению прыгать за борт.

В марте генерал Галицкий с трудом отговорил Баграмяна от предложенного моряками десанта с целью перехвата шоссе Кёнигсберг—Пиллау и тем сберег стрелковый полк, который, согласно замыслу, на глазах противника должен был преодолевать залив и Кёнигсбергский морской канал на гребных понтонах. Наступлению 43-й армии в глубь Земланда тоже должен был предшествовать десант на бронекатерах, перебазировавшихся из Топеау в Кёнигсбергский торговый порт. В ночь на 13 апреля отряд «броняшек», выйдя в назначенный район и не разобравшись, где находится передний край, попал под обстрел своей артиллерии и, понеся потери, вернулся обратно. Командование флота не теряло уверенности и продолжало настаивать на высадке в Пиллау до тех пор.

пока Василевский прямым текстом не запретил этого делать. Возможно, маршал лучше знал обстановку на море, где господствовал германский флот, чем адмирал Трибуц, якобы его уже уничтоживший. Наконец, был утвержден вариант десантирования двух отрядов на косу Фрише-Нерунг в 10 километрах южнее пролива.

Силы «западного» десанта, который из района Пальмника в тыл противника под прикрытием дивизиона бронекатеров должны были доставить торпедные катера и катерные тральщики, состояли из сводного полка 83-й гвардейской стрелковой дивизии численностью 600 человек под командованием полковника Л.Т. Белого. «Восточный» десант под командованием генерал-майора И.И. Кузьмичева формировался в районе Пейзе — Циммербуде. В состав отряда — его собирались перебросить двумя эшелонами на бронекатерах, мотоботах и буксируемых ими баркасах — вошли полк 260-й бригады морской пехоты, 487-й флотский дисциплинарный батальон и сводный полк 43-й армии. Общая численность — 1311 бойцов и командиров при 9 орудиях и 25 минометах.

Высадку должны были поддержать авиация и армейская артиллерийская группа — две бригады — 72 гаубицы, которые должны были обеспечить артиллерийскую завесу, имея по 13 снарядов на ствол.

Предполагалось встречными ударами двух отрядов перерезать косу, вынудить к капитуляции группировку на северной оконечности, затем продолжать наступление в южном направлении.

Общее руководство операцией осуществлял штаб Юго-Западного морского оборонительного района (ЮЗМОП) под руководством вице-адмирала Н.И. Виноградова. Операцию назначили на 19 апреля, но срок пришлось перенести.

25 апреля командиры получили таблицы позывных и сигналов, и началась посадка. Далее последовали «неизбежные на море случайности».

Около полуночи «западный» отряд вышел в море и, преодолев 15 миль, приблизился к косе и замер в ожидании.

В это же время, поднявшись на бронекатера, начал переход первый эшелон «восточного» десанта (причем в ходе погрузки выяснилось, что многое «не помещается», например, удалось взять на борт только одно 76-мм орудие и 18 минометов). Следуя двумя кильватерными колоннами, корабли обошли случайно «найденное» поутру минное поле (на нем погиб бронекатер БК-212, а БК-102 потерял корму) и, поворачивая на боевой курс, начали перестраиваться в общую колонну. В ходе производимой эволюции правая колонна, из-за ошибки штурмана, приткнулась в темноте к «неизвестной земле» и, не встречая никакого противодействия, образцово высадила морских пехотинцев на берег. Высланная вперед разведка противника не обнаружила. Офицеры, разложив карты и сверившись с местностью, установили, что находятся на дамбе Кёнигсбергского канала в тылу своих войск. После чего приказали собирать бойцов и снаряжение и грузиться обратно на катера.

Пока «левая рука» разбиралась, куда девалась «правая», наступил час «Ч». В соответствии с планом, не подозревая о проблемах «на море», авиация фронта нанесла удар по северной части косы Фрише-Нерунг. 37-я артиллерийская бригада 43-й армии произвела 20-минутный огневой налет по предполагаемым немецким позициям и, выпустив в темноту 480 снарядов, убыла в Кёнигсберг. 150-я артбригада 11-й гвардейской армии снарядов попусту не тратила, поскольку вообще не стреляла: комбриг узнал о своем участии в операции за полчаса до ее начала, а моряки не знали ни позывных бригады, ни его местонахождения.

В ходе артналета катера «западного» десанта, прикрывшись дымовой завесой, устремились к берегу. Около 2 часов ночи бойцы полковника Белого под огнем противника высадились на косу. Немцев оказалось неожиданно много — в это время с севера отходила колонна пехоты, немедленно атаковавшая десантников. К утру десант, прижатый к морю, распавшийся на отдельные группы, дрался на пятикилометровом участке пляжа. Боеприпасы были на исходе, корабли вернулись на базу, связи не было ни с кем. С трудом удалось

«завести» радиостанцию артиллерийской поддержки и с ее помощью установить контакт со штабом 11-й армии. Позже полковник Белый писал в отчете:

«Наши карты не отражают действительности. В районе Вальдхалле не нанесена целая деревня, которая находится на косе. Мин было достаточно, но их после высадки десанта не выгрузили. Катера ушли. А берег был сразу же занят противником.

Если бы противник не был деморализован и сумел организовать и построить план ликвидации отряда, то ему бы удалось легко это осуществить. Десантный отряд не следует подчинять морским штабам, так как последние не имеют надежной связи с пехотными частями и с артиллерией и не в состоянии руководить отрядом. Командиру отряда пришлось самостоятельно связываться со штабами, уточнять обстановку, просить о помощи, а за всю операцию не удалось ни разу связаться с Южмором, которому по приказу был подчинен отряд».

Чудная организация десантной операции на последнем месяце войны!

«Восточный» десант высадился на два часа позже назначенного срока и на километр южнее намеченного района. Немцы уже «были предупреждены» и готовы к встрече. В первом броске атакующих шли бойцы дисциплинарного батальона:

«Попав под шквальный огонь противника, первая полна штрафников полегла практически вся. Вторая волна моряков сошлась в рукопашной схватке с фашистами. В ход пошли ножи и приклады. Никто не стрелял, чтобы не задеть своих, криков «ура» тоже не было слышно. Перед бруствером первой траншеи гитлеровцев стоял сплошной гул, треск ломающегося оружия и мат. Немцы не выдержали ярости моряков и стали отступать. Ведя упорный бой, моряки бросались в атаки, расширяя прорыв для второго эшелона. Чудеса храбрости показывали артиллеристы. Единственное орудие огневой поддержки действовало в передовых порядках моряков, пока не расстреляло все снаряды. Это спасло положение до прибытия второго эшелона десанта. Как позже выяснилось, ка-

тера, доставившие боезапас десанту, выгрузили его в 5 км севернее района боевых действий (!)».

Второй эшелон, обработав артиллерийским огнем боевые порядки первого эшелона, сошел на берег около 9 часов утра. Высадка третьего эшелона сорвалась, так как моряки не смогли найти плацдарма.

К 10 часам «западные» и «восточные» нашли друг друга, а около 13 часов они встретились с наступающими с севера частями 11-й гвардейской армии. В результате было очищено от противника примерно 10 километров косы, захвачены большие трофеи и 5800 пленных. Потери десантников составили 243 человека убитыми и пропавшими без вести и 240 ранеными. Потерян один торпедный катер.

Правда, южнее мыса Меввен-Хакен движение советских войск снова застопорилось. Баграмян объясняет упорство немцев в безнадежной ситуации их паталогической злобностью:

«Изучив протоколы допросов многочисленных пленных, начальник разведки фронта доложил мне, что большая часть укрывшихся на косе и в плавнях гитлеровцев — это самые отпетые бандиты, главным образом из состава карательных войск, полиции, завзятые нацисты и военные преступники, на совести которых лежали многие кровавые дела, совершенные ими на оккупированных землях. Теперь они, боясь возмездия, огрызались, как затравленные волки, и на неоднократные предложения сложить оружие не отвечали».

Ханс Шойфлер из 4-й танковой дивизии описал положение со своей стороны:

«Почти безоружные солдаты в изношенной форме, с потухшими глазами на серых лицах, в которых отражался ужас, и днем и ночью спешили на запад по ухабистым бревенчатым настилам вдоль косы Фрише-Нерунг. Это были оставшиеся в живых солдаты немецкой 4-й армии, разгромленной в Восточной Пруссии, — с Земландского полуострова, из Кёнигсберга, которым где-то как-то самыми невероятными путями удалось избежать плена или смерти на берегах бухты Фришес-Хафф».

Прибывали все новые и новые раненые в почерневших от

крови бинтах. Но они так торопились, что ни один не хотел остановиться для перевязки, у них не было времени даже передохнуть, сделать глоток воды из армейской фляжки, перекусить куском хлеба и выкурить сигарету. Какой же ужас они, должно быть, пережили.

Назад, назад! Чтобы не терять времени, чтобы поскорее оказаться подальше от этого шквала из стали и свинца, подальше от фронта! Это было их единственным желанием. Они еще не знали, что здесь был сплошной фронт, без начала и без конца».

Ну, не могло советское командование спокойно смотреть, как «завязтые нацисты» удирают в Данию. Генералу Галицкому было приказано продолжить наступление. 11-я гвардейская армия проливала кровь до 30 апреля, продвинувшись до 40 километров. После чего, ввиду больших потерь, была выведена во второй эшелон. По советским данным, с 20 по 30 апреля армия уничтожила более 8000 и взяла в плен 15 902 солдат и офицеров, сама потеряв около 8000 человек. А всего за две недели сражения армия потеряла убитыми и ранеными каждого четвертого солдата и офицера, 23-я танковая бригада лишилась 53 боевых машин и потеряла больше ста танкистов убитыми и ранеными.

В то же время 19-я, 5-я гвардейская танковая армии, 98-й стрелковый корпус и 1-я польская танковая бригада, входившие в состав 2-го Белорусского фронта, ни на день не прекращали попыток ликвидировать силы армии «Восточная Пруссия», закрепившиеся в дельте Вислы и на косе Хель. В конце апреля в подчинение маршала Рокоссовского была передана 43-я армия Белобородова, получившая задачу: «Уничтожить группировку противника западнее и юго-западнее города Данциг».

Битву за косу Фрише-Нерунг с 1 мая продолжили 96-я и 194-я дивизии 48-й армии, 4-я штурмовая инженерно-саперная бригада, штрафные роты, 343-й гвардейский тяжелый и 1050-й самоходно-артиллерийские полки, различные части усиления. Эти войска получили мощную поддержку авиации и артиллерии. Дивизион тральщиков осуществлял перевозки

войск и техники, бронекатера вели огневую поддержку. Затем в бой дополнительно ввели 17-ю стрелковую дивизию. Вытесняя противника в дельту Вислы, теряя убитыми 200 человек ежедневно, советские войска прошли почти всю косу. Окончание войны застало их перед поселком Боденвинкель у основания косы. Немецкие суда продолжали эвакуировать население, а солдаты упорно цеплялись за каждую позицию, ожидая своей очереди.

9 мая Дитрих фон Заукен отдал приказ о капитуляции и пошел сдаваться в плен. За три дня войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов в районе устья Вислы и на косе Хель приняли 55 тысяч пленных.

ВЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Как уже говорилось, вечером 17 февраля, на четвертый день после взятия Будапешта, вышло указание Ставки командующим войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов о подготовке и проведении наступательных операций на братиславско-брновском и венском направлениях. При этом 27-я армия генерал-полковника С.Г. Трофименко с 20 февраля передавалась из 2-го Украинского фронта в состав 3-го Украинского фронта, а 46-я армия генерал-лейтенанта А.В. Петрушевского и 2-й гвардейский механизированный корпус генерал-лейтенанта К.В. Свиридова, наоборот — от Толбухина уходили к Малиновскому.

В оперативное подчинение 2-го Украинского фронта поступали также Дунайская военная флотилия под командованием контр-адмирала Г.Н. Холостякова и 83-я отдельная морская стрелковая бригада. Кроме того, из своего резерва Ставка выделила фронту 9-ю гвардейскую армию, которая выделялась уникальной для того периода укомплектованностью — 10—11 тысяч человек в дивизии — и отборным качеством человеческого материала. Дело в том, что в октябре 1944 года армия формировалась как Отдельная воздушно-десантная в составе 37, 38, 39-го гвардейских десантных корпусов и «была полностью укомплектована хорошо подготовленными кадрами офицерского, сержантского и рядового состава, который прошел курс обучения ведению боевых действий в тылу врага». Для чего такая армия понадобилась Сталину, история умалчивает. Однако 18 декабря того же года велено было в двухмесячный срок перестроить ее в

общевойсковую. Корпуса и дивизии стали именовать стрелковыми. Армии выдали крупнокалиберную артиллерию и реактивные установки, три полка самоходок СУ-76, автотранспорт, лошадей и прочее положенное пехоте по штату вооружение и имущество. Командующим назначили Героя Советского Союза генерал-полковника В.В. Глаголева, который, согласно характеристике, «отличался решительностью, хладнокровием в сложной боевой обстановке и непреклонной волей в достижении поставленных целей». В общем, народ в армии подобрался отчаянный, сегодня сказали бы, безбашенный.

Войскам маршала Малиновского в предстоящей операции отводилась главная роль. Директивой №11027 2-му Украинскому фронту предписывалось силами 9-й и 7-й гвардейских, 53-й общевойсковой и 6-й гвардейской танковой армий и конно-механизированной группы подготовить удар севернее Дуная на Нове-Замки, Малацки, Зноймо. Одновременно вдоль правого берега Дуная должна была наступать 46-я армия, усиленная 2-м гвардейским механизированным корпусом и артиллерийской дивизией РГК. Перед Малиновским была поставлена задача освободить Братиславу, не позднее двадцатого дня операции занять Брно, Зноймо и во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом овладеть Веной. В дальнейшем предусматривалось развивать наступление в общем направлении на Пльзень.

3-й Украинский фронт должен был силами 4-й гвардейской, 26-й и 27-й армий, усиленных тремя артдивизиями прорыва, ударить из района Секешфехервара, в направлении на Папа, Сомбатхей, разбить группировку противника севернее озера Балатон и через две недели выйти на австро-венгерскую границу. Одновременно южнее озера Балатон с целью овладеть нефтеносным районом Надьканижа переходила в наступление 57-я армия генерал-полковника М.Н. Шарохина. В дальнейшем предполагалось главными силами фронта развивать удар в направлении Винер-Нейштадт, Санкт-Пёльтен для содействия войскам 2-го Украинского фронта в овладении Веной. Оперативно подчиненную маршалу Толбухину 1-ю болгарскую армию, которой командовал генерал-

лейтенант Владимир Стойчев, приказывалось использовать для обеспечения левого крыла фронта, развертывая ее по северному берегу реки Дратва. Левее ее действовала 3-я югославская армия под командованием генерал-лейтенанта Косты Наджа.

Начало наступления намечалось на 15 марта. Подготовка к нему развернулась незамедлительно. Координация действий двух фронтов возлагалась на маршала С.К. Тимошенко. Однако через несколько дней обстановка изменилась.

17 февраля противник из района Комарно нанес внезапный удар по войскам 7-й гвардейской армии, оборонявшим плацдарм на правом берегу реки Грон севернее Эстергома. 24 февраля армия вынуждена была отойти на левый берег, а генерал М.С. Шумилов «за беспечность и плохую организацию обороны» получил персональный выговор от Верховного Главнокомандующего. Советские источники утверждают, что враг бросил в бой около 400 танков и штурмовых орудий, чего, учитывая состояние немецких дивизий, быть физически не могло. Но не важно, чем оправдывают свое поражение генералы — плохой погодой или могуществом противника. Настоящей сенсацией стала новость об участии в немецком контрударе 1-й и 12-й танковых дивизий СС. Это означало, что в Западной Венгрии материализовалась 6-я танковая армия СС.

Наши стратеги ожидали ее где угодно — непосредственно на берлинском направлении, на флангах у Конева или Жукова, — но только не здесь. Впрочем, аналогично мыслили англо-американцы. Так, 20 февраля начальник штаба американской армии Джордж Маршалл сообщил начальнику Генштаба генералу А.И. Антонову, что противник готовится к контрнаступлению и создает на Восточном фронте две группировки: одну — в Померании для удара на Торн, другую — в районе Вена, Моравска-Острава для наступления в направлении Лодзи. При этом в южную группировку предполагалось включение 6-й танковой армии СС. Похожие сведения ранее поступили и от английского командования. Начальник штаба фронта генерал С.П. Иванов рассказывает, что, когда он должен был в Москву о сосредоточении круп-

ной танковой группировки врага в районе озера Балатон, его сочли мистификатором:

«Даже начальник Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов, разговаривая по ВЧ с командующим фронтом Ф. И. Толбухиным, недоуменно спросил: «Кто вам может поверить, что Гитлер снял 6-ю танковую армию СС с запада и направил против 3-го Украинского фронта, а не под Берлин, где готовится последняя операция по разгрому фашистских войск?» Действительно, трудно было поверить, что противник в условиях, когда советские войска находились в 60 км от Берлина, будет перебрасывать свои танковые соединения в Венгрию и организовывать там контрнаступление».

Ни одна из разведок не проникла в очередной гениальный замысел Гитлера, приказавшего во второй половине января направить эсэсовскую армию Йозефа Дитриха из Арденн на самый южный участок Восточного фронта.

Целью родившейся в голове фюрера операции с условным наименованием «Весеннее пробуждение» было: в течение 10—12 дней вдребезги разгромить войска маршала Толбухина и отбросить их за Дунай. Затем танковые дивизии планировалось перебросить на центральное направление.

Гитлер с апломбом утверждал, что Сталин имеет целый ряд выдающихся военачальников, но — ни одного стратега, ведь, будь иначе, «советский удар наносился бы не по барановскому плацдарму, а в Венгрии». Впрочем, собственные генералы тоже плохо понимали фюрера. К примеру, «папа» войск СС, оберстрuppenфюрер Пауль Хауссер:

«В то время как верховное командование сухопутных сил предложило операцию по зажиманию противника в «клещи» из Силезии и Померании, верховное командование Вермахта приказало задействовать армию в Венгрии. Не здесь решался исход войны! Военно-экономические причины, нефть у озера Балатон не являлись достаточным основанием для такой стратегии. Таким образом, в конце января был отдан приказ о переброске армии с Западного фронта. Положение на железной дороге позволяло одновременно перевозить лишь четыре эшелона, поэтому штаб армии прибыл в район Раба (Дьёра) 20 февраля, последние части — лишь в начале марта».

Или начальник Генерального штаба ОКХ:

«Когда я опроверг выдвинутые Гитлером в обоснование своего решения причины военного характера, он ухватился за мысль, что венгерские нефтяные запасы и нефтеперегонные заводы имеют для нашей промышленности решающее значение, так как противник своими воздушными налетами уничтожил наши химические заводы: «Если у вас не будет горючего, ваши танки не будут двигаться, самолеты не будут летать. С этим-то вы должны согласиться. Но мои генералы ничего не понимают в военной экономике». Он помешался на этой идее, и никто не мог его переубедить».

Правда, несколькими страницами ниже Гудериан, анализируя сложившуюся обстановку, фактически признал правоту Гитлера, просто генералу милее были прусские березки, чем берег дунайский, а сохранить все сил уже не было:

«Сильно пострадала наша военная промышленность. Особенно чувствительной была потеря заводов синтетического горючего, от работы которых в основном зависело снабжение нашей армии горючим. 13 января был уничтожен завод в Пелитце (Полице) под Штеттином. 14 января противник разбомбил нефтесклады под Магдебургом, Дербеном, Эменом и Брауншвейгом, заводы Лейна и завод горюче-смазочных материалов в Манхейме, 15 января — бензолы заводы под Бохумом и Реклингхаузенем. Кроме того, 14 января был уничтожен нефтеперегонный завод Гейде в Дании. По нашим сводкам, союзники потеряли во время бомбардировок 57 самолетов, мы потеряли 236 самолетов. Теперь, после выхода из строя большинства наших заводов горюче-смазочных материалов, командование располагало лишь нефтяными месторождениями в Цистерсдорфе (Австрия) и в районе озера Балатон (Венгрия). Это обстоятельство до некоторой степени объясняет, почему Гитлер принял решение перебросить основные силы, которые удалось снять с Западного фронта, в Венгрию, чтобы удержать в своих руках последние районы добычи нефти и венгерские нефтеочистительные заводы, одинаково важные для производства продукции, необходимой для бронетанковых войск и военно-воздушных сил».

Как пишет генерал армии Штеменко, венгерская нефть приобрела для Вермахта «ценность эликсира жизни».

Кроме того, Гитлер вынашивал план организации длительного сопротивления под своим личным руководством в так называемой «Альпийской крепости», включавшей в себя территории Австрии, Баварии и прилегающие районы Италии и Чехии. Для успеха предприятия надо было любой ценой удержать нефтяные месторождения и заводы Западной Венгрии, сохранить австрийскую военную промышленность и восстановить оборонительный «периметр» по Дунаю, который являлся серьезной водной преградой. На крайний случай Берлин можно было сдать — ради того, чтобы союзники сцепились между собой где-нибудь на Эльбе. В том, что это непременно произойдет, фюрер не сомневался. На случай падения столицы планировалось сформировать группы армий «Север» и «Юг». Всю полноту военной власти в Северной Германии должен был принять адмирал Дениц. В Альпах, в убежище Берхтесгаден, для руководства Южным фронтом предполагалось развернуть ставку Верховного Главнокомандующего.

О созданной нацистами в Баварских Альпах неприступной крепости распускались самые фантастические слухи, на основании которых составлялись разведывательные донесения в стиле романов о Джеймсе Бонде:

«Здесь под прикрытием естественных оборонительных препятствий, усиленных самым эффективным секретным оружием из когда-либо созданного человеком, уцелевшие силы, которые до сих пор правили Германией, положат начало ее возрождению; здесь на заводах, расположенных в бомбоубежищах, будет изготавливаться оружие; здесь в обширных подземных нишах будет храниться продовольствие и снаряжение, а специально сформированный корпус из молодых людей будет обучаться ведению партизанской войны, с тем чтобы целая подпольная армия могла быть подготовлена и направлена на освобождение Германии от оккупировавших ее сил».

После «неизбежного» развала антигитлеровской коалиции намечалось заключить сепаратный мир с одной из сторон.

При этом, если генералы Вермахта и ведомство Гимmlера, пугая мир угрозой большевизации Европы, надеялись найти понимание на Западе, то взор автора «Майн кампф» привычно устремлялся на Восток. Ведомый по жизни «магическими силами», он прозревал, что два пролетарских государства с идентичными тоталитарными режимами, руководимые рабочими партиями с народными вождями, быстрее найдут общий язык, чтобы вместе противостоять притязаниям британских и американских «плутократов». А бурные аплодисменты и всеобщее одобрение трудящихся по этому поводу легко обеспечат ведомства товарищей Берия и Гимmlера, Геббельса и Щербакова.

Но для начала следовало устроить Красной Армии хорошее кровопускание.

«Фюрер убежден, — конспектировал Геббельс, — что если какая-то держава в лагере противника и захочет вступить первой в переговоры с нами, то при любых обстоятельствах это будет Советский Союз. Сталин испытывает очень большие трудности в своих отношениях с англо-американцами, и к тому же он стоит теперь во главе одного из государств, которое хочет вернуться домой с военной добычей, как и мы. Так что настанет день, когда ему надоедят вечные споры с англо-американцами, и он будет искать другие возможности...

Но предпосылка для наших переговоров с той или другой стороной — военный успех. Сталину тоже надо пострадать, прежде чем он захочет иметь дело с нами. Фюрер правильно подчеркивает, что Сталин сумел бы, скорее всего, осуществить изменение курса военной политики, ибо ему нет надобности обращать внимание на общественное мнение в своей стране. Иначе обстоит дело с Англией. Совершенно несущественно, склонен ли Черчилль проводить другую военную политику: если бы он и захотел этого, то не смог бы. Он слишком зависим от внутривнутриполитических сил, которые в своем большинстве уже наполовину большевизировались. А у Рузвельта нет даже ни малейшего намерения идти по этому пути.

Фюрер думает найти возможность договориться с Советским Союзом, а затем с жесточайшей энергией продолжить войну с Англией».

О том же пишет генерал Раус: «Он упрямо верил, что его главный противник находится на западе, тогда как немецкое военное руководство, при всей его ненависти к западным державам, все-таки самым главным врагом считало Россию».

Таким образом, необходимость «Пробуждения» обосновывалась не только военно-экономическими, но и стратегическими соображениями. Поэтому половина всех немецких танковых дивизий, сражавшихся на Восточном фронте, лучшие эсэсовские части оказались в Венгрии.

Замысел сводился к тому, чтобы нанести три удара по сходящимся направлениям.

Главный удар намечалось нанести силами 6-й полевой армии и 6-й танковой армии СС между озерами Веленце и Балатон в юго-восточном направлении с целью расчленить войска 3-го Украинского фронта на две части, выйти к Дунаю на участке Дунапентеле, Дунафёльдвар и захватить плацдармы на левом берегу. В последующем войска 6-й танковой армии СС должны были наступать на север и юг вдоль правого берега Дуная.

Второй удар предполагался в полосе 1-й болгарской армии силами 91-го армейского корпуса группы армий «Е» из района Дони-Михоляц на север, навстречу танкам Дитриха.

Третий удар планировалось нанести 2-й танковой армией из района Надьканижи на Капошвар. Впрочем, ни одной танковой дивизии армия Максимилиана де Ангелиса в своем составе не имела. Активными действиями она сковывала силы 57-й армии, в тылу которой должны были сомкнуться немецкие «клещи».

С воздуха наступление прикрывала авиация 4-го воздушного флота.

Всего, с учетом частей 3-й венгерской армии, оперативно подчиненных генерала Балку, и войск группы армий «Е», действовавших по правому берегу Дратвы, противник, по советским оценкам, имел в полосе 3-го Украинского фронта 31 дивизию, в том числе 11 танковых, 5 боевых групп и моторизованную бригаду. В составе этой группировки насчитывалось 431 тысяча человек, 5630 орудий и минометов, 877 танков и штурмовых орудий, 850 самолетов.

Перемещение и сосредоточение 6-й армии СС велось с соблюдением всех мер секретности. Чтобы затруднить идентификацию соединений, на перебрасываемой в Венгрию технике были покрашены дивизионные значки, эсэсовцам велели снять нарукавные повязки, сама армия в документах именовалась штабом старшего начальника инженерных войск, а отдельные соединения — строительными и учебными частями. Гитлер опасался, как бы русские раньше времени не догадались о его намерениях и не подготовились к отпору. Однако весь комплекс мероприятий был перечеркнут атакой 1-го танкового корпуса группенфюрера Присса у реки Грон.

Во второй половине февраля советское командование располагало достоверными сведениями, что в Западной Венгрии сосредоточивается крупная, преимущественно танковая, группировка противника. 21 февраля начальник Главного разведывательного управления РККА генерал-лейтенант И.И. Ильичев представил донесение, подтверждавшее, что «вся 6-я танковая армия СС направляется в Венгрию». И ясно было, что здесь затевается что-то недоброе. В сложившейся обстановке Ставка приказала Толбухину, не останавливая подготовку наступления, принять меры к отражению возможного контрудара противника. Таким образом, фронту предстояло подготовиться одновременно к оборонительной и к наступательной операциям: создать «глубокую оборону, особенно сильную в противотанковом отношении», и в то же время сохранить людей, технику и боеприпасы для удара на Вену.

К началу марта в составе 3-го Украинского фронта (4-я гвардейская, 27, 26, 57-я, 1-я болгарская, 17-я воздушная армии, 18-й и 23-й танковые, 1-й гвардейский механизированный, 5-й гвардейский кавалерийский корпуса — 37 стрелковых, 3 кавалерийские, 6 болгарских пехотных дивизий, 1 укрепрайон, 1 кавалерийский, 1 механизированный, 2 танковых корпуса, 1 механизированная и 1 самоходно-артиллерийская бригада) насчитывалось 566 тысяч солдат и офицеров, 6889

орудий и минометов, 399 танков и самоходных установок, 965 самолетов.

Отсюда наши историки сделали вывод, что «общее соотношение сил в людях, артиллерии и самолетах было почти равным, но по танкам и самоходно-артиллерийским установкам противник превосходил более чем вдвое». Утверждение, что 431 тысяча примерно равна 566 тысячам, выглядит спорным. Югославская армия, имевшая восемь дивизий, при этом вообще не учитывается. Вся немецкая бронетехника считается исправной, хотя на самом деле боеготовых машин, с учетом ЗСУ, насчитывалось 580 единиц, в том числе 35 «тигров». Что касается советской стороны, то только исправная техника и принимается во внимание. Учитывая, что немецкие летчики и танкисты испытывали ставшие хроническими проблемы с горючим и боеприпасами, русские сидели в обороне, а элемент внезапности немцами был утрачен, все выглядит не так уж грустно.

Поскольку «вскрыть замысел врага» для советской разведки было непосильной задачей (хоть генерал Штеменко задним числом и утверждает обратное), в штабе Толбухина путем проверки местности на проходимость и танкодоступность вычислили два наиболее вероятных направления немецкого наступления — севернее Секешфехервара на Будапешт и между озерами Веленце и Балатон на Дунапентеле. К тому же здесь противник находился от Дуная в 25—30 километрах. Первый вариант казался предпочтительнее.

В соответствии с принятой «доктриной» основные усилия войск фронта были сосредоточены в полосах, прикрывавших эти направления, 4-й гвардейской армии (20, 21, 31-й гвардейские стрелковые корпуса, 1-й гвардейский укрепрайон) генерал-лейтенанта Н.Д. Захватаева и 26-й армии (30, 104, 135-й стрелковые корпуса) генерал-лейтенанта Н.А. Гагена. Во втором эшелоне находилась 27-я армия (35-й гвардейский, 33-й, 37-й стрелковые корпуса) генерал-полковника С.Г. Трофименко. 57-я армия (6-й гвардейский, 64-й стрелковые корпуса) и 1-я болгарская армия (3-й, 4-й пехотные корпуса) удерживали 200-километровый рубеж: озеро Бала-

тон, Бабоча и далее по левому берегу реки Дратва. К началу марта была подготовлена достаточно развитая в инженерном отношении и эшелонированная на глубину 30—50 километров оборона. Тактическая зона состояла из двух полос глубиной 10—15 километров. Были созданы ротные противотанковые опорные пункты, имевшие 3—5 орудий и 4—6 противотанковых ружей, батальонные противотанковые узлы, противотанковые районы и подвижные противотанковые резервы, «посеяно» около 30 тысяч противотанковых мин, сформировано 68 подвижных отрядов заграждения. В 83-километровой полосе от Ганта до озера Балатон было сосредоточено 4400 орудий и минометов, 339 реактивных установок. Общая оперативная плотность артиллерии на наиболее важных направлениях составляла 60—70 орудий и минометов, противотанковых стволов — 20—25, плотность минных заграждений на отдельных участках — 2700 противотанковых и 2500 противопехотных мин на один километр. Советские войска заняли первую, вторую и тыловую полосы. Наибольшая плотность обороны была создана на рубеже Гант — озеро Веленце, то есть в полосе 4-й гвардейской армии, где на дивизию в среднем приходилось 3,3 километра, южнее оперативная плотность соединений была ниже — 4,5—6,5 километра на дивизию.

В резерве командующего фронтом находились 18-й и 23-й танковые, 1-й гвардейский механизированный, 5-й гвардейский кавалерийский, 133-й стрелковый корпуса и шесть артиллерийских бригад. Правда, в ходе сражения за Будапешт бронетанковые войска понесли значительные потери, не успели полностью восстановиться и все вместе насчитывали в строю 189 средних танков и 210 самоходно-артиллерийских установок.

17-я воздушная армия, которой командовал генерал-полковник В.А. Судец, имела задачу вести разведку, наносить удары по вражеским войскам, прикрывать соединения фронта с воздуха. Дунайская военная флотилия осуществляла перевозку грузов через Дунай в интересах двух фронтов и осуществляла траление реки.

Сражение началось в ночь на 6 марта на южном участке фронта, где противник тремя пехотными дивизиями нанес два удара: первый — из района Дони-Михоляц по войскам 1-й болгарской, второй — из района Валпово по частям 3-й югославской армии. Внезапной атакой, без проведения артиллерийской подготовки, немцы форсировали Дратву и захватили на ее северном берегу два плацдарма до 8 километров по фронту и 5 километров в глубину каждый. Возникла угроза выхода противника к переправам на Дунае и в тыл 57-й армии. Поэтому Толбухин приказал выдвинуть из своего резерва 133-й стрелковый корпус генерал-майора П.А. Артюшенко и, организовав контрудар во взаимодействии с болгарскими и югославскими войсками, восстановить положение. Контрудар успеха не имел, но дальнейшее продвижение немцев на этом участке было остановлено.

Второй удар последовал в 7 часов утра силами 2-й танковой армии вдоль железной дороги на Капошвар, Домбовар. Введя в бой около 70 танков и САУ, они на узком участке вклинились в оборону 57-й армии на глубину до 5 километров, но были остановлены контратаками вторых эшелонов дивизий, сильным артиллерийским огнем и налетами 189-й штурмовой авиадивизии. При этом в составе советского 64-го стрелкового корпуса «проходила стажировку» болгарская 12-я пехотная дивизия.

Наконец, в 8.45 на участке между озерами Веленце и Балатон перешли в наступление главные силы — 6-я танковая армия СС (1-й кавалерийский, 403-й народно-артиллерийский, 1-й и 2-й танковые корпуса СС) и 3-й танковый корпус 6-й армии.

Армия Дитриха спускалась на юго-восток вдоль широкого канала Шарвиз, разделявшего советский плацдарм на две части. Из района Польгарди по западному берегу наступали 1-й кавалерийский корпус (3-я, 4-я кавалерийские дивизии, 25-я венгерская пехотная) и 1-й танковый корпус СС (1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер», 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд», 501-й тяжелый танковый батальон СС, 560-й батальон истребителей танков). Этой

ударной группировке предстояло соединиться с наступавшими с юга силами группы армий «Е».

2-й танковый корпус СС (2-я танковая дивизия СС «Рейх», 9-я танковая дивизия СС «Хознштауфен», 44-я пехотная дивизия) должен был продвигаться через Аба по восточному берегу канала. Его задачей был выход к Дунаю у Дунапентеле и Дунафельвара.

В резерве армии оставалась 6-я танковая дивизия.

Задачей 3-го танкового корпуса (1, 3, 23-я танковые, 356-я пехотная дивизии, батальон 24-го танкового полка, 509-й тяжелый танковый батальон, 219-й батальон штурмовых танков) было пробиться на восток и, обеспечивая фланговое прикрытие главной ударной группировки, организовать отсечную позицию фронтом на север между озером Веленце и Дунаем.

В каждом из танковых корпусов насчитывалось 120—150 боеготовых танков, истребителей и штурмовых орудий. В каждой эсэсовской дивизии находилось 17—19 тысяч личного состава.

4-й танковый корпус СС (3-я танковая дивизия СС «Тотенкомпф», 5-я танковая дивизия СС «Викинг», 2-я венгерская танковая дивизия) обергруппенфюрера Герберта Гилле оставался в обороне в районе Секешфехервара и при благоприятном развитии событий должен был присоединиться к наступлению ударом на Будапешт.

К северу от Секешфехервара занимала оборону 3-я венгерская армия.

Если советские источники утверждают, что со стороны противника имели место мощная 30-минутная артподготовка и поддержка авиации, то Хауссер божится: «Наступление началось без артиллерийской подготовки и без какой-либо поддержки с воздуха... Погода и местность не благоприятствовали операции».

Тем не менее соединения 3-го танкового корпуса генерала Германа Брейта нашли слабое звено в советской обороне, ударив по стыку 4-й гвардейской и 26-й армий, который прикрывался пульбатами 1-го гвардейского укрепрайона генерала Никитина, имевшего в наличии 3130 бойцов и 4 трехдюй-

мовки. Гвардейцы были застигнуты врасплох и, не проявив «должной устойчивости», бежали в сторону местечка Шерегейеш и далее, оголяя правый фланг 155-й стрелковой дивизии. Важный узел советской обороны был захвачен немцами уже в первой половине дня. Организованная комдивом-155 при поддержке 110-й танковой бригады контратака не удалась.

2-й танковый корпус СС группенфюрера Вилли Битриха, не успев полностью сосредоточиться, начал атаку лишь частью сил и успеха не добился.

1-й танковый корпус СС столкнулся с подготовленной обороной 68-й гвардейской, 233-й и 74-й стрелковых дивизий. Прорвать ее эсэсовцам не удалось — продвижение составило около 4 километров. С погодой немцам действительно не повезло. Ударила оттепель, тяжелые боевые машины тонули в грязи, пехота шла в атаку без поддержки бронетехники и несла неоправданные потери. Хотя по сравнению с другими участками оборона здесь была наиболее слабой, поскольку советское командование считало, что, вследствие начавшегося разлива весенних вод, данная местность меньше всего подходит для массового применения бронетехники.

Решив, что в полосе 1-го гвардейского УРа противник наносит главный удар, маршал Толбухин приказал выдвинуть в район юго-восточнее Шерегельеша и поставить в засады 18-й танковый корпус генерал-майора П.Д. Говоруненко, усиленный 208-й самоходно-артиллерийской бригадой — всего 62 «тридцатьчетверки» и 96 самоходок, в том числе 63 новейших самоходных «зверобоя» СУ-100. Эта боевая машина с 2000 метров уверенно поражала любой немецкий танк, но не имела оборонительного пулеметного вооружения. Сюда же направлялась 3-я гвардейская воздушно-десантная дивизия 35-го гвардейского стрелкового корпуса 27-й армии.

Однако на следующий день удар противника последовал южнее Шерегельеша, где всеми исправными силами — 147 танков и САУ — перешел в наступление 2-й танковый корпус СС. Но и здесь «блицкрига» не получилось. Командир дивизии «Хоэнштауфен» бригадефюрер Сильвестр Штадлер док-

ладывал: «Массированная танковая атака была невозможна. Вся местность превращена в жидкую грязь, в которой все тонет. Оберштурмбаннфюрер Телькамп, профессиональный танковый командир, лично руководил боем лучшей роты и вынужден был сообщить мне, что его полк не может быть использован, так как тяжелые машины тонут в грязи. После того как два танка погрузились почти по башню, атака на широком фронте наступающей пехоты могла быть поддержана только одной танковой ротой, действующей по единственной дороге в полосе нашего наступления». Чтобы «оседлать» эту дорогу, советское командование спешно перегруппировало часть сил 18-го танкового корпуса с полком самоходок СУ-100. В течение дня немцы захватили Аба, но были остановлены перед городком Шаркерестур.

Наибольшего успеха добился 1-й танковый корпус СС — 140 танков и САУ, наступавший по западному берегу канала Шарвиз. С утра 7 марта ожесточенные бои развернулись в районе Калоза. Здесь покрыли себя славой полки 43-й истребительно-противотанковой артбригады. Не выдержав немецкого удара, советская пехота отступила, оставив пушкарей без прикрытия, и те в течение нескольких часов сковывали силы противника. В этот день 1964, 1965, 1966-й ИПТАПы подбили и сожгли 44 танка, потеряв 32 орудия, 3 тягача и 4 грузовика. Тем не менее частям дивизии «Лейбштандарт» удалось прорвать вторую линию обороны 68-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора И.М. Некрасова и вынудили ее отступить на восточный берег канала.

В целях усиления обороны, по указанию командующего фронтом, на вторую полосу южнее озера Веленце выдвинулись соединения 27-й армии и три истребительно-противотанковых артполка. Восточнее Шерегельеша заняла позиции группировка артиллерии в составе 160 орудий и минометов. В район Шарбогард передислоцировался 1-й гвардейский механизированный корпус генерал-лейтенанта И.Н. Руссиянова, имевший в строю 48 иномарок М4А2 «Шерман» и 17 отечественных СУ-100. На рубеже Шимонторнья, Озора по восточному берегу канала Шавриз и южному берегу канала Шио выстраивался в линию 5-й гвардейский Донской кав-

лерийский корпус генерал-майора С.И. Горшкова. Сюда же были направлены два полка 208-й самоходной бригады СУ-100, изъятые у генерала Говоруненко.

Для улучшения управления командующий фронтом 8 марта возложил оборону участка южнее озера Веленце и до канала Шарвиз на 27-ю армию. Генералу Трофименко были подчинены все соединения, оборонявшиеся в этом секторе, — 30-й стрелковый корпус, 1-й гвардейский укрепрайон, а также 18-й танковый, 1-й гвардейский механизированный и переброшенный из полосы 4-й гвардейской армии 23-й танковый корпус генерал-лейтенанта А.О. Ахманова. В корпусе имелось в наличии 23 танка и 10 тяжелых самоходок. 26-я армия обороняла участок от канала Шавриз до озера Балатон, из-за Дуная сюда подтягивались дивизии 33-го стрелкового корпуса. В подчинение генерала Гагена из резерва фронта была передана 209-я самоходно-артиллерийская бригада.

9 марта противник продолжал атаковать. 2-й корпус СС пробился к Шарсентаготе. Чтобы задержать немецкое продвижение на этом участке, в бой были введены инженерно-саперные штурмовые подразделения, осуществившие «нахальное» минирование под носом у немецких танкистов, 1964-й ИПТАП и два дивизиона трофейных самоходок — 150-мм гаубиц «Хуммель» (8 единиц) и 88-мм истребителей «Насхорн» (6 единиц). Трофеи с красными звездами все остались на поле боя. Немцам еще три пройденных километра тоже обошлись недешево: смертельное ранение получил командир дивизии «Рейх» группенфюрер Вернер Остендорф.

К сожалению, мемуары советских полководцев, участвовавших в этом тяжелейшем сражении, абсолютно пусты в информативном плане, заполнены рассказами о подвигах и «героических действиях» отдельных бойцов и командиров, местами переходящими в откровенные анекдоты. Особой любовью к байкам отличался генерал Руссиянов:

«Когда наблюдатели доложили гвардии подполковнику Лещенко (*командиру 18-го гвардейского танкового полка*), что за ближайшей высотой накапливается немецкая пехота, командир полка вызвал водителей двух тягачей — сержантов Фролова и Щекина и приказал им обойти высоту, ударить

противнику в тыл. На малом газу, по неглубокой заснеженной лощине тягачи с десантом автоматчиков обошли высоту и на полной скорости двинулись прямо к ничего не подозревавшим гитлеровцам. Щекин и Фролов давили солдат противника гусеницами, а автоматчики уничтожали меткими очередями.

Ударный отряд фашистов был рассеян, его атака сорвана.

Вскоре танкисты Лещенко получили очень важное задание командования корпуса. Начальнику разведки стало известно, что у гитлеровцев появилось новое стрелковое оружие. Естественно, нам нужно было получить несколько образцов. Поэтому Лещенко был передан приказ взять несколько «языков» с оружием.

Задание выполнил капитан Боровский. На танковом тягаче капитан врезался в строй атакующих и начал «отлавливать «языков». Боровский и два помогавших ему гвардейца хватали гитлеровцев за головы (!) и втягивали их в тягач — ноги пленников торчали над бортом машины. Всего таким образом было схвачено семь человек — все они были вооружены автоматическими винтовками, нового, тогда неизвестного нам образца.

В боях, которые разгорелись в районе между двумя озерами, гвардейцы корпуса сражались так же самоотверженно и искусно, как и прежде».

Вот так, разъезжая на тягачах в боевых порядках атакующих эсэсовцев, давя их гусеницами и хватая «за головы», искусно сражался 1-й гвардейский мехкорпус. Непонятно только, почему он до сих пор не в Берлине?

На западном берегу канала Шарвиз, прорвав к вечеру промежуточный оборонительный рубеж 26-й армии, передовые части «Лейбштандарта» завязали бои с 11-й гвардейской кавалерийской дивизией в Шимонторнья. Продвигавшиеся справа параллельной дорогой гренадеры «Гитлерюгенда» захватили Дег и устремились на Игар.

В. В. Быков под Шимонторнья был не генералом, а Васькой-взводным в истребительно-противотанковом полку, где «ствол длинный, а жизнь короткая»:

«Рев с неба то обрывается, то возникает вновь. Едва один

«мессер» выходит из пике, как сверху обрушивается другой и лупит из пулеметов. Не помню уж, улетели они или еще пикировали, но мы начали тушить пожар. И тут услышали, что на нас надвигается нечто куда более страшное. Земля дрожит, а в ушах — знакомый гул и лязг. Когда ветер отнес дым от горящих ракет, я взглянул на дорогу, что была рядом. А надо сказать, мы заняли позиции таким образом: две батареи — с одной стороны, три — с другой. Это называлось «оседлать дорогу». Так вот, вижу, по ту сторону, за посадкой, движется стадо танков.

Показалось именно стадо. Никакого боевого порядка. Гурт. Идут, как коровы на водопой. Только передние стреляют из пушек. Вот так, не останавливаясь, истоптали они половину позиций нашего полка, все смяли — и орудия, и машины, и людей. Будто их и не было. Подбегает ко мне комбат, старший лейтенант, кричит: «Вытаскивай пушки! Подгоняй машины! Мотаем отсюда!» Подогнули «студеры», вытащили окопанные орудия — и мотаем. Командир полка приказывает по рации: выдвинуться наперерез танкам. А мы попали в заболоченные кусты, машины грузнут, выдираемся с трудом. Дальше жмем по крутым скатам, через заросли дубняка. Позиции занять опоздали, и немецкие танки накрыли нас огнем как раз на полевом кособоре, который легко простреливался из захваченного ими села. У нас было машин двадцать, пушек меньше — две батареи. И мы решили прорываться по одному. «Студер» разгоняется и на предельной скорости мчит по кособору. А из танков пуляют по нему. Один проскочит, другого подобьют. Я — проскочил. Других подбили и сожгли...

Через день выяснилось, что в полку одна моя пушка со «студером», радиостанция и штабная машина. Остальные из тех, кто уцелел, избрали другие направления, потому что всем вместе выбраться было невозможно».

Казалось, советская оборона вот-вот рухнет: все армейские и фронтовые резервы были израсходованы. По свидетельству С.М. Штеменко, командующий фронтом позвонил по телефону Сталину и спросил, не стоит ли его войскам и, в

крайнем случае, штабу отойти на левый берег Дуная, чтобы не потерять управления:

«И. В. Сталин выслушал соображения командующего 3-м Украинским фронтом, немного помедлил и ровным голосом сказал примерно следующее:

— Товарищ Толбухин, если вы думаете затянуть войну еще на пять-шесть месяцев, то, конечно, отводите свои войска за Дунай. Там, безусловно, будет потише. Но я сомневаюсь, что вы так думаете. Поэтому обороняться следует на правом берегу реки и вам со штабом надо быть именно там. Уверен, что войска с честью выполнят свои нелегкие задачи. Нужно только хорошо ими руководить».

Тогда Толбухин предложил ввести в сражение 9-ю гвардейскую армию, которая за день до этого была передана в состав фронта. Но и в этом ему было отказано. Специальной директивой Ставка запретила втягивать армию Глаголева в оборонительные бои и приказала войскам 3-го Украинского фронта, измотав противника, не позднее 15—16 марта самим перейти в наступление севернее озера Балатон. Однако без помощи маршала не оставили: к утру 10 марта на позициях кавалерийского корпуса развернулась 209-я самоходно-артиллерийская бригада, направленная с 2-го Украинского фронта, — еще три полка СУ-100. 5-я воздушная армия получила задачу на совместные действия с 17-й воздушной армией.

10 марта ситуация ухудшилась в связи с вводом немцами в бой в полосе 1-го танкового корпуса СС 23-й танковой дивизии. Она заняла оборону по западному берегу канала Шарвиз, а «Гитлерюгенд» и «Лейбштандарт» ударили на Озору и Шимонторнья, в районе которых находились переправы через канал Шио. Советские кавалеристы, подоспевшая 202-я стрелковая дивизия и полки СУ-100 в течение двух суток отбивали все атаки. Однако в ночь на 13 марта эсэсовцам удалось переправиться через канал, занять Шимонторнья и образовать плацдарм на южном берегу, создав непосредственную угрозу выхода в тыл 57-й и 26-й армий. Еще один плацдарм западнее Мезокомаром неожиданной

атакой захватил 1-й кавалерийский корпус генерала Густава Хартенека.

Одновременно в полосе 27-й армии части 3-го танкового корпуса нанесли удар вдоль берега озера Веленце и 10 марта вновь прорвали оборону 1-го гвардейского укрепрайона. В ярости Толбухин приказал соединение расформировать, а его личный состав передать на укомплектование стрелковых дивизий. Для прикрытия образовавшейся брешки генерал Трофименко бросил 78-ю стрелковую дивизию и 181-ю танковую бригаду 18-го танкового корпуса, а Толбухин — 23-й танковый корпус — 36 «тридцатьчетверок» и 11 тяжелых САУ, который был усилен 207-й самоходно-артиллерийской бригадой — 63 единицы СУ-100. Утром 11 марта немецкие танки атаковали их позиции большой массой, имея впереди «королевские тигры». Оборона стрелковых частей была смята, и они, традиционно бросив самоходки без прикрытия, отошли на 1,5—2 километра. На пути немецкого клина на смерть встал 1011-й самоходный артполк. Он почти весь сгорел в бою, записав на свой счет 38 уничтоженных танков противника. Несколько атак отбили «тридцатьчетверки» из корпуса Ахманова.

Советская пехота, состоявшая в основной массе из призывников, набранных на оккупированных территориях и бывших «восточных рабочих», была плохо обучена и неустойчива.

Из наблюдений старшего лейтенанта П.В. Злотова:

«Пехота на этом участке была еще трусливее. Как только противник откроет автоматный огонь по нашим траншеям, все выскакивают из траншей: винтовку за ремень волоком и, согнувшись, убегают прочь, хотя траншеи откопаны в полный рост и в них абсолютно неопасен автоматный огонь. Тогда командиры взводов, рот берут колья и с превеликим матом лупят их по плечам и задницам, загоняя обратно в траншеи. Но напрасно: пока противник стреляет, не загнать — их бьют, они молчат. Могут насмерть убить — не встанут, а как только прекратится огонь, сами возвращаются в траншею. Причем при беге многие получают ранения от огня противника. Это последнее пополнение, полученное из освобож-

денных западных областей Украины: все пожилые, с усамискобами». Правда, Злотов особо отмечает и другой контингент — призыв 1944 года, когда на войну стали брать семнадцатилетних: «Но что за бойцы были в роте? Сначала мы думали, что это девочки-пионерки: маленькие росточки, шинели до пят, голосок девичий. Но когда встретились, узнали, это были все же ребята, всем по шестнадцать-семнадцать лет, все с автоматами. Старики пугались выстрелов, сидя в траншеях, а дети в полный рост идут на опытного противника и прогоняют его со сравнительно небольшими потерями. Дети храбрее, потому что они честнее».

Доктор Геббельс воскресным вечером 11 марта заглянул в бункер к Гитлеру, чтобы отчитаться о своей поездке в Лаубан и вместе помечтать:

«Наше наступление в Венгрии дает медленные, но верные результаты. В общем и целом развитие событий там можно назвать благоприятным, мы существенно продвинулись вперед. Мы также продвинулись вперед у озера Веленце, так что теперь можно говорить о действительно крупном наступлении...

Фюрер считает, что отныне нам надо широко пропагандировать идею мести Советам. Мы должны теперь бросить свои наступательные силы на восток. На востоке решается все. Советы должны расплачиваться кровью за кровь; тогда, возможно, удастся образумить Кремль. Наши войска теперь обязаны выстоять и преодолеть страх перед большевизмом. Если мы действительно перейдем к массивному наступлению, то добьемся успеха, о чем свидетельствует развитие событий в Венгрии, которое фюрер считает весьма многообещающим. Остается надеяться, что таким оно будет и в дальнейшем.

Итак, наша цель должна была бы заключаться в том, чтобы погнать Советы на востоке назад, нанося им самые тяжелые потери в живой силе и технике. Тогда Кремль, возможно, проявил бы больше уступчивости по отношению к нам. Сепаратный мир с ним, конечно, радикально изменил бы военное положение. Естественно, это не было бы достижением наших целей 1941 года, но фюрер все же надеется добиться

раздела Польши, присоединить к сфере германского влияния Венгрию и Хорватию и получить свободу рук для проведения операций на западе. Такая цель, конечно, стоит усилий. Закончить войну на востоке для развертывания операций на западе — какая прекрасная идея! Поэтому фюрер также считает, что следует проповедовать месть по отношению к Востоку и ненависть по отношению к Западу. В конце концов, именно Запад вызвал эту войну и довел ее до таких ужасных масштабов. Ему мы обязаны нашими разрушенными городами и памятниками культуры, лежащими в развалинах. И если бы удалось отбросить англо-американцев, имея прикрытие с востока, то, без сомнения, была бы достигнута цель, состоящая в том, чтобы на все времена вытеснить Англию из Европы как нарушителя спокойствия.

Программа, изложенная мне здесь фюрером, грандиозна и убедительна. Ей недостает пока возможности для реализации. Эту возможность должны создать сначала наши солдаты на востоке. В качестве предпосылки ее осуществления необходимо несколько внушительных побед; и, судя по нынешнему положению, они, вероятно, достижимы. Для этого надо сделать все. Для этого мы должны трудиться, для этого мы должны бороться, и для этого мы должны во что бы то ни стало поднять на прежний уровень моральный дух нашего народа».

Психотерапевтический сеанс прошел прекрасно, Геббельс удалился в полном восторге:

«Я очень счастлив, что фюрер физически и духовно находится в исключительной форме, что он сохраняет ясность ума и непреклонность».

Рейхсминистр еще не знал, что наступление в Венгрии фактически уже провалилось. За семь дней ожесточенных боев немецкие войска продвинулись на узком участке фронта на 20—30 километров. Однако танки так и не дошли до Дуная. 12 марта Толбухин начал перегруппировку сил на правом крыле фронта, собирая кулак для удара на Вену. 4-я гвардейская армия в отражении немецкого удара уже не участвовала, ее потери в этот день составили: убитыми — 4, ранеными — 22 человека. Справа от нее занимала отведенную

полосу 9-й гвардейская армия. Для пополнения был отведен в тыл Донской кавкорпус.

13 марта и в последующие дни 1-й корпус СС, пытаясь «вскрыть» плацдарм, безуспешно бился за высоту 220 в двух километрах южнее Шимонторнья. Высота неоднократно переходила из руки в руки, дело доходило до рукопашных схваток:

«Вражеские танкисты больше не атаквали. Надо думать, свою задачу они выполнили и были переброшены на другой участок. А здесь немецкая и наша пехота колошматили друг друга, высоты несколько раз переходили из рук в руки. Я со своим орудием находился под одной из высот, и это, может быть, спасло и меня, и моих солдат. Потому что тех, кто занимал позиции за нами, немцы накрывали своим огнем, а нас, находившихся у них под носом, не замечали. В тех боях погибли подполковник Овчаров, капитан Ковалев, два взводных, много солдат. Был момент, когда пехота побежала, оставив без прикрытия мой взвод и орудие, которое мы никак не могли выкатить из артиллерийского окопа. На наше счастье, налетел туман и прикрыл нас словно дымзавесой... А вообще-то прикрытием была самоходка, которая сгорела еще в первый день. Она закрывала собою нашу позицию со стороны канала, откуда стреляли немцы. Впрочем, опасаться надо было не только их. Нас нередко по ошибке бомбили «кукурузники» — самолеты женского авиаполка. Каждую ночь развешивали они в небе фонари-ракеты и начинали сбрасывать бомбы. Хорошо, что хоть делали это не прицельно — просто разгружались... А в перерывах между бомбежками приходил замполит майор Цквитария, он читал и разъяснял нам приказы Верховного Главнокомандующего, призывы Военного совета, которые сводились к одному: ни шагу назад! Когда налетали самолеты, майор тотчас бросался к щели. Но был толст и неповоротлив, в узком укрытии вместе со всеми не умещался. И тогда он поднимал голос: «Я — заместитель командыра полка, прыказываю асвабадыт места!..»

Чувствую невысказанный вопрос: боялся ли? Конечно, боялся. Может, иногда и трусил. Но страхов на войне, вообще говоря, много, и все они очень разные. Страх перел нем-

цами — могли взять в плен, застрелить; страх перед огнем противника — в особенности перед артиллерийскими налетами и бомбежками. Если разрывы рядом, тело само — без участия разума — падает на землю, а сердце готово разорваться от мучительных предчувствий. Но был и иной страх, идущий, так сказать, сзади — от начальства, от всех тех карательных органов, которых в войну было не меньше, чем в мирное время. Может быть, даже больше. Когда командир грозит расстрелять тебя, если ты не возьмешь оставленный хутор, высоту или траншею (а угроза эта была вполне реальной), то еще не известно, кого ты будешь бояться сильнее — немцев или командира. Враги могут промахнуться. А свои — командиры (или трибунал, если дойдет до него) — эти промаха не дадут. Тут уж все определено и категорично».

Кстати, Быков упоминает заградотряды, выставленные в районе дунайских переправ.

14 марта в полосе 2-го танкового корпуса СС Дитрих ввел в дело свой последний резерв — 6-ю танковую дивизию, усиленную батальоном «пантер». Дивизия атаковала из района Шерегельша на юго-восток, но и она завязла в грязи и советской обороне. К этому времени плотность артиллерии на отдельных направлениях превышала 160—170 стволов на километр фронта, авиация 17-й воздушной армии произвела 5277 самолетов-вылетов, а из засад били по «панцерам» Т-34 и СУ-100. Причем танковые и механизированный корпуса постоянно пополнялись новой либо прибывшей из ремонта техникой, поэтому в конце сражения в них числилось больше боевых машин, чем имелось в начале. К примеру, в корпусе Руссиянова стало 60 «шерманов». Лишь бригады «соток» несли невосполнимые потери материальной части, нередко из-за безграмотности командиров, использовавших самоходки «по-танковому»: бросая их в атаку или используя для самостоятельной разведки боем.

«Зепп» Дитрих, уже будучи в плену, по поводу несостоявшегося «Весеннего пробуждения» показал следующее:

«Когда танки были введены в бой для развития первоначального успеха, местность оказалась совершенно непроходимой. Земля, считавшаяся промерзшей, и местность, кото-

рую генерал Веллер поддерживал, как проходимую, оказалась мокрой и болотистой. Из-за режима секретности мне было запрещено проводить рекогносцировку. В итоге 132 танка увязли в грязи и 15 «королевских тигров» утонули по башню, соответственно наступление могло быть продолжено только пехотой».

Но эсэсовская пехота была не та, что на Курской дуге.

«Начатое нами, наконец, наступление в Венгрии, — вспоминает Гудериан, — вначале имело успех. Однако распутица, вызванная мягкой погодой, мешала продвижению танков, что ставило под сомнение возможность продолжения наступления. Если севернее озера Балатон нам удалось несколько продвинуться, то к югу от него наступление сразу застопорилось...

Наконец, исчезли все шансы на крупный успех. Был утрачен сохранявшийся до сих пор высокий боевой дух эсэсовских дивизий. Под прикрытием упорно сражающихся танкистов вопреки приказу отступали целые соединения. На эти дивизии уже нельзя было больше полагаться».

В эти дни немецкая авиаразведка зафиксировала перемещение крупных механизированных колонн, двигавшихся от Будапешта на Замоль. Это выдвигались к линии фронта войска 9-й гвардейской армии. Намерения русских читались как на ладони: нанести фланговый удар и перехватить коммуникации германских войск.

Он последовал 16 марта, когда после мощной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление 4-я и 9-я гвардейские армии. Под угрозой окружения 6-я танковая армия СС начала отход к линии Веспрем — Папа — Таркань.

Согласно отчетам советских штабов, только общевойсковые армии, без учета танковых корпусов и других частей фронтового подчинения, за 6—14 марта уничтожили и захватили 729 вражеских танков и самоходок. Несомненно, здесь имеет место даже не двойной, а тройной учет. Так, 17-я воздушная армия, сыгравшая важную роль в отражении немецких ударов, только 12—13 марта записала на свой счет 54 единицы «уничтоженной» бронетехники. Прибывшая из Моск-

вы в конце марта комиссия ушла 968 неприятельских танков и САУ практически всех состоявших на вооружении Вермахта типов и конструкций, сожженных, утонувших в грязи, брошенных из-за отсутствия горючего в районе Веленце и Балатона в январе—марте 1945 года (и не обнаружила ни одного танка, уничтоженного авиацией). Мощь немецких танковых соединений была окончательно подорвана. Дезорганизованная промышленность рейха неспособна была восполнить эти потери. Если в феврале с конвейеров сошло 168 «пантер» и «ягдпантер», то в марте — 46, а в апреле фирма МАН сумела собрать только 20 машин. 31 марта «Хеншель» поставил войскам заключительную партию «королевских тигров» — 13 штук.

По официальным данным, войска 3-го Украинского фронта потеряли убитыми и ранеными почти 33 тысячи человек. Некоторые современные исследователи уверены, что в полтора раза больше.

Противник — свыше 40 тысяч солдат и офицеров, более 300 орудий и минометов, около 500 танков и самоходных танков, около 500 бронетранспортеров и 50 самолетов.

Так закончилось последнее наступление Вермахта во Второй мировой войне.

К середине марта соединения группы армий «Юг» перешли к обороне: 8-я армия — севернее Дуная, 6-я полевая, 6-я танковая армия СС и 3-я венгерская армия — на фронте от Эстергома до озера Балатон. Участок Эстергом, Секешфехервар удерживали 8-й венгерский армейский корпус и 4-й танковый корпус СС. Западный берег озера Балатон занимали части 2-го венгерского корпуса, южнее находились позиции 2-й немецкой танковой армии. Силы врага оценивались в 400 тысяч человек, 5900 орудий и минометов, 700 танков и САУ, 700 самолетов.

Противник усиливал оборону на венском направлении, которая включала три оборонительные полосы и ряд промежуточных рубежей. Главная полоса имела глубину 5—7 километров. В 10—20 километрах от переднего края была подготовлена вторая полоса обороны. В оперативной глубине, вдоль левого берега реки Раба, ширина которой достигала

50 метров, готовился промежуточный рубеж с сильными предместными укреплениями в районе переправ. Третья полуса проходила вдоль венгеро-австрийской границы. В крупные узлы сопротивление были превращены приграничные города Брук, Шопрон, Кёсег. В инженерном и огневом отношении хорошо была подготовлена к обороне столица Австрии. Оборона Вены включала внешний и внутренний обводы и укрепления внутри города. Общая глубина обороны достигала 210 километров. Но войска занимали в основном лишь первый рубеж.

Местность, на которой предстояло действовать советским войскам, пересекали покрытые лесом отроги гор Вертешь и Баконь и многочисленные реки. Самая крупная из них — Дунай — разделяла район боевых действий на два участка. Наиболее удобным для наступления было направление Секешфехервар, Папа, Шопрон, Вена.

В составе 2-го и 3-го Украинских фронтов существенных перемен не произошло. Линия фронта, за исключением района вклинения 6-й танковой армии СС, оставалась почти без изменений.

40-я, 53-я, 7-я гвардейская армии и 1-я гвардейская конно-механизированная группа 2-го Украинского фронта, а также оперативно подчиненные ему 1-я и 4-я румынские армии продолжали действовать в южных районах Словакии. 46-я армия со 2-м гвардейским механизированным корпусом действовала южнее Дуная между Эстергомом и Гантом. Во втором эшелоне фронта, западнее Будапешта, находилась 6-я гвардейская танковая армия.

Войска 3-го Украинского фронта — 9-я и 4-я гвардейские, 27, 26, 57-я и 1-я болгарская армии — занимали рубеж Гант, озеро Веленце, Шимонторнья, озеро Балатон, Бабоча, Торянци.

В операции, проводимой двумя фронтами, должны были принять участие 64 стрелковые, 3 кавалерийские дивизии, 3 танковых, 3 механизированных, один кавалерийский корпуса — 745 тысяч человек, 12 200 орудий и минометов, 1218 танков и самоходных установок, около 1000 самолетов. Согласно директиве Ставки, составленной с учетом настоячи-

вых предложений штаба 3-го Украинского фронта и рекомендаций маршала Тимошенко, главная роль во взятии Вены отводилась войскам Толбухина.

Наступление началось в установленный Ставкой срок — во второй половине дня 16 марта. Ударная группировка фронта, построенная в два эшелона, имела в своем составе 18 стрелковых дивизий, 3900 орудий и минометов, 197 танков и САУ. На направлении главного удара были созданы артиллерийские плотности 170—180 стволов на километр. Ближайшей задачей 9-й и 4-й гвардейских армий было прорвать оборону севернее Секешфехервара, выйти в район Варпалота, Веспрем и совместно с войсками 27-й и 26-й армий окружить и уничтожить танковую армию Дитриха. В дальнейшем предполагалось продвигаться в направлении Папа, Шопрон. Войска левого крыла должны были перейти в наступление южнее озера Балатон с задачей разгромить 2-ю танковую армию в районе Надьканижи.

С воздуха действия наземных войск обеспечивали 837 самолетов 17-й воздушной армии.

К исходу 16 марта продвижение гвардейцев Глаголева и Захватаева не превышало 3—6 километров, в том числе из-за отсутствия в боевых порядках танков непосредственной поддержки пехоты. Бои было приказано не прекращать и ночью, хотя Константин Симонов считал такие импровизации фикцией:

«Я не раз успел убедиться, что в тех случаях, когда наступление не назначается специально ночью, а уж идет с самого утра и до ночи, ночью все равно, какие там ни будь приказы, солдаты, как правило, не воюют. И обычно утренние доклады о том, насколько части продвинулись за ночь, зависят не от того, насколько они действительно продвинулись, а гораздо в большей мере от добросовестности начальников, делающих эти доклады, от большей или меньшей меры их правдивости перед лицом вышестоящих».

Учитывая обстановку, Ставка передала Толбухину 6-ю гвардейскую танковую армию, имевшую в строю 423 единицы бронетехники. Армию следовало использовать для разви-

тия наступления правого крыла и разгрома танковой группы противника совместно с войсками 27-й армии.

4-й танковый корпус СС стойко удерживал свои позиции. Однако севернее его 17 марта в наступление перешли передовые отряды 46-й армии 2-го Украинского фронта (10-й гвардейский, 23-й, 68-й стрелковые корпуса). Они продвинулись на 10 километров и вышли ко второй полосе обороны 8-го венгерского корпуса. На следующий день главные силы армии форсировали реку Альталь и начали пробиваться на запад. Введенный в сражение утром 19 марта 2-й механизированный корпус усилил удар. Во второй половине 20 марта части корпуса вышли к Дунаю западнее Товароша, охватив с юго-запада группировку врага, которая насчитывала более 17 тысяч солдат и офицеров. Одновременно на правом берегу Дуная в этом же районе была осуществлена высадка десанта 83-й отдельной морской стрелковой бригады. Выделив часть сил для ликвидации окруженной группировки, генерал Петрушевский развернул наступление на Дьёр. Для развития успеха ему был передан 23-й танковый корпус.

Тем временем войска правого крыла 3-го Украинского фронта, преодолевая упорное сопротивление эсэсовских частей, к исходу третьего дня продвинулись в глубину на 18 километров, расширив прорыв до 36 километров. На правом фланге десантниками был захвачен город Мор. Утром 19 марта в полосе 9-й гвардейской армии (37, 38, 39-й гвардейские стрелковые корпуса) была введена танковая армия генерал-лейтенанта А.Г. Кравченко (5-й гвардейский танковый, 9-й гвардейский механизированный корпуса). Однако активная оборона вражеских частей, переброшенных к этому времени из района юго-западнее озера Веленце, и сильно пересеченная местность не позволили армии развить необходимые темпы. Танкисты, не отрываясь от пехоты, преодолели 6—8 километров и задачу дня не выполнили.

Йозеф Дитрих сразу понял, что «удар русских с юго-запада по направлению к озеру Балатон преследовал цель разъединить мою армию и армию Балка», и начал поэтапно выводить свои дивизии из «мешка». Чтобы закрыть образовавшиеся бреши, командование группы армий «Юг» направило в рай-

он Таркань 6-ю танковую дивизию барона Рудольфа фон Вальденфельса, в район западнее Кишбер — 2-ю танковую дивизию СС «Рейх» под командованием штандартенфюрера Рудольфа Лемана, а под Секешфехервар — 12-ю танковую дивизию «Гитлерюгенд» бригадефюрера Хуго Крааса. Генерал Вёлер планировал закрепиться на линии Веспрем — Папа — Таркань, перегруппировать силы и организовать контрудар силами 6-й танковой армии СС. С этой целью он приказал армиям Дитриха и Балка сменить зоны ответственности. Первый должен был принять на себя командование на участке фронта от района севернее Веспрема до Дуная над венгерскими соединениями. На юге теперь командовал Балк, который одну за другой отдавал высвобождающиеся здесь части Дитриху на север. Поэтому, когда Толбухин двинул вперед 6-ю гвардейскую танковую армию, на рубеже Баконькути—Инонта ее встретил 1-й танковый корпус СС в полном составе.

Маршал Толбухин потребовал от генералов Кравченко и Глаголева в кратчайший срок завершить окружение 6-й танковой армии СС. С утра 20 марта часть сил 4-й гвардейской армии, а также 27-я и 26-я армии должны были нанести «подсекающие» удары на Берхида, Польгарди, Лепшень. В полосах наступления 26-й и 27-й армий действовали 1-й гвардейский механизированный и 18-й танковый корпуса. Кроме того, Ставка разрешила привлечь бомбардировщики 18-й воздушной армии АДД. В это же время авиация союзников подвергла воздушным бомбардировкам ряд аэродромов, железнодорожных узлов и промышленных объектов на территории западной части Венгрии и Южной Словакии. В частности, были разгромлены нефтеочистительные заводы в Комарно (производство снизилось на 70%), являвшиеся основным поставщиком горючего для групп армий «Юг» и «Центр».

В результате принятых мер дело сдвинулось с мертвой точки. К исходу 22 марта советские войска вышли на рубеж Реде, Четень, Теш, Кадарта, Папкеси. 4-я гвардейская армия овладела Секешфехерваром, а части 9-й гвардейской и 6-й гвардейской танковой армий, преодолев сопротивление на

рубеже гор Баконь, начали преследование противника. 18-й танковый и 1-й гвардейский механизированный корпуса продвинулись на 40 километров и 23 марта в районе Берхиды соединились с 6-й гвардейской танковой армией.

Правда, окружить армию Дитриха не удалось, но и никакого контрудара у немцев не получилось.

О том, как воевали десантники, вспоминает П. В. Золотов, его минометный полк приписали к 104-й стрелковой дивизии:

«За возвышенностью в поле в полукилометре от дороги стояли восемь старых немецких танков. Танки образца тридцатых годов, средние, против пехоты опасные. После наши офицеры рассказывали: пехота, завидя танки, залегла на поле по бороздам. Только мат раздается по полю — не шевелись! Танки вели пулеметный и пушечный огонь, пушки у них были короткоствольные. Танки по грязному мягкому полю шли очень медленно, и, как только приблизились метров на сорок к пехоте, те со страшным всеобщим матом вскочили и бегом вперед! Через несколько секунд солдаты уже барабанили по крышкам люков, стреляя во все их дырки. Немцы поднимали люки и с поднятыми руками выползали наружу. Как только все выбрались, раздались очереди из автоматов — все они расстреливались. Десантники в плен не брали.

С этого боя и до конца войны мы воевали в составе 9-й гвардейской армии (бывшей десантной). Это были невиданной отваги люди, но и невиданное хулиганье. Полоса наступления поддерживаемого нами стрелкового полка проходила левее города Мор, но это никак не устраивало наших десантников. На пути наступления не было сёл, а значит, не было и женщин, нечем было и поживиться. Быстро находят решение. По очереди четвертую часть солдат направляют в Мор, так они участвуют в захвате домов и не успевших убежать или спрятаться женщин. На все это давалось не более часа, и дальше шла следующая группа. Женщин использовали от четырнадцатилетних до пятидесятилетних; в домах производили полный погром, все выбрасывали на пол, били, ломали, искали карманные или наручные часы; и, если попадалось хорошее вино, не отказывались его выпить...

Десантники нигде ни разу не отступили, какие бы силы ни контратаковали их, причем немцы их просто боялись. Зато они не оставляли ни одной женщины изнасилованной, если она не смогла надежно укрыться».

Здесь есть «тонкость». Освободители «шалили» и, цитируя Сталина, «допускали некоторые непристойности» везде, где предоставлялась такая возможность. Это понятно, воинские преступления имеют место быть и в мирное время, а уж в хаосе войны... Однако масштабы таких деяний в разных регионах носили различный характер. Можно даже говорить, что они регулировались из Москвы. К примеру, при вступлении на территорию Польши, Чехословакии, Югославии от командиров и политработников требовалось разъяснять лично-му составу Красной Армии, что данная страна «является нашей союзницей и в отношении со стороны Красной Армии к населению освобожденных районов должно быть дружественным». Для Чехословакии Ставке пришлось издать даже две директивы — от 31 октября и 18 декабря 1944 года — о «дружественном отношении», сотрудничестве с местной администрацией и привлечении нарушителей к суровой ответственности. Нечто похожее 2 апреля 1945 года было доведено маршалам Толбухину и Малиновскому при пересечении австрийской границы: «Войскам, действующим на территории Австрии, дать указания о том, чтобы население Австрии не обижать, вести себя корректно и не смешивать австрийцев с немецкими оккупантами». Австрийкам, впрочем, это мало помогло, их таки «смешивали» с немками. Советским комендантам регулярно приходилось разбирать жалобы населения: «А жалобы были одни — на изнасилование солдатами местных женщин».

Иосифу Виссарионовичу приходилось «по-хорошему» объяснять чехословацким, югославским и прочим товарищам, «что бойцы Красной Армии, прошедшие в тяжелейших условиях путь от Сталинграда до Будапешта, могут иногда допустить отдельные вольности и что их надо извинить»:

«Нельзя характеризовать армию на основании отдельных случаев, из-за одного уродяка нельзя оскорблять всю Красную

Армию. Боец думает: он герой, ему все можно, сегодня он жив, завтра убит, ему все простят. Бойцы устали, поизмотались в длительной и тяжелой войне. Неправильно становиться на точку зрения «приличного интеллигента». Есть отдельные случаи, позорящие наших бойцов. Мы за это расстреливаем. Но надо помнить, что люди измотались, изнервничались, думают, что они герои, которым все разрешено, все позволено».

«Демократические правительства» Польши и Чехословакии держались только на советских штыках, были озабочены исключительно политической борьбой и укреплением своей власти. Их безопасность обеспечивали специалисты из НКВД. Поэтому они осмеливались лишь робко намекать, что на почве творимых то ли героями, то ли отдельными уродами безобразий «может быть развернута враждебная пропаганда и что настроение населения может быть не всюду здоровым по отношению к Красной Армии».

Иное дело Румыния. После сокрушительного разгрома группы армий «Южная Украина» под Яссами и Кишиневом, не желая превращать страну в театр военных действий, 23 августа 1944 года 23-летний король Михай I в союзе с коммунистами организовал в Бухаресте государственный переворот и арестовал маршала Йона Антонеску и его сторонников. Затем король выступил с ридиообращением, объявил о смене власти, прекращении военных действий против СССР и перемирии с Великобританией и США, а также о формировании нового «правительства национального единства» во главе с Константином Сэнэтеску. Через неделю Румыния объявила войну своим бывшим союзникам — Германии и Венгрии. С тем большей радостью, что СССР гарантировал возврат Трансильвании, отторгнутой в 1940 году в пользу Венгрии решением Второго Венского арбитража. Превратившись в одночасье в участника антигитлеровской коалиции, Румыния сохранила все атрибуты государственности: правительственную администрацию, армию, полицию, тюрьмы и даже монархию. Михай, получивший в Москве ехидное прозвище «король-комсомолец», был удостоен ордена Победы, высшей советской полководческой награды, которая

вручалась «за успешное проведение таких боевых операций, в масштабе нескольких или одного фронта, в результате которых в корне меняется обстановка в пользу Красной Армии».

В конце сентября 1944 года Главное верховное командование Румынии издало приказ, в котором было четко прописано:

«Армия, полиция и жандармерия должны сопротивляться крайне энергично, при необходимости даже прибегая к оружию, в случаях, когда советские солдаты одиночками или группами или другие индивидуумы, которые используют также советскую военную форму, будут пытаться забрать силой или грабить государственное или частное добро, не считаясь с указаниями...

Армия, жандармерия и полиция должны направлять в законные инстанции грабителей или банды, пойманные на месте преступления, а в случаях неподчинения — открывать огонь.

Привлекаются к ответственности и предаются военно-полевому суду все офицеры и солдаты, которые не будут защищать до последней капли крови государственное добро, которое было сдано на их попечение и сохранность».

Приказ выполнялся, и были жертвы среди советских военнослужащих. По этой причине на территории Румынии почти не зафиксировано «непристойностей», да и со сбором «посылок» возникали трудности.

Венгры сменить «крышу» не успели. Адмирал Миклош Хорти предпринял попытку вывести страну из войны и даже отправил в Москву делегацию, подписавшую 11 октября 1944 года предварительные условия перемирия. Главным условием было «порвать все отношения с Германией и немедленно объявить Германии войну». Однако, в отличие от румынского короля, венгерский регент вел свою игру, не соблюдая элементарных правил конспирации и не учитывая реальную расстановку сил. 15 октября Хорти просто объявил по радио, что Германия войну проиграла, Венгрия «не обязана приносить себя в жертву ради союзников» и, во избежание дальнейшего бессмысленного кровопролития, намерена заключить

перемирие с противником. На следующий день немцы без особого труда адмирала свергли, арестовали и вывезли в Баварию. К власти пришел клинический нацист Ференц Салаш. Новый вождь поклялся Гитлеру в любви до гроба, обещав поставить венгерскую армию до последнего человека на службу Германии (возглавив страну накануне очевидного краха, этот придурок первым делом озаботился истреблением евреев и цыган, которых при Хорти не трогали, и в конце концов заработал себе петлю на шею). С другой стороны, призыв Хорти к народу и армии «последовать за мной» не оказал на венгерские войска заметного воздействия. До последнего они сражались плечом к плечу с немцами, оставшись самыми верными союзниками рейха. У венгров еще с 1919 года выработалась стойкая неприязнь к большевизму.

24 октября 1944 года Ставка ГКО припечатала:

«В связи с тем, что венгерские войска не прекращают боевых действий против наших войск и продолжают держать единый фронт с немцами, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает действовать на поле боя против венгерских войск так же, как и против немецких, не делая разницы между ними, о чем довести до сведения всех войск фронта».

Так и действовали. Не делая разницы:

«Когда приближаешься к линии фронта, где только что наши войска продвинулись вперед, то картину варварского погрома в квартирах наблюдаешь в первоначальном виде, то есть неприбранные, разгромленные квартиры, и такая ситуация была всюду. Что же хотели солдаты, чиня такие погромы? Всего только — наручные и карманные часы, больше им ничего не надо было. Из-за часов выбрасывали все из комодов, шкафов, и если ничего не находили, то еще больше злились, подозревая хозяев, что они так тщательно спрятали часы. А со злости били банки с томатами, вареньем, соком и т.д. Везде, где появлялись наши войска, исчезали молодые девушки и молодые женщины; в домах видишь только старушек, стариков и детей до двенадцати лет, все тщательно прятались, и не зря. Это они установили по опыту первого контакта с нашими частями.

Проезжая по дорогам, мы видели десятки разгромленных

винных погребов, ни одного неразоренного мы не видели. Вино, как правило, было выпущено из бочек на пол и заполняло весь подвал слоем до одного метра. Несколько раз видели плавающие трупы наших солдат, посиневших, спяна задохнувшихся в парах вина.

Мне удалось побеседовать с молодым венгром, на квартире которого мы жили два или три дня... Он задавал мне много вопросов: «Почему русские не веруют в Бога? Без веры в Бога люди потеряют совесть, научатся лгать, воровать и станут убивать друг друга». Все мои доказательства, что совесть может быть и у неверующих людей, его не удовлетворили. «Ваши солдаты насилуют наших женщин и девушек, разрушают наше имущество. Разве верующий человек это бы позволил?» Я ему доказывал, что немцы и венгры тоже насильовали русских женщин и девушек...»

Каждый бой давал новый повод для мести. «Цена освободительной миссии» в Венгрии была оплачена кровью полумиллиона солдат и офицеров Красной Армии, из них 140 тысяч — безвозвратные потери. Но мы ж за ценой не постоим? Вот маршалу Малиновскому очень хотелось войти в Будапешт раньше маршала Толбухина, и он 4 декабря 1944 года без всякой подготовки в районе Эрчи бросил 46-ю армию на форсирование Дуная. Наблюдавший эту картину венгерский полковник Эмиль Томка просто впал в ступор:

«Когда в первой половине дня прибыл в северный район, то моему взгляду предстала дикая картина. Наша артиллерия непрерывно расстреливала русских, пытавшихся переправиться через реку. Их утюжили и немецкие бомбардировщики. Из нашей округи по ним палило три миномета. Но, несмотря ни на что, русские продолжали форсировать реку. Группы советских солдат перевозили не только в лодках, но и даже на паромках. Я видел, как в небольшую баржу, до отказа забитую людьми, попала немецкая авиабомба — суденышко тут же ушло на дно. Самое чудовищное происходило там, где берег находился в немецких руках. Немцы стреляли из пулеметов по высадившимся солдатам. Шансы на выживание их были предельно малы. Тот, кто не был сражен пулей, должен был пытаться отстреливаться, находясь по грудь в студеной

воде и тине. Насмотревшись на это, один из гусаров обратился ко мне: «Господин полковник, а что русские делают со своими врагами, если они так жестоко обходятся со своими солдатами?»

Девятнадцатилетняя Анна Польш, «освобожденная от ига немецко-фашистских захватчиков», провела три месяца в деревне Чаквар, в прифронтовой полосе 4-й гвардейской армии:

«Еще в Будапеште я видела плакаты, на которых советский солдат срывает крест с шеи женщины. Я слышала, они насиляют женщин. Читала и листовки, в которых говорилось, что творят русские. Всему этому я не верила, думала, это немецкая пропаганда. Я была убеждена: невозможно представить, чтобы они валили женщин на землю, ломали им позвоночник и тому подобное. Потом я узнала, как они ломают позвоночник: это проще простого и получается не нарочно.

Господи Боже, какая же я тогда была наивная! Я не знала, что их надо бояться...

На второй или третий день после этого из соседней деревни пришли незнакомые люди и сказали: всех мужчин казнили; заставили выкопать длинную яму, поставили на край и расстреляли в затылок. Трое местных жителей закапывали яму. (Так обычно и делается: могилу копаешь себе сам — почти на всех войнах...)

Меня оттащили в кухню и там так хватили об пол, — видимо, я опять хотела защищаться или нападать, — что голова моя ударилась об угол мусорного ящика. Он был из твердого дерева, как и полагается в жилище декана. Я потеряла сознание.

Очнулась я в большой внутренней комнате декана. Стекла были выбиты, окна заколочены, на кровати не было ничего, кроме голых досок. Там я лежала. На мне был один из русских. Я услышала, как с потолка громом ударил женский крик: «Мама, мамочка!» Потом до меня дошло, что это мой голос и кричу я сама.

Как только я это поняла, я перестала кричать и лежала тихо, неподвижно. Я пришла в сознание, но не чувствовала своего тела, как будто оно затекло или замерзло. Да мне, наверно, в самом деле было холодно — голой ниже пояса, в не-

топленной комнате без окон. Не знаю, сколько русских насиловали меня после этого, не знаю, сколько их было до этого. Когда рассвело, они меня оставили. Я поднялась. Двигаться было трудно. У меня болела голова и все тело. Сильно текла кровь. Я не чувствовала, что меня изнасиловали; ощущала только, что избита, искалечена. Это не имело никакого отношения ни к ласкам, ни к сексу. Это вообще ни на что не было похоже. Просто сейчас, когда пишу эти строки, я понимаю, что слово точное — насилие. Вот чем это было.

Не помню, тогда или в другой раз, но они увели с собой всех. Даже Мину. Я еще могла это вынести, ведь я была уже замужняя женщина, но Мина — она была девственницей. Проходя по дому, я набрела на нее, услышав плач; она лежала на цементном полу в какой-то каморке. Я вошла к ней. «Налево лучше не выходить, — сказала она, — там еще русские есть, они опять на нас накинута...»

Бойцы передовых линий, которым «до смерти четыре шага», ловили момент:

«Другой раз ночью к нам ворвался целый отряд, тогда нас повалили на пол, было темно и холодно, вокруг стреляли. В памяти осталась картина: вокруг меня сидят на корточках восемь-десять русских солдат, и каждый по очереди ложится на меня. Они установили норму — сколько минут на каждого. Смотрели на наручные часы, то и дело зажигали спички, у одного даже была зажигалка — следили за временем. Поторавливались друг друга. Один спросил: «Добре робота?»

Я лежала не двигаясь. Думала, не выживу. Конечно, от этого не умирают. Если только не ломается позвоночник, но и тогда умираешь не сразу...

Русские люди были невероятно смелые, они ни во что не ставили боль и страх. С русскими никогда ничего нельзя было предвидеть, предугадать; удивительно, как с их неорганизованностью у них что-то вообще получалось. Если они уходили, то никогда не прощались, а попросту исчезали. Возвращаясь, они приветствовали нас с невероятной радостью, громкими криками, подхватывали, подбрасывали в воздух, словно встретили самых близких и родных людей. Они были люди с добрым сердцем, но невероятно дикие. Прежде всего

мы научились у них ругательствам. «Ёб твою мать» — вот была первая настоящая русская фраза...

Часы вообще — да, их они искали везде и всюду. Думаю, после ухода советских войск во всей Венгрии почти не осталось часов...

Мы вывели или думали, что вывели, закономерность: после каждого крупного боя или после того, как деревню отбивали у противника, следовали три дня дозволенного мародерства. Свобода грабить и насиловать. Потом вступал в силу запрет: говорили, что за доказанное изнасилование солдата могли расстрелять».

Тыловики со спокойной совестью пользовались своим положением в оккупированной стране:

«Я пошла к русским и попросила у них кувшин молока.

Цену я знала: за крынку молока пришлось расплачиваться своим телом.

Потом я пошла в дом священника, наше последнее жилище: хотела принести оттуда матрас, потому что дверь была тяжелая и понемногу отсырела. Здоровье Мамаи все ухудшалось. За матрас тоже надо было расплатиться натурой. Офицер согласился: если я с ним лягу, могу забрать матрас (который нам же и принадлежал). Со мной был и Филике, все произошло в том самом подвале с картошкой.

Немного картошки еще оставалось на полу, и я лежала на ней, не шевелясь. Пожалуйста!

Русский офицер тем временем зажег спичку, сначала потрогал пальцем мои глаза — открыты ли. Убедившись в этом, приступил к делу. Было немного больно. Но так как я все равно не пошевелилась, не вскрикнула, он зажег еще одну спичку — посмотреть, жива ли я. Покачал головой.

Большого удовлетворения я, должно быть, ему не доставила. Но когда я начала собираться, чтобы унести матрас, он прислал в подвал своего ординарца, который тоже мной пользовался.

Тогда я не подумала, почему он прислал и ординарца. Сейчас мне кажется, что они демократичнее, чем наши офицеры. Или венгерский офицер тоже поделился бы мной со своим ординарцем?..

На войне человек становится страшен и непостижим».

Венгрия, кажется, была единственной страной, воевавшей и с Советским Союзом, и с Германией одновременно.

21 декабря 1944 года, с разрешения Кремля, в Дебрецене собрались делегаты Временного Национального собрания, избравшие, под возгласы «Да здравствует маршал Сталин!», Временное правительство во главе с генералом Белой Миклошом, бывшим командующим 1-й венгерской армией, перебежавшим к русским после ареста Хорти. Естественно, главную скрипку играли коммунисты-коминтерновцы, «представители венгерской демократической эмиграции». 28 декабря Временное правительство, «осуществляя волю венгерского народа», денонсировало все договоры, заключенные с Германией, и объявило ей войну. 20 января 1945 года в Кремле было подписано соглашение о перемирии между СССР, Англией и США — с одной стороны и Венгрией — с другой. По этому соглашению Венгрия обязалась выставить для участия в войне против гитлеровской Германии не менее восьми пехотных дивизий. Вот только выставлять было нечего: среди офицеров отсутствовали коммунисты, и даже унтера, как на подбор, оказывались по своей сути «фашистами». Новая армия получалась какая-то «реакционная» и неподконтрольная ЦК ВКП; во второй половине марта она состояла из одной пехотной дивизии.

Как обычно, когда в стране пытаются установить «диктатуру пролетариата» и проводят земельную реформу, имея целью «обострение классовой борьбы в деревне», в Народной Венгрии первым делом пропала еда. Еще недавно «фашистская» аграрная Венгрия удивляла красноармейцев изобилием и дешевизной продуктов: «В каждом доме белый хлеб, копченое мясо, колбаса, варенье. Фрукты и овощи тщательно переработаны, и все, что заготовлено для зимы, хранится в погребах. Мы в них, конечно, лезем. Погреб — надежное убежище во время боев и бомбежек. Ну и потом, эти ряды банок и чудесное венгерское вино. Благодаря обилию продуктов и вина войска наши перешли на обеспечение. Варено, которое готовилось в полевых кухнях, просто не брали. Зачем? Двигается, скажем, колонна через село, солдаты, как мыши,

шмыг-шмыг по дворам. А когда догоняют строй, у каждого за пазухой — окорочок, в противогазной сумке — банки с вареньем, на штыке — буханка белого хлеба, а в руке — канистра или ведро вина. Командиры смотрели на это сквозь пальцы: перепало и им. Все-таки Венгрия была союзницей Германии, и поэтому солдатам многое сходило с рук».

А в марте 1945 года Генеральный секретарь венгерской компартии Матьяш Ракоши просит у Москвы хлеба для голодающих городов:

«Население получает сейчас ежедневно 100 гр. хлеба. После опубликования закона о земельной реформе Красная Армия предоставит в наше распоряжение взаимобразно, до нового урожая, большое количество продуктов питания, что, по-видимому, даст возможность увеличить норму выдаваемого хлеба до 200 гр. Это, конечно, повысит уважение как к Советскому Союзу, так и к партии...

Большие трудности испытываем мы от того, что на улицах Будапешта снова участились облавы. Иногда бывает, что тысячи рабочих (!), идущих на фабрики или возвращающихся оттуда, останавливаются на улицах и направляются в качестве военнопленных в различные лагеря. Эти мероприятия обосновывают тем, что в Будапеште много фашистских солдат, переодетых в штатское. В результате сотни товарищей исчезают. Угнетающе действует на настроение рабочих то обстоятельство, что на многих фабриках, работающих для обеспечения Красной Армии, рабочим не выплачивается зарплата и не выдаются продукты. Голодные рабочие работают неохотно (!), зачастую имеют место случаи, когда рабочих бьют и пр.».

Очень скоро Венгрии суждено стать одним из барачков «социалистического лагеря».

Переходя ко второму этапу операции, маршал Толбухин решил главный удар силами 9-й гвардейской и 6-й гвардейской танковой армий (последней передавалась 208-я самоходно-артиллерийская бригада) нанести на Веспрем, Сомбатхей, глубоко охватывая Вену с юга. 4-ю гвардейскую армию, в результате обходного маневра потерявшую соприкоснове-

ние с противником, перегруппировать в район западнее Мора, усилить ее механизированным корпусом и не позднее 26 марта двинуть на Папа, Шопрон. 27-я армия, усиленная 18-м танковым корпусом и 209-й артбригадой СУ-100, должна была наступать по северному берегу озера Балатон на юго-запад в общем направлении на Залаэгерсег, чтобы в дальнейшем ударом с севера вместе с 57-й и 1-й болгарской армиями окружить силы 2-й танковой армии противника и овладеть нефтеносным районом Надьканижи. После поворота войск генерала Трофименко на юг предполагалось ввести в дело 26-ю армию, которая должна была двигаться на запад, к Керменду и Грацу.

23 марта Ставка внесла в решение командующего свои поправки. 3-му Украинскому фронту приказывалось с маневрами не мудрствовать, окружений не затевать, развивать главный удар не на Сомбатхей, а в направлении Папа, Шопрон. Для этого 9-й гвардейской и 6-й гвардейской танковой армиям предписывалось наступать на Цельдёмельг, Кёсег. 4-я гвардейская перегруппировывалась в полосу правее 9-й гвардейской. 26-я армия должна была нанести удар на Сомбатхей, а 27-я армия — на Залаэгерсег. 57-я и 1-я болгарская армии имели задачу не позднее 5—7 апреля овладеть районом Надьканижи.

Армиям Глаголева и Кравченко, по инерции захватившим Веспрем, пришлось подворачивать вправо. Армия Захватаева сменила левофланговые части 46-й армии в связи с изменением разграничительной линии между фронтами, армия Гагена была введена в сражение между 9-й гвардейской и 27-й армиями.

К 25 марта войска 46-й армии и правого крыла 3-го Украинского фронта прорвали оборону противника между Дунаем и озером Балатон, преодолели горы Вертеш и Баконь и, продвинувшись на глубину до 80 километров, создали условия для развития наступления на Вену. Воспользовавшись успешными действиями к югу от Дуная, 25 марта начали наступления на Братиславу и Брно войска 2-го Украинского фронта.

С 26 марта советские войска перешли к преследованию

врага, отходившего с арьергардными боями к промежуточному рубежу обороны на реке Раба. Они широко применяли обходы узлов сопротивления, а для захвата переправ через водные преграды выбрасывали в тыл противника передовые отряды. Быстрому преследованию содействовала авиация, наносившая непрерывные удары по отходящим войскам. Темп наступления вырос до 25—35 километров в сутки. Дивизии генерала Глаголева 26 марта взяли город Папа, дивизии генерала Петрушевского 28 марта овладели городами Комаров и Дьёр и полностью очистили правый берег Дуная до устья реки Раба. Противник пытался удержаться на западном берегу Рабы, но войска 3-го Украинского фронта, с ходу форсировав реку 27—28 марта, сломили его сопротивление и продолжали продвижение.

Элитные дивизии СС, не слушая приказов из Берлина, к несказанному огорчению любимого фюрера, разрозненно отступали, местами постыдно драпали, теряя последние остатки боевого духа. Неудивительно: эсэсманов теперь «лепили» из пацанов «Гитлерюгенда», матросов береговой обороны, солдат аэродромного обслуживания, не имевших никакой полевой подготовки, — ради иллюзии высокой степени укомплектованности. В наказание Гитлер приказал у личного состава наиболее проштрафившихся 1, 2, 3, 9-й танковых дивизий сорвать нарукавные нашивки с названиями своих частей.

«Наши соединения войск СС показали себя здесь очень неважно, — писал Геббельс. — Даже «Лейбштандарт», потому что старые кадры его офицерского и рядового состава перебиты. Нынешний «Лейбштандарт» сохранил лишь свое почетное название. И, несмотря на это, фюрер решил проучить войска СС. Гиммлер по его поручению вылетел в Венгрию, чтобы отобрать у этих частей нарукавные нашивки. Для Зеппа Дитриха это будет, конечно, самым страшным позором, какой только можно себе представить. Генералы из сухопутных войск страшно этому рады: такой удар для их конкурентов! Войска СС в Венгрии не только не сумели осуществить собственное наступление, но и отступили, а частично даже разбежались. Плохое качество человеческого материала про-

явило себя здесь самым неприятным образом. Зеппа Дитриха можно только пожалеть, но можно посочувствовать и Гиммлеру, который, будучи шефом войск СС, не имеющим никаких военных наград, должен совершить эту трудную акцию в отношении Зеппа Дитриха, носящего бриллианты».

Впрочем, нашивки и так были сняты в целях маскировки. Дитрих, оскорбленный в лучших чувствах, хорошенько напился, а проспавшись, решил не доводить приказ до подчиненных.

29 марта пали Кёсег и Сомбатхей. 30 марта советские подвижные соединения прорвали укрепления врага на венгеро-австрийской границе и вступили в пределы Австрии. 1 апреля гвардейцы обходным маневром овладели городами Шопрон и Винср-Нейштадт и повернули фронт наступления на север. С выходом советских войск в район Венской низменности, на непосредственные подступы к столице Австрии, закончился второй этап операции.

Южнее 27-я армия Трофименко с 18-м танковым и 5-м гвардейским кавалерийским корпусами, наступая вдоль озера Балатон, создала угрозу тылам 2-й немецкой танковой армии. Генерал де Ангелис сыграл отход. Воспользовавшись этим, 29 марта перешли в наступление 57-я и 1-я болгарская армии. 2 апреля соединения этих армий и 5-й гвардейский кавалерийский корпус овладели городом Надьканижа с последними нефтяными месторождениями и нефтеперерабатывающими заводами, работавшими на Третий рейх. Это означало агонию германского сопротивления.

Чтобы сдержать натиск войск левого крыла 3-го Украинского фронта, противник начал перебрасывать сюда с югославского участка фронта части и соединения группы армий «Е». Руководство германскими войсками на юго-востоке было реорганизовано. С 25 марта командование группой армий «Ф» было передано командующему группой «Е» генералу Александру Лёру, а штаб группы «Ф» убыл в распоряжение группы армий «Висла».

1 апреля Ставка уточнила задачу наступавшим на Вену войскам. 46-я армия 2-го Украинского фронта с подчиненными ей 2-м гвардейским механизированным и 23-м танко-

вым корпусами должна была наступать на Брук, Вену и совместно с войсками 3-го Украинского фронта овладеть столицей Австрии. 3-й Украинский фронт силами 4-й, 9-й гвардейских и 6-й гвардейской танковой армий — овладеть Веной и не позднее 12—15 апреля выйти на рубеж Тульн — Санкт-Пёльтен — Лилиенфельд; 26, 27, 57-я и 1-я болгарская армии должны были не позднее 10—12 апреля очистить от немецких войск города Глогниц, Брук, Грац, Марибор и прочно закрепиться на рубеже рек Мюрц, Мюр и Дратва.

По мере приближения советских войск к Вене противник усиливал сопротивление. Отступая, он разрушал дороги, устраивал многочисленные заграждения, предпринимал контратаки на промежуточных оборонительных рубежах. Но советские войска настойчиво продвигались на северо-запад. 2 апреля 46-я армия вышла к венгеро-австрийской границе, а затем преодолела ее между Дунаем и озером Нёйзидлер-Зе. Войска Толбухина, овладев 1—4 апреля городами Шопрон, Винер-Нёйштадт, вышли на подступы к Вене. Севернее Вараждина они действовали на территории Югославии совместно с югославскими войсками.

К северу от Дуная войска 2-го Украинского фронта и входившие в его состав румынские армии успешно осуществляли Братиславо-Брновскую операцию. 30 марта они захватили Комарно, 4 апреля ими был освобожден город Братислава.

Маршал Толбухин решил овладеть Веной одновременными ударами с трех направлений: с юго-востока — силами 4-й гвардейской армии и 1-го гвардейского механизированного корпуса, с юга и юго-запада — силами 6-й гвардейской танковой армии с приданным ей 18-м танковым корпусом и частью сил 9-й гвардейской армии. Остальные дивизии армии Глаголева должны были обойти город, совершив марш через отроги Восточных Альп, и отрезать пути отхода врагу на запад. 46-ю армию с танковым и механизированным корпусами Ставка 6 апреля приказала перевести на левый берег Дуная для наступления в обход Вены с севера. С воздуха эта группировка войск поддерживалась авиацией 17-й и частью сил 5-й воздушных армий.

В начале апреля Вену обороняли восемь танковых и одна

пехотная дивизии. Военным комендантом был назначен генерал фон Бюнау.

Выполняя указания Ставки, 46-я армия переправилась на левый берег Дуная и стала развивать наступление на Вену. Большую помощь в организации переправы ей оказала Дунайская военная флотилия. Затем огнем с бронекатеров флотилия поддерживала наступавшие вдоль берега войска.

5 апреля начались бои на подступах к Вене, сразу же принявшие ожесточенный характер. Противник сильным огнем, контратаками пехоты и танков старался не допустить прорыва советских войск к городу. Наступавшие с юга войска генерала Захватаева успеха не добились. Зато армия Глаголева, наступавшая юго-западнее города, продвинулась на 16—18 километров. Командующий фронтом приказал немедленно перегруппировать всю 6-ю гвардейскую танковую армию для обхода Вены с запада и северо-запада.

Желая воспрепятствовать вывозу из столицы промышленного оборудования, минированию и разрушению мостов и других важных объектов, Военный совет фронта, по указанию Сталина, призвал жителей города не покидать столицу и оказывать сопротивление нацистам: «Час освобождения столицы Австрии — Вены от немецкого господства настал, но отступающие немецкие войска хотят превратить Вену в поле боя, как это они сделали в Будапеште. Это грозит Вене и ее жителям такими же разрушениями и ужасами, которые были причинены немцами Будапешту и его населению... Граждане Вены! Помогайте Красной Армии в освобождении столицы Австрии — Вены от немецко-фашистского ига».

Утром 6 апреля с востока и юга войска 4-й гвардейской и часть сил 9-й гвардейской армий начали штурм Вены. Одновременно соединения 6-й гвардейской танковой армии и 38-й гвардейский стрелковый корпус обошли город с запада и 7 апреля вышли к Дунаю. На следующий день они достигли центра города, где соединились с войсками армии Захватаева.

В связи с поражением группы армий «Юг» генерал Вёлер лишился своей должности. Его заменил Лотар Рендулич, за-

веривший фюрера, что удержит Вену и не даст неприятелю проникнуть в Альпы и долины Северного Дуная.

Однако к этому времени остатки танковой армии СС, избегая окружения, отступили от Вены на запад. Непосредственно в городе остались курсанты венской военной школы, до 15 отдельных батальонов пехоты и отрядов фольксштурма. Начались уличные бои, которые велись непрерывно: днем сражались главные силы, а ночью — специально назначаемые для этой цели части и подразделения.

В разгар сражения 9 апреля Советское правительство выступило с заявлением, в котором говорилось о том, что СССР не преследует цели завоевания какой-либо части территории Австрии или изменения ее социального строя, а выступает за независимость страны и восстановление демократических порядков.

К 10 апреля вражеский гарнизон был зажат с трех сторон. Обыватели в знак капитуляции вывешивали в окнах белые простыни и наволочки. В этой обстановке немецкое командование предпринимало все меры, чтобы удержать единственный сохранившийся в его руках мост через Дунай и вывести на свои части на северный берег реки. Сюда должна была выйти 46-я армия, но она, столкнувшись с упорным сопротивлением, опаздывала.

В ночь на 11 апреля 4-я гвардейская армия начала форсирование Дунайского канала.

К середине дня 13 апреля советские войска полностью овладели Веной. Десантники, далекие от тонкостей большой политики, водрузили красный флаг над зданием австрийского парламента. Остатки гарнизона бежали на левый берег Дуная по Имперскому мосту, который немцы так и не успели взорвать. На плечах противника на левый берег Дуная переправились части 4-й гвардейской армии и 1-го гвардейского механизированного корпуса.

История захвата Имперского моста героична и чудна.

Возьмем описание боевого пути Дунайской военной флотилии или мемуары капитана 1 ранга А.В. Свердлова и узнаем, что мост спасли «полосатые дьяволы»:

«Предпринятые две попытки захватить мост не увенчались успехом. Тогда командир 2-й бригады речных кораблей капитан второго ранга А. Аржавкин предложил командованию Дунайской флотилии захватить мост, высадив у него десант одновременно на правый и левый берега. Десантникам ставилась задача захватить мост и удерживать его до подхода частей, штурмовавших город.

В связи со сложной навигационно-гидрографической обстановкой (фарватер перекрывали взорванный железнодорожный мост и затопленные суда) Аржавкин предложил высадку десанта провести днем. Для высадки десанта выделялись два, а для прикрытия — три бронекатера под командованием старшего лейтенанта С. Клоповского. В десант шла рота 80-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием старшего лейтенанта Э. Пилюсяна. Высадку десанта назначили на полдень 11 апреля. Для артподдержки десанта выделялось восемь минометных катеров под командованием старшего лейтенанта Г. Бобкова, а также артиллерия армии и берегового отряда сопровождения Дунайской флотилии.

Утром 11 апреля передовой отряд (пять бронекатеров из состава 2-й бригады речных кораблей, командир — капитан 2 ранга А.Ф. Аржавкин) пошел на прорыв и с боем вышел к месту высадки. Остальные катера двигались за отрядом прорыва и уничтожали выявленные огневые точки врага. Появление днем в центре города советских катеров оказалось для немцев полной неожиданностью. Головной бронекатер поставил дымовую завесу, после чего по одному катеру высадили свои группы непосредственно у моста на обоих берегах Дуная, а остальные вели огонь в упор по огневым точкам врага. Решительной атакой автоматчики уничтожают гитлеровцев на мосту и подходах к нему, занимают окопы, в которых только что сидел противник. Саперы с ножницами лезут под настил и режут провода, тянувшиеся к взрывным зарядам.

Противник немедленно подтянул к месту боя значительные силы пехоты с танками, самоходными орудиями и минометами. Бронекатера под шквальным огнем начали отход, при этом все они получили значительные повреждения, на

борту возникли пожары, в экипажах были убитые и раненые. Тем не менее все катера вернулись на базу.

В районе же моста разгорелся непрерывный бой, отличавшийся небывалой жесточенностью. Атаки превосходящих сил немецких войск следовали одна за другой по обоим берегам реки, перекрестный обстрел не прекращался ни на минуту. С напряжением всех сил рота держалась трое суток. Только непрерывная массированная поддержка артиллерии позволяла отбивать атаки врага. В ночь на 13 апреля по занятым противником кварталам к мосту прорвался воздушно-десантный батальон из состава 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, но после этого прорыва атаки немцев достигли небывалой силы. Десант находился под угрозой гибели.

Утром 13 апреля сводный штурмовой отряд (командир — старший лейтенант И. Кочкин) из состава морской пехоты Дунайской флотилии прорвал оборону противника в районе Венского моста, в прорыв был введен стрелковый полк 80-й гвардейской стрелковой дивизии. С большими потерями этот отряд сумел прорваться к мосту и соединиться с десантом. Пока основное внимание противника было сосредоточено на борьбе с прорвавшимся отрядом, в брешь введены главные силы дивизии, усиленные самоходными орудиями из 2-й гвардейской механизированной бригады. После жестокого боя они также вышли к мосту, разрезав восточную группировку врага. 16 советских САУ на большой скорости перешли по мосту и заняли круговую оборону на западном берегу, а саперы механизированной бригады сняли взрывчатку с моста (свыше 100 зарядов).

Личный состав десанта и катеров прорыва был награжден орденами и медалями в полном составе».

Командир 20-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант Н.И. Бирюков утверждает, что мост был спасен именно десантниками, но не морскими, а «пехотными» из 7-й гвардейской дивизии:

«В ночь на 11 апреля наш десант — первый стрелковый батальон 217-го полка, усиленный саперами, химиками и разведчиками, был переброшен на бронекатерах через Дунай.

Высадившись на левый берег, десантники одновременно, с двух сторон, ринулись к мосту, однако, встреченные сильнейшим огнем, залегли метрах в четырехстах от цели и вынуждены были отбивать контратаки противника.

Не удалось овладеть мостом и подразделениям 232-го полка. Сделать это мы сумели только под утро 13 апреля, когда 21-й полк во главе с храбрым своим командиром подполковником М.И. Рябченко стремительным броском прорвался на левый берег, соединившись там с батальоном 217-го полка. Хорошую поддержку огнем оказали бронекатера Дунайской флотилии, а также те отважные гвардейцы, которые пробирались от фермы к ферме, используя подвешенные доски, настилы, оказавшиеся под проезжей частью моста».

Начальник штаба 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии полковник Н. Гладков моряков и вовсе не заметил:

«В 23 часа 40 минут 12 апреля на командный пункт 7-й дивизии прибыл командир 20-го гвардейского Будапештского стрелкового корпуса генерал Н. Бирюков, который поставил ее командиру задачу: в ночь на 13 апреля захватить Имперский мост, после чего создать плацдарм на левом берегу Дуная, соединившись с наступающими войсками 46-й армии 2-го Украинского фронта в районе города Флоридсдорф.

Оценив обстановку, командир дивизии полковник Д. Дрычкин решил овладеть Имперским мостом внезапной ночной атакой без артиллерийской подготовки силами 21-го гвардейского Будапештского воздушно-десантного полка, которым командовал решительный и смелый командир подполковник М. Рябченко, Получив приказ, полк прошел боевые порядки 80-й дивизии и выдвинулся на непосредственные подступы к мосту.

Пока шла подготовка к штурму, разведка полка скрытно и незаметно подошла к берегу Дуная в районе моста и приступила к изучению противника и местности. Вместе с войсковой пешей разведкой полка одновременно выслана инженерная разведка, которая состояла из саперов-минеров Отдельного гвардейского саперного батальона дивизии и саперного взвода 21-го полка. Им вменялось установить способ минирования моста и перерезать провода.

Разведчикам и саперам пришлось действовать в сложной обстановке, так как прилегающая к мосту местность систематически освещалась ракетами. Тем не менее, изучив местность в районе моста, разведчики и саперы проползли под мост, где обнаружили электропровода, идущие к авиабомбам и снарядам, которые были прикреплены к металлическим фермам. Пробираясь по переплетам моста на головокружительной высоте, отважные саперы бесшумно резали бесчисленные провода, таившие в себе смертельную опасность.

Одновременно пешая разведка полка, продолжая осмотр местности, обнаружила рядом с мостом трубу большого диаметра, которая шла до противоположного конца моста.

Внимательно выслушав доклад разведчиков, командир полка подполковник М. Рябченко решил немедленно переправить по трубе 1-й батальон, которым командовал гвардии капитан Д. Борисов. Батальону была поставлена задача: переправившись на противоположный берег Дуная, внезапным ударом атаковать противника с тыла, захватить северную часть моста и закрепиться, не дав противнику возможности прорваться к мосту с Губертовской дамбы.

Как только роты батальона заняли исходное положение, в небо взмыли две красные и одна зеленая ракеты. Гвардейцы-десантники, открыв сильный автоматнo-пулеметный огонь, стремительным броском ворвались на оборонительную позицию северо-восточной части моста.

В результате внезапной и стремительной атаки гвардейцы с ходу захватили оконечность Имперского моста.

Одновременно по сигналу в атаку устремились и главные силы 21-го гвардейского воздушно-десантного полка. Отряд противника, неся большие потери, начал отход по мосту. Один из наших саперов увидел, как фашистский солдат поджег бикфордов шнур. До ящиков с взрывчаткой оставалось каких-нибудь пять-шесть метров. Отважный гвардеец, рискуя жизнью, бросился к горящему шнуру и успел его разорвать. Взрыв моста был предотвращен. Воины 21-го полка, сломив сопротивление противника, к 7 часам 13 апреля соединились с ротами 1-го батальона на противоположном берегу.

Подразделения 21-го полка оказались в очень тяжелом положении. Однако отважные гвардейцы-десантники вместе с находившимися на противоположном берегу командиром полка подполковником М. Рябченко и заместителем командира полка по политчасти майором А. Добровым продолжали удерживать мост, отвечая врагу метким пулеметным и минометным огнем. В середине дня действующие на Дунае бронекатера Дунайской военной флотилии подошли к Имперскому мосту и открыли сильный орудийный и пулеметный огонь по обороняющимся войскам противника на Губертовской дамбе. Это значительно облегчило положение подразделений полка. Но бой на небольшом плацдарме по ту сторону моста продолжался. Противник стремился прорваться к мосту. Все его попытки успешно отражались организованным и сильным огнем батальонов полка. Тем временем командование 7-й дивизии предприняло все, чтобы как можно быстрее переправить главные силы дивизии. В 16 часов 13 апреля под прикрытием умело поставленной дымовой завесы на противоположный берег Дуная по мосту на большой скорости устремились 16 самоходно-артиллерийских установок 8-го гвардейского отдельного самоходно-артиллерийского дивизиона под командованием гвардии майора В. Васильева. За самоходчиками двигались батальоны 29-го и 18-го гвардейских воздушно-десантных полков, которые с ходу заняли исходное положение для атаки в 600 метрах от Губертовской дамбы. Теперь угроза взрыва моста была предотвращена...

За проявленное мужество, отвагу и высокое воинское мастерство командир 1-го батальона гвардии капитан Д. Борисов и командир 21-го гвардейского воздушно-десантного полка гвардии подполковник М. Рябченко были награждены орденами Суворова III степени, командир 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии гвардии полковник Д. Дрычкин — орденом Кутузова II степени».

Однако начальник Политуправления фронта генерал-лейтенант И.С. Аношин уверен, что на Имперский мост первыми ворвались смекалистые бойцы 4-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии 31-го гвардейского корпуса.

Они подобралась к объекту через систему городской канализации:

«Первым 12 апреля подземный марш-штурм совершил 2-й гвардейский стрелковый батальон. Роты шли в колонне по одному. Впереди — разведотделение, затем головная походная застава. Замыкала колонну тыльная походная застава.

Когда на улице наступила ночь, батальон вышел на поверхность. Действовали стремительно. Перебив растерявшихся от неожиданности гитлеровцев, первым делом заняли церковь у въезда на мост и стали блокировать подходы к нему. Тем временем 4-я стрелковая рота захватила угловой дом на Рейхсбрюккенштрассе, а бойцы роты гвардии старшего лейтенанта Г. Мясоедова перерезали провода, идущие к мосту.

Вслед за батальоном подошли саперы. Не теряя ни минуты, группа во главе с сержантом Д. Филипповым стала пробиваться на мост. До рассвета 13 апреля она обследовала мост. Под первыми двумя быками со стороны левого берега Филиппов обнаружил большое количество взрывчатки с уже подведенными проводами. Провода сержант перерезал. Мост был спасен. Однако бой за него не окончился.

Прикрывая саперов Филиппова, 5-я стрелковая рота 8-го гвардейского полка завязала перестрелку с гитлеровцами на мосту. С противоположного его конца и берега Дуная строчили по мосту пулеметы, стреляло несколько батарей артиллерии и минометов противника. В такой обстановке продвигаться по мосту невозможно. Нужно срочно подавить батареи врага.

И опять первыми на помощь мотострелкам подоспели артиллеристы 3-го дивизиона 23-го гвардейского артполка. Прямой наводкой они ударили по пулеметам и подходящим танкам гитлеровцев на левом берегу реки.

Во время корректировки огня командир 3-го артдивизиона гвардии майор А. Коваль получил ранение. Ему перевязали рану и хотели отправить в безопасное место, но отважный офицер отказался.

— Пока мост не будет наш, не уйду! — заявил герой-артиллерист.

Получив донесение о разминировании Имперского моста, командир дивизии приказал гвардии подполковнику Панченко немедленно захватить плацдарм на противоположном берегу.

Потом мы узнали, что первыми вступили на мост и устремились к противоположному берегу воины взвода гвардии младшего лейтенанта В. Осетрова. За взводом Осетрова на противоположный берег перешли взвод гвардии лейтенанта А. Мамедова и другие подразделения. Осетров, Мамедов и Воронин получили ранения, но из боя не вышли. К обеду 13-го на противоположный берег перебрался 2-й стрелковый батальон, а 3-й поддерживал наступающих огнем с правого берега. В общем, 8-й гвардейский стрелковый полк обеспечил не только захват Имперского моста, но и его целостность и удерживал его до подхода частей 20-го гвардейского стрелкового корпуса.

Командование по достоинству оценило подвиги гвардейцев в боях за мост. Кроме гвардии майора А. М. Коваля, звание Героя Советского Союза было присвоено командиру 8-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковнику И. Н. Панченко; гвардии младший лейтенант В. Осетров был награжден орденом Красного Знамени. Сержант Дмитрий Филиппов был награжден орденом Ленина, его товарищи — орденами Отечественной войны и Красной Звезды. Фронтная газета «Советский воин» поместила фотографию со следующим текстом: «Четверка отважных саперов под командованием гвардии сержанта Дмитрия Филиппова ночью скрытно пробралась в расположение врага, захватила мост (!) через Дунай, разминировала его и удержала в своих руках до прихода нашей пехоты. На снимке: героини-саперы (слева направо) гвардии ефрейтор И. Поливода, гвардии сержант Д. Филиппов, гвардии младший сержант А. Королев и гвардии красноармеец И. Свиридов».

Но и это не все. Оказывается, в ту же ночь на 13 апреля шестеро добровольцев из 2-й гвардейской механизированной бригады корпуса генерала Руссиянова, подобравшись вплавь, проникли на мост, вырезали часовых и произвели разминирование:

«Специальных инструментов не было: крепления резали острыми ножами, а потом под грохот разрывов снарядов и мин сбрасывали ящики с пироксилином и толом в черневшую далеко внизу воду Дуная. За несколько часов гвардейцы обезвредили около 20 ящиков взрывчатки.

Четырем разведчикам: гвардии старшему сержанту Андрею Митрофановичу Кульневу, гвардии старшине Федору Ивановичу Минину, гвардии рядовым Григорию Мартыновичу Москальчуку и Николаю Денисовичу Борису и двум саперам — гвардии старшему сержанту Максиму Ануфриевичу Ластовскому и гвардии ефрейтору Андрею Матвеевичу Золкину за этот подвиг было присвоено звание Героя Советского Союза». В наградных документах на Ластовского и Золкина сказано, что первый обезвредил 76 зарядов, второй — 56».

Вырисовывается следующая диспозиция.

В окопах у оконечностей Имперского моста закрепилась и трое суток бьется насмерть рота автоматчиков 80-й гвардейской стрелковой дивизии, высаженная катерами Дунайской флотилии. Ротой командует старший лейтенант Э.А. Пилосян, его саперы ножницами перерезали провода, возможно — не все.

В ночь на 13 апреля 1-й батальон 21-го полка «по трубе большого диаметра» переправляется на противоположный берег Дуная, а саперы полка, «пробираясь по пролетам моста на головокружительной высоте», бесшумно режут бесчисленные электрические провода, «идущие к авиабомбам и снарядам». Где-то рядом с ними, сняв вражеских часовых, шарит под проезжей частью и сбрасывает в воду «ящики с пироксилином и толом» группа старшего лейтенанта Кульнева, а группа сержанта Филиппова в это время обезвреживает взрывчатку под первыми двумя быками, обнаруживает «тайники» в пролетах и тоже режет запальные шнуры. Из канализации выходит на поверхность стрелковый батальон 8-го гвардейского полка и блокирует подходы к мосту. Непосредственно на подступах к «объекту 5б», пройдя через боевые порядки 80-й гвардейской дивизии, сосредоточивается 21-й Будапештский полк.

Перед рассветом полк подполковника Рябченко внезапной атакой сметает немецкий отряд прикрытия, оборонявший южную оконечность моста — 70—80 солдат пехоты с пулеметами, 75-мм полевыми пушками и штурмовыми орудиями, и в 7 часов соединяется с батальоном капитана Борисова на противоположном берегу. Одновременно к мосту прорываются ударный отряд морской пехоты и полк 80-й стрелковой, которые соединяются с изнемогающим десантом. Изпод моста с гранатами в руках выскакивают разведчики Кульнев и Минин и сжигают два вражеских танка, Москальчук и Борисов, укрываясь за ограждением, крошат немцев из автоматов. Мимо них под прикрытием огня артиллерийского дивизиона Коваля «по широкому полотну» рвется захватывать плацдарм 8-й стрелковый полк Панченко. К обеду он одним батальоном закрепляется на левом берегу и, не замечая, что в одних с ним окопах сидят десантники Пилюсяна, гвардейцы Рябченко и еще куча всякого народу, держится «до подхода частей 20-го гвардейского стрелкового корпуса». Наконец, в 16 часов под прикрытием дымовой завесы через мост на полной скорости проскакивают 16 самоходов майора Васильева.

Чуть не забыл! Есть же еще летопись славных дел Инженерных войск:

«13 апреля, на заключительном этапе борьбы за Вену, штурмовые группы из состава 11-й штурмовой инженерно-саперной бригады полковника А. Г. Загребина во взаимодействии с десантом, высаженным Дунайской речной флотилией, захватили и разминировали мост через Дунай. Саперы 54-го отдельного штурмового инженерно-саперного батальона, стремительно ворвавшись на мост, перерезали взрывную сеть, подведенную к зарядам, а подразделения 55-го отдельного штурмового инженерно-саперного батальона сняли с верхнего строения моста восемь зарядов общим весом до 600 кг!»

В общем, мост был большой, с очень широким полотном, героев на нем и под ним поместилось много, а «тола и пироксилина» обнаружилось столько, что можно было взорвать пол-Вены — около 20 тонн. Неизвестным остался лишь тот солдат, о котором, единственном из всех, сообщило Совин-

формбюро: «Один наш боец случайно обнаружил подземный ход, ведущий к Дунаю...»

К 15 апреля войска 3-го Украинского фронта вышли на рубеж Тульн, Санкт-Пельтен, Берндорф, Марибор, река Драва, где они по приказанию Ставки временно были остановлены. В этот день 39-й гвардейский стрелковый корпус армии форсировал Дунай и захватил Корнёйбург. Вскоре к этому городу подошли войска 46-й армии.

В период боев за Вену в центре и на левом крыле 3-го Украинского фронта продолжалось наступление в общем направлении на Грац. К середине апреля войска фронта достигли Восточных Альп. Дабы успеть внести свой вклад в дело «разгрома германского фашизма», в оперативное подчинение Толбухина прибыла 6-я пехотная дивизия Венгерской народной армии, которой, по свидетельству ЧВС фронта генерал-полковника А.С. Желтова, поручили «ликвидировать в Альпах банды эсэсовцев и отряды диверсантов — «копыеносцев».

В конце апреля — начале мая советские войска, действовавшие в Австрии, вышли на рубеж Линц, Гафленц, Клагенфурт, где встретились с американскими войсками.

Войска 1-й болгарской армии 8 апреля вышли в район Вараждина, где временно перешли к обороне с задачей не допустить прорыва противника на этом направлении. 12 апреля южнее Дратвы перешла в наступление 3-я югославская армия. 10 мая югославские войска совместно с болгарскими частями овладели городом Марибор. В середине мая 1-я болгарская армия вышла на рубеж горных вершин Кор-Альпе, где встретилась с английскими частями. Здесь закончился ее боевой путь. 24 мая армия была выведена из состава 3-го Украинского фронта и убыла на родину.

Разгромив группу армий «Юг», войска 2-го и 3-го Украинских фронтов освободили западную часть Венгрии, значительную часть Чехословакии, восточные районы Австрии с ее столицей Веной. Германия лишилась важного в экономическом отношении Надканижского нефтяного района и одного из последних крупных промышленных центров — Венского промышленного. Заодно была окончательно похоронена идея «Альпийской крепости». Гитлер отказался переезжать

на командный пункт в Берхтесгадене, решившись встретить свою судьбу в Берлине.

Красная Армия нанесла крупное поражение южному крылу стратегического фронта германских войск. За 30 суток войска двух фронтов прошли с боями 150—250 километров. Они разгромили 32 дивизии противника, взяв в плен более 130 тысяч солдат и офицеров, захватив и уничтожив свыше 1345 танков и самоходных установок, 2250 полевых орудий.

Войска 3-го Украинского фронта и 46-я армия 2-го Украинского фронта потеряли за время Венской операции в общей сложности 168 тысяч человек (в том числе около 39 тысяч составили безвозвратные потери), около 800 орудий и минометов, 600 танков и САУ, свыше 600 самолетов. Потери болгарской армии составили 9,8 тысячи человек.

30 апреля группа армий «Юг» была переименована в группу армий «Австрия».

Успешные действия советских войск на венском направлении, выход 3-го Украинского фронта в восточные районы Австрии ускорили освобождение Югославии. Действовавшие там войска группы армий «Е» оказались изолированными от Германии и начали общий отход.

НА БЕРЛИН! ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА

Пока Красная Армия решала важные задачи в стороне от берлинского направления, на Западном фронте случились крупные перемены. В первой декаде марта союзные экспедиционные силы заняли Рейнскую область и захватили стратегический железнодорожный мост через Рейн у Ремагена; вскоре на правом берегу закрепились пять американских дивизий. Гитлер от такого «предательства» был в шоке. 23 марта неожиданной ночной атакой американцам удалось создать плацдарм у Оппенгейма. Дальнейшие планы союзников предусматривали широкое наступление по всему фронту, в ходе которого предполагалось, прежде всего, уничтожить наиболее сильную группировку немцев, сосредоточенную в Рурском промышленном районе.

24 марта 2-я английская и 9-я американская армии форсировали Рейн в районе Везеля и повели наступление в обход Рура с севера. На следующий день 1-я и 3-я американские армии нанесли удары с плацдармов у Ремагена и Оппенгейма. 26 марта 7-я американская и 1-я французская армии преодолели Рейн у Мангейма и Карлсруэ. Немецкий фронт рухнул неожиданно быстро. 1 апреля передовые танковые группы 9-й и 1-й армий встретились в Падеборне, замкнув кольцо окружения. В гигантский «котел» попало около 370 тысяч солдат и офицеров группы армий «Б». Достигнув успеха на первом этапе операции, англо-американское командование решило перенести основные усилия с северного на центральное направление. 4 апреля три американские армии устремились по кратчайшему направлению к Эльбе.

Вот тут товарищ Сталин серьезно забеспокоился, что заклятые союзники в нарушение ялтинских договоренностей могут вторгнуться в советскую зону оккупации и первыми войти в Берлин. Честно говоря, такие мысли в головах западных политиков и военных бродили, особенно — в английских. Так, 1 апреля Черчилль писал Рузвельту:

«Я вполне искренне говорю, что Берлин сохраняет важное стратегическое значение. Ничто не доведет все силы немцев, способные к сопротивлению, до такого отчаяния, как падение Берлина...

Эта проблема имеет еще один аспект, который нам с Вами следует рассмотреть. Русские армии на юге, несомненно, займут всю Австрию и войдут в Вену. Если они в придачу возьмут еще и Берлин, не закрепится ли в их сознании представление, что якобы они внесли основной вклад в нашу общую победу, и не вызовет ли это серьезные и даже непреодолимые трудности в будущем? Я полагаю, что из политических соображений мы должны продвинуться в Германии как можно дальше на восток и, разумеется, овладеть Берлином, если он окажется в зоне нашей досягаемости. Такой курс представляется разумным и с военной точки зрения».

Однако генерал Эйзенхауэр считал более важным нанести главный удар на Лейпциг, то есть значительно южнее Берлина, с целью рассеять силы противника западнее Эльбы и встретиться с советскими войсками на рубеже Эрфурт—Лейпциг—Дрезден. По сведениям разведки, сюда переводились «главные немецкие правительственные учреждения», именно Южная Германия и Австрия должны были стать последним оплотом нацистского сопротивления — «национальной крепостью». Доказывая целесообразность своего плана, Эйзенхауэр писал председателю комитета начальников штабов США генералу Джорджу Маршаллу:

«Я пытался подчеркнуть, что мое наступление в район Лейпцига является не только правильным направлением для решающего удара, так как он ведет к полному расчленению противника, но и предоставляет мне максимальную мобильность. В любое время, когда мы сможем взять Берлин без больших потерь, мы, конечно, это сделаем. Но я полагаю, что

неразумно с военной точки зрения в данных условиях делать Берлин главной целью, особенно если учесть тот факт, что от него до русских позиций всего 35 миль. Я первый признаю, что война ведется в политических целях, и если Объединенный КНШ решит, что взятие Берлина войсками западных союзников имеет значение большее, чем чисто военные соображения на этом театре, то я с готовностью перестрою свои планы и мышление, чтобы осуществить такую операцию».

Командовавший 12-й группой армий генерал Омар Брэдли, прикинув, что прорыв к Берлину может стоить потери 100 тысяч человек, заявил: «Достаточно высокая цена, чтобы платить ее только во имя престижа, особенно если мы должны будем отойти потом назад и отдать плоды победы другому парню».

Вносить изменения «в мышление» Эйзенхауэру, пользовавшемуся огромным авторитетом в войсках и в Вашингтоне, не пришлось. Его аргументы убедили Объединенный комитет начальников штабов и были поддержаны Рузвельтом.

Еще 28 марта Эйзенхауэр пошел на беспрецедентный шаг: в нарушение принятой субординации он обратился с личным посланием к маршалу Сталину — как Верховный Главнокомандующий к Верховному Главнокомандующему. В письме генерал раскрыл все свои намерения, подтвердив отказ американцев от участия в битве за Берлин, и просил Иосифа Виссарионовича взаимнообразно поделиться планами русских. Англичане саркастически указывали: «Это примерно то же самое, как если бы, скажем, маршал Толбухин направил личное послание президенту США или премьер-министру Великобритании с просьбой сообщить о планах главнокомандующего Средиземноморского театра».

Сталин получил письмо вечером 1 апреля. К генералу Эйзенхауэру он относился с уважением, но письму не поверил. В политике в расчет принимаются не обещания, а возможности. Верховный был убежден, что желание и возможности овладеть столицей Германии раньше, чем это сделает Красная Армия, у союзников имелись, а немцы, чтобы под-

гадить ненавистным большевикам, способны открыть перед ними фронт.

Следовательно, в кратчайшие сроки нужно взять Берлин самим. Пора кончать эту войну.

Крайне негативную реакцию вызвали у Верховного сведения о состоявшихся в середине марта в Швейцарии контактах представителей штаба фельдмаршала Александра с генералом Карлом Вольфом. Речь шла о возможности капитуляции немецких войск в Италии. Хотя информацию о переговорах в Берне раздобыл не Штирлиц-Исаев, а вполне официально предоставил английский посол, Сталин трактовал событие однозначно: некие «реакционные круги Англии и США» готовятся заключить сепаратный мир с Германией за спиной Советского Союза, «несущего на себе основную тяжесть войны». Это при том, что именно Черчилль первым выдвинул лозунг об «уничтожении гитлеризма» — еще в ту пору, когда Кремль отправлял Гитлеру поздравительные телеграммы, а Молотов публично утверждал, что бороться с гитлеризмом бессмысленно.

Черчилль и Рузвельт получили резкие и оскорбительные письма с обвинениями в невыполнении своих обязательств, тайном сговоре с немцами и даже войска союзников наступали как-то уж слишком быстро:

«Вы утверждаете, что никаких переговоров не было еще. Надо полагать, что Вас не информировали полностью. Что касается моих военных коллег, то они, на основании имеющихся у них данных, не сомневаются в том, что переговоры были и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на Западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещали за это облегчить для немцев условия перемирия.

Я понимаю, что известные плюсы для англо-американских войск имеются в результате этих сепаратных переговоров в Берне или где-то в другом месте, поскольку англо-американские войска получают возможность продвигаться в глубь Германии почти без всякого сопротивления со стороны

немцев, но почему надо было скрывать это от русских и почему не предупредили об этом своих союзников русских?

И вот получается, что в данную минуту немцы на Западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки. Вместе с тем немцы продолжают войну с Россией — с союзницей Англии и Америки.

Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами».

В ответных посланиях Рузвельт выражал крайнее негодование в отношении сталинских «информаторов», писал о «гнусной трактовке» своих действий и достойной сожаления «атмосфере опасений и недоверия».

Трещина в отношениях между союзниками, возникшая почти сразу после ялтинских соглашений, продолжала расширяться.

В последних числах марта в Москву по вызову Ставки прибыли маршалы Г.К. Жуков и И.С. Конев. 1 апреля в Кремле состоялось представительное совещание, на котором был утвержден общий план наступления на Берлин. Конев вспоминает:

«Едва мы успели поздороваться, Сталин задал вопрос:
— Известно ли вам, как складывается обстановка?

Мы с Жуковым ответили, что по тем данным, которыми располагаем у себя на фронтах, обстановка нам известна. Сталин повернулся к Штеменко и сказал ему:

— Прочтите им телеграмму.

Штеменко прочел вслух телеграмму, существо которой вкратце сводилось к следующему: англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина, ставя задачу захватить его раньше Советской Армии. Основная группировка создается под командованием фельдмаршала Монгомери. Направление главного удара планируется севернее Рура, по кратчайшему пути, который отделяет от Берлина основную группировку английских войск. В телеграмме перечислялся целый ряд предварительных мероприятий, которые проводились союзным командованием: создание группировки, стягивание войск. Телеграмма заканчивалась тем, что, по

всем данным, план взятия Берлина раньше Советской Армии рассматривается в штабе союзников как вполне реальный и подготовка к его выполнению идет вовсю.

После того как Штеменко дочитал до конца телеграмму, Сталин обратился к Жукову и ко мне:

— Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?

Так вышло: первому на этот вопрос пришлось отвечать мне, и я ответил:

— Берлин будем брать мы, и возьмем его раньше союзников».

Цель предстоящей операции состояла в том, чтобы в короткие сроки разгромить основные силы групп армий «Висла» и «Центр», овладеть Берлином и, выйдя на реку Эльба, соединиться с войсками западных союзников. Это должно было лишить Германию возможности дальнейшего организованного сопротивления и вынудить ее к безоговорочной капитуляции.

Замысел советского командования сводился к тому, чтобы мощными ударами трех фронтов прорвать оборону противника по Одеру и Нейсе и, развивая наступление в глубину, окружить основную группировку немецких войск на берлинском направлении с одновременным расчленением ее на несколько частей и последующим уничтожением каждой из них.

Результаты совещания были закреплены директивами Ставки, подписанными 2—6 апреля.

Командующему войсками 1-го Белорусского фронта приказывалось подготовить и провести операцию по овладению столицей Германии и не позднее 12—15-го дня выйти на реку Эльба. Фронт должен был нанести три удара: главный — прямо на Берлин с кюстринского плацдарма и два вспомогательных — севернее и южнее Берлина. Танковые армии требовалось ввести после прорыва обороны для развития успеха в обход города с севера и северо-востока: суть маневра состояла в том, чтобы не пустить в Берлин подкрепления, но главное — «коварных» союзников. Участие танкистов в штурме не предусматривалось.

1-й Украинский фронт должен был разгромить группи-

ровку противника в районе Котбуса и южнее Берлина, изолировать главные силы группы армий «Центр» и не позднее 10—12-го дня овладеть рубежом Белиц, Виттенберг и далее по реке Эльба до Дрездена. Фронту было предписано нанести два удара: главный — в общем направлении на Шпремберг и вспомогательный — на Дрезден. После падения Берлина «иметь в виду» наступать на Лейпциг.

Однако маршал Конев тоже был одержим страстным желанием увидеть Берлин, «овладеть им силой своего оружия» и очень волновался, что его оттеснят в другую сторону. Он с самого начала предлагал «на случай неожиданностей» предусмотреть поворот части сил 1-го Украинского фронта на север и, по утверждению С.М. Штеменко, находил в этом вопросе поддержку Генерального штаба: «Работа Генштаба по планированию завершающих ударов крайне осложнилась категорическим решением Сталина об особой роли 1-го Белорусского фронта. Овладеть столь крупным городом, как Берлин, заблаговременно подготовленным к обороне, одному фронту, даже такому мощному, как 1-й Белорусский, было не под силу. Обстановка настоятельно требовала нацелить на Берлин по крайней мере еще и 1-й Украинский фронт. Причем, конечно, нужно было как-то избежать малоэффективного лобового удара главными силами».

Сталин ничего не исправил в тексте директив, но, определяя зоны ответственности фронтов, сумел внести элемент неопределенности, подстегивающий и Конева, и Жукова:

«На карте, отражавшей замысел операции, Верховный молча зачеркнул ту часть разгранлинии, которая отрезала 1-й Украинский фронт от Берлина, довел ее до населенного пункта Люббен (в 60 километрах к юго-востоку от столицы) и оборвал.

— Кто первым ворвется, тот пусть и берет Берлин, — заявил он нам потом.

Генштаб был доволен таким оборотом дела».

Ивана Степановича «соломоново решение» буквально окрылило:

«Ведя эту линию карандашом, Сталин вдруг оборвал ее на городе Люббен, находившемся примерно в шестидесяти ки-

лометрах к юго-востоку от Берлина. Оборвал и дальше не пошел. Он ничего не сказал при этом, но, я думаю, и маршал Жуков тоже увидел в этом определенный смысл. Разграничительная линия была оборвана примерно там, куда мы должны были выйти к третьему дню операции. Далее (очевидно, смотря по обстановке) молчаливо предполагалась возможность проявления инициативы со стороны командования фронтов.

Для меня, во всяком случае, остановка разграничительной линии на Люббене означала, что стремительность прорыва, быстрота и маневренность действий на правом крыле нашего фронта могут впоследствии создать обстановку, при которой окажется выгодным наш удар с юга на Берлин.

Был ли в этом обрыве разграничительной линии на Люббене негласный призыв к соревнованию фронтов? Допускаю такую возможность».

Перед войсками 2-го Белорусского фронта ставилась задача форсировать Одер, разгромить штеттинскую группировку противника и не позднее 12—15-го дня овладеть рубежом Анклам—Варен—Виттенсберге. При благоприятных условиях они должны были, действуя частью сил из-за правого крыла 1-го Белорусского фронта, свернуть оборону врага вдоль левого берега Одера.

Начало наступления войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов было назначено на 16 апреля. Через четыре дня должны были присоединиться войска 2-го Белорусского фронта. К «последнему бою» готовились 2,5 миллиона человек, 41,6 тысячи орудий и минометов, 6250 танков и самоходных орудий, 7800 боевых самолетов — 189 стрелковых, 13 артиллерийских дивизий, 21 танковый и механизированный корпус. С точки зрения Жукова, вынужденного в первые, наиболее напряженные дни наступать с открытым правым флангом, «было бы лучше подождать пять-шесть суток и начать Берлинскую операцию одновременно тремя фронтами». Да и боеприпасов, щедро израсходованных в неплановой Померанской операции, следовало накопить поболее. Однако для Сталина политические моменты всегда превалировали над военными — здесь вам не Америка, и потеря лишней сот-

ни тысяч человек — нормальная цена за возможность шестьдесят лет напоминать миру о своем «решающем вкладе».

Черчилль знал, о чем писал. Сталин знал, что делал. Флаг над Рейхстагом списал все просчеты и преступления коммунистического руководства и остается единственным светлым пятном в истории ушедшего в никуда СССР. Пожалуй, еще — Юра Гагарин.

Подписав директивы на взятие Берлина, Сталин одновременно дал ответ на послание Эйзенхауэра, в котором просто пудрил американцу мозги. Верховный одобрил предложение генерала встретиться на линии Эрфурт — Лейпциг — Дрезден, согласился, что Берлин «потерял уже свое прежнее стратегическое значение», наконец, любезно сообщил, что общее наступление Красной Армии в Германии, скорее всего, возобновится во второй половине мая, после того как закончится операция в Австрии.

Трем советским фронтам на берлинском направлении противостояли три немецкие армии из состава групп армий «Висла» и «Центр». В них имелось 33 пехотные, 4 танковые и 7 танко-гренадерских дивизий, отдельные боевые группы и гарнизоны «крепостей» — примерно 500 тысяч человек, 10,4 тысячи орудий и минометов, 1200 танков и САУ.

Поддержку с воздуха обеспечивал 6-й воздушный флот генерала Риттера фон Грейма — 1524 самолета. Помимо этого, для прикрытия Берлина могли быть привлечены 426 самолетов ПВО Германии. Правда, топлива имелось лишь на два дня интенсивной боевой работы. Да и качество подготовки немецких пилотов заметно снизилось.

На берлинском направлении была подготовлена эшелонированная оборона, строительство которой началось в январе 1945 года. Основу ее составляли Одерско-Нейсенский оборонительный рубеж и Берлинский оборонительный район. Одерско-Нейсенский рубеж состоял из трех полос, между которыми на наиболее важных направлениях имелись промежуточные и отсечные позиции. Общая глубина этого рубежа достигала 20—40 километров. Передний край главной полосы обороны проходил по левому берегу рек Одер и Нейсе,

за исключением районов Франкфурта, Губена, Форста и Мускау, где противник продолжал удерживать предмостные укрепления на правом берегу. Населенные пункты были превращены в узлы сопротивления. Используя шлюзы на Одере и многочисленные каналы, немцы подготовили ряд районов к затоплению. В 10—20 километрах от переднего края была создана вторая полоса обороны. Наиболее оборудованной в инженерном отношении она была на Зееловских высотах — перед кюстринским плацдармом. Третья полоса находилась на удалении 20—40 километров от переднего края.

Особое внимание обращалось на организацию противотанковой обороны, которая строилась на сочетании огня артиллерии, штурмовых орудий и танков с инженерными заграждениями, плотным минированием танкодоступных направлений и использованием естественных препятствий. Для борьбы с танками намечалось широко использовать зенитную артиллерию Берлинского оборонительного района.

Внешний оборонительный обвод Берлинского района проходил по рекам, каналам и озерам в 25—40 километрах от центра. Основу его составляли крупные населенные пункты, превращенные в узлы сопротивления. Внутренний оборонительный обвод проходил по окраинам пригородов. Все опорные пункты и позиции были связаны между собой в огневом отношении. На улицах были возведены многочисленные противотанковые препятствия и проволочные заграждения. Общая глубина обороны на этом обводе составляла 6 километров. Третий — городской — обвод проходил по окружной железной дороге.

Основные оперативные резервы располагались северо-восточнее Берлина и в районе Котбуса. Их удаление от линии фронта не превышало 30 километров.

Немецкие генералы, в отличие от фюрера, видевшего только номера дивизий и считавшего главным фактором победы моральный дух, состояние обороны и боеспособность войск на берлинском направлении оценивали как неудовлетворительное:

«Позиции немцев в инженерном отношении были оборудованы плохо, на отдельных участках тактическая плотность

войск была совершенно недостаточной. Прибегая к всевозможным временным мерам, немцам кое-как удалось привести свои войска в порядок. Однако вооружены они были плохо. Основной силой, на которую еще можно было рассчитывать, являлись малочисленные остатки старых, закаленных в боях дивизий. Остальные формирования были созданы с большим трудом из числа брошенных сюда рот выздоравливающих, запасных частей, отрядов фольксштурма, сводных подразделений различных военных ведомств, штабов и тыловых учреждений, а также из бывших моряков, летчиков и лиц, проходивших службу в отрядах военизированной трудовой повинности. Командный состав и рядовые в основной массе не имели боевого опыта, в частях не хватало техники. Вооружение было исключительно разнотипным; так, наряду с самым современным стрелковым оружием в частях можно было встретить трофейное оружие почти всех европейских армий, а также давно устаревшее, розданное из складов оружие немецкого происхождения. Полностью были укомплектованы техникой и людьми лишь несколько танковых соединений...

Несмотря на наличие довольно точных данных о противнике, Гитлера и теперь невозможно было убедить в том, что главная опасность угрожает все-таки Берлину. Напротив, он ожидал, что противник нанесет главный удар южнее Судет в направлении Праги, и поэтому передал часть переформированных танковых дивизий в распоряжение группы армий «Центр».

12 апреля, в самый разгар решающих событий, скончался президент Рузвельт. Он был выдающимся деятелем, пользовавшимся огромным авторитетом в стане союзников. Большое значение имели тесные личные контакты, установившиеся между лидерами «Большой тройки». Кто такой Гарри Трумэн, никогда не занимавшийся дипломатическими или военными вопросами, каковы его политические взгляды и личные качества, не знал никто. И это тревожило участников антигитлеровской коалиции. Зато в Берлине был настоящий праздник. В неожиданной смерти «величайшего преступни-

ка всех времен и народов» Гитлер узрел знак небес, свидетельствующий о том, что Германия будет спасена, как смерть царицы Елизаветы в 1761 году спасла от краха Фридриха Великого.

Фюрер не мог поверить, что в послевоенной Европе для Германии «не было написано» никакой самостоятельной роли.

12—13 апреля передовые части 9-й американской армии переправились через Эльбу севернее Магдебурга и южнее Виттенберге. Отсюда расстояние до Берлина составляло менее 100 километров. Южнее 1-я американская армия 14 апреля подошла к Дессау, расположенному на реке Мульде недалеко от ее впадения в Эльбу, а частью сил успешно продвигалась на Лейпциг. На севере англичане достигли Эльбы в районе Гамбурга. В этих условиях Эйзенхауэр решил приостановить наступление на восток, подтянуть тылы и сосредоточиться на флангах:

1) нанести удар в направлении Любек, Киль, очистить от противника Голландию и побережье Северного моря, освободить Данию и обеспечить возможность переброски крупных сил в Норвегию;

2) пробиться в долину Дуная навстречу русским и ликвидировать «национальную крепость» до того, как противник сумеет сосредоточить там свои силы и завершить создание оборонительных рубежей.

Эйзенхауэр думал в первую очередь о том, чтобы овладеть районами, «где противник может в последний раз организовать эффективную оборону» и затянуть войну. Только после решения этой основной задачи можно думать о взятии Берлина.

Итак, резюмировал генерал в своем послании Объединенному комитету начальников штабов: «Суть моего плана заключается в следующем: остановиться на Эльбе и расчистить фланги». Как и следовало ожидать, англичане были не совсем довольны, что Берлину отводится второстепенное место, но, изучив данные о соотношении и распределении сил, вынуждены были согласиться с планом Эйзенхауэра.

Маршал Г.К. Жуков решил главный удар нанести силами

четырёх общевойсковых — 47-я, 3-я и 5-я ударные, 8-я гвардейская — и двух танковых армий — 1-я и 2-я гвардейские. Общевойсковые армии должны были в первый же день прорвать две полосы Одерского оборонительного рубежа на трех участках общей протяженностью 24 километра. В дальнейшем намечалось развить наступление на Берлин. На шестой день операции планировалось полностью овладеть столицей Третьего рейха и выйти на восточный берег озера Хафель; здесь главная роль отводилась 5-й ударной и 8-й гвардейской армиям. Наступавшая на правом фланге 47-я армия должна была обойти Берлин с севера и на 11-й день выйти к Эльбе. Для наращивания усилий ударной группировки намечалось использовать второй эшелон фронта — переброшенную из Восточной Пруссии 3-ю армию А.В. Горбатова. В резерве оставался 7-й гвардейский кавалерийский корпус.

Танковые армии предполагалось ввести в сражение на глубине 6—9 километров после того, как общевойсковые армии овладеют опорными пунктами на Зееловских высотах. Основной задачей 2-й гвардейской танковой армии был обход Берлина с севера и северо-востока и захват его северо-западной части. 1-я гвардейская танковая армия, усиленная 11-м танковым корпусом, получила задачу нанести удар на Берлин с востока и овладеть его восточными, а затем и южными пригородами. По свидетельству Жукова, он, крепко подумав, во избежание «всяких случайностей» и в нарушение директивы Ставки, приказал поставить танковую армию Катукова в исходное положение за 8-й гвардейской армией и подправил ее «траекторию». Сталин согласился: «Вам на месте виднее».

Вспомогательные удары планировались: справа — силами 61-й армии и 1-й армии Войска Польского в общем направлении на Эберсвальде, Зандау; слева — войсками 69-й и 33-й армий совместно со 2-м гвардейским кавалерийским корпусом на Фюрстенвальде.

Действовавшая в полосе 1-го Белорусского фронта Днепровская военная флотилия под командованием контр-адмирала В.В. Григорьева получила задачу двумя бригадами речных кораблей оказать содействие войскам 5-й ударной и 8-й гвардейской армий в переправе через Одер и прорыве враже-

ской обороны на кюстринском плацдарме. Третья бригада должна была содействовать войскам 33-й армии в районе Фюрстенберга и обеспечивать противоминную оборону минных путей.

Кроме армии Горбатова, фронт по жуковским заявкам дополнительно получил 3-й Ленинградский артиллерийский корпус прорыва, 2 гвардейские минометные дивизии и 3 полка реактивной артиллерии, 3 зенитные артдивизии, 3 истребительно-противотанковые бригады, 2 амфибийных батальона, 6-й бомбардировочный (на великопепных Ту-2) и 1-й гвардейский истребительный авиакорпуса, 188-ю бомбардировочную (на «пешках») и 240-ю истребительную авиадивизию, около 900 единиц бронетехники и 570 самолетов «россыпь», 30 тысяч человек маршевого пополнения.

Всего под рукой Жукова имелось 77 стрелковых дивизий, 2 кавалерийских, 2 механизированных и 5 танковых корпусов, 6 танковых и 2 самоходно-артиллерийские бригады, 2 укрепрайона — около 1 миллиона человек, 1642 танка и 1417 САУ, 21 тысяча орудий и минометов, в том числе 1500 установок и рам реактивной артиллерии, 4200 боевых самолетов.

Для обеспечения максимальной силы первоначального удара оперативные построения большинства общевойсковых армий были одноэшелонными, в то время как боевые порядки корпусов и дивизий строились в два, а иногда и в три эшелона. Стрелковые дивизии, действовавшие на направлении главного удара (36 дивизий), получили полосы шириною 1—2 километра. Плотность танков непосредственной поддержки пехоты достигала 20—44 единицы на километр участка прорыва, плотность артиллерии — около 270—290 орудий и минометов. На плацдарме было сосредоточено свыше 14 тысяч орудий и реактивных установок, которым «предстояло обрушить на врага 358 т металла на каждый километр фронта» (артиллерия танковых армий, Дунайской флотилии и все, что «мельче» калибра 76 мм, не считается). Советское командование пребывало в уверенности, что при такой концентрации стволов оборона противника будет надежно подавлена на глубину 10—12 километров в течение 30 минут. Поддержка атаки пехоты и танков на глубину до 2 километров должна

была осуществляться двойным, а на глубину до 4 километров одинарным огневым валом.

16-й воздушной армии (28 авиадивизий и 7 отдельных полков — 3188 самолетов, в том числе 1567 истребителей, 762 бомбардировщика, 731 штурмовик) предстояло надежно прикрыть переправы и места сосредоточения войск, ночью в период артподготовки самолетами По-2 нанести удары по штабам, узлам связи и артиллерийским позициям противника. Содействие в прорыве обороны оказывала авиация 18-й воздушной армии маршала А.Е. Голованова, в составе которой было 800 дальних бомбовозов. С началом наступления штурмовики и бомбардировщики должны были сосредоточить основные усилия по опорным пунктам и узлам сопротивления немцев, вести разведку до реки Эльбы и на флангах ударных группировок. Для поддержки солирующих 5-й ударной и 8-й гвардейской армий на каждую выделялось по бомбардировочному и штурмовому авиакорпусу. Только одна «неувязка» портила настроение генералу В.И. Чуйкову: «Мы имели сильную авиацию, но она привлекалась для ударов по тем же позициям, на которые нацеливалась артиллерия. Без данных разведки летчики не могли знать о тщательно замаскированных вражеских рубежах обороны в лесных массивах». К тому же «наши немощные средства войсковой разведки не давали возможности выяснить тактическую глубину противника, построения его боевых порядков, его резервов». Даже запечатленное аэрофотосъемкой начертание немецкого переднего края представлялось сомнительным — фокус с заблаговременным оставлением первой оборонительной линии был хорошо известен. И еще: красные командиры по-прежнему неважно ориентировались на местности. Ясно было только, что Зееловские высоты представляют собой крепкий орешек и, как гениально предсказал Вождь, «драка предстоит серьезная».

Действия Войска Польского обеспечивала собственная авиация — 320 машин. Польские ВВС были вооружены советскими самолетами, на которых летали в основном советские летчики. Командовал ими генерал-лейтенант Ф.П. Польшин, его заместителем по боевой подготовке был генерал-

майор К.Д. Дмитриев, командиром 1-го польского авиакорпуса — генерал-майор Ф.А. Агальцов, 1-й польской бомбардировочной авиадивизии — полковник М.И. Мартынов, 2-й штурмовой авиадивизии — полковник Ш.А. Дзамашвили, 4-й смешанной авиадивизии — полковник Г.П. Турыкин... Общественности ради, в мемуарах Полынин специально отмечает, что в частях «служило немало летчиков-поляков». Правда, и поляки при ближайшем рассмотрении нередко оказывались гражданами СССР, как, например, «поляк по национальности» полковник И. Смага — бывший начальник боевой подготовки ВВС Северо-Кавказского военного округа. Оперативно польские соединения подчинялись Жукову.

С 5 по 7 апреля были проведены командно-штабные учения, игра на картах и макете Берлина, в которых участвовали командование фронта и армий, командующие и штабы всех родов войск, командиры отдельных корпусов. «Во время игры, — пишет Г.К. Жуков, — в процессе проигрыша прорыва тактической обороны противника на Одере серьезному обсуждению подвергся вопрос о применении танковых армий. Учитывая наличие сильной тактической обороны на Зееловских высотах, было решено ввести в сражение танковые армии только после захвата этих высот». По результатам игр прошли учения в соединениях и частях.

Большое внимание маршал уделял вопросам соблюдения военной тайны, мер скрытности и маскировки. Командирам полков задачи было приказано поставить за три дня до наступления в устной форме; красноармейцам разъясняли, «что нашей задачей является упорная оборона на длительное время»; чтобы отвлечь внимание от кюстринского плацдарма, организовывалось ложное сосредоточение в других районах.

Бывший командир 150-й стрелковой дивизии генерал В.М. Шатилов упоминает о строжайших правилах проведения рекогносцировки: «Принять в ней участие требовалось и командиру корпуса, и командирам дивизий, которым предстояло наступать с плацдарма, а в дивизиях — командирам стрелковых и приданных полков, командующим артиллерией. В связи с этим было приказано всем генералам и старшим офицерам отправляться на рекогносцировку небольшими

группами и в сержантском обмундировании. Об этом маскраде ничего не знали даже командиры частей, оборонявшихся на плацдарме. Просто их предупредили, что у вас, мол, в эти дни будут работать сержанты-разведчики из штаба, которых не следует ни о чем расспрашивать и которым надо во всем оказывать содействие. Что ж, мысль о переодевании была неплохой, ибо появление на передовой большого числа генералов и полковников не ускользнуло бы от внимания противника и свидетельствовало бы о том, что готовится что-то серьезное, причем в ближайшие дни. С утра 12 апреля «старшина» Переверткин (*командир 79-го стрелкового корпуса*), «старший сержант» Асафов (*командир 207-й стрелковой дивизии*), я, «младший сержант» Шатилов (шинель была мне очень велика и топорщилась во все стороны), и другие «сержанты» переправились по мосту через Одер и группами по два-три человека разошлись по ходам сообщения». Точно так же, под видом солдат-связистов с телефонными катушками и шестами, обследовали переправы и районы сосредоточения представители от танковых армий.

С целью «обеспечения тайны дислокации войск» из 25-километровой прифронтовой полосы было отселено свыше 100 тысяч немцев. Заодно «пришлось провести огромную работу по изъятию не одного десятка тысяч немцев-мужчин, формированию из них рабочих колонн и отправки их в Советский Союз».

Но разве такое «шило» утаишь: «Многочисленное пополнение вливалось в войска. Десятки тысяч тонн горючего подвозились к Одери, закапывались в землю, маскировались в лесных массивах; сотни тысяч снарядов, мин, бомб размещались около огневых позиций». Только на первый день операции было запланировано израсходовать 1,5 фронтового боекомплекта — 1 147 659 снарядов и мин, 49 940 реактивных снарядов, что в целом составляло 2382 вагона. В период подготовки было построено 25 мостов через Одер и подготовлено 40 паромных переправ, накоплено 5 заправок автомобильного бензина, около 12 — авиационного, свыше 4 — дизельного топлива, около 100 тысяч тонн боеприпасов — 2,5 боекомплекта.

К тому же пришла настоящая весна.

«Вода затопила низины и луга, — вспоминает Чуйков, — пашни, картофельные плантации превратились в топкую грязь. Магистральных дорог, идущих от Одера к Зееловским высотам, было мало. В полосе наступления 8-й гвардейской армии таких дорог оказалось всего четыре. Только по ним и могли передвигаться автомашины и боевая техника. Сверни в сторону — и сразу окажешься в болоте. Если не завязнешь, значит, тебе повезло — выбирайся обратно на дорогу. Над долиной, изрезанной ручьями и каналами, господствовали Зееловские высоты. С них противник просматривал весь плацдарм. Нам очень трудно было скрытно производить передвижения. А хотелось незаметно подвести войска, особенно артиллерию и танки, к исходным позициям. Но как это сделать, когда противник отчетливо видит наши позиции не только на плацдарме, но и на восточном берегу? Даже ночная темнота не выручала нас: враг прощупывал местность лучами прожекторов. Гасли прожекторы — вспыхивали осветительные бомбы, сброшенные с разведывательных самолетов, и вся долина опять была как на ладони, перед глазами гитлеровцев. Маскировка войск усложнялась тем, что деревья еще не распустились, а закапываться в землю не давали вешние и грунтовые воды».

В составе 6-го воздушного флота находились 244 самолета-разведчика, и немцы умели ими пользоваться, а также вести техническую, агентурную и прочую разведку в силу своей способности к длительным систематическим усилиям. Штабу группы армий «Висла» в общих чертах был известен план генерального советского наступления, а дата его начала — приблизительно 15—16 апреля — была установлена уже 7 апреля — раньше, чем ее узнали наши командиры дивизий и полков. Генерал Бернгард, начальник войск охраны тыла 9-й армии, на допросе показал: «Я могу категорически заявить, что наше командование располагало совершенно точными данными о предстоящем большом наступлении русских войск в направлении Берлина. В частности, 5 или 6 апреля у командующего 9-й армией генерала пехоты Буссе состоялось

совещание, на котором присутствовали командиры корпусов, я, начальник штаба и начальники служб 9-й армии.

Начальник разведотдела 9-й армии подполковник (фамилию забыл) сделал доклад о положении и о противостоящем 9-й армии противнике. Начальник разведотдела армии указал, что нам противостоят войска генерала Жукова, что сюда, после завершения операции в Восточной Померании, прибыли две танковые армии и что русские обладают превосходством в танках и в артиллерии в десятикратном размере, а в пехоте в пятикратном».

В целях достижения внезапности атаку решили начать за 1,5—2 часа до рассвета. Для освещения впереди лежащей местности и ослепления врага Жуков придумал в полосах наступления 3-й и 5-й ударных, 8-й гвардейской и 69-й армий использовать прожекторные установки, расставленные с интервалом 150—200 метров. Теоретически они должны были создать световое поле глубиной в 5 километров. В полигонных условиях все вроде бы получалось гладко. Вспоминает Чуйков: «На специальном учении, организованном маршалом Жуковым за неделю до наступления, мы, командующие армиями и корпусами, на себе проверили действие прожекторов как в наступлении, когда они светили с тыла, так и в обороне, когда свет бил в лицо. Получалось неплохо...» Эффектное ночное зрелище всем понравилось, новинку одобрили. Из частей ПВО были изъяты 143 зенитных прожектора и установлены на оборудованных позициях в 200—300 метрах от переднего края. Причем прожекторы, «размещенные под самым носом у противника, обслуживали наши героические девушки».

Перед 1-м Белорусским фронтом в полосе до 175 километров занимали оборону 23 дивизии, в том числе 5 моторизованных и одна танковая. Севернее Берлина, на 25-километровом участке Шведт — устье реки Альте-Одер, окопались две пехотные дивизии 46-го танкового корпуса 3-й танковой армии. В тылу корпуса, в районе Миттельнвальде, был сосредоточен оперативный резерв — 11-я и 23-я танко-гренадерские дивизии СС. Против левого крыла фронта

оборонялись три пехотные дивизии 5-го армейского корпуса 4-й танковой армии.

Путь к столице Германии, заняв 120-километровый рубеж от Альте-Одера до Ратцдорфа, преграждала 9-я армия — 101-й армейский, 56-й танковый, 11-й армейский СС, 5-й горнострелковый корпуса и гарнизон «крепости Франкфурт». В первой линии размещались 11 дивизий, доукомплектованных личным составом за счет персонала Люфтваффе, полиции и частей фольксштурма, во второй линии — три. Армия была усилена тремя народно-артиллерийскими корпусами, двумя зенитно-артиллерийскими дивизиями, 111-й учебной самоходной бригадой, противотанковой боевой группой «1001 ночь», 502-м тяжелым танковым батальоном СС, железнодорожным артиллерийским дивизионом. Резерв Теодора Буссе состоял из 18-й танко-гренадерской и 156-й учебной дивизий. Всего в армии имелось около 200 тысяч человек, 2625 орудий, 550 танков и самоходных установок. Наиболее плотная группировка была создана противником против кюстринского плацдарма, где оперативная плотность его сил на этом участке составляла 4—5 километров на одну дивизию и 50 орудий и минометов, а также 12 танков и самоходок на километр фронта.

За два дня до начала операции, с целью уточнить истинный передний край обороны противника, по приказу командующего фронтом была проведена «силовая разведка». 14 апреля после 10-минутного огневого налета на направлении главного удара начали действовать штрафные роты и усиленные стрелковые батальоны от дивизий первого эшелона. Затем на ряде участков были введены в бой стрелковые и отдельные танковые полки. В ходе двухдневных боев им удалось захватить отдельные участки первой и второй траншей, а на некоторых направлениях продвинуться до 5 километров. В ряде мест войска преодолели зону наиболее плотных минных заграждений. Результаты разведки боем показали, что основную массу пехоты и артиллерии немцы держат на втором рубеже. Так, командование 5-й ударной армии пришло к выводу: «Проводить полную артподготовку по первому рубе-

жу и прилегающей к нему тактической глубине не имело смысла».

Политработники внушали личному составу «лютую ненависть к врагу, безграничную преданность «Матери-Родине» и «разворачивали пропаганду ленинских идей» в связи с предстоящим 75-летием вечно живого, хотя и слегка заплесневевшего за время пребывания в Куйбышеве, Ильича. Штудировали с бойцами последнюю статью Эренбурга:

«Бывают агонии, преисполненные величия. Германия погибает жалко — ни пафоса, ни достоинства...

Некому капитулировать. Германии нет: есть колоссальная шайка, которая разбегается, когда речь заходит об ответственности...

Зарубежный читатель спросит: почему же немцы с таким упорством пытались отстоять Кюстрин? Почему они яростно дерутся на улицах Вены, окруженные неприязнью венцев? Почему немцы отчаянно защищали Кёнигсберг, отделенный сотнями километров от фронта на Одере? Для того чтобы ответить на эти вопросы, нужно вспомнить страшные раны России, о которых многие не хотят знать и которые многие хотят забыть... Кто такое забудет, не человек, а дрянной мотылек...

Горе нашей Родины, горе всех сирот — наше горе — ты с нами в эти дни побед, ты раздуваешь огонь непримиримости, ты будишь совесть спящих, ты кидаешь тень, тень изуродованной березы, тень виселицы, тень плачущей матери на весну мира. Я стараюсь сдержать себя, я стараюсь говорить как можно тише, как можно строже, но у меня нет слов. Нет у меня слов, чтобы еще раз напомнить миру о том, что сделали немцы с моей землей».

Однако 14 апреля привычная долбежка основ политграмоты получила новый толчок в связи с выходом в газетах «Правда» и «Красная звезда» статьи «Товарищ Эренбург упрощает», опубликованной за подписью начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова с подачи Вождя всех народов.

Что же такого «наупрощал» Илья Григорьевич, неизменно, вместе с другими коллегами по цеху, четыре года писав-

ший об одном и том же: о преступной сущности нацизма, о березках, о ненависти, о мести, но никогда не призывавший к поголовному истреблению немцев — так, слегка уменьшить население? Соавторы статьи сначала приписали Эренбургу «ошибочную точку зрения, что все население Германии должно разделить судьбу гитлеровской клики», а затем разъяснили правильную точку зрения: «Красная Армия, выполняя свою великую освободительную миссию, ведет бои за ликвидацию гитлеровской армии, гитлеровского государства, гитлеровского правительства, но никогда не ставила и не ставит своей целью истребить немецкий народ». Другая ошибка заключалась в том, что Эренбург объяснял ожесточенное сопротивление фашистов на Востоке боязнью расплаты за злодеяния, совершенные на советской земле, тем самым косвенно подтверждая лживые сообщения «правящей фашистской клики» о русских зверствах. На самом деле переброска немецких дивизий с запада на восток — провокация Гитлера, попытка посеять недоверие между союзниками.

Не в первый раз из Москвы звучали заявления, вроде «гитлеры приходят и уходят», но на немцев они ожидаемого влияния не оказывали. Ничего, по сути, не меняла и статья Александрова. Все оставалось по-прежнему, как разбор предложения в старом анекдоте: немцы — это «подлежащее», Красная Армия — «надлежащее», Германия — «место имения», а Эренбург, внесший, между прочим, существенный вклад в победу на идеологическом фронте, — «просто предлог». Лишь союзники насторожились: не пытаются ли русские перетащить немцев на свою сторону? Да изрядно перепугался сделавший «ошибочные заключения», не разобравшийся в «провокационной политике гитлеровцев» журналист:

«Я понимал, почему появилась статья Александрова: нужно было попытаться сломить сопротивление немцев, обещав рядовым исполнителям гитлеровских приказов безнаказанность, нужно было также напомнить союзникам, что мы доложим сплоченностью коалиции. Я соглашался и с тем и с другим — хотел, как все, чтобы последний акт трагедии не принес лишних жертв и чтобы близкий конец войны стал

подлинным миром. Меня огорчало другое: почему мне приписали не мои мысли, почему нужно было осудить меня для того, чтобы успокоить немцев? Теперь, когда горечь тех дней давно забыта, я вижу, что в расчете была своя логика. Геббельс меня изображал как исчадие ада, и статья Александрова могла оказаться правильным ходом в шахматной партии. Моя наивность была в том, что я считал человека не деревянной пешкой».

Понятливый Эренбург обратился с письменным вопросом к Сталину: не прекратить ли ему вообще журналистскую деятельность, если этого требует политическая линия? Ответа не получил. Илью Григорьевича перестанут печатать в феврале 1949-го в рамках борьбы с космополитами.

Военные советы и политотделы анализировали готовность войск к подвигу:

«Плюсы:

высокий дух войск;

желание быстрее покончить с врагом, закончить войну;

огромный боевой опыт, мастерство.

Минусы:

незнание особенностей самого Берлина и отсюда сложность борьбы в нем;

наличие шапкозакидательских настроений, могущих повлечь к напрасным потерям и к задержке темпов;

наличие таких факторов, как пьянство, барахольство, извращенное толкование мести. Это особое значение имело для Берлина, где много соблазнов, где могут вволю разыграться чувства победителя, но где концентрированно собрано 3 млн человек, организовать которых врагу легче, чем на больших пространствах;

появление случаев уклонения от боя, желание сохранить жизнь».

В ночь на 16 апреля на плацдарм втиснулись танковые армии. В 2 часа, когда все тайное стало явным, а в траншеи вынесли боевые знамена, Военный совет фронта дал указание военным советам 5-й ударной, 8-й гвардейской, 69-й, 1-й и 2-й гвардейских танковых армий об изготовлении и обеспечении соединений первого эшелона красными боевыми стя-

гами размером 1,5 на 3 метра для водружения над правительственными зданиями в Берлине. Примечательно, что 3-я ударная армия в «указании» не фигурирует.

Прекрасно сознавая значение возложенной на него исторической миссии и величину личной ответственности, Георгий Константинович приложил все усилия, чтобы одним сокрушительным ударом разгромить, стереть в пыль противостоящую ему 9-ю армию генерала Буссе.

Берлин Жуков собирался захватить на пятый день сражения.

Маршал И.С. Конев главный удар решил нанести силами 3-й гвардейской, 13-й и 5-й гвардейской общевойсковых, 3-й и 4-й гвардейских танковых армий из района Трибеля на Штремберг. Они должны были прорвать оборону противника на 27-километровом участке Форст, Мускау, разгромить его войска в районе Котбуса и южнее Берлина. На главном направлении предусматривалось использовать также второй эшелон фронта — 28-ю и 31-ю армии, которые должны были прибыть из Восточной Пруссии к 20—22 апреля. В директиве войскам от 8 апреля командующий заложил и возможность «проявления инициативы», отдельно указав: «Иметь в виду частью сил правого крыла фронта содействовать войскам Первого Белорусского фронта в овладении городом Берлин».

Вспомогательный удар намечалось нанести силами 2-й армии Войска Польского совместно с 1-м польским танковым корпусом и правого фланга 52-й армии во взаимодействии с 7-м гвардейским механизированным корпусом в общем направлении на Дрезден с задачей обеспечить действия ударной группировки с юга. Резерв фронта составлял 1-й гвардейский кавалерийский корпус, который предназначался для использования в полосе 52-й армии.

Таким образом, без учета 18 дивизий, которые находились в пути, Конев выделил для участия в Берлинской операции 37 стрелковых дивизий, 1 кавалерийский, 4 механизированных, 6 танковых корпусов, 2 танковые и 3 самоходно-артиллерийские бригады — 630 тысяч человек, 11 тысяч орудий и минометов, 2000 танков и САУ, 2158 самолетов. Остальные

27 дивизий и 77-й укрепрайон держали оборону от Пенцига до Крнова и вели бои за Бреслау. 60-я армия Курочкина с 31-м танковым корпусом передавались в состав 4-го Украинского фронта.

Танковые армии первоначально планировалось ввести в чистый прорыв на второй день, после выхода стрелковых соединений на левый берег Шпрее. Они должны были развить стремительное наступление в северо-западном направлении, на шестой день операции овладеть районами Ратенова, Бранденбурга, Дессау и создать условия для окружения берлинской группировки противника. Однако позднее Конев передумал, точнее, остался верен своим принципам и «для ускорения взлома всей глубины тактической обороны противника» приказал танкистам «форсировать р. Нейсе с боевыми порядками пехоты, а в дальнейшем обогнать пехоту передовыми бригадами и к исходу первого дня операции захватить плацдарм на р. Шпрее, а главными силами подойти к р. Шпрее». Кроме того, генерал Рыбалко получил приказ быть готовым «усиленным танковым корпусом со стрелковой дивизией 3-й гвардейской армии атаковать Берлин с юга», а генералу Гордову было прямо прописано, что после взятия Котбуса его армия «главными силами атакует Берлин с юга и одним СК с юго-запада».

Не собирався Иван Степанович упускать свой шанс, осуществляя полуподпольные приготовления к броску на север, разумеется, в интересах общего дела: «Обрыв разграничительной линии у Люббена как бы намекал, наталкивал на инициативный характер действий вблизи Берлина. Да и как могло быть иначе. Наступая, по существу, вдоль южной окраины Берлина, заведомо оставляя его у себя нетронутым справа на фланге, да еще в обстановке, когда неизвестно наперед, как все сложится в дальнейшем, казалось странным и непонятым. Решение же быть готовым к такому удару представлялось ясным, понятным и само собой разумеющимся». Конев явно решил, невзирая на директивы Ставки, ворваться в «логово зверя» первым.

Каждая из армий ударной группировки получила по артиллерийской дивизии прорыва и истребительно-противо-

танковой бригаде. Плотность артиллерии составила 270 орудий и минометов на километр. Так как наступление начиналось с форсирования водной преграды, общая продолжительность артиллерийской подготовки планировалась 145 минут.

2-я воздушная армия (21 авиадивизия и 4 отдельных полка) должна была прикрывать с воздуха сосредоточение войск ударных группировок; массированными ударами содействовать войскам в форсировании Нейсе и прорыве обороны противника на всю тактическую глубину; помочь танковым армиям в быстрейшем преодолении реки Шпрее. Далее, авиация не должна была допустить подхода резервов противника к полю боя со стороны Берлина и Дрездена, а в последующие дни — сопровождать танковые армии на всей глубине их продвижения.

Поскольку до конца марта танковые армии активничали на левом крыле фронта, у Конева имелась реальная возможность, совершив скрытную перегруппировку на новое направление, добиться оперативной внезапности. Рокировка была успешно осуществлена в период с 8 по 14 апреля. Лесистые районы способствовали скрытности передвижения и маскировке войск. В районах прежнего сосредоточения были оставлены макеты боевой техники и ложные радиостанции. Кроме того, дабы ввести врага в заблуждение и ослепить его наблюдательные пункты, авиаторам было поручено в день прорыва поставить дымовую завесу почти по всей линии фронта.

По реке Нейсе занимали оборону войска 4-й танковой армии генерала Фрица Грезера из состава группы армий «Центр». На северном фланге стояли три пехотные дивизии 5-го армейского корпуса генерала Курта Вэгера. Южнее находились позиции танкового корпуса «Великая Германия»; в него входили три пехотные и танко-гренадерская дивизия «Бранденбург». Позади них, на рубеже Шпрее, сосредоточилась резервная 21-я танковая дивизия. Оборона состояла из двух сплошных траншей полного профиля — первая непосредственно по берегу Нейсе, вторая в километре западнее. В глубине был подготовлен ряд приспособленных к круговой обороне опорных пунктов. Междуречье Нейсе и Бобера

фронтом на север перегораживали четыре пехотные дивизии 57-го танкового корпуса. Командующий группой «Центр» Фердинанд Шёрнер, ставший 5 апреля фельдмаршалом, мыслил по-военному и ожидал главного удара советских войск на Дрезден с целью выйти к Эльбе, встретиться с американцами и расколоть Германию надвое. Для парирования этой угрозы он собирал южнее Гёрлица сильные подвижные соединения — 10-ю танковую дивизию СС «Фрундсберг», 1-ю парашютно-танковую дивизию «Герман Геринг», дивизию «Сопровождение фюрера». Севернее Дрездена размещалась корпусная группа «Мозер». О том, что советское наступление состоится совершенно на другом участке и начнется оно 10 апреля, немцы узнали от перебежчиков. В названный срок ничего не случилось, однако Шёрнер перебросил в полосу 4-й танковой армии дивизию «Сопровождение фюрера».

Таким образом, на реке Нейсе реально противостоять советскому натиску могли 11 немецких дивизий, имевших на вооружении 1200 орудий и минометов, 380 танков и САУ. Взять что-либо со своего правого крыла Шёрнер возможности не имел: 15 апреля армии 4-го Украинского фронта возобновили наступление на Моравска-Оставу.

В полосе 1-го Украинского фронта в ночь на 16 апреля усиленные стрелковые роты провели разведку боем. Ими было захвачено пять небольших плацдармов на западном берегу Нейсе, с которых они вскоре были благополучно выбиты немецкими контратаками. В результате было установлено, «что противник упорно обороняет занимаемые им рубежи и не собирается их покинуть».

Маршал К.К. Рокоссовский главный удар спланировал на 45-километровом участке Альтдамм — Шведт силами 65, 70 и 49-й армий в общем направлении на Нёстрелиц. После прорыва вражеской обороны каждой армии придавался танковый или механизированный корпус. В течение первых пяти дней соединения ударной группировки должны были форсировать оба русла Одера и полностью прорвать одерский оборонительный рубеж. С вводом в сражение подвижных соединений войскам фронта предстояло развивать наступление в

северо-западном и западном направлениях и отсечь от Берлина основные силы 3-й танковой армии Хассо фон Мантойфеля. Во фронтовом резерве оставался 3-й гвардейский кавалерийский корпус. Войска 19-й и главные силы 2-й ударной армий получили задачу прочно удерживать занимаемые рубежи. Частью сил Федюнинского намечалось содействовать дивизиям Батова в овладении городом Штеттин, а в последующем развивать наступление на Форбайн.

Но сначала армии Рокоссовского, сражавшиеся фронтом на восток, должны были развернуться на 180 градусов, пройти форсированным маршем 300—350 километров и сменить на рубеже Одера войска 1-го Белорусского фронта.

Перегруппировка была проведена в период с 4 по 17 апреля. В целях дезинформации противника имитировалось сосредоточение трех танковых корпусов и двух общевойсковых армий с большим количеством переправочных средств на правом крыле фронта.

Без учета 19-й и 5-й гвардейской танковой армий, воевавших с армией «Восточная Пруссия», в составе фронта имелось 33 стрелковые дивизии, 1 кавалерийский, 1 механизированный и 3 танковых корпуса, 1 танковая и 1 самоходно-артиллерийская бригада — 442 тысячи человек, 1360 самолетов.

Основные силы артиллерии были сосредоточены на участках прорыва, где плотности достигали свыше 230 орудий и минометов на километр. Артиллерия действовала по планам командармов, что объяснялось различными условиями форсирования. Продолжительность артподготовки устанавливалась 45—60 минут.

Важнейшей задачей 4-й воздушной армии (15 авиадивизий и 4 отдельных полка) являлось обеспечение форсирования реки Одер. Кроме этого, на нее возлагалось сопровождение наступления пехоты в период боев в глубине вражеской обороны, так как переправа артиллерии могла занять значительное время.

На пути советских войск пролегла серьезная естественная преграда: «То, что нам удалось увидеть, не радовало, — вспоминает Рокоссовский рекогносцировку, состоявшуюся 10 апреля. — Наши позиции и позиции противника разделя-

ла река, которая на этом участке образовала два широких русла — Ост-Одер и Вест-Одер. Между ними пойма, которая в это время года была затоплена. Так что перед нами лежала сплошная полоса воды шириной пять километров. Западный, высокий берег еле просматривался. Если бы это была река, было бы легче: ее можно одолеть на лодках или паромах. Но через пойму на них не переплыть: слишком мелко. Павел Иванович сказал задумчиво:

— Наши солдаты уже определение дали, по-моему, очень точное: «Два Днепра, а посередине Припять»...

Залитая водой болотистая пойма практически была непроходима. Но в некоторых местах над ней возвышались полуразрушенные дамбы».

По западному берегу Вест-Одера была оборудована главная полоса обороны 3-й танковой армии, состоявшая из двух позиций и достигавшая в глубину 10 километров. Вторая полоса проходила по рубежу реки Рандов, в 20 километрах от Одера, третья — по реке Иккер.

На севере, на островах Волин и Узедом, находились две пехотные дивизии, входившие в оборонительный район «Свинемюнде» под командованием генерала Фрейлиха. 90-километровый участок фронта по берегу Вест-Одера занимали три пехотные дивизии, две боевые группы, несколько отдельных полков и батальонов 32-го армейского корпуса и корпуса «Одер». В качестве средств усиления наличествовали народно-артиллерийский корпус, 210-я бригада штурмовых орудий, 503-й тяжелый танковый батальон — всего имелось 140 танков и САУ. Большая часть сил и средств находилась на штеттинском направлении. Во второй линии размещались 28-я пехотная дивизия СС «Валлония» и 27-я пехотная дивизия СС «Лангемарк».

16—18 апреля в полосах 65-й и 49-й армий отдельные подразделения на лодках и подручных средствах, под прикрытием артиллерийского огня и дымовых завес переправились через восточный рукав Одера и захватили дамбы: «Так были созданы своеобразные плацдармы среди затопленной поймы, куда постепенно переправлялись войска».

ПРОРЫВ

16 апреля, за два часа до рассвета, в 5 часов утра по московскому времени по сигналу «Родина» в 1-м Белорусском фронте началась артиллерийская подготовка. В ней приняли участие танковые и самоходные полки, а в полосе 5-й ударной армии — корабли и плавучие батареи Днепровской флотилии. Сила артиллерийского огня была огромной: «Накатился сплошной гул вулканической мощи. Шутка ли: ударили залпом и продолжали бить и бить сорок тысяч орудий! Казалось, качнулась вся приодерская равнина. Клубы пыли и дыма стеной вздыбились до самого неба». Бомбардировщики Голованова нанесли удар по второй полосе обороны.

Под заключительный залп реактивной артиллерии включились прожекторы, и при поддержке танков и САУ двинулась за огненным валом пехота 3-й и 5-й ударных, 8-й гвардейской и 69-й армий. В 6.15 перешли в наступление 1-я армия Войска Польского, 47-я и 33-я армии, которым прожекторов не досталось.

Первые полтора часа наступление развивалось успешно, противник почти не вел огня. Однако вскоре немцы, опираясь на вторую полосу обороны, оказали ожесточенное сопротивление.

Так, войска правофланговой 47-й армии (77, 125, 129-й стрелковые корпуса) при поддержке 100 танков и САУ к 11 часам прорвали первую позицию 606-й дивизии особого назначения Максимилиана Росскопфа. Немцы отреагировали выдвижением из района Врицена эсэсовской боевой группы «1001 ночь», насчитывавшей около полусотни самоходок. К месту прорыва из резерва выдвигалась 25-я танко-гренадерская дивизия генерала Арнольда Бурмейстера (84 бронеединицы). В итоге за день продвижение армии генерала Ф.И. Перхоровича составило 4—6 километров.

Натиск 3-й ударной армии (12-й гвардейский, 7-й, 79-й стрелковые корпуса), усиленной 9-м танковым корпусом генерала И.Ф. Кириченко, а также семью отдельными танковыми и самоходными полками (333 танка и САУ), был отбит гренадерами 309-й пехотной дивизии «Берлин». Максималь-

ное продвижение войск генерала В.И. Кузнецова не превышало 8 километров.

Соединениям 5-й ударной армии (26-й гвардейский, 9-й, 32-й стрелковые корпуса, 11-я и 67-я гвардейские тяжелые, 220-я танковые бригады — 353 бронеединицы, в том числе 128 танков ИС-2) противостояли полк 309-й пехотной и два полка 9-й парашютной дивизий. Особой пользы от применения прожекторов штаб генерала Н.Э. Берзарина не ощутил:

«Прожекторы были введены в действие своевременно, но ожидаемого эффекта они не дали. Причиной этому было:

а) неблагоприятная погода (дымка);

б) после артподготовки передний край противника был окутан сплошным облаком дыма и пыли, которые свет прожекторов не пробивал;

в) из 26 прожекторов не действовало 12. Пять прожекторов были выведены из строя пулеметным огнем противника в самом начале боя, один оказался неисправным, и остальные не действовали благодаря слабому контролю офицерского состава прожекторного полка.

В связи с этим вместо сплошного освещения и ослепления противника прожекторами слабо освещались отдельные полосы на расстояние не дальше как до переднего края противника».

Темп наступления резко замедлился. Кроме, собственно, противника серьезным препятствием стала густая сеть каналов, пролежавших с севера на юг и многочисленные минные поля.

Аналогично события развивались в полосе 8-й гвардейской армии (4, 28, 29-й гвардейские стрелковые корпуса, 7-я тяжелая танковая бригада, 8 танковых и самоходных полков — 175 танков и САУ), атаковавшей позиции 20-й танкогренадерской и 303-й пехотной дивизий, усиленных подразделениями танковой дивизии «Мюнхеберг» (35 танков). Генералу В.И. Чуйкову досталось полсотни прожекторов, но и здесь никого «ослепить» не получилось:

«Должен сказать, что в то время, когда мы любовались силой и эффективностью действия прожекторов на полигоне, никто из нас не мог точно предугадать, как это будет выглядеть в боевой обстановке. Мне трудно судить о положении на

других участках фронта. Но в полосе 8-й гвардейской армии я увидел, как мощные пучки света прожекторов уперлись в клубящуюся завесу гари, дыма и пыли, поднятую над позициями противника. Даже прожекторы не могли пробить эту завесу, и нам было трудно наблюдать за полем боя. Как на грех, еще и ветер дул настречу. В результате высота 81,5, на которой размещался командный пункт, вскоре была окутана непроницаемой мглой. Тогда мы вообще перестали что-либо видеть, полагаясь в управлении войсками лишь на радиотелефонную связь да на посыльных. (Это Василий Иванович писал в мемуарах, а на военно-научной конференции 1946 года, в кругу коллег, о прожекторах высказался конкретно: «Я считаю, что, если бы они были поставлены на пассивных участках, они больше принесли бы там пользы с точки зрения обмана противника... Я считаю необходимым сказать то, что было, что прожекторные роты понесли потери, сожгли много свечей, но реальной помощи войска от этого не получили»).

Первые два километра наши стрелковые части и танки наступали за огненным валом успешно, хотя и медленно. А потом, когда путь преградили ручьи и каналы, танки и самоходные орудия начали отставать от пехоты. Взаимодействие между артиллерией, пехотой и танками нарушилось. Огневой вал, точно расписанный по времени, пришлось остановить и переключить артиллерию на поддержку пехоты и танков методом последовательного сосредоточения огня. Уцелевшие орудия и минометы противника ожили на рассвете и начали обстреливать дороги, по которым густо шли наши войска и боевая техника. В некоторых полках и батальонах нарушилось управление».

В полдень «чуйковцы» уперлись в канал Хаупт, где были встречены убийственным огнем немецких батарей и закопанных в землю танков. Пришлось подтягивать артиллерию, заново налаживать взаимодействие.

К 13 часам маршал Жуков «отчетливо понял, что огневая система обороны противника здесь в основном уцелела и в том боевом построении, в котором мы начали атаку и ведем наступление, нам Зееловских высот не взять». Небывалое ко-

личество «стволов» отмолотило впустую по оставленным немцами укреплениям. Авиация, как мы помним, долбила по тем же позициям, на которые была нацелена артиллерия, причем мелкими группами: из-за неблагоприятной погоды массированные удары штурмовиков и бомбардировщиков не состоялись. Вообще, внезапно выяснилось, сообщает генерал С.И. Богданов, «что оборона у противника совершенно другая, что сама оборонительная полоса значительно глубже». Командование группы армий «Висла» с удовлетвоением отметило: «Благодаря расположению главной боевой линии и глубокому эшелонированию собственных артиллерийских позиций эффект вражеского обстрела не идет ни в какое сравнение с высоким расходом боеприпасов».

Чтобы усилить удар и гарантированно проломить путь на Берлин, решено было пустить в дело обе танковые армии.

Во второй половине дня в сражение была введена 1-я гвардейская танковая армия (11-й гвардейский и 11-й танковые, 8-й гвардейский механизированный корпус, 64-я гвардейская танковая бригада — 737 танков и САУ), получившая задачу с ходу захватить Зееловские высоты. На деле танкистам удалось только дезорганизовать перегруппировку, затеянную Чуйковым: «Когда танковые соединения начали проходить боевые порядки 8-й гвардейской армии, на дорогах стало еще теснее, а сойти с них в сторону было невозможно. Танки 1-й гвардейской буквально уперлись в наши тягачи, перетаскивавшие артиллерию, в результате чего маневр вторых эшелонов дивизий и корпусов оказался скованным. Должен сказать, что 8-я гвардейская армия располагала и своими немалыми танковыми силами... Ударная сила у нас была достаточная, настроение наступать было крепкое». По мнению Василия Ивановича, в первый день танковые армии «не только не принесли пользу, а наоборот, даже вред».

К вечеру советские войска преодолели канал Хаупт и выстроились вдоль линии железной дороги у подножия Зееловских высот: «Скаты Зееловских высот были так круты, что наши танки и самоходки не могли на них взобраться и вынуждены были искать более пологие подъемы. Эти подъемы шли вдоль дорог на Зеелов, Фридерсдорф и Долгелин. Но

здесь противник создал сильные опорные пункты обороны». 57-я гвардейская стрелковая дивизия завязала бой за станцию Зеелов. Танкисты Катукова не смогли продвинуться дальше позиций, уже занятых пехотой: «Когда мы вышли к Зееловским высотам, развернулись и устремились вперед, все наши попытки успеха не имели. Все, кто высунулся вперед, моментально горели, потому что на высотах стоял целый артиллерийский корпус противника, а оборона немцев сломлена не была».

Генерал С.И. Богданов, командовавший 2-й гвардейской танковой армией (9-й и 12-й гвардейские танковые, 1-й механизированный корпуса — 685 танков и САУ), получил приказ обогнать боевые порядки пехоты и нанести удар на Бернау. К 19 часам танкисты вышли на линию передовых частей 3-й и 5-й ударных армий, но, встретив ожесточенное сопротивление противника, остановились. К исходу дня армия Берзарина достигла рубежа реки Альте-Одер.

На направлении вспомогательных ударов удалось пройти 5—7 километров. Начальник политотдела 69-й армии доносил в политуправление фронта:

«По мнению многих раненых, артиллерийский огонь, сосредоточенный по второй и третьей траншеям, был метким, однако больших потерь противнику не нанес, ввиду того что последний заблаговременно отвел свою пехоту в глубину обороны.»

«Группы немцев, — заявляют раненые, — во 2-й и 3-й траншеях мы видели очень мало.»

Командир пульзвода 1-го батальона 1079 сп 312 сд мл. лейтенант Бутылкин заявил: «Артиллерийская подготовка проведена по пустому месту, т. к. противник накануне перенес свои огневые точки...»

О действии и эффективности прожекторов во время атаки и боя в глубине обороны противника раненые высказывались противоречиво.

Одни (большинство) заявляют, что свет прожекторов ослеплял противника, освещал впереди лежащую местность, что дало возможность передвигаться вперед и сравнительно быстро овладеть тремя траншеями противника.

Особенно хорошо отзываются о действиях прожекторов

танкисты и самоходчики, которые, используя свет, двигались со своими танками и самоходками в условиях ночного боя не вслепую.

Другая группа раненых отрицательно оценивает действия и использование прожекторов, которые не давали большой видимости вперед, ввиду наличия большого дыма и пыли после артподготовки, а также предутреннего тумана, ограничивавших видимость.

Некоторые раненые заявляли, что именно прожекторный свет дал возможность противнику сосредоточить свой огонь по местам скопления наших войск, чем объясняются такие большие потери...

Были жалобы со стороны личного состава по поводу действия нашей истребительной авиации. 16 апреля утром и днем авиация противника, особенно «мессершмитты», часто появлялись над полем боя, наносили много потерь нашим войскам и не встречали особого сопротивления со стороны нашей истребительной авиации...

Бойцы и офицеры, получившие ранения на своих минных полях, высказывают большие недовольства действием саперов, особенно перед фронтом 247 сд, которые плохо разминировали минные поля, следствием чего имели место факты подрыва на своих минах людей, танков и самоходных орудий. Анализ показывает, что большинство ранений произошло не на минных полях противника, а на наших.

Некоторые саперные подразделения работали недостаточно. Проходы делались узкие, причем полностью не разминировались. Особенно плохо с этим дело обстояло в 247 сд. Дивизионный инженер подполковник Ломов, чл. ВКП(б), и командир 416 осб дивизии майор Лебедев, чл. ВКП(б), вместо того чтобы организовать работы по разминированию, накануне перед наступлением занялись пьянством. Подполковник Ломов до такой степени был пьян, что не мог явиться к командиру дивизии по его вызову».

В штабе 33-й армии генерала В.Д. Цветаева пришли к выводу: «После проведенной по всему фронту нашими войсками в ночь на 15.4.45 г. разведки боем противник, сделав для себя правильный вывод о готовящемся нашем наступлении, в течение

15.4.45 г. и первой половины ночи с 15 на 16.4 сменил значительную часть огневых позиций артиллерии и этим самым вывел из под огня нашей артиллерии свои артиллерийские средства и таким образом сохранил за собой возможность во время нашей атаки обрушиться сильным артиллерийским огнем на боевые порядки наступающих частей нашей армии, в результате чего темп атаки был резко снижен и наша пехота понесла значительные потери от артогня противника».

В донесении из штаба группы армий «Висла» отмечалось: «Благодаря расположению главной боевой линии и глубокому эшелонированию собственных артиллерийских позиций эффект вражеского обстрела не идет ни в какое сравнение с высоким расходом боеприпасов».

Итоги первого дня наступления не внушали оптимизма. Войска 1-го Белорусского фронта лишь прикоснулись ко второй полосе обороны противника. С учетом разведки боем фронт 14—16 апреля потерял около 10 тысяч человек убитыми и ранеными, 310 танков и самоходных установок.

Вечером состоялся телефонный разговор между Верховным Главнокомандующим и командующим фронтом:

«На этот раз И. В. Сталин говорил со мной не так спокойно, как днем.

— Вы напрасно ввели в дело 1-ю гвардейскую танковую армию на участке 8-й гвардейской армии, а не там, где требовала Ставка. — Потом добавил:

— Есть ли у вас уверенность, что завтра возьмете Зееловский рубеж?

Стараясь быть спокойным, я ответил:

— Завтра, 17 апреля, к исходу дня оборона на Зееловском рубеже будет прорвана. Считаю, что чем больше противник будет бросать своих войск навстречу нашим войскам здесь, тем быстрее мы возьмем Берлин, так как войска противника легче разбить в открытом поле, чем в городе».

Двадцать лет спустя, вспоминая и размышляя над перипетиями Берлинской операции бессонными пенсионерскими ночами, Георгий Константинович раз за разом приходил к выводу:

«Ошибка не было. Однако следует признать, что нами бы-

ла допущена оплошность, которая затянула сражение при прорыве тактической зоны на один-два дня.

При подготовке операции мы несколько недооценивали сложность характера местности в районе Зееловских высот, где противник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону. Находясь в 10—12 километрах от наших исходных рубежей, глубоко врывшись в землю, особенно за обратными скатами высот, противник смог уберечь свои силы и технику от огня нашей артиллерии и бомбардировок авиации. Правда, на подготовку Берлинской операции мы имели крайне ограниченное время. Вину за недоработку вопроса, прежде всего, я должен взять на себя.

Думаю, что если не публично, но в размышлениях наедине с самим собой ответственность за недостаточную готовность к взятию Зееловских высот в армейском масштабе возьмут на себя и соответствующие командующие армиями. При планировании артиллерийского наступления следовало бы предусмотреть трудности уничтожения обороны противника в этом районе».

В очередной раз великого полководца подвели немцы, которые глубоко окопались, рельеф, который оказался слишком сложным, и недотёпы подчиненные, которые чего-то там не предусмотрели. Еще раз подтвердилось, что самый короткий путь — не значит самый быстрый, а «ввод танковых армий в зоне тактической обороны противника редко целесообразен и всегда нежелателен».

Жуковский замысел во всей его гениальной простоте раскрыл генерал армии К.Ф. Телегин:

«Идея операции была такова. Берлин — конечная стратегическая цель. Надо совершить фронтальный прорыв обороны по кратчайшему направлению, с охватом Берлина с севера и юга, окружить его и уничтожить гарнизон, если он будет сопротивляться. Срок 6—8 дней...

Мы знали, что вывод танковых войск на оперативный простор осуществить будет почти невозможно. Было решено ввести все танковые войска, чтобы задавить противника массой техники, уничтожить максимум сил и средств его, деморализовать его и тем самым облегчить задачу взятия Берлина.

Было совершенно ясно, что противник на подступах будет драться, не жалея сил. Если бы мы ждали, когда пехота прорвет оборону и создаст условия для ввода танков в прорыв, то ждать нам этого пришлось бы до выхода на Эльбу.

Да, мы считались с тем, что придется при этом понести потери в танках, но знали, что даже если потеряем и половину, то все же еще до 2 тыс. бронеединиц мы введем в Берлин, и этого будет достаточно, чтобы взять его. Берлин был конечной стратегической целью операций Красной Армии в Великой Отечественной войне, и выход на Эльбу уже преследовал цель захвата пространства, заранее обговоренного на Ялтинской конференции. Все это было целиком оправдано ходом операции. Наши потери были большие. Но и результат их налицо...

Все эти документы исходили из одной-единственной мысли, из одной-единственной цели, которую ставил перед собой командующий, проводя ее в жизнь, — не медлить, не мешкать, искать слабое место. Но если этого слабого места нет — наваливаться массой техники, давить ею. Пускай это будет стоить нам жертв и потерь, но надо как можно быстрее рваться к Берлину. Чем быстрее мы вырвемся туда, тем слабее там окажется противник, тем ближе победа. Кроме того, мы упредим возможную высадку десанта союзников, упредим их в захвате Берлина».

Маршал А.Х. Бабаджаниян вспоминает, что во время совещания в штабе фронта генерал Богданов «настойчиво доказывал Жукову, что нужно дать больше свободы его армии для более глубокого обхода Берлина с севера». Маршал тогда одернул командарма: «Вы собираетесь, товарищ Богданов, воевать за Берлин или будете все время уходить на север?»

«Помню, еще на совещании 5 апреля некоторые наши генералы настойчиво доказывали командующему фронтом, что главная полоса обороны у противника не первая, а вторая, проходящая через Зееловские высоты, что не по первой, а по второй полосе следует сосредоточить огонь артиллерии и авиации. Однако это их мнение не было учтено».

Наконец о том, что Жуков с самого начала планировал «целиком оправданно» ввести танковые армии в четырех-

миллионный город, свидетельствует маршал бронетанковых войск С.И. Богданов:

«Все указания Военного совета фронта и Маршала Советского Союза тов. Жукова 2 гв. ТА претворила в жизнь. Мы заранее расписали, еще будучи на восточном берегу р. Одер, по каким улицам Берлина мы пойдем. Были заранее сформированы штурмовые отряды, были назначены начальники их, на большом плане и ящике с песком все мероприятия несколько раз были отработаны, и командиры полков, командиры батальонов как основные исполнители, которые должны будут штурмовать Берлин, за десятки дней уже совершенно ясно себе представляли, что они будут делать».

Истинный стратег был Георгий Константинович! А как он любил и берег солдатиков! Об этом целые тома написаны.

Гитлер днем 16 апреля подписал воззвание к солдатам Восточного фронта:

«Еврейско-большевистский смертельный враг перешел в наступление всеми основными силами. Он пытается превратить в руины Германию и истребить наш народ. Вы на собственном опыте знаете, какая судьба ждет наших женщин и детей. Старики, мужчины и дети расстреливаются, а молодые женщины и девушки превращаются в казарменных проституток. Остальные отправляются в Сибирь.

Мы предвидели этот удар и с января этого года проводили все необходимые мероприятия по созданию устойчивого фронта. Наша мощная артиллерия встретит врага. Потери, понесенные пехотными соединениями, полностью восстановлены за счет новых формирований. Фронт усилен также за счет мобильных подразделений и фольксштурма. Большевиков ожидает стародавняя судьба Азии: они истекут кровью у стен столицы Третьего рейха.

Тот, кто в данный момент не выполняет свой долг, поступает как предатель нашего народа. Полки и дивизии, оставляющие свои позиции, должны сгорать от стыда перед женщинами и детьми, стойко переносящими бомбовый террор...

Уделяйте особое внимание тем немногим офицерам и солдатам, которые, спасая свои презренные жизни, воюют про-

тив нас, даже в немецкой форме одежды. Те лица, которые будут отдавать приказы на отступление и которых вы хорошо не знаете, подлежат задержанию и в случае необходимости должны расстреливаться на месте, независимо от их звания...

Берлин останется немецким. Вена снова будет немецкой, а Европа никогда не станет большевистской...

В этот час весь немецкий народ смотрит на вас, воины Восточного фронта, в надежде, что своей выдержкой, упрямством и фанатизмом, умелым владением оружием и инициативой вы устроите кровавую баню большевикам.

В данный момент, когда судьба прибрала к своим рукам величайшего военного преступника всех времен и народов, происходит перелом в войне».

Ночь на 17 апреля советские войска использовали для перемещения артиллерии и перегруппировки войск. Наступление возобновилось в 10.30. Артподготовка, проведенная в светлое время, оказалась значительно эффективнее. Зато авиация практически бездействовала.

Из второго эшелона 2-й гвардейской танковой армии выдвинулся 1-й механизированный корпус генерала С.М. Кривошеина, который совместно со стрелковыми частями пробил оборону 9-й парашютной дивизии генерала Брэуера в районе Гузова. Передовой отряд корпуса повернул на север и, пройдя по немецким тылам, захватил Платков с мостом через Альте-Одер. Генерал Богданов немедленно начал переброску в район намечившегося прорыва 12-го гвардейского танкового корпуса. Используя успех танкистов, войска 5-й ударной армии к вечеру преодолели 8—14 километров.

Армии Катукова и Чуйкова пытались пробиться по шоссе Зеелов — Мюнхеберг. Однако по обеим сторонам дороги занимали позиции четыре зенитных полка противника, насчитывавшие почти 200 орудий. Просвет обозначился лишь на правом фланге, где 11-й танковый корпус И.И. Ющука обходил Зееловские высоты с севера. К исходу дня Катукоев, оставив две танковые бригады, сказал Чуйкову: «Я пошел» и развернул свои главные силы на перспективное направление. 8-я гвардейская армия продолжала продираться через Зеелов-

ские высоты, отбивая контратаки танко-гренадерской дивизии «Курмарк» (59 танков и САУ).

47-я и 3-я ударная армии продвинулись еще на 4—8 километров и были остановлены контрударом 25-й танко-гренадерской дивизии.

На правом крыле фронта войска 61-й армии (9-й гвардейский, 80-й, 89-й стрелковые корпуса), начавшие наступление 17 апреля, к исходу дня форсировали Одер и захватили небольшой плацдарм на левом берегу, расширить который не позволила 5-я егерская дивизия Фридриха Зикста. К этому времени соединения 1-й армии Войска Польского форсировали Одер и Альте-Одер и прорвали первую позицию главной полосы обороны.

Севернее и южнее Франкфурта войска 69-й и 33-й армий продвинулись от 2 до 6 километров.

Для штопки дыры в позициях 9-й парашютной дивизии немецкое командование решило использовать резервную 18-ю танко-гренадерскую дивизию (54 танка и САУ). Кроме того, из 3-й танковой армии генералу Буссе передавались 11-я танко-гренадерская дивизия СС «Нордланд», 23-я танко-гренадерская дивизия СС «Нидерланды» и 503-й тяжелый танковый батальон СС (все вместе — 48 танков и самоходок).

Армии 1-го Белорусского фронта потеряли убитыми и ранеными еще 11 тысяч человек и 180 единиц бронетехники. Товарища Сталина не могли удовлетворить ни темпы наступления, ни темпы расходования сил и средств. Вечером 17 апреля он разрешил маршалу Коневу повернуть танковые армии на Берлин. Маршал Жуков получил директиву Ставки «О необходимости ускорения овладением Берлином», в которой говорилось: «Гитлер плетет паутину в районе Берлина, чтобы вызвать разногласия между русскими и союзниками. Эту паутину нужно разрубить путем взятия Берлина советскими войсками. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать. Рубите немцев без пощады, и скоро будете в Берлине». Под утро еще одна директива за №11071 полетела к маршалу Рокоссовскому: войскам 2-го Белорусского фронта после форсирования Одера следовало не позднее 22 апреля

главными силами развивать наступление на юго-запад, нанося удар в обход Берлина с севера.

Воображению Верховного не давала покоя кошмарная картина — американский воздушный десант в Берлине и звездно-полосатые флаги над Рейхстагом.

Жуков, в свою очередь, подгонял, требовал, устраивал разносы. На командиров всех рангов сыпались обвинения в медлительности, трусости и тупости.

«1. Хуже всех проводят наступательную Берлинскую операцию 69-я армия под командованием генерал-полковника Колпакчи, 1 ТА под командованием генерал-полковника Катукова и 2 ТА под командованием генерал-полковника Богданова.

Эти армии, имея колоссальнейшие силы и средства, второй день действуют неумело и нерешительно, топчась перед слабым противником.

Командарм Катукوف и его командиры корпусов Ющук, Дремов, Бабаджанян за полем боя и за действием своих войск не наблюдают, отсиживаясь далеко в тылах (10—12 км). Обстановки эти генералы не знают и плетутся в хвосте событий.

2. Если допустить медлительность в развитии Берлинской операции, то войска истощатся, израсходуют все материальные запасы, не взяв Берлина.

Я требую:

А) Немедля развивать стремительность наступления. 1-й и 2-й танковым армиям и 9 тк прорваться при поддержке 3, 5 и 8-й гв. армий в тыл обороны противника и стремительно продвинуться в район Берлина.

Все крупные населенные пункты и узлы дорог обходить, имея в виду, что в этих местах противник будет иметь сильную ПТО. Танковым армиям не разбрасываться по фронту и действовать кулаком.

Б) Всем командирам находиться на НП командиров корпусов, ведущих бой на главном направлении.

Нахождение в тылу войск категорически запрещая.

В) Всю артиллерию, в том числе большой мощности, подтянуть к первому эшелону и держать ее не далее 2—3 км за эшелонном, ведущим бой. Действия артиллерии концентрировать на тех участках, где решается задача на прорыв.

3. Иметь в виду, что до самого Берлина противник будет сопротивляться и цепляться за каждый дом и куст, а потому танкистам, самоходчикам и пехоте не ждать, пока артиллерия перебьет всех гитлеровцев и предоставит удовольствие двигаться по чистому пространству.

4. Бейте беспощадно врага и двигайтесь вперед днем и ночью на Берлин, тогда Берлин очень скоро будет наш».

Ближе к ночи раздосадованный маршал запретил «до особого распоряжения» выдавать танкистам водку.

Но и 18 апреля быстрого прорыва не получилось. Главная ударная группировка 1-го Белорусского фронта наткнулась на резервы противника. Брешь между 101-м армейским и 56-м танковым корпусами закрыла 18-я танко-гренадерская дивизия, между 56-м корпусом и 11-м корпусом СС встала дивизия СС «Нордланд». Последняя должна была нанести контрудар в юго-восточном направлении, но не смогла этого сделать ввиду отсутствия бензина. Дивизия СС «Нидерланды» заняла оборону по северной кромке Зееловских высот.

1-я гвардейская танковая армия вместе с пехотой Чуйкова продолжала медленно прогрызать немецкую оборону на подступах к Мюнхебергу, огибая Зееловские высоты с севера. При этом танкистов неоднократно накрывала огнем собственная артиллерия. Особенно досталось 44-й гвардейской танковой бригаде. К концу дня 8-й гвардейский механизированный корпус занял Марксдорф. 2-я гвардейская танковая армия, обходя позиции «Нордланда», вышла в полосу 3-й гвардейской армии, захватила Ригенвальде и сосредоточилась в районе Бацлов — Илов. Генерал Богданов, вместо того чтобы биться в немецкую оборону лбом, маневрировал и так «уходил на север». Дивизии генерала Кузнецова форсировали канал Фриланденштрот, заняли Кунерсдорф и, продвинувшись за день на 5—6 километров, полностью преодолели главную полосу обороны. Войска 47-й армии к полуночи выбили вражеский гарнизон из Врицена.

69-я армия (25, 61, 91-й стрелковые корпуса) генерала В.Я. Колпакчи практически не сдвинулась с места. Тем не менее немцы приняли решение об эвакуации гарнизона из восточной части Франкфурта. На правом фланге фрон-

та 61-я армия генерала П.А. Белова продолжала расширять плацдарм.

Немцам снова удалось удержать фронт. Однако командир 101-го корпуса генерал Берлин был смещен и сменен генералом Зикстом. Одновременно генерал Гельмут Вейдлинг, командовавший 56-м танковым корпусом, отрешил от должности командира 9-й парашютной дивизии.

Вечером Жуков продолжил раздачу «слонов». Командармы были одарены приказом об улучшении организации наступления: *«1. Наступление на Берлин у вас развивается недопустимо медленно. Если так будет операция и дальше проходить, то наступление может захлебнуться. 2. Основная причина плохого наступления кроется в неорганизованности, отсутствии взаимодействия войск и отсутствии требовательности к лицам, не выполняющим боевых задач...»*. Командир 9-го гвардейского танкового корпуса генерал-майор Н.Д. Веденеев схлопотал от командующего выговор «за плохие действия», командир 11-го танкового корпуса генерал-майор И.И. Юшук — предупреждение о неполном служебном соответствии.

Лишь 19 апреля в сражении обозначился перелом. С утра командующий фронтом издал директиву, в которой радикально изменялись направления наступления. 47-я, 3-я и 5-я ударные армии должны были повернуть на юго-запад и наступать непосредственно на Берлин. В этот день войска 2-й гвардейской танковой армии взяли Бацлов и Илов, а 1-й механизированный корпус вклинился на глубину 30 километров. Следом двинулись дивизии 3-й ударной армии, подавляя узлы сопротивления, обойденные подвижными частями. Стрелковые соединения Берзарина при поддержке 12-го гвардейского танкового корпуса сбили противника с рубежа восточнее Ригенвальде и, развивая наступление на Грунов, прошли 10 километров. Танкисты Катукова и пехотинцы Чуйкова овладели Мюнхебергом и Шенфельде, уже ночью 11-й гвардейский танковый корпус полковника Бабаджаняна вышел к реке Лекниц.

И тут, по рассказу Катукова, налетели бомбовозы маршала Голованова, с которыми у наземных войск не имелось ни связи, ни опознавательных знаков:

«В вопросе взаимодействия танков и авиации я должен положительно отозваться о действиях штурмового авиационного корпуса генерала Крупского. Он с нами действовал не раз. Мы с ним сработались и хорошо друг друга понимали. Работу по организации взаимодействия с этим соединением мы вели и раньше, а не только перед Берлинской операцией, и поэтому у нас не было никаких казусов. С авиасоединениями, которые работали с нами в процессе одной операции и потом автоматически переключались на другую, у нас была полная договоренность. Много помогал нам обмен радиоданными, в результате чего на поле боя танк мог «разговаривать» с самолетом. Танк командира батальона или роты мог «настраиваться» на волну штурмующих самолетов. Были случаи, когда самолеты имели явное намерение бомбить район расположения наших частей, но, своевременно перенацеленные танковыми командирами, исправляли свою ошибку. Но очень плохо нам было, когда мы с тов. Чуйковым, овладев Мюнхенбергом, устремились в леса и пошли рывком на межозерное пространство. Наступила ночь, и вот начался кошмар: идут волны наших бомбардировщиков и стружают свой груз на мой штаб, на колонны и на боевые порядки 8 гв. мк и 11 гв. тк, жгут наши танки и транспорт, убивают людей. Из-за этого мы на 4 часа прекратили наступление, которое развивалось очень успешно.

Когда я доложил об этом маршалу Жукову, последний забеспокоился, стал звонить Новикову и Голованову, а они, вместо того чтобы выяснить истинное положение вещей, начали отнекиваться: «Это не мои, я ничего не знаю» и т. д. И вот до того надоели эти ночники моим командирам корпусов, что они взяли да обстреляли их. В результате был сбит самолет «Бостон», конечно, наш. И только, когда были доставлены неопровержимые доказательства, нам поверили, что бомбили свои самолеты. А пока мы доказывали — у меня штаб горит, окна вылетают. Машина загорелась, снаряды рвутся в моем бронетранспортере...

Что-то нужно установить, потому что, товарищи, только за одну ночь у меня свои самолеты сожгли 40 автомашин, 7 танков и убили свыше 60 человек».

Левифланговый 129-й стрелковый корпус 47-й армии в этот день продвинулся на 12 километров. Третья полоса обороны противника была взломана. Немцы оставили восточную часть Франкфурта и взорвали мост через Одер.

Главные силы 1-го Белорусского фронта разделились на две ударные группировки. 47-я, 3-я ударная и 2-я гвардейская танковая армии устремились к Берлину с северо-востока. 5-я ударная, 8-я гвардейская и 1-я гвардейская танковая армии двигались к немецкой столице вдоль Рейхсштрассе № 1. Между ними продолжал держаться 56-й танковый корпус Вейдлинга.

20 апреля, используя успех танкистов, войска генерала Перхоровича продвинулись еще на 15—20 километров и совместно с 1-м механизированным корпусом завязали бои за Бернау. По мнению начальника штаба фронта генерала В.Д. Соколовского, «именно 2 гв. ТА своим быстрым броском на Бернау и на Науен создала благоприятную обстановку для наступления 3-й уд. и 47-й армий. Этим я не хочу сказать, что 3-я уд. армия, как тут кто-то выражался, маршировала где-то в тылу. Я только хочу сказать, что лавина танков 2 гв. ТА быстро двигалась вперед, смяла все перед собой, и пехота, используя успех танкистов, сумела не отставать от танков, наступая буквально бегом».

Дивизии генерала Кузнецова, пройдя с боями лес Претцелер Форст, захватили узел дорог Вернойхен. 5-я ударная армия с 12-м гвардейским танковым корпусом и 8-я гвардейская армия добивали 56-й танковый корпус Вейдлинга в районе Штраусберга, Дамсдорфа и Мюнхеберга. Южнее танковые бригады Бабаджаняна форсировали Лекниц и преодолевали межозерное дефиле.

61-я армия и 1-я армия Войска Польского медленно, но верно продвигались вперед, постепенно разворачиваясь фронтом на север, прикрывая главную ударную группировку фронта. На южном крыле, преследуя отходившего противника, аналогичную функцию исполняла 69-я армия Колпакчи.

Вечером генерал Богданов получил боевое распоряжение командующего фронтом:

«2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Лично Вам поручаю организовать исполнение.

Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля 1945 г. любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедленно донести для доклада т. Сталцу и объявления в прессе.

Такое же, слово в слово, распоряжение получил генерал Катукон.

Как выразился Соколовский, «фронту нужно было спешить, спешить и спешить», и маршал Жуков упорно вталкивал танковые армии на улицы мегаполиса. Причину спешки публично озвучил генерал Телегин в 1946 году, когда союзники по антигитлеровской коалиции снова стали «империалистическим окружением»:

«Нас информировали, что союзники ведут энергичную подготовку к броску на Берлин с использованием воздушных десантов. Впоследствии в разговорах это подтвердил командир 82-й авиадесантной дивизии, заявив, что они почти готовы были к высадке и наше стремительное наступление было для них неожиданностью. Они считали, что после Померанской операции войска нашего фронта раньше 1 мая не будут в состоянии начать операцию на Берлин. Вы понимаете, товарищи, что значил бы в этих условиях захват нами Берлина. Это было делом чести войск Красной Армии, и в частности войск 1 БФ. Мы были ближе к нему, чем союзники. Мы шли к нему почти целых четыре года, и было бы, конечно, непροститительно нам перед историей, перед народом, если бы мы позволили вступить первыми в Берлин союзникам».

В ходе прорыва 1-й Белорусский фронт потерял более 1000 единиц бронетехники, половину — сгоревшими. Бабажданя пишет: «Первая гвардейская танковая армия понесла значительные потери в первые же дни Берлинской операции. Мысль, что ввод танковых армий в зоне тактической обороны противника редко целесообразен и всегда нежелателен, еще раз подтвердилась...» Дослужился «Армо» до маршала, а так и не понял, что «в тех условиях» использование танковых

армий было «не только целесообразным, но и исторически оправданным».

20 апреля советские дальнобойные орудия открыли огонь по Берлину.

В полосе наступления 1-го Украинского фронта артиллерийская и авиационная подготовка началась 16 апреля в 6.15. Под ее прикрытием усиленные батальоны выдвинулись к реке, таща за собой лодки и штурмовые мостики. Через сорок минут, когда огонь был перенесен в глубину немецкой обороны, они под прикрытием дымов приступили к форсированию. После того как головные роты захватили плацдармы, саперы приступили к наводке мостов, по которым началась переправа главных сил: «Наплавные легкие понтонные мосты были наведены за пятьдесят минут. Мосты для тридцатитонных грузов — через два часа, а для шестидесятитонных — через четыре-пять часов. Последние могли пропустить танки всех типов. Часть полевой артиллерии перетаскивали вброд на канатах одновременно с переправой передовых батальонов». Саперы часами работали в ледяной воде. Первые эшелоны преодолели водную преграду и выдвинулись на исходные рубежи атаки в течение одного часа, под непрерывный грохот канонады.

В 8.40 войска начали прорыв главной оборонительной полосы. С целью ускорения процесса командующий фронтом сразу пустил в дело передовые танковые бригады.

3-я гвардейская армия генерала В.Н. Гордова (21, 76, 120-й стрелковые корпуса) при поддержке 25-го танкового корпуса генерала Е.И. Фоминых атаковала город Форст, который оборонял полк 342-й пехотной дивизии, одновременно обходя его с юга. Во второй половине дня на левом фланге вступил в бой 6-й гвардейский танковый корпус армии Рыбалко.

Наступавшая в центре боевого порядка 13-я армия генерала Н.П. Пухова (24, 27, 102-й стрелковые корпуса) имела на своем правом фланге таран в виде 7-го гвардейского танкового корпуса 3-й танковой армии, на левом — 10-й гвардейский танковый корпус 4-й танковой армии.

В полосе 5-й гвардейской армии генерала А.С. Жадова (32,

34, 34-й гвардейские стрелковые корпуса, 150-я танковая бригада, 3-я и 17-я артиллерийские дивизии прорыва, 3-я гвардейская минометная дивизия), таранившей оборону 545-й народно-гренадерской дивизии, действовал 4-й гвардейский танковый корпус генерала П.П. Полубоярова.

7, 6, 5-й гвардейские механизированные корпуса большую часть времени преодолевали пробки и переправы на Нейсе.

Немцы — две пехотные дивизии! — держались стойко.

К исходу дня ударная группировка фронта продвинулась в глубь обороны противника от 10 до 12 километров. Задачу дня не выполнили, к Шпрее не вышли.

Генерал Грезер выдвинул на рубеж железной дороги Форст — Вейсвассер 21-ю танковую дивизию и дивизию «Сопровождение фюрера». Командир 10-й танковой дивизии СС бригадефюрер Гейнц Хармель получил приказ двигаться на север своим ходом и занять оборону вдоль автострады между Котбусом и Штрембергом.

17 апреля танковые армии вступили в сражение в полном составе. Для обеспечения их действий была привлечена большая часть сил 2-й воздушной армии. И все равно наступление развивалось медленно. Немецкая 21-я танковая дивизия (107 танков и САУ) ударила в южный фланг 3-й гвардейской и 3-й гвардейской танковой армий (668 танков и САУ). Согласно донесению:

«Особенно жаркий бой разгорелся с утра 17.4 в районе Гари, где 54-я гвардейская танковая бригада отбивала контратаку танков 21-й танковой дивизии противника, поддержанных артиллерийским и минометным огнем. Эту контратаку противник ввел до 30 танков, часть из них типа «тигр». В результате ожесточенного танкового боя бригада уничтожила 15 танков противника, не считая подбитых. В то же время и бригада понесла значительные потери — подбитыми и сгоревшими 12 танков».

Потери могли быть более значительными, если бы у немцев действительно была хотя бы пара «тигров». Основные силы дивизии СС «Фрундсберг» (120 танков и САУ, в том числе 10 трофейных «шерманов») в это время сосредоточились в районе Шпремберга и замерли в ожидании горючего. Совет-

ские войска отразили все контратаки и завершили прорыв второй полосы обороны в междуречье Нейсе и Шпрее. За два дня ударная группировка продвинулась на 15—20 километров.

«Нельзя представлять себе эти боевые действия как фронтальные, — пишет Конев, — когда успех одерживается последовательно, от рубежа к рубежу. В условиях стремительного маневра войска наступали далеко не всюду плечом к плечу, а порой с большими разрывами. Поэтому между первой и второй полосами вражеской обороны, между второй и третьей происходили ожесточенные бои и с отступавшими, и с пытавшимися контратаковать нас немецкими частями. Сложность и запутанность этой обстановки усугублялись тем, что бои проходили в лесистой местности, где продолжали бушевать пожары...

Боевой подъем в войсках был исключительно высок. Солдатам и офицерам пришлось переносить невероятные трудности. Но силы людей буквально удваивало сознание, что в результате этого, последнего, огромного физического и морального напряжения мы можем добиться, наконец, полной победы над врагом. У людей было твердое убеждение, что на этот раз мы поставим точку».

На дрезденском направлении 2-я армия Войска Польского под командованием генерала К.К. Сверчевского и 52-я армия генерала К.А. Коротева (48, 73, 78-й стрелковые корпуса) после ввода 1-го польского танкового и 7-го гвардейского механизированного корпусов завершили прорыв тактической зоны обороны.

Вечером у командующего фронтом состоялся разговор со Сталиным, в заключение которого Верховный сообщил, что у Жукова «дела идут трудно», и дал «добро» на реализацию «домашней заготовки». Согласно вольному пересказу Конева:

«Я уточнил направление, куда будут повернуты танковые армии, и назвал как ориентир Цоссен — городок в двадцати пяти километрах южнее Берлина, известный нам как место пребывания ставки немецко-фашистского Генерального штаба.

— Вы по какой карте докладываете? — спросил Сталин.

— По двухсоттысячной.

После короткой паузы, во время которой он, очевидно, искал на карте Цоссен, Сталин ответил:

— Очень хорошо. Вы знаете, что в Цоссене ставка гитлеровского Генерального штаба?

— Да, знаю.

— Очень хорошо, — повторил он. — Я согласен. Поверните танковые армии на Берлин».

Едва положив трубку, Конев созвонился с Рыбалко и Лелюшенко и приказал поворачивать танки на Берлин. Через три часа командармы получили директиву:

«Во исполнение приказа Ставки Верховного Главнокомандования приказываю:

Командарму 3 гв. ТА

1. В течение ночи с 17 на 18 апреля форсировать р. Шпрее и развивать стремительное наступление в общем направлении Фетшау, Гольсен, Барут, Тельтов, южная окраина Берлина. Задача армии в ночь с 20 на 21 апреля 1945 г. — ворваться в Берлин с юга.

2. Командарму 4 гв. ТА

В течение ночи с 17 на 18 апреля форсировать р. Шпрее севернее Шпремберга и развивать стремительное наступление в общем направлении Дребхау, Калау, Даме, Лукенвальде. Задача армии к исходу 20 апреля овладеть районом Белиц, Тройенбрицен, Лукенвальде. В ночь с 20 на 21 апреля 1945 г. овладеть Потсдамом и юго-западной частью Берлина».

Забавно, что позднее при подведении итогов операции генерал Рыбалко весьма досадовал: «Разведка у нас работала плохо. Мы даже не знали, что в Цоссене находилась ставка германского Генштаба. О Цоссене мы узнали от корреспондентов».

По неизвестной причине командующий фронтом не поделился своими «знаниями» с подчиненными.

18 апреля 3-я и 4-я гвардейские танковые армии, «действуя по глухим лесным дорогам», вышли к Шпрее там, «где меньше всего ожидал противник», не имевший достаточно сил, чтобы перекрыть весь угрожаемый участок. Совместно с 13-й армией танкисты преодолели реку вброд, прорвали третью

оборонительную полосу и захватили плацдарм севернее Шпремберга. Правда, все это удалось сделать лишь к рассвету 19-го — с отставанием от графика. Войска 5-й гвардейской армии с 4-м гвардейским танковым корпусом форсировали Шпрее южнее города. Между армиями Пухова и Жадова в полуокружении находилась потрепанная группировка в составе 344-й пехотной дивизии, дивизий «Фрундсберг» и «Сопровождение фюрера». 3-я гвардейская армия после упорных уличных боев очистила от противника Форст и «зацепилась» за Котбус.

Таким образом, за три дня войска 1-го Украинского фронта продвинулись на направлении главного удара на 30 километров. Танковые армии вышли на оперативный простор.

Утром 19 апреля танкисты Рыбалко, отбросив 21-ю танковую дивизию, рванули на Берлин. К вечеру они продвинулись в северо-западном направлении на 35 километров, заняли Калау и Фетшау. Лелюшенко наступал еще стремительнее и к вечеру продвинулся на 50 километров. 5-й армейский корпус 4-й немецкой армии был окончательно отрезан от главных сил и вместе с 21-й танковой дивизией переподчинен штабу 9-й армии. Генерал Буссе немедленно приказал корпусу Вэгера оставить позиции на Нейсе и развернуться на линии Люббен — Хальбе фронтом на запад. Наступление не прекращалось и ночью.

На следующий день, не встречая серьезного сопротивления, корпуса 3-й гвардейской танковой армии по двум автомагистралям преодолели еще 45—60 километров, проскочили Люббенау, Луккау, Гольсен, Барут, Куммерсдорф и вышли на подступы к Берлину. До него оставалось 30 километров. Потери у Рыбалко были умеренные — 839 человек убитыми и ранеными, сгорело 72 единицы бронетехники; в строю оставалось 49 тысяч личного состава, 562 танка и САУ. Правый фланг и коммуникации армии прикрывала 16-я самоходно-артиллерийская бригада. Слева 4-я гвардейская танковая армия захватила Даме и завязала бои за Луккенвальде и Ютерборг. 3-я гвардейская армия вела упорные бои с котбусской группировкой противника. 13-я армия двумя корпусами продвинулась на запад до 30 километров.

5-я гвардейская армия, введя из второго эшелона 33-й гвардейский стрелковый корпус, после тридцатиминутной артиллерийской подготовки, в которой участвовало более 1100 орудий и около 150 реактивных установок, овладела Шпрембергом и окружила в лесах западнее города группировку численностью до 5000 человек. Тем не менее командующий фронтом действиями гвардейцев был недоволен и влепил генералу Н.Ф. Лебедеenko сразу два дисциплинарных взыскания:

«За последнее время 33 ск под Вашим командованием систематически срывает выполнение боевых приказов. Значение боевого приказа утрачено. В корпусе отсутствует требовательность к войскам в выполнении боевых приказов. Слабо организуется бой. Силы противника переоцениваются, а свои недооцениваются. Все это приводит к нерешительности действий войск и к топтанию на месте перед слабым противником. Войска не приучены к ведению лесного боя, и незначительный лесной участок для войск корпуса представляет преграду. Плохое маневрирование войск на поле боя.

За невыполнение боевых приказов частями корпуса, нетвердое управление корпусом в бою и нерешительность объявляю Вам выговор и предупреждаю Вас о неполном служебном соответствии. Предупреждаю Вас, т. Лебедеenko, что, если Вы не сделаете для себя выводов и не перестроитесь, вынужден буду отстранить Вас от занимаемой должности».

Стремительное продвижение танковых армий уже к исходу 20 апреля привело к отсечению группы армий «Висла» от группы армий «Центр». Однако Конев был недоволен, особенно действиями 3-й гвардейской танковой армии, затормозившей свой разбег в лесисто-болотистом районе южнее Берлина, и пинал генерала Рыбалко:

«Опять двигаетесь кишкой. Одна бригада дерется, вся армия стоит. Приказываю: рубеж Барут, Лукенвальде через болото переходить по нескольким маршрутам развернутым боевым порядком. Смелее маневр по преодолению рубежа Барут».

На мифических американцев Ивану Степановичу было глубоко наплевать, но шансы войти в столицу рейха раньше Жукова, все-таки прорвавшего Одерский рубеж, стремитель-

но падали. Причины раздражения маршала ясно видны в его телеграмме командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями:

«Войска маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина. Приказываю обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми».

Успешное наступление войск 1-го Украинского фронта заставило противника отказаться от обороны Одера и ряда опорных узлов, таких, к примеру, как Франкфурт и Фюрстенберг.

Конев принял решение ввести в сражение 28-ю армию генерала А.А. Лучинского (3-й гвардейский, 20-й, 128-й стрелковые корпуса), сосредоточившуюся во втором эшелоне ударной группировки фронта. Во-первых, требовалось срочно усилить общевойсковыми соединениями наступавшие на Берлин танковые армии фронта. Во-вторых, нужны были дополнительные силы для того, чтобы завершить окружение с запада 9-й немецкой армии. 28-й армии было приказано форсированным маршем двигаться из района Фюрстенау вслед за 3-й гвардейской танковой армией.

На дрезденском направлении 2-я армия Войска Польского овладела узлом сопротивления в городе Ниски и рвалась на запад. Части 7-го гвардейского механизированного корпуса и 254-й стрелковой дивизии, вырвавшись далеко вперед, захватили Кодерсдорф, проскочили Вейсенберг и вели уличные бои в Баутцене. Генерал Корчагин приказал сформировать два передовых отряда для стремительного броска на Дрезден.

Однако обстановка стала быстро ухудшаться. Фельдмаршал Шёрнер именно на этом направлении ожидал главный удар русских и потому сосредоточил мобильные соединения в районе Гёрлица для нанесения флангового удара. Первые, наспех организованные контратаки дивизии «Герман Геринг» и 20-й танковой дивизии в районе Кодерсдорфа были отбиты соединениями 73-го стрелкового корпуса и 8-й самоходно-артиллерийской бригады 52-й армии. Генерал Коротеев решил ввести в прорыв 48-й стрелковый корпус, который был переброшен на автомашинах с левого фланга армии.

Шёрнер за счет переброски сил усилил свою ударную группировку 72-й и 17-й пехотными дивизиями и объединил ее под управлением штаба 57-го танкового корпуса.

Утром 20 апреля немцы нанесли сильный удар с юга по соединениям 48-го стрелкового корпуса генерала З.З. Рогозного, перерезали дорогу Ниски — Баутцен и овладели Дизой. На следующий день они разгромили штаб и тылы 5-й польской пехотной дивизии, 16-ю советскую танковую бригаду и встретились с наступающими с севера, из района Боксберга, частями танко-гренадерской дивизии «Бранденбург». Погиб командир 5-й пехотной дивизии генерал А. Вашкевич. Смертельное ранение получил командир 254-й стрелковой дивизии генерал-майор М.К. Путейко, полностью был уничтожен 929-й стрелковый полк дивизии. Основные силы польской армии, две дивизии 48-го стрелкового и 7-й гвардейский мехкорпус были отрезаны от своих коммуникаций. Причем в штабе генерала К. Сверчевского, плохо ориентируясь в обстановке, продолжали рисовать планы штурма Дрездена.

Маршал Конев приказал 22 апреля нанести контрудар по флангам вклинившейся группировки противника силами развернувшихся в обратную сторону 7-го гвардейского механизированного и 1-го польского танковых корпусов с запада и трех стрелковых дивизий 52-й армии с востока. Для поддержки наземных войск были выделены 3-й штурмовой, 2-й истребительный, 6-й гвардейский бомбардировочный авиакорпуса. Однако задача не была выполнена. Выделенный генералом Корчагиным отряд под командованием заместителя командира корпуса генерал-майора В.К. Максимова в составе двух усиленных бригад (15 танков, 17 самоходок, 2043 человека) был остановлен немцами в районе Вейсенберга, а польские танкисты продолжали наступать на Дрезден. Наконец, осознав, что немцы громят тылы его армии, утратив связь с рядом соединений, генерал Сверчевский развернул танковый корпус на 180 градусов.

«Такая обстановка, — пишет Конев, — была бы сложной для любой прошедшей долгий боевой путь армии. Тем более оказалась она чувствительна для 2-й армии Войска Польского: Берлинская операция была первой после ее сформирова-

ния... К этому надо добавить, что командарм-52 генерал Коротеев, вообще-то говоря боевой и опытный командующий, в данном случае не проявил достаточной заботы о стыке с поляками, что и привело к прорыву противника на заведомо угрожаемом фланге». И еще: уж очень хотелось Сверчевскому завоевать что-нибудь действительно крупное.

23 апреля ситуация еще более ухудшилась. 48-й стрелковый корпус был расчленен на отдельные группы. Части 7-го гвардейского мехкорпуса, 254-й и 294-й стрелковых дивизий оказались окружены в Баутцене и Вейсенберге и отбивали непрерывные атаки 20-й танковой дивизии, «Бранденбурга» и «Германа Геринга». 57-й танковый корпус продвинулся на 33 километра в направлении Шпремберга. В воздухе свирепствовала штурмовая авиагруппа Ганса-Ульриха Руделя, снайперски выбивавшая советские танки.

Для ликвидации кризиса Конев отдал приказ генералу Сверчевскому прекратить наступление на Дрезден, генералу Жадову повернуть часть сил 5-й гвардейской армии на юг, установить контакт с польской армией и восстановить целостность фронта. После чего вместе с 1-м польским танковым и 7-м гвардейским механизированным корпусами нанести удар в восточном направлении во фланг рвущейся на север немецкой группировке. Отряд генерала Максимова и подразделения 294-й стрелковой дивизии полковника Г.Ф. Короленко должны были оставить Вейсенберг и пробиваться через Дизу на соединение с основными силами 52-й армии. Они пошли на прорыв утром 24 апреля. На пути к Дизе отряд Максимова был окружен немцами и почти весь уничтожен. В бою погибли генерал Максимов, начальник оперативного отдела штаба корпуса майор Удовицкий, командир 25-й гвардейской механизированной бригады полковник Дудка, начальник штаба 57-й гвардейской танковой бригады майор Шестаков. Части 294-й стрелковой дивизии вышли к своим в полосе 116-й дивизии. Остатки 7-го мехкорпуса и 254-й стрелковой дивизии вечером 25 апреля вырвались из Баутцена и соединились с подразделениями польской армии.

«Герман Геринг» и 20-я танковая дивизия продолжали

рваться на север. Однако к северу от Баутцена уже разворачивались гвардейцы Жадова, 150-я танковая бригада и 4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус генерала П.П. Полубоярова.

20 апреля к генеральному наступлению Красной Армии присоединились войска Рокоссовского. Всю ночь неприятельские позиции подвергались ударам бомбардировочной авиации. Специальные отряды высадились на западном берегу Вест-Одера. На междуречье и дамбах происходило накопление сил, в пойме прокладывались щитовые дороги через топи. На правом крыле части 2-й ударной армии установили дымы и «подняли неистовый шум».

Утром, буквально с началом артиллерийской подготовки, три армии под прикрытием дымовых завес начали форсирование реки Вест-Одер. Густой утренний туман ограничивал действия авиации. Стрелковые части захватили плацдармы и боролись за их расширение. Инженерные войска приступили к наводке понтонных и паромных переправ.

К вечеру дивизии 65-й армии генерала П.И. Батова (18, 46, 105-й стрелковые корпуса), потеснив 549-ю народно-гренадерскую дивизию, заняли плацдарм 6 километров шириной и до 1,5 километра глубиной. На западный берег были переброшены 31 батальон четырех дивизий первого эшелона и 1-й штурмовой инженерно-саперной бригады, пятьдесят 45-мм пушек, несколько «полковушек», семьдесят 82-мм и 120-мм минометов и пятнадцать СУ-76. Прочно зацепилась за западный берег на своем участке 70-я армия генерала В.С. Попова (47, 96, 114-й стрелковые корпуса). Заглавная 49-я армия генерала И.Т. Гришина (70-й, 121-й стрелковые корпуса) успеха не добилась, все попытки преодолеть Вест-Одер были немцами отражены:

«На 49-ю армию возлагались большие надежды. Взаимодействуя с правофланговыми частями 1-го Белорусского фронта, она должна была нанести рассекающий удар по противнику, отбросить части его 3-й танковой армии на север и северо-запад под удары нашей 70-й армии. Учитывая важ-

ность задачи, 49-й армии больше других выделили средств усиления. И вдруг Гришин топчется на месте.

Разбираемся в причинах неудачи. Главная из них — ошибка армейской разведки. Здесь междуречье изрезано многочисленными каналами. Один из них разведка приняла за основное русло Вест-Одера. В результате весь огонь артиллерии был обрушен на берег канала, оборонявшийся незначительными силами противника. А когда наша пехота преодолела канал и подошла к Вест-Одеру, ее встретил губительный вражеский огонь. Форсировать реку не было возможности... Тем более было обидно, что в штабе армии были аэрофотоснимки всего участка наступления. Все мы чувствовали себя неловко».

Итоги первого дня операции оказались скромнее, чем рассчитывало командование фронта, но все же войска двух армий закрепились на западном берегу Вест-Одера, вклинившись в оборону противника до двух километров. Бои по расширению и углублению захваченных плацдармов продолжались и ночью. Усиленными темпами велась переброска войск через реку.

Летчики-ночники наносили удары по переднему краю вражеской обороны. Вражеская авиация, в свою очередь, пыталась применить плавучие мины для разрушения наведенных переправ. Кроме того, здесь оперировал отряд подводных диверсантов «Ост» под командованием лейтенанта Келлера, которому удалось взорвать три понтонных моста.

20 апреля Ставка ВГК направила очередную директиву командующим 1-м и 2-м Белорусскими и 1-м Украинским фронтами, а также командующим ВВС, бронетанковыми и механизированными войсками. В директиве доводились опознавательные знаки и сигналы для советских и англо-американских войск, а также предписывалось при соприкосновении с частями союзников устанавливать временную разграничительную линию, чтобы «избежать перемешивания войск», не допустить несчастных случаев и столкновений между ними. Тем более что на юге американцы довольно глубоко

ко проникли в советскую зону оккупации. И отдельные инциденты уже имели место. Так, гвардии майор Иван Кожедуб сбил в апреле два истребителя Р-51 «Мустанг», правда, «они первые полезли».

В это день Сталин и Антонов подписали еще один документ под заголовком: «О необходимости гуманного отношения к немецкому населению и военнопленным». В опубликованной версии он выглядит так:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Потребовать от войск изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданскому населению и обращаться с немцами лучше.

Жестокое обращение с немцам вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно.

Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне.

2. В районах Германии к западу от линии устья р. Одер, р. Одер до Фюрстенберга и далее р. Нейсе (западная) создавать немецкую администрацию, а в городах ставить бургомистров немцев.

Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной Армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать.

3. Улучшение отношения к немцам не должно приводить к снижению бдительности и панибратству с немцами».

Примечательно, что данная директива касалась только той территории, которую после окончания войны предполагалось оставить в составе «демократической» Германии. А немцы бежали на запад в таких неприличных количествах, что становилось непонятным, с кем же ее строить.

20 апреля 1945 года — начало агонии Третьего рейха. Все надежды умерли. Высший генералитет и разнокалиберные нацистские «фюреры» встали перед проблемой: выжить лю-

бой ценой или «подобающе умереть»? Каждый решал дилемму по-своему. Фельдмаршал Вальтер Модель отдал войскам, окруженным в Рурском «котле», приказ прекратить сопротивление и застрелился у себя в штабе в Линторфе.

Адольф Гитлер, приняв поздравления с днем рождения и вручив Железные кресты зенитчикам из «Гитлерюгенда», объявил о своем решении остаться в Берлине: «Я намерен выиграть битву за Берлин или погибнуть в Берлине. Я разделю судьбу моих солдат и приму смерть в бою». Фюрер германской нации считал, что дать последний бой в столице предпочтительнее, чем умереть в безвестной австрийской деревушке — в этом не было величия. Помирать, так с музыкой! Хотелось чего-нибудь вагнеровского и чтобы крови побольше: «Даже если мы не сможем победить, мы повлечем за собой в небытие половину мира...»

Все бы ничего, однако из тесного и сырого фюрербункера, представлявшего собой обычное бомбоубежище с голыми бетонными стенами, невозможно было ничем управлять. Генеральный штаб, оперативная группа «Юг» и штаб Люфтваффе с рейхсмаршалом Герингом в это время перебирались из Цоссена и Вердера в Берхтесгаден. Из Эбесвальде эвакуировался командный пункт Кригсмарине. Штабная группа ОКВ—ОКХ «Север» перебазировалась сначала в Крампниц, затем в Ной-Рофен, где находился ЗКП рейхсфюрера СС со всеми необходимыми средствами связи.

Все понимали, что без Гитлера дальнейшая борьба невозможно, ну а с Гитлером была немыслима никакая капитуляция. Самые твердолобые «нацистские солдаты» строили планы похищения фюрера из катакомб имперской канцелярии и доставки его в «Альпийскую крепость». Шёрнер взывал:

«От имени всех храбрых солдат, ведущих борьбу за вас, и во имя тех, кто пал в этой борьбе, обращаюсь к вам с настойчивой просьбой, учитывая всю серьезность положения, немедленно покинуть Берлин и взять на себя руководство Рейхом и командование Вермахтом на Южном театре военных действий. Только вы, мой фюрер, являетесь гарантом сохранения целостности Рейха. Только вам одному подчинится беспрекословно любой немец и весь личный состав Вермах-

та. Только вы, мой фюрер, являетесь надеждой Германии в борьбе против враждебных нам государств. Без вас Германия придет к краху. Миллионы немцев ждут, мой фюрер, часа, когда Германия возродится вместе с вами. Еще ничто не потеряно, все еще можно спасти, но только с вами».

Ответ гласил: «Я остаюсь в Берлине, чтобы с честью принять участие в решающем для Германии сражении и показать пример остальным».

Согласно приказу Гитлера 9-я армия должна была остаться на Одере, воспрянуть духом и совместно с 4-й танковой армией закрыть брешь между Мускау и Губеном. По мнению «генералов-предателей», вроде Бутлара, «для оказавшейся под угрозой охвата с обоих флангов частей 9-й армии, которые еще оборонялись на Одере, оставалось возможным только одно — быстрее уйти с Одера и попытаться соединиться с 3-й танковой армией, которая тоже должна была отойти на запад. Задача заключалась в том, чтобы отвести все свои силы как можно дальше на запад, не дав русским возможности разгромить их у Берлина. Создать какой-либо новый фронт для защиты с востока после разгрома немецкой обороны на Одере не представлялось возможным, а оборона одного лишь Берлина, несмотря на ее осуществимость, была бессмысленной... В этом приказе совершенно не учитывался тот факт, что обе армии уже полностью израсходовали все имевшиеся в их распоряжении силы в боях за удержание своего переднего края и для прикрытия своих с каждым днем все более обнажившихся флангов».

Фюрер не собирался сдаваться.

21 апреля бригады 1-го механизированного корпуса 2-й гвардейской танковой армии заняли Бернау, Мальхов и пробились на северо-восточную окраину Берлина. 9-й гвардейский танковый корпус обходил город с севера. Корпуса 3-й ударной армии пересекли кольцевую автостраду и вступили в пригороды. 5-я ударная армия при содействии 12-го гвардейского танкового корпуса овладела Штраусбергом и продвинулась в этот день на 25 километров. С востока на внешний

оборонительный обвод вышли 1-я гвардейская танковая и 8-я гвардейская армии.

Утром следующего дня основные силы ударной группировки 1-го Белорусского фронта уже вели бои с противником непосредственно в Берлине. 47-я армия была повернута на запад для создания внешнего фронта окружения совместно с 1-й армией Войска Польского и 61-й армией. Для прикрытия разрыва между 47-й и 1-й польской армиями выдвигался 7-й гвардейский кавалерийский корпус.

Танковые армии 1-го Украинского фронта вплотную подошли к внешнему обводу Берлинского оборонительного района. Конев принял решение об усилении Рыбалко 10-м артиллерийским корпусом, 25-й артиллерийской дивизией прорыва, 23-й зенитной артдивизией, 32-й гвардейской минометной бригадой (618 орудий и минометов калибра 120—203 мм и 108 реактивных установок М-31 — не считая зенитной артиллерии), подразделениями 16-й штурмовой инженерно-саперной бригады и 2-м истребительным авиакорпусом. На автотранспорте перебрасывалась 61-я стрелковая дивизия из армии Лучинского, за нею пешим маршем следовали 152-я и 130-я дивизии. Кроме того, на Берлин был повернут 10-й гвардейский танковый корпус армии Лелюшенко. 5-й гвардейский механизированный корпус занял Ютерборг и двигался к Трёйенбритцену. 13-я армия, следуя за танкистами, уверенно продолжала наступление и, обеспечивая с тыла действия танковой группировки фронта, прошла за день 20 километров. 5-я гвардейская армия частью сил еще добивала последние остатки шпрембергской группировки, а главными силами наступала на запад. Войска Гордова продолжали воевать с упорно оборонявшейся котбусской группировкой:

«Выразив неудовольствие командарму 3-й гвардейской за промедление в ликвидации этой группировки, я выделил ему в помощь крупные авиационные силы — 4-й и 6-й бомбардировочные корпуса, 2-й и часть 6-го истребительного корпуса и 2-й гвардейский штурмовой авиационный корпус. Кроме того, командарму было приказано ввести в дело 25-й танковый корпус, находившийся у него во втором эшелоне. Одна-

ко при ликвидации котбусской группировки Гордов, по существу, так и не использовал его по назначению. Слов нет, в районе Котбуса у противника была сильная противотанковая оборона, да и сама местность не особенно благоприятствовала действиям танков. Тем не менее, на мой взгляд, в начале и в середине боев под Котбусом Гордов излишне медлил и неуверенно использовал танки. Подчас он неохотно склонялся к быстрым маневренным действиям и к связанному с ними правильному и решительному использованию подвижности танковых войск». Но и немцы — отмечает маршал — дрались «буквально до последнего дыхания».

9-я армия Буссе оставила позиции на Одере и Нейсе и отходила на запад. Отброшенный в Берлин 56-й танковый корпус Вейдлинга занял оборону в городе. Севернее Берлина спешно комплектовалось сборное воинство, получившее гордое наименование «армейская группа», под командованием Феликса Штайнера, несостоявшегося героя операции «Солнцестояние». В нее вливались остатки 4-й дивизии СС «Полицай», имевшей в ротах по 20 активных штыков, 5-й егерской, 25-й танко-гренадерской дивизий, 3-я дивизия морской пехоты, части 15-й латышской дивизии СС, отдельные полки и батальоны.

С утра 22 апреля 3-я гвардейская танковая армия, развернув все три корпуса в первом эшелоне, начала атаку вражеских укреплений. Войска армии прорвали внешний оборонительный обвод, захватили Цоссен и к исходу дня вышли на южный берег канала Тельтов. Здесь танкисты наткнулись на сильный огонь с противоположного берега. Форсировать канал, имевший ширину 30—35 метров и глубину 4,5 метра, с ходу не удалось. 4-я гвардейская танковая армия двумя корпусами обошла Луккенвальде и, продвинувшись на 20 километров, овладела Зармундом на юго-западных подступах к Берлину. 5-й гвардейский механизированный корпус прикрывал левый фланг армии, обеспечивая ее разворот на север. 13-я армия Пухова преодолела 45 километров и вышла на уровень левого фланга армии Лелюшенко. 3-я гвардейская армия штурмом взяла Котбус. Войска Гордова разворачивались на север и северо-восток.

В результате наступления 8-й гвардейской, 69-й и 33-й армий 1-го Белорусского фронта и 3-й гвардейской, 3-й гвардейской танковой и части сил 28-й армий 1-го Украинского фронта отчетливо обозначилось кольцо, готовое сомкнуться вокруг южного крыла 9-й немецкой армии.

К исходу 22 апреля расстояние между передовыми частями 47-й армии Перхоровича, 2-й гвардейской танковой армии, наступавшими с северо-востока, и 4-й гвардейской танковой армией составляло 40 километров, а между левым флангом 8-й гвардейской и правым флангом 3-й гвардейской танковой армии — не более 12 километров. Ставка потребовала от командующих фронтами не позднее 24 апреля завершить окружение франкфуртско-губенской группировки противника и не допустить ее прорыва в Берлин или на запад. Кроме того, Сталин установил новую разграничительную линию между фронтами. Она прошла от Люббена через Тойпиц, Миттенвальде, Мариендорф к Антгальскому вокзалу Берлина, разделив город практически пополам.

Чтобы полностью отсечь от столицы и окружить основные силы 9-й армии, маршал Жуков пустил в дело свой второй эшелон — 3-ю армию генерала А.В. Горбатова и 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерала В.В. Крюкова.

Гитлер обратился по радио к немецкому народу и объявил, что лично возглавит битву за столицу. На оперативном совещании была также выдвинута идея использовать для деблокирования Берлина и соединения с войсками Теодора Буссе 12-ю армию генерала Вальтера Венка. Эта новая армия имела в своем составе исключительно пехотные дивизии и была укомплектована призывниками младших возрастов. Дивизиям присваивали не номера, а имена немецких национальных героев. Армия формировалась с целью прикрыть прореху в Западном фронте, нанести контрудар по американским позициям и «добиться коренного перелома в оперативно-стратегическом положении между Среднегерманскими горами и Эльбой!» Во всяком случае, на докладах Венк лучился энтузиазмом, выражал готовность выполнить любую боевую задачу, после чего фюрер воодушевлялся и испытывал очеред-

ной приступ оптимизма. Как отмечал фельдмаршал Кейтель, «с некоторых пор самообман стал главным прибежищем фюрера».

Однако тут возникли более насущные проблемы. Проанализировав трофейные документы, штаб ОКВ пришел к выводу, что американцы форсировать Эльбу в ближайшее время не собираются, и предложил повернуть 12-ю армию на восток. Одновременно Штайнер должен был нанести удар во фланг группировке советских войск, обходивших столицу с севера и северо-востока, и восстановить связь с 56-м танковым корпусом. Гитлер ухватился за соломинку и отправил Кейтеля в штаб Венка:

«С глазу на глаз я кратко обрисовал Венку сложившуюся под Берлином ситуацию и добавил только, что вижу единственный путь спасения фюрера в прорыве его армии к столице и соединении с 9-й армией. Теперь все зависит от него, в противном случае останется только пойти против воли фюрера и «похитить» его из рейхсканцелярии... Венк вызвал начальника своего штаба оберста Генштаба Гюнтера Райххельма. На штабной карте я показал им обстановку на берлинском направлении, во всяком случае ту, что была там сутки тому назад. Потом оставил их вдвоем, а сам отправился ужинать, пока Венк диктовал приказ по армии, копию которого я собирался отвезти фюреру».

Теоретически в составе армии имелись танковая дивизия «Клаузевиц» и танко-гренадерская дивизия «Шлагетер», но на практике они ввязались в бой с частями 9-й американской армии западнее Эльбы и не имели никакой связи с Венком. Поэтому фельдмаршал своей властью подчинил командованию 12-й армии 41-й танковый корпус генерала Рудольфа Хольсте, державший оборону на Эльбском рубеже. Теперь корпус должен был, оставив минимальное охранение, главными силами развернуться на линии Потсдам, Бранденбург, нанести удар севернее Берлина, отбросить противника за реку Хафель и установить связь с армейской группой Штайнера: «В случае успеха нам бы удалось закрыть образовавшуюся брешь и удерживать позиции даже сравнительно небольшими силами, имея в качестве фланкирующего прикрытия тан-

конедоступные болотистые луга долины Хафеля». Остальные дивизии армии Венка — 20-й армейский корпус под командованием генерала Келлера — получили задачу ударами в восточном направлении восстановить пути сообщения и линии связи с Берлином и соединиться в районе Ютерборга с прорывающейся на запад 9-й армией. Затем все они должны были повернуть на север, «непреренно уничтожить соединения противника в южной части Берлина и соединиться на большом участке с войсками в Берлине».

Помимо вышперечисленного, в состав 12-й армии вошла 243-я бригада штурмовых орудий и все ее 10 «штутгов».

Операция была задумана с размахом, положение Берлина не считалось безнадежным. Вот только на дворе был апрель 1945-го, «кишка» у Вермахта была «тонка» для подобных экзерциций, учитывая состав и качество войск. Похоже, и «верный» Кейтель, и «верный Йодль» тоже находили прибежище в самообмане.

Утром 23 апреля армейская группа Штайнера предприняла попытку осуществить «глубокое фланговое наступление против рвущихся на запад вражеских войск», однако была остановлена и отброшена польскими дивизиями и 7-м гвардейским кавалерийским корпусом. Генерал С.Г. Поплавский вспоминал об этом эпизоде: «К полудню 23 апреля наши соединения, тесно взаимодействуя с советскими кавалеристами, форсировали канал в районе Ораниенбурга и разбили 3-ю морскую дивизию противника, спешно переброшенную с другого участка фронта».

Генерал Венк осуществлял перегруппировку сил, что являлось непростым делом, поскольку его армии, в соответствии с личными указаниями Гитлера, предстояло наступать одновременно на двух направлениях, а на исходные рубежи дивизии следовали пешим маршем, преодолевая пробки на дорогах, создаваемые бесконечными колоннами беженцев с востока. Переходы облегчались лишь тем, что оружие имели лишь 60% бойцов.

Дивизия «Теодор Кернер» уже вступила в бой частями 5-го гвардейского механизированного корпуса в районе Трёйенбритцена. В этот же день под удар 6-го гвардейского механи-

зированной корпуса попала не закончившая формирование дивизия «Фридрих Людвиг Ян». Дивизия, в которой насчитывалось более 10 тысяч солдат и офицеров, но не имелось ни одной гаубицы, ни одного противотанкового орудия и была одна винтовка на троих, была разгромлена и отброшена в Потсдам. Там она присоединилась к дивизии «Потсдам» под командованием генерала Рейнмана. Командарм Лелюшенко вспоминал:

«К нам привели пленного полковника, он показал, что дивизия сформирована в первых числах апреля из юношей 15—16 лет. Я не выдержал и сказал ему: «Зачем же вы накануне неизбежной катастрофы гоните на убой ни в чем не повинных мальчиков-подростков?» Но что он мог ответить на это? У него лишь судорожно шевелились губы, конвульсивно подергивалось веко правого глаза и дрожали ноги. Вид у этого гитлеровского вояки был жалкий и омерзительный».

Армия Лелюшенко подтягивала тылы и готовилась к форсированию Тельтов-канала. На участке предстоящего прорыва протяженностью 4,5 километра было сосредоточено около 3000 орудий, минометов и самоходных установок. Шестьсот пятьдесят стволов на километр фронта!

24 апреля войска 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий 1-го Белорусского фронта соединились с 3-й гвардейской танковой и 28-й армиями 1-го Украинского фронта юго-восточнее Берлина. В результате главные силы 9-й армии и часть сил 4-й танковой армии противника — 11-й танковый корпус СС, 5-й горнострелковый корпус СС, 5-й армейский корпус — были отсечены от города и окружены. На следующий день западнее Берлина, в районе Кетцина, произошла встреча 4-й гвардейской танковой армии с войсками 2-й гвардейской танковой и 47-й армий.

Утром 25 апреля в районе Германсдорфа снова перешла в наступление армейская группа Штайнера и снова была остановлена активными действиями польских частей.

В этот день состоялась встреча советских и американских войск в районе Торгау. Генерал Жадов вспоминает:

«25 апреля в 13 часов 30 минут в районе Стрела, северо-западнее Ризы, воины 7-й роты 173-го гвардейского стрелково-

го полка 58-й гвардейской дивизии во главе с командиром роты гвардии старшим лейтенантом Григорием Степановичем Голобородько, в прошлом полтавским слесарем, заметили группу военных, двигавшуюся с запада. Наши по привычке насторожились, но солдатское чутье подсказало им, что там, впереди, не те, с кем они дрались на протяжении всей войны. Все же, приняв боевой порядок, подразделение Голобородько двинулось навстречу неизвестным. Как вскоре оказалось, это была разведгруппа 69-й пехотной дивизии 1-й американской армии. Разведгруппой командовал первый лейтенант Л. Коцебу, бывший студент из Техаса, с ним были сержанты и солдаты Д. Полонский, М. Шульман, Г. Ситник (награжденный впоследствии нашим орденом Красной Звезды), Форестер и другие.

Примерно на час позже в районе Торгау воины 2-го батальона 173-го гвардейского стрелкового полка той же 58-й гвардейской дивизии заметили, что с колокольни городской церкви подает сигналы какой-то человек в военной форме. Гвардии лейтенант А.С. Сельвашко попытался объяснить с ним по-немецки, но из этого ничего не вышло. Наши солдаты сделали несколько выстрелов в воздух и вдруг услышали знакомые слова: «Москва — Америка!» Нашим красноармейцам стало ясно, что на церковной колокольне американец. Это был солдат той же 69-й пехотной дивизии. Затем подошел офицер, который заявил, что они являются разведчиками 69-й пехотной дивизии 1-й американской армии, и попросил нашего офицера съездить с ним в штаб батальона, находившийся километрах в пятнадцати от места встречи.

Как потом выяснилось, это была группа младшего лейтенанта Уильяма Д. Робертсона».

Лейтенант Робертсон тоже на всю жизнь запомнил этот день: «Мы понимали, что советские войска были близко, что война близится к концу, были возбуждены этим и, наверное, увлеклись и нарушили приказ начальства не удаляться дальше чем на 10 километров от основных сил дивизии и... вкатились в город Торгау. И тут попали под обстрел засевших в домах немецких снайперов... Уходя из-под огня, наш джип на

бешеной скоростью колесил по пустынным улицам города. Неожиданно влетели на территорию лагеря военнопленных, и вдруг стрельба прекратилась, недалеко разорвался снаряд. «Русские! Советские! Красная Армия!» — кричали военнопленные, показывая руками на Эльбу. Из-за реки была советская артиллерия. Мы вывесили свой «флаг» на башню городского замка. Стрельба из-за реки прекратилась... Оттуда взвилась красная ракета.

Я едва не заплакал от досады. По уговору между союзниками я должен был ответить зеленой ракетой, но у меня ее не было. Ведь, отправляясь в разведку, не думали мы, что встретим передовые советские части. По нашим расчетам, они еще не должны были выйти к Эльбе. Начали кричать: «Америка! Россия! Товарищ!» Помог русский военнопленный. На том берегу ему поверили. Из-за леса появились советские солдаты. Они бежали к мосту, накануне взорванному немцами. Не помня себя от радости, я тоже побежал к мосту...»

Германия оказалась разрубленной на две части. В связи с этим войска получили инструкцию Москвы на тему, «что там можно, что нельзя». Директива предписывала: в первую очередь устанавливать с американскими и английскими частями разграничительную линию; к союзникам относиться приветливо, но «никаких сведений о наших планах и боевых задачах наших войск никому не сообщать»; в гости самим не напрашиваться и инициативы по организации дружеских встреч на себя не брать; буде пригласят — не отказываться, высылать представителей и звать «в ответки»; во всех случаях являть собой образец дисциплинированности и порядка.

Существенно изменилась обстановка на дрезденском направлении. Контрудар гёрлицкой группировки 26—27 апреля был окончательно сорван активной обороной 2-й армии Войска Польского, 5-й гвардейской, 52-й армий и развернувшейся слева от них 31-й армии генерала П.Г. Шафранова. Несмотря на тактические успехи, помешать прорыву главных сил 1-го Украинского фронта немцы не смогли. А в правый фланг Шёрнеру стучались войска 4-го Украинского

фронта, овладевшие городом Опава и завязавшие бои на ближних подступах к Моравско-Остраве.

Правда, наступление на Дрезден было остановлено, а попавшие в окружение советские части понесли тяжелейшие потери. От 254-й стрелковой дивизии осталось около 2500 человек при 27 орудиях и 40 минометах. Танковый корпус Корчагина потерял 117 бронеединиц. В Польской армии выбыло из строя свыше 18 тысяч солдат и офицеров, 205 танков и самоходных установок.

Армии 2-го Белорусского фронта вели напряженные бои по расширению плацдармов, отражали контратаки противника и продолжали переправу своих войск на левый берег Одера. В связи с успехом Жукова Ставка приказала Рокоссовскому действовать в соответствии с первоначальным планом, то есть вместо поворота на юго-запад наступать в западном и северо-западном направлениях, а частью сил нанести удар в обход Штеттина. К исходу 25 апреля соединения 65-й и 70-й армий завершили прорыв главной полосы вражеской обороны. За шесть дней они продвинулись на 20 километров. Используя успех соседей, 49-я армия с утра 26 апреля переправилась через Вест-Одер по переправам 70-й армии и к исходу дня продвинулась на 10—12 километров. Армия Батова штурмом овладела Штеттином и прорвала оборону противника на реке Рандов. В этот же день в полосе 65-й армии начали переправу дивизии 2-й ударной армии Федюнинского.

Завершив форсирование Одера, войска Рокоссовского приступили к осуществлению маневра с целью охвата главных сил 3-й немецкой танковой армии с юга и юго-запада.

65-я армия с 1-м гвардейским танковым корпусом получила задачу ударами в северо-западном направлении прижать к морю вражеские войска, действующие к северо-востоку от линии Штеттин — Нойбранденбург — Росток.

2-я ударная армия двумя корпусами наступала на Анклам, Штральзунд, а частью сил должна была очистить от противника острова Узедом и Рюген.

70-я армия с 3-м гвардейским танковым корпусом наступала в общем направлении на Варен, Висмар.

49-я армия с 8-м механизированным и 3-м гвардейским кавалерийским корпусами шла строго на запад — к Эльбе.

ДОШЛИ!

В конце апреля советское командование все внимание сосредоточило на Берлине, который для бойцов и офицеров Красной Армии «олицетворял собой фашизм во всей его звериной сущности».

Столицу рейха начали готовить к обороне в январе 1945 года.

6 марта комендантом Берлина был назначен генерал Гельмут Рейман. В его распоряжении имелось 92 батальона фольксштурма и отдельные части.

Для удобства управления боевыми действиями город разбили на девять секторов. Все улицы, ведущие к центру, были перекрыты баррикадами, подступы к ним минированы, мосты подготовлены к подрыву. Вдобавок Берлин пересекало множество естественных и искусственных водных рубежей и препятствий. К ним относилась река Шпрее шириной до 100 метров, протекавшая через город с юго-востока на северо-запад, а также большое количество каналов.

Наиболее тщательно подготавливался центральный сектор, охватывавший основные государственные и административные учреждения, в том числе рейхстаг и имперскую канцелярию. На улицах и площадях были отрыты окопы для артиллерии, танков и самоходок, подготовлены многочисленные огневые сооружения. Все оборонительные позиции соединялись между собой ходами сообщения. Широко использовалась сеть подземных сооружений, без которых не может существовать ни один мегаполис: бомбоубежища, станции и тоннели метро, водосточные коллекторы и другие объекты. По всему городу было построено несколько десятков железобетонных бункеров, а также установлено большое количество бронеколпаков.

Кроме того, имелась такая диковинка, как три гигантские башенные батареи ПВО. Это были бетонные сооружения,

представлявшие собой шестизэтажные двухбашенные комплексы (башня управления и орудийная башня) высотой около 40 метров, которые оснащались радиолокаторами, дальномерами, приборами управления стрельбой и уникальными спаренными 128-мм автоматическими зенитными установками, имевшими суммарную скорострельность 20—24 выстрела в минуту и забрасывавшими 26-килограммовые осколочно-фугасные гранаты на высоту до 15 километров. На нижних площадках размещались 20-мм и 37-мм зенитные пушки. Башни строились в 1940—1942 годах для отражения налетов англо-американской авиации, вываливавшей на город килотонны взрывчатки с больших высот. Одновременно «зенитные башни» служили убежищем для населения — толщина перекрытий над двумя верхними этажами составляла 4 метра, имелись вентиляция и аварийный дизель-генератор. Первую башенную батарею разместили в парке Тиргартен, вторую — в парке Фридрихсхайн, третью — в парке Гумбольдхайн. В ночь на 22 апреля башни впервые открыли огонь по наземным целям.

С 24 апреля комендантом Берлина стал командир отошедшего в город 56-го танкового корпуса генерал Вейдлинг, разместивший свой командный пункт в зенитной башне Тиргартен. Осмотревшись, генерал понял: «Оборонять Берлин невозможно и с военной точки зрения является бессмысленным, так как для этого немецкое командование не располагало достаточными силами, больше того, в распоряжении немецкого командования к 24 апреля в Берлине не было ни одного регулярного соединения, за исключением охранного полка «Гросс Дейчланд» и бригады СС, охранявшей имперскую канцелярию».

Соединения корпуса — танковая дивизия «Мюнхеберг», 20-я и 18-я танко-гренадерские, 9-я парашютная, 11-я дивизия СС «Нордланд» — распределились по секторам обороны, чередуясь с различными сводными группами, подразделениями фольксштурма и полиции, строительными батальонами и батальонами аэродромной obsługi, отрядами «Гитлерюгенда» и отрядами СС. Общая численность гарнизона составляла 100—110 тысяч человек, и этого было явно недостаточно для защиты одного из самых больших городов Европы.

В сводке обобщенного боевого опыта 8-й гвардейской армии указывалось:

«Для обороны такого крупного города, окруженного со всех сторон, не было достаточно сил, чтобы оборонять каждое здание, как это имело место в других городах, поэтому противник оборонял главным образом группы кварталов. А внутри их отдельные здания и объекты, являющиеся ключевой позицией района, или целый административный район города — этому способствовало большое количество каналов, изолирующих отдельные района города».

В Берлине еще оставалось до 2,5 миллиона жителей и беженцев из восточных районов страны.

Мы снова возвращаемся к вопросу о военной целесообразности. Ведь Берлин можно было и не брать. Во всяком случае, такое суждение высказывал один из лучших командармов генерал А.В. Горбатов: «Я держусь того мнения, что с военной точки зрения Берлин не надо было штурмовать. Конечно, были и политические соображения, соперничество с союзниками, да и торопились салютовать. Но город достаточно было взять в кольцо, и он сам бы сдался через неделю-другую. А на штурме в самый канун победы, в уличных боях мы положили не меньше ста тысяч солдат». Тех самых сто тысяч, которые не захотел «положить» Эйзенхауэр.

В составе советских войск, участвовавших в ликвидации берлинской группировки, находилось 464 тысячи человек, свыше 12,7 тысячи орудий и минометов, 2100 установок реактивной артиллерии, около 1500 танков и самоходно-артиллерийских установок.

2-я гвардейская танковая армия была перегруппирована в район северо-западнее Берлина, получив собственную полосу наступления. К западу от города действовал 9-й гвардейский Уманский танковый корпус генерала Н.Д. Веденева.

Войска 3-й ударной армии, усиленные 9-м Бобруйским танковым корпусом генерала И.Ф. Кириченко, двумя тяжелыми танковыми и четырьмя самоходно-артиллерийскими полками (всего 195 боевых машин), вели бой в северо-восточной и северной частях Берлина.

5-я ударная армия вклинилась в город с востока. В качестве средства поддержки пехоты генералу Берзарину были подчинены 11-й Радомский танковый корпус генерала И.И. Ющука (125 танков и САУ), 11-я и 67-я гвардейские тяжелые, 220-я танковые бригады, два самоходно-артиллерийских полка. Танковые бригады были приданы стрелковым корпусам и распределены по дивизиям для непосредственной поддержки пехоты.

8-я гвардейская и 1-я гвардейская танковая (212 танков и САУ в двух корпусах) армии охватили Берлин с юго-востока.

3-я гвардейская танковая армия (562 танка и САУ) с двумя стрелковыми дивизиями готовилась к переправе через Тельтов-канал в южной части города. Слева от них к каналу вышел 10-й гвардейский танковый корпус 4-й гвардейской танковой армии. Для ведения уличных боев ему была придана 350-я стрелковая дивизия.

Учитывая накопленный опыт борьбы за населенные пункты, в каждой дивизии были созданы штурмовые отряды в составе усиленных батальонов или рот. Каждый такой отряд кроме пехоты имел в своем составе артиллерию, танки, самоходные установки, саперов и огнеметчиков. Он предназначался для действий на каком-либо одном направлении, включавшем обычно одну улицу, или штурма крупного объекта. Для захвата более мелких объектов из этих же отрядов выделялись штурмовые группы в составе от стрелкового отделения до взвода, усиленные 2—4 орудиями, 1—2 танками или САУ.

Началу действий штурмовых отрядов и групп, как правило, предшествовала короткая, но мощная артиллерийская подготовка. Значительная часть артиллерии, вплоть до двенадцатидюймовок, использовалась для ведения огня прямой наводкой. Перед атакой укрепленного здания штурмовой отряд обычно делили на две группы. Одна из них под прикрытием огня танков и артиллерии врывалась в здание, блокировала выходы из подвальных помещений, а затем уничтожала их гранатами и бутылками с горючей смесью. Вторая группа очищала верхние этажи от автоматчиков и снайперов. Для борьбы с засевшей в домах и подвалах пехотой удобным и эф-

фактивным оружием оказались трофейные фаустпатроны, которые охотно использовали наши бойцы. Так, в армии Катюкова к началу штурма их запасли 3000 штук.

24 апреля 3-я ударная армия, медленно продвигаясь к центру Берлина, овладела пригородом Рейникендорф и достигла северного берега канала Берлин — Шпандауэр — Шиффартс. Генерал Кузнецов, уже нацелившийся мысленно на рейхстаг, устроил персональный разнос командованию 7-го стрелкового корпуса: «7-й ск в течение истекших двух суток фактически топчется на одном месте. Все это происходило только потому, что лично командиры полков, дивизий и сам комкор по-настоящему бой не организовали и должной требовательности к своим подчиненным не проявили». И для танкистов Кириченко нашлось у командарма доброе слово: «Прикажите командирам бригад возглавить на головных танках свои бригады и повести их в атаку на Берлин, иначе ни чести, ни славы своего корпуса вы не завоюете.

О панцерфаустах будете потом рассказывать детям».

Справа к этому же каналу вышли 1-й механизированный и 12-й гвардейский танковый корпуса. Соединения армий Чуйкова и Катюкова форсировали Шпрее.

«Ось нашего наступления проходила по улице Вильгельмштрассе, — вспоминает Катюков, — упиравшейся в парк Тиргартен, что неподалеку от имперской канцелярии и рейхстага. Очень мешали нам фаустники. Засядет иной в канализационном колодце или в подвале дома и бьет по вырвавшимся на улицу танкам. Выпустит фаустпатрон — и машина запылала...

Мы знали, что в германской столице есть метро. Но в горячке боя или забыли об этом, или просто недооценили с военной точки зрения значение подземных коммуникаций. А между тем они давали фашистам отличные возможности для маневра. Пользуясь метро, гитлеровцы могли наносить удары с тыла по советским войскам, уже прорвавшимся к центру города...

Обычно саперы и автоматчики прокладывали путь танкам, предварительно выкурив из щелей фаустников. Попытки применять танки без прикрытия приводили лишь к большим потерям от огня артиллерии и фаустников. Но автоматчиков

было мало, и танкистам часто самим приходилось расчищать себе дорогу. По узким улицам одновременно могли продвигаться только две машины. Первые танки вели огонь, а следующие стояли в очереди. Если одна из машин выходила из строя, на ее место становилась другая. Так, метр за метром, подавляя огневые точки, гвардейцы прорубали себе путь в плотной обороне противника».

Настоящий конвейер смерти!

Уже после войны командарм рассказывал: «Там ведь у меня погибло 8 тысяч танкистов, 4 командира бригад, 22 комбата, несколько командиров полков, две сотни танков».

3-я гвардейская танковая армия, проведя мощнейшую 55-минутную артподготовку, преодолела канал Тельтов; лидировавший 6-й гвардейский Киевский танковый корпус генерала В.А. Митрофанова, развивая наступление в северном направлении, к исходу дня достиг железной дороги Берлин—Потсдам в пригороде Лихтерфельде.

В связи с неустойчивой погодой и тем обстоятельством, что «театр военных действий» был окутан дымом, использование бомбардировочной авиации затруднялось. Тем не менее 25 апреля бомбовозы 16-й воздушной армии нанесли по центру Берлина два массированных удара, в которых приняло участие в общей сложности 1489 самолетов. Ночью вышла на цель армада 18-й воздушной армии.

Наверно, в немцев все-таки попали. Но и танкистам Рыбалко немало досталось от собственной авиации, которая, «спуская бомбовый груз с больших высот, бомбила наши боевые порядки, причем было убито и ранено до 100 человек, сожжено 16 автомашин и 6 орудий. По поводу этих безобразий командарм просил комфронта произвести расследование». Перепало и танкистам Лелюшенко: «Двое с половиной суток мы были под ударом своей авиации. Над организацией взаимодействия с авиацией надо много работать». И пехотинцам Чуйкова: «В Берлине штабу 4-го корпуса здорово всыпала наша авиация, около 100 человек вышло из строя. Штаб 29-го корпуса тоже здорово потрепала своя авиация, в то время как на наблюдательном пункте у меня был генерал

Сенаторов — заместитель командующего воздушной армией, и он ничего не мог сделать».

В итоге — докладывал начальник штаба 3-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенант Д.Д. Бахметьев, «пришлось просить маршала Конева, чтобы не было никакой авиации, потому что наши войска стали бояться своей авиации, как только появляется авиация, то разбегаются кто куда».

Авиация в Берлинской операции не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Марксовы законы диалектики не сработали, количество не перешло в качество. Никак не проявили себя лучшие в мире фронтовые бомбардировщики Ту-2, которыми надо было еще уметь пользоваться.

«Главный недостаток здесь в том, — объясняет генерал Телегин, — что эти факты (*когда бомбят своих*) относятся на счет вновь прибывших на фронт соединений (Ту-2 особенно), которые командование 16 ВА не обеспечило необходимой подготовкой (?), не снабдило опытными штурманами и не организовало как следует управление с земли. К началу операции 16 ВА приняла новых 590 экипажей. Действие по крупным населенным пунктам требует особой подготовки летчика не только над планом или картой, но и над объектами, что, однако, не было сделано в должной степени командованием армии, и это должно быть ими крепко учтено».

В целом сравнение боевых и небоевых потерь советской авиации показывает, что «сталинские соколы» в 1941 году летали «дальше, выше и быстрее», чем на четвертом году войны, как по причине своей скороспелой подготовки, так и низкого качества выпускаемой заводами продукции.

В 1941 году небоевые потери составили 42,5% от общих, в 1942-м — 35,5%, в 1943-м — 50,2%, в 1944-м — 66%. Наконец, в 1945 году — 68%. Это значит, что 4300 самолетов погибли в бою, были сбиты вражескими зенитками, уничтожены огнем и бомбардировками противника на аэродромах, а 9000 машин — потери, к которым противник не имеет ни малейшего отношения.

И нам пытаются доказать, что воевали не числом, а умением?

Бои в городе не прекращались ни днем ни ночью. Пленных почти никто не брал, разве что иногда штурмовым группам требовался «язык» или знающий местность проводник. К исходу 26 апреля 2-я гвардейская танковая армия форсировала канал Берлин — Шпандауэр — Шиффартс и вышла на северный берег Шпрее. 3-я ударная армия тоже преодолела канал, чтобы упереться в канал Фербиндунгс. 5-я ударная армия продолжала теснить дивизию СС «Нордланд». Штурмовые группы 8-й гвардейской армии вплотную подошли к аэродрому Темельхоф. 1-я гвардейская танковая армия развивала наступление в северо-западном направлении, ведя упорные уличные бои в районе Нейкельна. Передовые отряды армии Рыбалко, овладев южными пригородами, пробились на улицы Большого Берлина.

Наряду с наращиванием усилий по разгрому берлинского гарнизона Ставка считала необходимым незамедлительно приступить к ликвидации немецких войск, окруженных юго-восточнее Берлина. Согласно советским данным, франкфуртско-губенская группировка насчитывала в своем составе до 200 тысяч человек (пленные показали — до 150 тысяч). На ее вооружении было свыше 2000 орудий, более 300 танков и самоходных установок. Советское командование привлекло к «ликвидации» 3, 69, 33-ю армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус 1-го Белорусского фронта, 3-ю гвардейскую и 28-ю армии, а также стрелковый корпус 13-й армии и 25-й танковый корпус 1-го Украинского фронта. Действия наземных войск поддерживали семь авиационных корпусов.

Чтобы не допустить прорыва блокированной группировки в западном направлении, войска 28-й и часть сил 3-й гвардейской армий перешли к обороне.

В то же время генерал Буссе получил приказ, с одной стороны, любой ценой удерживать рубеж Даме, Луккау, Люббенау, чтобы создать условия для связи с группой армий «Центр», с другой — наступать в западном направлении, отрезать с юга советские войска, ворвавшиеся в Берлин, и нанести им удар с тыла. Не особенно долго размышляя, Буссе принял решение прорываться на запад лесными массивами,

протянувшимися от деревни Хальбе через Куммерсдорф к Луккенвальде.

Утром 26 апреля советские войска начали наступление против окруженной группировки, стремясь рассечь и уничтожить ее по частям. Маршал Конев так описывает сложившуюся диспозицию:

«Все три армии 1-го Белорусского фронта большими силами и с большой энергией били по немецкой группировке с севера, северо-востока и востока. Они пытались рассечь своими ударами группировку, но немецко-фашистские войска все время выскальзывали из-под их ударов и, сжимаясь как пружина, в свою очередь, жали на армии нашего фронта, стоявшие на их пути и преграждавшие им дорогу на юго-запад.

И чем сильнее на них нажимали и били их сзади, тем с большей энергией они прорывались вперед — в наши тылы. Каждый удар, нанесенный им сзади, вызывал как бы отзвук в их ударе по нас, здесь, впереди. Уплотняя свои боевые порядки, противник обрушивался на нас активнее и активнее. И ничего иного не приходилось от него ждать. Кроме капитуляции, у него не оставалось никакого иного выхода. Правда, противник мог попытаться пройти через наши боевые порядки и соединиться с Венком.

В этом и заключалось своеобразие обстановки. Действия против других окруженных группировок — скажем, сталинградской или корсунь-шевченковской — производились концентрическими ударами, сходящимися к центру. Здесь было совершенно другое. Сама по себе группировка была активна и подвижна. Она стремилась во что бы то ни стало прорваться и выполняла эту задачу всеми силами и средствами. А поскольку она пробивалась на нас, то и наше положение становилось от этого довольно трудным».

В полдень 26 апреля разведывательный батальон дивизии СС «Фрундсберг» и части 21-й танковой дивизии лесными дорогами вышли к Хальбе и, не дожидаясь подхода основных сил, атаковали позиции 58-й стрелковой дивизии 3-й гвардейской армии. Немцы прорубили коридор на узком участке и стали продвигаться на запад. Однако подоспевшие на вы-

ручку полки 389-й стрелковой дивизии и 7-й гвардейской истребительно-противотанковой бригады в ходе двухдневных ожесточенных боев сумели снова «запечатать» горловину прорыва. Прорвавшуюся группировку окружили в районе Барута и почти полностью ликвидировали дивизии 3-го гвардейского стрелкового корпуса 28-й армии, в плен сдались около 3000 немецких солдат и офицеров.

В Берлине соединения двух фронтов глубоко вклинились в оборону противника и начали боевые действия в центральном секторе столицы. 27 апреля бригады 1-го механизированного корпуса 2-й гвардейской танковой армии соединились с частями 7-го гвардейского корпуса 3-й гвардейской танковой армии, изолировав гарнизон от потсдамской группировки. Генерал Бонданов повернул свои корпуса в направлении центра; к концу дня 12-й гвардейский танковый корпус генерала М.Ф. Салмина прорвался в один из центральных районов Берлина — Шарлоттенбург. 3-я гвардейская армия форсировала Фербиндунгс-канал и вышла на берег Шпрее. Гвардейцы Катуква во взаимодействии с гвардейцами Чуйкова выбили противника из 80 кварталов и вышли к железнодорожному узлу южнее Ангальтского и Потсдамского вокзалов. Командир 11-го гвардейского танкового корпуса получил задачу овладеть Рейхстагом и очистить от противника парк Тиргартен.

3-я гвардейская танковая армия вела упорные бои на рубеже кольцевой железной дороги:

«...передний край проходит по железнодорожной насыпи, являющейся естественным рубежом и препятствием не только для танков, но и во многих местах для пехоты. Все мосты и виадуки в большинстве взорваны, а сохранившиеся проходы в них преграждены надолбами — 2—3 ряда — и забаррикадированы. Огневые сооружения на переднем крае расположены непосредственно в насыпи в виде ДЗОТов для пулеметов, артиллерийских позиций и отдельно закопанных танков. Сохранившиеся здания, главным образом стационарные постройки, вокзалы превращены в опорные пункты. Улицы, примыкающие к этим опорным пунктам, завалены ломом, забаррикадированы железнодорожными вагонами. Эта часть города наиболее сильно раз-

рушена, имеет ничтожное количество сохранившихся зданий. Улицы превращены в руины, и движение танков по ним затруднено. Помимо «естественных» (образовавшихся вследствие бомбежки авиации), встречаются барьеры, баррикады из камня и дерева, завалы из домашней утвари и т.д. В наиболее ответственных местах баррикады усилены взрывными заграждениями (очаги мин, фугасы)».

В тот же день 9-й гвардейский танковый корпус совместно со 125-м стрелковым корпусом 47-й армии и 6-м гвардейским механизированным корпусом выбил немцев из Потсдама.

В результате концентрического наступления к исходу 27 апреля вражеская группировка оказалась зажата на узкой полосе, простиравшейся с востока на запад на 16 километров. В связи с тем, что ширина ее составляла всего 3—5 километров, вся территория, занимаемая противником, находилась под постоянным воздействием огневых средств советских войск. Немцы лишились аэропортов в Темпельхофе и Гатове и пытались использовать для посадки самолетов Шарлоттенбургштрассе.

Лишь к утру 28 апреля дивизии 12-й немецкой армии заняли исходные позиции между Бельцигом и Виттенбергом. На Западном фронте к этому времени оставались два строительных батальона, занимавшихся сплошным минированием главной полосы обороны. В центре ударной группировки наступала дивизия «Гуттен», слева — дивизия «Шилль», справа — дивизия «Шарнхорст». Под удар попали 17-я гвардейская механизированная бригада 6-го гвардейского мехкорпуса и 70-я самоходно-артиллерийская бригада. Во второй половине дня немцы прорвались в лес Ленинерфорст, где после полудня встретились с «наступавшими в обратном направлении» остатками дивизий «Потсдам» и «Фридрих Людвиг Ян». Авангарды дивизии «Гуттен» генерала Герхарда Энгеля находились в 15 километрах от переправы через Хавель к юго-западу от Потсдама. Однако здесь армия Венка и завязла. Генерал Лелюшенко подбросил дополнительно 35-ю гвардейскую мехбригаду и контратаковал противника во

фланг силами 5-го гвардейского механизированного корпуса генерала Е.П. Ермакова. Кроме того, ему пришлось снять со штурма Берлина одну бригаду 10-го танкового корпуса. Кроме того, Конев сосредоточил резервы в районах Цоссена, Луккенвальде, Ютерборга. Обстановка была сложной. Вообще, по признанию маршала, «Берлинская операция была, пожалуй, самой сложной из всех операций, которые мне довелось проводить за время Великой Отечественной войны».

Тем временем корпуса 2-й гвардейской танковой армии продолжали наступление в городе в направлении парка Тиргартен. В центральной части города им пришлось столкнуться с вкопанными в землю танками. Большая часть орудий армии и даже установки реактивной артиллерии были поставлены на прямую наводку. 3-я ударная армия очистила район Моабита, лежавший непосредственно к северу от рейхстага, и вышла на берег Шпрее. 9-й стрелковый корпус 8-й гвардейской армии совместно с 11-м гвардейским танковым корпусом захватил Ангальтский вокзал. По мере продвижения к центру города сопротивление противника становилось все более ожесточенным. Остатки гарнизона защищались упорно. Бои теперь велись за каждое здание и каждый перекресток.

«Плотность наших боевых порядков увеличилась, — пишет Чуйков. — Маневр огнем сократился до предела. Наступил момент, когда продвижение вперед можно было сравнить с работой проходчиков шахтных штолен. Только через проломы толстых каменных стен, через груды развалин, через нагромождения железобетонных глыб с рваной арматурой можно было прорываться с одной улицы на другую, от квартала к кварталу».

Танки Катуква, зажатые в тесноте улиц, действовали фактически в колоннах и несли тяжелые потери. Отчаянно не хватало пехоты. В помощь танкистам пришлось бросить роту охраны штаба армии, «в составе которой находились в основном пожилые люди, участники империалистической и гражданской войн». Командир 1-й гвардейской танковой бригады полковник А.М. Темник «собрал работников штаба и, приказав всем вооружиться автоматами, лично возглавил

штурмовую группу». Через час комбриг получил смертельное ранение в живот: «Он шел по улице, а женщина с третьего этажа бросила фаустпатрон».

Из наблюдений маршала Конева:

«Во время Берлинской операции гитлеровцам удалось уничтожить и подбить восемьсот с лишним наших танков и самоходок. Причем основная часть этих потерь приходится на бои в самом городе...

Особенно обильно были снабжены фаустпатронами батальоны фольксштурма, в которых преобладали пожилые люди и подростки.

Фаустпатрон — одно из тех средств, какие могут создать у физически не подготовленных и не обученных войне людей чувство психологической уверенности в том, что, лишь вчера став солдатами, они сегодня могут реально что-то сделать.

И надо сказать, эти фаустники, как правило, дрались до конца и на этом последнем этапе проявляли значительно большую стойкость, чем выдавшие виды, но надломленные поражениями и многолетней усталостью немецкие солдаты.

Солдаты по-прежнему сдавались в плен только тогда, когда у них не было другого выхода. То же следует сказать и об офицерах. Но боевой порыв у них уже погас. Оставалась лишь мрачная, безнадежная решимость драться до тех пор, пока не будет получен приказ о капитуляции.

А в рядах фольксштурма в дни решающих боев за Берлин господствовало настроение, которое я бы охарактеризовал как истерическое самопожертвование. Эти защитники третьей империи, в том числе совсем еще мальчишки, видели в себе олицетворение последней надежды на чудо, которое, вопреки всему, в самый последний момент должно произойти».

Танковая армия Рыбалко напирала с юга, причем она все больше вторгалась в полосу 1-го Белорусского фронта, приводя к трениям между амбициозными командующими.

Вечером 28 апреля Конев направил Жукову просьбу изменить направление наступления:

«По донесению т. Рыбалко, армии т. Чуйкова и т. Катукова 1-го Белорусского фронта получили задачу наступать на северо-запад по южному берегу Ландвер-канала. Таким образом,

они режут боевые порядки войск 1-го Украинского фронта, наступавших на север. Прошу распоряжения изменить направление наступлений армий т. Чуйкова и т. Катукова».

Георгий Константинович составил донесение Иосифу Виссарионовичу, в конце которого указывал:

«Наступление частей Конева по тылам 8 гв. А и 1 гв. ТА создало путаницу и перемешивание частей, что крайне осложнило управление боем. Дальнейшее их продвижение в этом направлении может привести к еще большему перемешиванию и к затруднению в управлении».

Докладывая изложенное, прошу установить разграничительную линию между войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов или разрешить мне сменить части 1-го Украинского фронта в г. Берлине».

По указанию Жукова комиссия штаба 8-й гвардейской армии произвела расследование «факта нахождения частей 1-го Украинского фронта в полосе наступления 1-го Белорусского фронта» и установила: «Движение частей 1-го Украинского фронта в полосе 8-й гвардейской армии объясняется стремлением первыми захватить район центральных учреждений Германии и овладеть рейхстагом».

Директивой Ставки разграничительная линия между двумя фронтами была сдвинута на северо-запад, отрезая войска Конева от Большого Берлина, рейхстага и «центральных учреждений».

В это время части 3-й ударной армии стояли на берегу Шпрее у моста Мольтке. До рейхстага оставалось пройти несколько сотен метров.

С подачи Кейтеля фюрер сместил с должности генерала Хайнрици, который, вместо того чтобы биться до последнего патрона, «несанкционированно отступал». Командующим группой армий «Висла» был назначен генерал Штудент.

Рано утром 29 апреля вновь через деревню Хальбе ринулись на прорыв главные силы 9-й немецкой армии. Немцы буквально колоннами напирали на позиции советских войск. Орудия 7-й истребительно-противотанковой бригады, поставленные на картечь, расстреливали их с pistolетной дистанции, «массы трупов противника валялись вокруг огневых

позиций, а противник все продолжал наступать». Несмотря на огромные потери, немцам удалось прорваться сначала через позиции соединений 3-й гвардейской армии под Хальбе, затем они проломили оборону 3-го гвардейского корпуса 28-й армии и создали коридор на Луккенвальде шириной до 2 километров. По нему, в конце концов, в районе Белица, раскидав 61-ю и 63-ю гвардейские танковые бригады 10-го гвардейского танкового корпуса, вышли из «котла» в расположение 12-й армии 35—40 тысяч солдат и офицеров и несколько тысяч беженцев.

Такие же, как выразился генерал Горбатов, «очумелые атаки» в северном направлении отбивала 3-я армия:

«Мы намеревались выйти к реке Даме, но, продвинувшись за линию озер на два-три километра, были вынуждены на этом рубеже остановиться. Противник продолжал нас атаковать плотными цепями; гитлеровское командование совсем уже переставало считаться с потерями.

29 апреля противник обрушится на нас всей массой живой силы и огня. Ожидая этого, мы хорошо окопались и запаслись патронами. Действительно, с рассветом немцы перешли в наступление более плотными боевыми порядками и атаковали не цепями, а колоннами. Военного разума в этом уже не оставалось нисколько. Храбрости — тоже. Их гнали вперед отчаяние и, конечно, стрелявшие им в спину фашистские заградительные отряды (*Горбатов — генерал «авторитетный», но в данном случае не очень верится в «фашистские заградотряды»*). Трудно себе представить этот бой в редком сосновом бору без единого кустика! Наши войска стреляли лежа, с упора, уверенно и метко. Противник же шел во весь рост и стрелял на ходу, неточно, не видя цели. Вся двенадцатикилометровая полоса перед нами была усеяна трупами врагов.

В течение этого дня случалось несколько раз так, что командирам батальонов (которые были в одной цепи с солдатами) казалось, будто на их участке оборона не выдержит и враг прорвется. Но выдержали все.

Лишь кое-где удалось просочиться мелким вражеским группам, но и они были уничтожены или пленены нашими тыловыми подразделениями. Самая крупная группа — веро-

ятно, более трех тысяч человек — прорвалась на стыке наших двух дивизий, но и те недалеко ушли».

Те немецкие части, которые не смогли пробиться через советские заслоны, были уничтожены или пленены к исходу 1 мая. В ходе ликвидации франкфуртско-губенской группировки советские войска взяли в плен 120 тысяч человек, захватили свыше 1500 полевых орудий, 17 600 автомашин и много различного военного имущества.

Маршал Конев, сравнивая действия Венка и Буссе с профессиональной точки зрения, отдавал должное последнему: «Венк, получив сильные удары в первых же боях, в дальнейшем продолжал воевать, если так можно выразиться, по протоколу, только бы выполнить приказ, и не больше. А 9-я армия, пробиваясь из окружения, действовала смело, напористо, дралась насмерть. И именно таким решительным характером своих действий доставила нам немало неприятностей и трудностей в последние дни войны».

А Венк действительно выдохся. Во второй половине дня 29 апреля он послал в ОКВ радиограмму:

«Армия, и в особенности 20-й армейский корпус, который временно установил контакт с гарнизоном Потсдама и смог обеспечить отход последнего, на всем фронте находится под столь сильным давлением противника, что наступление на Берлин более невозможно, тем более что на поддержку силами 9-й армии тоже нельзя рассчитывать».

Между тем из берлинского бункера в Мекленбург, куда перекочевал КП «ОКВ-Норд», неслись на коротких волнах запросы фюрера:

«Где Венк? Когда начнется наступление на потсдамском направлении?»

«Где 9-я армия?»

«Где группа Хольсте?»

«Почему не наступает Штайнер?»

Кейтель вспоминал:

«За ужином мы обсудили с Йодлем возможные варианты ответов — первый из них я составил сам. По-солдатски, без сглаживания и в полном соответствии с серьезностью положения, я доложил о безнадежности попыток освобождения

Берлина. В результате отступления левого крыла группы армий «Висла» на запад Штайнер не может развивать наступление на Берлин и вместе с корпусом Хольсте вынужден теперь обеспечивать тыловое прикрытие группы армий... О нахождении главных сил Теодора Буссе нам ничего не известно...

В заключение я написал: «Считаю безнадежными попытки деблокировать Берлин и пробить коридор с западного направления. Предлагаю прорываться через Потсдам на соединение с Венком, во всех остальных случаях — незамедлительный вылет фюрера в Южную Германию».

Получив этот ответ, Гитлер пошел писать завещание и чистить свой «вальтер», а адъютанту велел запастись бензином.

29 апреля 12-й гвардейский танковый корпус 2-й танковой армии захватил исправный мост через Ландвер-канал и бился за расширение плацдарма. Войска 5-й ударной армии штурмовали комплекс каменных зданий гостипографии. Части 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий после ожесточенных боев к 21 часу вышли к Будапештерштрассе на участке южнее Зоологического сада. Дальнейшее продвижение было остановлено «мощной огневой завесой» из сада, где, в частности, находилась зенитная башня № 1. Катуков пишет:

«Зоологический сад, за которым виднеется зеленый массив парка Тиргартен, обнесен железобетонным забором двухметровой высоты. В самом парке возвышались железобетонные бункера, а каменные здания были заранее подготовлены к обороне. Все улицы, ведущие к зоосаду, были перекрыты баррикадами, которые простреливались артиллерийско-пулеметным огнем. Гарнизон сада насчитывал до 5 тысяч человек. Ликвидировать этот последний узел нам предстояло совместно с гвардейцами 39-й стрелковой дивизии...

Огонь открыт из всех орудий. Зоосад заволокло пылью и гарью. В этой страшной какофонии даже не слышен рев моторов наших бомбардировщиков, хотя проносились они совсем низко и, развернувшись над зоосадам, обрушивали на

него бомбовый удар. И вот сигнал к атаке. Автоматчики, саперы, мотострелки устремились в проделанные проходы и овладели районом аквариума. Но захватить железобетонные бункеры не удалось. Фашисты защищали их с упорством и отчаянием обреченных. Тогда на прямую наводку поставили 152-мм орудия и с дистанции 200—300 метров ударили из них по бункерам. Не помогло! Бункеры продолжали огрызаться огнем, тяжелые снаряды не пробивали их толстых стен».

3-й гвардейской танковой армии в новых границах «осталось очистить площадь около 4 км городского района Вильмерсдорф». Соревнование с Жуковым Конев проиграл: «Каждый, кто воевал, поймет, как психологически трудно было Павлу Семеновичу (*Ивану Степановичу еще труднее.* — Авт.) выводить своих танкистов за установленную линию. И в самом деле: они первыми вошли в прорыв, первыми повернули к Берлину, захватили Цоссен, форсировали Тельтов-канал, с окраин Берлина после жесточайших и кровопролитных боев прорвались к его центру и вдруг в разгаре последней битвы получили приказ сдать свой участок соседу. Легко ли пережить это? Конечно, приказ есть приказ, и его, разумеется, необходимо безоговорочно выполнить. Он и был выполнен, но далось это нелегко».

Севернее города войска 61-й армии Белова силами 89-го стрелкового корпуса переправились через канал Гогенцоллерн и вели наступление по его северному берегу, заходя в тыл группировке Штайнера. Наступавшие южнее канала части 80-го стрелкового корпуса вышли в район Ораниенбурга. После чего остатки группы Штайнера побежали к Эльбе.

В Италии, в штабе фельдмаршала Александера, представители германского командования подписали документ о безоговорочной капитуляции группы армий «Ц». Советскую сторону представлял генерал А.П. Кисленко.

30 апреля корпуса 2-й гвардейской танковой армии вышли к парку Тиргартен. Для содействия танкистам Богданова в город была прислана 1-я польская пехотная дивизия. Продвижение 5-й ударной армии практически застопорилось. Части Катуква штурмовали Зоологический сад, части Кузнецова — рейхстаг.

Бои за «объект №105» войска 3-й ударной армии завязали еще накануне.

Никакой роли в жизни Третьего рейха это учреждение времен Веймарской республики не играло, но именно его выбрали на роль «исторического олицетворения германского государства» и «оплота фашизма». А с другой стороны, что-то все равно надо было выбрать. Серое, ничем не примечательное, кроме стеклянного купола, заслоняемое громадами Королевской оперы и «дома Гимmlера», двухэтажное здание рейхстага советские командиры поначалу не смогли даже опознать. Сквозь дым и мглу генерал Шатилов со своего наблюдательного пункта напряженно рассматривал в бинокль купол с бронзовым всадником у основания. Черт его знает — сильно смахивает на наш Большой театр: «Я прикинул со своего направление и расстояние. Да, наверное, рейхстаг. Ведь должен он чем-то выделяться среди окружающих домов. А как его еще отличишь? До сих пор мне не приходилось видеть фотографий или картин с изображением рейхстага, не приходилось и слышать устных описаний его. «Потом еще раз прикину по плану, удостоверюсь, — решил я. — Да и пленным надо спросить. А то, чего доброго, возьмем что-нибудь не то — сраму не оберешься...»

Гарнизон рейхстага насчитывал около тысячи солдат и офицеров. Вокруг здания были отрыты глубокие рвы, устроены различные заграждения, оборудованы артиллерийские и пулеметные огневые точки. Перед фасадом на прямую наводку были выставлены 88-мм зенитные пушки, справа, у Бранденбургских ворот, — вкопаны танки.

Задача по овладению рейхстагом была возложена на 79-й стрелковый корпус генерала С.Н. Переверткина. В первом эшелоне наступали 150-я дивизия генерала В.М. Шатилова и 171-я дивизия полковника А.И. Негоды. Их поддерживали 23-я гвардейская танковая бригада, 351-й полк тяжелых самоходов, 85-й танковый полк и 1203-й самоходно-артиллерийский полк — 63 танка и САУ. Военный совет армии заблаговременно выдал каждой дивизии Знамя Победы для водружения на куполе здания, всего, стало быть, девять знамен. Так, 150-й стрелковой дивизии досталось Знамя № 5. Комдив

генерал В.М. Шатилов вручил его своему фавориту, командиру 756-го стрелкового полка полковнику Ф.М. Зинченко, а тот, в свою очередь, — «лучшим разведчикам» 1-го батальона сержантам М.А. Егорову и М.В. Кантарию. Кроме того, в каждом батальоне, роте, взводе, отделении для обозначения занятой территории имелись собственные красные флажки разной величины и формы.

В течение 29 апреля 756-й стрелковый полк 150-й дивизии и 380-й стрелковый полк 171-й дивизии, захватив мост Мольтке, переправились на южный берег Шпрее и очистили от противника прилегающие здания. В 15.00 части двух дивизий атаковали рейхстаг, но вскоре залегли под перекрестным огнем. Вечером генерал Шатилов ввел в бой 674-й стрелковый полк подполковника А.Д. Плеходанова, который, в отличие от прочих героев этой истории, мемуаров не оставил. Но его записи сохранились:

«29 апреля примерно в 22 часа 30 минут, меня вызвал на свой наблюдательный пункт, который находился в туннеле под железной дорогой, В. Шатилов и сказал:

— Товарищ Плеходанов! У Зинченко большие потери. Вести наступление одним батальоном Неустроева он не может. Говорит, что в этом батальоне осталось всего 75 человек. Так что придется штурмовать рейхстаг тебе. Подготовься к штурму. Неустроев будет тебе помогать.

По дороге на свой наблюдательный пункт, подвалами и через проломы в стенах домов, я пошел посмотреть, какова обстановка в полку Зинченко, можно ли рассчитывать на его помощь. Полк Зинченко был действительно сильно потрепан. Оставшиеся в строю воины (их было немного) расположились в комнатах большого здания на берегу Шпрее. В одной из комнат я нашел Зинченко. Он стоял возле койки с нераскуренной трубкой во рту. Поздоровавшись, я спросил:

— Будем штурмовать рейхстаг?

Он крепко выругался и ответил:

— Чем я буду штурмовать? Остатками батальона Неустроева? Нет, дружище, валяй сам.

Я распрощался и ушел.

Зная, что полк Зинченко в атаке участвовать не будет, а

знамя Военного совета находится там, я сказал лейтенанту Сорокину и парторгу подразделения Виктору Правоторову, которые в это время находились при мне, чтобы они подготовили Красное Знамя для водружения на рейхстаге.

Разведчики обрадовались, заволновались. Вскоре раздобыли где-то перину и привели двух пленных генералов. Здесь же, на наблюдательном пункте, перину выпотрошили. Кто-то принес нечто похожее на древко. Подстругали его кинжалами. Знамя получилось грубоватым, но зато прочным и большим.

Вручив Красное Знамя разведчикам, я поставил задачу водрузить его на крыше, у скульптурной группы».

К утру после тяжелого боя советская пехота овладела крупным узлом сопротивления — домом, где размещалось Министерство внутренних дел и швейцарское посольство; все называли его «домом Гимmlера».

Потери действительно были велики. В ротах насчитывалось по 30—40 человек. Последним пополнением дивизий 79-го стрелкового корпуса стали бывшие узники Моабитской тюрьмы.

К полудню части корпуса заняли исходные позиции с целью захвата рейхстага и прилегающих зданий. 207-я стрелковая дивизия должна была взять Оперный театр, откуда велся фланкирующий огонь. Часть подразделений выдвинулся на Кёнигплац, к заполненному водой рву, пересекавшему площадь. Основные силы первого эшелона заняли места у окон в «доме Гимmlера».

В полдень, после сильной артподготовки, батальоны бросились на штурм. Через полтора часа, преодолев ров, под прикрытием артиллерийского огня и дымовых шашек в здание с разных сторон ворвались группы из 1-го батальона 380-го полка капитана К.Я. Самсонов, 1-го батальона 674-го полка капитана В.И. Давыдова и 1-го батальона 756-го полка капитана С.А. Неустроева. Генерал Шатилов докладывал: «Группа смельчаков 756 сп водрузила знамя на первом этаже в юго-западной части рейхстага в 13.45 30.04.45 г. 674 сп — в 14.25 30.04. 45 г. в северной части западного фасада здания... Рейхстаг был взят 1/674 и 1/756 сп». Позже в своих мемуарах

генерал напишет: «Первыми были в полном составе рота Петра Греченкова, группа разведчиков лейтенанта Сорокина и рота Ильи Сьянова».

Имена смельчаков из взвода Сорокина известны: старшие сержанты Лысенко, Орешко, Правоторов, красноармейцы Булатов, Брюховецкий, Почковский.

Виктор Правоторов вспоминал: «Находим окно. Улучив момент, влезли в окно, предварительно бросив туда по гранате. Коридорами вышли на лестницу, забрались на второй этаж. Здесь мы с Булатовым подошли к разбитому окну, посмотрели на Королевскую площадь, за которой в домах и прямо на улицах залегли наши бойцы, приготовившиеся к решительному штурму. Гриша Булатов просунул знамя в окно, помаhal им, затем мы укрепили его. В это время внизу слышались выстрелы, взрывы гранат, стук сапог. Мы готовились к бою. Гранаты и автоматы — на чеку. Но схватка не состоялась. Это по нашим следам пришли Лысенко, Брюховецкий, Орешко, Почковский. С ними лейтенант Сорокин.

— Отсюда его плохо видно, ребята, — сказал он. — Надо пробираться на крышу.

По той же лестнице стали подниматься все выше и выше и нашли выход на крышу. Цель достигнута. Где поставить знамя? Решили укрепить у скульптурной группы. Подсаживаем Гришу Булатова, и наш самый молодой разведчик привязывает флаг к шее огромного коня. Посмотрели на часы: стрелки показывали 14 часов 35 минут».

(По поводу часов. На мосту Мольтке стоял «небритый солдат в ватнике» и всем, двигавшимся в сторону рейхстага, вручал швейцарские часы: «Чтобы, значит, время нашего штурма навсегда запомнить».)

Основные силы 150-й стрелковой дивизии были отсечены от рейхстага сильнейшим огнем от Карлштрассе и со стороны Бранденбургских ворот.

Из записок подполковника А.Д. Плеходанова:

«Через несколько минут отважная горстка солдат из роты лейтенанта Греченкова и разведчиков взвода Сорокина достигла главного входа в рейхстаг и скрылась в нем. Остальные

были отрезаны. Одни из них залегли на площади, другие — отошли назад.

Что было в это время в рейхстаге, я не знал. Неизвестной была и судьба ворвавшихся в него смельчаков. И вдруг я услышал радостный крик моего связного:

— Товарищ подполковник! Посмотрите на крышу рейхстага. Вот туда, где возвышается всадник!

Я поднял бинокль и увидел Красное Знамя, а возле него движущиеся две крохотные фигурки. Это было в 14 часов 25 минут. Как я узнал позже, движущимися фигурками были сержант Правоторов и рядовой Булатов.

Трудно передать то чувство радости и гордости, которым наполнилось в тот момент мое сердце. Это знамя вскоре увидели воины других частей дивизии. Огонь по рейхстагу и другим вражеским огневыми точкам возрос с новой силой.

В это время мне позвонил командир дивизии В. Шатилов и спросил, какова обстановка. Я доложил: часть солдат из батальона Давыдова и взвода полковой разведки проникла в рейхстаг. Остальные отошли назад. Многие залегли на Королевской площади.

— Есть связь с теми, кто в рейхстаге? — спросил командир дивизии.

— Нет, — ответил я. — Но беспокоиться за них не стоит. Они уже проникли на крышу и водрузили там Красное Знамя Победы.

— Какое знамя? — удивился генерал. — Ведь оно в штабе Зинченко.

— Знамя моих разведчиков. Самодельное. Они его подготовили перед штурмом.

Около 16 часов, когда огонь несколько стих, ко мне на НП пришел полковник Зинченко с телефонным аппаратом через плечо. Он был не один, со своей боевой подружкой Зиной. Они принесли бутылку шампанского и торт. Поздравили меня с победой.

Вскоре мне снова позвонил В. Шатилов. Он приказал подготавливаться к третьей атаке, спросил, не могу ли я во время нового штурма перенести свой наблюдательный пункт в рейхстаг. Я ответил, что делать это еще рано. Справа атакуют

немцы на танках, левее — бьют их артиллерийские орудия. Да и вообще вся площадь перед рейхстагом сильно простреливается. А если мне и удастся перенести свой НП в рейхстаг, то руководить боем будет невозможно. Мы можем оказаться отрезанными и потерять рейхстаг. В заключение я предложил генералу послать туда Зинченко, сказал, что он находится у меня на НП. Генерал попросил передать трубку.

Закончив разговор с В. Шатиловым, Зинченко недовольно сказал:

— Старик беспокоится о знамени Военного совета. Говорит, что комкор Переверткин не дает покоя, все время спрашивает о знамени Военного совета армии. Приказывает водрузить его.

Я сказал Зинченко, что обижаться не следует, надо пробираться в рейхстаг, что войск у него нет, руководить нечем, а отсиживаться на моем НП неудобно».

О водружении флага над рейхстагом было немедленно сообщено в штаб фронта. Генерал Кузнецов в 16.00 подписал приказ: «Сегодня в 14 часов 25 минут части генерал-майора Переверткина, полковника Негоды, генерал-майора Шатилова после ожесточенного упорного боя штурмом овладели зданием рейхстага в Берлине и водрузили над ним гордый флаг Советского Союза. Разгромлен оплот немецкого фашизма». Аналогичный приказ издал Военный совет 1-го Белорусского фронта. Наконец, Совинформбюро донесло радостную весть до всех советских граждан: «Сегодня в четырнадцать часов советские бойцы овладели зданием немецкого рейхстага и водрузили на нем знамя победы».

После того как были отбиты немецкие контратаки с флангов, советская пехота в 18.00 бросилась к главному входу рейхстага. В здание пробивались все новые и новые группы. С вводом вторых эшелонов его судьба была решена окончательно. Этажи здания были в основном очищены от противника, лестницы блокированы, остатки гарнизона загнаны в подвалы. Около 18.30 группа бойцов 1-го батальона 756-го стрелкового полка под командованием капитана В.Н. Макова — сержанты Г.К. Загитов, А.Ф. Лисименко, М.П. Минин — тоже поднялась на крышу и закрепила флаг на фрон-

тоне. Час спустя прибыл полковник Зинченко, установил связь с командиром дивизии и был назначен им комендантом рейхстага.

По свидетельству очевидцев, лейтенант Сорокин, увидев телефон, попросил разрешения позвонить и, будучи допущенным к аппарату, начал докладывать Плеходанову о том, что Знамя Победы водружено на крыше рейхстага. В этот момент полковник Зинченко выхватил из рук лейтенанта телефонную трубку и «со всей силой ударил его по голове».

Разыгралась нешуточная драма. На здании по-прежнему развевалась дурацкая «перина» без звезды, серпа и молота, а Знамя №5 — «красное полотнище размером 188 на 82 см» со всей положенной атрибутикой — находилось неизвестно где. Так же, как и прикрепленные к нему знаменосцы:

«То ли в горячке боя, то ли не придавая этому вопросу особого значения, но о знамени Военного совета все как-то забыли. Должно быть потому, что на крыше уже было знамя моих разведчиков. Спыхватились лишь поздно ночью. По приказу Зинченко (а Зинченко действовал по приказу В. Шатилова) была выделена группа бойцов на срочные розыски Егорова и Кантарии. Их нашли не скоро, к рассвету Первого мая, где-то в обозе 756-го полка. Но знамени Военного совета с ними уже не оказалось. Тогда Зинченко раздобыл где-то новое знамя, вручил его Егорову и Кантарии, окружил их на всякий случай, чтобы снова не «затерялись», автоматчиками и приказал подняться наверх и установить где-нибудь на крыше, но, конечно, не на куполе, т.к. он был разбит, и одна его часть обрушилась. Те так и сделали».

Таким образом, отважные разведчики «взяли рейхстаг» намного позже своего командира полка!

Из воспоминаний В.Н. Правоторова: «Поздно ночью мы встретились с пехотинцами из другого полка — Егоровым и Кантарией. Сопровождаемые группой автоматчиков, они несли знамя Военного совета армии. Егоров обратился к нам:

— Выручайте, товарищи. Как пробраться на крышу?

Мы показали им дорогу, вместе с ними поднялись на крышу. Здесь, рядом с нашим флагом, у скульптурной группы, мы помогли пехотинцам укрепить знамя Военного совета на-

шей армии. Это было на рассвете нашего светлого праздника Первого мая...

Я лично к Егорову и Кантарии никаких претензий не имею. Славные ребята. Ничего они себе не приписывали. Не виноваты они, что их искусственно сделали героями. И ничуть они не самозванцы. Наоборот, скромные хлопцы. Помню, стоим мы, разведчики, у коней на крыше рейхстага и салютуем Знамени Победы. В это время фотокорреспонденты и кинооператоры снимают нас. В стороне стоят Егоров и Кантария. Я кричу им:

— Давай, ребята, к нам!

Они ни с места. Улыбаются. А Кантария с акцентом отвечает:

— Нам чужой славы не надо.

Итак, Кантарию и Егорова приглашали присоединиться к группе воинов, салютующих Знамени, и они, проявив тогда солдатскую скромность, отказались. Зато их командир капитан Неустроев, которого не приглашали, поступил иначе. Он сказал:

— Ребята, можно с вами сфотографироваться?

— Становись. Что нам, жалко.

У нас было отличное настроение».

Отдельные группы врага, засевшие в отсеках подвалов, продолжали отстреливаться и капитулировали лишь в ночь на 2 мая. Советские солдаты камнями и карандашами, штыками и перочинными ножами самозабвенно выводили на стенах свои фамилии. Оставил свою «визитную карточку» и Виктор Правоторов: «Знайте наших. Мы из Донбасса, из Макеевки».

В составленном по горячим следам наградном листе на присвоение звания Героя Советского Союза А.Д. Плеходанову написано:

«674 СП первым ворвался в столицу фашистской Германии — Берлин и успешно вел уличные бои. Личный состав полка проявил подлинное воинское мастерство при форсировании двух каналов. В упорных боях овладел несколькими улицами Берлина и его пригородов, а также захватил ряд не-

мецких заводов оборонного значения и сейфы с запасом золота и серебра, 46 кг золота и свыше 20 тонн серебра.

30.4.45 г. полк ПЛЕХОДАНОВА после двухдневных ожесточенных боев первым штурмом овладел рейхстагом и захватил в плен 2 генералов».

К званию Героя был представлен лейтенант Сорокин:

«Он со своим взводом разведки 674 СР 30.4.45 г. в 14 ч. 25 м. водрузил над рейхстагом Знамя Победы».

И на пятерых разведчиков в корпусе и армии были подписаны геройские листы. Вот только Золотых Звезд никто из них не получил.

Переписывать историю набело и ваять легенду начали практически сразу.

Главными героями штурма рейхстага стали сержанты Егоров и Кантария, водрузившие на самый купол «настоящее знамя», а также их прямые начальники комбат Неустроев и комполка Зинченко. Политотдел ведь не просто так выбирал для почетной миссии «отважных разведчиков»: грузин и природный русак — такое должно понравиться товарищу Сталину.

Для начала от участия в штурме рейхстага «отстранили» 171-ю стрелковую дивизию. Затем забыли про 674-й полк: бойцы Сорокина, оказывается, установили свое знамя только в окне второго этажа. И вообще, «весь рейхстаг был в красных флагах, а официальное знамя одно».

Из записок Плеходанова:

«После дня Победы наш полк, выполнив порученное задание, вернулся в свою дивизию. Вскоре в честь героев штурма рейхстага командование корпуса решило устроить банкет. Это было на даче Геринга. Командир корпуса, глядя на листок бумаги, провозгласил тост, назвав командира дивизии В. Шатилова, воинов 756-го полка: Ф. Зинченко, С. Неустроева, И. Сьянова, Береста, Егоров, Кантария. А затем лишь упомянул меня, моего заместителя по политчасти Субботина, командира батальона Давыдова, командира роты Греченкова. Тогда из-за стола встала врач медчасти Р. Дроздова, которая отлично знала, кто штурмовал рейхстаг, кто первым проник туда и водрузил Знамя Победы. Она сказала:

— Так это и есть все герои штурма рейхстага? Позвольте, а где же остальные герои и, в частности, разведчики 674-го полка, которые первыми ворвались в рейхстаг и водрузили на нем Знамя Победы?

— На банкет приглашены только офицеры, — ответил В. Шатилов.

— Но я вижу вон Егорова и Кантария. Какое отношение они имеют к Знамени Победы? Если говорить честно, я больше на это имею право. Во время всех трех штурмов рейхстага я находилась на НП полка Плеходанова. Вместе с Плеходановым вошла в рейхстаг. А Егоров и Кантария пришли туда на много часов позже меня. Да еще вдобавок к тому — под охраной.

Среди собравшихся произошло замешательство. Люди стали переглядываться, шептаться. Назревал скандал. Чтобы избежать его, мы, офицеры 674-го полка, убрались восвояси. Банкет не получился...

Не забуду я и дня, когда в дивизии отбирали в Москву воинов для участия в первом параде в честь победы над фашистской Германией. Делалось все втихомолку, скрыто и в спешном порядке. Помню, В. Шатилов отобрал тогда Съянова, Егорова, Кантария и еще кого-то из полка Зинченко, несколько воинов из других частей дивизии. И в отместку нам, ни одного представителя 674-го полка, взявшего рейхстаг!»

Следующим шагом стала попытка поставить знаменосцев в ряды первого эшелона, чтобы время совершения «подвига» не расходилось с донесениями и журналами боевых действий. Так, 3 июня 1945 года начальник политотдела 3-й ударной армии полковник Ф.Я. Лисицын составил на имя начальника политуправления 1-го Белорусского фронта обширную докладную, в которой подробно описывал обстоятельства и участников водружения знамени Победы над рейхстагом:

«После ожесточенного кровопролитного боя батальон капитана Неустроева ворвался в рейхстаг. Почти одновременно, наступая с севера и востока, в рейхстаг ворвались батальоны майора Давыдова (674 сп 150 сд) и капитана Самсонова (380 сп 171 сд)...

Ничто не могло остановить Неустроева и его воинов. Бойцы

умело маневрировали в запутанном лабиринте коридоров и комнат, смертным боем били немцев. В это время воины 1-й стрелковой роты мл. сержант Кантария Мельтон Варламович, красноармеец Егоров Михаил Алексеевич и заместитель командира батальона по политчасти лейтенант Берест Алексей Проконьевич с боем прорвались на купол — самую высокую точку здания рейхстага и водрузили на нем Знамя Победы.

Так 30 апреля в 14.25 минут над Берлином взвилось Красное знамя — Знамя Победы, водруженное нашими храбрецами».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года полковнику Зинченко было присвоено звание Героя Советского Союза. 8 мая 1946 года Героями стали Егоров, Кантария, комбат Самсонов. Разведчикам Сорокина отвесили по ордену Красного Знамени. Впрочем, кажется, его они тоже не получили. Во всяком случае, Павел Брюховецкий ушел на гражданку с двумя медалями: «За взятие Берлина» и «За победу над Германией»

Высочайшее мнение было принято к сведению, и 9 мая 1946 года газета «Правда» опубликовала статью И. Золина:

«Первыми ворвались в рейхстаг полковые разведчики Михаил Егоров и Милитон Кантария... Они поднимались все выше и выше, пока не добрались до купола и водрузили Знамя. Это было 30 апреля в 14.25».

Потом время водружения знамени стали притягивать к моменту фактического появления Егорова и Кантарии в рейхстаге, и 30 апреля 1965 года газета «Правда» (!) сообщила, что Кантария с Егоровым установили Знамя утром 1 мая. Генерал Шатилов дал «Литературной газете» следующее интервью: «Знамя Победы водружено на куполе рейхстага. Это было 30 апреля в 22 часа 50 минут». Если он имел в виду знамя Военного совета, то никакого противоречия здесь нет. Но в других своих воспоминаниях генерал писал достаточно ясно: «Сначала оно появилось на первом этаже, но бой продолжался в самом здании рейхстага по очистке этажей, и только к 22.00 это знамя было поставлено на самом верхнем куполе».

В мемуарах Шатилова подвиг разведчиков представлен уже во всей красе:

«Егоров и Кантария под прикрытием группы Береста про-

должали пробиваться к верхним этажам. Внезапно каменная лестница оборвалась — целый марш оказался разбитым (*Ерунда! Что значит писать о том, чего сам не видел. Я, например, поднимался на крышу рейхстага по совершенно целой лестнице.* — А.Д. Плеходанов). Замешательство было недолгим. «Я сейчас!» — крикнул Кантария и метнулся куда-то вниз (*Удивительная оплошность охраны: она что, забыла свои обязанности?* — А.Д. Плеходанов). Вскоре он появился с деревянной стремянкой (*автор забыл, что пишет о рейхстаге, а не о складе с различным хламом.* — А.Д. Плеходанов). И снова бойцы упрямо полезли вверх.

Вот и крыша. Они прошли по ней к громадному всаднику. Под ними лежали укутанные в дымные сумерки дома. Кругом метались вспышки. По кровле постукивали осколки. Где прикрепить флаг? Около статуи? Нет, не годится. Ведь было сказано — на купол. Ведущая на него лестница шаталась — она была перебита в нескольких местах.

Тогда бойцы полезли по редким ребрам каркаса, обнажившегося из-под разбитого стекла. Передвигаться было трудно и страшно. Карабкались медленно, друг за другом, мертвой хваткой цепляясь за железо. Наконец достигли верхней площадки. Прикрутили ремнем к металлической перекладине Знамя — и тем же путем вниз. Обратный путь был еще труднее и занял больше времени.

Когда Егоров и Кантария предстали перед Неустроевым, на часах было без десяти одиннадцать вечера. А пять минут спустя Зинченко торжественно доложил мне по телефону:

— Товарищ генерал, Знамя Военного совета укреплено на куполе рейхстага в двадцать один час пятьдесят минут по московскому времени!»

Полковник Зинченко поступил еще проще. Он вдруг вспомнил, что на самом деле дневная атака была неудачной, никто в рейхстаг не ворвался, «подразделения не продвинулись ни на метр», все донесения и сводки — следствие чьего-то (?) недостоверного доклада. Ну а дальше, как по писаному: «Егоров и Кантария со знаменем бегут к рейхстагу... Вражеские пули посвистывали вокруг, одна из них вонзилась в древко знамени, расщепив его. У Егорова были прострелены брюки,

у Кантария — пилотка. Но и в этот момент они не дрогнули, не отступили, мужественно прошли эти последние метры и исполнили свой долг».

В ответ полковник Плеходанов написал в 1966 году статью «Как свершилась афера века»:

«После демобилизации из Советской Армии, и особенно в последние годы, когда был развенчан культ личности, участники штурма рейхстага и водружения на нем Знамени Победы неоднократно обращались (письменно и устно) в самые различные инстанции с просьбой помочь разобраться, установить истину в деле водружения Знамени Победы.

Они единогласно заявляли, что Егоров и Кантария никакого отношения к водружению Знамени не имеют. Больше того, врученное им знамя Военного совета армии они потеряли, позорно сбежали с поля боя. В рейхстаг эти горе-воины пришли, как говорится, на шапочный разбор, тогда, когда на нем уже почти сутки развевалось Знамя Победы, причем пришли в сопровождении группы автоматчиков. Все свои заявления настоящие герои подкрепляли убедительными и неопровержимыми доказательствами...

Вся эта семерка разведчиков и их боевые друзья неоднократно рассказывали ответственным товарищам, пытающимся их подвиг потопить в массовом героизме. Однако нигде и никогда они не получили вразумительного ответа. Обещанные перед штурмом рейхстага от имени Верховного Командования высшие правительственные награды за водружение Знамени Победы так и остались неврученными и спустя 20 с лишним лет после окончания войны.

И в то же время, издеваясь над этими героями, вот уже два десятка лет чествуют тех, кто убежал с поля боя, кто никакого отношения не имеет к взятию рейхстага и водружению на нем Знамени Победы. Кому нужна эта ложь, какой цели она служит? Этой фальсификации пора положить конец».

Статью, разумеется, не опубликовали. О «нечистоплотности» и искажении фактов Шатиловым и Зинченко писали (Сталину, в газеты «Правда», «Известия», «Московский комсомолец», в Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета, писателям С.С. Смирнову и М.А. Шолохову) еще

живые участники событий: Виктор Правоторов, Семен Со-рокин, Иван Лысенко, Григорий Булатов, Михаил Минин, но единоборство с системой проиграли. При Сталине их вы-зывали на интимный разговор в райком, выносили партий-ные взыскания и намекали на незавидные перспективы; при Хрущеве и Брежневе — посылали в Институт марксизма-ле-нинизма. Наверное, сегодня, будь они живы, их обозвали бы «очернителями истории».

Подполковник в отставке Неустроев (кстати, почему со-рокалетний подполковник — в отставке. Я — капитан-лей-тенант и почти на десять лет старше, но числюсь в запасе. Злые языки пишут, что Степан Андреевич пропил свою Звезду, а Шаталин выхлопотал для него дубликат) долгие годы ездил по стране с лекциями, проповедовал официаль-ную версию, но на заре перестройки решил открыть «правду». Неустроев подтвердил одновременно и утвержде-ние Зинченко о том, что штурм состоялся в 18 часов, и ут-верждение Плеходанова, что Егоров и Кантария прибыли к шапочному разбору. Но зато, и этот факт не позволяет отно-ситься к воспоминаниям серьезно, батальон Неустроева са-мостоятельно захватил рейхстаг, в то время как батальоны Самсонова и Давыдова до поздней ночи отражали атаки «справа и слева», не доходя до рейхстага «ста — ста пятиде-сяти метров».

Так и выходит, что мы до сих пор штурмуем рейхстаг.

С этим знаменем связан еще один анекдот. 9 мая по при-казу командира 79-го стрелкового корпуса Знамя Победы сняли с крыши рейхстага и заменили «большим алым стя-гом». Генерал Переверткин загорелся идеей лично вручить победный стяг «нашему великому вождю, любимому мар-шалу Иосифу Виссарионовичу Сталину». В середине мая к коменданту Берлина генералу Берзарину обратился пред-ставитель Центрального артиллерийского музея Красной Армии с предложением передать знамя в представляемый им музей. Генералу идея понравилась, и 20 мая по этому по-воду состоялся парад частей 5-й ударной армии с торжест-венной церемонией передачи знамени. Корреспонденты ТАСС и «Красной звезды» с должной помпой осветили со-

бытие. Двое суток спустя выяснилось, что в Москву на вечное хранение убыл «большой алый стяг», а подлинное Знамя хранится в штабе 3-й гвардейской армии. В общем, неловко получилось.

30 апреля, примерно в 15.30, Адольф Гитлер застрелился. Труп завернули в одеяло, вынесли в сад имперской канцелярии, облили бензином и сожгли. Сталин слегка огорчился: «Жаль, что не удалось взять его живым». Уже опознав останки, советские эксперты, чтобы сделать Вождю приятное, напишут, что фюрер был наркоман, психопат, однойцевый импотент и отравился «крысиным ядом».

В 3 часа ночи 1 мая начальник Генерального штаба ОКХ генерал Кребс с сопровождающими лицами по договоренности с советским командованием пересек линию фронта и прибыл в штаб генерала Чуйкова. Кребс сообщил о самоубийстве Гитлера, передал список членов нового имперского правительства и Верховного командования, а также обращение свежеепеченного рейхсканцлера Геббельса к товарищу Сталину: «Я уполномочен Борманом установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери». Рейхспрезидентом стал гросс-адмирал Денниц, главнокомандующим Сухопутных сил — фельдмаршал Шёрнер. Смысл предложений Геббельса—Бормана заключался в том, что Иосиф Виссарионович, в соответствии с завещанием Гитлера (!), должен признать «легальное» нацистское (!!!) правительство и сесть с ним за стол переговоров. Одновременно принять необходимые меры, чтобы не появилось какое-нибудь другое — «нелегальное» правительство. А иначе ж никакого порядка не будет!

Ответ Кремля был прост: никакого перемирия, немедленная и безоговорочная капитуляция гарнизона. Кребс убыл несолоно хлебавши.

Бесплодные разговоры в штабе 8-й гвардейской армии никак не повлияли на интенсивность боев в Берлине. Штурм продолжался. В центре города сгрудились две танковые и три общевойсковые армии: «Дана команда: огонь на полную»

мощность и быстрее добить врага! Берлин гремит и стонет от выстрелов и взрывов. Нужен еще один рывок...» Генерал Соколовский отмечал: «Нагромождение техники часто не позволяло вывести необходимые тяжелые калибры на огневые позиции. Понадобилось отдать специальное распоряжение о выводе из боевых порядков войск ненужной для боя (!) артиллерии малого калибра, в том числе и 76-мм орудия».

У маршала Жукова еще оставалась надежда сделать советскому народу праздничный подарок к Первомаю.

Однако в 18 часов немцы требования о капитуляции отклонили. На последнем совещании в бункере Геббельс заявил: «Фюрер запретил капитулировать». После чего генерал Кребс пустил себе пулю в лоб. Геббельс отравился, Борман испарился. Генерал Вейдлинг отдал приказ подчиненным частям, «кто может и хочет, пусть пробиваются, остальным сложить оружие». А Жуков устроил выволочку генералу Богданову:

«Части 2-й [гв.] танковой армии ведут наступление исключительно плохо. За последние 3 дня армия не имеет вообще никаких результатов. Я вынужден строго лично вас предупредить и требую:

- 1. Организовать лучше бой, чем вы организовывали до сих пор.*
- 2. Вылезти из подвалов и видеть лично бой.*
- 3. Подготовить три-четыре танковые бригады и под личным командованием комбригов прорваться бригадам в тыл противника. За бригадами пустить главные силы корпусов и армии.*
- 4. Проявить больше решительности. Действия 12 тк увязать с действиями авиации».*

Рейхспрезидент Денниц обратился к Вермахту со словами: «Фюрер погиб. Одержимый великой идеей спасти Европу от большевизма, он посвятил ей всю свою жизнь и погиб героической смертью. В его лице из жизни ушел один из величайших людей немецкой истории. С величайшим уважением и трауром мы склоняем перед ним свои знамена... Принимаю на себя командование всеми видами вооруженных сил с твердым желанием продолжать борьбу с большевизмом до тех пор, пока сотни тысяч солдат и мирного населения не будут спасены от рабства и уничтожения. Против англичан и

американцев я буду вынужден продолжать борьбу, пока они не перестанут мешать мне бороться с большевизмом».

В ночь на 2 мая Вейдлинг через парламентариев заявил советскому командованию о капитуляции 56-го танкового корпуса. В 6 часов, перейдя линию фронта в полосе 8-й гвардейской армии, он сдался в плен. На допросе генерал показал: «Берлин располагал запасами продовольствия и боеприпасов на 30 дней, но склады были расположены на окраинах, в центре почти не было ни боеприпасов, ни продовольствия, и чем больше суживалось кольцо русских войск вокруг оборонявшихся, тем тяжелее становилось положение с боеприпасами и продовольствием, а последнюю пару дней мы почти остались и без того, и без другого».

Вскоре Вейдлинг составил приказ войскам прекратить сопротивление и сложить оружие. Несколько позже подобный приказ от имени «временного имперского правительства» подписал заместитель министра пропаганды Ганс Фриче, сообщивший также о самоубийстве своего шефа. Именно в этот миг валившего с ног от усталости и недосыпания Чуйкова ошеломила мысль: «Это уже есть конец войны».

Собственно говоря, сдача в плен уже началась. Однако в связи с тем, что управление немецкими войсками в Берлине было парализовано, приказы Вейдлинга и Фриче не могли быть доведены до всех частей. Поэтому отдельные боевые группы продолжали оказывать сопротивление и пытались прорваться из города на запад. Лишь после объявления приказа по радио началась массовая капитуляция. К вечеру организованное сопротивление прекратилось, в плен было взято 70 тысяч солдат и офицеров. По данным советской разведки, примерно 15—17 тысяч человек сумели вырваться из города: «Выход из окружения и отход из города большей частью групп совершался по тоннелям метро до стадиона «Рейхспортмельде», откуда группы двигались по различным маршрутам». Армия Венка начала отступление к Эльбе для сдачи союзникам.

Удовлетворенный развалинами Берлина генерал Катукوف писал корреспонденту Юрию Жукову: «Мы его доконали. Он

позавидует Орлу, Севастополю и ряду других городов — так мы его обработали».

В Западной Померании и Мекленбурге развертывалось успешное наступление войск 2-го Белорусского фронта. К исходу 2 мая они достигли побережья Балтийского моря, а на следующий день, выдвинувшись на рубеж Висмар—Шверин—река Эльба, установили связь со 2-й английской армией. К 7 мая войска 1-го Белорусского фронта, продвигаясь в западном направлении, вышли на широком фронте к Эльбе.

Берлинская наступательная операция закончилась 8 мая 1945 года. С падением столицы — «центра немецкого империализма и очага немецкой агрессии» — Третий рейх потерял всякую возможность ведения организованной вооруженной борьбы. В ходе операции было взято в плен 480 тысяч солдат и офицеров противника, захвачено в качестве трофеев до 11 тысяч орудий и минометов, более 1,5 тысячи танков и самоходных установок, 4,5 тысячи самолетов.

Защитники Берлина сражались до конца. О степени ожесточенности боев свидетельствуют большие потери трех фронтов. Даже по самым официальным данным, без учета двух польских армий, они составили 352 тысячи человек, из них безвозвратно — 78 тысяч (по другим данным, более 102 тысяч), 2108 орудий и минометов, 917 самолетов, 1997 танков и САУ. По интенсивности среднесуточных потерь — 15 335 человек — Берлинская операция превосходит самые кровопролитные сражения лета 1943 года. Понятно, что тяжелее всех пришлось 1-му Белорусскому фронту, из которого выбыло почти 180 тысяч убитыми и ранеными — 20% первоначального состава; сгорело 916 единиц бронетехники — 30%.

По поводу ввода в германскую столицу двух танковых армий существует два противоположных мнения, которые на самом деле не противоречат друг другу.

Маршал Василевский: «Опыт этой операции еще раз убедительно доказал нецелесообразность применения крупных танковых соединений в сражении за большой населенный пункт: они теряют здесь свои главные преимущества — ударную силу и маневренность».

Маршал бронетанковых войск Бабажданиян: «Строгая научная объективность заставит нас признать, что если в Висло-Одерской операции танки, введенные в так называемый чистый прорыв, с первого же дня получили широкий простор для стремительных действий, что принесло Красной Армии победу, а им славу, то в Берлинской операции танковые армии были использованы, увы, не лучшим образом. Их прямолинейный ввод в прорыв, удар ими в лоб обороны противника, когда они совместно с общевойсковыми армиями, совместно с пехотой атакуют один за другим оборонительные рубежи противника — все это не соответствует настоящему предназначению крупных танковых объединений, какими являются танковые армии. Речь идет не о танках непосредственной поддержки пехоты и не о танках отдельных танковых бригад, приданных общевойсковым армиям, которые, как правило, действуют так же, как первые, а о крупных танковых объединениях, предназначенных для развития успехов наступления....

Берлинская операция — наступательная, и танковые армии — крупные танковые объединения, действуя здесь, по существу, как танки непосредственной поддержки пехоты, несли значительные потери. Единственный аргумент в пользу такого же применения при штурме Берлина — то, что это финальная сцена войны, после которой сразу же должен был опуститься занавес — капитуляция врага».

Другой точки зрения придерживаются те, кто непосредственно вводил танки на улицы мегаполиса, например, маршал бронетанковых войск Рыбалко: «Сложившаяся оперативно-стратегическая и политическая обстановка в финальном этапе войны требовала быстрого захвата германской столицы. С падением Берлина предвиделся крах Германии, деморализация ее армии и неизбежно скорая капитуляция. В данных условиях обстановки использование танковой армии для непосредственной борьбы внутри крупного города диктовалось необходимостью. Сковывание ценнейших качеств танковых и механизированных войск — подвижности, применение таких войск в условиях, где они не могут использовать полностью своих боевых возможностей — огня на предельную дис-

танцию и мощи таранного удара, — оправдываются важностью операции и ее решительными результатами».

Или маршал бронетанковых войск Богданов: «Берлинская операция показала, что танковые армии могут самостоятельно вести бой и в таком крупном городе, как Берлин. Маршал Советского Союза тов. Жуков показал, как нужно использовать и применять танковые армии на различных этапах войны. Если в Варшавско-Познаньской операции танковые армии обтекали крупные города или окружали их до подхода пехоты, то в Берлинской операции Берлин, являвшийся конечной целью не только операции, но и конечной целью войны, танковые армии должны были брать самостоятельно, наравне с пехотными армиями, самостоятельно вести уличные бои в городе».

То есть, в принципе, нельзя. Но если очень хочется, то можно и даже нужно (руководствуясь подобными «тактическими принципами», российский Генштаб планировал штурм Грозного?). Правда, Рыбалко и Богданов высказывали свои соображения в 1946 году и подкрепляли свои аргументы мнением товарища Сталина, «непосредственно руководившего операцией» и требовавшего «решительных действий» с целью быстрого ее завершения.

Гитлер был жив, когда, по свидетельству Конева, раздался звонок из Ставки: «Сталин спросил: «Как вы думаете, кто будет брать Прагу?» Вопрос риторический. Советский Генеральный штаб еще 24 апреля разослал военным миссиям союзников в Москве послание:

«Просим поставить в известность генерала Эйзенхауэра, что план Советского Верховного Главнокомандования на ближайшее время предусматривает занятие Берлина, очищение от противника всего восточного берега реки Эльбы севернее и южнее Берлина, а также долины реки Влтавы, где, по нашим данным, немцы сосредоточивают значительные силы».

Это означало, что Прагу будет брать Красная Армия, а Чехословакию, как Польшу, Румынию, Венгрию, ожидают «революционные преобразования» и перспективы «социалисти-

ческого строительства» под плотной опекой Москвы. Англичане полагали, что даже временная оккупация территории Чехословакии войсками союзников имела бы важные политические последствия, и уговаривали американцев двинуть на Прагу.

В телеграмме Трумэну 30 апреля Черчилль писал: «Можно почти не сомневаться в том, что освобождение Вашими войсками Праги и как можно большей территории Западной Чехословакии может полностью изменить послевоенное положение в Чехословакии и оказать большое влияние на обстановку в соседних странах. С другой стороны, если западные союзники не примут активного участия в освобождении Чехословакии, эту страну постигнет участь Югославии».

Однако американцы, «по молодости», ничего не смыслили в геополитике. Трумэн к письму Черчилля отнесся холодно, а Маршалл предупредил Эйзенхауэра, что не стоит «подвергать риску жизни американских солдат ради чисто политических выгод». Генерал отвечал: «Я ни в коем случае не буду предпринимать никаких действий, не обусловленных военными соображениями, если только я не получу на это специального приказа от Объединенного комитета начальников штабов». Любопытно, понял ли Эйзенхауэр свою ошибку, став президентом США?

1 мая маршал Конев получил директиву готовить войска правого крыла 1-го Украинского фронта к «стремительному наступлению» на Прагу. На следующий день командующий войсками 4-го Украинского фронта генерал А.И. Еременко, овладевший, наконец, Моравска-Оставрой, получил приказ нанести удар в западном направлении с задачей захватить Прагу не позднее 12—14 мая.

Тем временем 3-я и 1-я американские армии вступили в пределы Австрии и Чехословакии, до Праги им оставалось пройти около 100 километров, русским — в полтора раза больше. 4 мая Эйзенхауэр, обратившись к начальнику Генерального штаба Красной Армии, предложил развить наступление американских войск до западных берегов Влтавы и Эльбы, то есть занять Прагу и прилегающие районы. Генерал А.И. Антонов ответил, что Красная Армия и сама справится с

этой задачей, для чего уже произведена «соответствующая перегруппировка», и выразил надежду, что Эйзенхауэр выполнит пожелание «относительно приостановки наступления его сил в Чехословакии».

Получив письмо, Эйзенхауэр приказал остановить 12-ю группу армий на линии Карловы-Вары—Пльзень—Ческе-Будеёвице.

Общий замысел Пражской операции, в котором приняли участие войска 1, 4 и 2-го Украинских фронтов, состоял в том, чтобы нанесением нескольких ударов с севера, востока и юго-востока по сходящимся направлениям на Прагу окружить, расчленить и в короткие сроки разгромить немецкие силы на территории Чехословакии, не допустить их отхода на запад и юго-запад.

Маршал Конев решил нанести главный удар силами 13-й, 3-й и 5-й гвардейских, 4-й и 3-й гвардейских танковых армий, двух танковых и кавалерийского корпусов из района Ризы вдоль берегов Эльбы и Влтавы в общем направлении на Прагу. Второй удар с целью рассечь вражескую группировку фронт должен был нанести на третий день операции из района северо-западнее Гёрлица силами 28-й и 52-й армий, а также механизированного корпуса в общем направлении на Циттау, Млада Болеслав, Прага. Третий удар в обход Дрездена с юго-востока наносила 2-я армия Войска Польского. Среднесуточный темп наступления планировался 20—25 километров.

По решению маршала Малиновского главный удар 2-го Украинского фронта намечалось нанести силами 7-й гвардейской и 6-й гвардейской танковой армий. Через два дня слева от ударной группировки должна была перейти в наступление 9-я гвардейская армия, а справа — 53-я армия с оперативно подчиненными ей двумя корпусами 1-й румынской армии и 1-я гвардейская конно-механизированная группа. 40-я армия совместно с 4-й румынской армией должна была продвигаться на Оломоуц.

Генерал Еременко продолжал выполнение задачи по ликвидации оломоуцкой группировки противника, открывая

тем самым войскам 4-го Украинского фронта дорогу на Прагу с востока.

К началу мая на 1220-километровом фронте, от Потсдама до Дуная, в составе трех Украинских фронтов действовало 20 общевойсковых, 3 танковые и 3 воздушные армии, конномеханизированная группа, а также 5 танковых, механизированный и кавалерийский корпуса — 170 дивизий. Всего к операции привлекалось свыше 2 миллионов человек, более 27 тысяч орудий и минометов, 1800 танков и САУ, 2942 боевых самолета. Начало наступления было назначено на 7 мая.

Против них действовали войска группы армий «Центр» фельдмаршала Шёрнера (4-я танковая, 17-я, 1-я танковая армии) и часть сил группы армий «Австрия» генерала Рендулича (8-я армия). Общая численность немецкой группировки в Чехословакии достигала 900 тысяч человек, имевших на вооружении 9700 орудий и минометов, 1900 танков и 1000 самолетов. Они опирались на заблаговременно подготовленную мощную оборону и были вполне боеспособны.

Правительство Дёница, разместившееся в Фленсбурге, прекрасно понимало безнадежность военного положения, но питало надежду, задержав продвижение советских войск на запад, заключить перемирие с союзниками и вывести максимальное число солдат Восточного фронта в англо-американскую зону оккупации. 3 мая делегация во главе с адмиралом Гансом фон Фридебургом отправилась для переговоров в штаб Монтгомери, и 4 мая там был подписан документ о капитуляции всех немецких сил в Голландии, на северо-западе Германии, в Шлезвиге и Дании. Затем Фридебург прибыл в Реймс, в штаб генерала Эйзенхауэра. Здесь адмиралу было объявлено, что союзники требуют от германского Верховного командования одновременной и безоговорочной капитуляции всех войск как на Востоке, так и на Западе.

Дёниц 5 мая выступил с речью, в которой заявил: «... моей первой задачей является спасение немцев от уничтожения наступающими большевиками. Только во имя этой цели продолжаются военные действия». Приказ германского Верховного командования гласил: «Складывая оружие в Северо-

Западной Германии, Дании и Голландии, мы исходили из того, что борьба против западных держав потеряла смысл. На востоке, однако, борьба продолжается». И фельдмаршал Шёрнер тоже подписал приказ: «Война близится к концу. В соответствии с приказом назначенного фюрером главой государства и Верховным главнокомандующим Вермахта гросс-адмирала Дёница надо продолжать сражаться до тех пор, пока самое ценное — наши люди — не окажется в безопасности. После этой задачи я намерен вывести вас, мои солдаты, на родину, в составе частей и с гордо поднятыми головами».

Однако время Третьего рейха истекло. Договорится о каких-либо особых условиях сдачи исключительно на западе не удалось. Повальный переход немцев в англо-американскую зону при упорном сопротивлении на востоке и без того вбивал клин в отношения с Советским Союзом. Поэтому Эйзенхауэр занял бескомпромиссную позицию. Немецкой делегации сообщили, что, если безоговорочная капитуляция не будет подписана на всех фронтах немедленно, переговоры будут прерваны, американцы возобновят воздушную войну, а через линию английских и американских войск «не будут пропускаться даже и лица, желающие сдаться в плен в одиночном порядке».

7 мая в 02.40 генерал Йодль подписал в Реймсе акт о капитуляции германских вооруженных сил, который вступал в силу с 23 часов 9 мая по средневропейскому времени. С этого момента запрещалось не только ведение боевых действий, но всякое передвижение войск, что лишало немецкие части на Восточном фронте возможности избежать русского плена. От имени главнокомандующего союзных экспедиционных сил в Европе документ подписал генерал Беделл Смит. Начальник советской военной миссии генерал-майор И.А. Сулопаров, так и не дождавшись инструкций из Москвы, тоже поставил свою подпись, но с примечанием: «Данный протокол о военной капитуляции не исключает в дальнейшем подписания иного, более совершенного акта о капитуляции Германии, если о том заявит какое-либо союзное правительство».

Когда отзвучали поздравления и было выпито шампанское, Ивану Алексеевичу доставили телеграмму: «Никаких документов не подписывать!»

Фельдмаршал Шёрнер был извещен Кейтелем о том, что у него есть не более двух суток, чтобы отвести свои войска из Чехии на запад и сдаться американцам.

Но войскам Шёрнера не удалось уйти «с гордо поднятыми головами».

В Чехии вспыхнуло стихийное национальное восстание против немецких оккупационных властей. В Праге 5 мая повстанцы изолировали вражеский гарнизон и овладели важнейшими объектами города: почтой, телеграфом, городской электростанцией и большинством мостов через реку Влтава. На улицах были возведены баррикады. Развернулась борьба и в районах, прилегающих к Праге, в прифронтовых районах Моравии, в западных районах Чехии. В первую очередь чехи начали грабить и убивать судетских немцев и раненых в госпиталях, быть «арийцем» стало опасно для жизни. С целью удержания важнейшего узла коммуникаций, необходимого для отступления на запад, «железный Фердинанд» приказал восстание в Праге подавить. Однако, по просьбе представителей штаба восстания, город взяла под защиту бросившая Одерский фронт и «проходившая мимо», точнее в американскую зону оккупации, 1-я пехотная дивизия РОА под командованием генерал-майора С.К. Буняченко. Население встретила дивизию с восторгом, как освободителей. Русские вступили в бой с частями СС, проявляя, как пишет очевидец, «чисто восточное презрение к смерти». Для немцев это «недоразумение» оказалось большой неожиданностью. Любопытно, что при этом и немцам, и «власовцам», и чехам — всем хотелось, чтобы Прагу заняли американцы.

Утром 6 мая в полосе ударной группировки 1-го Украинского фронта была проведена разведка боем, поскольку, вследствие спешной подготовки, неизвестен был толком даже передний край обороны противника. Разведка показала, что немцы, оставив небольшие силы, отходят в южном направлении. Маршал Конев решил немедленно развить успех

передовых батальонов. Во второй половине дня после короткой артиллерийской подготовки в наступление перешли армии Пухова и Гордова, а также действующие в их полосах 25-й и 4-й гвардейский танковые корпуса и соединения танковых армий Лелюшенко и Рыбалко. Вечером вступила в сражение 5-я гвардейская армия Жадова. К исходу дня продвижение составило 23 километра, танки достигли автострады Дрезден—Лейпциг. Противник оказывал слабое сопротивление «мелкими разрозненными группами».

Сутки спустя 4-я гвардейская танковая и 13-я армии преодолели еще 45 километров и вышли к северным склонам Рудных гор. 3-я гвардейская армия овладела городом Мейсен, а войска 3-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армий завязали бои за Дрезден. Недовольный «медленным темпом» командующий фронтом приказал из состава танковых армий выделить передовые отряды и, «обходя все препятствия и узлы сопротивления противника, двигаться на максимальных скоростях к Праге».

7 мая в наступление перешли войска центра и левого крыла 1-го Украинского фронта. В тот же день двинулись на Прагу армии 2-го Украинского. 7-я гвардейская армия прорвала оборону противника на 25-километровом участке и к исходу дня продвинулась на 12 километров. Для наращивания удара в полосе Шумилова была введена 6-я гвардейская танковая армия генерала А.Г. Кравченко, а левее — 9-я гвардейская армия генерала В.В. Глаголева. Севернее Вены возобновила наступление 46-я армия генерала А.В. Петрушевского.

В Праге уже никто не сомневался, что американцы не придут. Руководство восстанием взяли в свои руки коммунисты и сброшенные на парашютах представители нового Чешского правительства, рекомендовавшие «власовцам» сдать приближающейся Красной Армии. Поздно вечером Буняченко отдал своей дивизии приказ о прекращении боевых действий и отходе на юг.

Войска 4-го Украинского фронта продолжали наступление на Оломоуц и 8 мая освободили его. Главные силы Ере-

менко — 60-я, 38-я, 1-я гвардейская, 18-я армии — развернули наступление на пражском направлении.

Войска правого крыла 1-го Украинского фронта к исходу 8 мая сломали сопротивление на рубеже Рудных гор и вступили на территорию Чехословакии. Передовые части танковых армий находились в 70—80 километрах от Праги. Войска 3-й и 5-й гвардейских армий при содействии 2-й армии Войска Польского полностью овладели Дрезденом.

В ночь на 9 мая 4-я и 3-я гвардейские танковые армии совершили 80-километровый бросок, и на рассвете их передовые части вступили в Прагу, а вслед за ними — подразделения 3-й гвардейской и 13-й армий. В этот же день с востока в столицу Чехословакии вошли передовые отряды 60-й и 38-й армий 4-го Украинского фронта, в том числе 1-я отдельная чехословацкая танковая бригада. С юга в город вступили подразделения 6-й гвардейской танковой армии и конно-механизированной группы 2-го Украинского фронта.

С выходом советских войск в район Праги пути возможного отхода основных сил группы армий «Центр» на запад и юго-запад были отрезаны. Одновременно армии Конева и Малиновского продолжали продвижение на запад, где состоялась встреча с американскими войсками.

В ходе Пражской операции было взято в плен около 860 тысяч солдат и офицеров противника. Советские потери составили 11 тысяч убитыми и 38 тысяч ранеными, 373 танка, 1006 орудий и минометов, 80 боевых самолетов. План Шёрнера увести войска группы армий «Центр» за американскую линию провалился. Сам фельдмаршал 9 мая сел в «шторьх» и улетел в Альпы, чтобы возглавить оборону «национальной крепости». Добравшись до штаба Кессельринга, он убедился, что никакой крепости никогда не существовало. Офицеры штаба дисциплинированно «сдали» его американцам.

И.В. Сталин понимал толк в символах. Капитуляция, подписанная за СССР никому не известным генералом, не могла удовлетворить Верховного. Генерал Штеменко вспоминает

совещание в кабинете Сталина, весь вид которого «выражал крайнее неудовольствие»:

«Договор, подписанный в Реймсе, — продолжал И. В. Сталин, — нельзя отменить, но его нельзя и признавать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический факт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия — в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно Верховным Командованием всех стран антигитлеровской коалиции. Пусть ее подпишет кто-то из главарей бывшего фашистского государства или целая группа нацистов, ответственных за все их злодеяния перед человечеством».

С согласия союзников было решено считать акт, подписанный в Реймсе, «предварительным протоколом капитуляции», а в Берлине провести его «официальную ратификацию». Директивой Ставки ратифицировать акт о безоговорочной капитуляции Германии был уполномочен заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г. К. Жуков. В Берлин со всеми необходимыми документами вылетел А. Я. Вышинский. Дуайт Эйзенхауэр отправил на мероприятие своего заместителя маршала авиации Теддера. Францию представлял генерал де Тасиньи. «От бывших главарей» свою подпись должен был поставить фельдмаршал Кейтель.

Центр Берлина был сильно разрушен, поэтому церемония состоялась в Карлхорсте, в столовой военно-инженерного училища, 8 мая в 23 часа по средневропейскому времени. Затем состоялся грандиозный банкет, о котором Жуков вспоминает с нескрываемым удовольствием: «Праздничный ужин закончился утром песнями и плясками. Вне конкуренции плясали советские генералы. Я тоже не удержался и, вспомнив свою юность, сплясал «русскую». Расходились и разъезжались под звуки канонады, которая производилась из всех видов оружия по случаю Победы».

Не этот ли банкет описывает придворный плясун Боря Сичкин?

«Герой Сталинграда генерал Чуйков был легендарной и незаурядной личностью. Несмотря на свою славу, в жизни

это был простой, жизнерадостный человек. Он не признавал условностей. Помню, на том банкете он расстегнул китель, из-под которого показалась тельняшка.

Начались танцы. Член Военного совета фронта генерал-лейтенант Телегин танцевал русский танец с платочком в руке и напоминал колхозного гомосексуалиста.

Жуков покориł всех присутствующих профессиональным, огненным русским танцем. Это было на высшем уровне. Жуков пригласил на танец генерала Чуйкова. Чуйков в матросской майке, огромный, с железными зубами, напоминал обаятельного медведя. Он вышел на танцплощадку и вдруг неожиданно сделал «перемёт» — переднее сальто. Очень сложное движение! Тем более на скользком паркетном полу, плюс — после двух литров выпитой водки. Это походило на смертельный трюк, но генерал сделал его безукоризненно и вызвал бурю аплодисментов.

Дальше Чуйков показал себя с лучшей стороны в присядках и под аплодисменты зала закончил танец. Позвал меня, и мы пошли за стол допивать».

Во всех странах антигитлеровской коалиции 8 мая уже официально праздновали Победу.

В Советском Союзе ее отмечали 9 мая, в день, когда к советскому народу обратился товарищ Сталин:

«Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договор и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основа-

ния верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция Вооруженных сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день Великой Победы нашего народа над германским империализмом.

Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами...

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!»

15 мая 1945 года Игорь Левитан озвучил последнюю сводку Совинформбюро: «Прием пленных немецких солдат и офицеров на всех фронтах закончен».

Литература

- Анищенко П.С., Шуринов В.Е.* Третья воздушная. М. : Воениздат, 1984.
- Аношин И.С.* На правый бой. М. : Воениздат, 1988.
- Антипенко Н.А.* На главном направлении. М. : Наука, 1967.
- Бабаджанян А.Х.* Дороги победы. М. : Молодая гвардия, 1975.
- Баграмян И.Х.* Так шли мы к Победе. М. : Воениздат, 1977.
- Бакланов Г.В.* Ветер военных лет. М. : Воениздат, 1977.
- Батлер Р.* История первой дивизии СС «Лейбштандарт» 1933—1945. М. : АСТ, 2006.
- Батов П.И.* В боях и походах. М. : Воениздат, 1962.
- Белявский В.А.* Стрелы скрестились на Шпрее. М. : Воениздат, 1972.
- Белобородов А.П.* Всегда в бою. М. : Экономика, 1984.
- Бивор Э.* Падение Берлина. 1945. М. : АСТ, 2004.
- Бирюков Н.И.* Трудная наука побеждать. М. : Воениздат, 1968.
- Боевые действия стрелковой дивизии: Сборник тактических примеров из Великой Отечественной войны. М. : Воениздат, 1958.
- Боков Ф. Е.* Весна Победы. М. : Воениздат, 1979.
- Быков В.* Долгая дорога домой. М. : АСТ, 2005.
- Василевский А.М.* Дело всей жизни. Минск : Беларусь, 1984.
- Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история. М. : Воениздат, 1970.
- Верт А.* Россия в войне 1941—1945. М. : ЭКСМО, 2003.
- Восемнадцатая в сражениях за Родину (Боевой путь 18-й армии). М. : Воениздат, 1982.
- Вторая мировая война. Взгляд из Германии. М. : Яуза, 2005.
- Галицкий И.П.* Дорогу открывали саперы. М. : Воениздат, 1983.
- Галицкий К.Н.* В боях за Восточную Пруссию. М. : Наука, 1970.
- Геббельс Й.* Дневники 1945 года. Последние записи. Смоленск: Русич, 1998.

- Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.
- Гольчиков С.А.* Цена Победы. Людские потери советских вооруженных сил в борьбе за Восточную Пруссию (По материалам областной Книги Памяти «Назовем поименно»). Калининград, 2007.
- Гофман И.* Сталинская истребительная война (1941—1945 годы). Планирование, осуществление, документы. Москва, 2006.
- Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999.
- Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. Том 2. Агрессия против СССР. Падение «Третьей империи» 1941—1945 гг. М.: Наука, 1973.
- Дорогами побед. Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат, 1969.
- 9 мая 1945 года. Воспоминания. М.: Наука, 1970.
- Доценко В.Д., Гетманец Г.М.* Флот в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М.: ЭКСМО, 2005.
- Драбкин А.* Я воевал на Т-34. М.: Яуза, 2008.
- Егоров П.Я., Кривоборский И.В., Ивлев И.К., Рогалевич А.И.* Дорогами побед: боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат, 1969.
- Еременко А.И.* Годы возмездия 1943—1945. М.: Финансы и статистика, 1985.
- Жадов А.С.* Четыре года войны. М.: Воениздат, 1978.
- Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1978.
- Завьялов А.С., Калядин Т.Е.* Восточно-Померанская наступательная операция советских войск. Февраль—март 1945 г. М.: Воениздат, 1960.
- Зайцев В.И.* Гвардейская танковая. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1989.
- Земке Э.* От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск и вермахта 1942—1945. М.: Центрполиграф, 2009.
- Зинченко Ф.М.* Герои штурма рейхстага. М.: Воениздат, 1983.
- Золотов П.В.* Записки минометчика. Боевой путь советского офицера 1942—1945. М.: Центрполиграф, 2008.
- Ивановский Е.Ф.* Атаку начинали танкисты. М.: Воениздат, 1984.
- Инженерные войска в боях за Советскую Родину. М.: Воениздат, 1970.
- История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 10. М.: Воениздат, 1979.
- Казаков К.П.* Огневой вал наступления. М.: Воениздат, 1986.

- Кальтеннэггер Р.* Фердинанд Шёрнер. Генерал-фельдмаршал последнего часа. М. : Яуза-ЭКСМО, 2007.
- Катуков М.Е.* На острие главного удара. М. : Воениздат, 1985.
- Катукова Е.С.* Памятное. М. : Благотворительный фонд памяти писателя Владимира Чивилихина, 2002.
- Кейтель В.* 12 ступенек на эшафот. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
- Кириченко П.* Первым всегда трудно. Боевой путь 1-го танкового Инстербургского Краснознаменного корпуса. М. : Яуза, 2007.
- Кноп Г.* Гибель «Густлова». Как это было в действительности. 2002.
- Копелев Л.З.* Хранить вечно. М. : ТЕРРА, 2004.
- Конев И.С.* Записки командующего фронтом 1943—1945. М. : Воениздат, 1989.
- Коровников И.Т., Лебедев П.С., Поляков Я.Г.* На трех фронтах. Боевой путь 59-й армии. М. : Воениздат, 1974.
- Крайнюков К.В.* Оружие особого рода. М. : Воениздат, 1978.
- Лавренев С.Я., Попов И.М.* Крах III рейха. М. : АСТ, 2000.
- Лелюшенко Д.Д.* Москва — Сталинград — Берлин — Прага. М. : Наука, 1987.
- Людников И.И.* Дорога длиною в жизнь. М. : Высшая школа, 1985.
- Ляш. О.* Так пал Кенигсберг. М. 1991.
- Мировая война 1939—1945 гг. М. : АСТ, 2000.
- Маништейн Э.* Утерянные победы. Смоленск : Русич, 1999.
- Меллентин Ф.В.* Танковые сражения 1939—1945 гг. Боевое применение танков во Второй мировой войне. М. : Иностранная литература, 1957.
- Москаленко К.С.* На Юго-Западном направлении. 1943—1945. Воспоминания командарма. Книга II. М. : Наука, 1973.
- Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. М. : Изографус, 2002.
- Немчинский А.Б.* Осторожно, мины! М. : Воениздат, 1973.
- Ненахов Ю.Ю.* Чудо-оружие Третьего рейха. Минск : Харвест, 1999.
- Неустроев С.А.* Путь к рейхстагу. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1986.
- Никулин Н.Н.* Воспоминания о войне. Санкт-Петербург : Эрми-таж, 2007.
- Окороков А.Д.* Слово, ведущее в бой. М. : Воениздат, 1980.
- Освобождение городов: Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941—1945. М. : Воениздат, 1985.
- Плиев И.А.* Дорогами войны. М. : Книга, 1985.

- Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М. : Политическая литература, 1971.
- Польнин Ф. П.* Боевые маршруты. М. : Воениздат, 1972.
- Польц А.* Женщина и война.
- Попель Н. К.* Вперед! — Берлин! М. : ДОССАФ, 1970.
- Последний штурм. М. : ИПЛ, 1965.
- Пыльцын А. В.* Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. Санкт-Петербург : Знание, 2003.
- Рабичев Л. Н.* Война все спишет. М. : Центрполиграф, 2009.
- Раус Э.* Танковые сражения на Восточном фронте. М. : АСТ, 2005.
- Радзиевский А. И.* Танковый удар (Танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны). М. : Воениздат, 1977.
- Рессел А.* По дорогам войны. М. : Воениздат, 1978.
- Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М. : Воениздат, 1984.
- Рослый И. П.* Последний привал — в Берлине. М. : Воениздат, 1983.
- Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование (под редакцией Г. Ф. Кривошеева). М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
- Руге Ф.* Война на море 1939—1945. М. : Воениздат, 1957.
- Рузвельт Э.* Его глазами. М. : ИИЛ, 1947.
- Руденко С. И.* Крылья Победы. М. : Патриот, 2004.
- Руссиянов И. Н.* В боях рожденная. М. : Воениздат, 1982.
- Русский архив: Великая Отечественная. Том 14 (3—1). СССР и Польша. М. : ТЕРРА, 1994.
- Русский архив: Великая Отечественная. Том 15 (4—5). Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). М. : ТЕРРА, 1995.
- Русский архив: Великая Отечественная. Том 16. (5—4). Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944—1945. М. : ТЕРРА, 1999.
- Сандалов Л. М.* После перелома. М. : Воениздат, 1983.
- Свердлов А. В.* Воплощение замысла. М. : Воениздат, 1987.
- Свобода Л.* От Бузулука до Праги. М. : Воениздат, 1963.
- Симонов К. М.* Разные дни войны. Дневник писателя. М. : Художественная литература, 1982.
- Советская военная энциклопедия: в 8 т. М. : Воениздат, 1976—1980.
- Советские военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М. : Воениздат, 1968.

- Советские танковые войска 1941— 1945. Военно-исторический очерк. М. : Воениздат, 1973.
- Советский фактор в Восточной Европе. Документы. Т. 1. 1944—1948. М. : РОССПЭН, 1999.
- Соколов Б.* Красная Армия против войск СС. М. : Яуза, 2008.
- Соколов Б.* Неизвестный Жуков: портрет без ретуши. Минск : Радиола-плюс, 2000.
- Соколов Б.* Рокоссовский. М. : Молодая гвардия, 2010.
- Телегин К.Ф.* Войны нескитанные версты. М. : Воениздат, 1988.
- Трибуц В.Ф.* Балтийцы сражаются. М. : Воениздат, 1985.
- Филь А., Кузьменко Д.* Они сражались за родину... Летопись войны. Киев : Диапринт, 2010.
- Харченко В.К.* ...специального назначения. М. : Воениздат, 1973.
- Хетагуров Г.И.* Исполнение долга. М. : Воениздат, 1977.
- Хлебников Н.М.* Под грохот сотен батарей. М. : Воениздат, 1979.
- Хрущев Н.С.* Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). М. : ИКК «Московские новости», 1999.
- Чирва Е.* Подводная война на Балтике 1939—1945. М. : Яуза-ЭКМО, 2009.
- Чуйков В.И.* Конец Третьего рейха. М. : Советская Россия, 1973.
- Шатилов В.М.* Знамя над рейхстагом. М. : Воениздат, 1966.
- Шеин Д.* Танки ведет Рыбалко. Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии. М. : Яуза, 2007.
- Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. М. : Воениздат, 1991.
- Широкорад А.Б.* Бог войны Третьего рейха. М. : АСТ, 2003.
- Шпеер А.* Воспоминания. Смоленск : Русич, 1997.
- Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М. : Воениздат, 1985.
- Шунков В.* Солдаты разрушения. Организация, подготовка, вооружение, униформа Ваффен СС. М. : АСТ, 2001.
- Эрман Д.* Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945. М. : Иностранная литература, 1958.
- Эренбург И.Г.* Война (Очерки 1941—1945). М. : КРПА «Олимп», 2004.
- Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. М. : Текст, 2005.
- Ялта-45.* Начертания нового мира. М. : Вече, 2010.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Чудо победы	5
НА БЕРЛИН! ПЕРВАЯ ПОПЫТКА	22
Висло-Одерская операция	29
Восточно-Прусская операция	113
Западно-Карпатская операция	198
ОПЕРАЦИЯ «АРГОНАВТ»	214
НА БЕРЛИН! ВТОРАЯ ПОПЫТКА	227
Нижне-Силезская операция	230
Восточно-Померанская операция	250
Верхне-Силезская и Моравско-Оставская операции	292
Восточно-Прусская (продолжение)	311
ВЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ	361
НА БЕРЛИН! ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА	419
Прорыв	448
Дошли!	489
Литература	537

Научно-популярное издание

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

Бешанов Владимир Васильевич

1945. ГОД ПОБЕДЫ

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *И. Петровский*

Художественный редактор *П. Волков*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *Г. Клочкова*

Корректор *Е. Сырцова*

ООО «Яуза-пресс»

109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.

Тел.: (495)745-58-23, факс: 411-68-86-2253

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 21.02.2011.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56.

Тираж 6000 экз. Заказ № 2503.

Отпечатано в ОАО «Тульская типография».

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-9955-0244-9

9 785995 502449 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

«Танковый погром 1941 года»

«Год 1942 – «учебный»

«Год 1943 – «переломный»

«Год 1944 – «победный»

«1945. Год победы»

Эта книга завершает 5-томную историю Великой Отечественной войны от Владимира Бешанова. Это – итог 10-летней работы по переосмыслению советского прошлого, решительная ревизия военных мифов, унаследованных от сталинского агитпропа, бескомпромиссная полемика с историческим официозом. Это – горькая правда о кровавом 1945-м, который был не только годом Победы, но и БЕДЫ – недаром многие события последних месяцев войны до сих пор обходят молчанием, архивы так и не рассекречены до конца, а самые горькие, «неудобные» и болезненные вопросы по сей день остаются без ответов:

Когда на самом деле закончилась Великая Отечественная война? Почему Берлин не был взят в феврале 1945 года и пришлось штурмовать его в апреле? Кто в действительности брал Рейхстаг и поднял Знамя Победы? Оправданы ли огромные потери советских танков, брошенных в кровавый хаос уличных боев, и правда ли, что в Берлине сгорела не одна танковая армия? Кого и как освобождали советские войска в Европе? Какова подлинная цена Победы? И кто на самом деле победил во Второй Мировой войне?

ISBN 978-5-9955-0244-9

9 785995 502449 >